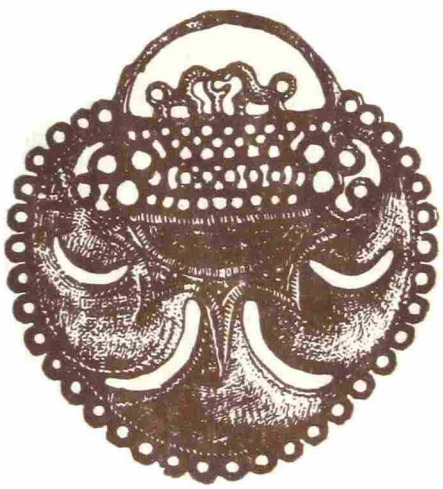
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1979

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1979

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (отв. секретарь), *В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева* (зам. главного редактора), *А. А. Формозов*

СОДЕРЖАНИЕ

Кушнарева К. Х., Лисицына Г. Н. (Ленинград, Москва). О возникновении пашенного земледелия в Закавказье (к постановке проблемы) . . . 5
Потемкина Т. М. (Москва). О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье . . . 19
Абрамова М. П. (Москва). К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени . . . 31
Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л. (Киев). О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. . . . 51
Вознесенская Г. А. (Киев). Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII—X вв. . . . 70
Красильников К. И. (Ворошиловград). Изделия из кости салтовской культуры . . . 77
Манылов Ю. П. (Нукус). О пути Ибн Фадлана из Хорезма через плато Устюрт 92
Мильчик М. И. (Ленинград). Церковь Георгия в Старой Ладоге . . . 101

Публикации

Бадер Н. О. (Москва). Телль Магзалия — ранненеолитический памятник на севере Ирака . . . 117
Смирнов А. С. (Москва). Неолитические стоянки в урочищах Бесец-Белынец 133
Васильев И. Б., Пряхин А. Д. (Куйбышев, Воронеж). Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье . . . 145
Котигорошко В. Г. (Ужгород). Курган первой половины III в. н.э. у с. Братово . . . 153
Марченко И. Д. О планировке северного района Пантикапея (к проблеме изучения агоры) . . . 164
Чариков А. А. (Калинин). О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья . . . 179
Корякова Л. Н. (Свердловск). Могильник саргатской культуры у с. Красноярка . . . 191

© Издательство «Наука», «Советская археология», 1979 г.

Богомольников В. В., Равдина Т. В. (Минск, Москва). О находках монет из Вотни (Верхний Днепр) 207
Шеляпина Н. С., Панова Т. Д., Авдусина Т. Д. (Москва). Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле 214

Заметки

Телегин Д. Я. (Киев). Новые памятники культуры линейно-ленточной керамики на Украине 229
Гайдученко Л. Л. (Павлодар). Неолитическая стоянка Телектес в Павлодарской области 235
Марковин В. И., Глебов А. И. (Москва, Армавир). Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской 239
Аппилогов А. В. (Петрозаводск). Каменное навершие со стоянки Ловозеро V на Кольском полуострове 245
Куратов А. А., Мартынов А. Я. (Архангельск). Пещерные рисунки на р. Пинеге 246
Гросу В. И. (Кишинев). Сарматский курган у с. Корпач 250
Сарианиди В. И. (Москва). Косметические флаконы из Бактрии 255
Булатов Н. М. (Москва). Иранская ваза с Селитренного городища 261
Федоров Г. Б., Рошаль М. Г. (Москва). Погребение IV в.н.э. у с. Сычавка 265
Леонтьев А. Е. (Москва). Узменские жернова X века 271
Петруцкий А. А. (Рязань). Новые материалы по истории Романово-Борисоглебского городища Рязанской области 274
Пуцко В. Г. (Калуга). Ростовские каменные львы 276

Критика и библиография

Дмитриева Т. Н. (Ленинград). C. B. M. McBurney. Early Man in the Soviet Union. London, 1976 283
Беляева В. И. (Ленинград). [Рец.]. Early Man News vol. I. Tübingen, 1976 286
Тменов В. Х. (Орджоникидзе). Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977 289

Хроника

Косарев М. Ф., Могильников В. А. (Москва). VI Уральское археологическое совещание (Нижний Тагил, 1977) 294

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 2
1979

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Kushnareva K. H., Lisitzina G. N. (Leningrad, Moscow). On the origin of the tillage agriculture in Transcaucasian region 5
Potemkina T. M. (Moscow). On the interrelation of Alekseevskoe and Zamaraevskoe sites in the Transurals forest-steppe zone 19
Abramova M. P. (Moscow). On the problem of interrelations of the North Caucasian tribes in the sarmatian epoch 31
Kravchenko N. M., Gorohovski E. L. (Kiev). Some peculiarities of the material culture development among the Middle Dnieper population in the first half of the Ist millenium A. D. 51
Voznesenskaya G. A. (Kiev). The technology of blacksmith production of Eastern Slavs in VIIIth-Xth centuries A. D. 70
Krasilnikov K. I. (Voroshilovgrad). Bone objects of the Saltovo culture 77
Manylov Yu. P. (Nukus). On Ibn Fadhlan's route from Khorezm through plato Ust-urt 92
Milchik M. I. (Leningrad). The church of St. George in Staraya Ladoga . . 101

Publications

Bader N. O. (Moscow). Tell Magzalia — an early neolithic site in the Northern Iraq 117
Smirnov A. S. (Moscow). The neolithic sites in the locality Besetz-Belynetz 133
Vasilyev I. B., Pryahin A. D. (Kujbyshev, Voronezh). The ground cemetery of the Abashevo culture near Nikiforovskoe forestry in Orenburg region 145
Kotigoroshko V. G. (Uzhgorod). A barrow of the first half of the IIId century A. D. near village Bratovo 153
Marchenko I. D. (Moscow). On the planning of the Northern district of Panticapeum (to the problem of agora investigations) 164
Charikov A. A. (Kalinin). Local peculiarities of stone sculptures from Irtysh basin 179
Koryakova L. N. (Sverdlovsk). The cemetery of the Sargatka culture near village Krasnoyarka 191
Bogomolnikov V. V., Ravdina T. V. (Minsk, Moscow). On the coin finds from Votnia (Upper Dnieper) 207
Shelyapina N. S., Panova T. D., Avdusina T. D. (Moscow). The objects of military equipment and weapons from excavations in the Moscow Kremlin . . 214

Notes

Telegin D. Ya. (Kiev). New sites with the Linear Band pottery in Ukrain . . 229
Gayduchenko L. L. (Pavlodar). The neolithic site Telektes in Pavlodar region 235
Markovin V. I., Glebov A. I. (Moscow, Armavir). A hoard of bronze objects found near village Ahmetovskaya 239
Anpilogov A. V. (Petrozavodsk). A stone knob from site Lovozero V at Kola peninsula 245

Kuratov A. A., Martynov A. Ya. (Arhangelsk). Cave petroglifs near Pinega river 246
Grosu V. I. (Kishinev). One sarmatian barrow near village Korpach . . . 250
Sarianidi V. I. (Moscow). Bactrian cosmetic bottles 255
Bulatov N. M. (Moscow). An Iranian vase from the fortified settlement Selitrennoe 261
Fiodorov G. B., Roshal M. G. (Moscow). The burial of the IVth century A. D. near the village of Sychovka 265
Leontyev A. E. (Moscow). Grinding wheels of the Xth century from Uzmen 271
Petrutzki A. A. (Ryazan). New materials on the history of Romanovo-Borisoglebsk fortified settlement in Ryazan region 274
Putzko V. G. (Kaluga). Stone sculptures, representing lions from Rostov . . 276

Reviews and bibliography

Dmitrieva T. N. (Leningrad). C. B. M. McBurney. Early Man in the Soviet Union. London, 1976 283
Belyaeva V. I. (Leningrad). [Rec.]. Early Man News vol. I. Tübingen, 1976 286
Tmenov V. H. (Orjonikidze). Muzhuhoev M. B. Medieval material culture of highlands of Ingushetia (XIII—XVIIth centuries). Groznyi, 1977 . . . 289

Chronicle

Kosarev M. F., Mogilnikov V. A. (Moscow). The VIth conference on Ural archaeology (Nizhni Tagil, 1977) 294

К. Х. КУШНАРЕВА, Г. Н. ЛИСИЦЫНА

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ПАШЕННОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ

(к постановке проблемы)

Изучение истории земледелия на различных территориях, и в первую очередь в древнейших земледельческих центрах юга СССР, предусматривает помимо всестороннего анализа археологических материалов привлечение самых разнообразных данных смежных отраслей знания. Одним из интереснейших вопросов земледельческого производства является проблема начальных этапов систематического применения пашенной обработки почвы, не имеющая до настоящего времени однозначного решения. В частности, о становлении пашенного земледелия на Кавказе сведений пока не так много, однако поток новой информации, ежегодно приносимый археологическими раскопками, заставляет именно сейчас вновь обратиться к этой интереснейшей теме.

В конце 40-х годов Б. Б. Пиотровским была высказана точка зрения относительно возможности существования примитивного плуга в Закавказье уже в предурартское время [1]. Осторожность этого высказывания обусловливалась отсутствием находок в доурартских поселениях металлических наконечников, являющихся неизменным атрибутом плуга. Находки железных наконечников на таких поселениях, как Топрах-кала (Русахинили) и Кармир-блур (Тейшебаини), четко документировали применение плуга в Ванском царстве [2].

Однако хорошо известно, что появлению собственно плуга в разных регионах предшествовал длительный период использования примитивных пахотных орудий. Начало этого способа обработки земли на Кавказе, согласно мнению ряда археологов, восходит к III тысячелетию до н. э.[3] В свое время к такой хронологической оценке примкнул и один из авторов этой статьи [4].

В настоящий момент в постановке сложной проблемы становления пашенного земледелия на Кавказе принципиальную, решающую роль играют некоторые материалы, полученные в результате раскопок раннеземледельческих поселений Закавказья, датируемых V—IV тысячелети-

---

[1] *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л., 1949, с. 71; *его же.* Основные этапы древнейшего земледелия в Армении.— ИФЖ, 1961, № 3—4, с. 71, 115.

[2] *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959, с. 140, рис. 9.

[3] *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане.— УЗИИЯЛ, т. IX, 1961; *его же.* О хозяйстве населения горного Дагестана в древности.— СА, 1965, № 3, с. 9; *Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1962; *Джавахишвили А. И., Глонти Л. И.* Урбниси I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.), с. 61, табл. XXXIII.

[4] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.

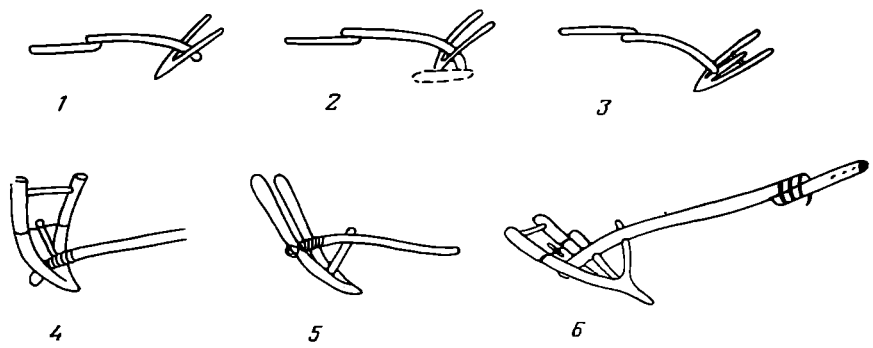


Рис. 1. Реконструкция плуга по архаическим рисункам из Урука (*1*, *2*); шумерского плуга без воронки-сеялки по изображениям на печатях второй половины III тысячелетия до н. э., по К. Нарру (*3*). Современные рала: из Ирана (*4*); Грузии (*5*) и Ирака (*6*)

ями до н. э.[5] В целом же для всего Кавказского региона этот сложный вопрос необходимо рассматривать, с нашей точки зрения, не изолированно, а в непосредственной увязке с комплексом ближневосточных данных, поскольку древнее население Армянского нагорья и Южного Кавказа, географически слитых с территорией Передней Азии, находилось в состоянии постоянного культурного обмена со своими южными соседями, довольно быстро воспринимая все важнейшие достижения их высокой цивилизации.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные по Ближнему Востоку несут информацию двух категорий. Первая из них прямо указывает на широкое распространение пашенного земледелия в конце IV—III тысячелетии до н. э. Речь идет об изображениях серии древних пахотных орудий на шумерийских и протоэламских пиктограммах, а также на месопотамских цилиндрических печатях [6].

Древнейшим археологически документированным типом пахотного орудия, появившемся в Передней Азии, является двурукояточное кривогрядильное деревянное рало. Свое происхождение это орудие ведет, скорее всего, не от мотыг, а от палок-копалок, соединенных на каком-то этапе попарно и образовавших впоследствии сочленение — ральник, т. е. рабочую часть пахотного орудия, разрывающую землю. Предпринятые на основании изображений реконструкции, сделанные, например, К. Нарром, дают некоторое общее представление о технических возможностях и функциональных качествах этих орудий, которые были еще весьма примитивными и малоэффективными в работе [7] (рис. 1).

Здесь необходимо отметить, что наиболее ранние оседло-земледельческие поселения как на Ближнем Востоке, так и у нас на Юге СССР связаны в основном с районами распространения аллювиальных, довольно легких по своему механическому составу почв. Древнейшее земледелие зафиксировано в горных и межгорных аллювиальных долинах и замкнутых котловинах (Джармо, Али-Кош), затем оно распространяется на подгорные равнины с лёссовидными почвами (памятники Джейтунской культуры, Шога-Мами и др.) и несколько позднее выходит на широкие просторы больших аллювиальных низменностей. Почвы и определяли характер и специфику орудий труда, необходимых для их обработки. На мягких, легких по механическому составу, особенно лёссовид-

[5] Подробно об этой проблеме см. *Кушнарева К. Х.* О времени становления пашенного земледелия на Южном Кавказе.— ИФЖ, № 4, 1977, с. 83.

[6] *Amiet P.* La glyptique mésopotamienne archaique. Paris, 1961, pl. 36, 561; *Красков Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975, с. 176.

[7] Там же, рис. 5: *Narr K. J.* Frühe Pflüge.— Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. XCII, 1962, p. 227—238, pl. II—III.

Рис. 2. Мотыжно-плужная обработка земли (Египет, 1900 г. до н. э. с гробницы Бени-Хазана)

ных, почвах мотыжная обработка давала достаточный эффект, и введение пахотных орудий на каком-то определенном этапе определялось главным образом общей интенсификацией земледельческого производства.

Первоначальная прямая конструкция ральника позволяла лишь бороздить землю, и только позднее с появлением некоторой кривизны рабочей части процесс вспашки был усовершенствован. И все же применение таких орудий было возможно, по-видимому, лишь для обработки мягких умеренно увлажненных почв, тогда как обработка твердых, каменистых или сильно увлажненных земель требовала предварительной вскопки ее мотыгами. О том, что мотыжная обработка земли сосуществовала с использованием упряжных пахотных орудий, мы знаем, например, по изображениям на фресках Древнего царства [8] (рис. 2) или по древнегреческим рисункам [9]. В Шумере это «содружество» запечатлено известным «Спором Мотыги с Плугом»:

«Я иду впереди тебя, Плуг, на поле,
Разрыхляю для тебя открытые поля,
Выравниваю (?) для тебя борозды рвов,
Убираю перед тобой комья и корни с поля,
Приготовляю (?) поле для твоей работы» [10].

Вторая группа свидетельств сводится к сумме косвенных данных и различных соображений, позволяющих как будто бы утверждать наличие пашенного земледелия в передовых странах Востока по крайней мере уже с V тысячелетия до н. э.[11] Эти данные и предположения, лежащие не только в сфере археологии, но также в области этнографии и лингвистики, суммируются следующим образом. 1. Первые пахотные орудия предположительно возникли при переходе к ирригационному земледелию, самый ранний возраст которого определяется пока VI тысячелетием до н. э.[12] 2. Шумерийские названия пахотных орудий относятся к числу древнейших слов, обозначающих культурные явления в языках древнего Востока, их употребление ориентировочно восходит к середине VI тысячелетия до н. э.[13] 3. Умение использовать тягловую силу животных, которая могла применяться в первую очередь в земледелии, фиксируется находками глиняных колесиков от моделей повозок на многих древнеземледельческих поселениях Передней Азии VI—IV тысячелетий до н. э. Обмолот зерна с помощью тягловой силы подтверждает также характер излома вымолоченных в древности колосьев (Чатал-

[8] Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, рис. 3, *5*.
[9] *Шмидт Р. В.* О мотыге в античном сельском хозяйстве.— ПИМК, № 9—10, 1933, с. 49.
[10] *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1965, с. 97.
[11] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 59.
[12] *Salonen A.* Agriculture Mesopotamica nach sumerische-akkadische Quellen. Helsinki, 1968, S. 27, 28.
[13] Ibid., S. 27.

Гуюк) [14]. 4. С пашенным земледелием предположительно связывается появление примерно в это же время изогнутых серпов (Хассуна, Хаджилар), сменивших жатвенные ножи с прямой основой [15]. 5. Древнейшие документы урукского архива конца IV тысячелетия до н. э. упоминают уже значительное количество пахотных орудий [16], а в документах Джемдет-Насра (начало III тысячелетия до н. э.) имеется такой термин, как «дом плугов» — особое хранилище пахотных орудий. 6. Достаточно сложное устройство древних рал, изображения которых в большом количестве появились в шумерийских и эламских пиктограммах этого времени, является косвенным показателем существования их более ранних примитивных прототипов [17].

Высокий уровень аграрного хозяйства населения Ближнего Востока в VI—IV тысячелетиях до н. э. отмечается не только суммой приведенных показателей. О нем свидетельствует и широкий ассортимент возделываемых культур. Здесь найдено несколько видов пшениц — однозернянка (Triticum monococcum L.), двузернянка, или эммер (Tr. dicoccum Schrank), мягкая (Tr. vulgare Will.-Tr. aestivum L.), карликовая (Tr. compactum Host.) и спельта (Tr. spelta L.); ячмени двурядные и многорядные, пленчатые и голозерные, бобовые — горох, чечевица, чина и др., а также лен [18]. Крупные масштабы и специфический характер целого ряда поселений не оставляют сомнений в том, что основу их процветания составляло земледелие.

Тщательное исследование всех прямых и косвенных данных показывает, что ареал первоначального распространения древнейшего из известных пахотных орудий — двурукояточного кривогрядильного рала был ограничен рамками Месопотамии, включая территорию Ассирии и Элама. Однако, как справедливо полагает Ю. А. Краснов, «сложившись в определенных физико-географических и социально-экономических условиях на определенной территории, у определенного народа или народов основные особенности конструкции (рал.— *Авт.*) сохраняются длительное время не только в данном регионе, но и на других территориях, куда это орудие попадает вместе с передвижением народа или, что случается гораздо чаще, путем заимствования» [19].

Древнейшее месопотамское рало оказалось чрезвычайно долговечным. Оно доживает фактически в том же ареале в несколько усовершенствованном виде до настоящего времени. Таким орудием и сейчас пашут крестьяне в районе Междуречья и древних Суз [20]. Вместе с тем есть основание считать, что границы его применения в древности могли быть значительно более широкими и охватывали страны, находившиеся в сфере влияния месопотамской культуры. Таковым мог быть и древнейший Кавказ, в культурно-историческом плане тесным образом связанный с Ближневосточным миром [21]. В связи с таким предположением чрезвычайный интерес приобретают некоторые зафиксированные здесь этнографические материалы. Есть, в частности, сведения о том, что еще до недавнего времени в некоторых горных районах Грузии земледельцы пользовались примитивными пахотными орудиями, близкими древнеме-

[14] *Helbaek H.* Cerals and wild grasses in phase A.— In: Braidwood R. Excavation in the Plain of Antioch. Chicago, 1960, p. 543.

[15] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 52; *его же.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. МИА, № 174, 1971, с. 39, 40.

[16] *Тюменев А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.— Л., 1936, с. 39.

[17] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 51.

[18] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977, с. 91—104.

[19] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 8.

[20] *Handricourt A. G., Delamaree M. J.* L'homme et charrul a travers le mond. Paris, 1955, tabl. 1, foto 1, fig. 30; *Feilberg C. E.* Ausmerian plough surviving in our time.— Etnos 1938, p. 85.

[21] *Краснов Ю. А.* Древние упряжные пахотные орудия, с. 38, 49, 50.

сопотамским ралам [22]. Г. С. Читая, в частности, прямо указывает, что определенный тип абхазского орудия восходит к шумерским образцам.

О том, что рассматриваемый тип древнего рала мог проникнуть на Кавказ лишь в очень раннее время, вскоре после появления его в «метрополии», свидетельствует повсеместное распространение в I тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке различных вариантов пахотных орудий иного типа (полозное и грядильное рала). Последние проникли сюда из Восточного Средиземноморья и вытеснили господствовавшие здесь древнейшие пахотные орудия [23].

В Закавказье, территориально примыкающем к районам Передней Азии, пока нет полной серии данных о применении здесь в V—IV тысячелетиях до н. э. пашенной обработки земли. Вместе с тем среди археологических фактов в последнее время появляются и такие, которые должны быть непременно использованы при попытке пересмотра вопроса о времени возникновения здесь пашенного земледелия. В этом плане первостепенную важность имеют сведения о возможности существования у закавказских земледельцев V—IV тысячелетий до н. э. искусственного орошения, которое некоторыми исследователями ставится в прямую связь с применением пашенной обработки земли.

Очевидно, что занятие земледелием, процветавшим, как мы знаем, в этот период в условиях приближающегося к современному жаркого засушливого климата Армянского нагорья и соседних областей Южного Кавказа, так же как и в Месопотамии, без искусственного орошения было практически невозможным [24]. Однако до последнего времени никаких данных, прямо свидетельствующих о наличии древнего орошения в столь раннее время для этой территории, известно не было. Лишь в последние годы в распоряжение исследователей поступили отдельные археологические факты, проливающие некоторый свет на время зарождения и характер первых оросительных устройств в Закавказье. Речь идет о шулаверской группе поселений, расположенной в одном из оазисов Квемо-Картлийской равнины непосредственно у слияния рек Храми и Шулаверис-геле [25]. Первые шаги в земледельческом освоении оазиса здесь наиболее ярко документируют материалы древнейшего из четырех поселений — Шулаверис-гора, своими нижними слоями уходящего в VI тысячелетие до н. э. Дело в том что в числе различных хозяйственных конструкций, расположенных около жилых построек, неоднократно прослеживались маленькие цилиндрические или конусообразные глиняные помещения, квалифицированные археологами как специальные резервуары для хранения воды. Скопление таких емкостей находилось и в северо-восточной части раскопанной площади холма, где, как предполагают, жилых помещений как будто бы не было [26]. Указанное обстоятельство, а также удаленность поселения на 700—800 *м* от р. Шулаверис-геле при отсутствии следов сухих русел ближе к поселению, на наш взгляд, говорит о том, что в этот древнейший период существования оазиса, связанный с его заселением земледельцами, искусственная регулировка воды еще отсутствовала. В противном случае вода из реки была бы переброшена на поселение, и тем самым отпала бы необходимость ее хранения в специальных резервуарах [27].

---

[22] *Читая Г. С.* Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии.— В кн.: Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952, рис. 1—2; *Джалабадзе Г.* К истории земледельческих орудий восточной Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.), с. 27, рис. 2.

[23] *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 50.

[24] *Мартиросян А. А., Торосян Р. М.* К вопросу об интерпретации энеолитических культур Армении.— ВОН АН АрмССР, 3. Ереван, 1967 (на арм. яз.).

[25] *Джавахишвили И. А.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тысячелетий до н. э. Тбилиси, 1973, с. 10.

[26] Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.), с. 15.

[27] *Киквидзе Я. А.* Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.), с. 235—237.

По-видимому, первые шаги искусственного орошения можно отнести ко времени заселения Имирис-гора, отпочковавшегося от поселения Шулавери в связи с возросшей численностью населения. Это предположение находится в прямой связи с исчезновением на Имирис-гора и в последующих по времени поселениях шулаверских глиняных резервуаров. Кроме того, при раскопках Имирис-гора в траншее, непосредственно у подошвы искусственного холма, была вскрыта хорошо выраженная в профиле линза «рва» (?), заполненного пестрыми по механическому составу аллювиальными осадками. Характер заполнения линзы четко свидетельствует о том, что процесс отложения аллювия происходил в условиях проточных вод. Вместе с тем остается совершенно неясным, какова была в плане конфигурация этого сооружения. Был ли то ров, опоясывающий поселение, или специальный канал, связывавший поселение с рекой? Составлял ли он часть древней оросительной системы или же был предназначен только для обеспечения населения питьевой водой? Однако несомненно искусственный характер сооружения уже позволяет ставить вопрос о регулировании водоснабжения, а следовательно, и возможности использования орошения.

В V тысячелетии до н. э. в соседнем с Шулаверским небольшом оазисе возникает поселение Арухло 1, следы искусственной регулировки воды около которого прослеживаются более отчетливо. Серии веерообразно расположенных траншей, связавших культурные слои памятника с окружающей равниной, выявили у подножия холма две линзы «рва» (?), условно названных автором раскопок Т. Н. Чубинишвили «сухим» и «мокрым» [28]. Такое обозначение было обусловлено характером их заполнения. Так же как и в случае у Имирис-гора, восстановить в плане конфигурацию обнаруженного сооружения не удалось, но профиль линзы, вскрытой у северного подножия холма, не оставляет сомнений в ее искусственном происхождении. Об этом свидетельствует следующее: корытообразная форма линзы с четко прослеживающимися боковыми выбросами и следами очистки; размеры ее — ширина 1,6 *м* при глубине 1 *м*, в основном соответствующие стандартам древних оросительных каналов, известных по исследованиям в других аридных районах [29]; заполнение линзы аллювиальными и переотложенными в проточной воде делювиальными отложениями, пестрыми по цвету и механическому составу. Вскрытый траншеей профиль русла несомненно принадлежит оросительному каналу, который функционировал, однако, сравнительно непродолжительное время. О такой кратковременности свидетельствует, в частности, отсутствие следов какой-либо переделки и перестройки канала и нарушения его первоначальной формы, что весьма характерно для оросителей в районах с древней культурой ирригационного земледелия.

У восточного подножия того же памятника был вскрыт профиль другой искусственной линзы, несколько более значительной по размерам, в которой аллювиальные осадки полностью отсутствовали. Заполнена она лишь отложениями делювиального смыва, насыщенными различными антропогенными включениями. По-видимому, этот «ров» или канал никогда не заполнялся водой. Для Арухлинского оазиса, представленного четырьмя поселениями, можно на основании указанных фактов предполагать уже в V тысячелетии до н. э. существование оросительной сети, но действовавшей, скорее всего, не регулярно, а лишь в тех случаях, когда для выращивания урожая требовался дополнительный полив.

Любопытно, что М. К. Гегешидзе, занимавшийся орошаемым земледелием в Грузии, основываясь на этнографических данных, прямо указы-

[28] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Ук. соч., с. 22; *Чубинишвили Т. Н.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971, с. 31.

[29] *Лисицына Г. Н.* Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965, с. 114—126.

вает на глубокую древность применения искусственного полива. Он пишет: «...мы вправе полагать, что история орошаемого земледелия уходит в глубь веков и она связана с началом земледелия на территории Грузии. Истоки орошаемого земледелия следует искать в горных и предгорных ущельях и плато Грузии» [30].

В аспекте разбираемых вопросов важен и состав растений, возделывавшихся в Закавказье в V—IV тысячелетиях до н. э. Специальные палеоэтноботанические исследования, включающие изучение не только карбонизированных зерен и семян, находимых при археологических раскопках, но и материалов отмывки сырцовых кирпичей из отдельных строительных горизонтов Имирис-гора, Арухло 1 и 2 дали исключительно интересные результаты. Здесь обнаружены остатки следующих культурных растений: пшениц — мягкой — Tr. aestivum L., карликовой — Tr. compactum Host, однозернянки — Tr. monococcum L., двузернянки — Tr. dicoccum Schrank и спельты — Tr. spelta L., ячменей — двурядных и многорядных, пленчатых и голозерных; проса — Panicum miliaceum L., овса — Avena sativa L., гороха — Pisum sativum L., чечевицы — Lens esculenta L. и большой группы сорных и дикорастущих растений [31]. Такой многообразный состав возделывавшихся в столь раннее время культур не только отражает потенциальные возможности Закавказья как замечательного ботанического центра происхождения важнейших видов культурных растений [32], но также свидетельствует о длительности предыстории культивации и благоприятных природных условиях. Не следует забывать и того обстоятельства, что некоторые палеоэтноботаники, в первую очередь Г. Хельбек [33], считает, что возделывание, например, шестирядных ячменей возможно только при искусственном поливе. Хотя это мнение сейчас с достаточным основанием оспаривается Ф. Х. Бахтеевым и другими исследователями [34], тем не менее мы не можем не учитывать его в своих рассуждениях. В данном случае также интересно привести указание М. К. Гегешидзе, основанное на этнографических данных о характере полива отдельных культур в Грузии: «Сады в большинстве селений поливались в год один раз — весной, виноградники — два-три раза — весной, ранним летом и иногда перед периодом созревания винограда. Поля, засеянные пшеницей или ячменем, поливались по два раза в год, после посева и перед наливом зерна...» [35].

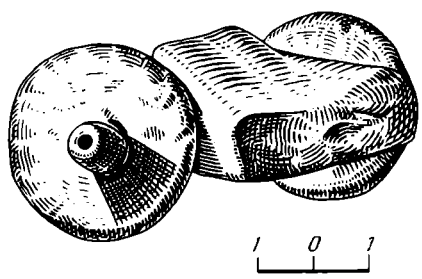


Рис. 3. Глиняная модель повозки из Арича (III тысячелетие до н. э.)

Итак, сколь бы малочисленны не были факты о древнем орошении в Закавказье, они тем не менее позволяют предположительно говорить о возможности применения уже в V тысячелетии до н. э. искусственного полива, а следовательно, и примитивной пашенной обработки земли. Еще одним косвенным показателем применения уже в этот период пашенной обработки может служить использование в кавказской среде тягловой силы животных. Последнее документируется единичными наход-

---

[30] *Гегешидзе М. К.* Орошаемое земледелие в Грузии (опыт историко-этнографического изучения). Тбилиси, 1961 (на груз. яз., резюме на русск. яз.), с. 235.

[31] *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Ук. соч., с. 61, 62, 64.

[32] *Вавилов Н. И.* Ботанико-географические основы селекции. Избранные труды, т. II. М.— Л., 1960, с. 343—348.

[33] *Helbaek H.* Ecological effect of irrigation in Ancient Mesopotamia.— Iraq, XXII. London, 1960.

[34] *Bakhteyev F. Kh.* Present Problems of the origin of barley.— Folia Qvaternaria, 46. Krakow, 1976.

[35] *Гегешидзе М. К.* Орошаемое земледелие в Грузии..., с. 237.

ками маленьких глиняных колесиков от миниатюрных моделей повозок (Кюль-тепе I, Арухло 1 — V—IV тысячелетия до н. э.). Реконструировать древние повозки дают возможность глиняные модели из поселения Арич в северо-западной Армении, относящиеся, правда, уже к III тысячелетию до н. э.[36] (рис. 3). Они оказались здесь вместе с глиняными фигурками бычков, что в свою очередь позволяет интерпретировать такие же находки из более ранних поселений — Техута[37] и Абелия[38] как изображения упряжных животных, игравших, очевидно, уже в этот период определенную роль в земледельческом хозяйстве местного населения.

Наконец, как полагают исследователи, в прямой зависимости от способа обработки земли находились и орудия уборки урожая. Весьма показательно в этом плане явное преобладание вкладышей серпов над другими видами орудий на ряде ключевых раннеземледельческих поселений Закавказья. И здесь особенно важно, что большая часть статистических данных получена методом трассологического анализа, дающим наиболее объективные оценки. Так, было установлено, что на поселении Аликимек-тепеси вкладыши серпов составляли 32% от всех каменных орудий[39], на Шулаверис-гора — 25%[40], на Шому-тепе — 24%[41]. Изученные же типологически вкладыши серпов на стоянке Чхортоли составили 40%[42], а на Гаргалар-тепеси, Тойре-тепе и Баба-дервиш — соответственно 13,4; 12,4 и 14,2%. По-видимому, на трех последних поселениях вкладышами служили и так называемые пластины из обсидиана, четкое функциональное назначение которых пока не контролировалось под микроскопом[43].

Следует также указать на наметившуюся уже в этот период кривизну серпов, отличающихся от архаичных жатвенных ножей с прямой основой. Наиболее полно серия серпов нового типа представлена азербайджанскими находками[44]. Правда, они далеки еще от классических изогнутых серпов Джармо[45], Хассуны[46] и Хаджилара[47], приводимых исследователями как доказательство возможного существования пашенного земледелия на Ближнем Востоке. Однако, как было установлено экспериментально, по своей продуктивности закавказские серпы шому-тепинского типа лишь в полтора раза уступают современным металлическим серпам[48].

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что уже сегодня в распоряжении исследователей имеется ряд косвенных данных (наличие искусственного орошения, применение тягловой силы, значительное коли-

---

[36] *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1976, рис. 35.

[37] *Торосян Р. М.* Раннеземледельческое поселение Техута. Ереван, 1976 (на арм. яз.), рис. 101.

[38] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Ук. соч., рис. 7 и 9.

[39] *Аразова Р. Б.* Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана. Автореф. канд. дис. Баку, 1974, с. 27.

[40] *Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В.* К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверис-гора— КСИА АН СССР, № 132, 1972, с. 53.

[41] *Аразова Р. Б.* Вкладыши серпов из поселения Шому-тепе.— ДАН АзербССР, 1974, № 5; *ее же.* Каменные орудия..., с. 27.

[42] *Каландадзе А. Н.* Неолитическое селище Чхортоли.— Полевые археологические исследования в 1972 г. Тбилиси, 1973, с. 14.

[43] *Аразова Р. Б.* Каменные орудия...

[44] *Нариманов И. Г.* О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане.— СА, 1971, № 3, рис. 6.

[45] *Braidwood R. J.* The Near East and Foundations of Civilization. Oregon, 1952, fig. 13.

[46] *Loyd S., Safar F.* Tell Hassuna.— JNES, v. IV, 1945, N 4, fig. 37.

[47] *Mellaart J.* Excavations at Hacilar, 1960, Fourth Preliminary Report.— AS, v. XI, 1961, pl. IVa.

[48] *Коробкова Г. Ф.* Переход к земледелию и скотоводству и прогресс орудий труда.— Тезисы конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». Л., 1974.

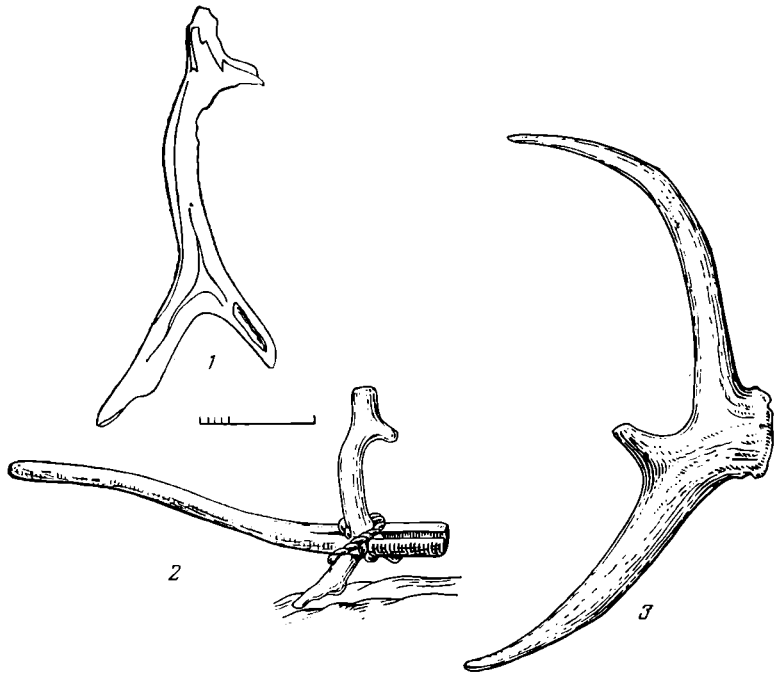


Рис. 4. Примитивная соха из Арухло 1 (V тысячелетие до н. э.) — *1*, *3*, соха из Квацхилеби (III тысячелетие до н. э.) — *3*

чество жатвенных орудий прогрессивных форм), позволяющий, так же как и для Ближнего Востока, предположительно говорить о зарождении в кавказской среде пашенного земледелия по крайней мере в V—IV тысячелетиях до н. э. На этом фоне особый смысл приобретает интереснейшая находка, сделанная недавно в Грузии, на поселении Арухло 1, в слое, датируемом не позднее V тысячелетия до н. э.[49] Это кусок рога благородного оленя длиной 67 *см* с обрубленными ветвями и обломанным концом, концевая (обломанная) часть которого оказалась сработанной, а поверхность ее на участке 10—15 *см* залощенной (рис. 4, *1*). Эти особенности орудия навели исследователей на мысль о возможном применении его в качестве примитивного рала — «сохи». Две реконструкции, предложенные этнографом Г. В. Джалабадзе, основаны на том, что орудие имеет рабочую часть и рукоятку; в первом случае рог — «соха» (рало) должна была соединяться с помощью деревянного дышла с животным, во втором — с идущим впереди человеком (рис. 4, *2*).

Забегая несколько вперед, напомним еще об одной древней роговой «сохе», обнаруженной на поселении Квацхелеби (рис. 4, *3*), эта находка документирует применение на Кавказе подобных орудий и в III тысячелетии до н. э.[50] Трактовка ее как ритуальной отнюдь не снимает вопроса об использовании подобных орудий для обработки земли. Наоборот, ритуал, как известно, лишь закрепляет различные явления материальной жизни. Весьма интересно и важно в смысле живучести традиций, что древнейшее арухлинское рало по форме и размерам очень напоминает пахотные орудия Южной Грузии, доживающие кое-где вплоть до современности [51].

---

[49] *Чубинишвили Т. Н.* Новые данные к истории раннеземледельческой культуры Квемо-Картли.— ДПК, № 33, 1973 (на груз. яз.), с. 17.

[50] *Джавахишвили А. И., Глонти Л. И.* Урбниси I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг..., табл. XXXIII, II, с. 61.

[51] *Чубинишвили Т. Н.* Ук. соч., с. 98.

Редкость находок роговых пахотных орудий, с одной стороны, и некоторые этнографические данные — с другой, позволяют предполагать, что наряду с роговым ралом на Кавказе, так же как и на Ближнем Востоке, широко использовались деревянные орудия, сохранявшиеся в редчайших случаях лишь в районах с особыми почвенными условиями [52]. Повсеместное использование на Кавказе различных типов мотыг, являющихся непременным элементом каждого археологического комплекса V—IV тысячелетий до н. э.. отнюдь не снимает вопроса о существовании в этот период первых пахотных орудий.

При изучении кавказского археологического материала III тысячелетия до н. э. обращает внимание значительное нарастание ряда косвенных факторов, указывающих на дальнейшее развитие пашенного земледелия. Среди них — резкое сокращение по сравнению с комплексами предшествующего периода количества мотыг, что может быть поставлено в прямую связь с усовершенствованием устройства пахотных орудий. В Месопотамии, в частности, судя по изображениям на поздних цилиндрических печатях, таким усовершествованием явилось появление некоторой кривизны рабочей части, что значительно облегчало ее вхождение в обрабатываемую почву.

Кавказские мотыги III тысячелетия до н. э. имеют сравнительно небольшие размеры: они, очевидно, служили не только для предварительной обработки тяжелых почв, но и для рыхления комьев земли после вспашки, как это практиковалось и в других странах древнего мира. В горных районах Кавказа такой способ рыхления встречался еще совсем недавно [53].

К факторам того же порядка следует отнести повсеместное появление на поселениях куро-аракской культуры колесиков от миниатюрных моделей повозок. Как мы уже упоминали, маленькие глиняные повозки, служившие в качестве ритуальной утвари святилищ, были недавно открыты в Ариче [54]. Они представлены тремя различными типами, что является несомненно показателем достаточно развитой колесно-транспортной службы, обеспечивавшей в III тысячелетии до н. э. перевозки людей, сельскохозяйственных продуктов и строительных материалов на значительные расстояния. В Закавказье имеется также серия деревянных повозок, сохранившихся благодаря специфическим условиям в курганных погребениях Бедени, Триалети и Севана. Однако самая ранняя из них (Бедени) датируется лишь рубежом III—II тысячелетий до н. э.[55]

Наблюдается также продолжающаяся эволюция жатвенных орудий. Составные серпы, первоначально лишь слегка закругленные, на протяжении III тысячелетия до н. э. постепенно приобретают изогнутую форму. Значительно совершенствуется форма и характер обработки самих вкладышей; их лезвия теперь оформлены тонкой и мелкой ретушью. Следы сработанности особенно заметны на серединных вкладышах, на которые падала основная нагрузка во время жатвы. Сами вкладыши встречаются на поселениях в изобилии. На одном только относительно слабо раскопанном Мингечаурском поселении зафиксировано 370 экземпляров [56]. Из вкладышей Хизанаант-гора можно было бы изготовить десятки серпов [57]. На Кавцхелеби вкладыши составляли 30% от всех

[52] *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 212; *Приходнюк О. М.* Некоторые аспекты изучения раннеславянской экономики. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, с. 104.

[53] *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Горные пахотные орудия Дагестана.— СЭ, 1952, № 4, с. 98.

[54] *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака, рис. 35.

[55] *Гобеджишвили Г. Ф.* Новые археологические открытия в Тетрицкаройском районе.— НСАИ за 1966 г. Аннотация докладов. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.), с. 25.

[56] *Асланов Г., Ваидов Р., Ионе Г.* Древний Мингечаур. Баку, 1959, табл. III—VI.

[57] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа, рис. 28, *3*; 35, *26*; 36, *20*.

каменных орудий [58]. Более того, и это очень важно, в этот период начинают входить в употребление металлические серпы (Гарни, Амираниса-гора, Кюль-тепе, Караз, Хизанаант-гора) [59], которые, как предполагают, непременно сопутствуют пашенному способу обработки земли [60]. Находка в Аричском поселении глиняной формы для отливки серповидного орудия [61] указывает на их местное производство. Форма металлических серпов со временем видоизменяется в том же направлении [62]. Продуктивность их стоит в непосредственной зависимости от таких показателей, как соотношение высоты дуги лезвия и ее основания, положения дуги и крутизны изгиба лезвия [63]. Особенно важен последний признак: высокой производительностью отличаются бронзовые серпы, крутизна изгиба лезвия которых доходит до 40—50°.

В связи с исследуемой проблемой нельзя не отметить, резкого увеличения площади ряда закавказских поселений III тысячелетия до н. э., особенно тех, которые располагались в земледельческих районах. В них должно было сконцентрироваться большое количество населения, обеспечение которого зерном было под силу лишь технически достаточно высоко организованному аграрному хозяйству. Например, поселение Арич, находившееся в области древнего Ширака, служившего житницей Армении на протяжении всей ее истории, занимало площадь в 12 *га*. Это был крупный центр сельскохозяйственной округи, по площади примерно равный анатолийскому Чатал-Гуюку. В последнем, по подсчетам Дж. Мелларта [64], находилось не менее 900—1000 домов, а если считать, что в каждом стандартном доме проживала малая семья, численность которой судя по этнографическим материалам, проконтролированным данными шумерских источников [65], состояла из 5—6 человек, то общее количество жителей Чатал-Гуюка достигало 4,5—6 тыс. Если допустить, что в Ариче площадь, занятая жилыми домами, была меньшей, то и в этом случае его население вряд ли составляло менее 2—3 тыс. Для прокорма такого количества людей было необходимо обработать и засеять минимум 1300—1700 *га* земли. Логично думать, что подобная работа могла осуществляться только с помощью уже более эффективных, нежели в предшествующий период, пахотных орудий.

Яркий материал по поднятой проблеме дают некоторые памятники культового значения. Это в первую очередь небольшие глиняные «доски» рельефами из Верхнегубинского поселения (рис. 5), а также недавно открытая модель алтаря из поселения Арич. Оба памятника датируются примерно второй половиной III тысячелетия до н. э.

Описываемые гунибские предметы, находимые в жилых помещениях, были топографически привязаны к глинобитным печам-корам и предназначались как для декоративного украшения стен, так и для нанесения узора на выпекаемый в печах хлеб [66]. Они покрыты рельефами, различные комбинации которых сводятся к парным роговидным налепам в сочетании с рядами параллельных линий. Как прекрасно показала В. М. Котович, здесь изображены парные быки-букрании и пашня. В це-

---

[58] *Глонти Л. И.* Поселения куро-аракской культуры. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1970, с. 18.

[59] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Ук. соч., рис. 42, *27*.

[60] *Крупнов Е. И.* Археологические памятники Ассинского ущелья.— Тр. ГИМ, XII, 1941, с. 193.

[61] *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака, рис. 14.

[62] *Хачатрян Т. С.* Орудия эпохи поздней бронзы и ранней меди. ТГИМА, т. V, 1959.

[63] *Левашова В. П.* Сельское хозяйство. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Тр. ГИМ, вып. 32, 1956, с. 60.

[64] *Mellaart J.* Catal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967.

[65] *Дьяконов И. М.* О площади и составе населения шумерского «города-государства».— ВДИ, 1950, № 2, табл. 1.

[66] *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1966, рис. 57, с. 164.

лом вся композиция в сильно стилизованной манере передает сцену пахоты с помощью парной запряжки быков, а точнее — обрядовую сцену проведения первой борозды. С этими рельефами семантически сливается миниатюрный глиняный алтарь из святилища в Ариче [67]. Алтарь имеет два отростка, бесспорно имитирующие рога быка. Фасадная часть покрыта процарапанными линиями и точками, которые трактуются исследователем этого поселения как обработанное сохой и засеянное поле.

Рис. 5. Ритуальная глиняная «доска» с изображением сцены пахоты из Верхнегунибского поселения — конец III тысячелетия до н. э. (по В. М. Котович)

Рис. 6. Изображение аграрного цикла на бронзовом поясе из Самтавро (по Н. Е. Урушадзе)

Рис. 5

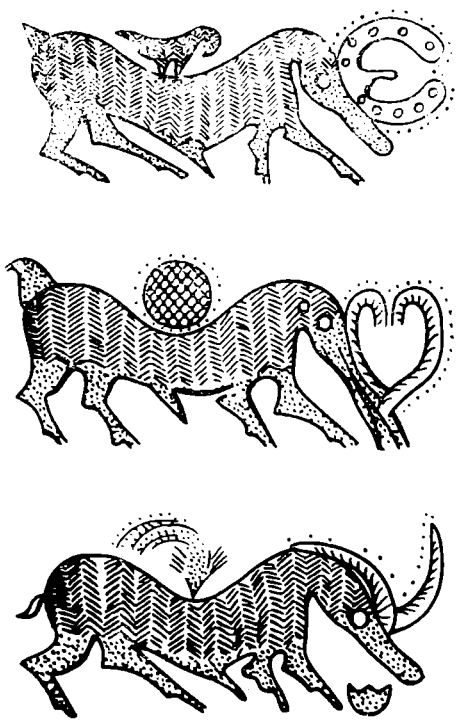


Рис. 6

Сюжетную близость аричскому и верхнегунибским изображениям можно видеть в композиции на знаменитом самтаврском поясе, относящемся, правда, уже к концу II тысячелетия до н. э. Идейная сущность этой композиции была «прочтена» Н. Е. Урушадзе [68]. Ее концепция сводится к тому, что каждая из трех повторяющихся фигур быков, несущих на себе символические атрибуты земледельческих орудий, условно передает один из главных этапов земледелия — вспашку, сеяние, боронование и сбор урожая (рис. 6). Таким образом, на самтаврском поясе, с точки зрения автора, условно переданы образы «быка-пахаря», «быка-сеятеля», являющегося одновременно и «боронящим быком» и «быком — собирателем урожая». В расшифровке этого сложного и крайне условного сюжета весьма существенную помощь оказывает пережиточный этнографический материал, имеющий, как теперь выясняется, глубокие исторические традиции. Весьма любопытно, что названные ипостаси быков, например, находят отражение в формах ритуальных хлебцев, выпекавшихся вплоть до недавнего времени к сванскому аграрному празднику

[67] *Хачатрян Т. С.* Орудия эпохи поздней бронзы..., рис. 38.

[68] *Урушадзе Н. Е.* Опыт художественного образного анализа бронзового пояса из Самтавра.— СА, 1979, № 1, с. 67.

Лилашуне («лаши» в переводе означает «семя»); они изображают быков, пашущих волов, боронящих волов, рога, лемех, ярмо, борону [69].

Культ пашни — один из древнейших аграрных культов многих земледельческих народов — был повсюду окутан различными таинствами и обрядами. С глубокой древности в странах, где пашенное земледелие являлось основой хозяйства, ежегодно начало работ сопровождалось праздником «выхода плуга» или «первой борозды». Особое значение этого события подчеркивалось тем, что открытие земледельческого календаря — удар мотыгой, проведение первых борозд в поле — осуществлялось правителем той или иной страны или высоким должностным лицом. В Египте это был фараон. В Шумере — царь [70].

Можно предполагать, судя по сценам пахоты на ритуальных «досках» из Гуниба и на алтаре из Арича, что какие-то близкие по своей идейной сущности церемонии, связанные с обрядовой вспашкой поля, совершались в среде кавказских племен уже в III тысячелетии до н. э.

Древность пашенного земледелия на Кавказе как будто бы подтверждается и данными лингвистики. Известно, например, что ряду дагестанских языков присущи термины, восходящие к единому праязыку, который существовал, как утверждают языковеды, не ближе III тысячелетия до н. э. [71] Для установления глубинных истоков местного пашенного земледелия чрезвычайно важны следующие данные: в числе других слов, указывающих на древнейшие корни местного значения, имеются названия легкого горского пахотного орудия [72], ярма, пашни, упряжного быка [73].

Все эти, вместе взятые, археологические, палеоэкономические, этнографические и лингвистические показатели дают возможность с еще большей достоверностью говорить о достаточно развитой практике пашенного земледелия на Кавказе, во всяком случае для второй половины III тысячелетия до н. э. Естественно полагать, что этому этапу мог предшествовать длительный период внедрения древнейших пахотных орудий в земледельческое хозяйство, истоки которого, судя по ряду приведенных данных, могли восходить к IV, а может быть, и к концу V тысячелетия до н. э.

Значение этого величайшего технического новшества, открывшего древним племенам широкие перспективы для экономического прогресса, трудно переоценить. Внедрившись в аграрное хозяйство кавказских земледельцев примерно около 6 тыс. лет тому назад, оно оставило глубокий след в материальной культуре, языках, легендах, сказаниях и обрядах многих народов.

K. H. Kushnareva, G. N. Lisitsina

ON THE ORIGIN OF THE TILLAGE AGRICULTURE IN TRANSCAUCASIAN REGION

Summary

Abundance of archaeological information, coming every year from Caucasus, stimulate new investigations, about the date of beginning of plough agriculture in this region. This problem has many aspects and can't be solved only on the basis of archaeo-

[69] *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 192, табл. XXV—XXVI.

[70] Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 32; *Чурсин Г. Ф.* Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, с. 50—64.

[71] *Котович В. Г.* О хозяйстве населения..., с. 10; *Бокарев Е. А.* Введение в сравнительное историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, с. 17.

[72] *Генко А. Н.* О названиях «плуга» в северо-кавказских языках.— ДАН СССР, Л., 1930, № 7, с. 132; *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Горное пахотное орудие..., с. 94.

[73] *Хайдаков С. М.* Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, с. 11—24

logical data. Complex approach with use of palaeobotanic, linguistic, ethnographic, folkloristic and other materials helps to decide the problem. Artificial watering of soil, improvement of reaping tools, use of draught cattle and definite set of cultivated cultural plants are considered to be an indicator of existence of plough agriculture in the Near East. All this can be clearly observed in the Caucasus. Plough agriculture can be traced here already in the IIId millenium B. C. But there are some facts permit us to trace ist initial stages, as in the Near East, to the IVth and maybe the Vth millenia B. C. Conclusions, based on archaeological data, are indirectly confirmed by palaeobotanic, linguistic and ethnographic materials (great variety of cultural plants from Vth millenium B. C. preservation of archaic forms of ards and specific rites in mountaneous districts of Caucasus: use of some agricultural terms in Georgian and Daghestan languages).

Т. М. ПОТЕМКИНА

О СООТНОШЕНИИ АЛЕКСЕЕВСКИХ И ЗАМАРАЕВСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ

На территории Среднего Притоболья благодаря широким исследованиям стратифицированных поселений получено значительное количество керамики эпохи поздней бронзы [1]. Здесь достаточно четко выделяются две разновидности сосудов. Первая — горшки, более грубо изготовленные и бедно орнаментированные. По форме это сосуды с короткой шейкой, плавно переходящей в раздутые бока, в большинстве случаев (78—81,2%) с широким устьем, диаметр которого в 1,5—2 раза превышает диаметр дна (рис. 1). Значительно реже встречаются узкогорлые горшки, диаметр венчика которых равен диаметру дна (9,4—13,7%). Своеобразна форма венчика — с утолщением типа «воротничка» по верхней части шейки сосудов (27—30%). В качестве примесей к глиняному тесту использовались крупнотолченый шамот (69—85%), дресва (8,7—17,6%), песок (4,3—9,1%). Поверхность сосудов неровная, бугристая, у 35—40% заглажена щепой или травой. Орнамент из рядов насечек (34—42%), елочки (13,1—17,2%), ромбической сетки (7,6—21,7%), прерывающихся зигзагов (6,1—9,8%) располагается узкой полоской только по верхней части шейки или плечикам, в редких случаях — по срезу венчика. Техника нанесения орнамента почти исключительно резная. Часть сосудов (9—10%) украшена валиками, как налепными, так и формованными; 40—50% сосудов совсем не орнаментированы. Прямые аналогии этой керамике имеются на хорошо известном Алексеевском поселении под г. Кустанаем (рис. 2) и других поселениях Верхнего Притоболья [2], а также в комплексах ильинского типа Северного Казахстана [3]. В дальнейшем изложении подобную посуду (рис. 1, 2) мы будем называть алексеевской.

Вторая разновидность сосудов состоит из горшков, по форме мало отличающихся от первой, но более богато орнаментированных, с хорошо заглаженной поверхностью (86,4—96,6%). В качестве примеси к глиняному тесту наряду с шамотом здесь использовался тальк (12—13,2%). Для данной посуды характерны те же основные элементы узора, что и

---

[1] *Потемкина Т. М.* Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1976.

[2] *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, вып. XVII, 1947, с. 92, рис. 22; с. 134, рис. 56, *7, 10, 12—15*; 59, *13—19*; *ее же.* Садчиковское поселение.— МИА, № 21, 1951; рис. 10; 12, *4—7, 11*; *Евдокимов В. В.* Новые поселения эпохи поздней бронзы Верхнего Притоболья.— ВАУ, № 13, 1975, с. 113, рис. 3.

[3] *Зданович Г. Б.* Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане.— В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 150, рис. 2; *его же.* Стратиграфия поселения Новоникольское I.— В сб.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 122, рис. 5.

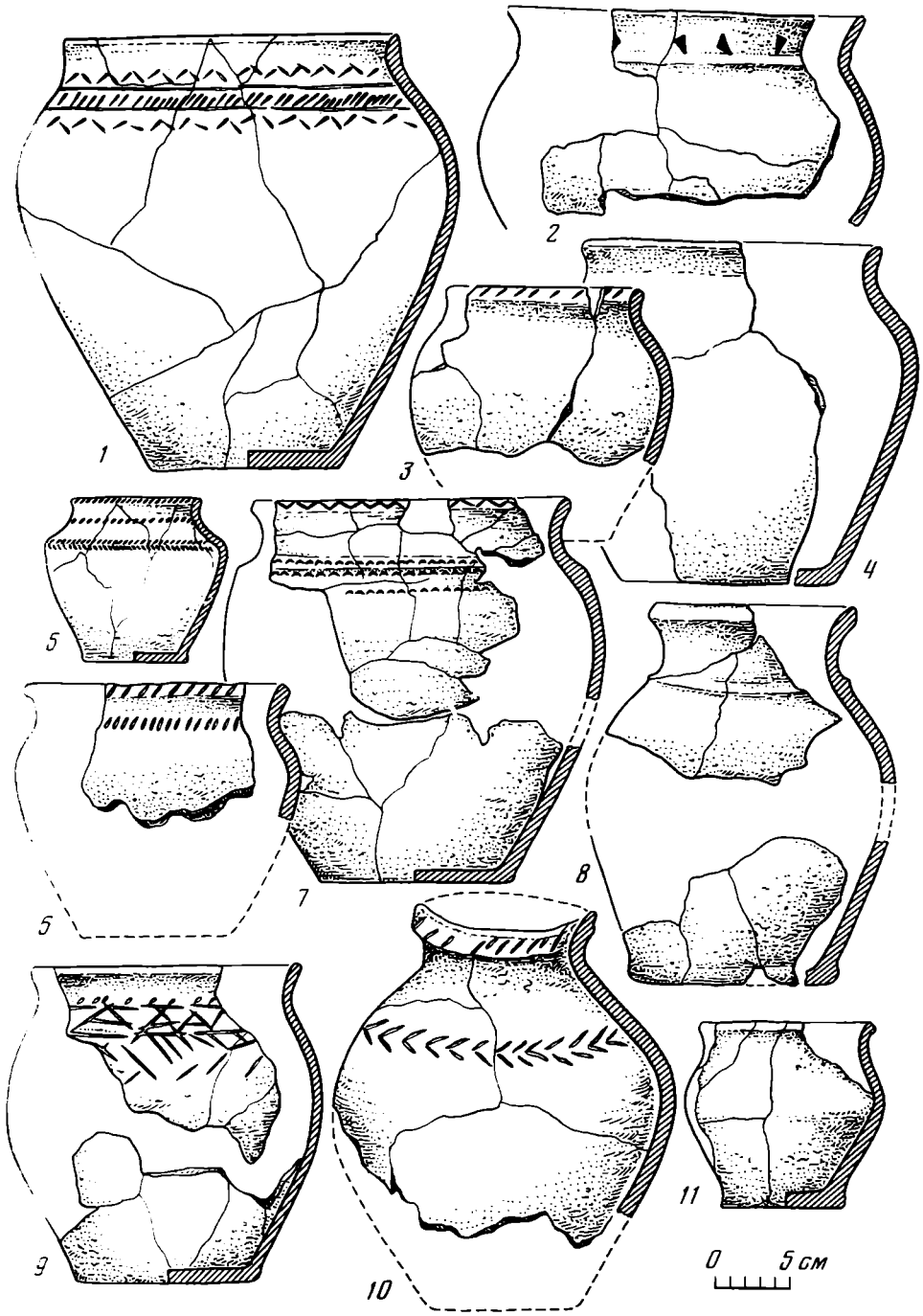


Рис. 1. Алексеевская керамика с поселений Язево I (*1*, *5—11*) и Камышное II (*2—4*)

для керамики первой разновидности (ряды насечек 26,1—29,3%, елочки — 16,8—20,3%, прерывающихся зигзагов — 18,1—29,9%, ромбической сетки — 2,2—2,7%), но они образуют иные композиции и покрывают сплошным поясом верхнюю треть сосудов (рис. 3). Ряд элементов орнамента присущ только керамике второй разновидности: одинарные ряды сдвоенных и строенных каплевидных ямок и клиновидных насечек в нижней части шейки, зигзаги и фестоны с поперечной штриховкой, наклонные полосы из насечек. В Среднем Притоболье в чистом виде аналогичная керамика представлена второй группой посуды Замараевского

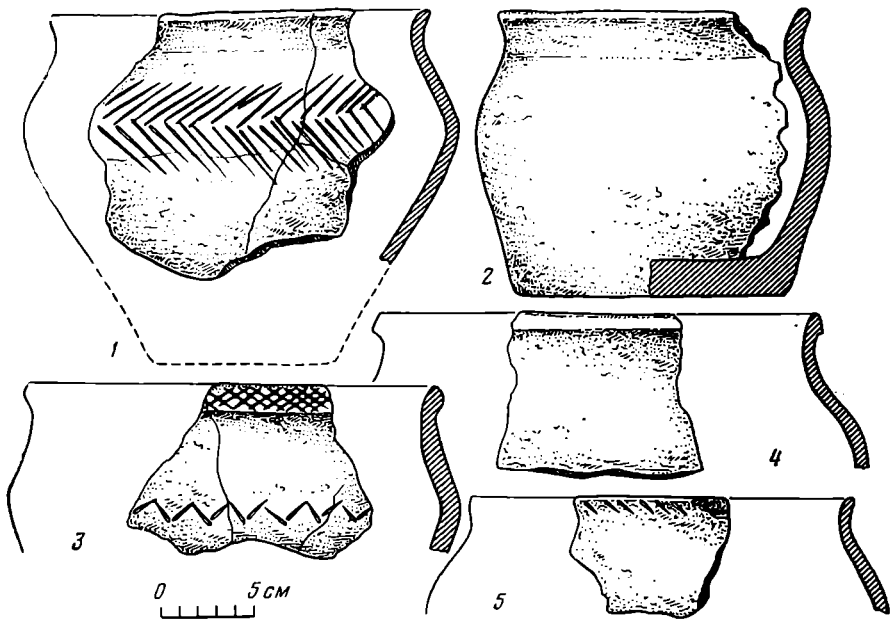


Рис. 2. Алексеевская керамика с поселения Алексеевское

селища [4] (рис. 4, *1—3, 5*). Это сходство позволяет нам называть керамику, подобную вышеописанной (рис. 3, 4), замараевской. Замараевские комплексы по существу аналогичны межовско-березовским [5] и, по-видимому, представляют единую культуру, родственную на западе ерзовской [6] и приказанской [7], а на востоке — ирменской [8].

В культурных напластованиях стратифицированных поселений (Язево I, Камышное II) алексеевская и замараевская керамика встречаются совместно, в том числе на полу жилищ, в ямах и очагах, где они обнаружены не только в отдельных обломках, но и развалах. Однако на разных памятниках соотношение замараевской и алексеевской керамики различно в зависимости от места расположения памятника. Картографирование поселений, в керамических комплексах которых имеются эти разновидности посуды, показывает, что на памятниках, пограничных с лесной зоной, значительно преобладает замараевская керамика. На ряде поселений, главным образом по р. Исети, керамика поздней бронзы представлена только замараевской посудой (рис. 5), но к югу ее доля в позднебронзовых комплексах постепенно уменьшается. Так, на поселении Камышное II замараевская керамика составляет 44%, на поселении Язево I — 19%, а на поселениях Верхнего Притоболья Загаринском и Алексеевском — соответственно 12,3 и 7,8% (таблица).

Алексеевская керамика является основной на поселениях, граничащих со степной зоной (по р. Уй и южнее). К северу от г. Кургана

---

[4] *Сальников К. В.* Замараевское селище. Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948, с. 44—46; *его же.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. с. 359, рис. 59.

[5] *Сальников К. В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы.— ВАУ, № 6, 1964, с. 15, рис. 4, 5; *его же.* Очерки древней истории..., с. 360—366, рис. 57, *11—24*; 58, *1—5, 7, 8*; 59.

[6] *Денисов В. П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.— Тр. IV Уральского археологического совещания. Уч. зап. ПГУ, № 148. Пермь, 1967, с. 37, 38, рис. 2.

[7] *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 260—266, рис. 55, *68—72*; 59, *1—3*.

[8] *Грязнов М. П.* К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири.— КСИА АН СССР, № 4, 1956, с. 34—38, рис. 11; *Членова Н. Л.* О культурах бронзовой эпохи Западной Сибири.— СА, XXIII, 1955. с. 45, рис. 5.

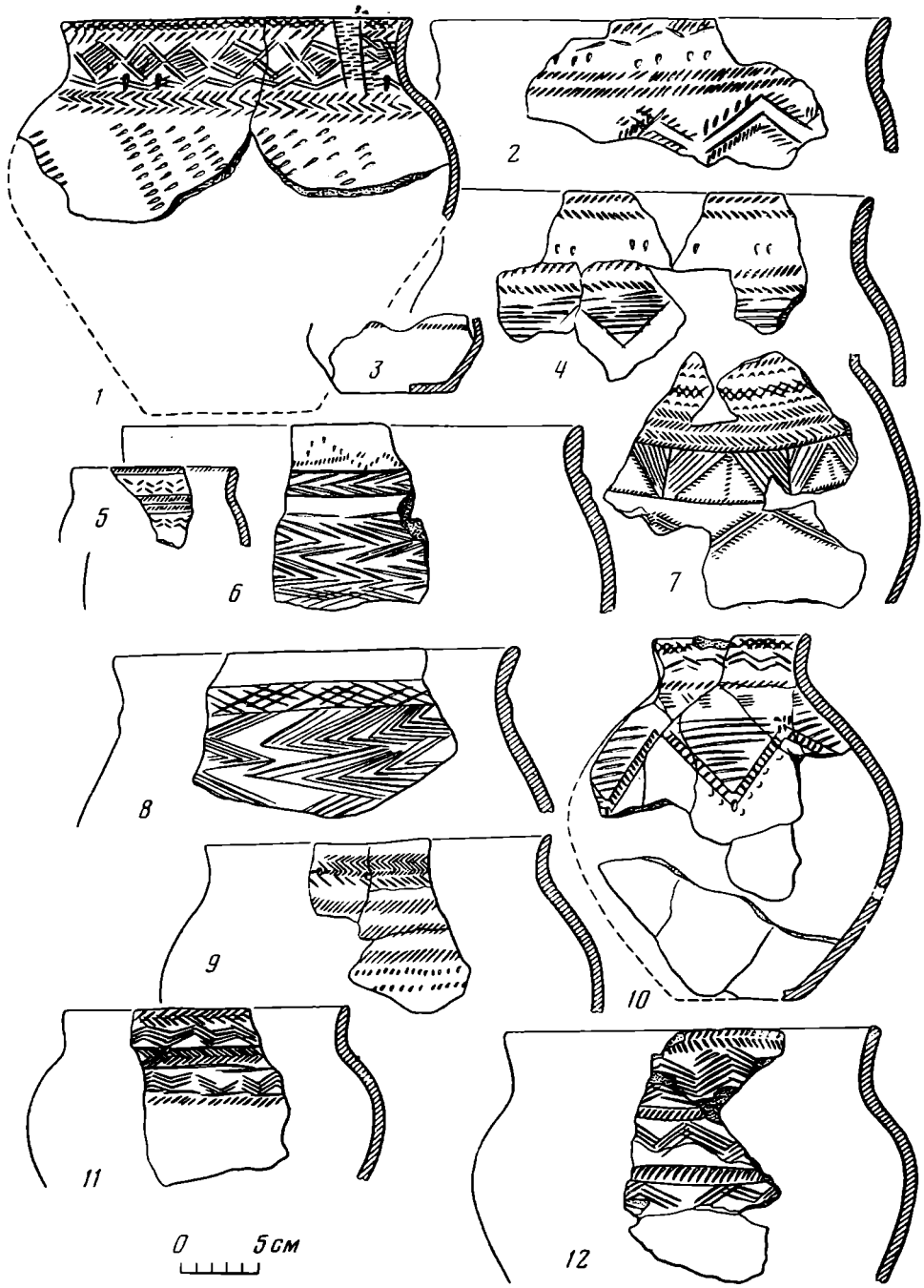


Рис. 3. Замараевская керамика с поселений Камышное II (*1—7*) и Язево I (*8—12*)

она встречается в единичных фрагментах, а на Исети почти неизвестна (рис. 5). На территории, расположенной между г. Курганом и р. Уй (56—55° северной широты), алексеевская и замараевская посуда представлена почти в равном количестве (Камышное II), что может говорить о смешанном характере культуры населения в контактной зоне. Граница между данными разновидностями посуды достаточно четко устанавливается по р. Исети.

Таким образом, Среднее Притоболье, расположенное в пограничье западносибирской тайги и казахстанских степей, являлось районом, где в эпоху поздней бронзы взаимодействовали две культурные традиции —

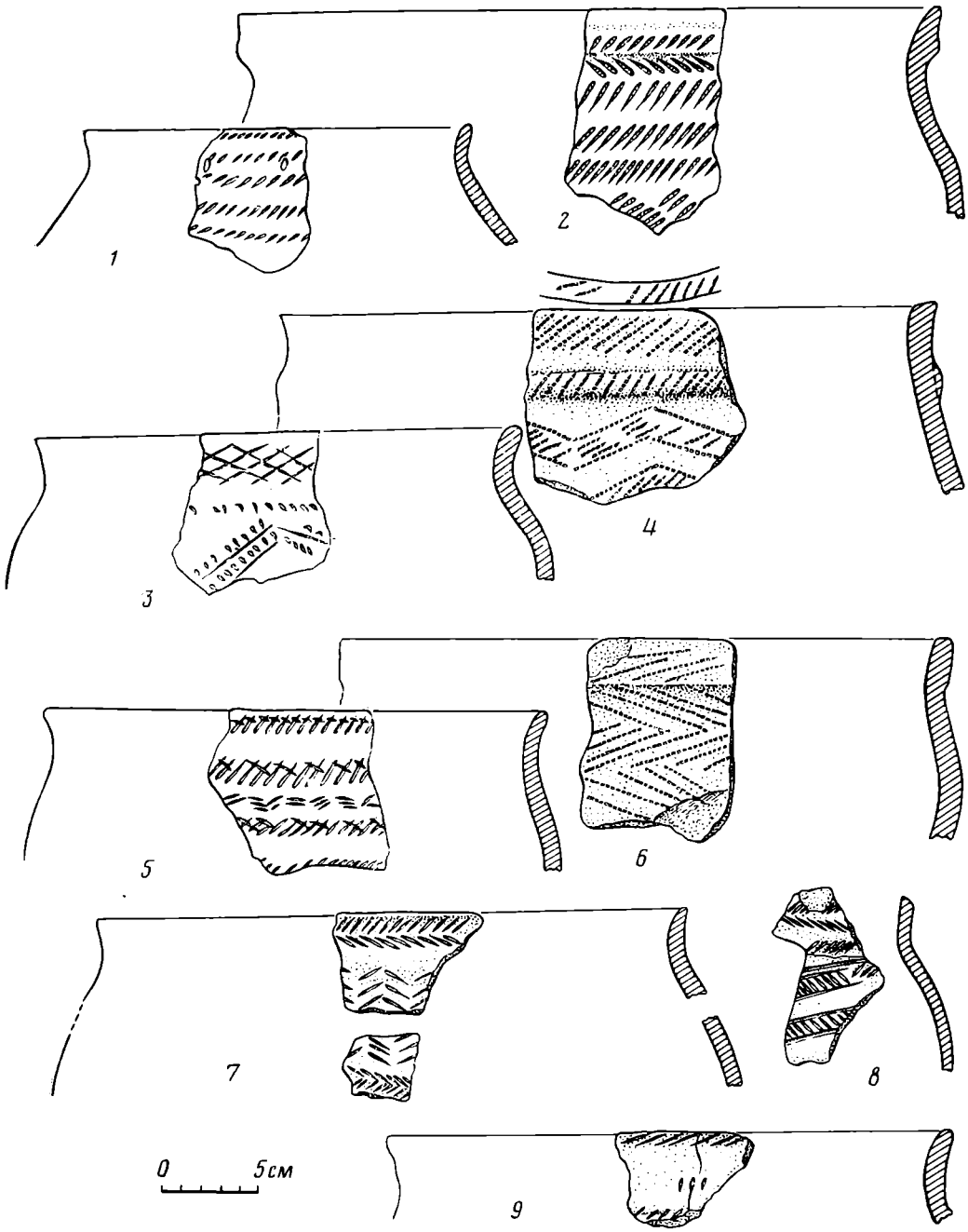


Рис. 4. Замараевская керамика с поселений Замараево (*1—3, 5*) и Алексеевское (*4, 6—9*)

степная (алексеевская) и лесная (замараевская). При этом степные традиции значительно преобладали, так как алексеевская керамика на большей части рассматриваемой территории являлась основной, что хорошо иллюстрируется количественным соотношением этих двух разновидностей посуды в керамических комплексах поселений (см. таблицу). Совместные находки алексеевской и замараевской керамики являются скорее всего следствием проникновения лесных традиций в северную периферию алексеевского ареала.

Хотя алексеевская и замараевская керамика во всех случаях происходит из многослойных памятников, на основании данных стратиграфии и планиграфии устанавливается четкая ее связь с определенными куль-

Соотношение алексеевской и замараевской керамики в комплексах поздней бронзы на поселениях Среднего Притоболья

Поселение	Всего керамики поздней бронзы	Алексеевская		Замараевская	
		количество	%	количество	%
Замараевское	1200	–	–	1200	100
Камышное II	536	300	56	236	44
Язево I	657	533	81,1	124	18
Загаринское	144	128	88,9	16	11
Алексеевское	1096	1010	92,1	86	7

Примечание. В таблице учтены венчики и обломки стенок сосудов.

турными наслоениями [9]. В результате выявлены связанные с алексеевской посудой (поскольку она является на рассматриваемой территории преобладающей) определенные типы жилищ и поселков, наборы орудий труда и предметов быта, черты хозяйственного развития.

Орудия труда из бронзы, встречаемые в слое с данной керамикой, не только имеют другие формы, но и более массивны, чем бронзовые предметы предшествующей алакульской эпохи. Это крупные однолезвийные ножи, ножи-секачи сосново-мазинского типа, втульчатые и клиновидные долота (рис. 6, *1—3, 7—9*). Из костяных изделий интересны трехдырчатый псалий чернолесского типа, черешковые наконечники стрел, мотыги из рога лося, тупики и серпы из челюстей крупных животных (рис. 6, *4, 6, 13, 14*). Наиболее характерными предметами из камня являются лощила из галек, наконечники стрел вытянуто-треугольной формы, обработанные плоской ретушью (рис. 6, *10, 11*), терочники; из глины — крупные глиняные кирпичи округлой и овальной формы.

Жилища представляют собой полуземлянки обширных размеров (120—130 *м*^{2}) со сравнительно глубокими котлованами (0,6—1 *м*) приблизительно прямоугольной формы, более углубленными (на 0,3—0,4 *м*) в одной половине, с выходом чаще всего в углу помещения, с большим числом разнотипных очагов и ям, сосредоточенных в одной части жилища, с перекрытием, опиравшимся в зависимости от ширины котлованов на три — пять продольных рядов столбов [10].

Как правило, следы этих жилищ хорошо заметны на поверхности поселений в виде обширных (10—25×12—35 *м*) овальных впадин глубиной 0,2—1 *м*, что позволяет представить планировку и размеры поселков того времени. Обычно на поселениях, где встречена алексеевская и замараевская керамика, насчитывается от 7 до 15 подобных жилищных впадин. Располагаются они в один (рис. 5, *1, 6, 9, 40*) или два параллельных (рис. 5, *4, 8, 33, 39*) ряда вдоль берега реки либо образуют полукруг, обращенный к берегу реки (рис. 5, *34, 72*). Занимаемая ими площадь составляет 12—34 тыс. *м*^{2}. По сравнению с предшествующей алакульской эпохой площадь поселений, так же как и размеры жилищ, увеличивается почти в два раза; размеры алакульских жилищ составляли 40—120 *м*^{2}, а площадь поселений — в среднем 4—6 тыс. *м*^{2}. Следы алакульских жилищ (в силу своих относительно малых размеров и незначительной глубины) нигде не встречены на поверхности поселений. Там, где это удалось установить раскопками (Кипель, Камышное I), они располагались в один ряд вдоль берега реки довольно плотно друг к другу. Изменение в эпоху поздней бронзы облика жилищ, как и уве-

[9] *Потемкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол.— СА, 1975, № 1, с. 44, 45; *ее же.* Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол.— КСИА АН СССР, № 147, 1976.

[10] *Сальников К. В.* Замараевское селище; *Потемкина Т. М.* Камышное II — многослойное поселение..., с. 98, рис. 1.

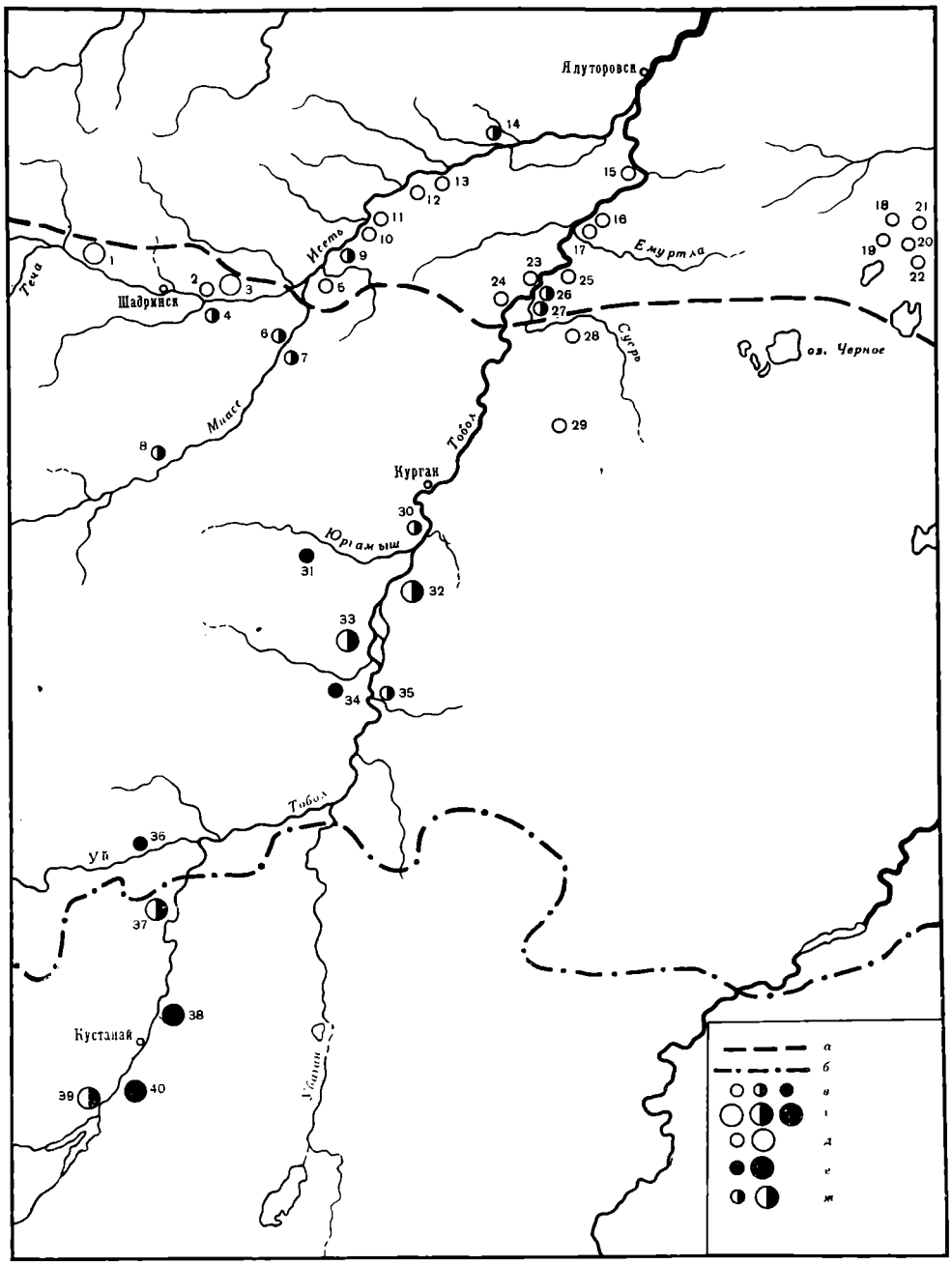


Рис. 5. Карта поселений с комплексами поздней бронзы на территории Среднего Притоболья

а — граница леса и лесостепи; *б* — граница лесостепи и степи; *в* — памятники, исследованные разведкой; *г* — памятники, исследованные раскопками; *д* — присутствие в комплексах поздней бронзы только замараевской керамики; *е* — присутствие в комплексах поздней бронзы только алексеевской керамики; *ж* — присутствие в комплексах поздней бронзы совместно алексеевской и замараевской керамики. Поселения: *1* — Замараевское, *2* — Бабарыкино, *3* — Бабарыкино VI, *4* — Барменское, *5* — Воденниково, *6* — Храмовое I, *7* — Барсуково I, *8* — Малоокуневское, *9* — Грачево II, *10* — Коршуново I, *11* — Барино I, *12* — Бархатово, *13* — Турушево II, *14* — Архангельское, *15* — Карагужевское, *16* — Калининское, *17* — Ново-Шадрино, *18* — Рямовое I, *19* — Рямовое III, *20* — Бурлаковское, *21* — Пегановское, *22* — Беловское, *23* — Варакосовское, *24* — Волосниковское, *25* — Бачанцево I, *26* — Усть-Суерское III, *27* — Высокая грива, *28* — Камышное, *29* — Обменовское, *30* — Дубровинское, *31* — Кипельское III, *32* — Камышное II, *33* — Язево I, *34* — Ярки, *35* — Плотниково II, *36* — Кораблевка, *37* — Загаринское, *38* — Конезавод, *39* — Алексеевское, *40* — Садчиковское

личение размеров поселков, может указывать на увеличение численности населения и изменение некоторых сторон хозяйства.

Как показывает анализ остеологического материала, основным занятием населения в рассматриваемый период остается пастушеское скотоводство. Однако по сравнению с алакульским временем значительно воз-

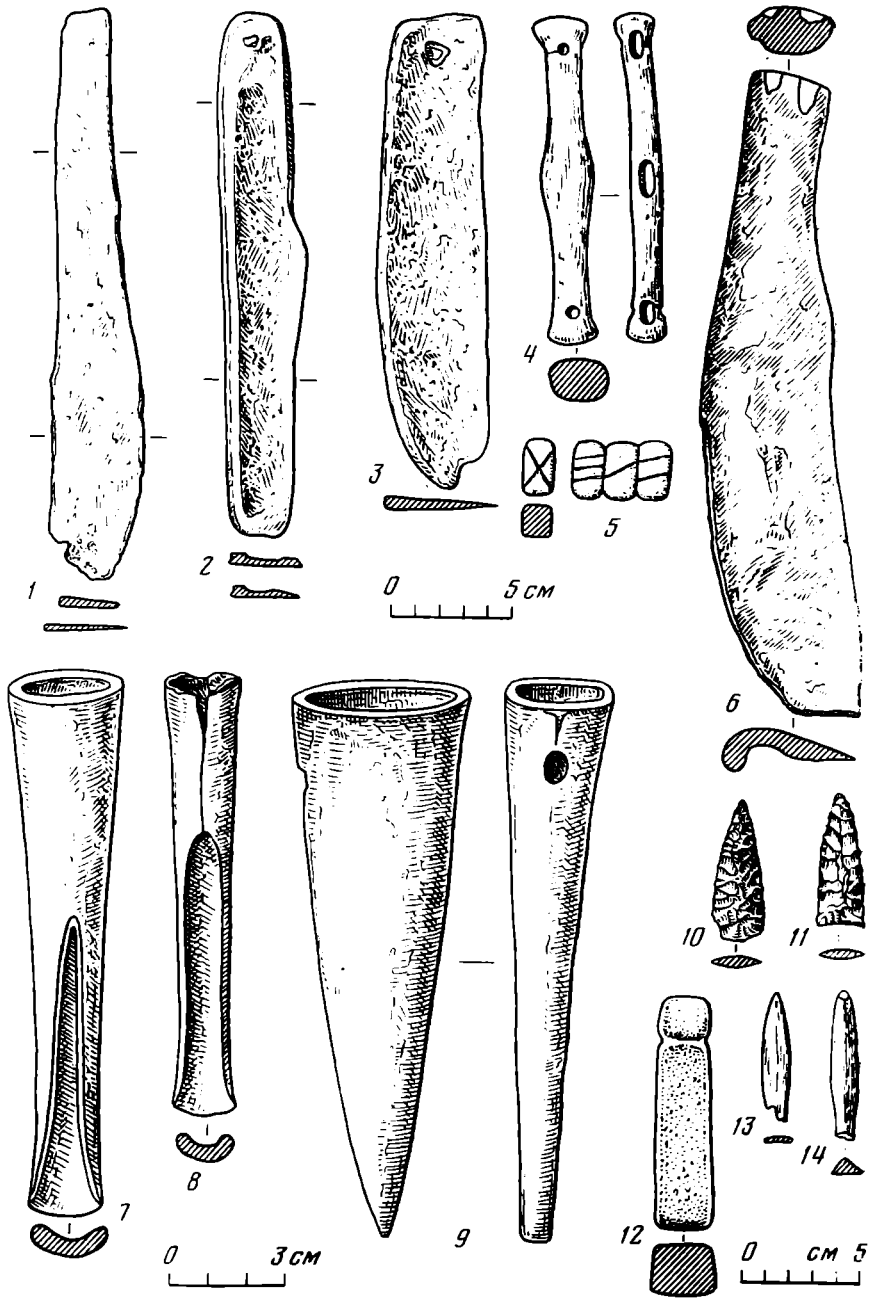


Рис. 6. Предметы, обнаруженные совместно с алексеевской и замараевской керамикой: *1*, *2*, *10*, *11* — поселение Камышное II; *3—6*, *12—14* — поселение Язево I; *7* — поселение Камышное; *8*, *9* — поселение Высокая грива: *1—3*, *7—9* — бронза; *4—6*, *13*, *14* — кость; *10—12* — камень

растает численность стад и происходят изменения в их видовом составе: увеличивается численность лошадей (с 3,9—16,7 до 19,5—39,9%) [11] при параллельном уменьшении веса крупного рогатого скота (от 77,3—73,9 до 64,4—25%). Развитие коневодства было одним из необходимых условий расширения кормовой базы все растущего стада, так как лошадь способна не только сама добывать корм из-под снега, но и расчищать

[11] Проценты берутся от количества костей, собранных как на поселениях с чисто алакульской керамикой, так и на многослойных памятниках, где остеологический материал группируется по строительным горизонтам.

пастбища для овец и коз. С увеличением в стаде числа лошадей надо предполагать более подвижный образ жизни населения. Тем самым в рассматриваемый период были подготовлены условия для перехода к полукочевому скотоводству, хотя сам переход к новым формам хозяйства еще не совершился.

Таким образом, с появлением в Среднем Притоболье алексеевской керамики, стратиграфически и планиграфически выделяющейся в самостоятельный комплекс, изменяется весь облик материальной культуры: орудия труда и предметы быта, типы жилищ и поселков, хозяйственный уклад. Погребения с данной керамикой здесь не выявлены, но они известны на соседней территории и характеризуются определенным обрядом и инвентарем, отличным от захоронений алакульского времени [12]. Следовательно, налицо все факторы, позволяющие считать алексеевские комплексы в Среднем Притоболье самостоятельной культурой, а не заключительной стадией андроновской культуры, как полагал К. В. Сальников [13], или хозяйственной посудой, как считала О. А. Кривцова-Гракова [14].

Разумеется, выделение самостоятельной культуры эпохи поздней бронзы не может быть осуществлено только на материалах Среднего Притоболья, которое являлось лишь частью обширной территории, где была распространена алексеевская керамика. Тождество алексеевской керамики Среднего Притоболья посуде поздней бронзы Верхнего Притоболья, Северного Казахстана и Южного Урала [15] свидетельствует о принадлежности первой к кругу не лесных, а лесостепных и степных памятников. Это подтверждается и другими данными: сходством типов и форм бронзовых, каменных, костяных орудий [16]; общностью в размерах, планировке и внутреннем устройстве жилищ и поселков [17]; одинаковыми тенденциями хозяйственного развития. Важно отметить и сходные условия залегания керамики алексеевского типа в культурном слое многих памятников этой обширной территории, где она четко выделяется стратиграфически (Язево I, Камышное II, Новоникольское I, Петровка II) или планиграфически (Алексеевское) и повсеместно связана с обширными полуземлянками, хорошо заметными на поверхности. Наблюдающееся сходство таково, что можно говорить не только о едином пути исторического развития материальной культуры Среднего и Верхнего Притоболья и Среднего Приишимья, но и предполагать здесь в эпоху поздней бронзы существование единой культуры — алексеевской (по наименованию первого широко исследованного на этой территории и хорошо известного в литературе памятника с комплексами поздней бронзы — Алексеевского поселения на р. Тобол). Название «замараевская культура», которое имеет место в литературе [18], для данной территории

---

[12] *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, № 21, 1951, с. 118, 119; *Оразбаев А. С.* Северный Казахстан в эпоху бронзы.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1958, с. 271—273; *Зданович С. Я., Малютина Т. С.* Саргары — культурный комплекс финальной бронзы.— АО — 1974. М., 1975, с. 489.

[13] *Сальников К. В.* Очерки древней истории..., с. 348—356.

[14] *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник, с. 132.

[15] *Сальников К. В.* Очерки древней истории..., с. 246, рис. 31, 14—17; *Стоколос В. С.* Культура бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 30—32, рис. 3, *1—5*, *8*.

[16] *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение..., рис. 20, 24, 27, 49, 65; *Зданович Г. Б.* Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана.— В сб.: Из истории Сибири, т. VII. Томск, 1973, с. 46, 47; *Евдокимов В. В.* Новые поселения..., с. 112, 114.

[17] *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение..., с. 76—100; *Зданович Г. Б.* Новое поселение эпохи бронзы..., с. 147, 148, рис. 1; *его же.* Стратиграфия поселения Новоникольское I, с. 114, 117, 125, 127; *Евдокимов В. В.* Новые поселения..., с. 111, рис. 2.

[18] *Оразбаев А. М.* Ук. соч., с. 270, 279; *Комарова М. Н.* Относительная хронология памятников андроновской культуры.— АСб. ГЭ, № 5, 1962, с. 74; *Маргулан А. Х.*,

нельзя считать удачным, так как в этом случае в понятие «замараевская» включается разнохарактерная керамика лесного и степного облика. Как уже отмечалось выше, посуда Замараевского селища, эпонимного культуре, значительно отличается от керамики эпохи поздней бронзы западносибирской лесостепи и казахстанских степей и относится к кругу лесных памятников межовского типа.

Постановка вопроса о правомерности выделения комплексов поздней бронзы в самостоятельную культуру не нова [19] и наиболее убедительно обоснована М. Н. Комаровой, хотя исследователи располагали тогда немногочисленными материалами, разбросанными на большой территории. Видимо, последнее обстоятельство и явилось причиной того, что к этой культуре, названной замараевской, была отнесена разнохарактерная керамика степного и лесного облика. Обширные новые материалы, полученные за последние 10 лет при изучении многочисленных поселений, в том числе и статифицированных (Камышное II, Новоникольское I), и особенно открытие комплекса памятников поздней бронзы в Северном Казахстане (поселение и могильник Саргары) [20], позволили не только вновь вернуться к вопросу о необходимости выделения в западносибирской лесостепи и североказахстанских степях самостоятельной культуры поздней бронзы — алексеевской, но и более четко определить специфику культурных традиций лесной и степной зон в этот период.

Памятники алексеевского типа характеризуют особую эпоху в истории рассматриваемой территории — переходное время от бронзового века к железному. Эта особенность прослеживается по всем признакам культурно-исторического развития: форме посуды, орнаментации, особенностям домостроительства, специфике хозяйства и т. д. И особенно ярко это проявляется при сравнении алексеевской керамики с сосудами раннего железного века той же территории, что находит отражение в целом ряде черт: 1) в сходстве основных элементов орнаментации — для той и другой посуды наиболее характерны ряды насечек или оттисков штампа, елочки, решеточки, расположенные в большинстве случаев только по шейке или плечикам; 2) в близости профилировки верхней части сосудов — с короткой шейкой и округлыми раздутыми боками; 3) в наличии сосудов, орнаментированных по срезу венчика (5,2% алексеевских сосудов, 15—30% — раннего железного века).

Границы алексеевской культуры на современном этапе исследования не везде очерчиваются достаточно определенно. В северо-западном направлении они устанавливаются по р. Исети, что выявляется на примере соотношения алексеевской и замараевской керамики в Среднем Притоболье (рис. 5). К северу от р. Исети и далее на северо-запад находится область распространения межовской керамики [21], к северо-востоку — еловской [22] и ирменской [23]. Видимо, северный рубеж алексеевских памятников в общем совпадает с границей лесной и лесостепной зон в районе Притоболья и Приишимья.

Восточные пределы распространения алексеевской керамики наиболее вероятно предполагать в районе Ишимо-Иртышского водораздела, где

Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 257.

[19] *Оразбаев А. М.* Ук. соч., с. 270, 279; *Комарова М. Н.* Ук. соч., с. 74.

[20] *Зданович С. Я.* Культура финальной бронзы Северного Казахстана.— В кн.: Сборник научных трудов по гуманитарным наукам. Караганда, 1974; *Зданович С. Я., Малютина Т. С.* Ук. соч.

[21] *Сальников К. В.* Очерки древней истории..., с. 354, рис. 58; *Стоколос В. С.* Культура бронзового века..., с. 55, рис. 17.

[22] *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, с. 111, 112.

[23] *Членова Н. Л.* Ирменская культура и ее локальные варианты.— В сб.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.

она соседствует с посудой карасукского [24] или ирменского [25] круга (поселение Черноозерье VIII, городища Розановское и Большой Лог). Керамические комплексы иртышских поселений отличаются от алексеевских в первую очередь наличием жемчужно-ямочной орнаментации.

Находки керамики, аналогичной алексеевской, на поселениях Центрального Казахстана [26] позволяют включить этот район, во всяком случае северную его часть, в алексеевский ареал. Относительно западной границы распространения алексеевской посуды можно высказать лишь предварительные соображения, так как комплексы поздней бронзы на Южном Урале исследованы очень слабо. Немногочисленные обломки алексеевской керамики обнаружены на ряде поселений челябинской лесостепи [27]. В юго-западной Башкирии встречается уже хвалынская (ивановская) керамика [28], очень близкая алексеевской. По-видимому, Южное Приуралье (бассейн р. Белой и верховья р. Урал) являлось районом, где алексеевский ареал соприкасался с территорией родственной хвалынской (ивановской) культуры Поволжья, границы которых в условиях усилившейся в тот период подвижности скотоводческо-земледельческого населения лесостепной и степной зоны не оставались стабильными. Очевидно, постоянно происходило неоднократное взаимопроникновение этих культур, что явилось одной из причин их большого сходства.

Таким образом, алексеевская культура должна была занимать довольно обширную территорию, куда входили тоболо-ишимская лесостепь, челябинские степи, Северный и Центральный Казахстан. Трудно предполагать на этой огромной территории полное единообразие алексеевских памятников. Уже сейчас намечаются, а при более широких исследованиях определятся более конкретно локальные варианты алексеевского ареала, связанные с различиями в природных условиях, разной степенью воздействия соседних культур и предшествующих традиций. Одним из таких локальных районов являлось Среднее Притоболье — крайняя северо-западная периферия алексеевского ареала, непосредственно смыкавшаяся с культурами лесного круга, что и определило особенности развития материальной культуры этого района.

Круг культур, родственных алексеевской («алексеевская» культурная общность), включал еще более обширную территорию: на западе — памятники хвалынского типа [29], на востоке — большеложские в лесостепном Прииртышье [30]; малокрасноярские и трушниковские — в Восточном Казахстане [31].

---

[24] *Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьева О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С.* Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья.— В сб.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 36—51.

[25] *Членова Н. Л.* Ирменская культура..., с. 207—209.

[26] *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Ук. соч., табл. XXII, XXXV—XXXIX, XLII, XLV.

[27] *Сальников К. В.* Очерки древней истории..., с. 246, рис. 31, *14—17*; *Стоколос В. С.* Ук. соч., с. 30—32, рис. 3, *1—5*, *8*.

[28] *Сальников К. В.* Очерки древней истории..., с. 150, рис. 17; с. 218.

[29] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, № 46, 1955, с. 38—49, рис. 8, 9; *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, № 61, 1958, с. 101—132.

[30] *Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С.* Периодизация поселений..., с. 36—51.

[31] *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, № 88, 1960, с. 98—104, табл. XXX—XXXI.

T. M. Potemkina

ON THE INTERRELATION OF ALEKSEEVSKOE AND ZAMARAEVSKOE SITES IN THE TRANSURALS FOREST-STEPPE ZONE

Summary

The article is an attempt of tracing of northern borders of late bronze sites in the steppe zone (Alekseevskoe type). The research is based on the analysis of stratified ceramic materials. In the Tobol basin the border of the area of the sites under investigation coinsides with the river Iset. In the forest-steppe zone to the south of Iset the steppe (alekseevskoe) and forest (Zamaraevskoe) pottery are met together. This fact indicates that the population in the contact zone had mixed culture. The cultural traditions of forest tribes decreased gradually in southern direction. This could be seen from quantitative correlation of steppe and forest pottery at different sites. The author suggests that sites of late Bronze Age belong to a separate culture. This statement can be proved by clear connection of steppe pottery wit definite types of dwellings and settlements, tool kit and with definite level of economic development. The sites of Alekseevskoe type characterize specific stage in history of West-Siberian and Khazahstan steppes — the transitional period from Bronze to Iron Age.

М. П. АБРАМОВА

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Одним из сложных вопросов при исследовании какой-либо археологической культуры является определение компонентов, из которых она складывается: выяснение соотношения местной ее основы и привносного компонента, установление причин, вызвавших появление последнего,— наличие тех или иных связей с населением других территорий либо проникновение на изучаемую территорию новых этнических элементов. Изучение археологических культур Северного Кавказа представляет в этом отношении особую трудность из-за доступности северных районов для вторжения многочисленных кочевавших в степи племен и вследствие сильного влияния высокоразвитых культур Закавказья. Рассмотрение археологической культуры Центрального Предкавказья сарматского времени выявляет значительную местную ее основу, наличие некоторых элементов, свидетельствующих о сохранении влияния Закавказья, хотя и не столь сильного, как в раннекобанское время, а также свидетельствует о тесных контактах местного населения предгорных и плоскостных районов Северного Кавказа с кочевавшими в предкавказских степях сарматскими племенами. Попытаемся проследить наличие всех этих компонентов и установить направление связей населения Северного Кавказа в сарматское время на примере наиболее массового — керамического материала.

Из-за ограниченного объема статья не претендует на детальную характеристику и типологию всей керамики сарматского времени с территории Центрального Предкавказья. В работе будет дана общая характеристика этой керамики и разобраны некоторые своеобразные ее формы, подтверждающие наличие определенных связей или влияний.

В основу разбора положена керамика памятников предгорных и плоскостных районов Центрального Предкавказья, так как именно эти районы дают наибольшее количество датированных комплексов интересующего нас времени, а кроме того, набор керамики здесь более разнообразен, чем в горах, менее доступных для проникновения различных влияний и обладающих вследствие этого более консервативным обликом материальной культуры.

Найденная в погребениях интересующего нас времени керамика представлена в основном лощеными сосудами, имеющими черную или серую поверхность и сделанными в подавляющем большинстве на гончарном круге. Формы сосудов довольно разнообразны, что особенно характерно для керамики раннего периода — последних веков до нашей эры. Наибольшее распространение в это время получают кувшины с одной ручкой. Безручные сосуды, имеющие в большинстве случаев биконическое тулово, довольно редки. Кувшины имеют округлое или яйцевидное тулово и расширяющееся кверху (реже цилиндрическое) горло. Многие из кувшинов имеют орнамент — геометрический (из резных или

пролощенных линий) и ряды горизонтальных каннелюр. Большую группу керамики сарматского времени составляют миски. Для раннего этапа характерны миски с прямым, часто орнаментированным бортиком, позже преобладают миски с загнутым внутрь или желобчатым краем. Найденные в погребениях этого времени кружки имеют большей частью небольшие размеры, округлое или поддилиндрическое тулово и одну петлевидную ручку. Кружки последних веков до нашей эры в подавляющем большинстве случаев орнаментированы. Общий характер орнамента кружек тот же, что и на кувшинах. В керамике из погребений последних веков до нашей эры значительное место занимают ритуальные сосуды разнообразных форм: двуручные сосуды, сосуды с усеченно-коническим туловом и миниатюрные сосуды с округлым туловом и отогнутым венчиком. В погребениях Нижне-Джулатского могильника найден один сдвоенный сосуд такой формы. Ритуальные сосуды (коричневой, серой или красной глины) редко имеют лощеную поверхность. Некоторые из них также были орнаментированы резными или пролощенными линиями и горизонтальными каннелюрами.

Рассмотрение керамики Северного Кавказа последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры выявляет некоторую общность, прослеживаемую главным образом в деталях оформления сосудов по всей территории Северного Кавказа — от Прикубанья до Дагестана. Эта общность проявляется и в сходных элементах орнаментации многих сосудов Северного Кавказа. В кобано-скифское время на керамике господствует геометрический орнамент — в виде заштрихованных треугольников, ромбов, квадратов, параллельных зигзагообразных линий и т. д. Тот же орнамент характерен и для бронзовых изделий (топоров, пряжек, поясов) кобанской культуры Северного Кавказа. Керамика последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры в основной своей массе мало орнаментирована по сравнению с керамикой предшествующего времени, однако имеющиеся орнаментированные сосуды говорят о генетической связи керамики этого времени с более древней керамикой данной территории, когда также преобладает геометрический орнамент в виде параллельных зигзагообразных или прямых линий. Орнамент из заштрихованных треугольников встречается довольно редко. Керамика с таким орнаментом, сосредоточенная главным образом на Северо-Восточном Кавказе, представлена в основном ритуальными сосудами (курильницами, чашами, двуручными сосудами с гальками) [1], являющимися продукцией местного производства, испытывавшего влияние керамических традиций Кавказской Албании.

Наиболее характерным для керамики Северного Кавказа (главным образом территории Центрального Предкавказья) сарматского времени является орнамент в виде вертикальных полос, резных либо, чаще, пролощенных. Эти полосы проходят параллельными рядами по всему тулову сосуда или группируются по две-три-четыре линии. Орнамент из пролощенных вертикальных полос, нанесенных на тулово сосуда сплошными рядами либо сгруппированными по две-пять линий, характерен для сероглиняной лощеной керамики раннего железного века Закавказья (рис. 1, *1—6*). Сосуды с таким орнаментом хорошо представлены, в частности, в погребениях VII—VI вв. до н. э. Самтаврского могильника [2]. Подобный орнамент широко распространен и на сероглиняных лощеных сосудах Азербайджана этого же времени [3]. Такой орнамент, характерный для сероглиняной керамики раннего железного века, доживает в Закав-

---

[1] *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент.— МАД, т. II, 1961, с. 192, рис. 22; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 197, рис. 22, с. 213, рис. 40, *7*, *9*.

[2] ГМГ, № 12—54: 993, 12—54: 976; 12—54: 2081.

[3] *Ивановский А. А.* По Закавказью.— МАК, т. VI, 1911, с. 136, табл. X, *17*, *18*.

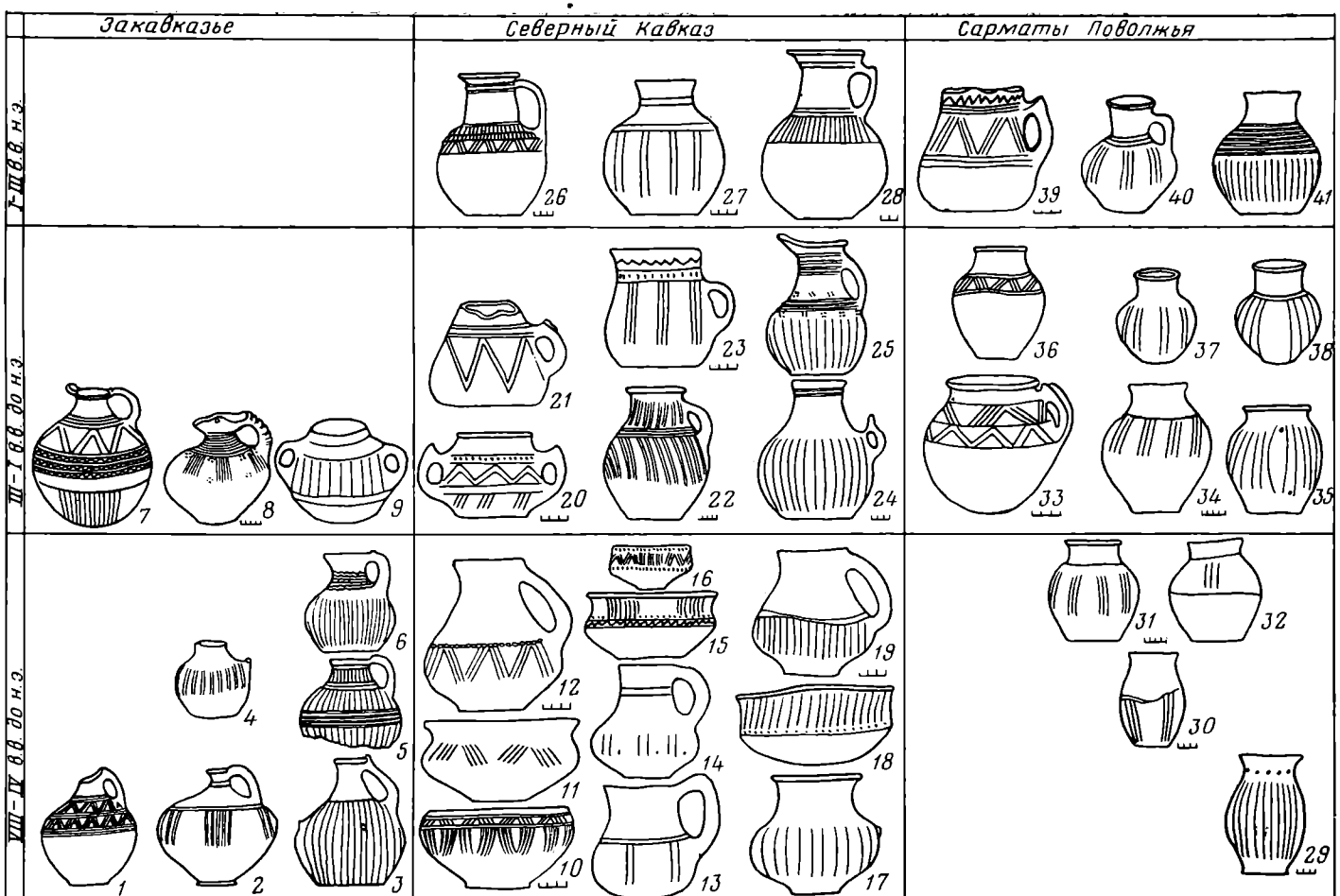


Рис. 1. Типы орнамента на сосудах

1 — Цинкаройский мог., п. 59; *2* — Бешташени, п. 73; *3* — Кедабекский мог., п. 60; *4* — Бешташени, каменный ящик 27; *5* — Цинкаройский мог., п. 65; *6* — ущелье р. Супси; *7, 8* — Мингечаур; *9* — Самтавро, 1939, сев. уч., кувш. п. 6; *10* — Инжиччукунский мог.; *11* — Чегемский мог.; *12* — Комарово, п. 5; *13* — В. Рутха, компл. 18; *14* — Минеральводский мог.; *15, 18* — Березовский мог.; *16* — Комарово, п. 2; *17* — Змейское поселение; *19* — Комарово, п. 3; *20* — Н. Джулат, п. 36; *21* — Н. Джулат, п. 107; *22* — Пседах; *23* — Н. Джулат, п. 49; *24* — Н. Джулат, п. 46; *25* — Н. Джулат, п. 31; *26* — Подкумский мог., п. 2; *27* — Моздокский мог., к. 10, п. 16; *28* — Подкумский мог., п. 42; *29* — II Бережновский мог., к. 6, п. 2; *30* — Бережновка, юж. гр., к. 2, п. 5; *31* — Н. Никольское, к. 5, п. 4; *32* — Калиновский мог., к. 19, п. 27; *33* — Бережновский мог., к. 35, п. 16; *34* — В. Погромное, к. 7, п. 8; *35* — В. Погромное, к. 11, п. 5; *36* — Н. Никольское, к. 5, п. 13; *37* — Шульц, к. F10, п. 11; *38* — *II* Бережновский мог., к. 14, п. 28; *39* — Сусловский мог., к. 47; *40* — II Бережновский мог., к. 98; *41* — Шульц, к. F12

казье до раннеэллинистического времени[4]. В это время сероглиняная керамика встречается в основном в Западной Грузии, так как на территории Восточного Закавказья в течение VI—V вв. до н. э. она постепенно замещается светлоглиняной, часто покрытой белым ангобом, что позволило ряду исследователей видеть истоки этой керамики на юге — на территории Урарту и Ирана[5]. Однако вновь распространившаяся светлоглиняная керамика сохраняет старый характер орнамента, в том числе и орнамент из вертикальных полос, который теперь наносится краской (рис. 1, *4, 9*). Это обстоятельство наряду с другими (например, существование однотипных с предшествующим временем керамических печей), как отмечает К. Н. Пицхелаури, позволяет предполагать непрерывное развитие материальной культуры на этой территории с эпохи бронзы[6]. Независимо от решения этого вопроса можно утверждать, что орнамент из вертикальных полос (пролощенных, крашеных или резных) существовал на керамике Закавказья и во второй половине I тысячелетия до н. э. и даже в конце его, о чем свидетельствуют материалы Кавказской Албании[7] (рис. 1, *7, 8*).

На Северном Кавказе сероглиняные лощеные сосуды, все тулово которых покрывалось рядами вертикальных пролощенных полос, наиболее характерны для III—I вв. до н. э. Однако подобный орнамент известен и на керамике предшествующего времени, в частности на кувшинах VI в. до н. э. (рис. 1, *19*). Распространение на Северном Кавказе орнамента из вертикальных полос, сгруппированных по две-три-четыре, связывается часто с влиянием керамики сарматских племен, поскольку такой орнамент был характерен для керамики сарматов, о чем будет сказано ниже. Однако орнаментированные таким образом сосуды известны на Северном Кавказе еще в эпоху бронзы, а также в кобанское и скифское время (рис. 1, *13—16*). В скифское время широко распространен подобный орнамент из резных, изредка пролощенных полос, расположенных на сосуде либо строго вертикально, либо слегка наклонно. В таком же виде этот орнамент сохраняется и на керамике сарматского времени (рис. 1, *20—28*), но в этот период он чаще всего состоит не из резных, а из пролощенных линий, расположенных рядами вертикально или наклонно. По-видимому, отмеченные обстоятельства свидетельствуют о местном характере сосудов Северного Кавказа с подобным орнаментом. Поскольку такой орнамент встречается в сарматское время на разнообразной керамике (кувшинах, кружках, ритуальных сосудах), происходящей главным образом из погребений последних веков до нашей эры, можно говорить о том, что керамика сарматского времени в Центральном Предкавказье имеет местную кавказскую основу. Об этом свидетельствуют основные приемы орнаментации сосудов. Местные корни имеют и некоторые формы сосудов.

Широкое распространение однотипных ритуальных сосудов свидетельствует об определенной общности культовых представлений населения разных районов Северного Кавказа. К числу таких сосудов можно отнести сосуды с гальками и курильницы с отделениями. Все известные их находки происходят из погребальных комплексов. Сосуды с гальками наиболее характерны для погребений III—I вв. до н. э. Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Известна сводка таких сосудов из Чечено-

---

[4] *Вашакидзе Н.* Случайно открытое кувшинное погребение в ущелье р. Супси.— В сб.: Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, т. III, 1973, с. 84.

[5] *Гагошидзе Ю. М.* Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.), с. 96; *Мусхелишвили Д. Л.* К вопросу о распространении красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху.— СА, 1977, № 3, с. 213.

[6] *Пицхелаури К. Н.* Памятники второй половины I тысячелетия до н. э. на территории Кахетии.— СА, 1977, № 3, с. 221.

[7] *Рзаев Н. И.* Художественная керамика Кавказской Албании. Баку, 1964, с. 135, рис. 55.

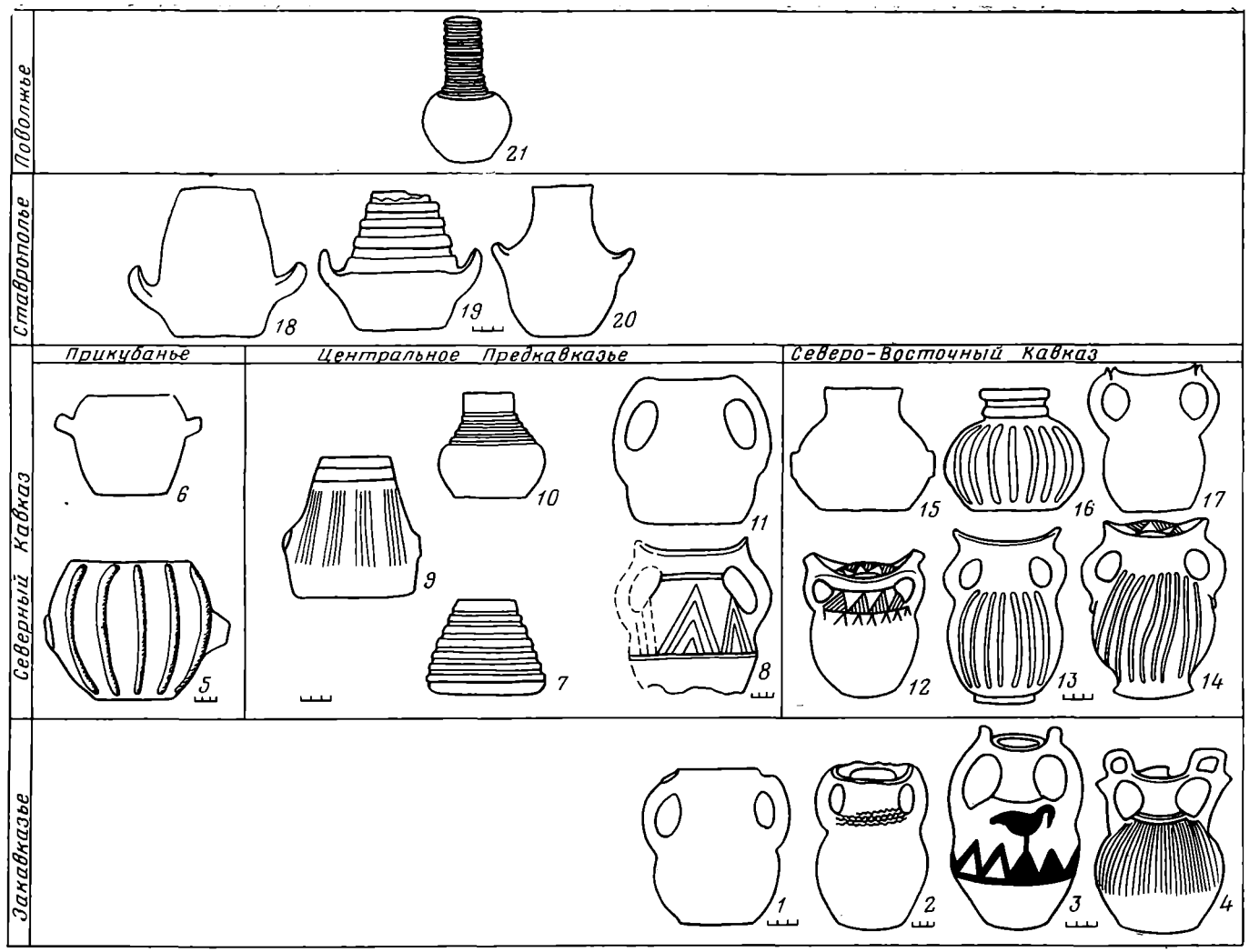


Рис. 2. Ритуальные сосуды. *1* — могильник у Бешташенской крепости, п. 20; *2—4* — Мингечаур; *5* — Пашковский мог., 1949, п. 9; *6* — Пашковский мог., 1947, п. 6; *7* — Н. Джулат, п. 100; *8* — Кабардино-Балкария; *9* — Н. Джулат, п. 40; *10* — Н. Джулат, п. 13; *11* — Н. Джулат, п. 29; *12* — Чечено-Ингушетия; *13* — ст. Ассинская, к. 1, п. 6; *14* — Андрейаульский мог.; *15—17* — Ханкальский мог.; *18, 20* — хут. Херсонка; *19* — Китаевка, к. 7, п. 7; *21* — II Березовский мог., к. 14, п. 22

Ингушетии [8]. Близкие по форме сосуды с гальками найдены в погребениях Нижне-Джулатского могильника (Кабардино-Балкария) [9]. В памятниках меотов Прикубанья сосуды с гальками относятся к IV—III вв. до н. э. (Пашковский могильник) [10], т. е. распространение их начинается почти одновременно как в восточных, так и западных районах Северного Кавказа. Формы этих сосудов разнообразны и специфичны для каждого из районов. В Чечено-Ингушетии это горшковидные, кувшинообразные и двуручные сосуды (рис. 2, *12—17*); в Кабардино-Балкарии — двуручные и сосуды с усеченно-коническим расширяющимся ко дну туловом (рис. 2, *7—11*). В Прикубанье это горшкообразные сосуды с округлым туловом (рис. 2, *5, 6*). Во всех трех районах некоторые сосуды этого типа имеют на тулове по два выступа, имитирующих ручки (рис. 2, *5, 6, 9, 15*), что значительно сближает эти сосуды, несмотря на различие их формы. Одновременное распространение и факты находок их на памятниках местных племен вряд ли позволяют объяснить появление этого обычая на Северо-Восточном Кавказе включением этой территории в область распространения сиракского племенного союза, как это делают авторы публикаций чечено-ингушских сосудов [11].

Что касается группы своеобразных двуручных сосудов, распространенных в памятниках Северо-Восточного Кавказа, то появление их на этой территории можно с несомненностью связывать с влиянием керамической традиции Кавказской Албании. Двуручные сосуды изящной формы с простыми, а часто зооморфными ручками, начинающимися от края сосуда (рис. 2, *1—4*), известны там с середины I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры [12]. Близкие по форме сосуды найдены на территории Дагестана, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии (рис. 2, *8, 11—14, 17*). Однако бóльшая грубость их и толстостенность указывают несомненно на местное их производство с очевидным влиянием традиций Закавказья, что уже отмечалось в литературе [13]. Двуручные сосуды, распространившиеся в это время в Прикубанье, имели несомненно другое происхождение, поскольку они делались в подражание античным канфарам, являясь сосудами открытого типа.

Широкое распространение на территории Северного Кавказа получают в сарматское время и курильницы с отделениями. По форме они близки к аналогичным курильницам катакомбной культуры эпохи бронзы, также распространенным по всей территории Северного Кавказа [14]. Близкие по форме курильницы найдены в памятниках центральных районов Северного Кавказа раннескифского времени [15]. Н. В. Анфимов показал, что курильницы этого типа доживают на Северном Кавказе до первых веков нашей эры, развиваясь при этом по двум линиям: в Прикубанье известны курильницы в виде мисок с отделением, но без поддона (хут. Кубанский, ст. Владимирская — рис. 3, *4, 5*), и курильницы на высоком поддоне, но без отделения (ст. Усть-Лабинская, Хатажукаев-

---

[8] *Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантимурова Т. М., Магомадов И. Д.* Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии.— АЭС, т. III, 1969, с. 82—86.

[9] *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972, с. 75, рис. 14, *29, 31, 34*.

[10] *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у ст. Пашковской.— МИА, № 64, 1958, с. 284, рис. 7, *2*; с. 289, рис. 9, *16*.

[11] *Байбик В. Д. и др.* Ук. соч., с. 84.

[12] *Рзаев Н. И.* Ук. соч., с. 127, рис. 8—10; *Голубкина Т. И.* О зооморфной керамике из Мингечаура.— МКА, вып. II, 1951, с. 125, рис. 25, 26; *Казиев С. М.* Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960, табл. XXVI, *1, 3, 4, 6*; XXIX, *10, 13*.

[13] *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 90, 91.

[14] *Попова Т. Б.* К вопросу о курильницах «северокавказского типа».— СА, 1957, № 1, с. 162, рис. 1.

[15] *Пиотровский Б. Б., Иессен А. А.* Моздокский могильник, Л., 1940, с. 42, табл. XV, *2*.

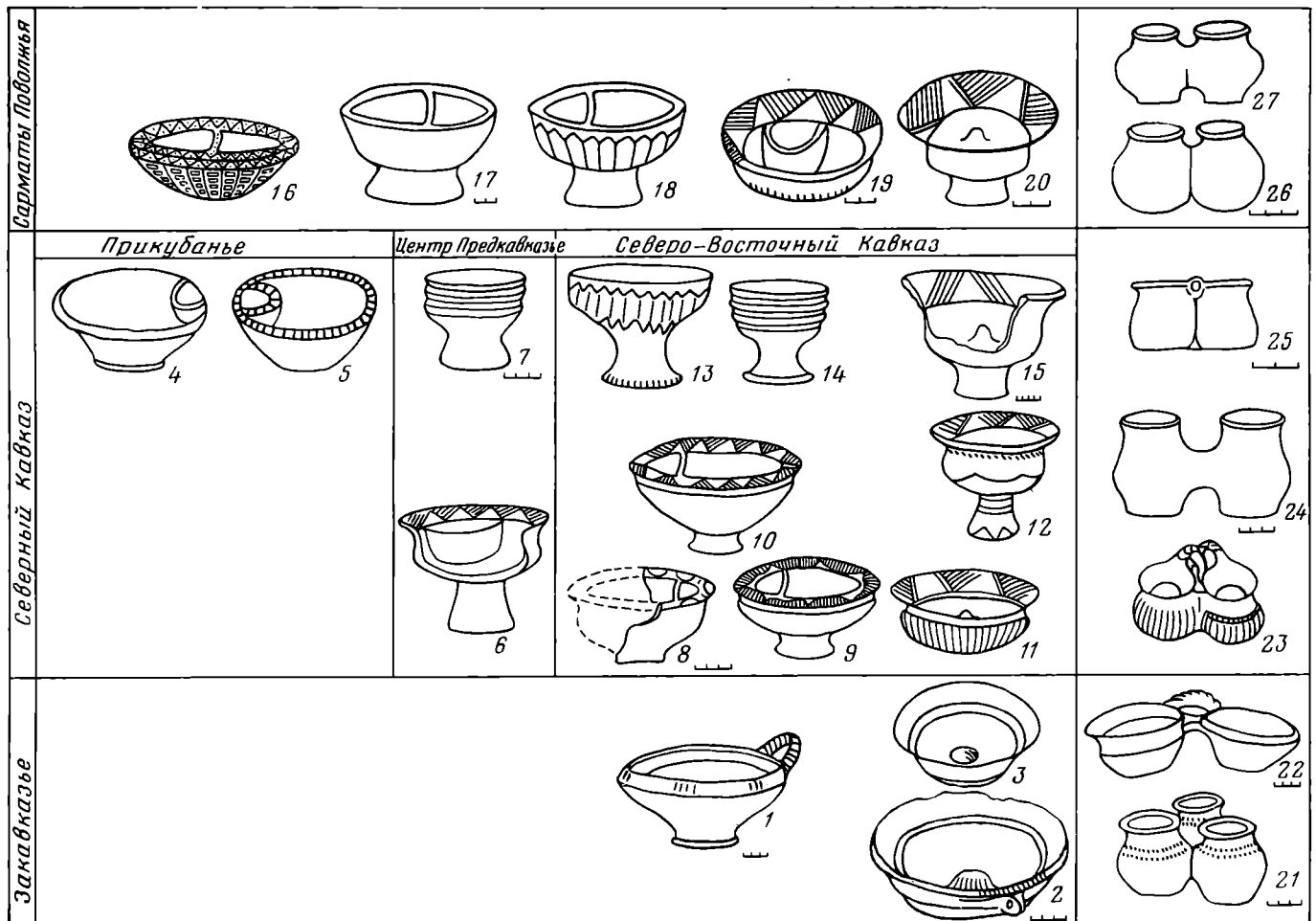


Рис. 3. Ритуальные сосуды. *1* — Ялойлутепе, 1950, п. 4; *2*, *3* — Мингечаур; *4* — хут. Кубанский; *5* — ст. Владимирская; *6* — Моздокский мог.; *7* — Подкумский мог., п. 13; *8* — Чечено-Ингушетия; *9*, *10* — Андрейаульский мог.; *11* — Таркинский мог., п. 30; *12* — Карабудахкентский мог., № 1, п. 38; *13* — с. Пригородное; *14* — Алхан-Кала, к. 4; *15* — Таркинский мог.; *16* — Калиновский мог., к. 12, п. 9; *17* — Калиновский мог., к. 46, п. 8; *18* — Калиновский мог., к. 55, п. 10; *19* — Потемкино, к. 5; *20* — II Бережновский мог., к. 57, п. 2; *21* — Мингечаур; *22* — Ялойлутепе, 1950, п. 2; *23* — Кобанский мог.; *24* — Нестеровский мог., п. 21; *25* — Н. Джулат, п. 54; *26* — II Бережновский мог., к. 33; *27* — II Бережновский мог., к. 57, п. 1

ская) [16]. Для памятников Центральных районов Северного Кавказа сарматского времени курильницы с отделением мало характерны, однако они хорошо представлены на территории Северо-Восточного Кавказа. Так, среди материалов из разрушенных погребений грунтового могильника Андрейаульского городища (сев. Дагестан) имеются курильницы с отделением в виде мисок на поддоне с плоским бортиком, покрытым орнаментом из заштрихованных треугольников (рис. 3, *9, 10*). Курильницы с отделением известны с территории Чечено-Ингушетии (рис. 3, *8*) [17]. Как разновидность этой формы сосудов можно рассматривать курильницы-погремушки с высоким поддоном, внутри которого помещались мелкие камешки. Такие курильницы не имели внутреннего отделения, и по этому признаку они близки ко второму типу, выделенному Н. В. Анфимовым, курильниц Прикубанья первых веков нашей эры. Курильницы-погремушки найдены в погребениях первых веков нашей эры на Северо-Восточном (Дагестан, Чечено-Ингушетия) [18] и Центральном Кавказе (рис. 3, *7, 13—15*) [19]. В материалах Таркинского могильника помимо курильниц-погремушек хорошо представлены так называемые «ритуальные чаши» [20], почти идентичные по форме курильницам-погремушкам, но не имеющие поддона (рис. 3, *11*). Эти рифленые чаши с отогнутым краем, покрытым орнаментом из заштрихованных треугольников, и с округлым углублением на дне делались, как уже отмечалось [21], в подражание широко распространенным в Закавказье металлическим сосудам. Имеются в Закавказье и глиняные чаши близкого типа (рис. 3, *2, 3*), что говорит о местном производстве этой группы дагестанских сосудов, изготовлявшихся по закавказским образцам.

В керамике первых веков нашей эры продолжается линия развития предшествующего времени, сохраняются те же основные ее группы. Однако в это время, особенно в период II—III вв., намечается некоторая стандартизация типов керамики, выделяются характерные для этого времени формы сосудов (кувшины с расширенным горлом, украшенным горизонтальными каннелюрами, кружки с небольшой петлевидной начинающейся от края ручкой, миски с загнутым внутрь краем и т. д.).

Рассмотрение керамики этого времени также выявляет некоторую общность ее форм для памятников различных районов Северного Кавказа.

Широкое распространение в первые века нашей эры получают сосуды с прямой трубчатой ручкой, соединяющейся с горлом сосуда при помощи перемычки. Все эти сосуды имеют широкое округлое тулово и часто высокое расширяющееся кверху горло (рис. 4, *1—11*). Сосуды такой формы известны в Закавказье, в частности в Грузии (рис. 4, *1—3*), где они датируются VI—IV вв. до н. э. [22] Наиболее ранние образцы этих сосудов на Северном Кавказе найдены, по-видимому, в Дагестане. Кувшины, близкие по форме к ялойлутепинским и имеющие трубчатую ручку, обнаружены в погребениях Шаракунского могильника рубежа

[16] *Анфимов Н. В.* Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа.— КСИИМК, № 58, 1955, с. 31—34.

[17] *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 197, рис. 22; Чечено-Ингушский краеведческий музей, № 1405; ГИМ, инв. № 18930.

[18] *Крупнов Е. И.* Новый памятник древних культур Дагестана.— МИА, 1951, № 23, с. 218, рис. 9, *3, 4*; *Виноградов В. Б.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г.— АЭС, т. II, 1968, с. 212, рис. 8.

[19] Подкумский могильник близ г. Кисловодска. ГИМ, инв. № 102627.

[20] *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.— МИА, № 23, 1951, с. 268, рис. 22, *5—7*; *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 220, рис. 11, *4, 5*.

[21] *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 223; *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 268.

[22] *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, т. II, М.— Л., 1950, с. 100—101; *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 224, 225, рис. 79, 80; *Надирадзе Д. Ш.* Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси, 1975, табл. XI, *12* (на груз. яз.); *Кигурадзе Н.* Дапнарский могильник. Тбилиси, 1976, с. 49, табл. XLI, *3*.

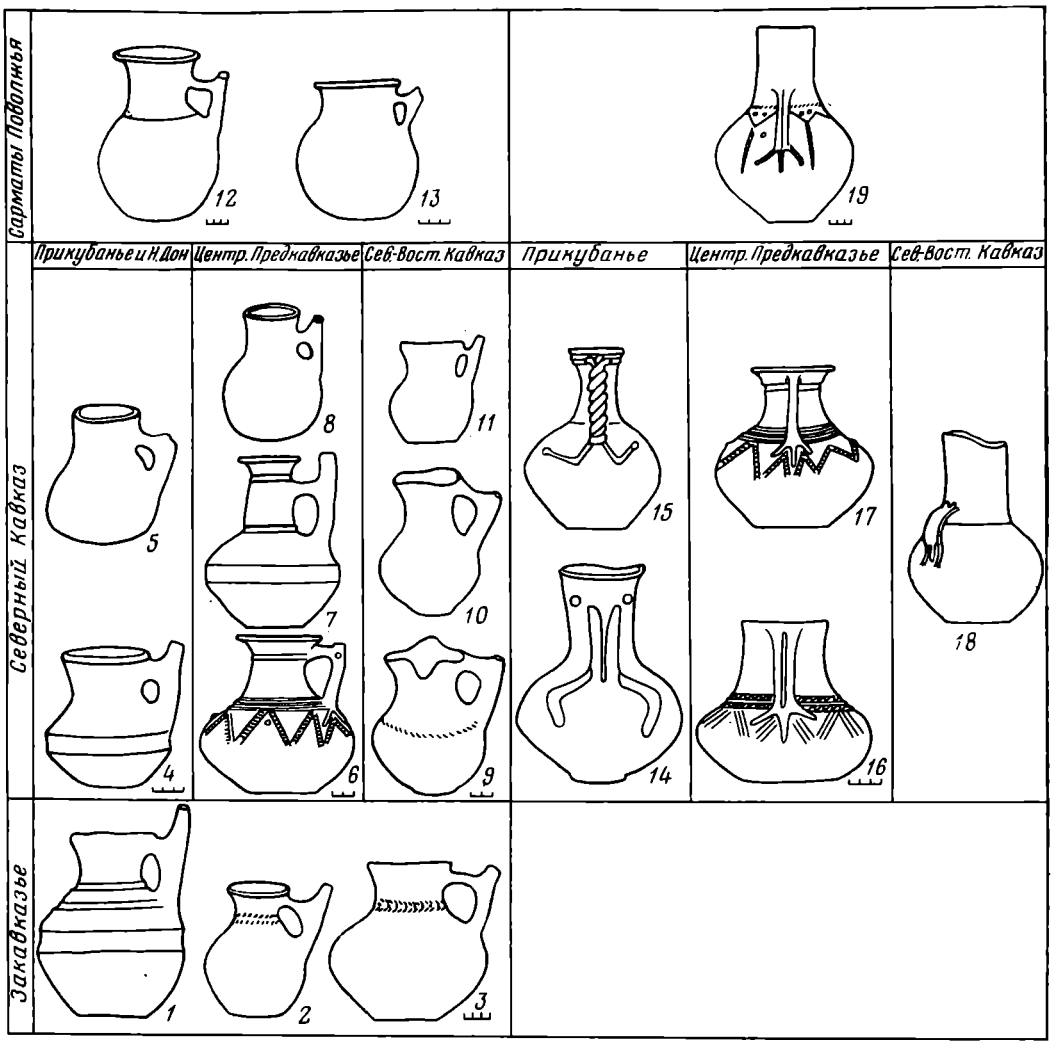


Рис. 4. Типы кувшинов. *1* — Урбниси; *2* — Дашнарский мог., п. XXXI; *3* — Тлийский мог.; *4* — Усть-Лабинский мог., к. 32; *5* — Танаис; *6* — Подкумский мог., п. 18; *7* — Подкумский мог., п. 3; *8* — Карца; *9, 10* — Шаракунский мог.; *11* — Карабудахкентский мог., № 1, п. 71; *12* — II Бережновский мог., к. 75; *13* — Ленинск, к. 3, п. 1; *14* — Лысая гора, 1914, к. 1; *15* — Усть-Лабинская, 1938, п. 33; *16* — Подкумский мог., п. 3; *17* — Подкумский мог., п. 18; *18* — Грозный; *19* — II Бережновский мог., к. 30

нашей эры (рис. 4, *9, 10*) [23]. В первых веках нашей эры сосуды с трубчатой ручкой распространяются по всей территории Северного Кавказа. Они найдены в памятниках первых веков нашей эры Дагестана [24], горных районов Осетии [25], района Кавминвод [26], Прикубанья [27] (рис. 4, *4—8, 11*). На территории Центрального Предкавказья сосуды этого типа доживают, по-видимому, до середины I тысячелетия н. э. [28]

В первых веках нашей эры распространяется еще один своеобразный тип кувшинов с яйцевидным (реже округлым) туловом и высоким гор-

[23] *Давудов О. М.* Культура Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 181, табл. XI, *5, 7*.

[24] *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 191, рис. 21, № 251; с. 208, рис. 33, № 70.

[25] С. Карца, собр. П. С. Уварова. ГИМ, инв. № 55421.

[26] Подкумский могильник близ Кисловодска. Погр. № 3 и 18 I—II вв. н. э. ГИМ, инв. № 102627 и 103089.

[27] Ст. Усть-Лабинская, кург. 32, раск. Н. И. Веселовского, 1902. ГИМ, инв. № 48478.

[28] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, № 106, 1962, с. 136, рис. 3А, *4*; 15А, *8*; 24А, *9*; 27А, *5*.

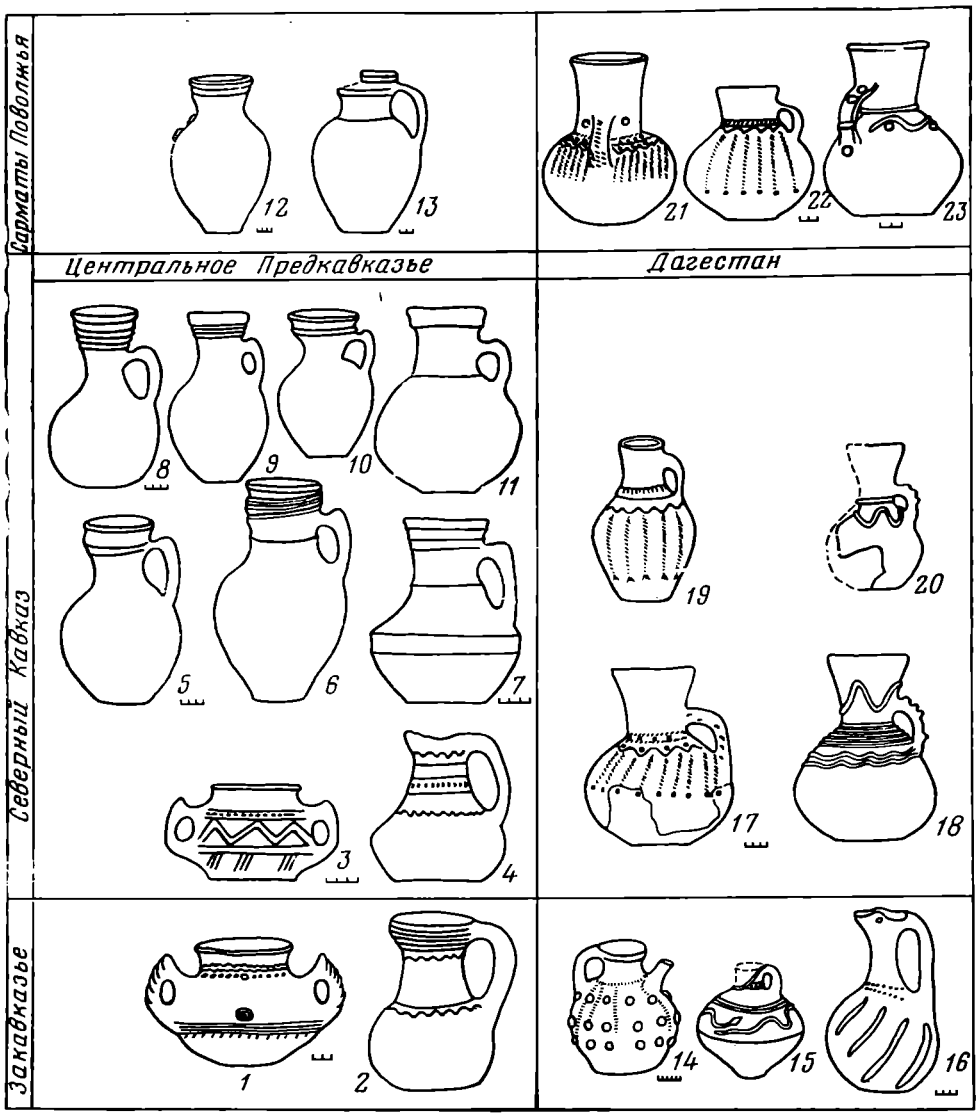


Рис. 5. Типы кувшинов. *1*, *2* — Мингечаур; *3* — Н. Джулат, п. 36; *4* — Н. Джулат, п. 54; *5*, *6*, *8* — Н. Джулат, разрушенные погр.; *7* — Н. Джулат, п. 42; *9* — Моздок; *10* — Н. Джулат, п. 33; *11* — Подкумский мог., п. 39; *12* — Политотдельский мог., к. 21; *13* — Бережновский мог., к. 34; *14*—*16* — Мингечаур; *17*, *18*, *20* — Андрейаульский мог.; *19* — Б. Буйнакский курган, п. 17; *21* — II Бережновский мог., к. 98; *22* — Политотдельское, к. 14; *23* — Быково, к. 4, п. 1

лом. Характерными признаками кувшинов этой группы является расширенное в верхней части горло, орнаментированное горизонтальными канелюрами, и изогнутая под углом ручка (рис. 5, *5*—*11*). Все эти кувшины сделаны на гончарном круге и имеют лощеную поверхность. Средняя высота их 0,30 *м*, но встречаются кувшины меньших размеров — 0,17—0,20 *м*. По-видимому, кувшины этого типа можно считать продукцией местных племен Центрального Предкавказья. Материалы Нижне-Джулатского могильника дают до 10 сосудов подобной формы (включая кувшины из разрушенных погребений). Кувшины, происходящие из датированных комплексов Нижне-Джулатского могильника, относятся ко II—III вв. н. э. Аналогичной формы кувшины были найдены и в окрестностях Моздока [29] (рис. 5, *9*). Близкий по форме кувшин происходит из

[29] *Скалон К. М.* Изображение животных на керамике сарматского периода.— ТОИПК, т. I, 1940, с. 203, табл. XIII, *2*.

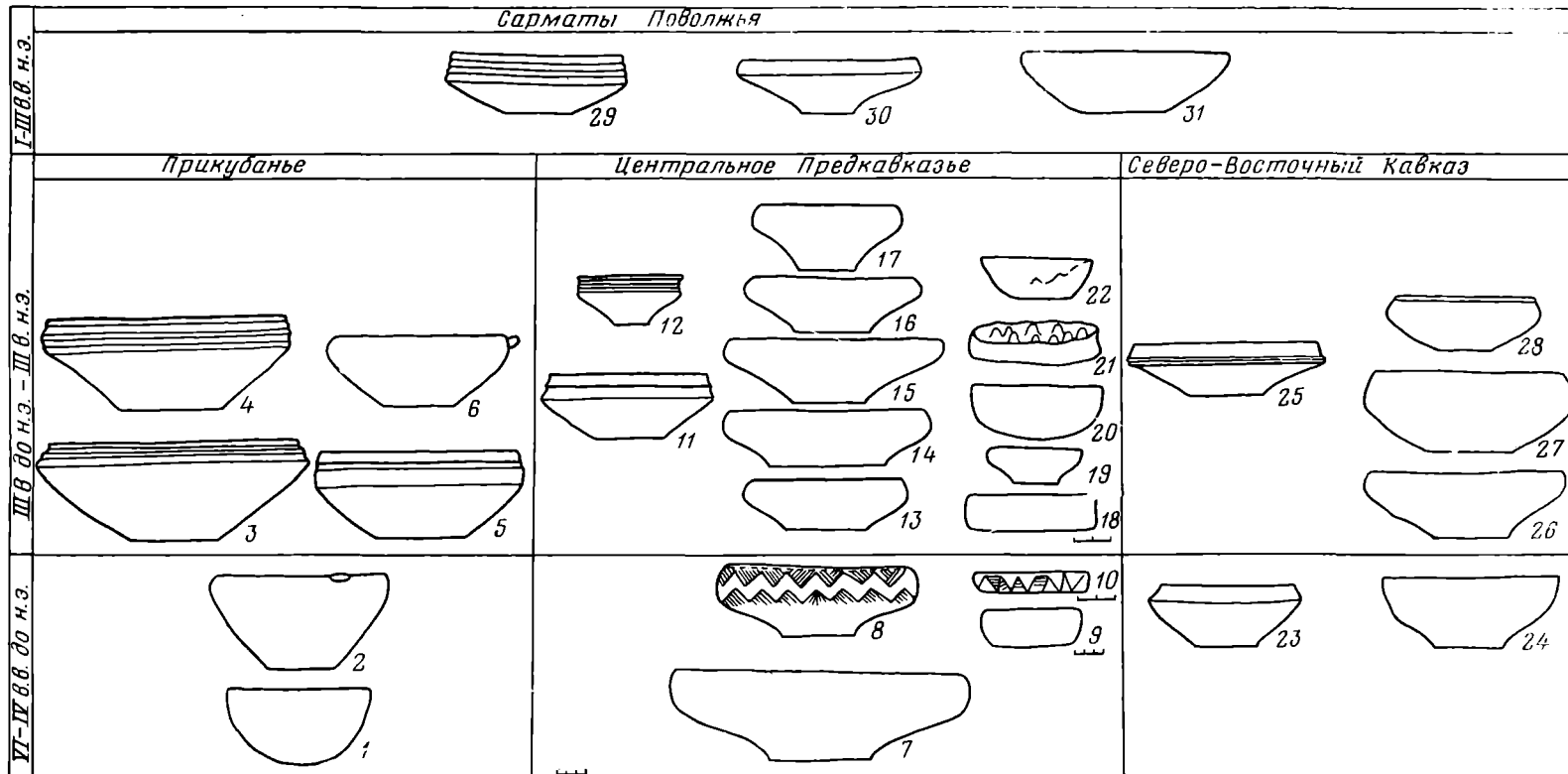


Рис. 6. Типы мисок. *1* — ст. Усть-Лабинская, 1936, п. 16; *2* — ст. Усть-Лабинская, 1936, п. 11; *3*, *4* — Армавир, к. 1; *5* — ст. Усть-Лабинская, 1938, п. 101; *6* — ст. Кубанская, к. 6; *7* — Комарово, п. 4; *8* — Комарово, п. 6; *9* — Комарово, п. 4; *10* — Н. Джулат, п. 84; *11* — Н. Джулат, п. 56; *12* — Н. Джулат, п. 54; *13* — Н. Джулат, п. 100; *14* — Н. Джулат, п. 44; *15* — Н. Джулат, п. 42; *16* — Н. Джулат, п. 66; *17* — Моздок; *18* — Карца, п. 10; *19* — Н. Джулат, п. 46; *20* — Подкумский мог., п. 16; *21* — Н. Джулат, п. 102; *22* — Н. Джулат, п. 77; *23*, *24* — Шаракунский мог.; *25* — Андрейаульский мог.; *26* — ст. Ассинская, к. 1, п. 3; *27* — Карабудахкентский мог., № 1, п. 40; *28* — Карабудахкентский мог., № 1, п. 34; *29* — II Бережновский мог., к. 108; *30* — мог. Три Брата, гр. II, к. 24; *31* — Политотдельский мог., к. 21

погребения II—III в. Подкумского могильника (рис. 5, *11*) [30]. Известны сосуды такой формы и в некрополе Танаиса [31]. Однако и для района Кисловодска и тем более для Танаиса сосуды этого типа, по-видимому, не характерны, так как найдены там в единичных экземплярах. Очевидно, центром производства такой керамики была территория Притеречья (северные районы современной Кабардино-Балкарии и, возможно, Северной Осетии).

Широкое распространение по всему Северному Кавказу получают в первые века нашей эры сероглиняные лощеные миски, среди которых преобладают, особенно в районах Центрального Предкавказья, неглубокие миски с загнутым внутрь краем и с прогнутыми у дна стенками. Эти миски имеют несомненно местное происхождение, так как прямые прототипы их известны в Центральном Предкавказье в погребениях местных племен скифского времени (рис. 6, *7, 8*). Миски такой формы характерны, по-видимому, главным образом для центральных районов Предкавказья, включая плоскостные и предгорные районы Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии (рис. 6, *13—17, 26*). В погребениях I—III вв. н. э. Подкумского могильника (район Кисловодска) миски такого типа не обнаружены. Мало характерны такие миски и для памятников Прикубанья, где преобладают в это время миски с желобчатым краем.

В погребениях первых веков нашей эры Нижне-Джулатского могильника найдены миниатюрные мисочки (диаметром 5—6 *см*) с прямыми стенками и коническими выступами на дне (рис. 6, *21, 22*). Близкие по форме мисочки, не имеющие, правда, выступов, найдены в погребениях скифского времени этого же могильника (рис. 6, *10*) [32], а также в погребениях горных районов Северной Осетии последних веков до нашей эры [33] (рис. 6, *18*), что с несомненностью свидетельствует о местном происхождении этой группы ритуальных сосудов Центрального Предкавказья.

Некоторая общность в керамике различных районов Северного Кавказа прослеживается и при рассмотрении деталей оформления сосудов. Как известно, в первых веках нашей эры на Северном Кавказе получает широкое распространение керамика с зооморфными ручками. Как уже отмечалось, в I—II вв. н. э. на Северном Кавказе существовали две локальные группы керамики с реалистическими изображениями животных: в Прикубанье, где преобладают изображения барана, и в Дагестане, для которого характерны изображения лошади на сосудах [34]. Распространение таких сосудов можно, по-видимому, поставить в связь с влиянием керамических традиций Кавказской Албании, где керамика с зооморфными ручками, изображающими, в частности, и фигуру лошади, бытует уже с середины I тысячелетия до н. э. [35] Однако несомненно, что и эта группа сосудов Дагестана, хотя и носит следы закавказских влияний, являлась продукцией местного производства.

В памятниках Центрального Предкавказья I—II вв. н. э. сосуды с зооморфными ручками в виде реалистических фигур животных встречаются довольно редко. В частности, погребения этого времени на вновь открытых могильниках (Нижне-Джулатский в Кабардино-Балкарии, Подкумский близ Кисловодска) такой керамики не содержат. Имеются лишь сосуды с налепами у основания ручки, имитирующими лапы и хвост животного. Такие сосуды встречаются в разных районах Северно-

[30] ГИМ. пнв. № 103551.

[31] *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса.— МИА, № 98, 1961, с. 35, табл. XXI, *1*.

[32] *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья.— СА, 1974, № 2, с. 206, рис. 6, *12*.

[33] С. Карца, раскопки М. П. Абрамовой, 1975, погр. 10. Материал хранится в Северо-Осетинском музее краеведения.

[34] *Абрамова М. П.* О керамике с зооморфными ручками.— СА, 1969, № 2, с. 79.

[35] *Голубкина Т. И.* Ук. соч., с. 108—110; *Рзаев Н. И.* Ук. соч., с. 14, 15.

го Кавказа (рис. 4, *14—18*). Однако в следующий период (III—V вв. н. э.) керамика с зооморфными ручками в виде стилизованных изображений животных распространяется по всей территории Северного Кавказа, особенно в центральных его районах, в то время как в Прикубанье количество сосудов такого типа резко сокращается, что связано, по-видимому, с изменением политической обстановки и прекращением жизни на городищах правого берега Кубани. В это время наиболее характерной особенностью таких ручек является наличие у них вертикального отростка, заканчивающегося наверху горизонтальным срезом, на котором часто имеется изображение лица (глаз и рта). Наличие сосудов с орнаментированными таким специфическим образом ручками на памятниках разных районов (плоскостных районов Чечено-Ингушетии, горных районов Северной Осетии, в курганных погребениях Прикубанья) [36] еще раз говорит об общности некоторых идеологических представлений, отражаемых в оформлении ритуальных сосудов, у населения Северного Кавказа в первой половине I тысячелетия н. э.

Как уже отмечалось, отдельные типы сосудов местного производства делались в подражание закавказским образцам (двуручные сосуды, сосуды с трубчатой ручкой и др.). В материалах Нижне-Джулатского могильника последних веков до нашей эры — рубежа нашей эры имеются отдельные сосуды, выделяющиеся по форме из общего круга северокавказской керамики этого времени и находящие близкие, хотя и не совсем точные аналогии в керамике Кавказской Албании. Это, во-первых, двуручный сероглиняный лощеный сосуд с округлым туловом и короткой шейкой (рис. 5, *3*). На тулове орнамент из вдавленных лощилом полос и точечных наколов. Близкий по форме сосуд имеется среди материалов кувшинных погребений Мингечаура (рис. 5, *1*) [37]. Среди различных элементов орнамента, украшающего этот сосуд, имеется и ряд наколов, которые наряду с насечками, резными волнистыми и прямыми линиями являются характерной особенностью орнамента на албанской керамике. В погр. 54 Нижне-Джулатского могильника три из четырех обнаруженных в нем сосудов близки по тем или иным признакам к закавказским, скорее всего албанским, образцам. Первый из них — кувшин с низким приземистым туловом, высоким горлом и ручкой, начинающейся от края сосуда (рис. 5, *4*). В верхней части его тулова и на горле резной орнамент из горизонтальных прямых и волнистых линий и ряда точек, на ручке косые насечки. Как по форме, так и по характеру орнамента кувшин находит аналогии в керамике Кавказской Албании (рис. 5, *2*) [38]. Найденная в погребении двуручная миска из красной глины на небольшом поддоне имеет следы ангоба, что также является характерной чертой албанской керамики. В этом же погребении обнаружен и миниатюрный сдвоенный сосуд (рис. 3, *25*). Сдвоенные сосуды известны на Северном Кавказе в кобанское и скифское время (рис. 3, *23, 24*) [39], однако более ранние образцы сдвоенных и строенных сосудов происходят из Закавказья [40], где они бытуют и в более позднее время (рис. 3, *21, 22*). М. Н. Погребова связывает появление таких сосудов в Закавказье с иранским влиянием, подчеркивая, что общим является только сам принцип соединения сосудов [41]. То же можно сказать и о сосудах Северного Кавказа — соединенными оказывались сосуды характерных для того периода форм. В частности, на Нижне-Джулатском могильнике

[36] *Абрамова М. П.* О керамике с зооморфными ручками, с. 79, рис. 2, *30*; 3, *8, 12, 32, 33*.

[37] *Казиев С. М.* Альбом..., табл. XVIII, *2*.

[38] Там же, табл. XX, *2*.

[39] *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.— МАК, 1900, т. VIII, табл. XLII, *11*; *Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 478, табл. LVIII, *1*.

[40] *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Древний Мингечаур. Баку, 1959, табл. XLI, *2*.

[41] *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 104.

найдена целая серия одиночных сосудов, близких по форме сдвоенным.

Выше уже рассмотрены некоторые формы сосудов, находящих прототипы в Закавказье, главным образом в керамике Кавказской Албании. В орнаменте отдельных сосудов, происходящих из погребений ранней группы Нижне-Джулатского могильника (последние века до нашей эры — рубеж нашей эры), также можно видеть ряд элементов (резной орнамент в виде горизонтальных волнистых линий, ряды точечных наколов, отпечатки штампа в виде четырехлепестковой розетки — рис. 1, *8, 25*), связанных с влиянием традиций Кавказской Албании.

Таким образом, керамическое производство Северного Кавказа последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры испытывало значительное влияние Кавказской Албании с ее высокоразвитым керамическим производством, отличавшимся своеобразием форм и высоким качеством выполнения керамики. Это влияние особенно сильно прослеживается на территории Дагестана. В частности, раскопки Андрейаульского городища, ранние слои которого относятся ко II—III вв., дали большое количество керамики, являющейся несомненно продукцией местного производства, испытывавшего значительное воздействие традиций Кавказской Албании[42]. Однако область распространения этого влияния не ограничивалась территорией Дагестана, оно проникало и далее, вплоть до районов Центрального Предкавказья, включая северо-западные районы современной Кабардино-Балкарии (Нижне-Джулатский могильник) и к северу. Однако здесь это влияние прослеживалось несомненно не столь сильно, как на территории Дагестана, где многие формы местной керамики первых веков нашей эры делались в подражание закавказским образцам. В Центральном Предкавказье основная масса керамики последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры имела генетическую связь с керамикой более раннего времени этой же территории, и лишь некоторые элементы орнамента или одиночные своеобразные формы сосудов указывают на имеющиеся контакты с Кавказской Албанией.

Керамические материалы Подкумского могильника, расположенного близ Кисловодска, показывают, что эти районы тяготеют в большей степени к западу — территории Прикубанья, где был высокоразвитый очаг керамического производства местных племен. Следовательно, как и рассмотрение керамики с зооморфными ручками, разбор других данных керамического производства Северного Кавказа показывает наличие в последних веках до нашей эры — первых веках нашей эры двух центров, оказывавших влияние на керамическое производство Северного Кавказа — у меотов Прикубанья и в Кавказской Албании. Нельзя при этом не учитывать и значительную роль древних племен, населявших территорию Дагестана, которые способствовали распространению закавказских форм керамики в другие районы и сами, по-видимому, обладали высокоразвитым керамическим мастерством, создавая новые образцы и приспосабливая закавказские формы к своим вкусам.

Влияние закавказских традиций в керамике плоскостных и предгорных районов Центрального Предкавказья прослеживается главным образом до рубежа нашей эры. В памятниках первых веков нашей эры продолжается развитие местных форм керамики предшествующего времени при усилившемся влиянии традиции Прикубанья, особенно для западных районов Северного Кавказа, включая район Кавминвод.

В это же время возрастает роль и влияние керамического производства восточной части центральных районов, по-видимому, притеречных (район Нижнего Джулата, Моздока и прилегающих районов Чечено-

---

[42] *Магомедов М. Г., Абрамова М. П., Гмыря Л. Б.* Исследование Андрейаульского городища.— АО — 1976. М., 1977, с. 109; *Магомедов М. Г.* Происхождение раннесредневековой культуры терско-сулакского междуречья.— Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1978, с. 9.

Ингушетии), где уже в последних веках до нашей эры сложилось, как показывают раскопки Нижне-Джулатского могильника, своеобразное, в целом отличное от Дагестана и Прикубанья керамическое производство. Дальнейшее развитие этой керамики привело, как отмечалось выше, к развитию некоторой стандартизации ее форм. С периода III—V вв. в центральных районах Предкавказья (на территории Чечено-Ингушетии, Осетии и Кабардино-Балкарии) происходит сложение аланской керамики, расцвет и дальнейшая стандартизация форм которой приходится на VI—VIII вв. н. э. В этот период серолощеная керамика определенных форм распространяется на всей территории Центрального Предкавказья, включая горные районы. Однако в керамике горных районов и в это время по-прежнему прослеживается влияние Закавказья, о чем свидетельствуют находки сосудов закавказских форм. Так, в памятниках Дигории (Рутха, Кумбулта) найдены красноглиняные узкогорлые кувшины с грушевидным туловом и одной ручкой. Все они хорошего обжига и имеют гладкую лощеную поверхность. Поскольку все сосуды такого типа, найденные на Северном Кавказе, происходят из разрозненных коллекций, датировка их долгое время не была определенной. Затем В. А. Кузнецов, основываясь на дате черноглиняного сосуда, найденного при раскопках Рустави в слоях X—XIII вв., отнес северокавказские красноглиняные сосуды этого типа к XI—XIII вв.[43] Однако в последние годы красноглиняные сосуды абсолютно аналогичной формы и выделки найдены на памятниках Грузии, расположенных в предгорьях Большого Кавказа, в бассейне р. Квирила на территории Аргвети — восточной провинции древней Колхиды, где они датируются IV в. н. э.[44] Абсолютная идентичность сосудов с территории Грузии и Дигории позволяет отнести северокавказские сосуды этого типа к IV—V вв. н. э. и рассматривать их как предметы грузинского импорта. Предметами импорта из Закавказья являются, по-видимому, и некоторые другие высококачественные красноглиняные сосуды, найденные на памятниках горных районов эпохи раннего средневековья.

Таким образом, сосуды закавказских форм встречаются в керамике как горных, так и плоскостных районов Центрального Предкавказья. В горных районах это преимущественно высококачественные сосуды, являющиеся предметами импорта. В предгорных и плоскостных районах эти сосуды были в подавляющем большинстве продукцией местного производства, использовавшего закавказские формы сосудов или элементы их орнамента, приспособленные к местным вкусам. Наиболее сильно влияние закавказских керамических традиций в этих районах прослеживается на раннем этапе рассматриваемого периода — в последних веках до нашей эры вплоть до рубежа нашей эры. В первых веках нашей эры господствует уже керамика местных типов, развитие которой привело к сложению новых форм, характерных для аланской культуры Северного Кавказа.

В заключение, опираясь на изучение керамики, рассмотрим вопрос о связях племен Северного Кавказа с северными соседями — сарматскими кочевыми племенами. Наиболее близкой, занятой кочевниками территорией являются степи Ставрополья, где в последние годы обнаружен ряд впускных подкурганных сарматских погребений последних веков до нашей эры (IV—II вв. до н. э.). Материалы этих погребений свидетельствуют, что культура сарматских племен Ставрополья была почти тождественна культуре северокавказских племен [45]. Эти погребения содержат кавказский набор оружия, в том числе меч с брусковидным навершием

---

[43] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа, с. 112, рис. 33.

[44] *Надирадзе Д. Ш.* Ук. соч., с. 154, рис. 5.

[45] *Кореняко В. А., Найденко А. В.* Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край).— СА, 1977, № 3, с. 247.

без перекрестия, положенный в погребение согнутым пополам, что встречается в погребениях IV—III вв. до н. э. Северного Кавказа [46]; наконечники копий, вообще нехарактерные для погребального инвентаря сарматских племен; железные втульчатые наконечники стрел, типичные для памятников местных племен Северного Кавказа от Прикубанья до Дагестана. Такой же кавказский облик, как подчеркивают авторы публикации, имеет и другой инвентарь исследованных погребений — украшения, пряжки, а также набор глиняных сосудов. Вся керамика хорошего обжига, лощеная, что нехарактерно для сосудов сарматских племен Поволжья и Приуралья этого времени [47]. Найденные в погребениях сосуды по форме и орнаменту находят аналогии в керамике Северного Кавказа. Представляет интерес ритуальный сосуд с двумя ручками-выступами, внутри которого обнаружено семь камней (рис. 2, *19*) [48]. Близкие по форме сосуды найдены и в грунтовых могильниках Ставрополья (рис. 2, *18*, *20*) [49]. Эти сосуды, относящиеся к кругу ритуальных, найденных в погребениях IV—III вв. до н. э. Пашковского могильника Прикубанья и в погребениях последних веков до нашей эры Нижне-Джулатского могильника в Кабардино-Балкарии, свидетельствуют об общих корнях не только материальной, но и некоторых элементов духовной культуры кочевавших в ставропольских степях сарматских племен и местного населения Северного Кавказа [50]. Очевидно, район ставропольских степей был зоной тесного контакта кочевников-сарматов с оседлым северокавказским населением. Кавказский облик культуры сарматских кочевников Ставрополья говорит о длительном пребывании сарматских племен на этой территории. Эти племена, очевидно, достаточно давно жили и кочевали здесь, находясь постоянно в сфере влияния культуры северокавказских племен, что подтверждается главным образом набором оружия и керамики.

Что касается сарматов более северных областей — Калмыкии, Нижнего Дона и Поволжья, то общий обзор их керамики дает следующую картину. В прохоровское время (IV—II вв. до н. э.) у сарматов господствуют лепные сосуды простейших форм, главным образом безручные сосуды (реже кувшины) с грушевидным, яйцевидным или шаровидным туловом, а также курильницы [51]. Сосуды сделаны из грубой глины, плохо обожжены, имеют неровную, немного заглаженную поверхность. Многие из сосудов орнаментированы резными или пролощенными линиями, чаще всего вертикальными, которые обычно группируются по две-четыре параллельные линии. Такой орнамент особое распространение получает на сосудах конца прохоровского периода — в III—II вв. до н. э. (рис. 1, *33—38*). В памятниках сарматов более раннего времени сосуды с таким орнаментом единичны (рис. 1, *29—32*). Орнамент из вертикальных резных борозд, занимающих все тулово сосуда (рис. 1, *29*), рассматривается К. Ф. Смирновым как пережиток обычая обработки поверхности сосудов путем сглаживания ее, бытующего в эпоху срубной культуры [52]. Этот орнамент, возможно, повлиял на распространение у сарматов обычая украшать сосуды пучками вертикальных полос из двух-четырех линий. Поэтому возникновение этого орнамента у сарматов могло иметь

---

[46] *Керефов Б. М.* Памятники племен Центрального Предкавказья III—I вв. до н. э.— Уч. зап. КБНИИ, т. XXVI, 1974, с. 142, рис. 2, *22*, *30*.

[47] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ-Д1-10. М., 1963, с. 24.

[48] *Кореняко В. А., Найденко А. В.* Ук. соч., с. 242, рис. 6, *3*.

[49] Пользуюсь случаем поблагодарить В. Г. Петренко за разрешение использовать неопубликованные материалы Ставропольской экспедиции.

[50] Представляет интерес факт нахождения сосуда, несколько напоминающего кавказские сосуды с гальками, в погребении сарматов Поволжья (см. в данной статье рис. 2, *21*). Внутри него также обнаружены камни (в виде молоточковидных предметов).

[51] *Мошкова М. Г.* Ук. соч., с. 24—27.

[52] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 122.

свои корни. Однако нельзя не учитывать и контакты сарматских племен с населением Северного Кавказа. Сосуды с подобным орнаментом сосредоточены в основном в Нижнем Поволжье, т. е. в южных районах распространения сарматских племен. О влиянии керамических традиций Северного Кавказа на производство сарматской керамики начиная с савроматской эпохи писал и К. Ф. Смирнов [53]. Так или иначе, факт широкого распространения такого орнамента на керамике Северного Кавказа в начале I тысячелетия до н. э. и особенно в скифское время не позволяет связывать появление его на северокавказских сосудах сарматского времени с влиянием орнаментальных традиций сарматских племен.

С последних веков до нашей эры, а именно со II—I вв., набор керамики сарматских племен становится значительно разнообразнее, но не за счет развития собственных форм керамики, а за счет увеличения доли импортных сосудов. В это время в сарматских погребениях появляются курильницы с отделением и ритуальные чаши, идентичные дагестанским (рис. 3, *17—20*). Дагестанскими по происхождению можно считать и отдельные формы кувшинов первых веков нашей эры — с цилиндрическим горлом и округлым туловом, с орнаментом в виде валиков и косых насечек (рис. 5, *21—23*). Эти кувшины находят близкие аналогии в керамике Андрейаульского городища и могильника, Буйнакского кургана и других памятников Дагестана (рис. 5, *17—20*), где они являются продукцией местного производства, испытавшего влияние закавказских традиций, что в первую очередь проявляется в способах орнаментации сосудов (валики, несечки), широко распространенных на албанской керамике (рис. 5, *14—16*). О близости некоторых сарматских сосудов к дагестанским писал в свое время и И. В. Синицын, считая, что они являлись продукцией одних производственных центров [54]. В это же время распространяются у сарматов и сосуды с зооморфными ручками, значительно стилизованными по сравнению с северокавказскими, появляются кувшины с трубчатой ручкой (рис. 4, *12—13*), сдвоенные сосудики из алебастра (рис. 3, *26, 27*), а также разнообразные сосуды прикубанских форм. Подавляющее большинство этих сосудов сделано на гончарном круге, следовательно, они являлись предметами импорта, но есть и лепные сосуды близких форм, которые, по-видимому, изготавливались сарматами в подражание импортным. С первых веков нашей эры, особенно во II—III вв., в сарматских погребениях часто встречаются миски — сероглиняные гончарные, известные в археологической литературе как «сарматские миски». Однако миски эти не имеют прототипов в сарматской керамике более раннего времени. В центральных районах Кавказа миски близких форм известны со скифского времени, поэтому они несомненно имеют северокавказское происхождение. В сарматское время кавказские миски (среди которых наибольшее распространение получили миски с загнутым внутрь краем и прогибом в нижней части стенок) делались на гончарном круге. Миски такого типа из сарматских погребений (рис. 6, *30*), также гончарные, являлись предметами северокавказского импорта. Характерны они главным образом для памятников южных районов сарматской территории (предкавказские степи, Калмыкия, Астраханская обл. и др.).

Рассмотренные выше характерные для памятников Центрального Предкавказья II—III вв. н. э. кувшины с расширением в верхней части горла, украшенным горизонтальными каннелюрами, также обнаружены в сарматских погребениях междуречья Дона и Волги (материал не опубликован) и Поволжья (рис. 5, *12, 13*).

Таким образом, появившиеся в сарматской керамике сосуды новых форм происходят, по-видимому, из тех самых центров, которые существовали на Северном Кавказе,— из Дагестана, с территории Централь-

[53] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 108—110.

[54] *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.).— МИА, № 60, 1959, с. 200.

ного Предкавказья и Прикубанья. Влияние керамического производства Центрального Предкавказья сказывалось в первую очередь на прилегающих территориях (степях Ставрополья, в Калмыкии, Астраханской обл. и юге Ростовской обл.), о чем свидетельствует прежде всего распространение на этой территории гончарных мисок с загнутым внутрь краем и прогибом у дна, а также кувшинов с расширением в верхней части горла. Оттуда отдельные сосуды северокавказского производства могли попадать к сарматам Поволжья и Заволжья. У сарматов Поволжья более тесные связи в первых веках нашей эры были, по-видимому, с территорией Нижнего Дона и Прикубанья, чем с Центральным Предкавказьем. О тесных связях сарматов Поволжья с Подоньем в I—II вв. н. э. писала М. Г. Мошкова [55]. Большую роль Танаиса в торговле сарматов в первых веках нашей эры отмечал и Д. Б. Шелов [56]. Косвенным подтверждением усилившихся в первых веках нашей эры связей сарматов с юго-западными районами — Нижним Доном и Прикубаньем — могут служить и другие материалы, в частности находки зеркал. Как известно, в I в. н. э. появляются зеркала с боковой петлей и утолщением в центре. На Северном Кавказе такие зеркала характерны главным образом для районов Центрального и Восточного Предкавказья. Они известны и с территории Прикубанья, но не получили там столь широкого распространения. Зеркала этого типа датируются I — началом II в. н. э. Во II—III вв. дальнейшее развитие этого типа зеркал приводит к значительному уменьшению центрального выступа и появлению рельефного орнамента. В это время такие зеркала получают широкое распространение в Прикубанье, Крыму, городах Северного Причерноморья, на Нижнем Дону. Для центральных и восточных районов Северного Кавказа зеркала этого типа мало характерны. Здесь на смену профилированным зеркалам I — начала II в. н. э. приходят зеркала с центральной петлей, распространившиеся, как показывают материалы Подкумского могильника, уже во II—III вв. Начиная с этого времени и до начала II тысячелетия н. э. зеркала с центральной петлей становятся господствующей формой в памятниках Северного Кавказа. Поскольку в сарматских памятниках Поволжья II—III вв. бытуют главным образом орнаментированные зеркала с боковой петлей, можно говорить о том, что в это время связи сарматских племен с юго-западными областями (в частности, с Нижним Доном и Прикубаньем) были более устойчивы, чем с Центральным и Северо-Восточным Кавказом. Оттуда, по-видимому, поступала на территорию сарматского Поволжья и большая часть импортных сосудов.

Таким образом, собственно сарматская керамика довольно однообразна и бедна. Сарматы — кочевые племена, имевшие довольно низкий уровень развития материальной культуры, плохо развитое керамическое производство, незнакомое с гончарным кругом. Развитие сарматской керамики в Поволжье шло, по-видимому, под воздействием южных и юго-западных влияний (Нижний Дон, Прикубанье, Центральный и Северо-Восточный Кавказ). Кавказские племена находились, несомненно, на более высоком уровне развития и имели более развитые традиции керамического производства. Выделение среди сарматской керамики отдельных групп, связываемых с определенными центрами, требует, несомненно, более тщательной обработки этих материалов. Но уже сейчас можно выделить определенные типы сосудов, связанные с северокавказскими центрами (Дагестан и Центральное Предкавказье). О наличии в составе сарматской керамики продукции нескольких разных центров писал и Д. Б. Шелов [57].

---

[55] *Мошкова М. Г.* Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья. Автореф. канд. дис. М., 1956, с. 10.

[56] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972, с. 203—215.

[57] *Шелов Д. Б.* Ук. соч., с. 215.

В целом разбор керамики северокавказских племен выявляет местное ее производство при определенном воздействии более развитых керамических традиций Закавказья. Местные племена Северного Кавказа распространяли эти традиции далее к северу, в первую очередь к кочевому сарматскому населению прилегающих территорий, а оттуда — в другие районы обитания сарматских племен. Поэтому факт бытования на Кавказе форм сосудов, находящих аналогии в сарматской керамике, не является свидетельством проникновения на территорию Северного Кавказа сарматских племен, а говорит лишь о контактах северокавказских и сарматских племен при несомненном преобладании воздействия северокавказской культуры на сарматскую.

Существующая точка зрения, что все население плоскостных районов Центрального Предкавказья в первых веках нашей эры и в эпоху раннего средневековья было сарматским по происхождению, а местные племена Северного Кавказа обитали в это время в горах, отброшенные туда вторжением сарматов, вызывает серьезные возражения, что уже отмечалось в печати [58]. Археологические материалы не выявляют следов каких-либо массовых вторжений на указанную территорию вплоть до эпохи гуннского нашествия, когда действительно сокращается число погребений в северных районах Кавказа, что подтверждается, в частности, материалами таких могильников Центрального Предкавказья, как Нижне-Джулатский, имевший большой хронологический диапазон — с последних веков до нашей эры до VII в. н. э.; распространяется на Северном Кавказе обычай деформации черепов, господствовавший у сарматских племен во II—III вв. н. э., но не известный на Кавказе до вторжения гуннов, и т. д. Попытка объяснить возникновение цепи городищ на Тереке стремлением сираков защититься от натиска аорсов, а появление укрепленных городищ на Сунже — желанием алан защититься от южных соседей — аборигенных кавказских племен [59] — также неправомерна. Прежде всего, все эти городища, по существу, не исследованы и точное время их возникновения не известно. Культурные слои их насыщены хозяйственными ямами, что затрудняет выделение и датировку ранних слоев. В частности, И. М. Чеченов датировал время возникновения Нижне-Джулатского городища первыми веками нашей эры, основываясь при этом на найденных в слое городища фрагментах керамики, фибулах, привесках и пряжках этого времени [60]. Однако при раскопках городища в 1966 г. в единственном заложенном на территории цитадели раскопе, в материковом слое, между хозяйственными ямами, было обнаружено погребение последних веков до нашей эры [61], по своему характеру близкое к другим погребениям Нижне-Джулатского могильника, расположенным за пределами городища. Следовательно, весьма вероятно, что те материалы, которые позволили определить нижнюю дату городища, происходят на самом деле из разрушенных при рытье хозяйственных ям древних погребений Нижне-Джулатского могильника. В этом случае время возникновения Нижне-Джулатского городища остается неизвестным.

Кроме того, неясен еще вопрос о времени появления укреплений вокруг городищ, иначе говоря, о времени возникновения этих городищ как укрепленных поселений. Раскопки вала Нижне-Джулатского городища позволили И. М. Чеченову датировать его возникновение предмонгольским временем (X—XIII вв.), а сооружение саманной стены на нем отнести к XIV в. [62] Поэтому у нас нет никаких данных, позволяющих

---

[58] *Багаев М. Х.* Некоторые черты материальной культуры вайпахских племен в раннем средневековье.— МАДИСО, т. III, 1975, с. 51—53.

[59] *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 123—125.

[60] *Чеченов И. М.* Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г.— Уч. зап. КБНИИ, т. XXV, 1967, с. 218, 219, 223.

[61] *Чеченов И. М.* Ук. соч., с. 207.

[62] Там же, с. 221—225.

относить возникновение городищ как укрепленных поселений к догуннскому периоду. Следовательно, в сарматское время оседлое население Центрального Предкавказья жило на поселениях, располагавшихся на возвышенных местах. Местную (но не сармато-аланскую) основу этого населения подтверждает, в частности, наличие красноангобированной керамики в нижних слоях Алхан-Калинского городища [63].

Материалы Нижне-Джулатского могильника, расположенного в северных, пограничных с сарматами районах Центрального Предкавказья, не позволяют говорить о каких-либо массовых вторжениях сарматских племен на рубеже и в первых веках нашей эры. Данные погребального обряда и материальной культуры говорят о непрерывном развитии этой культуры и, следовательно, о единой в целом этнической основе населения этого района с последних веков до нашей эры вплоть до эпохи гуннского нашествия, хотя, несомненно, проникновение кочевников — сарматов на эту территорию происходило еще со скифского времени, о чем свидетельствуют обнаруженные в Предкавказье памятники — подкурганные захоронения с инвентарем скифо-сарматского типа. Не исключает это обстоятельство и факта оседания сарматских племен на территории Северного Кавказа. Однако переход к оседлому образу жизни в первую очередь должен был происходить у тех сарматских племен, которые в течение долгого времени жили в тесном контакте с оседлыми северокавказскими племенами и давно уже восприняли их культуру, о чем прежде всего свидетельствуют материалы раскопок сарматских памятников ставропольских степей. Все это говорит о том, что процесс оседания сарматов не мог найти существенного отражения в данных материальной культуры или погребального обряда. Оседание сарматских племен могло сопровождаться лишь все большим и большим распространением среди кавказских племен иранского языка, который на данном этапе мог быть единственно ощутимым свидетельством того, что длительные контакты северокавказских племен привели, наконец, к проникновению и оседанию отдельных групп ираноязычных сарматов в среду местного населения Северного Кавказа.

M. P. Abramova

ON THE PROBLEM OF INTERRELATIONS OF THE NORTH CAUCASIAN TRIBES IN THE SARMATIAN EPOCH

Summary

An analysis of the characteristic forms of pottery from plains and foothils of central part of the Northern Caucasus, dated last centuries B. C.— first centuries A. D. shows two main components in its composition: strong local substratum and some elements, indicating the preservation of Transcaucasian influence, especially those of Caucasian Albany. This influence can be more clearly observed in the pottery of Daghestan tribes from which it spread further to the west, in the central regions of central parts of the Northern Caucasus. The second centre of pottery production existed at that time in the Kuban region. Its influence spread as far as central regions of the Northern Caucasus (including Kislovodsk district). In the first centuries A. D. the local types of pottery developed in the plains and foothils of Kabardino-Balkaria, Northern Osetia and Chechено-Ingushetia. This development led to establishment of new forms, characteristic for the Alans of the Northern Caucasus. The pottery of their northern neighbours— Sarmatian nomads, shows that population of the nearest territories (Stavropol steppes) was strongly influenced by the tribes of the Northern Caucasus. This indicates that they both lived here during a long period in close contact. The finds of similar vessel types in the Sarmatian antiquities of Volga basin and in the materials of the Northern Caucasus evidence some great distance connections in which predominates the North Caucasian influence.

[63] *Виноградов В. Б.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г.— АЭС, т. II, 1968, с. 211.

Н. М. КРАВЧЕНКО, Е. Л. ГОРОХОВСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

За последние годы представления об историко-культурном процессе в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. значительно изменились. Господствовавшая продолжительное время периодизация, предполагавшая смену зарубинецкой культуры черняховской, уступила место новой, что связано с открытием нового типа памятников, получивших название позднезарубинецких [1]. Они известны в настоящее время на Среднем Днепре, Десне, Южном Буге, в Южной Белоруссии, в основном на территории, ранее занятой классическими зарубинецкими древностями. Относясь к различным хронологическим периодам, эти памятники в течение почти всей первой половины I тысячелетия н. э. сохраняют определенные черты сходства с зарубинецкой культурой. Однако в целом вопрос о характере их взаимосвязей — временных и генетических — остается невыясненным. Если для ареала в целом выделены уже все основные звенья в развитии материальной культуры первых трех четвертей I тысячелетия н. э., то для отдельных районов и периодов еще остаются существенные пробелы. Для Среднего Поднепровья очень остро стоит вопрос о характере культуры первой четверти I тысячелетия. Много неясных вопросов имеется и в облике культуры во второй четверти I тысячелетия н. э., когда этот район становится зоной пограничья двух историко-культурных группировок черняховской и киевского типа [2], представляющих здесь две различные линии развития. Выяснение характерных черт культуры данного этапа представляется особенно важным прежде всего в плане изучения общих проблем этногенеза восточных славян.

В данной статье мы остановимся на некоторых вопросах, связанных с характером историко-культурного развития Среднего Поднепровья в первой четверти I тысячелетия н. э., а также рассмотрим ряд особенностей в развитии культуры последующего этапа — киевского типа, позволяющих раскрыть автохтонный характер этого явления, его связи с культурой местного населения, предшествующей зарубинецкой эпохи.

Поскольку подобные вопросы обсуждаются уже не впервые, мы видим свою непосредственную задачу в привлечении новых фактов, ставших известными в последнее время или пересмотренных с новых позиций, а также систематизации имеющегося материала, ограничиваясь ссылками на литературу в вопросах, уже получивших то или иное освещение в литературе.

---

[1] *Третьяков П. Н.* Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей.— МИА, № 160, 1969, с. 7, 8, 12, 14; *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу.— Археологія, № 19, 1976, с. 65—92.

[2] *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховський Є. Л.* Нові пам'ятки I тисячоліття в Київському Подніпров'ї.— Археологія, № 15, 1975, с. 88.

Источниковедческая база для изучения данного периода ограничена прежде всего территориальной распыленностью памятников и неполнотой комплексов для отдельных районов и периодов. Так, первая четверть I тысячелетия н. э. (начальный период постзарубинецкого этапа) представлена полноценными комплексами на Десне (Почеп) и Южном Буге (Марьяновка-Рахны) [3], что, несомненно, уже дает право судить об основных характерных чертах в развитии культуры этого периода. Но для Среднего Поднепровья картина остается недостаточно ясной. Отсюда происходят многочисленные находки различных предметов из металла, хронологически связанных с данным периодом, римских монет, привозной керамики и т. п., но все еще неизвестны полноценные комплексы и памятники. Поэтому и в оценке данного периода возникли крайне противоположные точки зрения. Наиболее остро стоит вопрос о роли зарубинецкой культуры в дальнейшем развитии населения Среднего Поднепровья. Здесь можно выделить два основных направления, связанных с признанием или непризнанием этой роли и преемственности между культурами последовательных хронологических этапов. Внутри каждого направления имеются и дополнительные различия. Однако для краткости мы остановимся на крайних — как наиболее противоречивых — вариантах.

Пожалуй, наиболее распространенной в настоящее время следует считать точку зрения, согласно которой историко-культурный процесс в Среднем Поднепровье протекал с периодическими разрывами на протяжении первой половины I тысячелетия н. э.[4] Сторонники этой позиции отводят решающую роль внешним факторам в формировании материальной культуры данного периода, отрицая тем самым автохтонную линию историко-культурного развития.

Надо сказать, что еще с середины 50-х годов существует гипотеза о поступательном, эволюционном характере развития материальной культуры в Среднем Поднепровье от рубежа до третьей четверти I тысячелетия н. э. на основе зарубинецкой культуры, позднейшими модификациями которой являются как памятники первых столетий нашей эры, так и киевский тип [5], названные позднезарубинецкими.

Обе гипотезы являются попытками реконструкции историко-культурного процесса на основании некоторых фрагментарных данных. Поэтому немаловажно выяснить методический подход к источникам, послужившим основанием для этих гипотетических построений. В первом случае со всей очевидностью использован факт отсутствия полноценных памятников времени первой четверти I тысячелетия н. э., на наш взгляд, имеющий весьма преходящее значение. Этот факт сам по себе не может быть однозначным и служить основанием для решения вопроса о степени заселенности территории [6]. В то же время сторонниками данной гипотезы не учитываются многочисленные, хотя и разрозненные, данные о материаль-

---

[3] *Заверняев Ф. М.* Почепское селище.— МИА, № 160, 1969, с. 88—119; *Хавлюк П. І.* Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра.— Археологія, № 18, 1975, с. 7—19.

[4] *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура.— САИ, Д-19. М., 1964; *Мачинский Д. А.* К вопросу о территории обитания славян в I—IV веках.— АСб. ГЭ, № 17, 1976, с. 94; *Щукин М. Б.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой.— АСб. ГЭ, № 14, 1972, с. 94; *Каспарова К. В.* О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья.— СА, 1976, № 3, с. 139, 140.

[5] *Даниленко В. Н.* Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР.— Доклады VI Научной конференции ИА АН УССР. Киев, 1953, с. 208; *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки..., с. 65—92.

[6] Сопоставим наши карты на рис. 1, Б и рис. 4 с картой в работе В. В. Седова, где нанесено всего три пункта, с позднезарубинецкими материалами II в. н. э. См.: *Седов В. В.* Формирование славянского населения Среднего Поднепровья.— СА, 1972, № 3, с. 120.

ной культуре рассматриваемого периода. Следовательно, такая попытка реконструкции лишена самых необходимых обоснований.

В основу второй гипотезы положен метод восстановления недостающих звеньев по стадиально схожим явлениям. Привлекаются материалы Южного Побужья для реконструкции наиболее раннего этапа (комплекс Марьяновки — для I в. н. э.), а также широко используются так называемые случайные находки для реконструкции хронологически целостных комплексов (комплекс II — начала III в. восстановлен по отдельным находкам из района Переяслав-Хмельницкого) [7].

Реконструктивный метод на основе фрагментарных данных (все «случайные» находки случайны только с точки зрения условий нахождения, но их связь с данной территорией закономерна, и их можно рассматривать как фрагменты целостных комплексов) и синхростадиальных параллелей для решения поставленной задачи является достаточно объективным. Этот метод не закрывает пути для поисков и расширения круга подобных источников и, следовательно, создает предпосылки для расширения и той базы, на которой эта гипотеза возникла.

Авторам статьи пришлось столкнуться с вопросом о древностях первой четверти непосредственно в ходе работы по изучению и картографированию памятников I тысячелетия н. э. в бассейне р. Стугны [8]. Как показали полевые наблюдения, почти на всех известных здесь пойменных и мысовых памятниках около сел Таценки, Новые Безрадичи, Великие Дмитровичи в культурном слое наряду с зарубинецким материалом выступают позднезарубинецкие материалы первой четверти I тысячелетия н. э., а также материалы киевского типа. Подобное сочетание зарубинецких и позднезарубинецких черт характерно и для многих других памятников Среднего Поднепровья, что неоднократно отмечалось в литературе [9].

Однако до последнего времени их не удавалось дифференцировать и выделить позднезарубинецкий материал в виде самостоятельных комплексов или слоя. Это обстоятельство позволяет нам подробнее остановиться на анализе одного двухслойного памятника, материалы которого могут внести существенные дополнения в решение интересующего нас вопроса. Речь идет о памятнике, расположенном на мысу коренного берега Стугны при ее впадении в Днепр, в уроч. Девич-Гора, у с. Триполье. Здесь на верхней площадке мыса были открыты зарубинецкие погребения, перекрытые культурным слоем.

Вопрос о происхождении, культурной принадлежности и хронологии верхнего слоя Девич-Горы очень интересен, но, к сожалению, оказался весьма запутанным в литературе. В наиболее полной его публикации верхний слой определен как древнерусский [10], что является явным заблуждением. Еще при первом обследовании этого памятника П. А. Раппопортом было отмечено полное отсутствие на нем древнерусского материала [11]. Это подтвердилось и в ходе неоднократных обследований,

---

[7] *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки..., с. 69 сл., рис. 1, 2.

[8] *Кравченко Н. М.* Работа в Обуховском районе Киевской области.— АО — 1975, М., 1976, с. 344.

[9] Подробное описание подобных памятников см. в статье Е. В. Максимова (*Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье.— МИА, № 160, 1969, с. 39—50).

[10] *Куза А. В., Кубишев А. І.* Нові зарубинецькі пам'ятки на Середньому Подніпров'ї.— Археологія, № 3, 1971, с. 91, 92, рис. 3, *1, 2, 8, 15—16*. Подпись под рисунком ошибочно относит данный материал к Старым Безрадичам, что установлено по шифрам в фондовой коллекции ИА АН УССР, № 533. Отнесение верхнего слоя к древнерусскому поселению (с. 92) ошибочно ввиду полного отсутствия древнерусских материалов.

[11] *Раппопорт П. А.* Обстеження городищ в районі Києва у 1950 році.— Археологія, т. VIII, 1952.

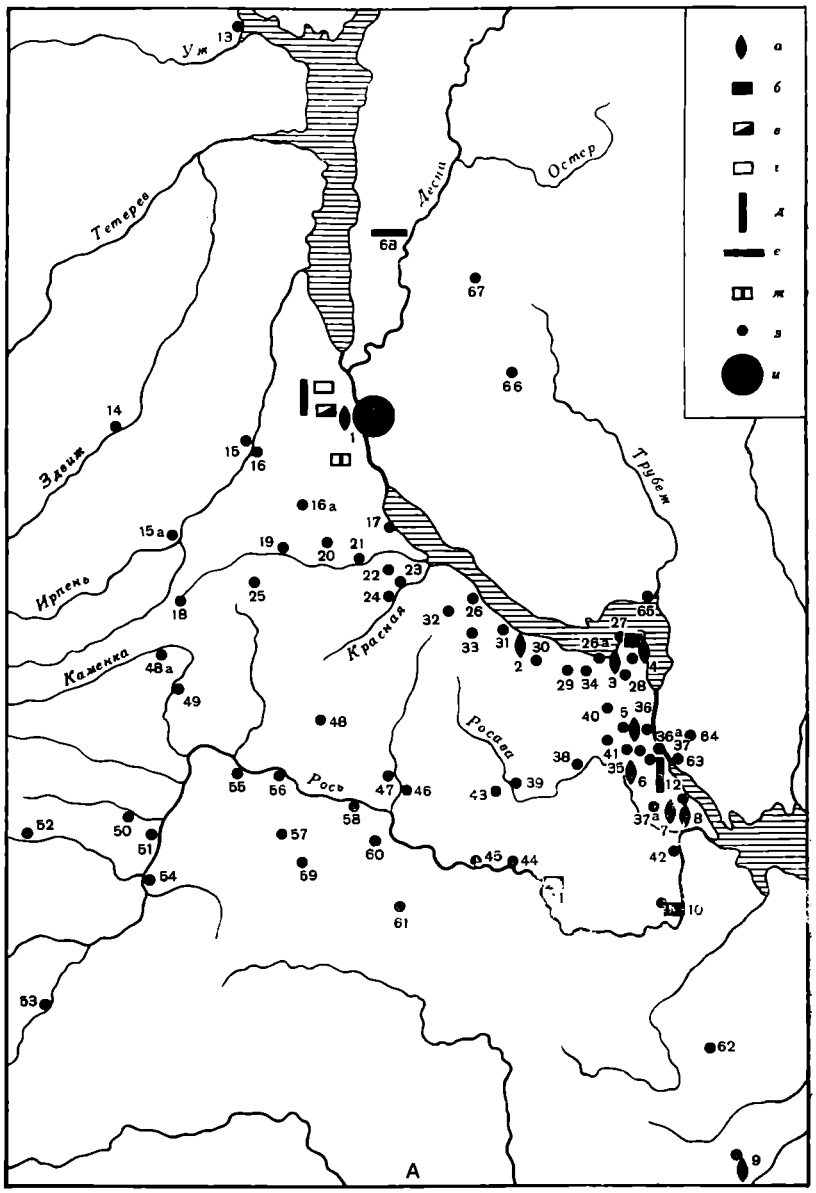
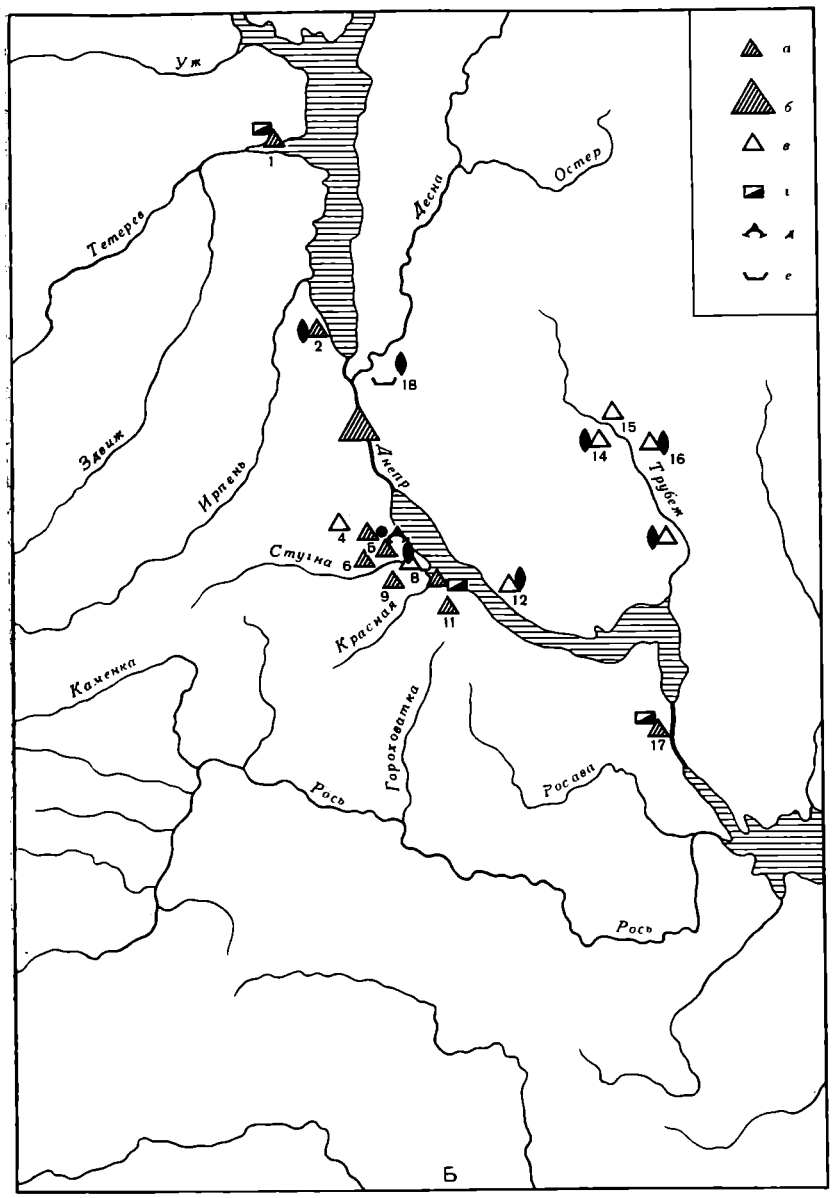


Рис. 1. А. Картосхема распространения находок первой четверти I тысячелетия н. э. на Среднем Поднепровье: *а* — фибулы; *б* — амфоры и их фрагменты; *в* — краснолаковая посуда; *г* — металлическая посуда; *д* — бронзовые статуэтки; *е* — вещевой клад; *ж* — пряжка; *з* — монетные находки; *и* — монетные находки на территории Киева. *1* — Киев; *2* — Ржищев; *3* — Великий Букрин; *4* — Зарубинцы; *5* — Грищинцы; *6* — Степанцы; *7* — Конончa; *8* — Хмельна; *9* — Пастырское; *10* — Сахновка; *11* — Москаленки; *12* — Пекари; *13* — Чернобыль; *14* — Андреевка; *15* — Гореничи; *15а* — Черногородка; *16* — Белогородка; *17* — Козин; *18* — Великая Снетинка; *19* — Васильков; *20* — Великая Бугаевка; *21* — Старые Безрадичи; *22* — Обухов; *23* — Козиевка; *24* — Григоровка (Обуховский р-н); *25* — Мытница; *26* — Стайки; *26а* — Ходоров; *27* — Трахтемиров; *28* — Малый Букрин; *29* — Медведовка; *30* — Пиевцы; *31* — Панкрачи; *32* — Веремье; *33* — Зикрачи; *34* — Дудари; *35* — Тростянец; *36* — Селище; *36а* — Бобрица; *37* — Канев; *37а* — Яблунив; *38* — Масловка; *39* — Росава; *40* — Потапцы; *41* — Бересняги; *42* — Межиричи; *43* — Пустовиты; *44* — Тептиевка; *45* — Богуслав; *46* — Шарки;

проведенных здесь в 70-х годах экспедицией Киевского пединститута [12]. Не обнаружены древнерусские материалы и в коллекциях из Девич-

[12] *Кравченко Н. М.* Работы в Обуховском районе Киевской области, с. 344; *Гороховский Е. Л.* Отчет о работах разведывательного отряда раннеславянской археологической экспедиции Киевского государственного педагогического института им. А. М. Горького в 1974 г. Научный архив ИА АН УССР, ф. № 6925—6926. Киев, 1975.



47 — Ромашки; *48* — Узин; *48а* — Кишинцы; *49* — Мазепинцы; *50* — Пустоваровка; *51* — Городище Пустоваровское; *52* — Самгородок; *53* — Тетиев; *54* — Пилипча; *55* — Шкаровка; *56* — Бирюки; *57* — Насташка; *58* — Синява; *59* — Чернин; *60* — Кирданы; *61* — Ковшеватое; *62* — Орловец; *63* — Келеберда; *64* — Липлява; *65* — Трубайловка; *66* — Зоря; *67* — Семиполки; *68* — Жукин;

Б. Памятники с культурным слоем первой четверти I тысячелетия н. э. на Среднем Поднепровье: *а* — местонахождения, подвергавшиеся раскопкам; *б* — местонахождения на территории Киева; *в* — местонахождения, известные по разведочным метариалам; *г* — сероглиняная посуда; *д* — шпора; *е* — могильник. *1* — Гриви; *2* — Лютеж; *3* — Киев (Киселевка, Оболонь); *4* — Гвоздов; *5* — Великие Дмитровичи; *6* — Старые Безрадичи; *7* — Новые Безрадичи; *8* — Таценки; *9* — Обухов, уроч. Козаров Шпиль; *10* — Триполье; уроч. Девич-Гора; *11* — Жуковцы; *12* — Рудяки; *13* — Волчков; *14* — Пасишна; *15* — Селище; *16* — Коржи; *17* — Бучаки; уроч. Бабина Гора; 18 — Бортничи

Горы, хранящиеся в фондах Института археологии АН УССР. В сводке зарубинецких памятников, приведенной в монографии Е. В. Максимова, вообще отсутствуют сведения о верхнем слое Девич-Горы [13]. Между тем дополнительные работы, проведенные здесь по изучению стратиграфии памятника, подтвердили наличие культурного слоя, перекры-

[13] *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972, с. 41.

вающего зарубинецкие погребения. С ним связано единственное открытое на верхней площадке мыса сооружение — глинобитная печь своеобразной конструкции [14], которая интерпретируется как жертвенник [15]. Это позднейшее сооружение разрушило одно из зарубинецких погребений. Поэтому многочисленные фрагменты керамики, найденные в слое над погребениями, стратиграфически можно связывать с этим сооружением. Многие находки из слоя сильно пережжены и деформированы, что свидетельствует о пребывании их в огне уже во фрагментарном состоянии. В этом отношении верхний слой Девич-Горы по своему характеру напоминает «тризновый» слой черняховских могильников [16], что может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу культового характера памятника.

Что касается хронологии верхнего слоя, то здесь мы вынуждены прибегнуть к данным стратиграфии и сравнительно-типологического анализа керамического комплекса. Позднейшие погребения зарубинецкого могильника на Девич-Горе могут быть отнесены к I в. н. э., о чем свидетельствуют находки из погребений: проволочная фибула с подвязным приемником и бронзовая игла с ушком, ближайшие аналогии которым дает Почепское селище [17]. Следовательно, образование слоя могло быть связано с самым концом I в. или, что вероятнее, рубежом I и II вв. н. э. Эти данные позволяют уточнить анализ керамического комплекса из верхнего слоя памятника. Он включает в основном грубостенную керамику — фрагменты горшков с ребристым туловом, раструбообразной шейкой и узким дном, украшенных по венчику вдавлениями и насечками; лощеные лепные миски с ребристым туловом; плоские глиняные диски. Несколько фрагментов принадлежат серолощеным гончарным мискам с прямым или загнутым внутрь венчиком.

Полные аналоги описанным выше типам керамики известны в позднезарубинецких комплексах Южного Побужья и Десны [18], что позволяет судить хотя бы в общих чертах о хронологическом диапазоне верхнего слоя и относить его в целом к первой четверти I тысячелетия н. э., надеясь, что со временем новые данные позволят уточнить граничные даты.

Очевидно, теперь более ясным становится наличие подобного типа керамики не только на ближайших к Девич-Горе пунктах по р. Стугне в Таценках, Новых Безрадичах, Великих Дмитровичах, но и на других пунктах (сейчас их известно уже более 20, рис. 1 Б), так же, как и значительного числа «случайных» находок — изделий из металла, привозной керамики и т. п., зафиксированных более чем на 70 пунктах Среднего Поднепровья (рис. 1, А). Обратившись к карте находок, можно убедиться, что их равномерное и достаточно частое расположение вряд ли можно считать случайным.

Уже неоднократно отмечалась связь этих отдельных находок с культурным слоем, содержавшим лепную керамику позднезарубинецкого типа [19]. С культурным слоем (или погребениями) позднезарубинецкого типа связана почепская фибула в Коржах, глазчатые в Таценках и Лютеже, причерноморские —в Таценках, поздние сильнопрофилированные в Пасишной и Рудяках, вендская в погребении из Бортничей [20].

---

[14] *Куза А. В., Кубишев А. Л.* Ук. соч., с. 89.

[15] *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья.— ВИ, 1974, № 1, с. 14.

[16] *Кравченко Н. М.* Косановский могильник.— МИА, № 139, 1967, с. 102, 103.

[17] *Заверняев Ф. М.* Ук. соч., с. 112, рис. 13, *25, 26*; с. 114, рис. 15, *1*.

[18] *Заверняев Ф. М.* Почепское селище, с. 111, рис. 9, *24*; с. 103, рис. 10, *1—7*; *Хавлюк П. Л.* Ук. соч., с. 10—12, рис. 3—4, рис. 5, *13*.

[19] *Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники..., с. 42—45; *его же.* Среднее Поднепровье..., с. 116.

[20] *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье..., с. 151, табл. XIII, *5*; с. 149, табл. XI, *13*; *Бидзиля В. И.* и *Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж.— МИА,

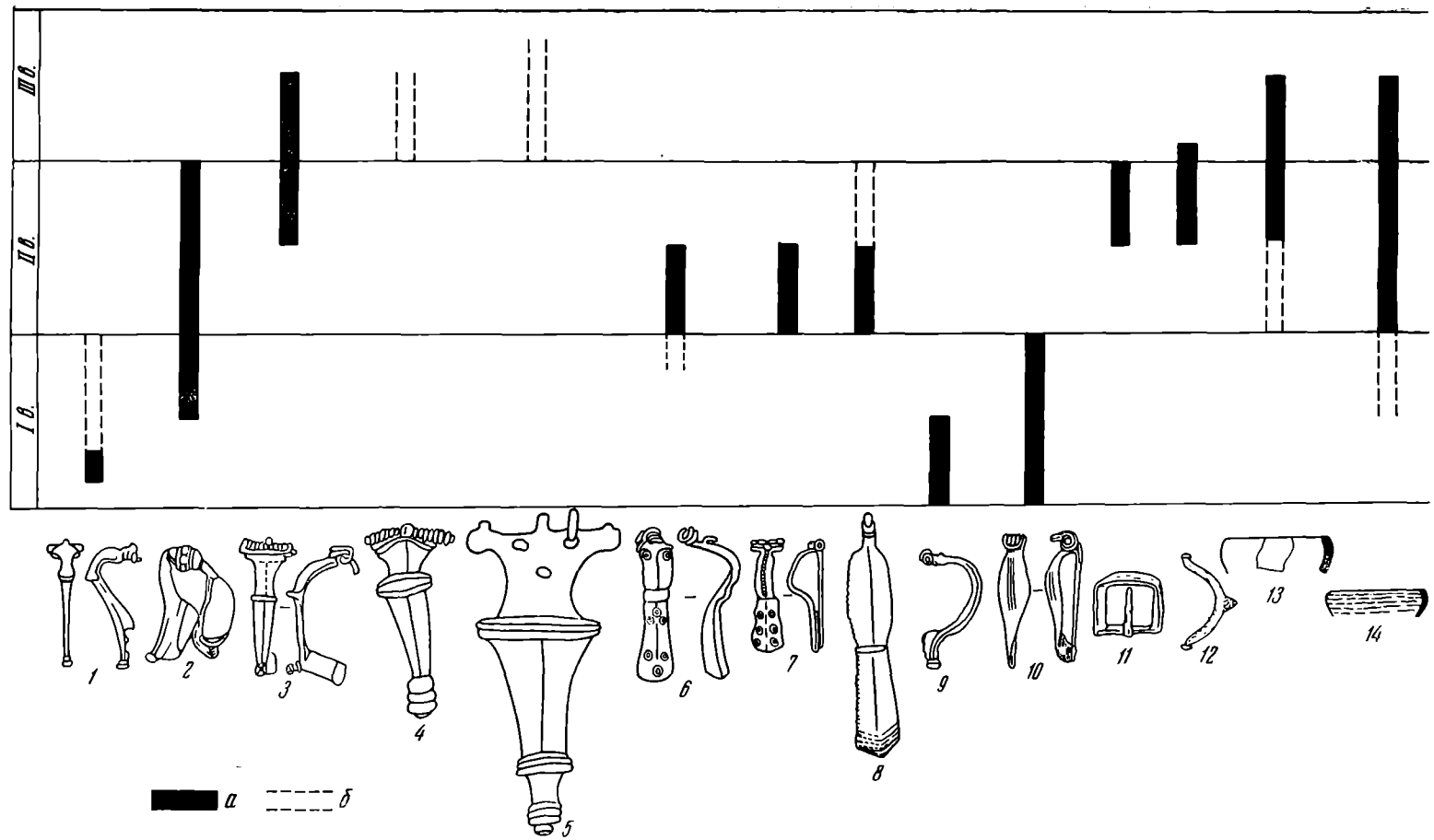


Рис. 2. Датирующие находки первой четверти I тысячелетия н. э. с территории Среднего Поднепровья: *а* — датировка по А. К. Амброзу (фибулы), К. Годловскому (шпора), Т. Н. Книпович (краснолаковая чашка), М. И. Вязьмитиной (сероглиняная мисочка), М. Б. Щукину (пряжка); *б* — предполагаемые датировки. Фибулы: *1* — Грищинцы; *2* — Ржищев; *3* — Рудяки; *4*, *8* — Кононча; *5* — Степанцы; *6* — Зарубинцы; *7* — Лютеж; *9* — Пастырское; *10* — Таценки. Пряжка: *11* — Корчеватое. Шпора: *12* — Новые Безрадичи. Краснолаковая чашка: *13* — Грини. Сероглиняная миска: *14* — Триполье, уроч. Девич-Гора

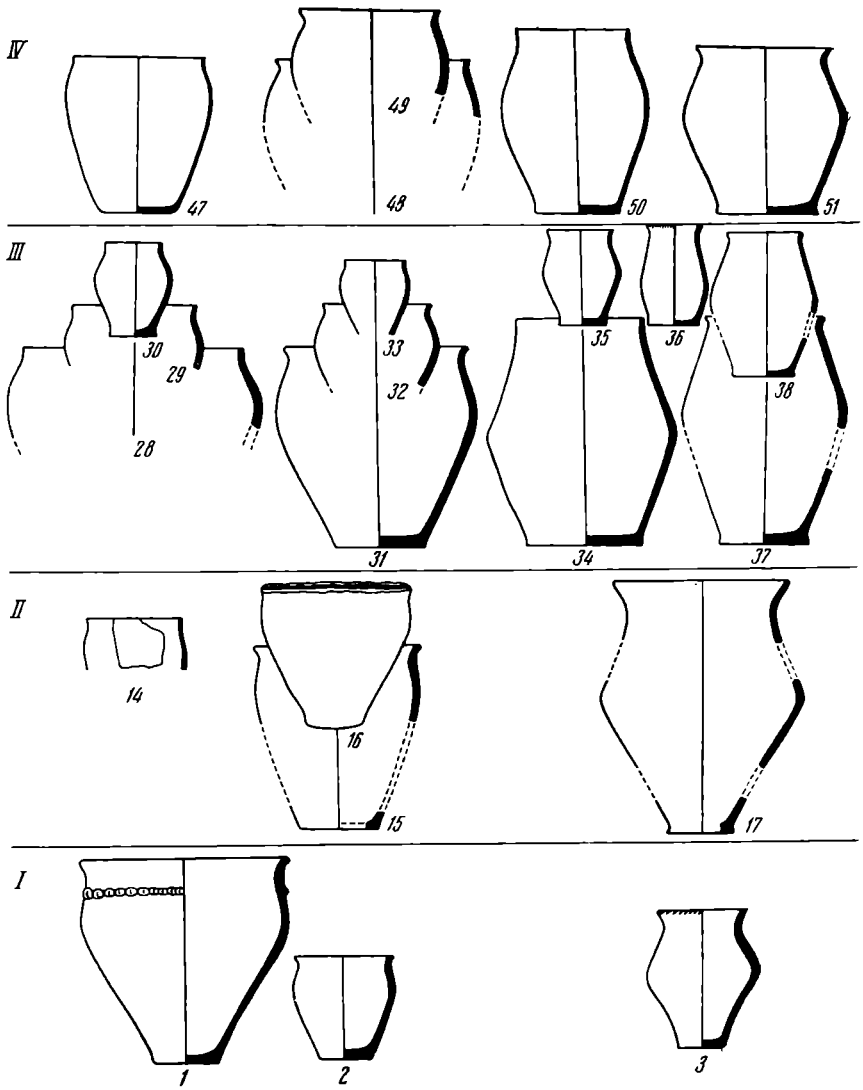


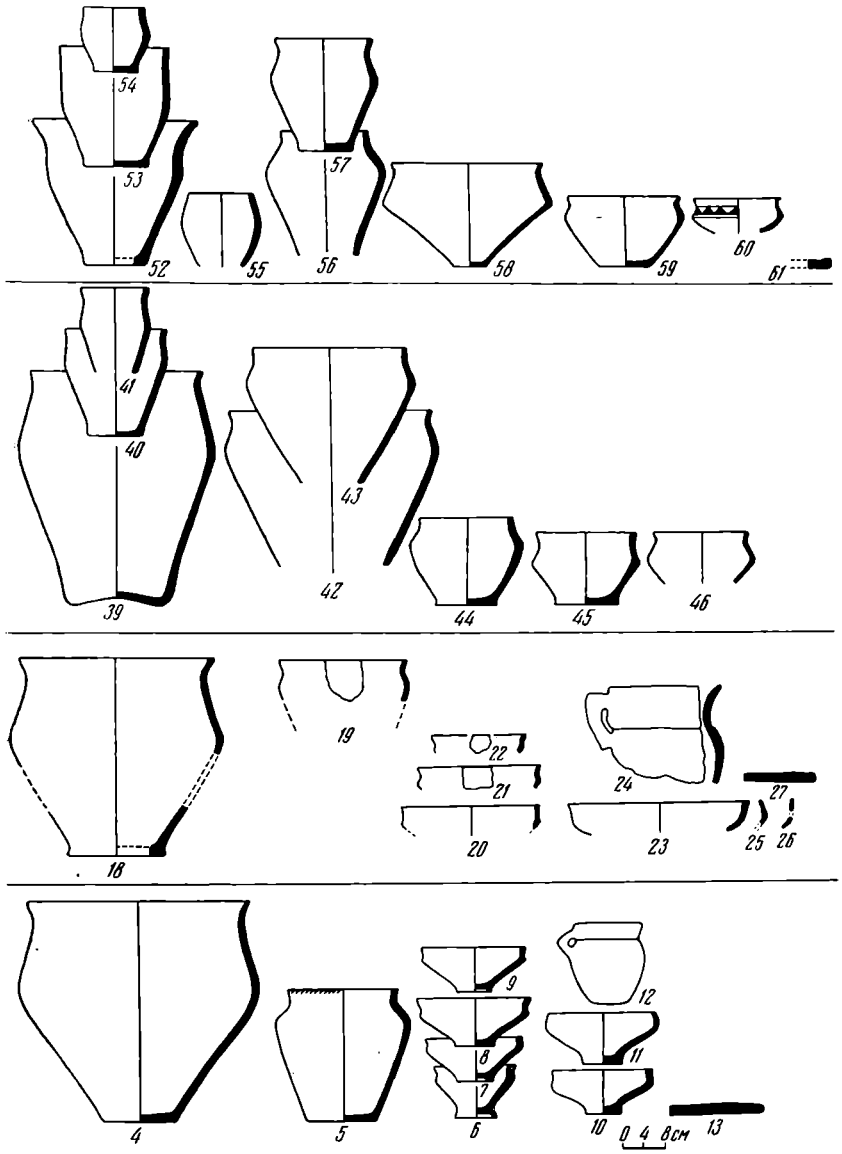
Рис. 3. Сравнительная таблица форм керамики первой половины I тысячелетия из памятников Среднего Поднепровья I — керамика зарубинецкой культуры. *1, 2, 4—11* — Корчеватовский могильник; *3* — пос. Шучинка; *12* — Зарубинецкий могильник; *13* — пос. Оболонь, Луг 4. II — керамика первой четверти I тысячелетия н. э. *14—16, 19—21, 22* — Грини; *17, 18, 20, 23* — Триполье, уроч. Девич-Гора; *24, 27* — Таценки; *25, 26* — Новые Безрадичи. III — керамика киевского типа III в. н. э. *28—34, 36—38, 44, 45* — Обухов III; *35, 39, 40, 46* — Казаровичи. IV — керамика киевского типа IV—V вв. н. э. *47, 50—54* — Новые Безрадичи; *48, 49, 51, 53, 55, 56, 58, 61* — Обухов II; *52—57, 59, 60* — Обухов III

Е. В. Максимов отмечал, что находки римских монет I — начала III в. н. э. в Среднем Поднепровье ни в одном случае не связаны с поселениями черняховского типа [21]. Сейчас мы можем отметить, что в нескольких пунктах находок монет стали известны поселения с позднезарубинецкой керамикой (Новые Безрадичи, Киев, Обухов и др., рис. 1, А, Б).

Обращает на себя внимание значительная концентрация подобного рода находок — изделий из металла (украшений, посуды), монет на территории Киева, где, как известно, выявлено «гнездо» зарубинецких по-

№ 160, 1969, с. 70, рис. 11, *4*; *Савчук А. П.* Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубеж.— МИА, № 160, 1969, с. 84, рис. 1, *18, 22*; *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки..., с. 85.

[21] *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье..., с. 116.



селений [22]. Если рассмотреть состав этого комплекса находок I — начала III в. н. э. из Среднего Поднепровья, то следует отметить, что он вполне отвечает комплексам хорошо исследованных позднезарубинецких памятников Южного Побужья и Подесенья [23]. Для него характерны находки провинциально-римских фибул (с выемчатой эмалью, различные варианты сильнопрофилированных) и глазчатые фибулы; некоторые типы светлоглиняных и красноглиняных амфор (с двуствольной ручкой, узкодонных и т. д.), краснолаковая посуда, позднеантичная гончарная серолощеная керамика, монеты I—III вв. н. э. и другие вещи [24], образцы которых приведены нами (рис. 2 и 3, *14—27*).

В отношении хронологии следует отметить, что приведенный среднеднепровский комплекс охватывает полностью всю первую четверть I тысячелетия н. э. (рис. 2) и, вероятно, содержит и «связующие» элементы

[22] *Шовкопляс А. М.* Памятники зарубинецкого времени в г. Киеве.— МИА, № 160, 1969, с. 75—81.

[23] *Заверняев Ф. М.* Ук. соч., с. 110—115, рис. 14—16.

[24] *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966, с. 36; *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе.— САИ, вып. Д1-27. М., 1970, с. 49, 64—67, 79, 104, 105, 115, 116, 122, 123, 131; *его же.* Клады римских монет на территории СССР.— САИ, вып. Г-4-4. М., 1961, с. 58—61; *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье..., с. 20—24, 40, 41, 44, 50—52.

с более ранними и более поздними комплексами, которые можно будет выделить в ходе дальнейших исследований. Особенно хорошо определяют хронологический диапазон многочисленные находки римских монет, среди которых есть клады, содержащие монеты I—II вв., отдельные находки монет как II, так и II — начала III в. [25].

Следовательно, если стадиально-сравнительный подход к явлениям культуры данного этапа позволяет ответить на вопрос о возможном характере комплекса материальной культуры первой четверти I тысячелетия н. э. в Среднем Поднестровье, то анализ конкретных материалов позволяет воспроизвести основные черты этого комплекса. Уже сейчас можно отметить следующие особенности в развитии культуры первой четверти I тысячелетия н. э. Прежде всего сохранившаяся связь со старыми местами обитания (как в пойме, так и на мысах, о чем свидетельствуют памятники Постугнянья). Вероятно, появляются и новые места заселения (где культурный слой с находками первой четверти играет самостоятельную роль), об их наличии свидетельствует верхний слой Девич-Горы, а также комплекса из Гриней и, возможно, Лютежа [26].

Керамический комплекс сохраняет многие черты классической зарубинецкой керамики в основных пропорциях кухонной посуды, тары, но наиболее распространенным становится тип горшка с раструбообразным горлом и орнаментированным венчиком, появляются новые для этих мест типы обработки поверхности — расчесы (реже — штриховка), комбинированная (с рустом) поверхность.

Особенно ярко эволюция проявилась в формах лощеных мисок, среди которых преобладают разные типы остроребериых сосудов. Характерной чертой является наличие дисков без закраин. Наконец, довольно постоянно, хотя и в небольших количествах, встречается краснолаковая и другие виды привозной керамики. Из привозных вещей известны украшения и предметы домашнего обихода из цветных металлов. Характерны различные типы провинциально-римских фибул (сильнопрофилированные, ранние типы подвязных, фибулы-броши и т. п.), глазчатые фибулы, пряжки, шпоры, подвески и другие предметы из металла. Одной из наиболее примечательных черт этого комплекса, возможно, отличающих его от культуры северных территорий, является большое количество северопричерноморских провинциально римских вещей, в том числе и римских монет.

Без учета всех данных и исследования характера культуры первой четверти I тысячелетия н. э., очевидно, трудно судить о памятниках киевского типа. На территории Среднего Поднепровья в настоящее время их зафиксировано около 50 (рис. 4). Проблемы, связанные с изучением данного этапа, разумеется, сложны. И решение их невозможно без учета движения населения, миграций и других внешних факторов, влиявших на формирование историко-культурного типа памятников I—III вв. н. э. Но было бы ошибочно не учитывать в первую очередь роль внутренних факторов. Это и заставляет нас обратиться к рассмотрению трех аспектов в развитии культуры на постзарубинецком этапе: топографии памятников, домостроительству и керамическому комплексу.

Чтобы полнее раскрыть характер заселения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э., следует указать на то обстоятельство, что в районе поречья Стугны (где было проведено сплошное обследование территории [27]), славянские памятники второй половины

---

[25] *Кропоткин В. В.* Клады римских монет..., с. 58—61; *Шовкопляс А. М.* Памятники зарубинецкого времени, с. 80.

[26] *Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники..., с. 40, 42; *Бидзиля В. И., Пачкова С. П.* Ук. соч., с. 72, 73.

[27] *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховский Е. Л.* Нові пам'ятки I тис. н. е. в Київському Подніпров'і; *Гороховский Е. Л.* Отчет о работах разведывательного отряда раннеславянской археологической экспедиции Киевского государственного педагогического института им. А. М. Горького в 1973 г. Архив ИА АН УССР, ф. № 7410—7411.

I тысячелетия н. э. занимают довольно обширные пространства, располагаясь на плато коренного берега, вблизи черноземных массивов, пригодных для полевого земледелия — и удаления от берега реки.

Топография зарубинецких памятников в общих чертах описана, что дает нам право считать основными типами рельефа, используемого в зарубинецкое время, мысовые участки коренного берега и пойменные участки в долинах малых притоков Днепра [28].

В поречье Стугны зарубинецкие памятники известны на мысах (Девич-Гора, Великие Дмитровичи) и в пойме (Таценки). Местонахождения следующего периода первой четверти топографически связаны с аналогичными рельефными условиями. На Стугне культурный слой с наход-

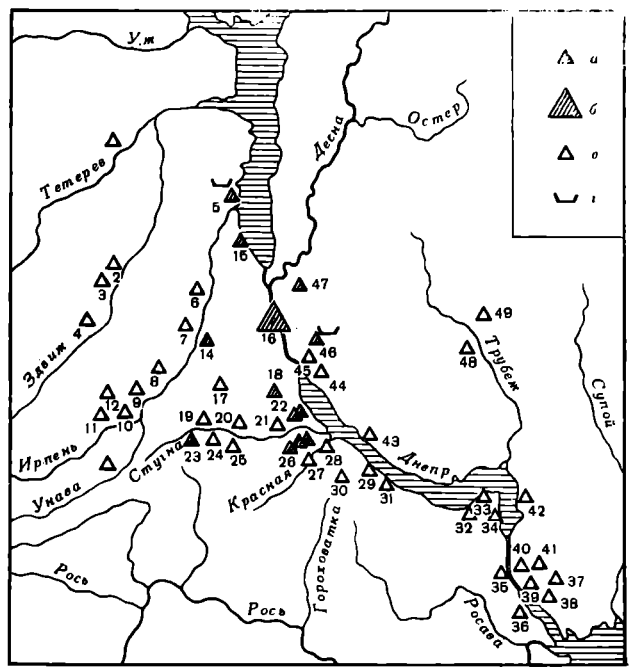


Рис. 4. Памятники киевского типа на Среднем Поднепровье: *а* — поселения, исследовавшиеся раскопками; *б* — поселения на территории г. Киева; *в* — местонахождения, известные по разведкам; *г* — могильники. *1* — Иванков; *2* — Новая Гребля; *3* — Андреевка; *4* — Макаров; *5* — Казаровичи; *6* — Ирпель; *7* — Игнатовка; *8* — Мостище; *9* — Яблуновка; *10* — Черногородка; *11* — Сосновка; *12* — Бышев; *13* — Фастов; *14* — Белгородка; *15* — Лютеж; *16* — Киев (Подол, Китаево, Никольская Слободка); *17* — Глеваха; *18* — Ходосовка; *19* — Здоровка; *20* — Заречье; *21* — Старые Безрадичи; *22* — Новые Безрадичи; *23* — Большая Салтановка; *24* — Застугня; *25* — Васильков Ia; *26* — Обухов; *27* — Красное I; *28* — Щербанивка; *29* — Стайки; *30* — Черняхов; *31* — Гребени; *32* — Ходоров; *33* — Великий Буркин; *34* — Григоровка; *35* — Канев; *36* — Пекари; *37* — Бабичи; *38* — Прохоровка; *39* — Келеберда; *40* — Решитка; *41* — Липлява; *42* — Вьюнище; *43* — Кийлов; *44* — Вишеньки; *45* — Гнедин; *46* — Бортничи; *47* — Погребы; *48* — Волошиновка; *49* — Хлопков

ками первой четверти встречается или в условиях поймы (Таценки), или на мысах (Великие Дмитровичи, Девич-Гора, Обухов — Козаров Шпиль). В некоторых случаях эти находки связаны с более древними местами поселений зарубинецкого времени (Великие Дмитровичи), в других — это новые места заселения (Обухов — Козаров Шпиль, Новые Безрадичи).

Наличие материалов первой четверти I тысячелетия н. э. известно и на других поселениях зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья. Наибольшие изменения коснулись зарубинецких могильников. Этот факт требует специального исследования, так как некоторые данные (наличие поздних погребений на Корчеватском могильнике) говорят о том, что, возможно, они перестали функционировать не одновременно.

Возвращаясь к Постугнянью, отметим, что многие из этих мест продолжают использоваться и на следующем этапе — во второй четверти I тысячелетия, о чем свидетельствуют обнаруженные в Новых Безради-

[28] Выделенные Е. В. Максимовым пять типов так называемых равнинных поселений распределяются, судя по всему, между названными типами рельефа. И хотя, кроме того, указывается, что в зарубинецкое время использовались и террасы, но ни один тип подобного памятника не описан.

чах, Великих Дмитровичах и Казаровом Шпиле материалы киевского типа. Вместе с тем следует отметить, что, хотя для киевского этапа заселение поймы и использование в отдельных случаях береговых возвышенностей сохраняют свое значение, главной чертой этого периода является все же переход на плато, заселение склонов балок в удалении от береговой линии. Именно такие памятники, расположенные в условиях, идентичных черняховским, обнаружены под Обуховым (Обухов — II, Обухов III, Обухов VII).

Начавшееся на киевском этапе освоение плато завершается в славянскую эпоху. Во второй половине I тысячелетия здесь заметно увеличивается концентрация поселений на плато, их общее количество и размеры.

Таким образом, изменения топографических условий, прослеженные на памятниках Постуганья, отражают переход в течение первой половины I тысячелетия к более широкому и разнообразному использованию местного ландшафта, приближение поселений к черноземам, пригодным для полевого земледелия. Именно в этом и следует видеть принципиально новые исторические условия, которые могли повлиять на изменение топографии поселений и могильников на постзарубинецком этапе. Такой подход, как представляется, открывает новые возможности для исследования роли внутренних факторов (развитие хозяйства, рост населения) в развитии культуры и более верного соотнесения их с влиянием внешних факторов. Роль внутренних факторов в формировании культур постзарубинецкого этапа позволяет полнее раскрыть сравнительное изучение домостроительства и керамики киевского типа с соответствующим материалом предшествующих периодов. Эти элементы культуры не остаются неизменными, но сохраняют преемственность в большей степени, чем другие.

Характеристика домостроительства на киевском этапе, приведенная в работе В. Н. Даниленко, как признает сам автор, не является исчерпывающей ввиду «относительно небольшого количества материала» [29]. Трудно согласиться с утверждением, что основные особенности отопительных сооружений и конструкций киевских жилищ «с этнографической точки зрения ... принадлежат к явлениям северной лесной зоны», а в черноземном ареале Среднего Поднепровья такие сооружения не имеют достаточно близких аналогий. Возможно, названные особенности отражают прежде всего связь домостроительства с географической средой, обусловившей также наличие тех или иных строительных материалов. И все же находки наземных построек киевского типа с глинобитно-каркасной конструкцией на Обухове II [30] не только указывают на связь с Лесостепью, но и позволяют искать прототипы в этой же географической зоне.

В нашем распоряжении имеется два десятка жилищ киевского типа, исследованных на шести поселениях Среднего Поднепровья. На табл. 1 можно познакомиться с основными, зафиксированными для жилищ Среднего Поднепровья данными о размерах, внутренней планировке, деталях интерьера и строительном материале.

Как видно из этой таблицы, наиболее стабильным признаком киевских жилищ остается внутренняя планировка, независимо от типа конструкции сооружения. Отметим, что в специальной литературе по истории восточноевропейских жилищ указывается, что при этнографическом анализе ведущим началом следует считать тип интерьера, внутренней организации постройки [31].

---

[29] *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки..., с. 68.
[30] *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховский Е. Л.* Ук. соч., с. 91.
[31] *Рабинович М. Г.* Древний ландшафт и жилища.— СЭ, 1969, № 2, с. 23.

Таблица 1

Название памятника и № жилища	Размер	Форма, ориентация	Место отопительного сооружения	Тип конструкции	Глубина пола от современной поверхности	Тип отопительного сооружения
1	2	3	4	5	6	7
Новые Безрадичи, уроч. Митькив Кут (1)	4×4	Прямоугольное, стенами по странам света	В северо-восточном углу	Сруб	Нет сведений	Нет сведений
То же (2)	3,7×3,8	То же	То же	То же	0,4	Очаг из песчаника на глине
» (3)	3×3,4	Прямоугольное, углами по странам света	»	»	0,3	Очаг, вымощенный песчаником и керамикой на глине
» (4)	3,7×3,4	То же		»	0,1	Без отопительного сооружения
» (5)	3,7×3,4	Нет сведений				То же
Ходосовка, уроч. Диброва (3)	3×3,5	Прямоугольное, стенами по странам света	В северо-западном углу	»	0,7	Очаг глинобитный с вымосткой из керамики
» (1–2)	По указаниям в отчетах аналогично № 3					
» (4)	4×4	Нет сведений	Нет сведений	Сруб	0,85	Очаг (?)
» (5)	3×3,6	Прямоугольное, углами по странам света	»	То же	0,85	Глинобитная печь (?)
Казаровичи уроч. Буславка (1)	Нет точных сведений				0,6	Очаг (?) глинобитный
» (2)	» »				0,7	Очаг с вымосткой из керамики на глине
То же (3)	» »				1,03	Очаг с двухслойной вымосткой на глине
» (4)	» »					Возможно, печь (завал печины с вымосткой из керамики на глине)

Таблица 1 (окончание)

Название памятника и № жилища	Размер	Форма, ориентация	Место отопительного сооружения	Тип конструкции	Глубина пола от современной поверхности	Тип отопительного сооружения
1	2	3	4	5	6	7
» (5)		» »				Очаг глинобитный
Обухов II (1)	4×4	Прямоугольное, углами по странам света (?)		Каркасно-глинобитное	0,3	Без отопительного сооружения (?)
Обухов II (2)	4×4	Прямоугольное, углами по странам света		Каркасно-глинобитное (с глиняной обмазкой пола)		Без отопительного сооружения
То же (4)	4×4	Прямоугольное (?)	В северо-западном (?)	Каркасно-глинобитное	0,3	Очаг (?) глинобитный
Белгородка, уроч. Руга		Нет сведений				Печь, вырезанная в лёссе

Как видно, все исследованные жилища относятся к разряду однокамерных, с размерами 10—16 *м*² при длине стен 3—4 *м*. Ориентированы постройки, как правило, по оси север — юг, углами или стенами. Внутренняя организация помещения обусловлена расположением отопительного сооружения — очага (или печи) в северном углу помещения, что, по-видимому, определило и положение входа — с южной стороны жилища (рис. 5, *5*). Очаги и печи — глинобитные (иногда использовались фрагменты керамики и некоторые породы местного камня для укрепления пода). Печи, врезанные в лёсс, представлены пока единичной находкой на поселении в Белгородке.

Использование разных типов конструкций связано с разными географическими зонами: все срубы открыты на пойменных поселениях северной части Киевской обл. и связаны с полесским типом ландшафта (дюны, боровые террасы). Каркасно-глинобитные постройки, обнаруженные на поселении Обухов II, топографически связаны с плато черноземной зоны. В конструктивном отношении они могут быть сопоставимы с черняховскими глинобитными жилищами, но отличаются от них особенностями планировки.

Отмеченные на киевском этапе типы конструкций и внутренней планировки имеют местные корни. Еще в зарубинецкое время на территории Среднего Поднепровья известны преимущественно каркасно-глинобитные жилища с очагом (или без него) и, как правило, слегка углубленные в землю (0,3—0,5 *м*), однокамерные, прямоугольные, ориентированные стенами или углами по сторонам света, с длиной стен от 3 до 5 *м*; с очагом (или без него). Очаг (с бортиком) глинобитный, иногда в его конструкции использовался и камень [32] (рис. 5, *2*). Для внутрен-

[32] *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье..., с. 118, 119.

ней планировки зарубинецких жилищ характерно нестабильное положение очага (в центре, у стены или в углу помещения) [33] (рис. 5, *1*).

Что касается срубных жилищ, то основным их ареалом в зарубинецкую эпоху были не только полесские районы, но и северная часть Среднего Поднепровья (Оболонь, Великие Дмитровичи). Срубные углубленные однокамерные жилища небольших размеров известны и на позднезарубинецком этапе первой четверти I тысячелетия н.э. в северной части Среднего Поднепровья (Лютеж, Грини; рис. 5, *3*). Правда, обнаружено их пока очень мало, а в южных районах они не известны совсем. Однако жлища из Лютежа и Гриней сохраняют все черты зарубинецкого полесского домостроительства и позволяют частично воссоздать недостающее звено в общей цепи развития домостроительства в постзарубинецкое время.

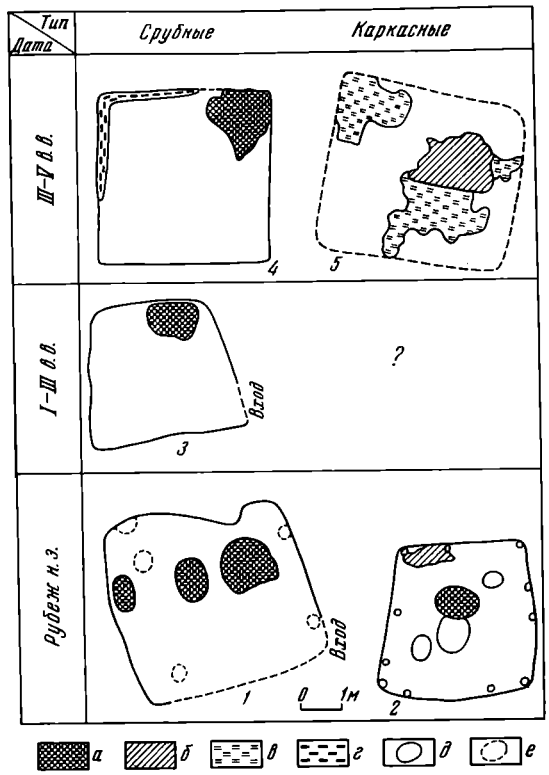


Рис. 5. Планы жилищ первой половины I тысячелетия н. э. и их зарубинецкие прототипы: *а* — очаг; *б* — глиняная обмазка; *в* — глинобитный пол; *г* — остатки сгоревшего сруба; *д* — ямы; *е* — скопления керамики. Жилища: *1* — Казаровичи уроч. Горка; *2* — Пилипенкова Гора; *3* — Грини; *4* — Новые Безрадичи; *5* — Обухов II

Таким образом, при всей недостаточности сведений можно считать, что на протяжении всей первой половины I тысячелетия н.э. в Среднем Поднепровье сохраняются основные черты зарубинецкого домостроительства с двумя типами жилищ: срубным и каркасно-глинобитным, но однотипной планировкой. На киевском этапе более стабильным становится положение очага (в северном углу), но вместе с тем более частыми становятся случаи ориентации по сторонам света. Следует отметить, что уже на этом этапе, возможно, появляется и новый тип отопительного сооружения — печь, вырезанная в лёссе, известная затем в раннеславянское время.

В литературе уже неоднократно высказывалась мысль о зарубинецких корнях керамического комплекса киевского типа [34]. Но существует и другая точка зрения — о близости последнего к керамике верхнеднепровских памятников типа Колочин — верхний слой Тушемли. Как нам представляется, эти полярные точки зрения были высказаны еще в то время, когда комплекс киевского типа не был описан с достаточной полнотой и, по сути, не была сделана систематизация материала. В этих условиях основное внимание обращалось на отдельные особенности комплекса киевского типа «тюльпановидные» и один из вариантов ребристых сосудов, которые и стали основным предметом обсуждения [35].

[33] В монографии Е. В. Максимова указывается центральное расположение очага как преимущественное. Вместе с тем среди жилищ наиболее полно раскопанного поселения на Пилипенковой Горе жилища этого типа составляют всего 38%. В большинстве жилищ очаг расположен у стены, а в некоторых — в одном из углов.

[34] *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки, с. 69—82. Автор отмечает, что процесс преобразования зарубинецкой культуры был имманентным, и демонстрирует это на смене форм лощеной посуды.

[35] *Русанова И. П.* Северные элементы на памятниках типа Корчак.— КСИА АН СССР, № 139, 1974, с. 3—7.

В настоящее время коллекция керамики киевского типа значительно возросла, что дает основания для более детальной классификации и систематизации. При общей невыработанности терминологии для описания лепной керамики киевского типа мы позволим себе по ходу изложения остановиться на раскрытии некоторых, наиболее типичных черт отдельных групп и типов сосудов, не вдаваясь детально в вопросы классификации[36]. Для керамического комплекса киевского типа (рис. 3, *28—61*) ведущими являются две группы сосудов: ребристые (до 60% от общего числа тарной и кухонной посуды) и с округлым туловом (до 30%).

Особенностью группы остроребериых сосудов является наличие двух типов высокоплечих (плечо около $^2/_3$ высоты) и биконических (плечо на $^1/_2$ высоты) (рис. 3, *34—43*, *51*, *55—57*). Для них характерно наличие выделенной прямой или отогнутой наружу шейки. В меньшей степени представлены сосуды с невыделенной шейкой (до 5%), которые по недоразумению принимаются иногда за ведущий тип киевской керамики.

В группе сосудов с округлым туловом также выделяется ряд типов (по расположению перегиба), среди которых следует обратить особое внимание на широкогорлые, с высокими плечиками сосуды с выделенной суженной шейкой и относительно узким дном. (В этой группе варьирует соотношение наибольшего диаметра и диаметра шейки; рис. 3, *28—33*.) Такие типы характерны как для тарной, так и для кухонной керамики.

Особую группу сосудов составляют слабопрофилированные (цилиндроконические) сосуды (до 10%) (рис. 3, *52—54*). Столовая керамика представлена лощеными и нелощеными остроребериыми мисками и кубками (рис. 3, *58—60*). Распространены также плоские диски с утолщением по краю (рис. 3, *61*). Таковы в целом характерные черты керамики киевского типа.

Хронологические рамки этого комплекса, согласно В. Н. Даниленко, соответствуют киевскому этапу позднезарубинецкой культуры, в рамках которого сейчас уже можно выделить более ранние комплексы с датирующими находками III в. (Новые Безрадичи, жилище № 5 с железным гребнем; здесь же жилище № 4 с бронзовой пряжкой, имеющей граненую полукруглую рамку; могильник в с. Казаровичи, погр. 14, где найдена двухчленная подвязная фибула (1 вариант по Амброзу). Характерной чертой для керамики этих комплексов является еще полное отсутствие цилиндро-конических («колочинских») и некоторых типов биконической посуды (приземистые небольшие горшки с невыделенной шейкой). Несколько различается пропорциями и группа остроребериых сосудов — на этом этапе они более узкогорлые и вытянуты. Словом, для этого периода в целом керамический комплекс киевского типа еще не сложился.

Лишь в позднейших памятниках, которые можно датировать в основном IV в. (черняховские импорты, развитые эмали типа Н. Безрадичей, овальные пряжки и поздние варианты подвязных фибул), складывается полностью керамический комплекс киевского типа; по всей вероятности, на этом этапе в нем появляются и «колочинские» элементы в виде цилиндроконических и некоторых видов биконических сосудов: несколько меняются пропорции биконических сосудов, которые становятся более широкогорлыми и менее вытянутыми. В этих комплексах еще встречаются лощеные миски (рис. 3, *47—61*). Примером такого комплекса является керамика из жилища № 2 на Обухове II[37].

Дальнейшее развитие керамического комплекса в Поднепровье, как можно видеть по составу керамики из комплексов, датированных наиболее поздними вещами (например, жилище № 3 из Ходосовки-Диброны,

---

[36] *Абашина Н. С., Гороховский Е. Л.* Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III.— Археологія, 1975, № 18, с. 70 (классификация составлена по материалам Обухова II, Обухова III, Большой Салтановки и Казаровичей).

[37] *Кравченко Н. М., Абашина Н. С., Гороховский Е. Л.* Ук. соч., с. 92, рис. 3, *2*, *3*, *5*.

где найдена фибула конца IV—V вв. с высоким приемником и др.), идет по пути уменьшения многообразия форм. Здесь основной тип посуды представлен, с одной стороны, приземистым биконическим горшком (типа Пеньковки — Молочарни), с другой стороны,— горшком с округлым бочком, суженным горлом и высокими плечиками (типа Сахновки — Гончарихи). Возможно, со временем удастся создать более четкие представления о характере эволюции киевского керамического комплекса, но уже сейчас можно утверждать, что «колочинские» элементы играют в нем, во-первых, незначительную роль и, во-вторых, появляются в то время, когда киевский историко-культурный тип уже сложился. Поэтому вопрос о хронологическом соотношении киевского типа — Колочина и верхнеднепровских памятников, безусловно, требует пересмотра [38].

Совершенно другое направление связей обнаруживают наиболее массовые группы керамики — остроребериые и с округлым туловом. Как уже

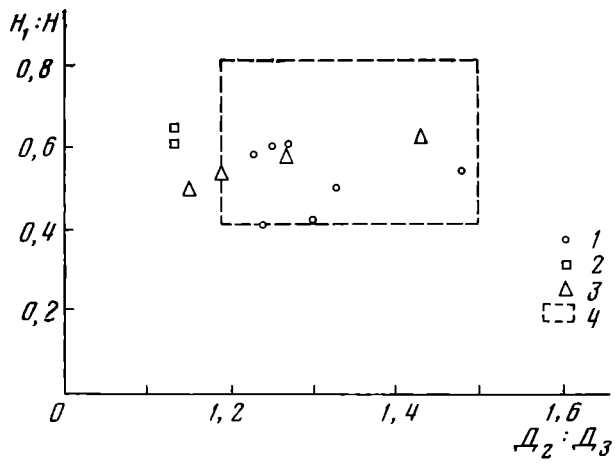


Рис. 6. График пропорций сосудов с округлым туловым киевского типа первой четверти I тысячелетия н. э. и зарубинецких на Среднем Поднепровье.
$H_1 : H$ — соотношение высоты наибольшего расширения тулова и общей высоты сосуда; $Д_3 : Д_2$ — соотношение диаметра наибольшего расширения тулова и диаметра шейки. *1* — сосуды киевского типа; *2* — сосуды первой четверти I тысячелетия н. э.; *3* — сосуды зарубинецкой культуры; *4* — пределы пропорций сосудов пражского типа (по И. П. Русановой)

отмечалось выше, остроребериые сосуды являются ведущей формой в керамическом комплексе второй четверти I тысячелетия н. э. на Среднем Поднепровье. Прототипы их восходят к керамическому комплексу зарубинецкой культуры, где составляют одну из групп керамики, представленную в Среднем Поднепровье, но наиболее широко этот тип развивается в первой четверти I тысячелетия н. э. (рис. 3, *3*; 4, *17—18*). Следует указать также и на один возможный прототип биконических сосудов Среднего Поднепровья, восходящий к керамике нижнеднепровских городищ [39].

Прямые прототипы округлобоких сосудов киевского типа также имеются в зарубинецком и позднезарубинецком керамических комплексах (рис. 3, *1*, *2*, *14—16*). Эта группа совершенно чужда северным и северо-западным культурам.

Изучение количественных параметров сосудов с округлым туловом всех трех периодов показывает эволюцию основных пропорций в направлении сужения диаметра шейки по отношению к наибольшему расширению и увеличению диаметра днища. В этом отношении показательно, что округлобокие сосуды киевского типа составляют промежуточное звено между зарубинецкими и пражскими (рис. 6) [40].

Что касается форм чернолощеных киевских мисок, то они являются наиболее ярким примером эволюции соответствующей группы зарубинецкой керамики (рис. 3, *6—11*, *20—26*, *44—46*, *58—60*). Подробнее на этом

[38] *Даниленко В. М.* Пізньозарубинецькі пам'ятки..., с. 87—90.

[39] *Вязьмітіна М. І.* Золота Балка. Поселення сарматського часу на нижньому Дніпре. Київ, 1962.

[40] Предлагаемый график составлен по форме, предложенной И. П. Русановой (*Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 10, 11, 17).

вопросе можно не останавливаться, сославшись на периодизационную типологическую схему, приведенную в работе В. Н. Даниленко. Типично зарубинецким элементом являются диски, продолжающие бытовать в комплексе киевского типа (рис. 3, *13, 27, 61*). Приведенный выше анализ позволяет судить о решающей роли традиционных зарубинецких элементов в формировании керамического комплекса киевского типа, что можно продемонстрировать в виде схемы, представленной на рис. 7.

Таким образом, прослеженные выше изменения топографических условий, домостроительства и керамического комплекса в течение первой

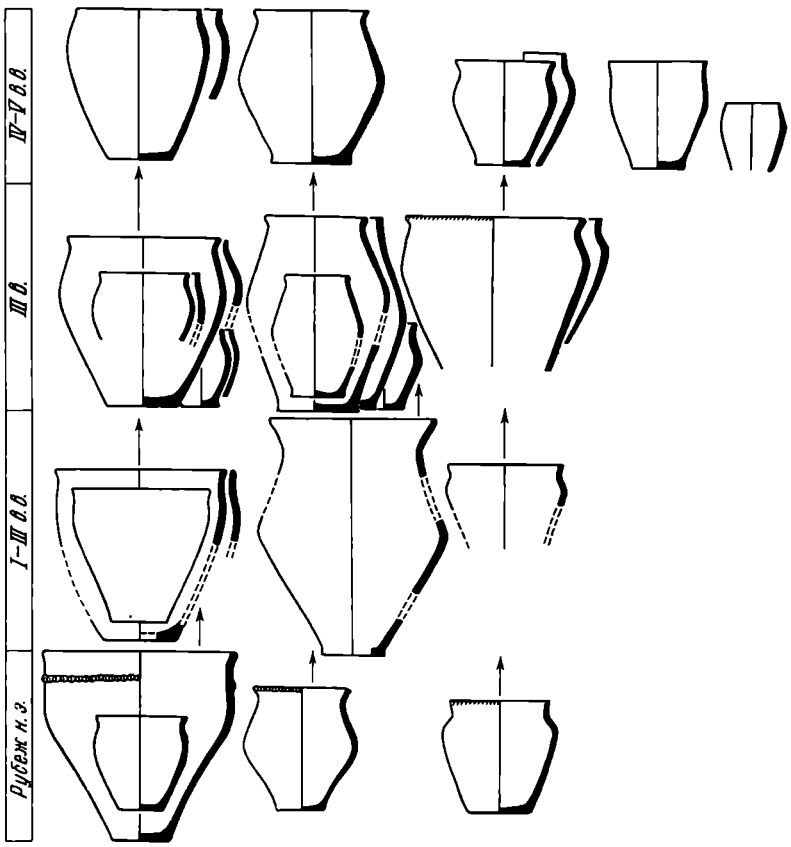


Рис. 7. Эволюция основных типов тарной и кухонной посуды первой половины I тысячелетия н. э. из памятников Среднего Поднепровья и их зарубинецкие прототипы

половины I тысячелетия н. э. подтверждают эволюционный характер развития важнейших этнографических черт материальной культуры населения Среднего Поднепровья, не исключая вместе с тем возможности вторжений и миграций, что зафиксировано в письменных источниках. Демографические и этногенетические процессы на данной территории имели свои специфические особенности, проявившиеся в автохтонной линии развития, от зарубинецкой культуры, через позднезарубинецкие памятники, среди которых киевский тип служит связующим звеном с раннеславянской культурой второй половины I тысячелетия н. э.

N. M. Kravtchenko, E. L. Gorokhovsky

SOME PECULIARITIES OF THE MATERIAL CULTURE DEVELOPMENT AMONG THE MIDDLE DNIEPER POPULATION IN THE FIRST HALF OF THE FIRST MILLENIUM A. D.

Summary

The article deals with certain problems in the historical-cultural development of the Central Dnieper area in the first half of the first millenium A. D. As to the territory in question, it is the first quarter of the first millenium A. D. that has been least investigated. The article carries information which makes it possible to reconstruct the material culture. The basis of the study is cartographic data of the finds referring to the period from the first century A. D. till the beginning of the IIId, also stratigraphic observations and synchrostdial parallels. The antiquities of the period are a link between the classical Zarubintzy culture and that of the Kiev type. The latter was formed by the second quarter of the first millenium A. D. The material culture of the post-Zarubintzy period retaines many features bringing it close to the classic Zarubintzy antiquites. The evolution development in the first half of the first millenium A. D. can be observed in the consequence of topography of sites, housebuilding and pottery. Monuments of the Kiev type and antiquites of the Pochep-Rachnov type, which proceeded the former, bring out the latest modifications of the Zarubintzy culture caused, first and foremost, by the advansment inside the Central Dnieper population.

Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ТЕХНИКА КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В VIII—X вв.

Археология четко фиксирует, что в предгосударственную эпоху (VIII—IX вв.) у восточных славян происходят важнейшие сдвиги в развитии хозяйства, ремесла; существенно меняется уровень производства. В области добычи и обработки железа, которая в это время находилась на уровне развития самостоятельного ремесла, тоже происходят знаменательные перемены. Появляются центры по выплавке железа для целой округи (Бранешты I, Гайворон, Григоровка), что само по себе является признаком обособленности металлургического ремесла; объем производства растет также за счет широкого развития добычи железа и на рядовых поселениях. Железный инвентарь на славянских поселениях VIII—X вв. резко возрастает количественно. К IX в. были созданы все основные виды орудий труда, стабилизируется их форма: исследователи, описывая железный инвентарь, констатируют выдержанную устойчивую форму сельскохозяйственных орудий труда, основных инструментов, которые сохранились и в последующих столетиях [1].

Технологические исследования кузнечных изделий третьей четверти I тысячелетия н. э., проведенные нами ранее [2], показали, что в технике восточнославянского кузнечного дела появились новые конструктивные решения, основанные на использовании наварки стальных лезвий. Новая технология в кузнечном ремесле свидетельствовала о наличии квалифицированной работы, она вела к резкому повышению производительности труда ремесленника и надолго определила пути развития техники кузнечного дела. Несомненно, что новые технические решения и технологический прогресс в области металлургического и кузнечного производства определяли возможности поступательного развития всей экономики славянского общества.

По-прежнему, как и для более раннего времени, технологическое изучение кузнечной продукции дает нам наиболее полную информацию о состоянии кузнечного ремесла у славян в последние века I тысячелетия н. э. Настоящая работа, выполненная в физико-химической лаборатории Института археологии АН УССР, представляет результаты изучения коллекции кузнечных изделий из раскопок городища у с. Горналь Суджан-

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948; *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, № 74; *его же.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— МИА, № 152, 1968; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. Е1—25. М., 1973; *Тимощук Б. О.* Слов'яни північної Буковини VI—IX ст. Київ, 1976; *Федоров Г. Б., Чеботаренко Г. Ф.* Памятники древних славян (VI—XIII вв.). Кишинев, 1974; *Артамонов М. И.* Славянские железоделательные печи на Среднем Днестре.— СГЭ, VII, 1955; *Бидзиля В. И.* Железоделательные горны середины I тысячелетия н. э. на Южном Буге.— Археологія, XV, 1963; *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, № 32, 1953.

[2] *Вознесенская Г. А.* Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тысячелетия н. э.— В сб.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 61—65.

ского р-на Курской обл. Городище принадлежит к памятникам роменской культуры; как и большинство подобных ему славянских поселений, городище у с. Горналь прекратило существование в конце X в.[3]

Изделия из железа составляют при раскопках роменских памятников существенную и одну из наиболее интересных групп находок. Характерно, что в коллекциях кузнечных изделий значительно возрос удельный весь орудий производства и промыслов, инструментов, оружия. Таких видов кузнечных изделий (по публикациям и коллекциям) насчитывается около трех десятков: наральники, чересла, мотыжки, серпы, косы, топоры, тесла, долота, стамески, ложкари, скобели, сверла, наковальни, зубила, пробойники, кузнечные клещи, пинцет, ножницы по металлу, ножи, ножницы, шилья, рыболовные крючки, пешни, остроги, наконечники стрел, наконечники копий, мечи, кресала, бабки для отбивания кос. Тогда как для раннеславянских памятников ассортимент (количество видов) кузнечных изделий вместе с предметами быта, мелкими кузнечными поковками, деталями костюма, сбруи и домашней утварью, которые превалировали в коллекции, составлял только около четырех десятков наименований.

Исследованная коллекция из Горнальского городища состоит из 70 изделий: это подавляющая часть всех найденных при раскопках железных предметов. Для изучения были отобраны — из орудий сельского хозяйства и промыслов: 8 серпов, 2 косы, одна острога, рыболовный крючок; инструменты: 6 топоров, тесло, скобель, тесло-мотыжка, стамеска, зубильце, ножницы, шило, ножей 35. Из оружия: 7 наконечников стрел, наконечник копья, два предмета неопределенного назначения. Следует заметить, что несколько экземпляров серпов и кос, отобранных на исследование, оказались непригодны для анализа из-за плохой сохранности металла.

Авторы раскопок отмечают обилие железных изделий особенно в верхних слоях памятника, датируемых второй половиной X в.[4] Помимо богатой коллекции железных изделий есть свидетельства о наличии на поселении производственного помещения, служившего, по-видимому, кузницей: здесь найдены среди прочих железных вещей прекрасной сохранности наковальня с размерами рабочей площадки 6,5×7 *см* и зубило[5].

Технологическое изучение железных изделий Горнальского городища проводилось по методике, разработанной Б. А. Колчиным. Цель исследования состояла в выяснении техники и технологии кузнечного производства, уровня производительности труда и специализации кузнечного ремесла у славянского населения роменской культуры. Кроме того, опубликованный в советской и зарубежной литературе аналогичный аналитический материал позволяет представить достижения восточнославянских кузнецов в динамике их развития и на широком сравнительном фоне.

Структурное изучение коллекции показало, что технологические схемы рассмотренных изделий укладываются в пять основных вариантов (рис. 1 и 2). Около 54% (38 изделий) составляют предметы, которые откованы целиком из кричного железа или мягкой, неравномерно науглероженной так называемой сырцовой стали. Это простейшая технологическая схема, кузнечные операции здесь ограничиваются приемами свободной ковки. Иногда при изготовлении некоторых предметов сложной формы (например, топоры) использовалась кузнечная сварка металла. Но в данном случае в группе изделий цельножелезных или из мягкой стали эта сварка производилась с металлом одинакового состава. Такой техникой изготовлены: ножей 21, наконечников стрел 4, топоров 3, сер-

[3] *Куза А. В.* Работа Суджанского отряда.— АО — 1972. М., 1973.

[4] *Кашкин А. В., Куза А. В., Узянов А. А.* Работы Суджанского отряда.— АО — 1973. М., 1974, с. 54, 55.

[5] *Куза А. В.* Ук. соч., с. 70—72.

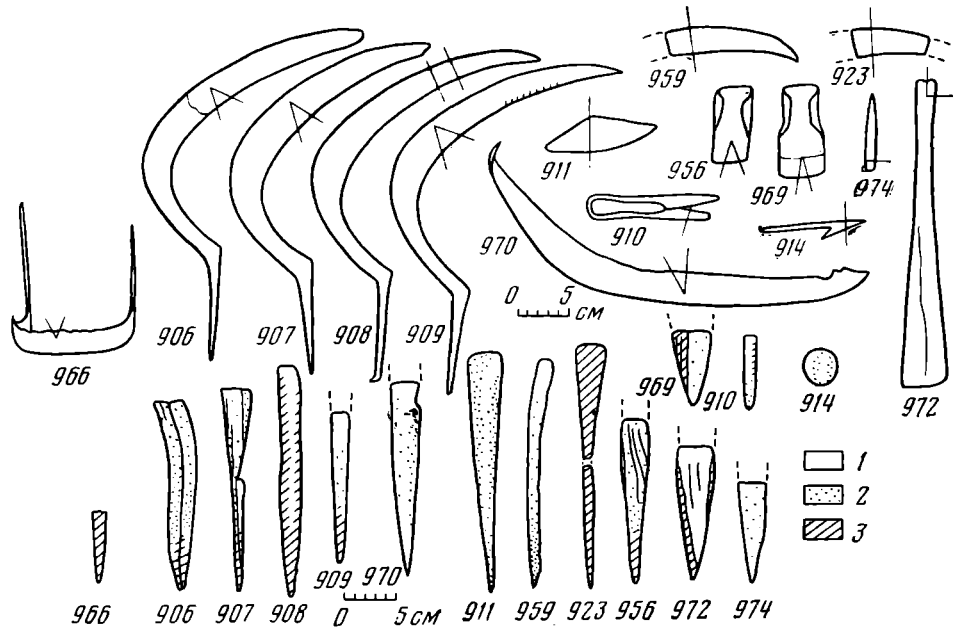


Рис. 1. Технологические схемы кузнечных изделий. Номера схем соответствуют номеру анализа. *1* — железо; *2* — сталь; *3* — термически обработанная сталь

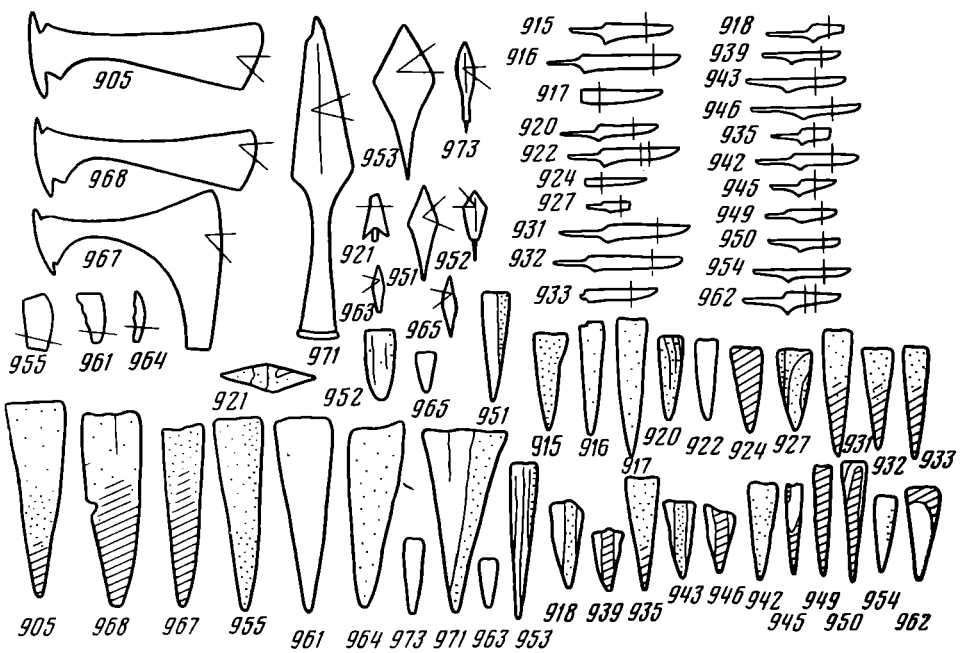


Рис. 2. Технологические схемы кузнечных изделий. Условные обозначения см. рис. 1

пов 2, коса, шило, рыболовный крючок, острога, зубильце. Ножи откованы преимущественно из стали и термически обрабатывались: закаливался или клинок целиком, или только лезвие. Следует иметь в виду, что в данной группе изделий всегда имеются такие, которые могли утратить имевшиеся следы дополнительных технологических операций, улучшавших рабочие качества железного предмета.

Близка по технологической характеристике к рассмотренным предметам группа изделий, откованных целиком из однородной среднеуглероди-

стой или высокоуглеродистой стали, несомненно полученной путем цементации железного полуфабриката. Из такого металла откованы два серпа (ан. 906, 923), коса (ан. 911, рис. 1) и 6 ножей (ан. 915, 924, 935, 936, 944, 949, рис. 2). Почти все эти изделия были закалены, кроме косы, серпа (ан. 913), ножа (ан. 915), который мог утерять следы термообработки из-за длительного пребывания в огне. Проводилась термическая обработка, как всего предмета, (ан 908), так и рабочей части.

Получение больших объемов высококачественной цементованной стали и в средневековье было проблемой. По-прежнему значительная часть предметов (орудий труда или инструментов) проходила операцию цементации с целью создания стального слоя преимущественно на рабочей части изделий. Среди рассматриваемой нами серии кузнечных поковок шесть преметов изготовлены с применением поверхностной цементации всего изделия: серпы, ан. 908 и 913; либо со сквозной цементацией лезвия (локальная цементация): топоры, ан. 905, 957, 968; серп, ан. 909 (рис. 1). Все изделия, основу технологий изготовления которых составляет цементация, были термически обработаны. Преобладает местная термообработка: закалка только лезвий инструментов. Целиком закален лишь один серп (ан. 908), у другого следов тепловой обработки не сохранилось (ан. 913). Лезвие топора (ан. 967) было закалено на сорбит, в мягкой закалочной среде (рис. 3, *2*). Как видим, цементация (древнейший способ улучшения рабочих качеств железных инструментов) еще довольно употребительна в кузнечном производстве славян конца I тысячелетия н. э. Заметим, что цементация готовых изделий употреблялась при изготовлении только очень ответственных орудий труда — серпов и топоров.

Наиболее прогрессивным, требующим высоких профессиональных навыков и мастерства, является способ сварки железа и стали в одном предмете как основа технологической схемы изделия. Этот технологический прием достаточно представителен в коллекции: 8 предметов (11% всех изученных). Все предметы относятся к верхним слоям городища. 4 ножа (ан. 918, 939, 943, 946), найденных на раскопе 12 (3 экз.) и на раскопе 9 (1 экз.), откованы по классической древнерусской схеме трехслойного пакета: в центре клинка с выходом на лезвие идет стальная полоса, по бокам ее — железные полосы (рис. 2). Сварка полос выполнена отлично, сварочные швы чистые и тонкие. Два ножа были закалены в холодной воде, что дало наивысшую твердость клинку; два ножа не сохранили следов тепловой обработки (рис. 3, *5*).

Одинаковую технологию изготовления имеют наконечник стрелы (ан. 951) и наконечник копья (ан. 971): на железную поверхность пера наконечника наваривалась стальная полоса. Сварка произведена хорошо. Была ли сознательная тепловая обработка (как технологический прием), сказать трудно; судя по микроструктуре, можно предположить длительное пребывание в огне (пожаре?) наконечника копья (рис. 2).

На рабочей части стамески (ан. 972) мы наблюдаем косую боковую наварку стальной полоски-лезвия. Инструмент был закален, по-видимому, в мягкой закалочной среде (рис. 1).

Скобель (ан. 966, рис. 1) имел настолько твердое лезвие, что выпил пробы оказался чрезвычайно затруднителен. Выломан был кусочек лезвия на структурное исследование. Проба показала структуру закаленной высокоуглеродистой стали. Судя по тому, что спинка скобеля была мягкой (проба напильником) и, кроме того, при макротравлении изделия была выявлена темная полоса на режущей его части, мы сделали заключение о наварке стального лезвия на железную основу инструмента с последующей закалкой.

К группе сварных изделий примыкают по технике исполнения изделия, откованные из пакетного металла,— 6 экз. (9% изученных). Однако мы не можем утверждать, что при изготовлении этих изделий мастер производил сознательный подбор железных и стальных полос. Микро-

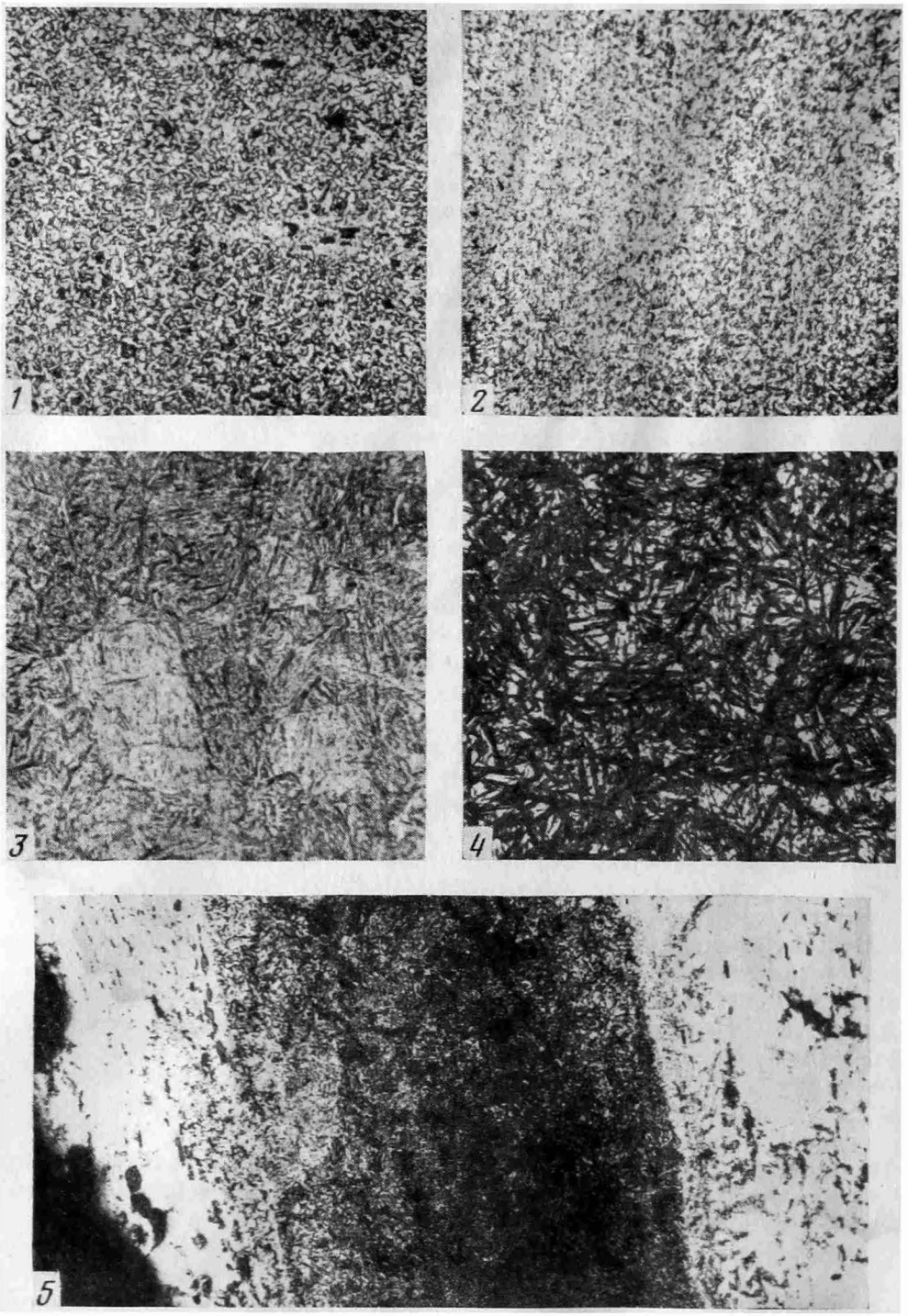


Рис. 3. Микроструктуры кузнечных изделий: *1* — топор, феррито-перлитная структура, ан. 964, ув. 70; *2* — топор, мягкая закалка лезвия, ан. 967, ув. 200; *3* — топор, закалка лезвия на мартенсит, ан. 905, ув. 200; *4* — нож, закалка клинка на мартенсит, ан. 936, ув. 200; *5* — нож, трехслойный клинок, в центре стальная полоса, ан. 946, ув. 70

структура исследованных проб свидетельствует, что данные изделия откованы из металлического лома, прошедшего определенную систему кузнечной обработки.

Из пакетного многослойного металла откованы серп (ан. 907), два ножа (ан. 912 и 927), наконечник стрелы (ан. 953) и два тесла (ан. 956 и 969) (рис. 1, 2). Серп и тесло (ан. 956) имели закаленные лезвия.

Три ножа из коллекции (ан. 945, 950, 962) откованы также из вторично использованного металла (лома), но специальной кузнечной обработке не подвергавшегося, в силу чего расположение железных и стальных участков на поперечном сечении клинка беспорядочное.

Итак, соотношение между технологическими вариантами в рассмотренной коллекции кузнечных изделий по сравнению с раннеславянской кузнечной продукцией заметно меняется. Если среди кузнечных изделий VI — начала VIII в. около 80% составляли предметы, откованные простейшим способом из наиболее дешевого и доступного сырья — железа и сырцовой стали, то среди изученных предметов Горнальского городища они составляют около 54%. Идет увеличение той группы изделий, в технологии изготовления которых используется цементация полуфабриката (получение высокоуглеродистой цементованной стали), цементация готовых изделий, сварка железа и стали в одном предмете как основа технологической схемы.

Что касается сварных изделий, то несколько предметов представляют встречавшуюся в кузнечной технике более раннего времени двухполосную сварку (железо и сталь) в одном изделии, когда стальная полоса идет вдоль режущей части инструмента или орудия. Но качественно новую технологию по сравнению с предшествующими в данной коллекции представляет трехслойный клинок у ножей (ан. 918, 939, 943, 946, рис. 2). Эта технологическая схема чрезвычайно характерна для кузнечной продукции древнерусского городского ремесла, а также для городского ремесла других славянских земель в X—XI вв. Можно предположить, что эти ножи были изготовлены в специализированных ремесленных мастерских города или ремесленного центра и попали на поселение в результате торгового обмена.

Не менее важным показателем развития кузнечного производства является соотношение типологии и технологии качественных кузнечных изделий. Если к концу I тысячелетия н. э. определились основные их типы, то технологическое разнообразие в пределах одного типа продолжает существовать, как и в кузнечном производстве более раннего времени. Знаменателен в этом отношении клад серпов из раскопа 11-Г на городище Горналь: четыре исследованных клинка, почти идентичных по форме и размеру, имеют совершенно различную технологию изготовления (ан. 906, 907, 908, 909, рис. 1). Отсутствие стандартизации технологических схем изготовления в рамках одного вида кузнечной продукции — наиболее характерная черта общинного универсального кузнечного ремесла.

По-видимому, несмотря на то что кузнечная обработка железа и ювелирное ремесло у славян в VIII—X вв. существовали как самостоятельные отрасли хозяйства, в условиях общинного производства с его узким рынком сбыта, они были тесно связаны между собой и в зависимости от конкретных условий могли находиться в руках одного специалиста. К такому мнению пришел И. И. Ляпушкин[6], изучая материалы Новотроицкого городища, и у нас нет оснований не согласиться с ним. На городище Горналь также зафиксированы четкие следы как железообработки, так и ювелирного дела, но нет конкретных данных об их полном разделении. Скорее наоборот: в предполагаемой кузнице наряду с кузнеч-

[6] *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы..., с. 146—148.

ными изделиями найден инструментарий — наковальня и зубильце, которые по своим размерам могли быть ювелирными.

Несомненно, что при таких обстоятельствах ремесленное производство роменских городищ обслуживало конкретных заказчиков, а товарное производство у восточных славян делало лишь первые шаги. Товарные формы быстрее приобретало железодобывающее производство. Свидетельством развития внутренней торговли железом как сырьем на славянских землях являются находки заготовок — полуфабрикатов разной формы. Наиболее известны из них заготовки в виде топоров, найденные на территории Великоморавского государства [7].

Качественно новый этап в развитии кузнечного производства связан с возникновением городов — центров сосредоточения ремесла. С появлением городского феодального производства происходит не только дальнейшая дифференциация ремесла, но и узкая его специализация. Этому новому этапу в развитии металлообрабатывающего производства соответствуют и новые технические возможности, совершенные технологические операции, рост производительности труда. В условиях феодального города окончательно оформится типичный средневековый характер ремесла с регламентацией производства и зачатками ремесленных организаций [8].

Технологическое изучение железного и стального инвентаря в конечном итоге позволяет нам представить сложный процесс развития кузнечного ремесла. Основные тенденции его поступательного развития на славянских землях в I тысячелетии н. э. были одинаковы [9].

G. A. Voznesenskaya

THE TECHNOLOGY OF BLACKSMITH PRODUCTION OF EASTERN SLAVS IN VIII—X CENTURIES A. D.

Summary

During VIIIth — Xth centuries the important changes occured in the economy of Eastern Slavs. They include some developments in mining and metallurgy of iron. The article communicates the results of technological studies of forged ironwork from fortified settlement Gornal, Romny culture. The studies of the collection showed five variants of technological schemes of ironwork. Being compared with technological schemes of Early Slavic blacksmiths, the explored series shows the increase of ironwork with such peculiarities as cementation of half-finished product (receipt of cementated steel with high persentage of carbon), cementation of finished products and active welding of iron and steel in one artifact. By the end of the Ist millenium the main types of quality blacksmith production had been established, but technological variety within every type still remained, just as in blacksmith production of the earlier time. The absence of standartization of the technological schemes within one kind of ironwork is very characteristic for the community stage of blacksmith handicraft development. In the fortified settlements of Romny culture the handicraft served the concrete customers. The production for trade only began among Eastern Slavs. New stage in this development would be connected with the appearence of cities — centres of handicraft. Studies in technology, economy and organization of blacksmith handicraft of different tribes in the Ist millenium A. D. and of Western Slavs demostrate that general tendencies of its progressive development in all Slavic lands were the same.

---

[7] *Pleiner R.* Slovanské sekerovité hřivny.— SA, t. IX, 1961, S. 404—450.

[8] *Колчин Б. А.* Ук. соч.

[9] *Колчин Б. А.* Ук. соч.; *Вознесенская Г. А.* Ук. соч., с. 61—65; *ее же.* Обработка черного металла на городище Титчиха.— В кн.: *Москаленко Л. Н.* Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 251—262; *Гопак В. Д.* Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье).— СА, 1976, № 2; *Pleiner R.* Die Technologie des Schmiedes in der Grossmärischen Kultur.— SA, t. XV, № 1, 1967.

К. И. КРАСИЛЬНИКОВ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди многочисленных находок салтово-маяцкой культуры Подонья видное место занимают орудия труда, предметы быта и другие всевозможные изделия, сделанные из кости и рога животных. К сожалению, многие материалы из раскопок поселений и могильников разрознены по коллекциям и фондам музеев, что создает видимость недостаточной источниковедческой базы для специальной работы об изделиях из кости. Сведения о находках вещей из кости, как правило, имеют информационный характер, или в лучшем случае авторы описывают только отдельные вещи и их назначение [1]. Недостаточно разработанными остаются пока вопросы об инструментах и технологии обработки кости [2]. Многие изделия, когда речь заходит о практической стороне применения, получают неполное объяснение. Спорными остаются вопросы семантики рисунков на кости [3].

Всестороннее изучение обработанной кости в целом — дело будущего. В данной статье остановимся на разборе предметов из кости селищ салтово-маяцкой культуры у с. Подгаевка I [4], с. Новолимаревка I на р. Деркул и у с. Рогалик на р. Евсуг (обе реки — притоки левого берега среднего течения р. Северский Донец).

На трех селищах найдено более 300 костяных предметов. Абсолютное большинство поделок обнаружено в жилищах или ремесленно-хозяйственных постройках.

Предметы из кости на указанных селищах составляют 47% общего числа находок. Количественное соотношение изделий из различных материалов отражено в таблице.

---

[1] *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа.— МИА, № 62, т. 1, 1958, с. 40—43, рис. 25—28, с. 69, рис. 49; *его же.* История хазар. Л., 1962, с. 312, 429; *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое.— МИА, № 74, 1958, с. 48, 49, рис. 29—30; *Плетнева С. А.* Подгоровский могильник.— СА, 1962, № 3, с. 248, 249; *ее же.* От кочевий к городам.— МИА, № 142, 1967, с. 148, 156, рис. 40, 42; *Джингов Г. Д.* Городище эпохи раннего средневековья у с. Стырмен в Болгарии.— СА, 1968, № 2, с. 287, рис. 12, *10—12, 19—21* и др.

[2] *Роганов Г. П.* Техника резьбы по дереву и кости. М., 1941, с. 12, 13; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 414; *Изюмова С. А.* Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси.— КСИИМК, XXX, 1949, с. 15—25; *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа, с. 40, 43; *Кызласов Л. Р.* Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай).— КСИИМК, XXXVI, 1951, с. 53 сл.; *Шовкопляс А. М.* Некоторые данные..., с. 32; *Орлова Е. П.* Резная кость. Новосибирск, 1965; *Грач А. Д.* Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента.— КСИА АН СССР, № 107, 1966, с. 28—32.

[3] *Лихачев А. Ф.* Бытовые памятники великой Булгарии, Тр. II АС, вып. 1. СПб., 1976, с. 59; *Гущин А. С.* К вопросу о славянском земледельческом искусстве.— В кн.: Временник отдела изобразительных искусств. ГАИМК, т. 1. Л., 1927, с. 63, 64; *Кызласов Л. Р.* Ук. соч., с. 51; *Грач А. Д.* Ук. соч., с. 30 сл.

[4] *Красильников К.* Житло салтівської культури на Донеччині — Археологія, № 13, 1974, с. 84—86; *его же.* Гончарная мастерская салтовомаяцкой культуры.— СА, 1976, № 3, с. 267—278.

Категория	Орудия	Оружие	Предметы быта	Культовые изделия	Игры	Украшения	Скульптуры	Всего экз.	%
Металл	42	12	15	—	—	3	—	71	10,9
Кость	171	3	12	31	75	13	1	306	47
Камень	68	—	47	—	—	—	1	116	17,7
Керамика	121	—	9	—	22	—	2	154	23,2
Стекло	—	—	—	—	—	8	—	8	1,2
	402	15	83	31	97	24	4	655	100

Отсутствие разработанной классификации костяных изделий затрудняет обобщение накопленного материала, поэтому в настоящей статье ставятся прежде всего следующие задачи: классификация костяных находок, интерпретация их, выяснение некоторых аспектов техники обработки кости.

Первым критерием типологического деления находок является общее функциональное назначение изделий. В зависимости от назначения все костяные вещи подразделяются на семь категорий: орудия труда, предметы быта, оружие, украшения, предметы искусства и культа, игрушки.

Второй критерий деления основан на понятии конкретного назначения орудий или иных предметов. Благодаря ему внутри категории выделяются группы изделий. Например, среди орудий труда — лощила, ножи, скобели, иглы, коньки, рукоятки и тому подобное. Предметы одной группы по форме очертания рабочих поверхностей, т. е. по характеру изготовления и применения изделия, разделены нами на типы, а по отдельным особенностям и деталям — на подтипы. Особенно большие возможности раскрывают здесь трасологические исследования большой группы находок.

Высокий процент изделий, сделанных из кости, и обширный ассортимент предметов специального назначения среди них указывают на то, что кость как сырье в данном случае не подменяет металл, как считала С. А. Изюмова [5]. Причины, обусловившие широкое использование костяных изделий, на наш взгляд, состоят, во-первых, в том, что в определенных технологических процессах, в частности при выделке кожи, лощении столовой парадной посуды, и т. д., кость была единственно пригодным материалом, во-вторых, значительный процент изделий из кости охватывает как раз предметы быта и культа, которые специально изготовлялись из этого дешевого, красивого, твердого и в то же время легко поддающегося обработке материала (украшения, подвески, игральные кости и пр.). Совершенно очевидно, что кость как сырье не подменяет металл. Напротив, в основных орудиях труда, требовавших особой прочности, результативности, износоустойчивости, применялся черный металл (см. таблицу).

Перейдем к характеристике различных категорий костяных изделий.

I. Орудия труда (171 экз.) составляют наибольшее количество всех изделий из кости — около 59%. Все они сделаны из плоских и круглых прочных костей домашних животных. По назначению орудия подразделяются на группы: лощила, ножи, скобели, проколки, пряслица, челноки, коньки, мотыжки, растиральники, ручки ножей.

Группа первая — лощила (71 экз., рис. 1, *1—8*). Все они сделаны из плоских или круглых костей животных, размеры орудий колеблются в пределах 12—20 *см*. Часто попадались сломанные лощила. Под этим наименованием археологам хорошо известны костяные полоски из ребер животных, у которых одна, а иногда обе стороны имеют следы сработан-

[5] *Изюмова С. А.* Ук. соч., с. 15.

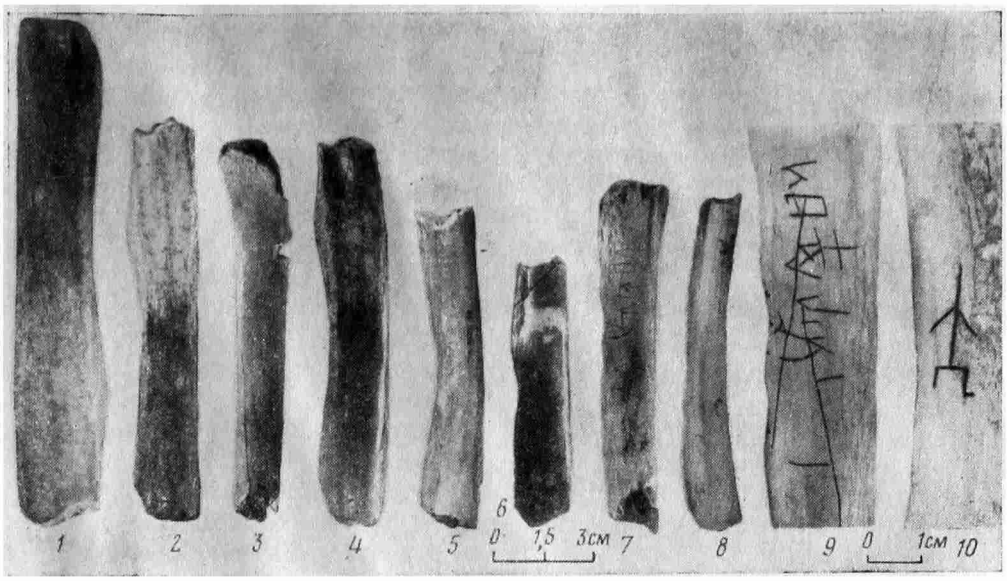


Рис. 1. Лощила из кости
1—3 — тип I, *4—7* — тип II, *8—10* — тип III

ности с меньшей или большей степенью залощенности. Рабочая поверхность может быть не только на плоских, а и на реберчатых сторонах кости. При раскопках такие инструменты встречались и раньше [6], но производственная сторона применения лощил показана недостаточно и ее описание относится к гончарному производству более позднего периода [7].

Состояние рабочей поверхности является основным индикатором характера производственного применения инструмента, а также степени продолжительности пользования лощилом. Внутри группы, на основании изучения рабочих поверхностей лощил, мы выделяем следующие типы инструментов.

Тип первый (47 экз., рис. 1, *1—3*) — лощила с рабочей поверхностью на широких, плоских сторонах ребра. Следы производственного износа не всегда четко выражены, но центральная часть орудия всегда тоньше его краев. Изучение рабочих поверхностей с помощью микрофотографии дает возможность выделить три подтипа орудий среди плоских лощил.

Подтип А (17 экз.). Рабочая поверхность зашлифована до блеска. Микрофотография поверхности (рис. 2, *1*) не показывает царапин — следов от соприкосновения этих орудий с твердыми материалами, имеющими абразивные свойства. Видимо, лощила применялись в работе по мягкому материалу — шерсти, кожи, ткани, войлоку. Эти отрасли домашнего ремесленного производства в одинаковой степени приемлемы как для раннего, так и развитого этапов салтовской культуры. Поэтому не случайно лощила подтипа А одинаково находим и на кочевьях, и в жилищах-полуземлянках селищ.

Подтип Б (16 экз.). Здесь на плоских сторонах ребра заметна сточенность кости. Поверхность имеет тускломатовую залощенность, на которой видна густая сетка линий — царапин (рис. 2, *2*). Очевидно, этим инструментом заглаживали стенки столовой лощеной посуды. Подсушенные до

[6] *Москаленко А. Н.* Отчет о работах на городище Титчиха в 1958 г.—Архив ИА АН СССР, № 1763.

[7] *Куфтин Б. А., Россова А. М.* У гончаров Дмитровского уезда.— Московский краевед. вып. V, 1928, с. 19, 20; *Гехт Г.* Керамика. М.— Л., 1938, с. 127; *Третьяков П. Н.* Северные восточнославянские племена.— МИА, № 6, 1941, с. 27, 28; *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое, с. 210; *Рабинович М. Г.* Московская керамика.— МИА, № 12, 1949, с. 67—80.

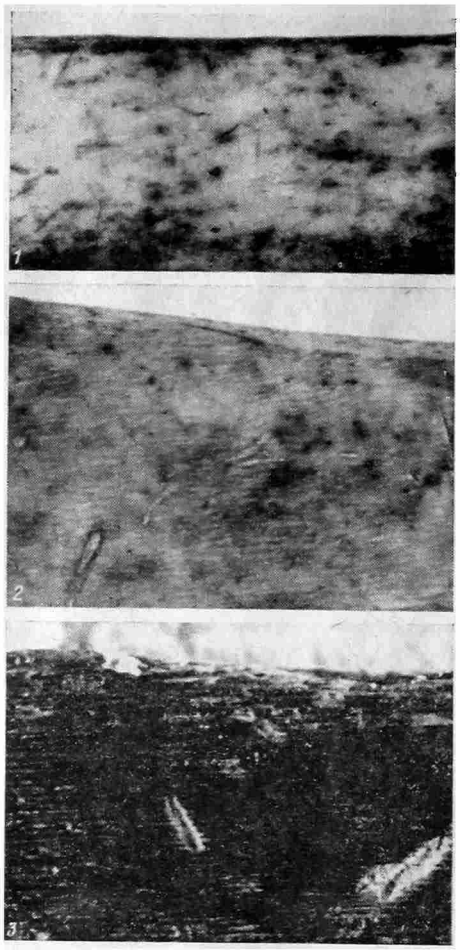


Рис. 2. *1—3* — микрофотографии рабочих поверхностей лощил

состояния 10—15%-ной влажности изделия имели уже достаточную жесткость, и при заглаживании стенок, естественно, стачивался слой кости. Несмотря на то что столовая керамика сделана из прекрасно отмученного теста, присутствие в фактуре глины кристалликов песка царапало поверхность кости, не давая ей заполироваться до блеска.

Подтип В (14 экз.) — массивные лощила с заметной выработкой на рабочей плоскости. Поверхность в этом месте имеет глубокие продольно-линейные царапины (рис. 2, *3*). Трудно с полной определенностью судить о применении инструмента с такими следами сработанности, но, видимо, ими могли заглаживать стенки больших, тарных керамических емкостей — кувшинов-пифосов, кувшинов-корчаг, пифосов. В состав их теста входил как мелкий, так и крупнозернистый песок. Он и оставлял борозды линий.

Итак, все лощила первого типа мы подразделяем на три самостоятельных подтипа. Установленное микроанализом состояние рабочих поверхностей позволяет высказать предположения о конкретных производственных процессах, связанных с применением лощил. Лощила подтипа А применялись в домашнем текстильном и кожевенном производствах. Ими могли разглаживать, выделывать различные мягкие материалы. Все эти процессы были известны в средневековье задолго до появления механических приспособлений[8]. Лощила подтипов Б и В применялись в гончарном производстве. Не случайно мы обнаружили их исключительно в производственных помещениях селищ. Например, в жилищах-мастерских на селищах у с. Подгаевка I (4 экз.), Новолимаревка I (5 экз.), там же в гончарной мастерской (10 экз.), в аналогичном сооружении селища Рогалик (4 экз.).

Тип второй (21 экз., рис. 1, *4—7*). Отличается от лощил первого типа прежде всего расположением рабочей плоскости орудия на торцевой части ребра. Очевидно, в этом отражается специфика их производственного применения. Состояние сработанности кромок, как и в первом случае, различное.

Подтип А (7 экз.) — лощила из массивных костей с естественной круглой торцевой частью. Выемка продолговатая, но не глубокая (рис. 1, *4—5*). Рабочая поверхность имеет царапины — риски от соприкосновения с изготовленной из песчанистого теста керамикой.

Подтип Б (11 экз.) — лощила гораздо меньших размеров и одной сравнительно короткой, но глубокой выемкой, заглаженной до состояния залощенности (рис. 1, *6*).

[8] *Цейтлин Е. А.* Очерки истории текстильной техники. М.— Л., 1940. с. 137; *Семенов С. А.* О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела — Белой Вежи.— МИА. № 75, 1959, с. 357, 358.

Рис. 3. Образцы керамики со следами работы лощил

1, *2* — сплошное лощение, *3—7* — орнамент, выполненный лощилами типа II, *8*, *9* — рельефный орнамент, выполненный лощилами типа III

Подтип В (3 экз.) — лощила на специально подобранных острых кромках ребер животных. На них прослежено по две — пять выемок (рис. 1, 7), свидетельствующих о длительном пользовании инструментом; рабочая поверхность залощена.

Все три подтипа лощил, со сработанностью на торцевых кромках кости, имеют внешние индивидуальные признаки, указывающие в свою очередь на специфику производственного применения. Для обоснования этого предположения, а также определения конкретного назначения каждого из подтипов лощил наметим общие и индивидуальные признаки, свойственные лощилам второго типа. Для всех трех подтипов сработанность заключается в наглядной желобчатой углубленности кромки ребра в одном или нескольких местах. Трасологические наблюдения углублений и микроанализ подтверждают наши выводы о характере рабочих поверхностей, свойственных лощилам подтипов Б и В первого типа. В этом случае мы имеем право говорить об их одинаковом назначении. Вся разница только в том, что если инструменты с широкой рабочей поверхностью (тип первый) применялись для заглаживания стенок при сплошном лощении изделия (рис. 3, *1—2*), то лощила с узкогранной рабочей кромкой были инструментами для нанесения рисунка — орнамента (рис. 3, *3—7*). При этом ширина линий рисунков, прослеженная на большом количестве лощеной керамики, различная. В одном случае линии 7—8 *мм* (рис. 3, *3*), в другом — 4—6 *мм* (рис. 3, *4—5*), в третьем — от 1 до 3 *мм* (рис. 3, *6—7*). Таким образом, ширина линии рисунка зависела от ширины рабочей кромки инструмента.

Все лощила второго типа найдены в слоях селищ салтовской культуры. Наибольшее число их обнаружено в жилищах-мастерских и мастерских гончаров вместе с лощилами первого типа.

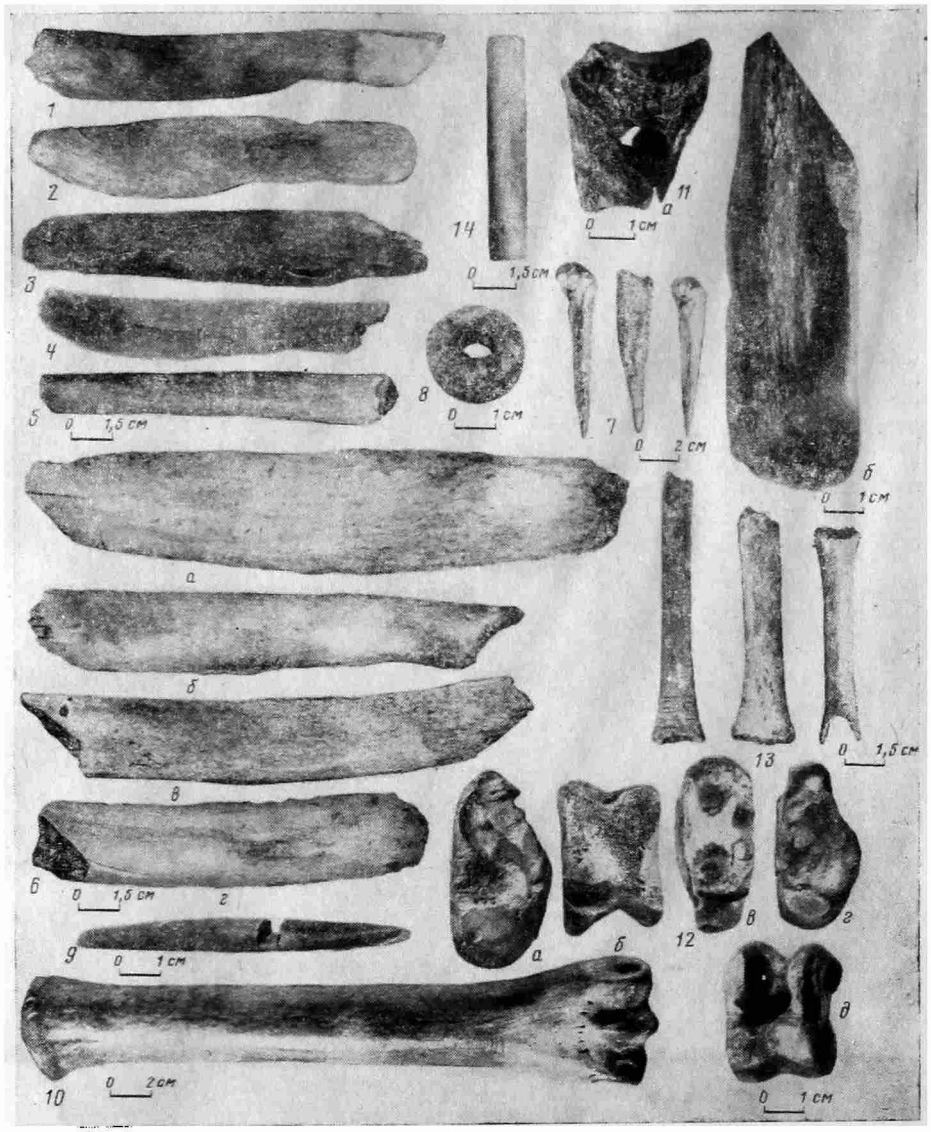


Рис. 4. *1—5* — ножи, *6* — скобели, *7* — шилья и проколки, *8* — пряслице, *9* — челнок, *10* — конек, *11* — *а*, *б* — обломки мотыг, *12* — *а* — *д* — растиральники, *13* — ручки ножей, *14* — заготовка ручки

Лощила третьего типа (3 экз. рис. 1, *8*, *9*) — универсальные инструменты, предназначенные для прорезки на стенках сырых сосудов глубоких борозд с последующим лощением их этим же инструментом. Обычно при лощении рельефность орнамента незначительна, так как на сырую стенку изделия нельзя сильно давить. Одновременно с фрагментами пролощенными часто попадаются стенки с прорезанными глубокими (2—4 *мм*) горизонтальными канавками (рис. 3, *8*). Такие углубления получались при снятии слоя глины специальным инструментом с насечкой на рабочей кромке. В центральной части орудия зазубринки на кости были более глубокими а к краям значительно мельче, наконец, рабочая грань заканчивалась лощилом. Итак, зазубринки выполняли роль резаков глины. К сожалению, подобных орудий обнаружено очень мало: два на селище у с. Подгаевка (жил. № 7 и 9), одно в мастерской гончара с. Новолимаревки. Интересно заметить, что на лощилах этого типа есть прорисовки линий, знаков (рис. 1, *9*), в том числе как бы незаконченное

безглавое изображение человека (рис. 1, *10*). На селище у с. Подгаевка близкие изображения известны на клеймах днищ кухонных круговых горшков [9].

Заключая характеристику лощил, следует отметить, что они были специальными орудиями гончаров, рассчитанными на определенные операции, связанные с орнаментацией столовой посуды. Сработанность рабочих поверхностей указывает на долговременность пользования ими. Мастер специально обтачивал и закруглял острые края кости с тем, чтобы инструментом было удобнее пользоваться. Нельзя также не отметить, что орудия, видимо, «имели хозяина». Об этом свидетельствуют лощила с процарапанными линиями, напоминающими тамгообразные знаки и рунические буквы (рис. 1, *9*, *10*). Убедительным подтверждением сказанному выше относительно назначения лощил могут служить условия находок их на памятниках салтово-маяцкой культуры Среднего Донца.

Группа вторая — ножи (28 экз., рис. 4, *1—4*). В основном они обнаружены в заполнениях жилищ, в хозяйственных ямах, реже в мастерских. Наибольшее количество ножей собрано на селище у с. Новолимаревка I. Сделаны они из ребер животных. Поперечное сечение лезвия плоское, рукоятки овальные, противоположная лезвию сторона ручки обточенная (рис. 4, *2*). Рукоятка отделена от лезвия небольшой выемкой на торцевой части ребра (рис. 4, *1, 2*). По технике изготовления и форме лезвий ножи из кости разделяются на два типа. Тип первый — ножи из расщепленного по продольной линии ребра крупных животных. Для этого ребро по торцевой (обычно выпуклой) стороне подтачивали или подрубали (рис. 4, *5*) затем расщепляли, очищали от внутренней губчатой массы заполнения полости ребра, путем заточки на абразивном камне выравнивали пластину-заготовку, после этого затачивали лезвие. Ножи, сделанные из расщепленных пластин, обычно имеют лезвие и спинку почти ровные (рис. 4, *3*). Искривление допустимо, но только для лезвия (рис. 4, *1, 2, 4*).

Тип второй — нож из цельного тонкого ребра. Более острую грань ребра заостряли абразивами до состояния лезвия ножа (рис. 4, *4*). Судя по следам на лезвиях, кость вначале точили крупнозернистыми абразивами, а затем подправляли оселком. Лезвие ножа с «горбатиной», спинка, наоборот, с вогнутостью.

Большинство обнаруженных нами ножей, к сожалению, оказалось поломанными, причем в одной и той же части, где лезвие переходит в ручку. Классифицировать ножи по подтипам не предоставляется возможности, так как по назначению они одинаковы, различаясь только по величине: одни имеют размеры лезвия 15—20 *см*, другие — 5—10 *см*.

Возможно, что ножи больших размеров использовали для разделки туш животных и одновременно могли использовать как скобели для обработки шкур. Возможно и другое: большие ножи были в употреблении у мужской части населения, а малые — женской. Этнографические и археологические материалы народов Севера знают такое деление [10].

Третья группа — скобели (9 экз. рис. 4, *6*, *а—г*). Сделаны из ребер крупных животных. По форме скобель напоминает нож больших размеров, но отличается от последнего заточкой рабочей части. У скобеля заточена в основном средняя часть ребра, угол рабочей кромки более тупой, нежели у ножа, края орудия срезанные. Скобели применялись для снятия жира и очистки кожи.

Четвертая группа — шилья и проколки (17 экз., рис. 4, 7). Изготовлены они обычно из грифельных костей животных, но иногда заготовками служили острия от расколотых трубчатых костей. Все проколки имеют заточенное острие со специфической залощенностью его до блеска. Про-

[9] *Красильников К. И.* Гончарная мастерская..., с. 275, 276, рис. 4.

[10] *Окладников А. П., Береговая Н. А.* Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971, с. 59—64.

тивоположный конец имеет вид обработанной круглой головки или пластины с заточенными краями. Размер орудий колеблется в пределах 7—12 *см*.

Группа пятая — пряслица (2 экз. рис. 4, *8*). Сделаны из костей крупных животных, причем для их изготовления использованы суставные эпифизные части кости. Пряслица круглые, наружный диаметр от 3,5 до 5 *см*, диаметр отверстия — от 1 до 1,6 *см*, высота — 1,7—2 *см*.

Группа шестая — челноки для плетения сетей (3 экз., рис. 4, *9*). Изделие редко встречается среди находок. Аналогичная находка известна только в катакомбе № 173 Дмитриевского могильника [11].

Длина челноков в пределах 9—10 *см*, в сечении это треугольник с прорезанным почти по середине пазом. Две стороны треугольника имели резную насечку, третья — нижняя имеет вид плоскодонной ладьи. Один из краев заострен, второй — тупой, по всей поверхности кость отполирована. Все четыре изделия, найденные на селищах и в катакомбе Дмитриевского могильника, абсолютно одинаковые и, видимо, имели одно назначение.

Группа седьмая — коньки (2 экз., рис. 4, *10*) сделаны из плюсневых костей лошади. В археологии они хорошо известны [12]. У нас, однако, по сравнению с находками в Саркеле они встречаются очень редко. Видимо, незначительное число этого специального инструмента в какой-то мере определяется, с одной стороны, спецификой и уровнем развития текстильного, кожевного ремесел и, с другой стороны, использованием других орудий — лощил первого типа, подтип А. Рабочая площадка не имеет затесок, поверхность по всей длине диафиза заполирована до блеска. На орудиях нет никаких приспособлений, которыми можно было бы крепить инструмент к ноге.

Группа восьмая — мотыги (2 экз, рис. 4, *11*, *а*, *б*). На селищах найдены только обломки — нижняя и верхняя части орудия. Мотыги сделаны из костей конечностей, продольно расчлененных на две части. Один конец заострен, другой просверлен для древка. Мотыги начиная с древнейших времен употреблялись как орудия для рытья жилищ, ям, ниш, для вырезания дерна и устройства прорубей во льду, наконец, для рыхления почвы.

Группа девятая — «растиральники» (11 экз., рис. 4, *12*, *а—д*). Сделаны из астрагалов крупных животных, одна или обе стороны их обычно подтесаны или совсем стесаны. В результате образовывалась ровная площадка, а орудие приобретало вид прямоугольника. Подтеска прежде всего увеличивала рабочую площадь инструмента, именно здесь видна заглаженность или залощенность. Окончательно о назначении этих предметов пока сказать трудно, но они вполне могли выполнять роль инструментов для растирания красок, мела, специальной глины в производстве особо качественной парадной посуды, наконец, в гончарном деле как лощила. Видимо, не случайно четыре из них найдены в заполнении жилища-мастерской гончара селища Новолимаревка I (раскоп I, жил. № 1) и еще два экземпляра — в мастерской (раскоп 2).

Группа 10-я — ручки ножей (21 экз.) и 6 заготовок (рис. 4, *13*, *14*). Большинство ручек сделано из круглых трубчатых костей животных и птиц. Обычно эпифиз срезан. Внутри, в губчатой массе кости, видны отверстия или даже обломки черенка ножа. Интересно отметить, что на селищах не обнаружено ни одной ручки из накладных пластин, которые часто встречаются на памятниках славян Поднепровья [13], однако пластины — заготовки таких ручек обнаружены (6 экз. рис. 4, *14*).

---

[11] *Плетнева С. А.* Отчет о раскопках на Дмитриевском могильнике в 1973 г. Катакомба № 173.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5130, с. 51, рис. 118.

[12] *Семенов С. А.* Ук. соч., с. 353—361.

[13] *Шовкопляс А. М.* Некоторые данные..., с. 31; *ее же.* Давньоруські кістяні вироби, с. 191, 194, мал. 1, *9—14*, мал. 3, *3*, мал. 4, *5—8*.

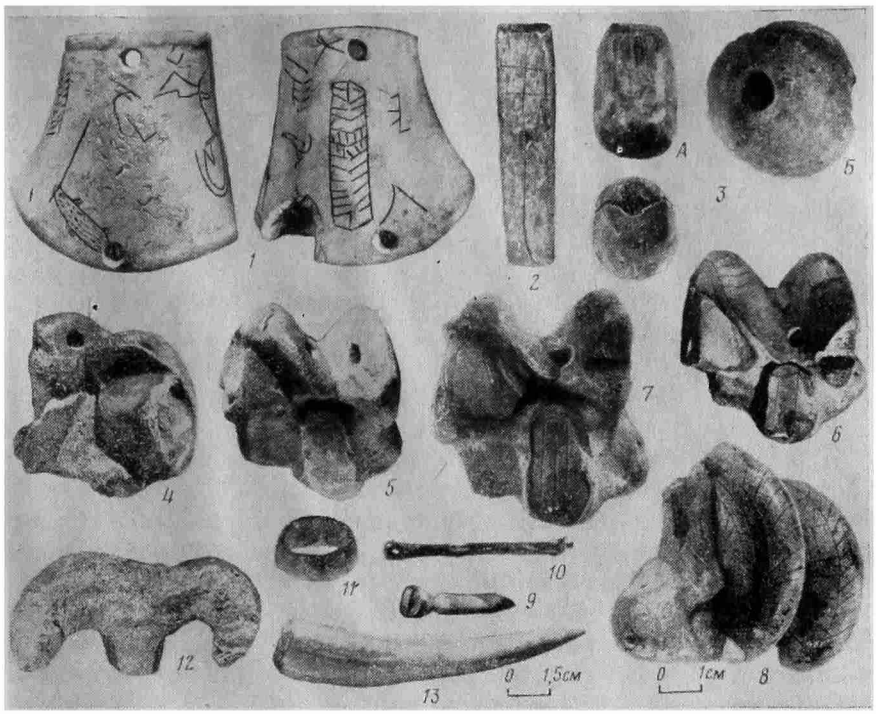


Рис. 5. Предметы быта, оружие, культовые изделия и украшения из кости

1 — горлышко бурдюка, *2* — костяная трубочка, *3* — *а*, *б* — кистени, *4*—*7* — амулеты, *8* — амулет из жилища № 10 с. Рогалика, *9* — амулет из зуба, *10* — амулет из фаланги, *11* — кольцо из кости, *12* — скульптурка, *13* — острие из рога

Итак, среди поделок из кости категория орудий труда, в зависимости от конкретного применения, включает в себя 10 самостоятельных групп инструментов. Самая заметная группа — инструменты, имеющие отношение к гончарному ремесленному производству, в частности выделке разнообразной столовой лощеной керамики. Учитывая, что на изучаемых нами поселениях салтово-маяцкой культуры лощеная посуда составляет до 30% всей керамики, мы можем говорить о местном характере ее производства.

II. Предметы быта (13 экз.). К сожалению, мы не располагаем большим количеством находок, позволяющим создать полную классификацию отдельных групп вещей. Горлышко бурдюка (1 экз.) (рис. 5, *1*) и заготовки — полуфабрикаты таких же горлышек (2 шт.). На селищах и в могильниках салтово-маяцкой культуры они встречаются довольно редко [14]. Горлышко, найденное на селище Новолимаревка I в хозяйственной яме жилища № 3, изготовлено из эпифиза берцовой кости крупного животного. Его внутренняя и наружная стороны тщательно обработаны и заполированы. В стенках просверлены четыре отверстия (два у сливного носика и два на втулке). Втулка круглая, заканчивается выпуклым бортиком. По всей наружной плоскости горлышко украшено рисунками рыб (одна из них поражена копьем-острогой), головками птиц, стилизованными прорисовками животных, просто елочными орнаментами (рис. 6).

Вторая интересная находка — костяная трубочка (рис. 5, *2*). Толщина ее стенок — 4—2, длина 59, сечение одного края (квадратное) — 13×13,5,

[14] *Семенов-Зусер С. А.* Ук. соч., с. 281, 282, рис. 5; *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа, с. 40, рис. 27; *Плетнева С. А.* Подгоровский могильник, с. 248, 249, рис. 6; *ее же.* От кочевий к городам, с. 155, 156, рис. 42, *11*, *12*.

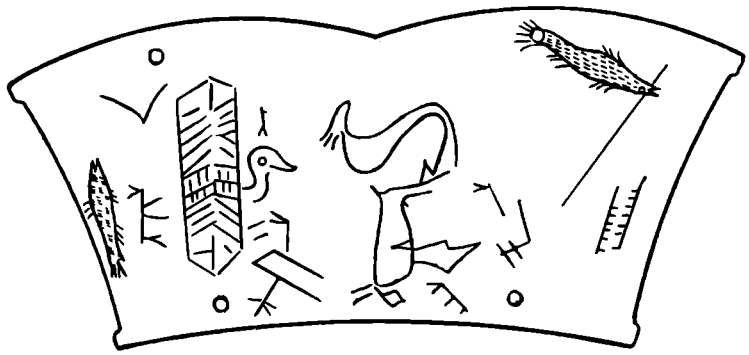


Рис. 6. Развертка горловины бурдюка

второго (прямоугольное) — 9,6×12,5 *мм*. Диаметр отверстия 10 *мм* с квадратного конца и 8×11,5 *мм* с прямоугольного. На этом конце прослеживается углубление-канавка с бортиком. Поверхность изделия заполирована до блеска, на одной из сторон четырехгранника процарапаны 10 поперечных линий. Назначение вещи из-за отсутствия на салтовских памятниках аналогии определить трудно. В ней можно видеть игольник или трубку, вставляемую в бурдюк для питья [15]. Известно также, что у многих народов с ранних периодов доместикации животных костяные трубочки применялись при доении животных [16].

Пластины-заготовки (8 экз.) вырезаны из очень массивных костей при помощи крупнозубой пилы. Толщина пластин 5—6 *мм*, видимо, их могли применять при изготовлении гребней или ножей типа I. К числу применяемых в быту предметов отнесем и острие, сделанное из рога дикого животного. Поверхность острия тщательно обточена и заполирована, один край заострен, противоположный — плоский со следами сверления в торце (рис. 5, *13*). Такое острие могло насаживаться на древко и служить орудием для управления упряжкой [17].

III. Оружие — два кистеня и обломок стрелы. Кистени (рис. 5, *3, а, б*) небольших размеров, в виде шаровидного, слегка удлиненного предмета. Длина — 6÷5, наибольший диаметр — 4,3—3,5, наименьший — 3—2,7, диаметр сквозного отверстия — 0,8 *см*. Сделаны кистени из рога и кости, обработаны напильником. Одна из сторон кистеней заполирована, возможно, от трения об одежду. Близкие по форме костяные кистени найдены в Саркеле (в слое X в.), а также на Казар-Калакском городище VIII в. в Дагестане [18].

IV. Культовые изделия (31 экз.). Подробную классификацию кочевнических языческих культовых изделий сделала С. А. Плетнева, ею же объяснен смысл многих вещей [19].

Тип первый — амулеты из таранной кости (13 экз. рис. 6, *4*—7). Все амулеты обнаружены в заполнении жилищ и жилищ-мастерских. Все они имеют по одному просверленному отверстию, иногда их два, но тогда одно обломано или недосверлено. Часть амулетов имеет рисунки — черточки, значки. Амулет из жилища № 10 селища Рогалик покрыт по всей поверх-

---

[15] *Береговая Н. А.* Археологические находки на острове Четырехстолбовом.— СА, XX, 1954. табл. 1, *б*; *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III.— МИА, № 43, 1955, с. 134, рис. 54, *2*; *Кызласов Л. Р.* Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь.— СА, 1962, № 2; *Нечитайло А. Л.* Раскопки курганов у станицы Суворовская.— АО — 1966. М., 1967, с. 70.

[16] *Галкин Л. Л.* Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов.— СА, 1975, № 3, с. 186—192.

[17] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 148.

[18] *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа. с. 76, рис. 55; *Гадло А. В.* Отчет Кавказской археологической экспедиции в 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3384.

[19] *Плетнева С. А.* Подгоровский могильник, с. 247, 248; *ее же.* От кочевий к городам, с. 171—178.

ности сплошной тонкой сетью линейного и елочного орнамента. Нет сомнения в том, что изготовление амулетов было делом сугубо индивидуальным, только в таком случае они получали магический смысл оберега. Амулеты, видимо, подвешивали на шнурках, продетых в просверленные отверстия. В местах трения шнурка о кость виден залощенный желобок.

Тип второй — амулеты из клыков диких животных (17 экз.). Они, за исключением одного, не имеют специальной обработки. Обнаружены исключительно в жилищах. Зубы собаки и волка — довольно частая находка на памятниках тюркоязычного населения Хазарского каганата [20]. Труднее объяснить, как попали на салтовское селище (жилище № 7 у с. Подгаевка) клыки диких кабанов (5 экз.). Известно, что кабаньи клыки имели отношение к языческой религии восточнославянского населения. Видимо, можно говорить о том, что культ этого животного был распространен и среди жителей северодонецких поселений. Интересен амулет из резца жеребенка. Мастер проточил две глубоких канавки с обеих сторон зуба и таким образом, не имея, видимо, возможности просверлить зуб, подвешивал его как амулет. Стенки канавки прекрасно заполировались (рис. 5, *9*).

Тип третий — амулет из длинной фаланги задней заячьей лапки, найден в жилище-мастерской № 1 селища у с. Подгаевка. На поселениях такие амулеты встречаются редко [21]. Несколько чаще они попадаются в погребениях. Изделие заполировано до блеска и один конец его просверлен (рис. 5, *10*).

V. Бусы и кольца. Бусы (12 экз.) сделаны из кости мелких животных и рыбьих позвонков, одна бусина из рога. Кольцо выточено из диафиза кости. Наружный его диаметр — 2,3, внутренний — 1,6, ширина — около 1 *см* (рис. 5, *11*).

VI. Шестая категория изделий из кости — игрушки: бабки, биты, игральная кость. Бабки (62 экз. рис. 7, *1—12*). Сделаны из овечьих астрагалов. Большая часть их имеет рисунок, остальные отполированы. Тип первый — с рисунком (44 экз.). Бабки с прорисовками сетки, тамгообразных знаков, стилизованных животных, штриховых рисунков, геометрических фигур. Наиболее часто встречается изображение квадрата или прямоугольника с двумя перекрещивающимися линиями (рис. 7, *3*). Несмотря на то что сюжеты рисунков повторяются, в каждом видна индивидуальная рука исполнителя. В одном случае рисунки аккуратные, сложные и по сюжету, и по композиции (рис. 7, *4*), в другом случае они выполнены небрежно, как бы наспех (рис. 7, *9—12*).

Помимо бабок из астрагалов овцы на селищах найдены 17 бабок, сделанных из астрагалов быка. Они имеют рисунки, очень близкие с вышеописанными (рис. 7, *5*). Интересен астрагал из хозяйственной постройки жилища № 2 селища Новолимаревка II. На торцевой стороне прочерчены два креста, заключенные в двухрядное крестообразное обрамление (рис. 7, *6, 7*). На этом же астрагале изображен традиционный прямоугольник с перекрестием линий (рис. 7, *5*). Рисунки на астрагалах прорисовывались с одной стороны, обычно на выпуклой части спинки. Иногда прорисовки есть и на торцевой части астрагалов (рис. 7, *8*), однако ни на одном предмете нет рисунков с обеих сторон кости. Можно предположить, что рисовали там, где была наиболее удобная площадка, т. е. на спинке астрагала, но, возможно, эти рисунки здесь отражали определенный игровой момент. Нам кажется, что второе предположение ближе к истине. Тип второй — бабки с зеркально отполированной поверхностью (18 экз.). На них только иногда можно заметить одну-две черточки (рис. 7, *13, 14*). Без сомнения, полировку производили с какой-то определенной целью. Известны несколько бабок с заглаженностью только одной стороны.

---

[20] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 174.
[21] *Плетнева С. А.* Ук. соч., с. 172, рис. 47, *15*.

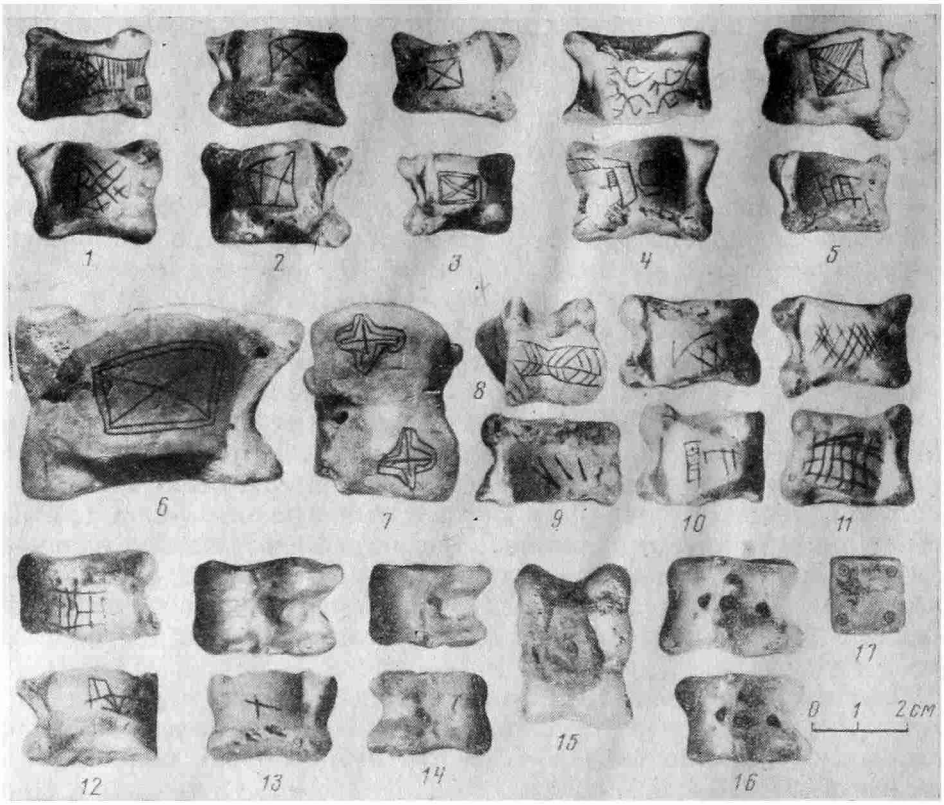


Рис. 7. Изделия для игр

1—12 — бабки с рисунками, *13*, *14* — бабки с полировкой, *15*, *16* — бита и заготовки бит, *17* — игральный кубик

Ко второй группе предметов для игр относим две биты, сделанные из астрагалов: в них просверлены полости, в которые залит свинец. Прочность заливки обеспечивалась тем, что свинец затекал в отверстия (рис. 7, *15*). Заливка утяжеляла биту примерно в два-три раза. Остальные 10 астрагалов с двумя — пятью сверлениями являются, вероятно, заготовками (рис. 7, *16*, *а*, *б*), поскольку свинец в них не был залит.

К третьей группе отнесена игральная кость (рис. 7, *17*). Найдена она в хозяйственной яме жилища № 8 селища Подгаевка I. Кубик со сторонами ровно по 19 *мм* имел циркульные прорисовки кружков диаметром около 2,5 *мм*, соответственно на каждой из сторон от одного до шести. Материалом изготовления кубика послужила слоновая кость желтовато-розового оттенка. Абсолютная аналогия нашей находке известна в Саркеле [22].

VII. Скульптура (рис. 5, *12*). Заготовкой послужил астрагал крупного животного. Вначале астрагал был просверлен (диаметр отверстия — 6 *мм*), далее топором рассечен по продольной линии на две равные части. Отверстие, видимо, должно было нарушить целостность кости и облегчить расчленение ее на две части. Затем ударами острым предметом были сделаны углубления, в результате чего выделились конечности и голова лошади. В таком состоянии, со следами грубых сколов, в явно незаконченном виде, она дошла до нас.

В заключение остановимся на вопросах технических приемов нанесения рисунка на кости.

Трасологическое исследование предметов с прорисовками установило два приема нанесения рисунков. Прием первый — техника прочерченно-

[22] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 156, рис. 42, 7.

Рис. 8. Макросъемка деталей рисунков на кости. *1*, *2* – техника холодного прочерчивания, *3*, *4* — техника горячего прочерчивания, *5* — фрагмент рисунка на таранной кости (увел. в 10 раз)

сти (рис. 8, *1, 2*). Ею выполнены несложные линейные орнаменты. Для прорисовок выбирались сравнительно ровные поверхности на астрагале или любой другой кости. Трудно сказать, насколько кость перед нанесением рисунка специально размягчали [23], но штрихи от соскальзывания инструмента можно видеть довольно часто. Кость была все же очень твердой, и мастер с трудом удерживал резец от «нанесения» лишних линий. Кромки линий часто имеют выщерблины, видимо, материал не был достаточно эластичным и в момент физического давления жесткая кость крошилась (рис. 8, *2*).

Второй прием, ранее не описанный в литературе, заключается в нанесении рисунка тонким металлическим инструментом, нагретым до состояния, в котором он способен жечь кость, т. е. выжиганием. Этой техникой, как показал анализ, на вещах прорисовывали сложные композиции, в одинаковой степени охватывавшие как плоские, так и сферические части астрагалов и таранных костей животных. Микроанализ убедительно выявил жженость кости, с последующей ошлакованностью стенок линии рисунка, заметную неравномерность углубленности, а иногда и ширины линии из-за различного состояния температуры раскаленного инструмента в момент нанесения рисунка (рис. 8, *3, 4*). При помощи раскаленного инструмента мастер добивался предельной аккуратности и ювелирной тонкости линий рисунка. Так, на амулете из таранной кости (рис. 5, *7, 8*) по сферической поверхности прочерчены ряды ровных продольных и зигзагообразных линий. Пространства между линиями заполнены сплошным елоч-

[23] Процесс предварительной обработки кости подробно описан С. А. Изюмовой. См. *Изюмова С. А.* Ук. соч., с. 16—19.

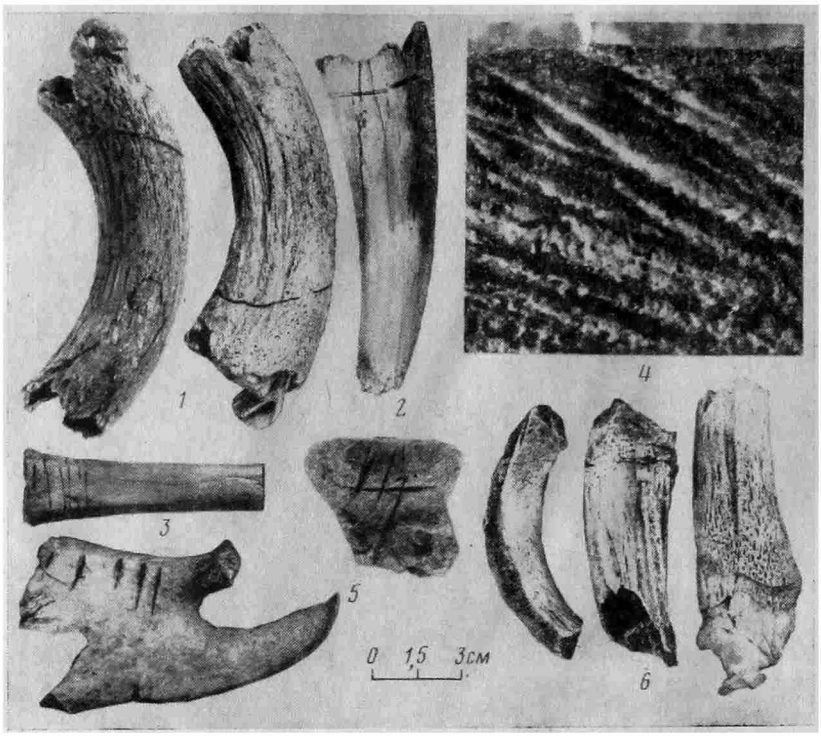


Рис. 9. Обработка кости различными инструментами. *1—3* — следы распиловки рога и кости, *4* — микросъемка торцевой стороны распила (увел. в 10 раз), *5*, *6* — следы рубки кости топором

ным орнаментом. Число миниатюрных линий здесь достигает 30 на 1 *см*^{2}, длина их — от 2 до 6 *мм*, расстояние между линиями — 0,4—0,5 *мм* (рис. 8, *5*).

К сожалению, мы совершенно не знаем инструменты, которыми пользовались косторезы. Ясно одно, что резцом при технике холодной обработки могло служить не обязательно металлическое орудие. Неоспоримо хорошими качествами режущего инструмента обладает кромка кремневого резца, пластины или отщепа. Что касается техники жженного рисунка, то он наносился раскаленными железными остриями — ножами, шильями и пр. Единственным недостатком было то, что обычные бытовые предметы недолго сохраняли высокую температуру, поэтому можно предполагать существование инструментов с очень острым рабочим лезвием и одновременно достаточно большой массой, способной сохранять сравнительно долго высокую температуру. Об этом свидетельствуют линии длиной 8—9 *см*, проведенные горячим инструментом всего в один-два приема.

Мы располагаем данными, которые позволяют говорить и о других инструментах, применяемых в косторезном деле. В частности, встречаются следы распиловки кости и особенно рога (рис. 9, *1—3*). Для этого применялась металлическая мелкозубая пила с шириной полотна в пределах от 1,5—2 до 5 *мм*. За один ход срезали слой кости в 0,1—0,3 *мм*, рога — 0,3—0,5 *мм* (рис. 9, *4*). Края распила прямые. Все это говорит об острых, с некоторым разводом, зубьях и достаточно высокой сталистости металла. Пила как инструмент костореза была хорошо известна как русским ремесленникам [24], так и алано-болгарским [25].

[24] *Рыбаков Б. А.* Ук. соч., с. 415, 416; *Изюмова С. А.* Ук. соч., с. 20, 22; *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, № 49, 1955, с. 103, 131, рис. 69.

[25] *Михеев В. К.* Отчет о раскопках у с. Маяки в 1966 году.— Архив ИА АН УССР, № 1966/80, ф. № 4793—94, с. 6. табл. VI, рис. 11; *его же.* Отчет об археологических исследованиях Сухогомольшанского могильника в 1974 г.— Архив ИА АН УССР, № 1974/96, ф. № 7405—06, табл. XVII, рис. 3.

Среди остеологического материала на селищах найдено много костей со следами ударов топором — всего 85 экз. (рис. 9, *5, 6*). Очевидно, топор нередко применялся при обработке кости.

Широко практиковались стачивание и шлифование кости на специальных абразивах. Абразивы очень часто находят в культурных слоях селищ. Среди них выделяются плиты крупнозернистых пород кварцевого песчаника или просто песчаника и небольшие оселковидные бруски мелкого зернистого песчаника или даже сланца. Правда, как известно, они больше предназначались для заточки изделий из металла, однако их могли использовать и для шлифовки костяных изделий.

Можно назвать еще ряд инструментов, применявшихся косторезами: циркуль, сверло, напильник, рашпиль, стамеска, долото. Специальные орудия, устойчивые приемы обработки, разнообразные приемы исполнения рисунка свидетельствуют о том, что косторезное дело у полуоседлого населения степей Восточной Европы стояло на очень высоком уровне. Однако можем ли мы рассматривать обработку кости салтовцами как специализированное ремесленное производство?

Нам кажется, правильней будет считать обработку кости одним из видов местных домашних производств, свойственных в равной степени всему населению Нижнего Подонья. Мы уже убедились, что многообразие форм лощил в руках у гончара росло по мере расширения ассортимента выпускаемых им изделий. Ясно, что все орудия, которыми пользовался ремесленник-керамист, были сделаны им самим. Замечено также, что каждая бытовая или культовая вещь несет на себе следы индивидуального изготовления.

Таким образом, сделанные нами наблюдения позволяют утверждать, что косторезное дело салтовцев не выделилось еще в специализированное ремесло, а было домашним производством, которым владел по существу каждый житель исследованных поселений, как гончар-ремесленник, так и просто земледелец, пастух, воин, изготовлявшие для себя орудия, собственные амулеты, игры и прочие вещи.

K. I. Krasilnikov

BONE OBJECTS OF THE SALTOVO CULTURE

Summary

Bone and antler objects are numerous among the finds belonged to the Saltovo-Mayak culture in the Don basin. These finds have not been studied well enough until today. The article deals with classification, interpretation and technology of manufacturing of these objects from sites Podgaevka, Novolimarevka and Rogalic (more than 300 bone artefacts altogether). All finds are devided into seven categories by their general purpose, and into groups according to their special function. These groups are devided into types on the basis of technological peculiarity and into subtypes according to some specific details. The first category — tools (173 exemplars). The majority of tools were used in pottery and tanning handicrafts. The second category — objects of everyday life (13 exemplars). The third category — weapons (3 exemplars) and the fourth — cult objects (31 exemplar), the fifth — ornaments (13 exemplars), the sixth — toys (75 exemplars) and the seventh — sculpture. There exists a traditional description of the ways of treatment of bone, for example, the ornamentation is considered to be done by engraving. Trasological analysis discovered the technology of bone ornamentation by burning.

Ю. П. МАНЫЛОВ

О ПУТИ ИБН ФАДЛАНА ИЗ ХОРЕЗМА ЧЕРЕЗ ПЛАТО УСТЮРТ

Издания Мехшедской рукописи Ибн Фадлана сопровождались пространными лингвистическими и историческими комментариями [1]. И. Ю. Крачковский и А. П. Ковалевский убедительно показали немаловажное значение «Записки» Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. в составе посольства халифа ал-Муктадира (908—932 гг.) для изучения истории некоторых народов нашей страны.

Однако мы должны признать, что данные Ибн Фадлана о Хорезме еще недостаточно проанализированы и не в полной мере привлекаются для решения ряда вопросов средневековой истории. Одним из них является вопрос о маршруте посольства из Джурджании (Гургандж) через плато Устюрт. А. П. Ковалевский отметил, что «данные Ибн Фадлана об этом маршруте во многом неясны и требуют особого исследования» [2].

Предположение о маршруте посольства впервые выдвинул А. Тоган. Он считал, что Ибн Фадлан следовал через Хорезмийскую гору, упоминаемую ал-Бакри и находящуюся в 12 фарсахах от Джурджании [3]. Данные ал-Бакри дополняются Гардизи, который составил описание пути из Хорезма к печенегам: «Что касается печенегов, то дорога к ним идет от Гургандж к Хорезмийской горе и дальше в страну печенегов. Дойдя до Хорезмийского озера, оставляют его по правую сторону и идут дальше...» [4].

В результате археологических разведок 1946 г. на плато Устюрт были намечены маршруты двух торговых путей. Один из них, по мнению С. П. Толстова, проходил «через развалины Белеули на северо-запад, на нижнюю Эмбу, Урал и Волгу. Этот... путь, по которому в начале X в. ехал Ибн Фадлан, был в конце того столетия и в начале следующего оборудован великолепными караван-сараями» [5]. Я. Г. Гулямов считает, что «дорога, по которой Ибн Фадлан следовал из Гургандж в страну гузов и дальше, судя по его описанию, шла по восточной стороне чинков Устюрта... и за Кунградом сворачивала на северо-запад, где имеется удобный подъем на Устюртское плато. Это знаменитая старинная Караумбетская

---

[1] *Крачковский И. Ю.* Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.— Л., 1939. Ibn Fadlands Reisebericht von A. Zeki Validi Togan. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd 24, № 3. Leipzig, 1939; *Ritter H.* Zur Text von Ibn Fadlans Reisebericht.— ZDMG, Bd 96, H. 1, 1942, S. 98—126; *Czegledy K.* Zur Mescheder Handschrift von Ibn Fadlans Reisebericht.— AAH, t. 1, fasc. 2—3, 1951, S. 217—243; *Ковалевский А. П.* О степени достоверности Ибн Фадлана.— ИЗ, т. 35, 1950, *его же.* Посольство халифа к царю волжских булгар.— ИЗ, т. 37, 1951; *его же.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.

[2] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., с. 95.

[3] Ibn Fadlans Reisebericht..., S. 18.

[4] *Бартольд В. В.* Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг.» Соч., т. VIII. М., 1973, с. 56.

[5] *Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1946 г.— Изв. АН СССР, серия истории и философии, № 2. М., 1947, с. 178.

дорога, на которой сохранились развалины крепостей, рабатов и других дорожных пунктов [6].

Аналогичного мнения придерживается Т. А. Жданко: «Путь из Хорезма в Поволжье описан Ибн Фадланом, караван которого следовал в 922 г. от Гургандж на север вдоль восточных чинков Устюрта, потом дорога поднималась, очевидно, у Караумбета на плато и далее через Устюрт шла к Эмбе» [7]. В. П. Даркевич полагает, что начальный отрезок маршрута посольства к царю булгар совпадает с путем к печенегам, описанным Гардизи [8].

Таким образом, исследователи единодушно считают, что путь Ибн Фадлана лежал из Джурджании на север, проходил вдоль Восточного чинка Устюрта и затем сворачивал на северо-запад.

Однако археолого-топографические исследования на плато Устюрт и прилегающих к нему районах, проводимые в последние годы в широких масштабах сектором археологии Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР, позволили пересмотреть существующую точку зрения на маршрут следования посольства из Джурджании.

Для решения вопроса о пути Ибн Фадлана приведем с небольшими сокращениями интересующий нас отрывок из описания его путешествия на Волгу и проанализируем его.

«Снаряжение каравана было хорошо налажено, мы наняли проводника... и отправились из Джурджании в понедельник по прошествии двух ночей (месяца) Зу-л-када 309 года (4 марта 922 г.— *Ю. М.*). Мы остановились в рабате, называемом Замджан, а это (и есть врата тюрок). Потом на другой день мы отправились и остановились на остановке, называемой Джит. Нас настиг такой снег, что верблюды ступали в нем по колено. Поэтому мы оставались на этой остановке два дня.

Потом мы устремились в страну тюрок, не сворачивая ни перед чем, и никто нам не встречался в степи (безлюдной) пустыне без единой горы. И так мы ехали по ней 10 дней.

Когда же мы проехали 15 дней, мы прибыли к большой горе со множеством камней, на которой были источники,— прорывается источник и в ямке вода...» [9]

Для определения маршрута посольства приведенный отрывок наиболее важен, так как именно в нем упоминаются два населенных пункта. Однако локализация Замджана исследователями, насколько мне известно, не предпринималась, а данные Ибн Фадлана для локализации Джита не использовались [10]. Видимо, это можно объяснить отсутствием у Ибн Фадлана прямых указаний на расстояние между населенными пунктами.

В качестве отправных точек для локализации упоминаемых Ибн Фадланом двух населенных пунктов, лежащих на пути следования, возьмем дату отъезда посольства из Джурджании, время затраченное караваном на прохождение отдельных отрезков пути и на вынужденные остановки.

Большая гора со множеством камней, «на которой были источники» и к которой караван прибыл спустя 15 дней после выезда из Джурджании, по мнению И. Ю. Крачковского [11], А. Тогана [12], А. П. Ковалевского [13], есть не что иное, как северо-западные чинки Устюрта. Обрывы

---

[6] *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, с. 139.

[7] История Каракалпакской АССР, т. 1. Ташкент, 1974, с. 75.

[8] *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 152.

[9] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., с. 125.

[10] *Гулямов Я. Г.* Ук. соч., с. 152; *Ягодин В. Н.* Маршрутные археологические исследования в левобережной части Приаральской дельты Амударьи.— МХЭ, вып. 7, 1963, с. 96.

[11] *Крачковский И. Ю.* Ук. соч., с. 97, прим. 170.

[12] Ibn Fadlans Reisebericht..., S. 18.

[13] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., с. 125, прим. 166.

Устюрта от их подножья и с плато выглядят как склоны гор. Кроме Ибн Фадлана — Ибн Русте [14], ал-Истахри [15], ал-Бакри [16], Гардизи [17] называют чинки Устюрта горами. В. Григорьев указывает, что «северо-западный чинк Устюрта носит у киргизов (казахов.— *Ю. М.*) имя „гор", именно зовут они его Туманными горами» [18].

Исходя из текста, мы приходим к выводу, что караван прибыл на северо-западные чинки Устюрта 18 марта 922 года. Так как нам известно, что 10 дней караван двигался по «пустыне без единой горы» (под которой нужно видеть плато Устюрт), то нетрудно сосчитать, что 9 марта состоялся выезд из Джита.

Этот пункт, видимо, находился на Восточном чинке Устюрта, так как из него члены посольства «устремились в страну тюрок». Эта остановка, как называет Джит Ибн Фадлан, являлась последней перед выходом на пустынное плато.

Количество дней (10), которое потребовалось для пересечения Устюрта, определяемое Ибн Фадланом, подтверждается данными Гардизи при описании пути к печенегам. Десять дней шли также караваны через Устюрт из Хивинского ханства в Россию [19].

Нам осталось проанализировать наиболее важный отрезок времени с момента выхода каравана из Джурджании до выхода его из Джита, т. е. с 4 по 9 марта. Два дня, которые члены посольства потеряли из-за непогоды в Джите, мы относим на 7 и 8 марта, так как 9 марта караван вышел из Джита. В оставшиеся три дня (4—6 марта) нужно было преодолеть расстояние от Джурджании до Джита. При этом послы заезжали еще в рабат Замджан, носящий название Баб-ат-тюрк (Врата тюрок).

Караван, по нашим расчетам, должен был прибыть в Замджан 5 марта, так как у Ибн Фадлана сказано: «...потом на другой день (т. е. 6 марта.— *Ю. М.*) мы отправились и остановились (разрядка наша.— *Ю. М.*) на остановке, называемой Джит».

Эти слова мы понимаем так, что события произошли в один день и расстояние между Замджаном и Джитом равно одному дню пути.

За два оставшиеся дня (4 и 5 марта) караван преодолел путь от Джурджании до Замджана. На этом основании мы приходим к выводу, что рабат Замджан находился в двух днях пути от Джурджании.

Движение каравана из Джурджании до северо-западных чинков Устюрта будет выглядеть следующим образом: 4 марта выезд из Джурджании; 5 марта (вечером) прибытие в Замджан; 6 — выезд из Замджана и прибытие в Джит; 7—8 — остановка в Джите из-за непогоды; 9 — выезд из Джита; 9—18 — переход через Устюрт и 18 марта прибытие к северо-западным чинкам Устюрта.

Рабат Замджан, по мнению А. Тогана, лежал около подъема на плато Устюрт [20]. Это предположение не лишено оснований. Второе его название Баб-ат-тюрк тоже будет соответствовать действительности, если этот рабат находился на плато Устюрт, которое иногда называли пустыней огузской [21].

---

[14] *Ибн Русте.* Китаб ал-а́лак ан-нафиса.— МИТТ, т. 1. М.— Л., 1939, с. 150.

[15] Там же, с. 179, 180.

[16] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 30.

[17] *Бартольд В. В.* Ук. соч., с. 56.

[18] *Григорьев В.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости.— ЗРГО, кн. 1, 1861, с. 111.

[19] Дополнительные сведения о пути в Среднюю Азию от залива Цесаревича по Устюрту и Амударье 1885 г. полковника Белявского.— В кн.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXV. Спб., 1887, с. 80; *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975, с. 68; *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море с древнейших времен до XVII в. Соч., т. III. М., 1965, с. 91.

[20] Ibn Fadlans Reisebericht..., S. 7, anm. 5.

[21] Худуд ал-алем.— МИТТ, т. 1, с. 210.

О рабате Замджан, в котором посольство получило эскорт, хорошо знали в Бухаре. Он имел важное значение в отношениях саманидского государства с Хорезмом и Восточной Европой. Мы судим об этом по тому, что письмо саманидского эмира Насра Ибн Ахмеда (914—943 гг.) из Бухары о выделении эскорта посольству было послано непосредственно в Баб-ат-тюрк, минуя хорезмшаха Мухаммеда ибн Ирака. Это свидетельствует о том, что рабат Баб-ат-тюрк был непосредственно подчинен Бухаре. Впервые на это обратил внимание А. Тоган [22].

Мы считаем, что рабат Замджан, находящийся в двух днях пути от г. Джурджании, нужно поместить на месте городища Шемаха-кала (рис. 1). Оно расположено в 60 *км* к западу от г. Куня-Ургенч на выступающем отроге плато Устюрт. В этом месте чинк Устюрта не имеет ярко выраженного характера крутых обрывов. По этой причине Ибн Фадлан подъем на Устюрт не отметил в своих воспоминаниях.

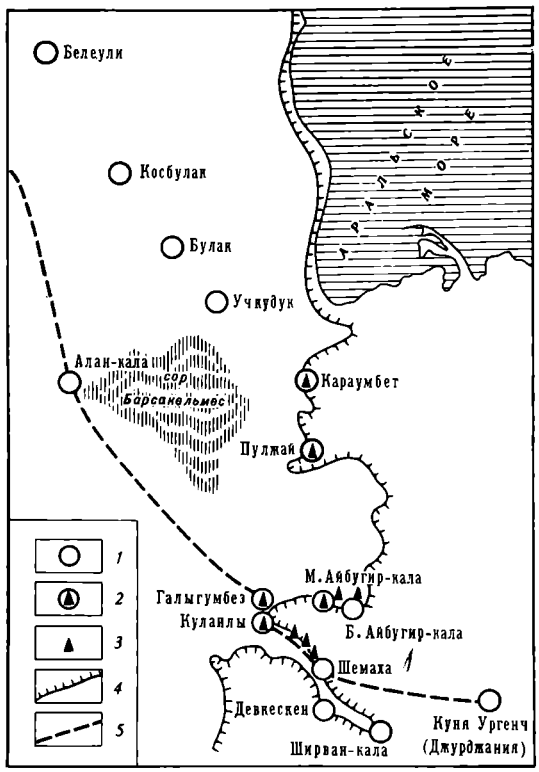


Рис. 1. Карта археологических памятников северо-западного Хорезма. *1* — средневековые населенные пункты; *2* — населенные пункты с башнями; *3* — башни; *4* — обрывы Устюрта; *5* — направление каравана посольства из Джурджании на северо-запад

С. П. Толстов считает, что Шемаха-кала «в основе — это раннесредневековый город-крепость, обнесенный некогда прямоугольником мощных стен с огромными башнями» [23]. Несмотря на то, что раскопки, проводившиеся в центральной части городища и имевшие небольшие размеры, не дали материалов, подтверждающих существование города в домонгольское время, остатки крепостных стен и башен оказались «сходными с раннесредневековыми домонгольскими крепостными сооружениями» [24].

Единичные фрагменты керамики X—XI вв., на наш взгляд, не являются случайными, как полагает Н. Н. Вактурская [25], а, напротив, подтверждают возникновение данного населенного пункта в раннесредневековое время.

В 30,5 *км* северо-западнее городища Шемаха, на краю плато Устюрт, расположен караван-сарай Куланлы (рис. 2). Караван-сарай размером 20,4×20,2 *м*, прямоугольный в плане, ориентирован углами по сторонам света. Стены толщиной 1,9—2,0 *м* возведены из пахсы и имеют наклон к основанию, равный 78—79°. Наружные и внутренние поверхности стен нарезаны по сырой глине прямоугольными блоками. В основании стен положены крупные плиты хорошо обработанного ракушечника длиной 0,80—1,15 *м* и толщиной 0,15—0,34 *м*. По углам имеются круглые в плане

[22] Ibn Fadlans Reisebericht..., S. 7, 8.
[23] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 311.
[24] *Вактурская Н. Н.* О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР.— ТХАЭЭ, т. 1, 1952, с. 173.
[25] Там же, с. 189.

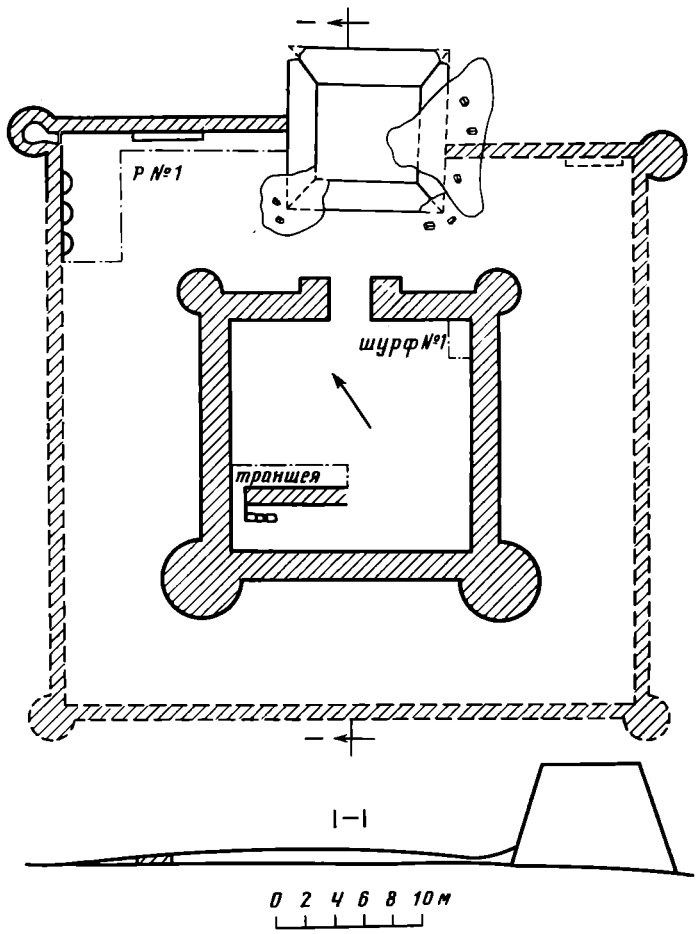


Рис. 2. Караван-сарай Куланлы. План

башни без внутрибашенных помещений диаметром 2,8 *м* на северо-восточной стене и 5,4 *м* на юго-западной стене. Северо-восточная башня сохранилась на высоту 3,2 *м*. Высота стен караван-сарая не превышает 1,5 *м*. В середине северо-восточной стены находится вход шириной 2,7 *м*. По бокам входа сохранились прямоугольные цоколи пилонов из плит ракушечника, выступающие за наружную поверхность стены на 1,0 *м*. Их длина по стене равна 2,15 *м*.

Основное здание караван-сарая окружено двором размером 42×41,5 *м*, который был обнесен стеной. С северо-восточной стороны основное здание прикрывала башня. Стены двора примыкают к ней с юго-восточной и северо-западной сторон. Стены шириной 0,8—1,0 *м*, окружающие караван-сарай, сохранились на высоту от 0,05—0,10 до 0,45 *м*. В отдельных местах они едва прослеживаются на поверхности. Стены построены из пахсы с включением в середину небольших плит ракушечника. По углам прямоугольника стен, окружающего основное здание, имеются башни круглой в плане формы, сохранившиеся только на северо-западной стене. Вход во двор обнаружить не удалось.

Башня, расположенная в середине северо-восточной стены (рис. 3), имеет прямоугольную в плане форму. Ее размеры по основанию: северо-восточная стена — 11 *м*; северо-западная стена — 11,30 *м*. По верху размеры башни равны: северо-восточная стена — 7,28 *м*, юго-восточная — 7,25 *м*. Сильно разрушена юго-восточная сторона башни, где блоки вывалились почти до основания.

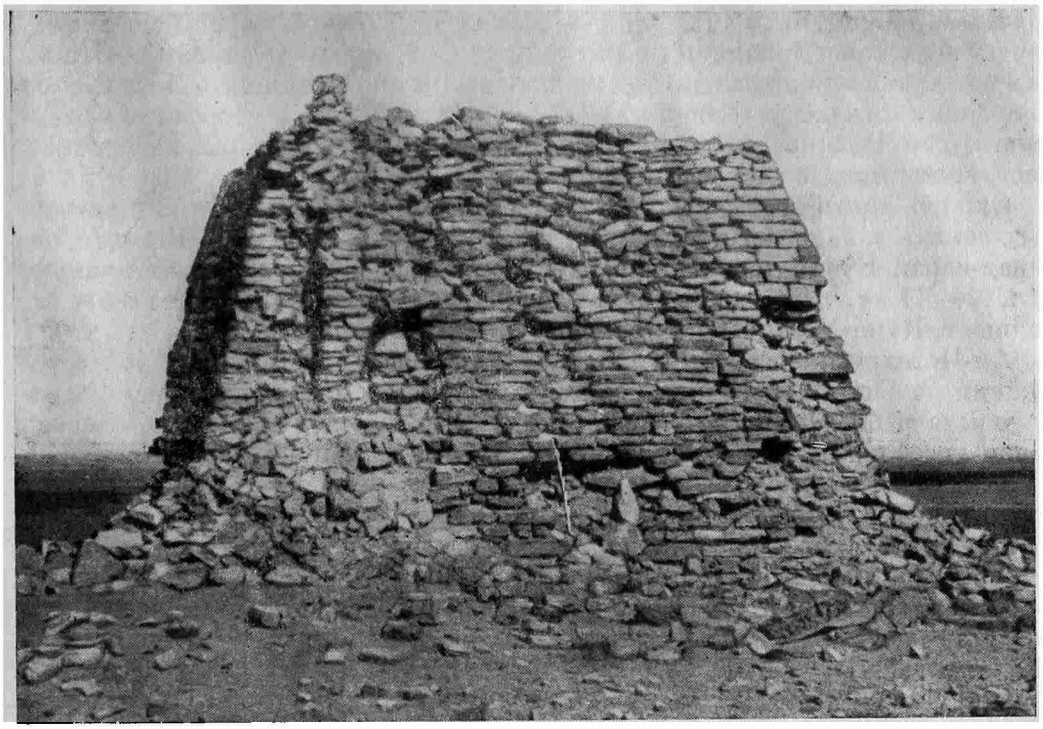


Рис. 3. Башня в караван-сарае Куланлы. Вид с юга

Высота башни — 6,75—8 *м*. Разница в высоте объясняется наклоном местности к чинку. Стены имеют традиционный наклон к основанию, равный 72—75°. Башня построена из плит ракушечника без всякой обработки. Плиты, уложенные на углах, тщательно обтесаны и подогнаны друг к другу. Размеры плит: 120×60×24; 55×60×29; 95×65×35 *см*. Иногда встречаются плиты ракушечника длиной 1,7 *м* и толщиной 0,16 *м*. В кладке использованы и очень мелкие плиты. В отдельных местах на поверхностях граней видны жженые кирпичи размером 28×28×5 *см*.

На одной из рухнувших плит размером 22×46×54 *см* имеется арабская надпись. Т. Ерназарова и Б. Кочнев считают, что надпись по палеографическим данным следует относить к X в. В надписи читаются два слова «Мухаммед» и «Аллах» [26]. Завал из жженых кирпичей у основания башни позволяет нам предположить, что ее верх был надстроен из этих кирпичей. Караван-сарай с башней, судя по керамическому материалу, возник в X—XI вв.

В 4,7 *км* севернее описанного караван-сарая находится караван-сарай с башней Галыгумбез, относящийся к той же исторической эпохе. Из двух караван-сараев (Куланлы и Галыгумбез) мы отдали предпочтение первому из-за его больших размеров. На караван-сарае Куланлы, расположенном в 90 *км* от г. Куня-Ургенч, мы и локализуем следующую, после Замджана, остановку Джит, упоминаемую Ибн Фадланом. Согласно тексту Ибн Фадлана, он находится на расстоянии одного дня пути от Замджана, расположен на краю плато Устюрт и является последней остановкой перед выходом на пустынное плато. По мнению А. В. Тогана [27] и А. П. Ковалевского [28], написание Джита (Гита) у Ибн Фадлана, ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси идентично. Это позволяет нам провести сравнение сведений о Джите в сочинениях указанных авторов.

[26] Выражаю искреннюю благодарность Т. Ерназаровой и Б. Кочневу, взявшим на себя труд прочтения надписи.

[27] Ibn Fadlans Reisebericht..., S. 18.

[28] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., с. 97.

Истахри упоминает Гит при описании населенной полосы по левому берегу Амударьи западнее г. Джурджании, указывая ее ширину. «Потом она все время суживается и у Джурджании становится около 2 фарсахов; затем она доходит до селения, называющегося Гит, в 5 фарсахах от Куджага. Это селение около гор и на этой полосе, там нет населенных мест, кроме него, а за этими горами — пустыня» [29].

Однако, по-видимому, ал-Истахри ошибся, определив ширину освоенных земель западнее Джурджании в два фарсаха. Городище Шемаха, караван-сарай Куланлы и башни, расположенные между ними, относящиеся к X—XI вв., дают основание считать, что ширина культурной зоны западнее г. Куня-Ургенч (Джурджании) была около 60 *км*.

Ал-Истахри, как и Ибн Фадлан, не указывает расстояния от г. Джурджании до Гита. Расстояние между Замджаном и Гитом, согласно анализу текста Ибн Фадлана, равно одному дню пути, что в свою очередь равно расстоянию между Гитом и Куджагом по данным ал-Истахри.

Можно предположить, что ал-Истахри не указал расстояния между Джурджанией и Куджагом только потому, что этот пункт был достаточно хорошо известен. Расстояние между ними, видимо, считалось общеизвестным. Не исключено также, что ал-Истахри, никогда не бывавший в Хорезме, перепутал два названия — Замджан и Куджаг.

Топография Гита, по ал-Истахри, помещавшего его на границе освоенных земель около гор, за которыми начиналась пустыня (плато Устюрт), хорошо согласуется с данными Ибн Фадлана об этом пункте. Объяснить многие совпадения описаний Гита Ибн Фадланом и ал-Истахри простой случайностью нельзя. Ал-Истахри, пользовавшийся «Запиской» Ибн Фадлана, исказил, как мы видим, многие факты [30].

Уточнить местоположение Гита не помогает также описанное ал-Истахри изменение русла реки: «Напротив Гита, в пустыне, в фарсахе к северу находится город, называющийся Мадминия, он в четырех фарсахах от Джейхуна, но относится к Джурджании. Так получилось потому, что река повернула от Курдера и стала течь между Гитом и Мадминией» [31].

В. В. Бартольд [32] и Я. Гулямов [33] показали, что Мадминия, находящаяся в 1 фарсахе от Гита, не могла быть расположена в то же время в 4 фарсахах от реки. Сведения ал-Мукаддаси о Гите не помогают определить его координаты. Он, как и ал-Истахри, не указывает расстояния между Гитом и Джурджанией. Приводя описание Джита, как большого селения с обширными рустаками, находящегося в степи, на границе с владениями гузов, ал-Мукаддаси не указывает, к которому из двух Джитов оно относится [34].

Трудность для понимания сведений ал-Истахри и ал-Мукаддаси о Гите, их противоречивый характер нашли свое отражение в попытках локализации Гита, предпринятых многими исследователями. Более ста лет вопрос о локализации Гита по данным ал-Истахри и ал-Муккадаси не находит однозначного решения. Впервые Гит отождествил с Везиром в 1875 г. голландский востоковед де Гуе. Развалинами города Везира, лежащего, по де Гуе, в 6 фарсахах к западу от г. Куня-Ургенч, он считал крепости Дев-Кескен или Ширван-калу [35]. Ле Стрэндж помещает Джит в 35 английских милях к северо-западу от Джурджании [36]. В. В. Бартольд неод-

---

[29] *Ал-Истахри.* Китаб Месалик ал-мемалик,— МИТТ, т. 1. с. 179.
[30] *Бартольд В. В.* Ибн Фадлан. Соч., т. VIII. М., 1973, с. 596.
[31] *Ал-Истахри.* Ук. соч., с. 179.
[32] *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана. Соч., т. III. М., 1965, с. 169.
[33] *Гулямов Я. Г.* Ук. соч., с. 153.
[34] *Ал-Мукаддаси.* Ахсан-ат Такасим фи-ма́рифат ал-акалим.— МИТТ, т. 1, с. 187, 188; *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море..., с. 43.
[35] *M. J. de Goeje.* Das alte Bett des Oxus. Leyden, 1875, S. 63, 64.
[36] *Le Strange G.* The Lands of the Eastern Caliphate, Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur. Cambridge, 1905, p. 455, map X.

нократно обращался к анализу сведений ал-Истахри и ал-Мукаддаси о Гите [37]. Он отметил трудность понимания данных этих географов о Гите [38]. В. В. Бартольд, в отличие от де Гуе, считал, что «Гит находился дальше к востоку против Медминии», но не пытался отождествить его с каким-либо городищем [39]. А. В. Тоган, оспаривая локализацию Гита, предложенную де Гуе, полагал, что этот пункт соответствует развалинам крепости Ай-Бугир [40]. Городища Большая и Малая Айбугир-кала (если одно из них имеет в виду А. Тоган) находятся на краю плато Устюрт в 60—62 *км* северо-западнее г. Куня-Ургенч.

Городище Большая Айбугир-кала площадью около 10 *га* представляет собой руины небольшого города, а не остановки или станции, как называет Гит Ибн Фадлан [41]. Расстояние до указанных городищ от г. Куня-Ургенч не соответствует расстоянию между Джурджанией и Гитом, которое равно трем дням пути. Мы считаем, на этом основании, что данный вариант локализации Гита не соответствует тексту Ибн Фадлана, а поэтому не может быть принят.

Я. Г. Гулямов, не соглашаясь с де Гуе и В. В. Бартольдом в локализации Гита, предложил отождествить его с городищем Пулжай [42], расположенным в 146—150 *км* к северо-западу от г. Куня-Ургенч на одном из уступов чинка Устюрта [43]. Этот вариант локализации основан на предположении, что ал-Истахри перепутал расстояние между Гитом и Мадминией, которую Я. Г. Гулямов отождествил с городищем Бограхан [44]. Однако и локализация Мадминии вызывает возражения [45]. В локализации Гита и Мадминии за Я. Г. Гулямовым следует В. Н. Ягодин [46].

Таким образом, мы приходим к выводу, что на основании сведений ал-Истахри и ал-Мукаддаси решить вопрос о местонахождении Гита не представляется возможным.

Только привлечение новых данных по исторической топографии и письменных источников (Ибн Фадлан) позволяет, на наш взгляд, решить спорный вопрос о локализации Гита.

Основанные на личных наблюдениях сообщения Ибн Фадлана о местоположении Гита имеют, как было показано, более важное значение, чем сведения ал-Истахри и ал-Мукаддаси, писавших о Хорезме по материалам своих предшественников. Таким образом, рабат Замджан и остановка Джит, локализованные нами на отроге чинка Устюрта к западу от г. Куня-Ургенч, находились на торговом пути из Хорезма в Восточную Европу. Так как караван посольства к царю булгар из Хорезма сопровождал проводник, нанятый в Джурджании, то нетрудно представить, что этим маршрутом проходили многие караваны.

Этот путь начинался в Джурджании, проходил через Замджан (Шемаха-кала), Гит (Куланлы), огибал Барсакельмесскую котловину с запада и выходил на один из северо-западных спусков с плато Устюрт. Среди них наиболее удобным считают Мын-су-алмаз [47]. Юго-западнее и северо-восточнее указанного спуска имеется еще два-три пологих спуска с плато.

---

[37] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М., 1963, с. 207, 208; *его же.* Сведения об Аральском море..., с. 41, 43, 44; *его же.* К истории орошения..., с. 169.

[38] *Бартольд В. В.* К истории орошения..., с. 169.

[39] *Бартольд В. В.* Туркестан..., с. 207.

[40] Ibn Fadlans Reisebericht..., S. 18.

[41] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., с. 125; *Крачковский И. Ю.* Ук. соч., с. 158; Ibn Fadlans Reisebericht..., S. 18.

[42] *Гулямов Я. Г.* Ук. соч., с. 152.

[43] О. Г. Большаков ошибочно помещает городище в 22 *км* южнее Куня-Ургенч (*Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Ук. соч., с. 172).

[44] *Гулямов Я. Г.* Ук. соч., с. 152.

[45] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Ук. соч., с. 174.

[46] *Ягодин В. Н.* Ук. соч., с. 96.

[47] Первые русские научные исследования Устюрта. М., 1963, с. 250, 254, 257.

Указанным маршрутом, который считается кратчайшим из Хорезма в низовья р. Урал, широко пользовались и в XIX в.[48]

Расстояние от караван-сарая Куланлы (Гит) до северо-западных чинков Устюрта равно около 420 *км*. Караван посольства проходил в среднем по 42 *км* в каждый из десяти дней езды по Устюрту.

Для каравана, состоящего из 5000 человек, 3000 лошадей, верблюдов и эскорта, преодоление такого расстояния в один день было весьма затруднительным. Положение осложнялось неустойчивой весенней погодой. Несмотря на это, Ибн Фадлан подчеркивает, что в отдельные дни караван двигался по Устюрту «самой усиленной и напряженной ездой, какая только бывает» [49].

Близкие к нашим сведения о скорости каравана приводит М. Е. Массон. Сопоставляя многочисленные данные, он считает, что за один день пути караван может преодолеть 6—6$^1/_7$ фарсахов или 37,50—44,52 *км* [50].

По пути следования каравана через плато Устюрт Ибн Фадлан не отмечает никаких населенных пунктов и не упоминает о встрече с какими-либо племенами («никто нам не встречался в степи»). Текст описания путешествий через плато хорошо согласуется с результатами многолетних исследований в центральной части Устюрта, где памятники и материалы X в. пока не обнаружены [51].

Здесь мы не затрагиваем вопроса о месте жительства огузов, которых иногда помещают на Устюрте [52], хотя, по Ибн Фадлану, они жили севернее северо-западных чинков Устюрта [53].

Таким образом, анализ текста Ибн Фадлана и сравнение его с новейшими данными по исторической топографии северо-западного Хорезма позволил наметить направление маршрута из г. Джурджании к плато Устюрт. Отметим, что он не совпадает с путем к печенегам, описанным Гардизи. Это были два различных направления торговых путей из Хорезма в Восточную Европу, функционировавшие в X—XII вв.

Yu. P. Manylov

ON IBN FADHLAN'S ROUTE FROM KHOREZM THROUGH PLATO UST-URT

Summary

Describing the route of the embassy from Khorezm to Oguzes, Ibn Fadhlan mentiones two settlements — Zamjan (Gates of Turks) and Jit. Ther were no attempts to localize Zamjan, and Ibn Fadhlan's information wasn't used for localization of Jit. The caravan left Gurjania in the fourth of March of 922 and spent 15 days to march to the north-eastern ranges of Ust-urt. The emergency stopping took 2 and crossing plato Ust-urt — 10 days. The calculations led us to conclusion, that Jit is two days'march, and Zamjan three days'march from Gurdjania. Zamjan can be located at a fortified settlement Shemaha-kala, situated 60 km to the west of Kunya-Urgench town, and Jit at a caravanserai Kulanli (fig. 2). These settlements were situated at the trade road from Khorezm to Eastern Europe. The way led from Gurdjania through Zamjan (Shemaha-kala), Jit (Kulanli), round Barsakelmess depression by its west side and finished on one of north-western slopes of the Ust-urt plato (fig. 1). It was one of the routes, linking Khorezm with its north-western neighbours (Oguzes), used by khalif al-Muktadir's embassy to the king of Volga Bulgars in 922. Ibn Fadhlan's way didn't coincide with the route to Patzinaks, described by Gardizi.

---

[48] Дополнительные сведения..., с. 113, 116; *Григорьев В.* Ук. соч., с. 113; *Никитин С. Н.* Отчеты экспедиции 1892 г. в Зауральские степи Уральской области и Устюрт. СПб., 1893, с. 85; *Иванин М.* Хива и река Амударья. СПб., 1873 (карта).

[49] *Крачковский И. Ю.* Ук. соч., с. 60; *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., с. 125.

[50] *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР).— ТЮТАКЭ, т. XIII, 1966, с. 10.

[51] Городище Алан, находящееся на этом пути, продатировано С. П. Толстовым ранее X—XI вв. (*Толстов С. П.* По следам..., с. 49).

[52] История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1952, с. 57.

[53] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана..., с. 125.

М. И. МИЛЬЧИК

ЦЕРКОВЬ ГЕОРГИЯ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Знаменитые фрески староладожской церкви св. Георгия (рис. 1) уже давно привлекали внимание исследователей [1], чего нельзя сказать об архитектуре самого храма. Его характеристика обычно ограничивается перечислением основных типологических признаков, присущих целой группе новгородских памятников второй половины XII в.; одноглавый, четырехстолпный, кубический, с тремя абсидами и лестницей на хоры в толще западной стены, последние состоят из двух угловых камер, соединенных деревянной галереей [2]. Лишь однажды он был описан более подробно: речь идет об обмерах и исследовании В. В. Суслова в конце прошлого века [3], на основании которых М. В. Красовский сделал вывод о близости плановых решений Георгиевской и Нередицкой церквей [4]. Между тем материалы двух этапов реставрационных работ 1926—1928 и 1952—1962 гг., в частности около 100 натурных фотографий [5] и тщательные обмеры 1960 г.[6], существенно углубляют наши представления об этом выдающемся памятнике. Новые исследования по другим новгородским храмам того же периода [7] и сопоставление их обмеров (рис. 2) [8] позволяют уточнить его место во всем новгородском зодчестве. При этом надо помнить, что от большинства новгородских построек той эпохи до нас дошли только фундаменты или основания стен [9]. На полную высоту сохранились лишь

[1] *Прохоров В. А.* Стенная иконопись XII в. в церкви св. Георгия в Рюриковой крепости в Старой Ладоге.— Христианские древности и археология, кн. 1—4, 1871; *Репников Н. И.* О фресках церкви св. Георгия в Старой Ладоге.— Известия комитета изучения древнерусской живописи, вып. 1. Пг., 1921, с. 1—4; *его же.* Предварительное сообщение о раскрытии памятников древней живописи в Старой Ладоге.— Вопросы реставрации, вып. II, 1928, с. 183—195; *Лазарев В. Н.* Фрески Старой Ладоги. М., 1960.

[2] *Каргер М. К.* Новгород Великий. М., 1946, с. 44, 45; *Воронин Н. Н., Каргер М. К.* Архитектура.— В кн.: История культуры древней Руси, т. II. М.— Л., 1951, с. 301; *Каргер М. К.* Новгородское зодчество.— В кн.: История русского искусства, т. II. М., 1954, с. 38; *Лазарев В. Н.* Ук. соч., с. 13—15; *Максимов П. Н.* Архитектура Новгородской земли XII — начала XIII вв.— В кн.: Всеобщая история архитектуры, т. 3. М.— Л., 1966, с. 648—650; *Раппопорт П. А.* Древнерусская архитектура, М., 1970. с. 33, 34.

[3] *Суслов В. В.* Техническое описание архитектурных памятников Старой Ладоги.— В кн.: *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога. СПб., 1896, с. 314—318.

[4] *Красовский М.* Планы древнерусских храмов. Пг., 1915, с. 203, 204.

[5] Фотоархив ЛОИА АН СССР, нег. I-1824 — I-1863; II-3896 — II-3954. 1926—1928 гг. Фотограф Б. М. Поповский.

[6] Архив ЛО СНРПМ, инв. № 296—317. Обмеры архитекторов А. Э. Экка и Г. Г. Носкова.

[7] *Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований.— В сб.: Новгород. К 1100-летию города. М., 1964, с. 185—214 (автор раздела Г. М. Штендер).

[8] В таблице обмеров новгородских церквей второй половины XII в. штриховка обозначает фрагментарную реконструкцию ныне несуществующих или невыявленных по ходу археологического исследования частей памятника. За помощь в составлении данной таблицы искренне признателен Г. М. Штендеру.

[9] Церковь Успения Аркажского монастыря 1188—1189 гг. (рис. 2, *9*); Воскресения на Мячине 1195—1196 гг. (рис. 2, *10*); Кирилла 1196 г. (рис. 2, *11*); Преображе-

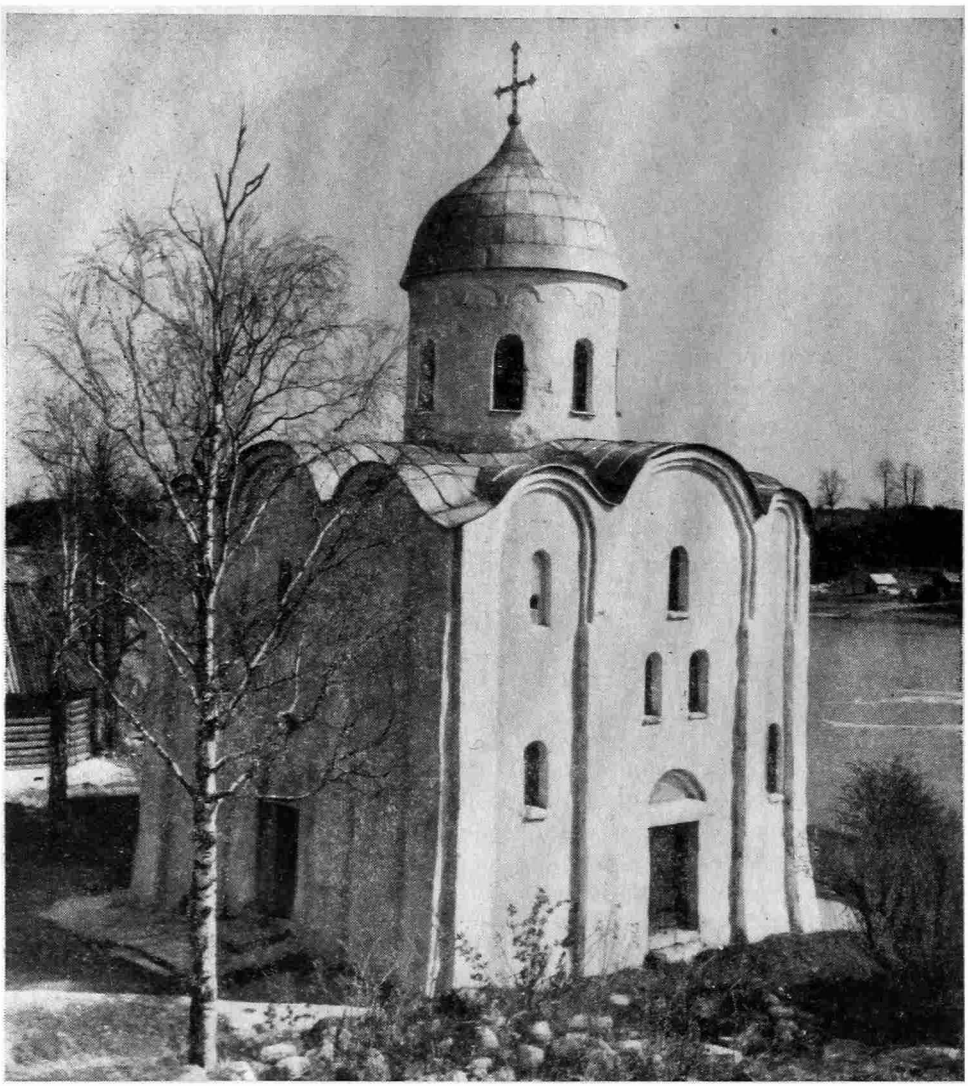


Рис. 1. Церковь Георгия в Старой Ладоге. Общий вид с юго-запада. Современная фотография

церкви Петра и Павла 1185—1192 гг. (рис. 2, *3*) и Спаса Нередицы 1198 г. (рис. 2, *4*), причем первый памятник существенно отличается от всех остальных необычной для Новгорода строительной техникой, в которой М. К. Каргер видел влияние полоцкой или смоленской традиций [10]. Следовательно, возможности сравнения объемно-пространственного и конструктивного решений Георгиевского храма с другими весьма ограничены, но тем не менее есть достаточно оснований для определения некоторых особенностей группы староладожских построек домонгольской поры, в которую кроме церкви Георгия (рис. 2, *1*) входят существующая Успенская (рис. 2, *2*), а также открытые археологически Спасская на берегу Волхова (рис. 2, *6*), и Воскресенская (?) на берегу Ладожки [11] (рис. 2, *7*).

ния в Старой Руссе 1198 г. (рис. 2, *12*); ц. Благовещения на Мячине 1179 г. сохранилась примерно на половину своей высоты (рис. 2, *8*).

[10] *Каргер М. К.* Новгород. М.— Л., 1970, с. 20, 108, 109.

[11] Об Успенской церкви см. *Каргер М. К.* Новгородское зодчество..., с. 38; о Спасской и ее местоположении см. *Бранденбург Н. Е.* Ук. соч., с. 45—48, 319, 320, табл. LIX; местоположение Воскресенской церкви определяется предположительно — см. там же, с. 43, 44, 320, табл. LX. Исключениями из этой группы являются единственный точно датированный храм Ладоги — церковь Климента, возведенная архиепископом Нифонтом в 1153 г. (рис. 2, *5*; о нем см. *Бранденбург Н. Е.* Ук. соч.,

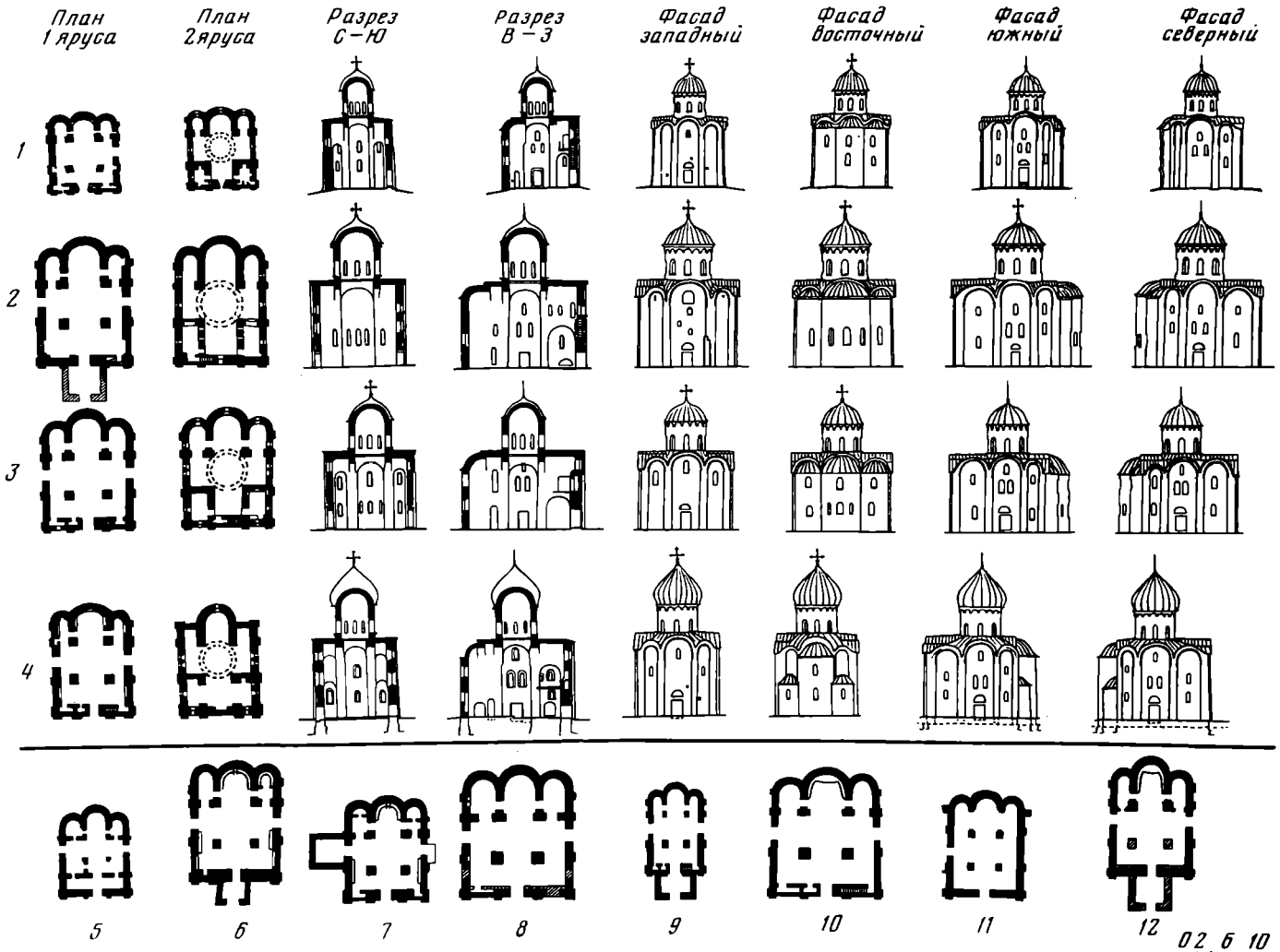


Рис. 2. Новгородские церкви второй половины XII в.

1 — ц. Георгия в Старой Ладоге (около 1165 г.). А. Э. Экк и Г. Г. Носков, 1960 г. Архив ЛО СНРПМ; *2* — ц. Успения в Старой Ладоге (вторая половина XII в.). В. В. Экк и А. Н. Наумова, 1971 г. Архив ЛО СНРПМ; *3* — ц. Петра и Павла на Синичьей Горе (1185—1192 гг.). Г. М. Штендер, 1961 г. Архив НСНРПМ; *4* — ц. Спаса Нередицы (1198 г.). П. П. Покрышкин, 1903 г. Опубл. в кн.: П. Покрышкин. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903—1904 гг. СПб., 1906; *5* — ц. Климента в Старой Ладоге (1153 г.). Н. И. Репников, 1912 г., реконструкция плана П. А. Раппопорт, 1961 г. Опубл.: СА, 1962, № 2, с. 73; *6* — ц. Спаса в Старой Ладоге (вторая половина XII в.). В. В. Суслов, 1893 г. Опубл. в кн.: Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, табл. LIX; *7* — церковь Воскресения (?) в Старой Ладоге (вторая половина XII в.). В. В. Суслов, 1893 г. Опубл. в кн.: Н. Е. Бранденбург. Ук. соч, табл. LX; *8* — ц. Благовещения на Мячине (1179 г.). Л. М. Шуляк, 1948 г. Архив НСНРПМ; *9* — ц. Успения Аркажского монастыря (1188—1189 гг.). Л. Е. Красноречьев, 1962 г. Опубл. в сб. ст.: Культура и искусство древней Руси. Л., 1967, табл. XII. *10* — ц. Воскресения на Мячине (1195—1196 гг.). Л. Е. Красноречьев, 1963 г. Архив НСНРПМ; *11* — ц. Кирилла в Кирилловском монастыре (1196 г.). А. Строков и В. Богусевич, 1938 г. Опубл. в кн.: А. Строков, В. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, с. 74; *12* — ц. Преображения в Старой Руссе (1198 г.). Т. В. Гладенко, 1963 г. Архив НСНРПМ

О возведении церкви Георгия летописи, как известно, не сообщают. До монографии В. Н. Лазарева, ее датировали по-разному: некоторые дореволюционные исследователи склонялись к середине XI в. (до 1054 г.), связывая ее строительство с Ярославом Мудрым (в крещении Георгием) [12], большинство же считало, что церковь основана одновременно с каменной крепостью в 1114 (1116) г.[13] Активное изучение домонгольского зодчества в первой половине нашего столетия заставило многих ученых отнести ладожский храм ко второй половине XII в.[14] или, еще точнее, к его 80-м годам [15].

В. Н. Лазарев по ходу исследования фресок пришел к выводу, что наиболее вероятным временем постройки являются 1165—1166 г., так как поводом для нее, скорее всего, явилась победа новгородского войска, возглавлявшегося князем Святославом Ростиславичем и посадником Захарием, над шведами в мае 1164 г. Вполне закономерно посвящение храма, воздвигаемого в честь победы над врагом, Георгию — святому покровителю воинства [16]. Церковь не могла быть создана позже 1167 г., когда посадник Захарий был убит, а князь, потерпев поражение, ушел из Новгорода [17]. Между тем ладожская победа связана с именем Святослава Ростиславича, который, надо думать, и являлся основателем храма. Косвенным доказательством того, что ладожская церковь построена князем, служит ее посвящение, ибо культ Георгия носил тогда великокняжеский характер [18]: все известные по летописям Георгиевские храмы XII в. были основаны князьями (собор Юрьева монастыря 1119 г. и деревянная церковь «на Търговищи» 1133 г.— Всеволодом Мстиславовичем, соборы в Каневе 1144 г.— Всеволодом Олеговичем, во Владимире 1157 г. и Юрьеве Польском 1152—1157 гг.— Юрием Долгоруким.

Время строительства, определенное В. Н. Лазаревым, подтверждается теперь с помощью метода датировки памятников домонгольского зодчества по формату кирпича [19]. Сравнение плинфы в кладке стен Георгиевской церкви [20] с плинфами других новгородских памятни-

---

с. 41, 42; *Репников Н. И.* Раскопки в городище Старой Ладоги.— В сб.: Старая Ладога. Л., 1948, с. 48—52), по своему типу она близка к собору Спасо-Мирожского монастыря во Пскове — и первоначальный собор Никольского монастыря, вопрос о времени постройки которого остается открытым до завершения архитектурно-археологического исследования.

[12] *Кеппен П.* Список русским памятникам. М., 1822, с. 13; *Глаголев А.* Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников.— В кн.: Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841. с. 63.

[13] *Амвросий.* История Российской иерархии, ч. IV, М., 1812, с. 136; *Прохоров В. А.* Ук. соч., с. 15; *Бранденбург Н. Е.* Ук. соч., с. 233; *Суслов В. В.* Ук. соч., с. 314; *Некрасов А. И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, с. 66.

[14] *Каргер М. К.* Новгород Великий. М., 1946, с. 44 (в своих последующих работах автор давал ту же датировку); *Раппопорт П. А.* Ук. соч., с. 33.

[15] *Грабарь И. Э.* История русского искусства, т. 1. М., б/г, с. 186; *Красовский М. В.* Ук. соч., с. 203; *Лазарев В. Н.* Искусство Новгорода. М.— Л., 1947, с. 59; *Максимов П. Н.* Ук. соч., с. 648; *Алферова Г. В.* Собор Спасо-Мирожского монастыря.— АН, вып. 10. М., 1958, с. 26 (Г. В. Алферова датирует церковь 1172 г., не приводя при этом какого-либо обоснования).

[16] *Лазарев В. Н.* Фрески..., с. 17.

[17] НПЛ, с. 32; см. также *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 102.

[18] *Лазарев В. Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве.— В сб.: Русская средневековая живопись. М., 1970, с. 82, 88, 89). Однако ладожский храм не имел патронального характера и потому первоначально, вероятно, был посвящен «Чуду Георгия» (предположение П. А. Раппопорта). В то же время, наверное, не случайно в конхе диаконика над композицией «Чуда» находится изображение архангела Михаила — патрона великого князя Ростислава, отца Святослава, обычно помещавшееся на печатях последнего (*Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси, т. 1. М., 1970, с. 114 и 160).

[19] *Раппопорт П. А.* Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича.— СА, 1976, № 2, с. 83—90.

[20] Размеры плинфы церкви Георгия (лестница на хоры): 30×6,0×17,0;×30,5×5,5×18,0; 31,5×4,5×?; ?×4,2×18,0; ?×5,0×19,0; ?×4,0×18,0; 30,5×4,5×?; 30,0×4,0×?; 27,0×5,0×

ков XII в.[21] показывает, что ее размеры почти полностью совпадают с размерами кирпича лестничной башни церкви Бориса и Глеба 1167 г. в Новгородском детинце[22]. По смоленской шкале они соответствуют бесстолпной церкви в детинце, терему и церкви Ивана Богослова, датируемым 1163—1169 гг.[23] Таким образом, 1165—1166 гг. следует считать наиболее вероятным временем строительства Георгиевской церкви, которое, скорее всего, заняло один строительный сезон: это одна из наименьших по объему церквей второй половины XII в., а на Руси в те времена даже большие храмы часто строились «единым летом».

С того времени Георгиевская церковь становится крепостной, главной же для всей Ладоги по-прежнему оставалась Климентовская (рис. 2, *5*), еще в XVII в. именовавшаяся соборной[24]. Первое упоминание Георгия в летописи относится к 1445 (1446) г., когда одновременно с ремонтом крепости новгородской архиепископ Евфимий II «заложи манастырь святого Георгия в городкѣ вѣ Ладогѣ и... церковь святого Георгия понови и подписа, идѣже опало, и покры ю чешюею; и бысть крестьяномъ прибѣжище»[25]. «Поновление» ладожской крепостной церкви явилось важной составной частью строительной и идеологической программы новгородского владыки, проводившего политику новгородского сепаратизма[26] и потому стремившегося восстановить старые храмы, напоминавшие о древности, о былом величии и славе Новгорода. Видимо, в XV в. еще жила память о славной победе 1164 г., а теперь в связи с созданием монастыря в стенах крепости значение Георгиевской церкви как новгородской святыни еще более возрастало.

Надо полагать, что за прошедший почти трехсотлетний период она простояла без каких-либо изменений и потому нуждалась в ремонте, однако в чем конкретно заключалось «поновление» — неизвестно, можно лишь сказать, что, судя по летописной записи, обычные для раннего периода древнерусской архитектуры свинцовые листы на главе, закомарах и абсидах были заменены «чешуею», т. е. деревянным лемехом.

«Шведское разорение» 1610—1617 гг. захватило все ладожские монастыри[27], в том числе и Георгиевскую церковь, которая была после него заново освящена 2 ноября 1618 г.[28] Тогда, надо думать, она оставалась еще крытой по сводам, ибо в 1634 г., судя по гравюре А. Олеария, каждая из трех абсид имела самостоятельное покрытие[29], что, несомненно, соответствовало позакомарному завершению остальных фасадов, так как устройство четырехскатной кровли невозможно без одновременной закладки пазух между закомарами и конхами абсид, а также без заделки окон в барабане до уровня примыкания новой крыши. Эта перестройка

×?; 29,5×5,0×9; ?×5,0×21,0; ?×5,5×17,5. Обмер произведен Г. М. Штендером и автором статьи в апреле 1976 г.

[21] Таблицу обмеров кирпича в памятниках архитектуры Новгорода XII в. см. *Штендер Г. М.* О ранних феодоровских храмах древнего Новгорода.— В сб.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977 г. М., 1977, с. 443.

[22] О церкви Бориса и Глеба см.— *Каргер М. К.* Новгород..., с. 69, 70; *Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в Новгородском детинце.— В сб.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 88, 89.

[23] *Раппопорт П. А.* Метод датирования..., с. 92. В таблице соответственно № 5—7.

[24] *Репников Н. И.* Раскопки..., с. 48—52.

[25] ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, с. 123.

[26] *Косточкин В. В.* О мастерах крепости Копорье.— В сб.: Древнерусское искусство XV — начала XVI веков. М., 1963, с. 208, 211, 212.

[27] *Бранденбург Н. Е.* Ук. соч., с. 95, 96.

[28] Дата освящения церкви определяется по надписи на кресте, найденном в 1853 г. на чердаке соседнего деревянного храма Дмитрия Солунского. Ее полный текст см.— Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии, вып. IX. СПб., 1884, с. 134.

[29] *Olearius A.* Offt begehrte Beschreibung der Newen Orientalischen Reise, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen. Worinnen derer Orten und Länder, durch welche die Reise gangen, als fürnemblich Russland, Tartarien und Persien, sampt ihrer Einwohner Natur, Leben und Wesen fleissig beschreiben. Schlesswig, 1647, S. 20.

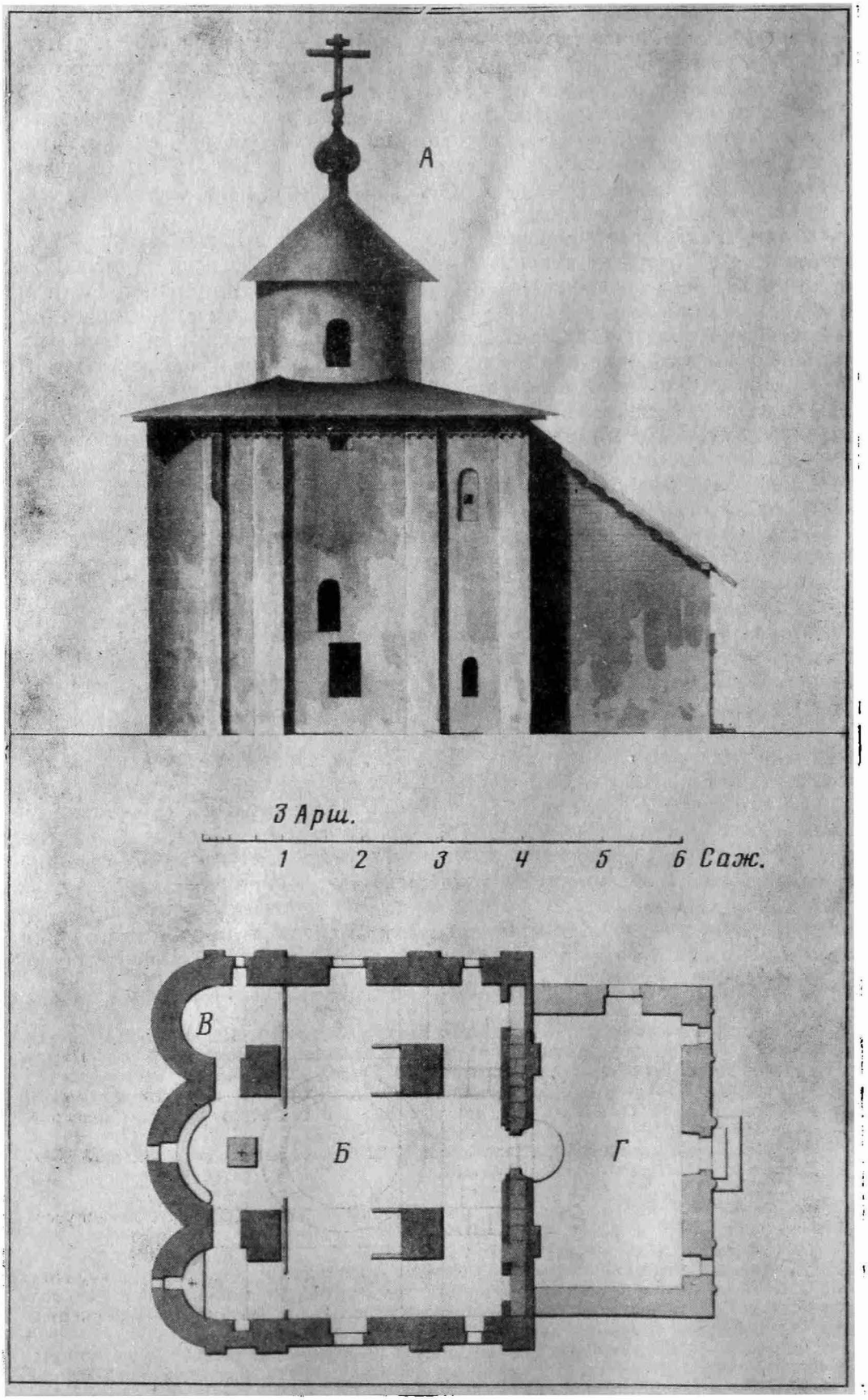


Рис. 3. Церковь Георгия в Старой Ладоге. Северный фасад и план. Обмер 1809 г. Художник Д. И. Иванов. Отдел рукописей ГПБ

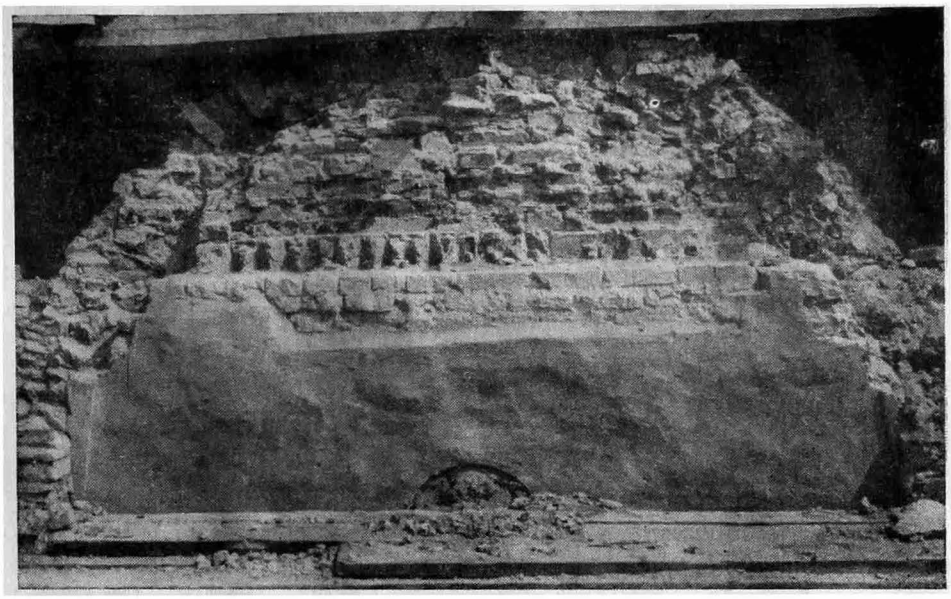


Рис. 4. Церковь Георгия в Старой Ладоге. Средняя закомара западного фасада после удаления декоративного пояса и позднейших закладок. Фотография 1927 г. Архив ЛОИА

Рис. 5. Церковь Георгия в Старой Ладоге. Барабан с частично снятой штукатуркой. Вид с юго-запада. Фотография 1927 г. Архив ЛОИА

произошла позже, скорее всего в 1683—1684 гг., когда игумен Лаврентий, с именем которого в Ладоге связаны многие строительные начинания, «...велми обветшанную церковь Георгиеву обновил и вновь трапезу каменную же приделал» [30]. Здесь речь идет о трапезной (паперти), зафиксированной на первых обмерных чертежах 1809 г. (рис. 3) [31] и рисунке середины XIX в.[32] Теперь в связи с устройством новой кровли тимпаны за-

[30] Известия церковно-археологического общества при Киевской духовной академии за 1883 г. Киев, 1884, с. 28.

[31] ГПБ, ор, № F. IV, 204[1], ч. 1, лл. 1 и 2. Художник — Д. И. Иванов.

[32] *Прохоров В. А.* Ук. соч., с. 8.

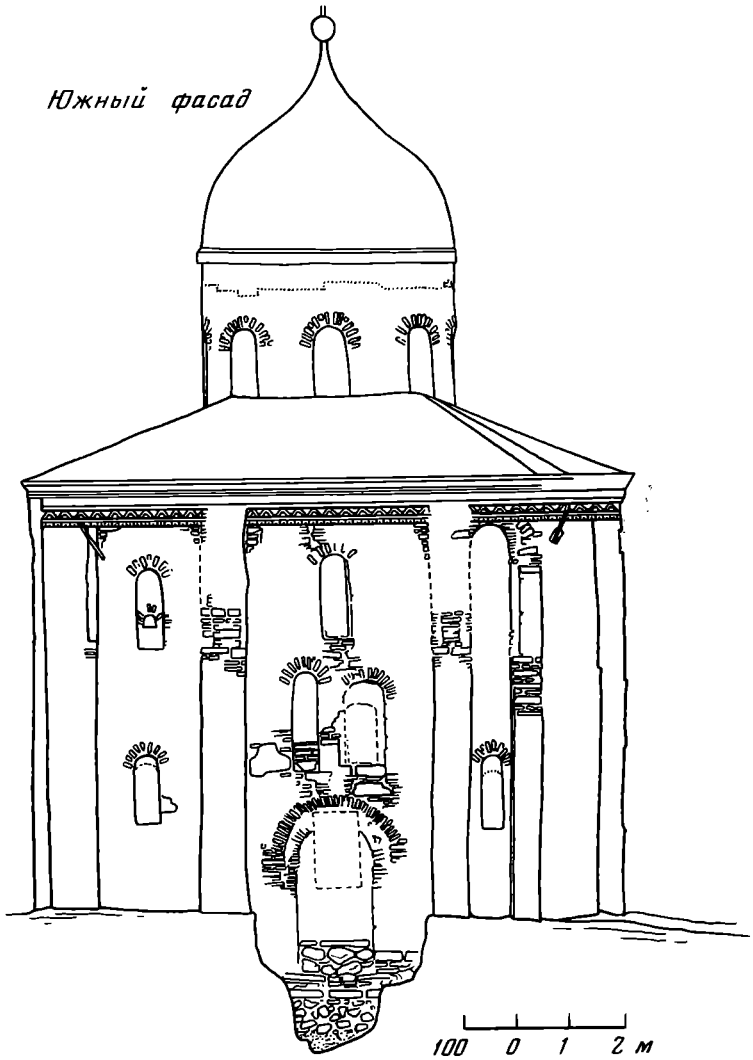


Рис. 6. Церковь Георгия в Старой Ладоге. Южный фасад. Обмер 1926 г. А. Самохвалов. МАХ

комар были подрублены сверху для того, чтобы под карнизом устроить декоративный пояс из кирпича, переходивший и на надложенные части лопаток (рис. 4). Полностью же четыре из восьми окон барабана заложили позднее: не случайно кладка в их нижних частях существенно отличается от верхних (рис. 5).

В 1867 г. трапезную XVII в. частично разобрали и пристроили с запада придел с колокольней [33]. Тогда же в восточном прясле северного фасада церкви для удобства священнослужителей пробили новый дверной проем. В 1902—1903 гг. церковь была заново оштукатурена и побелена, конусообразное покрытие главы заменено шлемовидным [34].

Первая подлинная реставрация началась в 1926 г., когда под руководством архитектора В. В. Данилова памятник был заново обмерен, причем с фиксацией расположения первоначальных проемов [35], открывшихся

[33] Архив ЛОИА, р. III, № 4801 — метрика Георгиевской церкви, п. 7. Проектных чертежей или других документов, связанных со строительством 1867—1868 гг., обнаружить не удалось.

[34] Архив ЛОИА, ф. 1, 1903 г., № 4, лл. 8—9 об.

[35] Обмеры 1926 г. хранятся в МАХ, план — № А-4834, западный фасад — № А-4826, северный фасад — № А-4827, южный фасад — № А-4832, восточный фасад — № А-4833, развертка барабана — № А-4835.

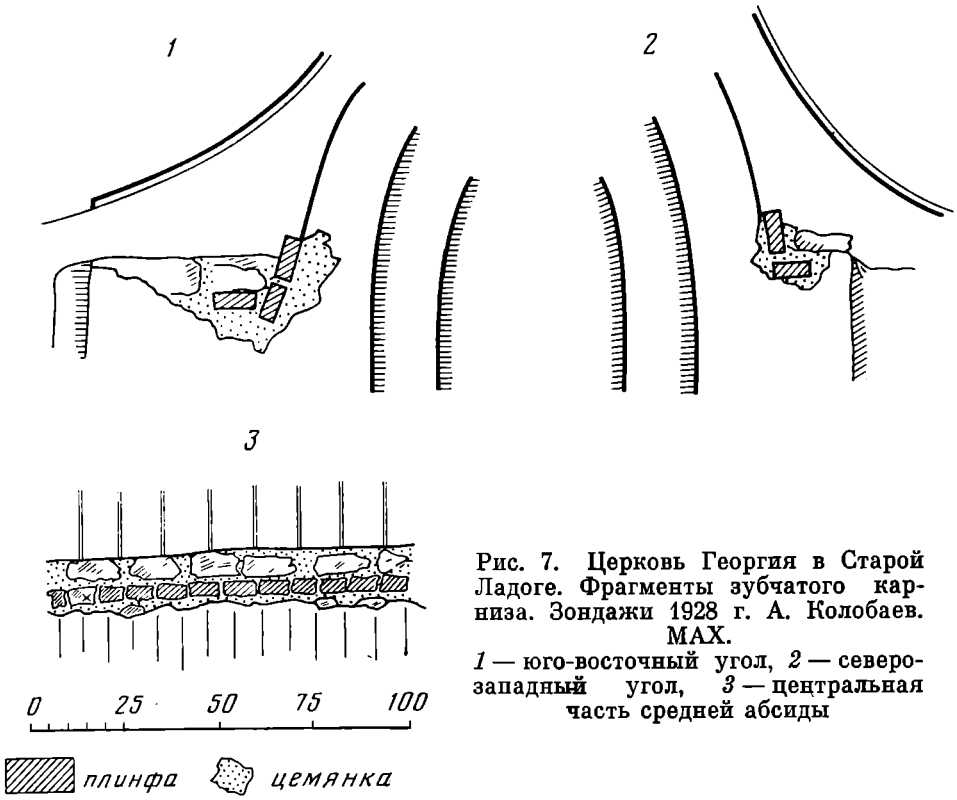


Рис. 7. Церковь Георгия в Старой Ладоге. Фрагменты зубчатого карниза. Зондажи 1928 г. А. Колобаев. МАХ.
1 — юго-восточный угол, *2* — северо-западный угол, *3* — центральная часть средней абсиды

после полного снятия штукатурки со стен церкви (рис. 6). Исследование, проведенное Г. И. Котовым и В. В. Даниловым, полностью подтвердило существование в древности посводного покрытия, которое и восстановили в 1927—1928 гг.[36], но ряд работ отложили на будущее. Так, не были воссозданы зубчатый карниз, остатки которого обнаружились при разборке четырехскатной кровли (рис. 7) [37], и лопатки на западном фасаде, хотя в 1928 г. разобрали колокольню вместе с придельной церковью XIX в.

Весной 1952 г. буря сорвала значительную часть церковной кровли. Это событие послужило началом нового этапа реставрационных работ, осуществленных в течение 10 лет Ленинградской областной реставрационной мастерской (архитектор А. А. Драги) [38]. За это время была восстановлена железная кровля, заменено старое покрытие главы, имитировавшее лемех, установлен новый крест, выполненный по образцу креста на Спасе Нередице, понижен уровень земли вокруг церкви примерно на 0,70—1,0 *м*, т. е. до его первоначальной отметки. Устройство приямка позволило восстановить истинные пропорции памятника, опустить уровень поля, в результате чего на цокольной части стен обнаружились фресковые панели с мраморировкой, раскрыть дверной проем на южном фасаде и воссоздать прежние габариты такого же проема

[36] Эскизный проект реставрации В. В. Данилова хранится в МАХ: восточный фасад — № А-4828, кровля — № А-4829 и западный фасад — № А-4830, устройство позакомарного покрытия — № А-4831.

[37] Остатки кирпичного карниза и детали восстановления позакомарного покрытия показаны на чертежах 1928 г., хранящихся в МАХ: № А-4838 и А-4839. См. также отчеты о реставрационных работах по церкви в 1927 г.— архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1927 г., № 91 — отчет Н. П. Сычева, л. 26 об.; архив инспекции по охране памятников отдела культуры Леноблисполкома, № 2-5 — доклад Г. И. Котова и В. В. Данилова.

[38] Архив инспекции по охране памятников при отделе культуры Леноблисполкома, № 2-5, 2-6, 2-7, 2-8.

Содержание работ 1952—1962 гг. излагается на основании сопоставления обмерных чертежей (см. сноску 6) и устного сообщения А. А. Драги. Проектные чертежи и научный отчет отсутствуют. Консультант реставрации — М. К. Каргер.

на западном. В ходе работ укрепили нижние части лопаток, а на западном фасаде их сложили заново почти на две трети высоты. Наконец, были открыты все древние оконные проемы, лучковые перемычки заменены на полуциркульные. По образцу древних окончин [39] во всех окнах сделаны новые рамы и брусья.

Таким образом, несмотря на «поновления» и ремонты, церковь Георгия является одним из наиболее хорошо сохранившихся памятников новгородского зодчества второй половины XII в., что позволяет с достаточной полнотой представить как ее первоначальный облик, так и особенности строительной техники. Кладка стен и столбов подобно другим новгородским постройкам домонгольского периода здесь состоит из чередующихся рядов плинфы и относительно тонкой известковой плиты на цемяночном растворе, причем с преобладанием последней, а иногда и с вкраплениями отдельных блоков этого камня. Первоначально фасады, по-видимому, были затерты тонким слоем того же раствора [40], при этом кладка арочных перемычек дверных и оконных проемов, как и в Нередице, могла оставаться открытой [41].

Древний пол представлял собой хорошо затертый слой известково-цемяночного раствора — наподобие того, что был в церкви Благовещения на Мячине. Фундамент сложен из валунных камней на известковом растворе с верхним нивелировочным слоем плинфы. На всю свою глубину в 0,75—0,80 *м* фундамент опущен в культурный слой, под которым находится песчаная подсыпка толщиной около 0,40 *м* (рис. 8) [42]. Последнее обстоятельство еще раз подтверждает тот факт, что строительству храма предшествовал значительный по времени период в истории крепости.

Как и другие памятники того периода, ладожская церковь имела три пояса внутристенных дубовых связей. Одна связь среднего пояса видна в стене лестничного хода на хоры; остальные, теперь несуществующие, в северной и южной стенах пересекали нижние оконные проемы, где к ним непосредственно крепились окончины [43]. В массивах стен внутренние связи были скреплены с воздушными врубкой в полдерева. Верхний пояс шел под закомарами (его каналы обнаружены во время последней реставрации), к нему относится и хорошо сохранившийся на хорах под сводом южной камеры брус XII в.

Остановимся теперь на экстерьере памятника. Порталы — обычные для новгородских построек второй половины XII в.: простые прямоугольные проемы без четвертей с дубовыми перемычками и двухступенчатыми

---

[39] Древняя окончина была обнаружена в 1926 г. в закладке окна южной абсиды — см. МАХ, № А-4833 и в 1953 г. в закладке окна на южном фасаде — см. *Сапунов Б., Драги А.* Оконная рама XII в. из церкви Георгия в Старой Ладоге.— Сообщ. ГЭ, вып. 23, 1962, с. 14—16.

[40] Сбитый в ряде мест порядок плинф дает возможность полагать, по мнению Г. М. Штендера, что церковь была обмазана сразу же после окончания строительства (точнее после росписи интерьера), так как кладка не имела выраженного декоративного характера в отличие, например, от кладки церкви Петра и Павла (см. *Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода..., с. 162, 163).

[41] Ср. *Штендер Г. М.* Восстановление Нередицы.— Новгородский исторический сборник, вып. 10. Новгород, 1962, с. 194.

[42] Сообщено О. М. Иоаннисяном. См. также — *Алабышева Н. В.* Отчет об исследовании основания и фундаментов церкви Георгия в Старой Ладоге. Л., 1976, с. 14. Рукопись в архиве ЛО СНРПМ. Фундамент Георгиевской церкви сходен с фундаментами церквей Успения Аркажского монастыря, имеющим глубину около 0,70 *м* (*Орлов С. Н., Красноречьев Л. Е.* Ук. соч., с. 69—71), Петра и Павла, где глубина 0,62—0,65 *м* (*Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода..., с. 193) и Нередицы, у которой глубина еще меньше: всего 0,50—0,53 *м* (*Покрышкин П. П.* Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903—1904 гг. СПб., 1906, с. 12).

[43] Аналогичное расположение пояса связей отмечено в церкви Петра и Павла (см. *Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода..., с. 193).

полуциркульными нишами над ними [44], одновременно служившими и разгрузочными арками, и местом для внешних фресок. Судя по обширному зондажу дверного проема на южном фасаде (рис. 9), его повышение в связи с ростом культурного слоя около церкви происходило в три приема: сначала уровень порога подняли с помощью закладки булыжником (ориентировочно в середине XV в.), затем надложили три ряда известковой плиты на растворе, что, по-видимому, заставило пробить нишу над проемом, упирая верхнюю притолку в ее свод. Одновременно с этим оба откоса укрепили кирпичной кладкой, существенно сузив проем (ориентировочно эту переделку можно отнести к XVII в.). И наконец, в третий раз его нижнюю часть заложили тремя рядами большемерного кирпича, превратив таким образом дверной проем в оконный (ориентировочно в середине XVIII в.).

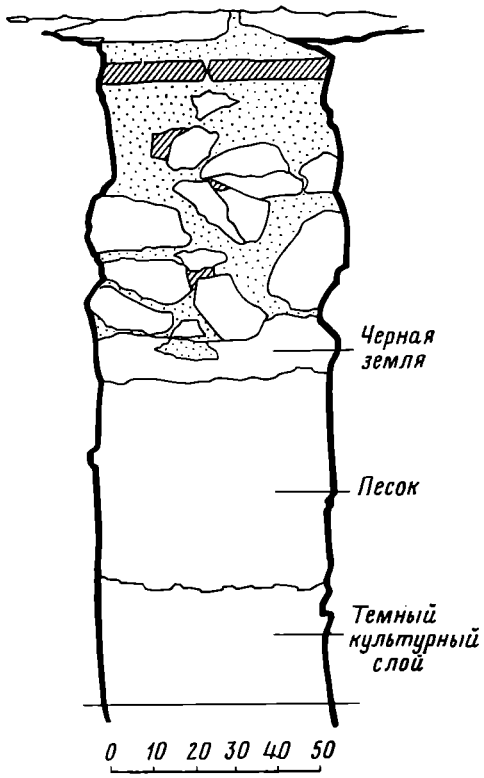


Рис. 8. Церковь Георгия в Старой Ладоге. Фундамент и основание храма. Шурф у средней абсиды. 1976 г. Н. В. Алабышева и О. М. Иоаннисян

Окон — пять на северном фасаде, если считать и нишу с небольшим окошечком для освещения угловой камеры хор [45], и шесть — на южном: дополнительное окно, находящееся в восточном, узком прясле, было сделано для лучшего освещения диаконика, где расположена монументальная композиция «Чудо Георгия о змие». Следовательно, оно как бы восполняло отсутствие нижнего окна в этой абсиде. Восточный фасад, таким образом, имеет пять, а не шесть окон [46]. Это исключительное обстоятельство В. Н. Лазарев объясняет тем, что уже при постройке церкви здесь предусматривалось размещение упомянутой выше фрески [47].

В средних пряслах южного и северного фасада окна имеют треугольное расположение, но в отличие от Нередицы тут на одном уровне с верхними окнами находятся и верхние окна западных прясел. Такая особенность сближает церковь Георгия, как, впрочем, и ладожскую церковь Успения, с княжескими соборами Новгорода первой половины XII в.[48] В среднем прясле западного фасада расположено окно, освещающее среднюю часть хор (видимо, в XVII в. оно было заложено, а в закладке сделано маленькое оконце с решеткой, сохраняющееся и поныне). Окна в боковых пряслах скорее всего отсутствовали, как и в Успенской церкви, где тимпаны закомар имеют кресты [49].

[44] Двухступчатый профиль надпортальных ниш имеет только церковь Петра и Павла.— См. об этом там же.

[45] Церковь Николы на Липне (1292 г.) — второй известный нам памятник, имеющий подобные окошечки в нишах.

[46] В апреле 1976 г. Г. М. Штендером был сделан зондаж на предполагаемом месте нижнего окна диаконика, которое могло быть заложено вскоре после окончания строительства в связи с росписью интерьера, однако следов проема обнаружить не удалось.

[47] *Лазарев В. Н.* Фрески..., с. 32.

[48] Наблюдение А. И. Комеча.

[49] Существовавшие ранее окна в боковых пряслах западного фасада Георгиевской церкви были заложены во время последней реставрации как позднейшие. К сожалению, они не были подвергнуты специальному изучению.

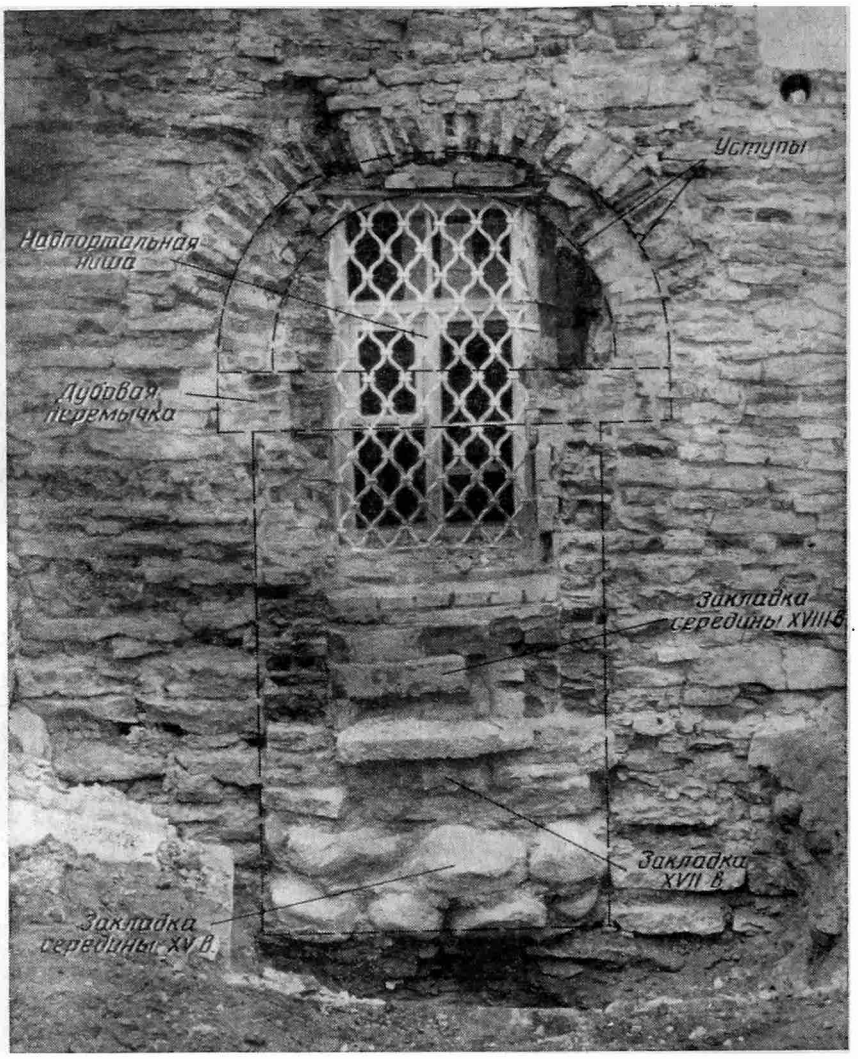


Рис. 9. Церковь Георгия в Старой Ладоге. Раскрытие портала на южном фасаде. Фотография 1927 г. Архив ЛОИА

Как и все новгородские храмы XII в., староладожский памятник имеет посводное покрытие с двухуступчатыми арками закомар, равняющимися в сумме толщине свода. Они непосредственно переходят в плоские лопатки. По ходу первой реставрации в поздних закладках были обнаружены пятиугольные кирпичи — «зубцы», подобные тем, что встречались и при восстановлении Нередицкой церкви [50]. Судя по зондажам, на северной стороне у восточного угла кровли, на западной у северного и на южной у восточного углов «зубцы» находились in situ, один из них лежал горизонтально на лопатке, а другой (в северо-западном углу даже два) — непосредственно на внешнем уступе закомары (рис. 7, *1—2*). Ряд из таких же кирпичей был открыт на конхе средней абсиды под самой кровлей (рис. 7, *3*), однако в остальных местах их не оказалось (могли быть уничтожены при смене водотечников и перестройках кровли). Несмотря на последнее обстоятельство, В. В. Данилов и Г. И. Котов предположили, что декоративный карниз тянулся непрерывной лентой по периметру стен [51].

[50] *Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода..., с. 198.

[51] Архив инспекции по охране памятников отдела культуры Леноблисполкома, № 2-5 — доклад Г. И. Котова и В. В. Данилова. На чертежах зондажей, выполненных

Итак, можно считать доказанным, что в древности тимпаны закомар и абсиды были обрамлены «зубцами», уложенными в один ряд и перекрытыми плитами. Продолжался ли он в пазухах между закомарами, сказать с уверенностью нельзя. Но так или иначе карниз Георгиевской церкви был близок к венчанию стен Нередицы и ряда других новгородских храмов. Им по существу и ограничивалась декоративная обработка фасадов, если не считать почти плоского арочного пояска на барабане (рудимент аркатурных кокошников).

В плане церковь близка к квадрату (10,3×10,1 *м* до выступов абсид и 10,3×11,2 *м* с абсидами), остальные же храмы, за исключением одной ладожской церкви (рис. 2, *7*) в большей или меньшей степени имеют вытянутый прямоугольный план. Западные столбы в сечении почти квадратные, а восточные являются, как и в остальных церквях, строго говоря, отрезками продольных стен средней абсиды, прорезанных полуциркульными арками, но в отличие от собственно новгородских храмов здесь эти столбы в своих северо-восточных и юго-восточных гранях имеют четверти, в результате чего они получают в плане Г-образное сечение (рис. 2, *1, 2, 6, 7*) — черта, по-видимому, характерная только для ладожских памятников, тогда как в самом Новгороде мы встречаемся с квадратным (рис. 2, *4, 9*) или Т-образным сечением восточных столбов (рис. 2, *3, 8, 10, 11*). Эту особенность можно трактовать как своего рода «остаточное явление» крестчатых столбов, обычных в памятниках предшествующей поры. Наличие четвертей в нашем случае связано с тем, что восточной паре столбов соответствуют лопатки на внутренней поверхности стен (в интерьерах Успения Аркажского монастыря и Нередицы лопатки отсутствуют вовсе), в результате чего ширина жертвенника и диаконика оказывается больше ширины арок, отделяющих их от наоса. Г-образное сечение восточных столбов восходит, по-видимому, к аналогичным в плане углам стен средней абсиды церкви Климента (рис.2, *5*). В то же время подпружная арка центральной абсиды в отличие от боковых непосредственно, без уступа переходит в конху. Отметим также, что западные плоскости восточных столбов внизу имеют выступы — остатки парапета древней алтарной преграды (их архитектурно-археологического исследования не проводилось).

Западные столбы подобно восточным воспринимаются скорее как стены, которые внизу прорезаны арками боковых нефов [52]; несколько выше, почти на половине всей высоты, от них к западной стене храма перекинуты арки, образующие нартекс, и над ним — угловые камеры хор. Наконец, наверху столбы плавно переходят в четыре подпружные арки. Северная, южная и западная ветви перекрыты коробовыми сводами, замкнутые помещения на хорах имеют подобные же своды с направлением восток-запад, а своды нартекса — север-юг (аналогичное расположение в ладожской церкви Успения — рис. 2, *2* — и новгородской Петра и Павла — рис. 2, *3*, в Нередице хоры находятся не на сводах, а на балочном перекрытии). Упомянутые камеры соединены друг с другом деревянной галереей (ее ширина — 1,12 *м*) [53], их восточные стены имеют прямоугольные ниши для киотов (видимо, здесь размещались молельни), а южная камера, кроме того, еще и две глубокие ниши-печуры в запад-

---

прорабом А. Л. Колобаевым 12—14 августа 1928 г. (МАХ, № А-4839), зафиксированы размеры зубчатых кирпичей: 0,04×0,11 *м*.

[52] Решение столбов как отрезков стен в ладожских храмах можно объяснить влиянием крестовой формы плана церкви Климента, который в свою очередь сродни собору Спасо-Мирожского монастыря. См. *Афанасьев К. Н.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, с. 50, 111.

[53] По сравнению с первоначальным положением деревянная галерея ныне понижена примерно на 0,30—0,35 *м*, в результате чего верхняя часть орнаментальной трехлопастной арки в композиции «Страшного Суда» оказалась частично перерезанной (наблюдение А. Н. Овчинникова).

ной стене [54]. В самой церкви на высоте 0,40—0,60 *м* над уровнем пола также есть печуры: две — в южной и северной стенах, как раз напротив западной пары столбов, две — в среднем алтаре и одна — в южной стене диаконика, в западной — камера-тайник.

Лестница, ведущая на хоры и перекрытая плитами, а не сводиками, как в Нередице, кончается в северной камере, у новгородских же храмов выход на хоры находился в их средней части. Три нефа завершаются алтарными полукружиями равновеликими по высоте — черта, роднящая Георгия с памятниками первой половины века. Правда, то же явление мы наблюдаем в староладожском Успенье и церкви Петра и Павла на Синичьей горе, однако в отличие от них все абсиды здесь имеют почти одинаковый вынос (средняя выдвинута по сравнению с боковыми у основания на 0,35 *м* и на отметке +5,66 на 0,50 *м*). Эта особенность присуща, хотя и не в такой степени, только староладожским памятникам XII в. Наконец, Георгиевский храм — единственный из всех, у которого отсутствует северный портал.

Малые размеры, сохранение некоторых черт крестообразных бесстолпных построек, и в частности отделение угловых помещений на хорах глухими стенами, чрезвычайно уплощенная вима — уменьшали многоплановость и расчлененность интерьера, облегчая, таким образом, его единовременное восприятие. Отсутствие иных перекрытий, кроме сводчатых, и иных проемов, кроме арочных, способствовало созданию единого и логичного пространства, которому была подчинена и роспись. Ее связь с архитектурой выражалась не только в сомасштабности храму, но и в делении с помощью сравнительно широких разгранок по горизонталям — на регистры — и по вертикалям — на композиции и отдельные фигуры. Эта расчлененность определяла ритмическую организацию всей росписи. Знаменательно, что именно на южной и северной стенах — самых больших плоскостях, где могла размещаться живопись,— в пояс с фигурами пророков и святых прямо включены по два окна, своими пропорциями и расположением задавая поясу ритм, присущий всей архитектуре храма [55]. Не случайно и сами фигуры в этом регистре были заключены в рисованные арки, которым вторили как окна, так и подобные же арки в простенках барабана и под хорами. Наконец, фреска «Страшного Суда» на западной стене завершалась широкой трехлопастной аркой [56]. Так, с одной стороны, архитектура интерьера обусловливала ритм и структуру стенописи, а стенопись, в свою очередь, содержала архитектурные мотивы, способствуя, таким образом, формированию целостного и гармоничного храмового пространства.

Церковь Георгия — одна из самых малых построек домонгольского зодчества; ее площадь 72 $м^2$ и толщина стен (от 0,80 до 1,0 *м*, за исключением западной, имеющей 1,10—1,50 *м*) может сравниться только с Успенской церковью Аркажского монастыря (рис. 2, *9*). Небольшая площадь и модульный размер в 10 греческих футов обуславливает особую остроту высотных пропорций, в чем староладожский храм уступает только церкви Покрова на Нерли, имеющей такой же модуль [57] и построенной, кстати сказать, в то же время (таблица).

Асимметричное членение фасадов, характерное для всех памятников второй половины XII в., здесь выражено тоже в более «острых» соотношениях. Так, ширина боковых прясел в направлении с востока на запад находится в отношении 1 : 4 : 2,1, тогда как у церкви Петра и Павла соответственно 1 : 2,4 : 2,1, а у Нередицы 1 : 2,4 : 2. Иными словами, во-

[54] Последнее обстоятельство заставило М. В. Красовского считать угловые помещения ризницами (*Красовский М.* Ук. соч., с. 204), однако и то и другое предполагаемое назначение не противоречат друг другу и могло быть совмещено.

[55] *Лазарев В. Н.* Фрески..., рис. 8 на с. 40.

[56] Там же, табл. 62, 63.

[57] *Афанасьев К. Н.* Ук. соч., с. 115—117, 138—141, 255, 257.

сточное прясло Георгиевской церкви более чем в два раза у́же западных. По сравнению с храмами первой половины века восточные лопатки лишь в незначительной степени отражают внутреннюю структуру, так как весьма приблизительно обозначают ширину арок , соединяющих жертвенник и диаконик со средней абсидой. Тем не менее они играют большую роль в создании архитектурного образа, зрительно отделяя боковые фасады от начинающихся сразу же за ними алтарных полукружий. В результате западное прясло уравновешивалось восточными пряслами и абсидами вместе, западные же фасады обычно оставались симметричными. В нашем случае и этому фасаду присуща некоторая асимметрия: ширина прясел у него относится в направлении с севера на юг, как 1 : 2 : 1,2 [58].

Название храма	Высота храма внутри	Отношение высоты к диаметру купола	Отношение ширины храма (изнутри) к высоте (до креста)
Церковь св. Георгия	До замка купола=удвоенной длине храма без абсид (14,4 *м*)	4,5 : 1	1 : 2
Церковь Покрова Богородицы на Нерли	До пяты купола=удвоенной длине храма без абсид (20,4 *м*)	6,6 : 1	2 : 5

Барабан, как бы соответствуя северным и южным стенам, слегка наклоненным внутрь (примерно на 0,2 *м*), отступает от идеальной окружности: его диаметр по продольной оси в верхней части на те же 0,2 *м* меньше, чем в основании.

Таким образом, ярко выраженная асимметрия фасадов, роднящая наш памятник с храмами типа Мирожского собора [59], отступления от строгой упорядоченности, неровность поверхностей придают ему особую живописность, свидетельствующую о местном отношении к византийской строительной культуре, отношении, с наибольшей полнотой выразившемся в зодчестве XIII—XIV вв.

Стремясь представить первоначальный облик Георгиевского храма, следует сказать, что он, как и остальные ладожские памятники, по всей вероятности, имел притворы на западном и южном фасадах (в церкви Успения во время реставрационных работ были обнаружены места примыкания стен западного и северного притворов). Их размеры, вероятно, ограничивались средними лопатками. Первый мог иметь высоту и ширину несколько более 4 *м*, примыкая к стене таким образом, что отверстия для освещения внутристенной лестницы и камеры в северной части находились за его пределами. Обнаруженные во время реставрации 50-х годов на первоначальной отметке перед порталами лещадные плиты, видимо, служили полами этих притворов [60].

Изучаемый памятник явился, по-видимому, первой крестовокупольной четырехстолпной постройкой на ладожской земле, ибо предшествовавший ему храм Климента 1153 г. был, несомненно, крестообразным зданием с пониженными боковыми абсидами и западными угловыми членениями [61].

[58] П. Н. Максимов не точен, полагая, что западные лопатки всех церквей изучаемой эпохи расположены симметрично (см. *Максимов П. Н.* Творческие методы древнерусских зодчих. М., 1976, с. 88).

[59] *Алферова Г. В.* Ук. соч., с. 21, 22; *Максимов П. Н.* Ук. соч., с. 94.

[60] Шурфы для нахождения фундаментов притворов, к сожалению, не закладывались ни на одном из этапов реставрационных работ.

[61] *Каргер М. К.* Новгородское зодчество..., с. 38; *Алферова Г. В.* Ук. соч., с. 24. Гипотетичную реконструкцию плана церкви Климента см. *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв.— СА, 1962, № 2, с. 73, рис. 2, *5*.

Надо полагать, что около 1165 г. в Ладоге началось бурное каменное строительство: за сравнительно короткий период там возвели еще по крайней мере три каменных храма (рис. 2, *2, 6, 7*), своими размерами значительно превзошедшие крепостную церковь. Таким образом, в четырех из пяти городских концов возникли свои каменные приходские или монастырские церкви [62]. Церковь св. Георгия, сохранившая некоторые черты как шестистолпных, так и бесстолпных крестообразных соборов предшествовавшего периода, знаменует собой окончательное сложение в новгородском зодчестве упрощенного типа четырехстолпного одноглавого храма [63] — типа, широко распространившегося в середине XII в. по всей древней Руси.

Отмеченные выше черты ладожских построек — равновеликость абсид, расположение окон второго света на одном уровне и отсутствие окон в боковых пряслах западного фасада, Г-образное сечение восточных столбов и наличие соответствующих им внутренних лопаток, выход внутристенной лестницы, перекрытой плитами, в северную камеру хор — позволяют предположить, что во второй половине XII в. в этом пригороде Великого Новгорода сложилась самостоятельная строительная артель, смело внедрявшая новый для того времени тип храма, однако дальнейшее изучение ее «почерка» и определение времени возведения каждой постройки требуют еще многих археологических и натурных исследований.

M. I. Milchik

THE CHURCH OF ST. GEORGE IN STARAYA LADOGA

Summary

The precise position of the church of St. George in Staraya Ladoga between the monuments of Novgorod area architecture of the second half of XIIth century (fig. 1, 2) is the subject of the article. To confirm the date an analysis of brick shape and dimentions was conducted by G. M. Shtender. The church was built, obviously, during one year. In 1445 it was mentioned in chronicle for the first time. The chronicle described its «renovation» and foundation of a monastery in the fortress. In 1618 the church was resanctified after the Swedish invasion. In 1683—1684 the ancient roofing was changed into fourpitched, a refectory was attached to the western wall which could be seen at the first measurement plan in 1809 (fig. 3). The walls and pillars were made of the alternate rows of plinfa (flat bricks) and thin limestone slabs with mortar. Like other pre-mongol period temples, the church had three zones of intrawall ties. The quardangular portals had oak crosspieces and semicircular niches above them (fig. 9). Each vault was roofed separately with cornice of one row of denticulated bricks. The cornice was discovered during the restoration (fig. 7). The gallery consists of two reserved rooms linked by a wooden pass. Small square (72 sqare metres) and modulus dimentions of ten Greek feet caused extreme altitude proportions. The facades are more asymmetric in comparing with other contemporary monuments. The church of St. George retained some features of six pillar and cross-shaped temples (fig. 2, 5) of previous period. But its appearance indicated that a simplified type of one-cupola temple with four pillars was established finally in the architecture of Novgorod cultural area. Such characteristic features of pre-mongolian temples in Staraya Ladoga, as equivalence of apses, dispositions of the upper row of windows at the same level etc.— make it possible to suppose that an independent assosiation of builders was formed in Staraya Ladoga in the second half of XIIth century, which introduced the new type of temple.

[62] Ср. *Кирпичников А. Н., Овсянников О. В.* Крепость Старая Ладога. Историческое и архитектурно-археологическое исследование. Л., 1976, с. 6. Рукопись в архиве ЛО СНРПМ.

[63] Следовательно, церковь Благовещения на Мячине нельзя считать «самой ранней постройкой этого типа» (см. *Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М.* Архитектура Новгорода..., с. 191), тем более что Рождественский собор Антониева монастыря в Новгороде (1117 г.), как недавно доказал Г. М. Штендер, первоначально являлся четырехстолпной постройкой, к которой несколько позднее был пристроен нартекс (доклад в ЛОИА АН СССР в мае 1976 г.). Таким образом, в типологическом отношении церковь Георгия — второй из известных нам на новгородской земле четырехстолпных памятников.

Публикации

Н. О. БАДЕР

ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИЯ — РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НА СЕВЕРЕ ИРАКА

Раннеземледельческие поселения без керамики фиксируют самые первые шаги становления производящих форм хозяйства на Ближнем Востоке и поэтому представляют особый интерес. Однако именно эти памятники очень редки и хуже всего исследованы. В Иракском Курдистане Р. Брейдвуд проследил истоки производящего хозяйства на материалах Джармо и Карим-Шахир [1]. Близкие материалы в том же районе получены П. Мортенсеном в Шимшаре, нижние слои которой (16—14), по-видимому, соответствуют самому концу докерамического Джармо [2]. Докерамические раннеземледельческие памятники известны также в Луристане и Хузистане [3]. Однако эти материалы дают пока лишь отрывочное представление об интересующей нас эпохе в этом регионе. Нет единой точки зрения и на происхождение хассунской культуры, первой земледельческой культуры на равнине северной Месопотамии.

По мнению Р. Брейдвуда, хассунская культура стадиально следует за Джармо, но между ними существует некоторый хронологический и культурный разрыв. Переходный комплекс Р. Брейдвуд видел в слабо исследованном памятнике Али-Ага [4]. В. М. Массон разделяет эту точку зрения [5]. П. Мортенсен считает, что в Шимшаре и Джармо керамика была воспринята из хассунской культуры, а хассуна и Джармо могли некоторое время сосуществовать [6]. Дэвид и Джоан Отс придерживаются близкой точки зрения [7]. Д. Керкбрайд, исследуя Телль Умм-Дабагию, памятник дохассунского времени с чертами ранней хассуны, пришла к выводу об отсутствии генетической связи между этим памятником и хассуной и выводит культуру Умм-Дабагии с запада [8]. Это мнение недавно поддержал Д. Мелларт [9].

---

[1] *Braidwood R.* and *Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan.— The Oriental Institute of the University of Chicago Studies in Ancient Oriental Civilization, No. 31, Chicago, 1960.

[2] *Mortensen P.* Tell Shimshara, The Hassuna Period. Kobenhavn, 1970, p. 46.

[3] *Hole F., Flannery K., Neelj J. A.* Prehistory and Human Ecology: Deh-Luran Plain.— Memoirs of the Museum of Antropology. University of Michigan. Number 1. Michigan 1969; *Hole F.* Studies in the Archaeological History of the Deh Luran Plain. The Excavation of Chagha Sefid.— Memoirs of the Museum of Anthropology. University of Michigan, № 9. Michigan, 1977.

[4] *Braidwood R.* and *Howe B.* Opt. cit., p. 162.

[5] *Массон В. М.* Средняя Азия и Ближний Восток. М.— Л., 1964, с. 51.

[6] *Mortensen P.* Op. cit., p. 120.

[7] *Oates D. and J.* The Rise of Civilization. Oxford, 1976, p. 59.

[8] *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1971. Preliminary report.— Iraq, v. XXXIV, spring 1972. p. 15.

[9] *Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London, 1975, p. 135—141, 149.

Большие новые материалы для решения этих важных вопросов получены Советской археологической экспедицией АН СССР в Ираке. Начиная с 1969 г. экспедиция ведет работы в Синджарской долине на севере Месопотамии. За девять лет проведены широкие исследования двух опорных памятников — Ярым-Тепе 1 и Ярым-Тепе 2, которые дали уникальные по полноте и богатству материалы хассунского и халафского времени [10]. Автором, при деятельном участии всех членов экспедиции, проведена разведка памятников в прилегающем районе. Работы велись по древним вади, берущим начало на склонах холмистых отрогов Синджара, раскинувшихся в 5 *км* к северу от Ярым-Тепе и обрамляющих равнину с севера.

На площади, не превышающей 100—150 *км*^{2}, открыто более 40 новых памятников, принадлежащих хассунской, халафской и убейдской культурам и около 10 поселений неизвестного ранее типа, предшествующих хассуне. Раскопки на двух из них, Телль Сотто и Кюль-Тепе, позволяют видеть в них древнейший этап хассунской культуры [11]. Однако исследование памятников типа Телль Сотто показало, что они, как и собственно хассунские, имеют целиком земледельческий облик, истоки же производящих форм хозяйства уходят глубже. Материал, предшествующий Телль Сотто, дало новое ранненеолитическое поселение без керамики, Телль Магзалия, открытое автором весной 1977 г.

Телль Магзалия находится в семи с половиной километрах к северо-западу от Ярым-Тепе на северной окраине деревни Абра Наджар и в одном километре к северу от села Абра Чибира, которое стоит на старой дороге Телль Афар — Белед Синджар. Поселение расположено на правом берегу р. Абры, на склоне холмистых отрогов Синджара и возвышается над равниной на 50—70 *м* (рис. 1). Граница гор и равнины проходит в 1 *км* к югу, однако обе эти зоны экологически существенно различаются. Телль Магзалия находится среди многочисленных естественных холмов, разбросанных на склонах гор. Почвы содержат здесь большую примесь щебня, во многих местах на поверхность выходят известковые скалы. Поселение находится на границе современных пашни и пастбищ. Каменистые почвы неудобны для посевов. Пашни занимают лишь часть площади и перемежаются с пастбищами, раскинувшимися выше по склонам гор. Поселение несомненно приурочено к р. Абре, которая проложила здесь русло в глубоком живописном ущелье. В 1,5 *км* выше по течению Абра прорезает первую гряду холмов. В целом этот район более удобен для охоты и собирательства, чем для земледелия. Материалы поселения подтверждает это.

Восточная половина телля разрушена рекой, а северная пола прорезана дорогой. Сохранившаяся часть поселения имеет площадь около 4,500 *м*^{2}, первоначально же оно занимало более гектара. Мощность культурного слоя превышает 8 *м*. Слой хорошо укреплен большим количеством каменных конструкций, которые во многих местах выходят на поверхность. Именно поэтому телль имеет очень крутые склоны. Памятник не распахивается и не нарушен постройками или ямами, целиком задернован. Его южная половина занята современным кладбищем.

---

[10] *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии.— СА, 1971, № 3. *Merpert N., Munchajev R.* Excavations at Jarim Tepe.— Sumer, vol. XXV, nos. 1, 2, 1969, p. 125—133; *Merpert N., Munchajev R.* Excavations at Jarim Tepe 1970. The Archaeological Research in the Sinjar Valley (1971).— Sumer, vol. XXVII, nos 1, 2, 1971, p. 23—33; *Munchajev R. M., Merpert N. J.* Excavations at Jarim Tepe. 1972. Fourth Preliminary Report.— Sumer XXIX, nos 1, 2, 1973, p. 3—17; *Merpert N., Munchaev R.* and *Bader N.* The investigations of Soviet Expedition in Iraq 1973.— Sumer, vol. XXXII, nos 1, 2, 1976, p. 25—63.

[11] *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.).— СА, 1975, № 4. *Merpert N., Munchaev R.* and *Bader N.* 1976, Op. cit., s. 54—59.

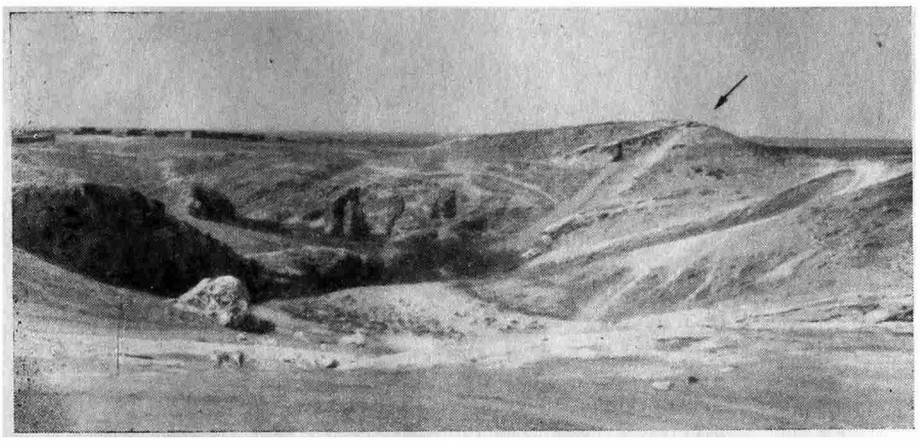


Рис. 1. Телль Магзалия. Общий вид с севера

С севера к поселению примыкает большая, не менее гектара, почти ровная площадка в излучине высокого обрывистого берега реки. Здесь на пашне собрано большое количество кремневых отщепов и отходов производства, несколько орудий, типологически близких орудиям с поселения. Основное отличие между ними состоит в том, что на площадке отсутствует обсидиан, тогда как на самом памятнике он изобилует. Что перед нами — временный лагерь мезолитических охотников или незастроенная периферия поселения, можно будет выяснить только после специальных работ.

Уже в ходе разведок экспедиция получила разрешение от Департамента древностей Ирака начать раскопки на Магзалии. Была проведена зачистка культурного слоя на всю глубину и вскрыта площадь около 100 $м^2$. В результате получено достаточно полное представление о характере поселения, стратиграфии, архитектуре и облике культуры на всем протяжении существования поселения. Рекогносцировочные работы были облегчены тем, что телль на всю глубину прорезается обнажением, протянувшимся в меридиональном направлении более чем на 100 *м*. Раскопки начаты на северной, не занятой кладбищем, половине холма. Здесь на краю обнажения были заложены два небольших раскопа, в основании холма и на его вершине, около 30 $м^2$ каждый. Оба раскопа соединены глубокой зачисткой по обнажению.

Насколько удалось проследить, телль целиком сложен остатками построек из глины на каменных фундаментах (рис. 2). Они повсеместно видны в обнажении и выходят на поверхность на неразрушенных западных склонах холма как на его вершине, так и в основании. Нижний слой в раскопе структурно ничем не отличается от всей толщи отложений. Однако первоначальное небольшое поселение может и не совпадать с современным центром холма, где заложен раскоп.

По характеру культурных напластований Телль Магзалия существенно отличается от памятников, исследованных экспедицией на лёссовой равнине. Телль Магзалия находится выше распространения чисто лёссовых почв, культурный слой на памятнике насыщен известковой супесью, а глина для построек приносилась со стороны, поэтому стены обычно хорошо выделяются по цвету и плотности. Слои четко маркируются каменными фундаментами и вымостками полов, гипсовыми полами и зольниками. Каменные фундаменты обычно имеют высоту от 40 до 60 *см* при толщине до 60—70 *см*. Все это вынудило, а равно и позволило отказаться от тонких разрезов через 2,5 *м*, принятых нами при раскопках равнинных памятников, и перейти к работе с 50-сантиметровыми бровками через каждые 5 *м*. Вся документация — разрезы, планы, фиксация

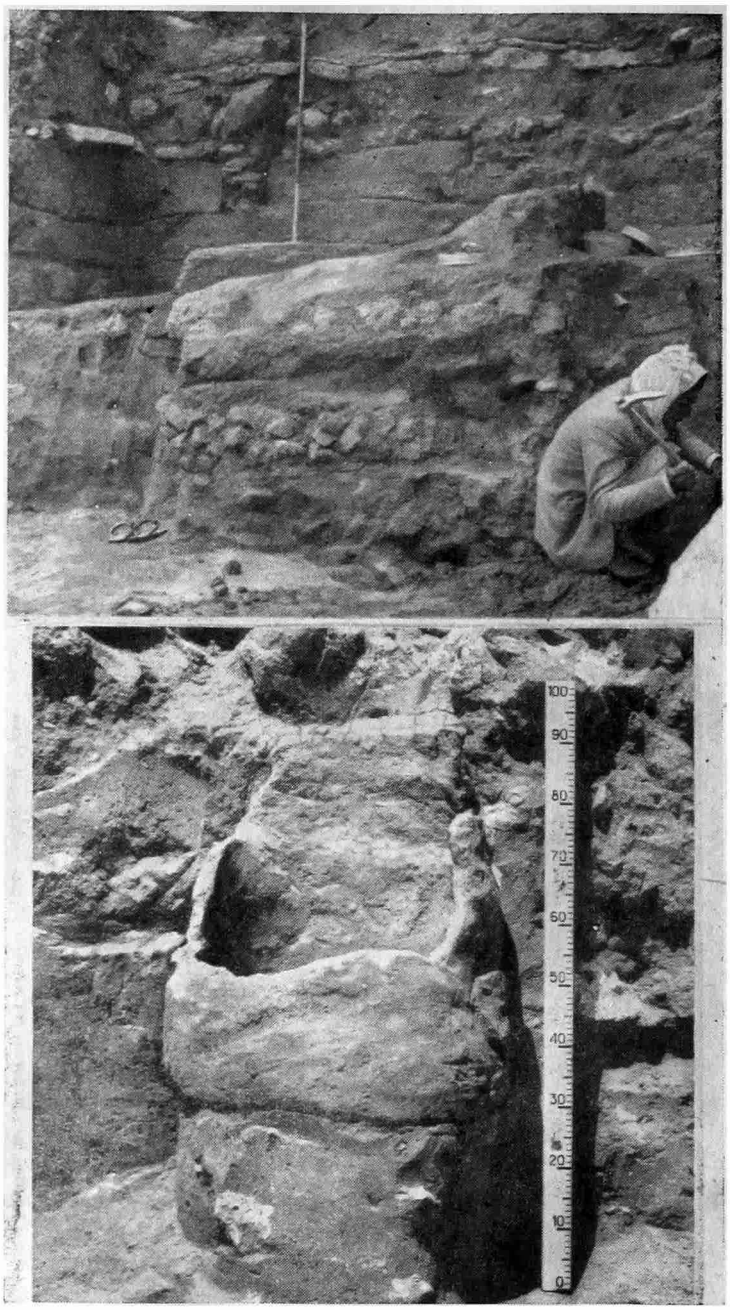


Рис. 2. Телль Магзалия. Зернохранилище 6, кв. М-10 (внизу). Общий вид нижней части разреза по западной стенке кв. М-10 (наверху)

материала — велась на основе пятиметрового квадрата. Раскоп разбит по странам света. Разрезы и планы чертились в масштабе 1 : 20. За нулевую отметку принята условная точка на вершине холма.

Представление о стратиграфии памятника дает 15-метровый ступенчатый разрез по обнажению (рис. 3). Верхняя часть зачистки проходит на 60 *см* ниже нулевой отметки, материковый слой достигнут на глубине 8,2 *м*. В разрезе зафиксировано 14 перекрывающих друг друга уровней построек. Еще минимум один слой лежит на вершине холма и не попал в разрез. Таким образом, сейчас можно говорить о 15 строительных горизонтах средней мощностью 50—60 *см*.

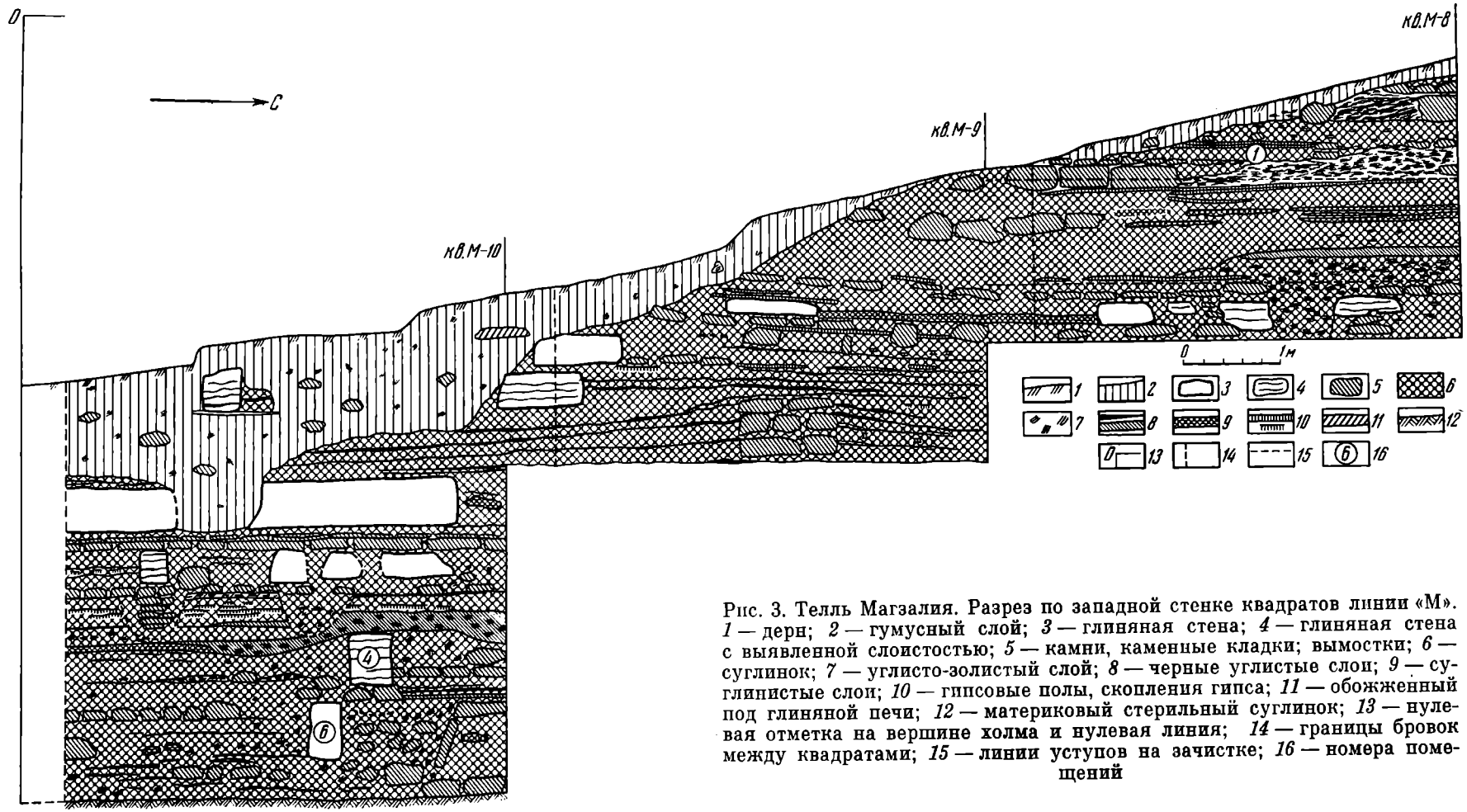


Рис. 3. Телль Магзалия. Разрез по западной стенке квадратов линии «М». *1* — дерн; *2* — гумусный слой; *3* — глиняная стена; *4* — глиняная стена с выявленной слоистостью; *5* — камни, каменные кладки; вымостки; *6* — суглинок; *7* — углисто-золистый слой; *8* — черные углистые слои; *9* — суглинистые слои; *10* — гипсовые полы, скопления гипса; *11* — обожженный под глиняной печи; *12* — материковый стерильный суглинок; *13* — нулевая отметка на вершине холма и нулевая линия; *14* — границы бровок между квадратами; *15* — линии уступов на зачистке; *16* — номера помещений

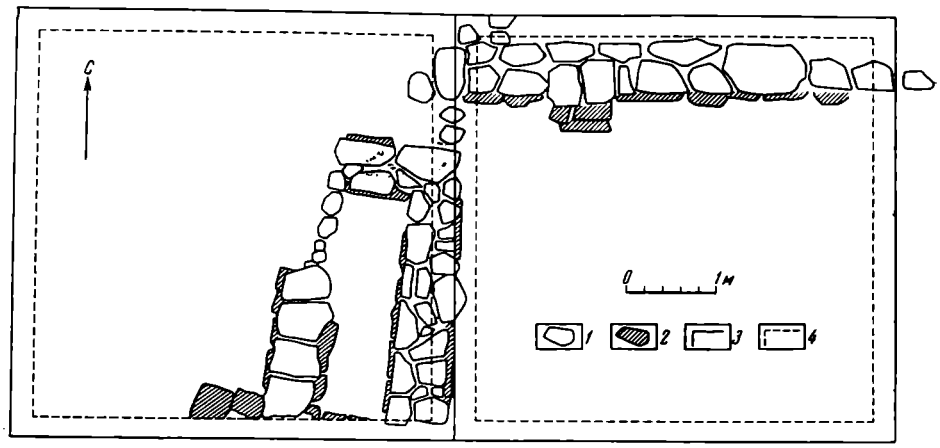


Рис. 4. Телль Магзалия. План каменного фундамента на квадратах L-7, M-7, глубина 80—130 см. *1* — отдельные камни; *2* — камни нижнего ряда кладки; *3* — границы квадратов; *4* — линия бровок

Перерывов в накоплении слоя нет. Застройка поселка была плотной. Часты перестройки на старом месте с повторением плана. Материальная культура оставляет впечатление монолитной. Для всех слоев характерно преобладание обсидиана. Количество кремневых орудий несколько увеличивается только в верхнем слое, однако облик культуры остается прежним. Все это дает основание считать, что поселение охватывает исторически сравнительно короткий промежуток времени.

Для всех слоев Телль Магзалии характерна прямоугольная архитектура (рис. 4). Дома возводились на мощных каменных фундаментах, со стенами из глины. Стены делались в технике «touth», хорошо известной по хассунским памятникам. Толщина образующих стену слоев равна 6—7 *см*, прослоек между ними 1—2 *см*. В одном случае каменный фундамент был уложен в подготовленную для него траншею, что четко зафиксировано в разрезе (рис. 2, 3), однако обычно каменное основание стен представляет собой стоящий на поверхности цоколь. Толщина фундамента часто достигает 60—70 *см*, высота — до 60 *см*. Полы помещений также обычно выкладывались каменными плитами, выравнивались глиной, а сверху обмазывались гипсом, причем обмазка, как правило, неоднократно подновлялась. В некоторых случаях гипсовая штукатурка сохранилась и на внутренней поверхности стен. В слое найдено также довольно много битума. На полу одного из помещений сохранился большой кусок битума с отпечатком камышовой циновки. В целом на протяжении существования памятника строительная техника не претерпевала существенных изменений. О планировке домов, а тем более всего поселка пока судить трудно.

В предматериковом слое зафиксирована печь своеобразной формы. Основание печи представляет собой прямоугольник со сторонами 80 на 180 *см* и углублено на 20 *см* в материковую глину. Свод и устье не сохранились. Печь заполнена большим количеством угля, золы и обожженных камней, под и стенки сильно обожжены. Основание стен имеет толщину около 20 *см* и укреплено камнем, как это делалось при строительстве жилых домов, под печи выложен мелким гравием и щебнем, а затем обмазан слоем глины толщиной 2—3 *см*. Интересно, что такой же прием неоднократно зафиксирован в нижнем слое Телль Сотто. Хорошо сохранилась поперечная перегородка. Она подмазана к наружным стенкам печи, т. е. представляет собой более позднюю перестройку; перегородка обожжена только со стороны большей камеры.

Интересно зернохранилище из необожженной глины, также найденное в предматериковом слое (рис. 2, *2*). Это почти цилиндрическая, слег-

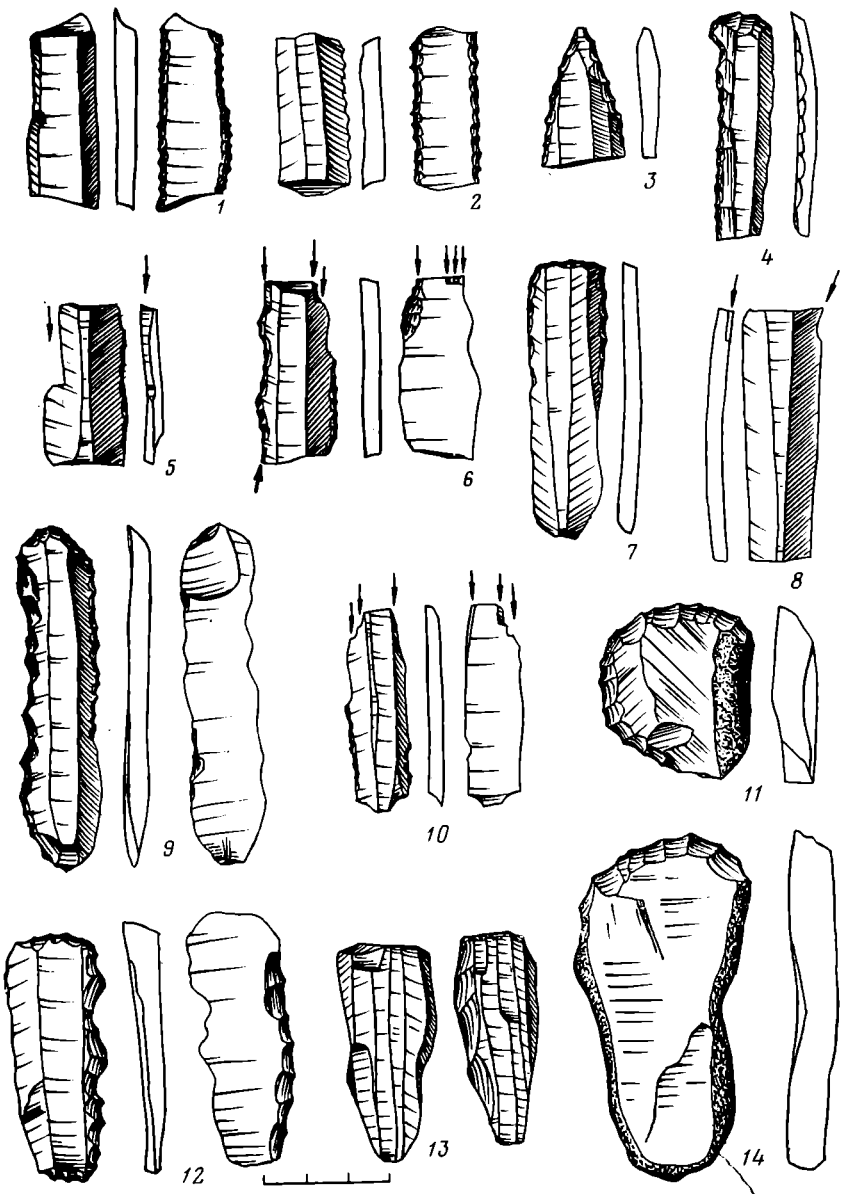


Рис. 5. Телль Магзалия. Обсидиановый и кремневый инвентарь. *1, 2* — ретушированные обсидиановые пластины; *3* — кремневая провертка; *4, 7* — концевые скребки на обсидиановых пластинах; *5* — угловой резец на обсидиановой пластине; *6, 8, 10* — угловые резцы на кремневых пластинах; *7* — концевой скребок на обсидиановой пластине; *9, 12* — концевые скребки на кремневых пластинах; *11* — округлый скребок на кремневом отщепе; *13* — конический кремневый нуклеус; *14* — концевой скребок на кремневой плитке

ка расширяющаяся внизу бочка высотой 65 *см* при диаметре 45 *см*, дно плоское. Толщина боковой стенки составляет 2—3 *см*, в нижней ее части хорошо сохранилось круглое отверстие диаметром около 10 *см*. Безусловно, хранилище было вылеплено на месте и не могло переноситься. Похожие зернохранилища используются местными жителями и сегодня. Их наиболее характерный признак — отверстие в нижней части, через которое ссыпается зерно. Именно это отверстие убедительно показывает, что нами вскрыто наземное сооружение, а не яма, обмазанная глиной.

Рассмотрим далее полученный вещевой комплекс. Обсидиан абсолютно преобладает в коллекции, количество кремня несколько увеличивает-

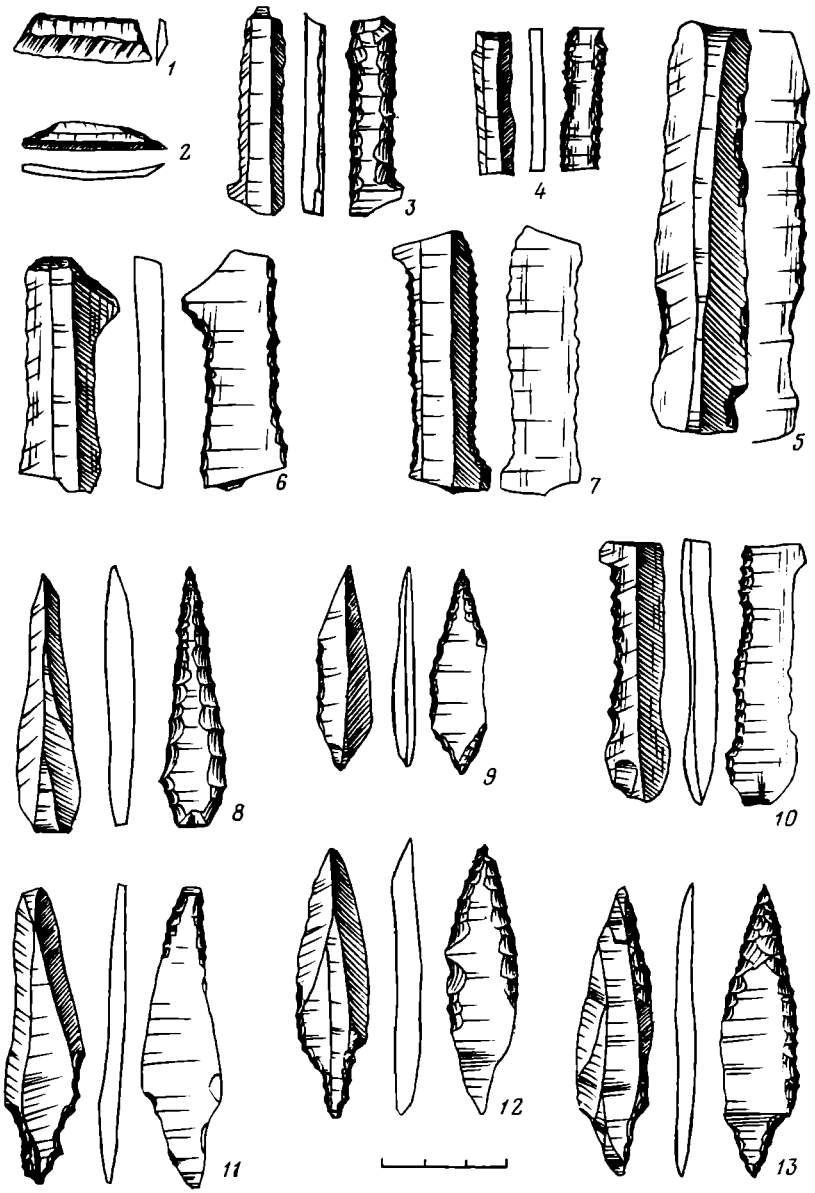


Рис. 6. Телль Магзалия. Обсидиановый и кремневый инвентарь. *1*, *2* — геометрические микролиты на кремневых пластинках, *3*, *6*, *7*, *10* — жатвенные ножи с шипом из обсидиановых пластин, со следами работы по краю; *4* — обломок обсидианового жатвенного ножа со следами работы по краю; *5* — жатвенный нож на кремневой ножевидной пластине со следами работы по краю, *8*, *9*, *11*, *12*, *13* — листовидные и черешковые наконечники стрел из кремневых ножевидных пластин

ся только в верхнем слое. В кремневой части комплекса отходов производства относительно больше. Очевидно, обсидиан доставлялся на памятник издалека уже в виде полуфабриката.

Техника расщепления и обработки кремня несомненно сохраняет мезолитические традиции (рис. 5). Нуклеусы, как кремневые, так и обсидиановые, делятся на два типа — небольшие клиновидные нуклеусы с одной косо расположенной площадкой и прямоплощадочные конические нуклеусы. Ножевидные пластины (длинные, тонкие, правильной формы) абсолютно преобладают над отщепами.

Микролитическая техника еще хорошо представлена, однако геометрические микролиты встречаются уже редко. Найдено всего два (рис. 6, *1*, *2*)

кремневых вкладыша — сегментовидное острие и трапеция. Длина первого орудия составляет около 3 *см*, высота менее сантиметра, сильно скошенные концы тщательно ретушированы со стороны спинки, вершина орудия осталась необработанной. Трапеция имеет длину 3 *см* при высоте 1 *см*. Ретушированы не только боковые грани, но и вершина орудия. Ретушь мелкая и крутая. Вершина орудия составляет более двух третей длины режущего края. Оба вкладыша изготовлены из кремневых ножевидных пластин.

Среди других орудий из обсидиана и кремня выразительными сериями представлены скребки, резцы, проверки, наконечники стрел на ножевидных пластинах, жатвенные ножи. Скребки наиболее многочисленны (рис. 5, *7, 9, 11, 12, 14*). Преобладают концевые скребки на пластинах, округлые скребки на отщепах и обломках встречаются реже. Могут также быть выделены массивные скребки на кремневых плитках. Такие орудия характерны для раннехассунских памятников. Многие скребки сохранили следы работы. Иногда они использовались как стамески, о чем говорят характерные плоские сколы на рабочем крае. Брюшко обсидиановых скребков часто имеет по краю широкую матовую полосу, которая могла образоваться от работы по мягкому материалу.

Резцы однообразны по форме, однако представлены большой серией. Абсолютно преобладают угловые резцы на ножевидных пластинах (рис. 5, *5, 6, 8, 10*). При большой простоте и однообразии орудий, рабочий край оформлялся тщательно, одним или несколькими длинными резцовыми сколами, часто зазубрен от работы. Иногда сколами оформлены оба угла одного из концов или противоположные концы пластины.

Невелика, но выразительна серия проверток (рис. 5, *3*). Все орудия однотипны, изготовлены на кремневых ножевидных пластинах ретушью со спинки, лишь в нескольких случаях ретушь противолежащая. На рабочем конце орудия обычно хорошо видны заломы от сверления, причем правая грань всегда сработана со стороны брюшка, т. е. сверло вращали по часовой стрелке. Характер сработанности крупными сколами на небольшую глубину говорит о том, что орудия использовались для сверления по твердому материалу.

Большую группу (10 экз.) составляют наконечники стрел на ножевидных пластинах (рис. 6, *8, 9, 11, 12, 13*). Все орудия кремневые (рис. 7, *20—23*). Встречаются черешковые и листовидные наконечники. Длина целых орудий колеблется от 5 до 7 *см*. Оба типа имеют тонкое ланцетовидное лезвие и короткую массивную черешковую часть, концы орудий обычно подработаны плоской поперечной ретушью со стороны брюшка. В большинстве случаев лезвие имеет естественные, неретушированные или слабо ретушированные грани, черешок на черешковых наконечниках выделен крутой ретушью со спинки.

В коллекции преобладают ножевидные пластины. Большинство из них, в особенности мелкие пластины из обсидиана, использовались неретушированными. Тщательно ретушированные пластины редки. Одинаково распространена и встречается в различных сочетаниях крутая ретушь со спинки и уплощающая с брюшка. Своеобразие всему комплексу придает крупная скошенная зубчатая ретушь, нанесенная под острым углом к продольной оси орудия. Обсидиановые пластины, обработанные таким образом, имеют специфичные длинные изогнутые негативы. Такие же приемы нанесения ретуши характерны для нижнего слоя Шимшары. Чаще всего таким образом обрабатывались жатвенные ножи.

Жатвенные ножи представлены большой серией и составляют одну из характерных черт всего комплекса (рис. 6, *3—7, 10*). Это большие кремневые или обсидиановые пластины, которые могли использоваться без рукоятки или в прямом составном орудии. Более прочные кремневые пластины обычно не ретушировались и определяются по сильно залощенному рабочему краю (рис. 6, *5*). Наиболее интересны тщательно обрабо-

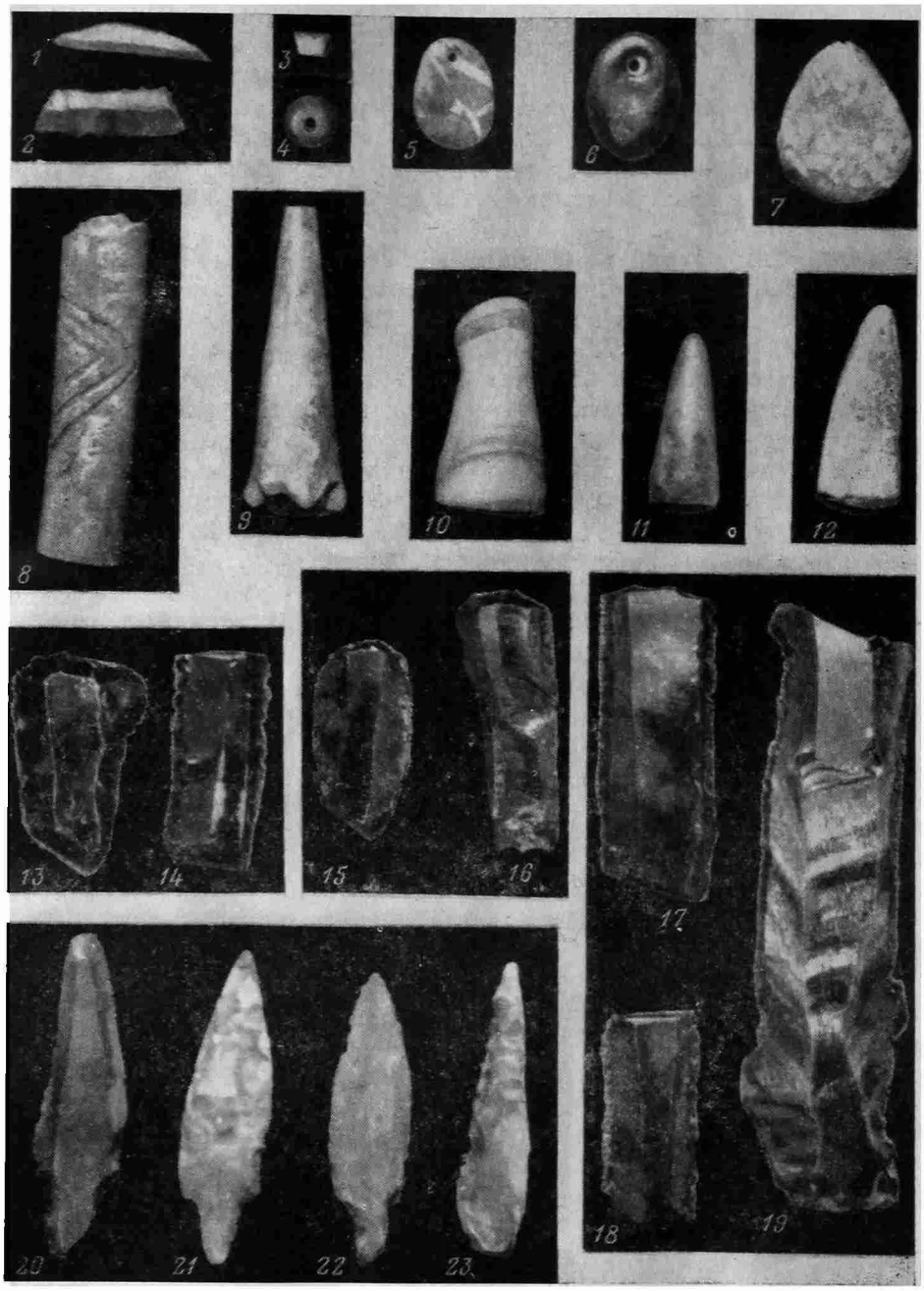


Рис. 7. Телль Магзалия. Каменные украшения, резная кость и орудия из кремня и обсидиана

танные жатвенные ножи из обсидиана. Об их назначении говорят характерные следы сработанности рабочего края, который имеет матовую белесую поверхность с косо направленными штрихами (рис. 7, *19*). Обсидиановые пластины обычно обработаны по обеим граням косой зубчатой приостряющей ретушью со стороны спинки или брюшка, встречается и противолежащая ретушь. Многие жатвенные ножи имеют на одном из концов неретушированный выступ и по этому характерному признаку могут быть названы жатвенными ножами с шипом (рис. 6, *3, 6, 7, 10*). Часто шип оставлялся на толстом конце пластины, однако в большинстве случаев он несет следы работы и поэтому не мог служить черешком для закрепления в рукоятке. Скорее выступ оставлялся на конце рабочей

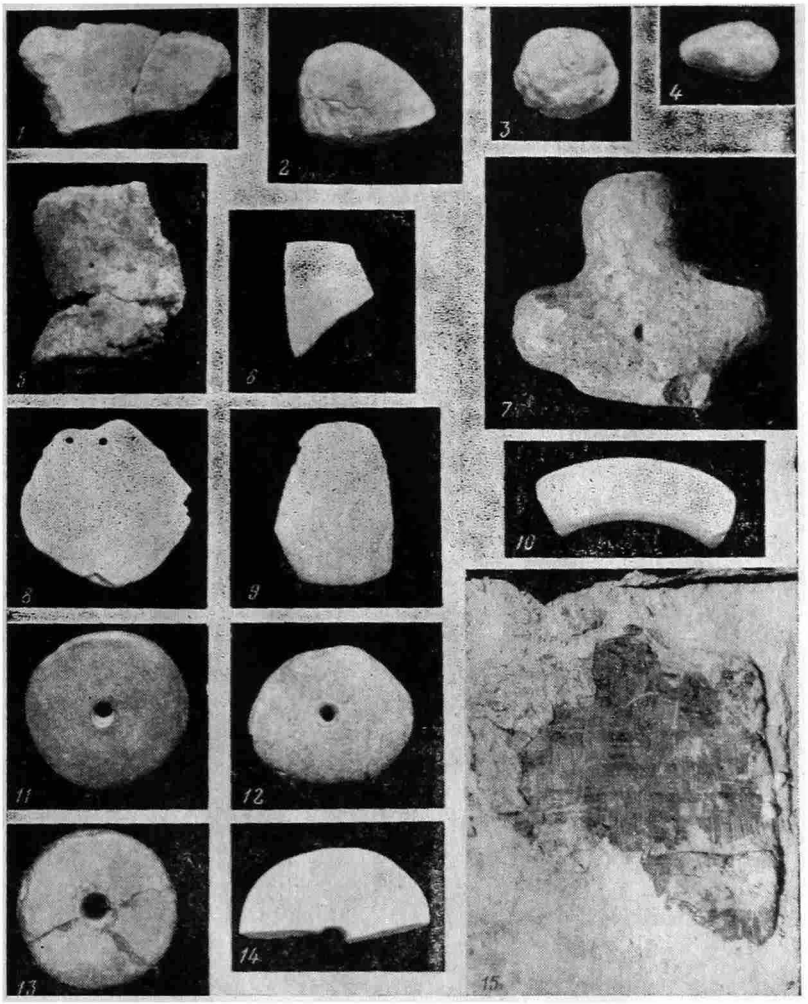


Рис. 8. Телль Магзалия. Изделия из глины и камня, отпечаток циновки на битуме. *1* — обломок глиняного сосуда; *2* — нога глиняной статуэтки; *3*, *4* — шарики из необожженной глины; *5* — цилиндрический предмет из глины; *6*, *9* — обломки мраморных сосудов; *7* — каменная статуэтка; *8* — мраморная подвеска; *11*, *12*, *13* — просверленные диски из речных галек; *14* — обломок диска из белого мрамора; *15* — оттиск камышовой циновки на битуме

части ножа для облегчения захвата стеблей при резании. В Шимшаре найдено целое такое орудие. Оно склеено битумом из двух больших обсидиановых пластин и не имело костяной или деревянной основы. Один из концов имел описанный шип. П. Мортенсен называет это орудие кинжалом [12]. В действительности, оно, как и многочисленные аналогичные ему пластины из Шимшары и Магзалии, имеют следы сработанности, характерные для серпов.

Наконец, в самостоятельную группу могут быть выделены обсидиановые пластины, тщательно ретушированные по обеим граням крутой ретушью со спинки. Они не несут следов работы и определить их назначение трудно.

Техника обработки кости также была достаточно высока. Помимо шлифования здесь распространена резьба по кости. В одном случае обрезок трубчатой кости гравирован орнаментом в виде ромба, прочерченного

[12] *Mortensen P.* Tell Shimshara. The Hassuna Period. Kobenhavn, 1970, p. 38, 39, fig. 30, 31. Оригинал находится в экспозиции Багдадского музея.

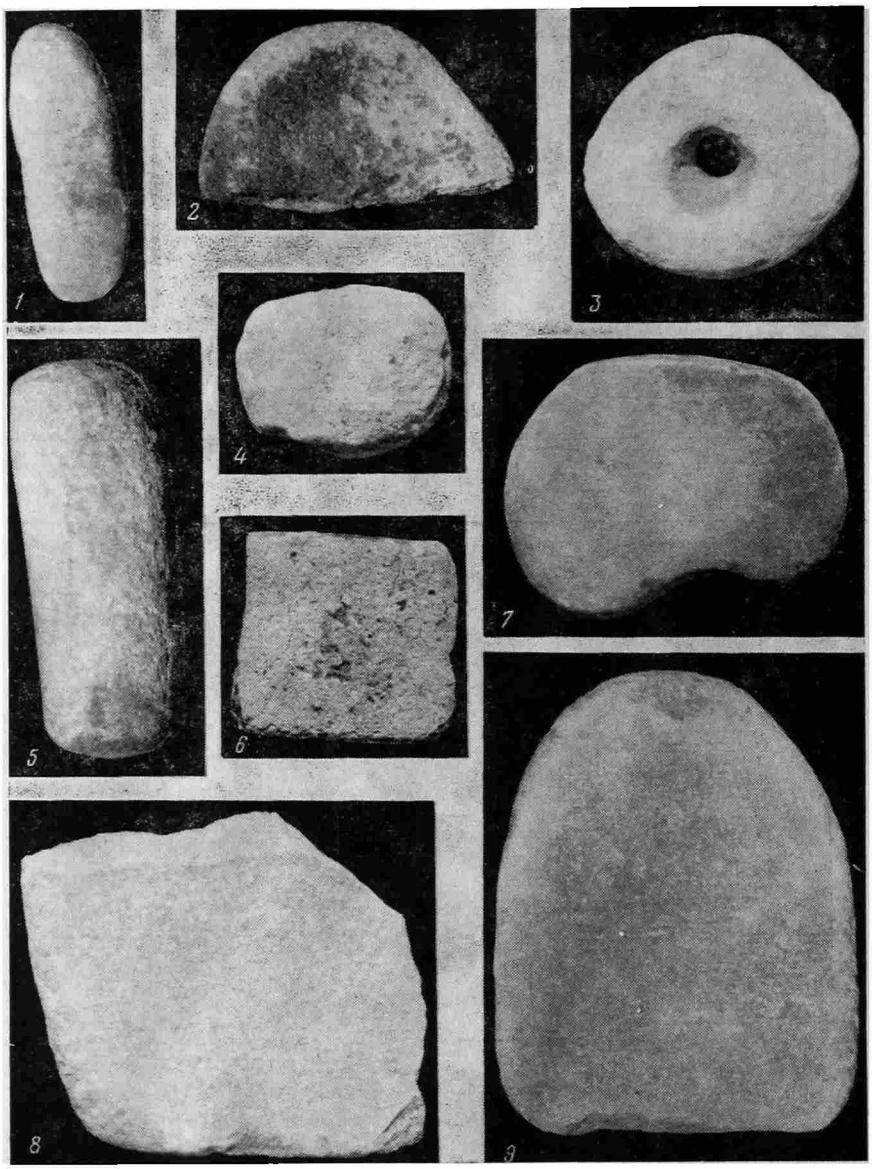


Рис. 9. Телль Магзалия. Каменные орудия. *1* — пест из гальки; *5* — пест из темного туфа; *2*, *8*, *9* — обломки зернотерок из темного туфа; *3* — булава или утяжелитель из белого камня; *4* — шаровидный терочный камень из белого камня; *6* — плоский терочный камень из темного туфа

тремя параллельными линиями (рис. 7, *8*). Найдено несколько обломков очень тонких костяных иголок. Как и в более поздних памятниках, на Магзалии преобладают шилья из обломков трубчатых костей.

Выразительную группу орудий труда составляют зернотерки, терочники и песты (рис. 9). В большинстве случаев, как и хассунские, они изготовлены из туфа. Зернотерки представляют собой небольшие овальные камни с плоской или слегка вогнутой рабочей поверхностью. Терочники в отличие от зернотерок имеют выпуклую рабочую поверхность. Единственный пест обычных вытянутых пропорций с двумя рабочими концами сделан из гальки. Несколько шаровидных терочных камней имеют следы забитости и могли использоваться как отбойники.

В культурном слое найдено много мелких галек, безусловно отобранных и принесенных человеком (рис. 8). Преобладают два типа: уплощен-

ные — круглые, овальные или грушевидные, а также гальки в виде маленьких пестиков (рис. 7, *5*, *6*, *7*, *11*, *12*). Последние часто окрашены охрой на сработанных концах. Часто пестикам придавалась форма вытянутого конуса. Они также имеют залощенное и покрытое царапинами основание. Из плоских галек, как мы увидим ниже, изготовлялись подвески и другие украшения.

Жители Телль Магзалии были хорошо знакомы со свойствами глины, широко ее использовали и безусловно стояли на пороге освоения глиняной посуды. Из глины делались дома, печи, хранилища для зерна, лепились статуэтки. В слое найдено много комков мятой сырой глины. По-видимому, глиняные сосуды иногда уже лепились, по подобию каменных, но они еще не вошли в обиход. Единственный обломок керамики был вынут из слоя с глубины 470 *см* при зачистке обнажения на кв. М-9 (рис. 8, *1*). Это маленький плохо обожженный рыхлый, с растительными примесями, красноватого цвета обломок небольшой ребристой чашки или горшка. Обнаруженный фрагмент вполне соответствует представлениям об архаической керамике, но его стратиграфическое положение не безусловно.

Одну из характерных черт комплекса Телль Магзалии составляют обломки каменных сосудов. Изготовление каменной посуды требовало больших затрат труда, однако она значительно превосходила глиняную по качеству. По-видимому, только переход к прочному земледелию, вызвавший потребность в большом количестве посуды, удобной и легкой в изготовлении, обусловил отход от старых традиций. Переход к глиняной посуде мог быть связан также и с выходом человека на равнину, где камня нет, а глина имеется в изобилии.

Пока на Магзалии найдено 10 обломков каменных сосудов (рис. 8, *6*, *9*). Как и в раннехассунское время, они изготовлялись из мрамора или мраморовидных пород. Обычно это белый или белый с розовыми прожилками камень. Найденная заготовка сосуда позволяет восстановить технологию его изготовления. Мрамор — мягкий, легко крошащийся и не колющийся материал. Поэтому первоначальная форма сосуду придавалась оббивкой. Хорошо видно, что выемка внутренней полости также начиналась долблением и лишь на последних этапах работы она высверливалась и шлифовалась. В небольшой собранной коллекции представлены только обломки сосудов, по которым трудно точно восстановить форму. По-видимому, характерны сферические горшки с широким горлом, плоским дном и простым венчиком. Гипсовая миска с плоским дном и вертикальными стенками имеет диаметр около 35 *см*. Стенок каменных сосудов с ребром не найдено.

О высокой технике обработки камня говорят и разнообразные украшения. Обломок браслета из белого мрамора имеет сечение более 2 и диаметр около 9 *см* (рис. 8, *10*). Плоские гальки служили излюбленным материалом для подвесок. Можно выделить два наиболее распространенных типа. Первый включает овальные и грушевидные подвески со сверлиной на краю подвески (рис. *7*, *5*, *6*). Отверстие диаметром 2—3 *мм* сверлилось с двух сторон. Дополнительной обработке гальки не подвергались. Во вторую группу объединяются диски из галек со сверлиной в центре (рис. 8, *11—14*). Диаметр этих изделий обычно около 5 *см*, сечение цилиндрической сверлины около 5 *мм*. Несколько дисков вырезано из мягкого камня. Три одинаковых диска найдены вместе и были, по-видимому, на что-то нанизаны: на одном из них вокруг сверлины тщательно процарапан круг. Интересен обломок хорошо отшлифованной прямоугольной мраморной плакетки со сверлиной.

На Магзалии неизвестно пока ни одного шлифованного клиновидного топора. Для обработки дерева могло использоваться грубое дисковидное рубящее орудие, оббитое по периметру крупными двусторонними сколами. Диск имеет диаметр около 15 *см*. Наконец, два шаровидных камня со

сверлинами в центре могли использоваться как утяжелители или булавы (рис. 9, *3*).

Большой интерес представляет антропоморфная пластика: два обломка глиняных статуэток, каменная статуэтка и стилизованная головка на конце мраморного пестика. На кв. М-10 на гл. 750 *см* найдена нога от глиняной женской сидячей статуэтки (рис. 8, *2*). Ее размер 4,3×3,4× ×2 *см*. Хорошо видна выпуклость бедра, нижняя часть уплощена. Сохранившийся шов говорит о том, что статуэтка лепилась по частям. В тех же стратиграфических условиях обнаружен обломок цилиндрического предмета из плохо обожженной глины с расплющенным основанием (рис. 8, *5*). Его высота 6 *см*, диаметр верхней части 3,8 *см*. Трудно понять эту вещь по сохранившемуся обломку. Может быть, она имеет определенное сходство со стилизованными цилиндрическими статуэтками Джармо, хотя и значительно превосходит их по размеру.

Антропоморфная фигурка из белого мягкого камня (рис. 8, *7*) найдена при зачистке обнажения на кв. М-8, на полах построек верхнего слоя. Сохранились голова и бюст, торс обломан. Фигурка выполнена по крестовидной схеме, без проработки каких-либо деталей. На груди намечена неглубокая сверлина. Высота фигурки 6,5, ширина в груди 7,5, толщина 2,5 *см*. Нам не известны сколько-нибудь близкие аналогии этому предмету.

В слое на кв. М-10 на глубине 560 *см* найден конический пестик с антропоморфной стилизованной головкой на вершине (рис. 7, *10*). Поделка выполнена из белого с красными прожилками мрамора, излюбленного материала для изготовления каменных сосудов. Пестик имеет характерную для этой группы орудий коническую форму и плоский рабочий конец. Вершина конуса слегка уплощена с боков и в профиль напоминает головку статуэтки. Детали лица не проработаны.

Таким образом, Телль Магзалия дает нам остатки культуры с высокой техникой обработки кремня, развитым домостроительством, но еще без керамики или почти без нее. Хозяйство характеризуется сочетанием охоты и земледелия. Об охоте говорят найденные в большом числе черешковые наконечники стрел на ножевидных пластинах и кости крупных, по-видимому, диких быков. Однако долговременный характер поселения, большое количество зернотерок, жатвенных ножей или вкладышей для серпов, зернохранилища и другие признаки позволяют предположить, что земледелие уже доминирует.

До недавнего времени неолит Северного Ирака дохассунского времени был известен по нескольким разрозненным поселениям, среди которых самым известным было Джармо. Вновь открытые памятники могут быть объединены в две последовательные группы — бескерамическую и раннекерамическую. К первой группе могут быть отнесены нижний слой Джармо, нижний слой Шимшары, Телль Магзалия.

Вторая группа включает нижние слои Телль Сотто, Кюль-Тепе, Умм-Дабагии, Телюля-Телафата, верхний слой Джармо, Али Ага. Близки им, хотя может быть и несколько позже во времени, нижний слой Ярым-Тепе 1 и Телль Хассуна 1А. С этой же группой по времени может быть сближен и нижний слой Телль эс-Саввана, где встречена грубая ребристая керамика вместе с каменными сосудами, имеющими много общего с аналогичными сосудами из Кюль-Тепе и Умм-Дабагии.

Телль Магзалия, Джармо и Шимшара сохраняют микролитические традиции обработки кремня, характерные для предшествующей мезолитической эпохи. Большое количество привозного обсидиана еще более сближает эти памятники во времени. Для всех трех комплексов характерны каменные сосуды, однотипные мелкие конические пестики и гальки для растирания охры, каменные браслеты. Близкие аналогии каменным дискам из Магзалии имеются в докерамическом слое Шимшары. Обломок прямоугольной мраморной плакетки со сверлиной, найденный в Магза-

лии, близко напоминает аналогичную вещь из Зави Чеми Шанидар. Особенно большое сходство проявляют жатвенные ножи Магзалии и Шимшары. Они имеют характерный шип и обработаны скошенной зубчатой ретушью.

По-видимому, Магзалия, Джармо и Шимшара близки хронологически, между ними намечаются определенные культурные связи, возможно обмен обсидианом, однако они не тождественны. Так, в Джармо и Шимшаре неизвестны кремневые наконечники стрел, в Шимшаре не встречены глиняные фугурки. Черешковые наконечники стрел, столь характерные для Телль Магзалии, находят аналогии на западе, в бескерамических слоях Бейды. В районе Синджара они продолжают бытовать и в раннехассунских слоях Телль Сотто и Умм-Дабагии.

Несколько отличен и характер самих поселений. Магзалия — телль с интенсивной застройкой и четко выраженными границами. Шимшара расположена на естественном холме, а Джармо — на высоком плато с трех сторон ограниченном обрывами. Несмотря на 7-метровый слой этого поселения, границы его расплывчаты, что может объясняться свободной планировкой и менее плотной застройкой.

Вопрос о характере связей Телль Магзалии и Телль Сотто остается открытым. Об известном сходстве культуры Телль Сотто и керамического Джармо уже говорилось [13]. Различия в уровне техники расщепления камня и типологии кремневых и обсидиановых орудий указывают на заметный хронологический разрыв между Телль Сотто и Магзалией. В обоих комплексах встречаются каменные сосуды, каменные браслеты, черешковые наконечники стрел, однако они существуют длительное время и широко распространены. Интересно, что нижний слой Телюля Телафата, который по всему облику культуры относится к памятникам типа Сотто, дает большую и разнообразную серию статуэток, близких статуэткам Джармо. К сожалению, глиняная пластика Телль Магзалии и Телль Сотто пока недостаточно выразительна. Новые материалы сокращают разрыв между бескерамическими и раннекерамическими памятниками в этом районе, однако содержание связей между ними предстоит еще определить.

Небольшие материалы из Телль Магзалии не дают окончательного ответа на поставленные вопросы, но значительно сужают круг поисков. Как отмечалось, между Телль Магзалией и Ярым-Тепе экспедицией выявлено около 10 памятников типа Сотто. Большинство из них находится в подгорной части равнины, некоторые удалены всего на 1—2 *км* от Магзалии, однако ни одного не найдено пока на склонах гор, равно как бескерамические памятники до сих пор не обнаружены на равнине.

По-видимому, окончательный переход к производящей экономике и освоение Синджарской равнины земледельцами произошел в относительно небольшой промежуток времени, разделяющий Магзалию и памятники типа Сотто. Существует ли звено, которое позволит прямо генетически связать их между собой; как в действительности произошел этот переход — ответить на эти вопросы помогут дальнейшие работы на Телль Магзалии и поиски новых раннеземледельческих памятников в прилегающем районе.

N. O. Bader

TELL MAGZALIA — AN EARLY NEOLITHIC SITE IN THE NORTHERN IRAQ

Summary

Tell Magzalia was discovered and first investigated by Soviet archaeological expedition in Iraq in spring of 1977. The settlement is situated at southern slopes of the Sinjar hilly spurs in upper valley of river Abra. Cleaning of baring was carried out and

[13] *Бадер Н. О.* Ук. соч.

two sections were excavated at the top and bottom of the hill total area 100 square metres (fig. 1—3). The Tell is 8 metres high. It is entirely formed by remains of solid rectangular clay buildings on stone foundations (fig. 3—6). Lithic material is characterized by high development of blade technique. Obsidian absolutely predominates over flint. Inventory includes trapeze, crescent-shaped point, leaf-shaped and tanged arrowheads, end scrapers, burins on the angle of a blade, reaping knives with specific pin at the end. Bone implement is widespread (fig. 8, 9, 10). The only archaic fragment of pottery is found in vague stratigraphic circumstances. Fragments of stone vessels are characteristic. Among other finds are two fragments of clay figurines, one stone figurine, marble pestle with an antropomorphic head at the end, disk-shaped and oval pendants made of river pebble, fragments of marble bracelet, querns, grinding stones and pestles (fig. 10—12). Materials from Tell Magzalia find close analogies in pre-pottery layers of Shimshara and Jarmo, but these sites are not identical. Despite some semblance with early pottery settlements of Sotto type, Magzalia differs from them in the development of flint and obsidian industry.

А. С. СМИРНОВ

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В УРОЧИЩАХ БЕСЕЦ-БЕЛЫНЕЦ

Начиная с послевоенного времени район верхнего течения р. Десны неоднократно привлекал внимание археологов. Здесь обнаружены многочисленные памятники неолита и бронзы, располагающиеся, как правило, на левом берегу реки, на возвышенностях в пойме или на краю невысокой боровой террасы. В ряде случаев они сконцентрированы в группы. Одним из таких мест является участок левого берега Десны в Жуковском р-не Брянской обл. от с. Вщиж до дер. Неготино (на правом берегу), именуемый уроч. Бесец-Белынец. Здесь на протяжении около 2 *км* обнаружено 11 памятников неолита и бронзы. Они представлены стоянками и курганными могильниками. Примерно в полукилометре ниже по течению, на этом же берегу, расположены стоянки Пионерская и Витховка [1], а несколько выше, напротив с. Вщиж и дер. Дятьковичи,— стоянки Голосок [2], Лунево I и Лунево II [3].

В данной статье рассматриваются пять стоянок эпохи неолита, находящихся в уроч. Бесец-Белынец.

Первая неолитическая стоянка была обнаружена В. В. Кропоткиным в 1948 г. при раскопках Белынецкого курганного могильника в уроч. Белынец. Насыпи курганов, сооруженные из культурного слоя стоянки, содержали керамику эпохи неолита, кремневые отщепы и орудия. В 1954 г. часть стоянок исследовалась Лесостепной экспедицией под руководством М. Е. Фосс. К сожалению, М. Е. Фосс не успела обработать эти материалы. С 1970 по 1973 г. изучение памятников в уроч. Бесец-Белынец проводила Среднеднепровская экспедиция ИА АН СССР под руководством И. И. Артеменко. Большинство стоянок было обнаружено и исследовано именно в эти годы.

Часть неолитического материала была получена при раскопках курганов эпохи бронзы, сооруженных, как уже указывалось, из культурного слоя стоянок. Кроме того, для выяснения стратиграфии характера культурного слоя была произведена шурфовка памятников, в ряде случаев заложены небольшие раскопы и траншеи. В результате в нашем распоряжении имеются материалы со всех неолитических стоянок, расположенных в уроч. Бесец-Белынец.

Стоянка Бесец I расположена напротив дер. Неготино, у оз. Бесец, на мысу боровой террасы, образованном слиянием пойм Десны и ее левобережного притока — Ржанницы. По памятнику проходит проселочная дорога из пос. Ржанница в дер. Неготино. Высота над поймой составляет 4 *м*. На территории стоянки был раскопан курган с погребениями среднеднепровской культуры, насыпанный из ее культурного слоя. В насыпи кургана обнаружена неолитическая керамика, украшенная «лапчатыми» отпечатками (31 фр.) и наклонным гребенчатым штампом (11 фр.) —

[1] *Розенфельдт И. Г.* Стоянки близ с. Неготина Брянской области.— СА, 1974, № 2.
[2] *Артеменко И. И.* Исследования в Брянской области.— АО — 1973. М., 1974, с. 40.
[3] *Смирнов А. С.* Неолитическая стоянка Лунево II.— СА, 1978, № 2.

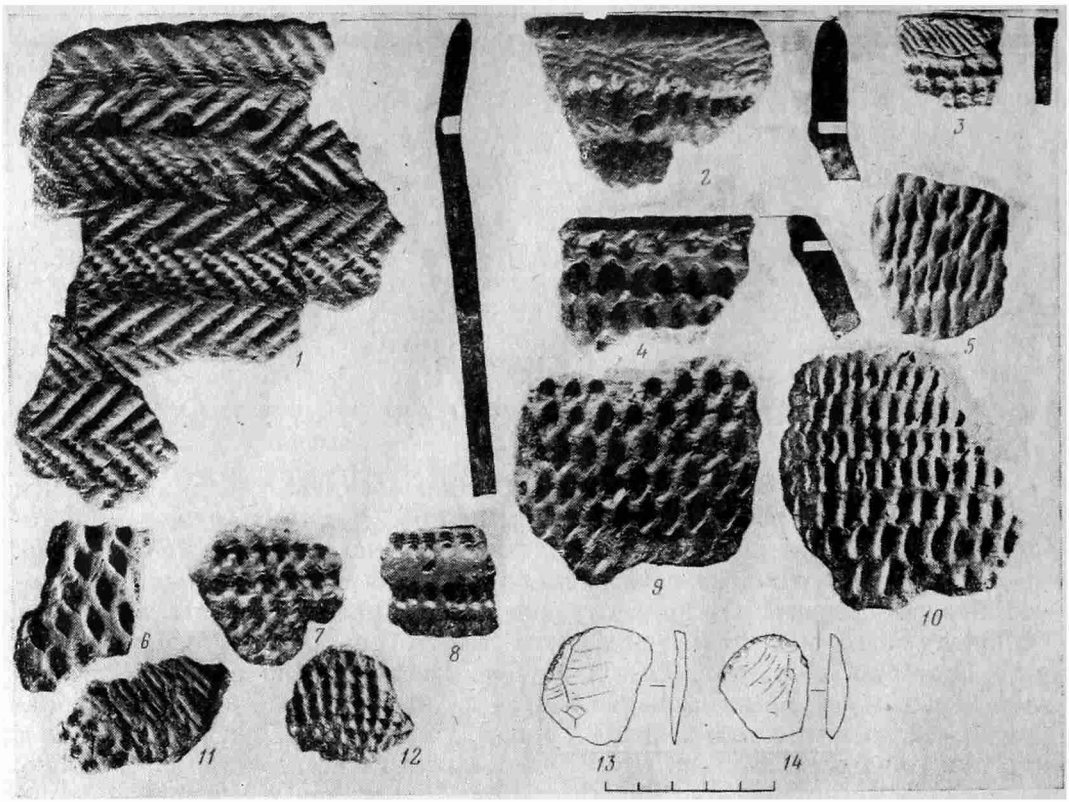


Рис. 1. Керамика и кремень неолитической стоянки Бесец I

рис. 1. Фрагменты, орнаментированные «лапчатым» штампом, имеют, как правило, строчечное расположение орнамента. Обломки керамики принадлежат закрытым сосудам, с шейкой, прямой (рис. 1, *2*) или вогнутой (рис. 1, *1*). Под венчиком обязателен ряд глубоких круглых ямок. Имеется также венчик от сосуда закрытой формы без шейки (рис. 1, *4*) и один фрагмент горшка с прямыми стенками (рис. 1, *3*), орнаментированный неглубокими ямочными вдавлениями, напоминающими отпечатки узелка. Толщина стенок сосудов составляет 0,8—1,0 *см*.

Большая часть стоянки разрушена находившейся здесь усадьбой лесника. Культурный слой сохранился в основном лишь по обрезу коренного берега, где его мощность составляет 0,20—0,25 *м*. Насыщенность находками слабая. В одном из шурфов было обнаружено скопление керамики, насчитывающее 87 фрагментов, принадлежащих одному сосуду. Это остродонный горшок (рис. 2, *1*) с несколько суженными кверху стенками и слегка намеченной вогнутой шейкой. Дно несколько выделено. Вся поверхность орнаментирована ромбовидными вдавлениями, выполненными палочкой, обмотанной веревочкой, нанесенными в шахматном порядке, с округлым, наполовину рубчатым дном. Венчик прямой, прямосрезанный, украшен рядом наклонных отпечатков, выполненных боковой частью гребенчатого штампа. Подобные отпечатки покрывают и обрез венчика, а также заходят на его внутреннюю часть. Под венчиком идет ряд круглых глубоких ямок. Высота сосуда составляет 42 *см* при диаметре венчика 34 *см* и наибольшем диаметре тулова 36 *см*. Толщина стенок — 0,7 *см*. В качестве примеси присутствует песок, кварц. Кроме того, найдено несколько фрагментов, орнаментированных крупным гусеничным штампом, а также отщепы и куски кремня, два невысоких скребка, выполненных на отщепах, с округлым рабочим краем (рис. 1, *13*, *14*).

Стоянка Бесец III расположена напротив дер. Неготино, у оз. Бесец, на склоне боровой террасы, выступающей мысом в пойму, в 200 *м* северо-

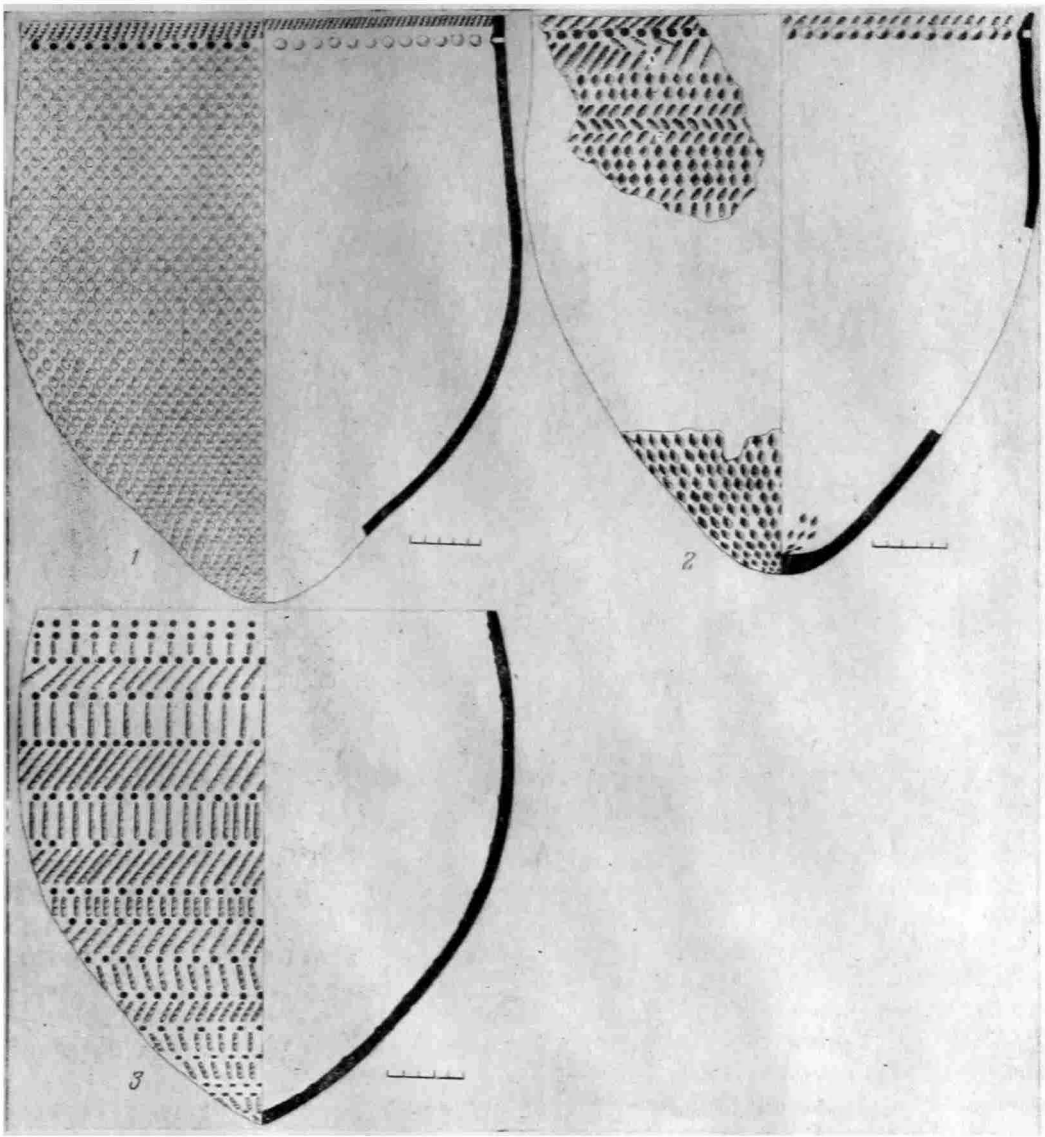


Рис. 2. Сосуды с неолитических стоянок в урочищах Бесец-Белынец
1 — стоянка Бесец I; *2* — стоянка Бесец III; *3* — стоянка Белынец II

восточней стоянки Бесец I. Высота над поймой достигает 7 *м*. На площади памятника расположен курган № 1 курганного могильника бронзового века Бесец III, датируемого второй половиной II тысячелетия до н. э. При исследовании этого кургана был обнаружен развал неолитического остродонного сосуда (рис. 2, *2*) со слегка округлыми боками и нерезко выраженной, чуть вогнутой шейкой. Дно немного уплощено, венчик утончен и слегка отогнут наружу. Орнамент составляют ряды аморфных ромбических вдавлений, скорее напоминающих овалы, с неглубоким округлым дном, чередующихся с рядами вертикального или чуть наклонного гусеничного штампа. Под венчиком идет ряд глубоких круглых ямок. Высота сосуда 39 *см* при диаметре венчика 34 *см* и наибольшем диаметре тулова 36 *см*.

Траншея, заложенная вблизи курганных насыпей, почти не дала неолитического материала. По всей видимости, культурный слой здесь почти полностью уничтожен при сооружении курганов. Он сохранился лишь в северо-восточной, наиболее удаленной от могильника части стоянки, где

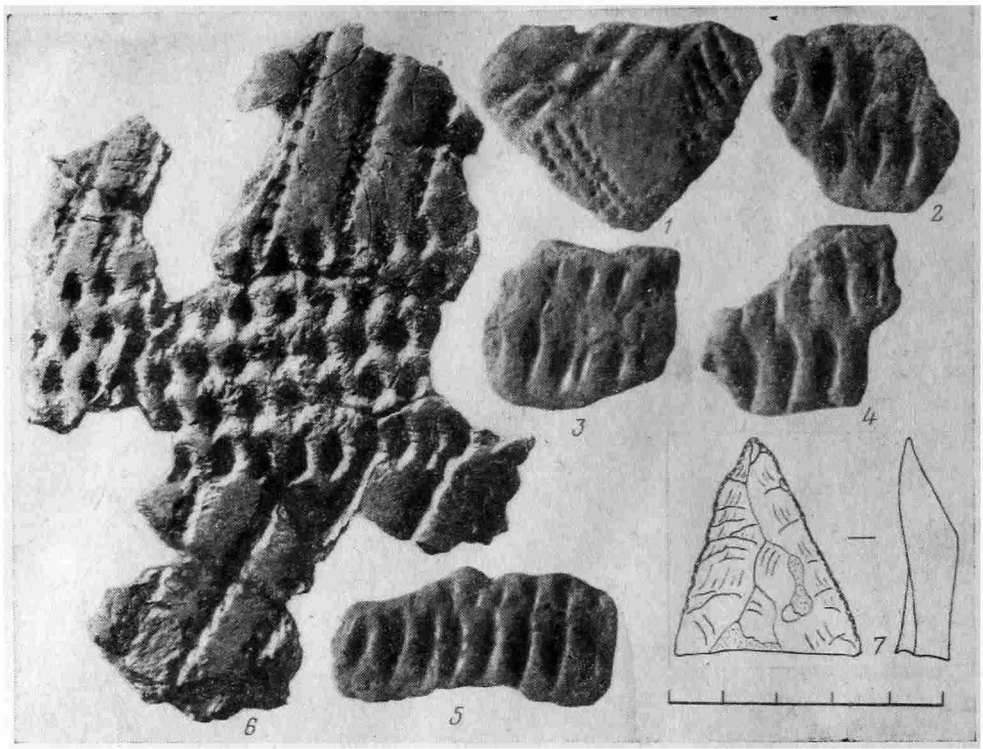


Рис. 3. Керамика и кремень неолитических стоянок Бесец III и Белынец IV

1—5, 7 — стоянка Бесец III; *6* — стоянка Белынец IV

достигает мощности 0,20—0,25 *м*. При шурфовке было обнаружено около 50 фрагментов керамики, орнаментированной рядами вертикально расположенных вытянутых овалов с острым верхним и нижним концом (рис. 3, *2—5*). Несколько фрагментов украшено более мелкими вдавлениями в сочетании с отпечатками мелкозубого гребенчатого штампа, составляющими геометрическую композицию (рис. 3, *1*). Толщина фрагментов — 0,7—0,8 *см*. Кроме того, встречено несколько отщепов кремня и обломок кремневого остроконечника (рис. 3, 7).

Стоянка Белынец II расположена в 3 *км* к юго-востоку от с. Вщиж, в уроч. Белынец, на краю боровой террасы. Превышение над поймой составляет 5—7 *м*. Культурный слой достигает мощности 0,2—0,3 *м*. На площади стоянки расположен курган № 8 Белынецкого могильника эпохи ранней бронзы. В насыпи кургана, состоящего из культурного слоя стоянки, обнаружены фрагменты неолитической керамики, в том числе развал сосуда, который удалось восстановить полностью. Это остродонный горшок (рис. 2, *3*) с выпуклыми боками и несколько сведенными кверху стенками, с прямосрезанным невыделенным венчиком. Высота сосуда 37 *см*, наибольший диаметр тулова 33 *см* при диаметре венчика 30 *см*. Сосуд орнаментирован по всей поверхности горизонтальными лентами, состоящими из вертикальных и наклонных оттисков крупнозубого гребенчатого штампа, разделенных рядами круглых глубоких ямок.

Кроме этого сосуда в насыпи кургана было обнаружено около 80 фрагментов керамики. 30 фрагментов украшены отпечатками «лапчатого» штампа, расположенного в подавляющем большинстве (27 фр.) в строчечном порядке (рис. 4, *7*, *9*, *10*). Судя по венчикам, они принадлежат сосудам закрытой формы (три сосуда) — рис. 4, *2* — и с прямыми стенками (два сосуда). В первом случае венчики вертикальные. Поверху нанесены отпечатки гребенки, либо палочки, обмотанной веревочкой. Подобная орнаментация имеется и на внутренней стороне венчиков. В большинстве случаев под венчиком расположен ряд редких глубоких ямок.

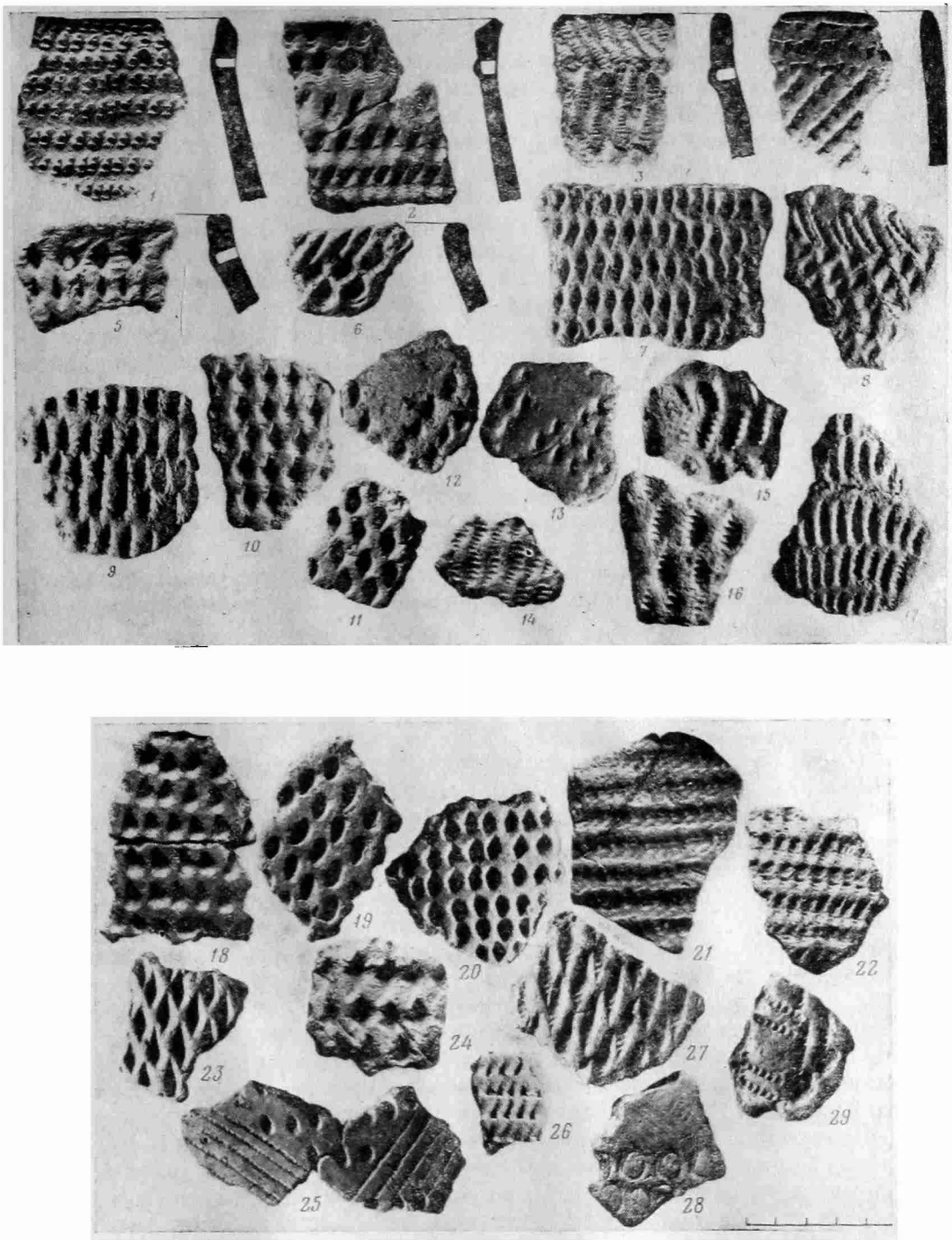


Рис. 4. Керамика неолитической стоянки Белынец II

У одного из сосудов с вертикальными стенками венчик округлый, у второго — косо срезан внутрь. Верх венчика украшен рядом наклонной гребенки, ниже которой находится ряд редких глубоких ямок. Гребенчатый орнамент имеется и на внутренней стороне сосуда.

Один фрагмент украшен «лапчатыми» отпечатками, расположенными в шахматном порядке (рис. 4, *11*). Два фрагмента (рис. 4, *12*, *13*) принадлежат сосудам, орнаментированным не по всей поверхности.

Шесть фрагментов украшены гусеничным штампом, образующим горизонтальные ленты, составленные из вертикальных оттисков (рис. 4, *14*).

Однако в ряде случаев отпечатки расположены под углом друг к другу, как бы елочкой (рис. 4, *15*). Кроме того, в коллекции имеется четыре фрагмента, украшенных палочкой с намотанной на нее веревочкой, которые отличаются от вышеописанных по своему внешнему облику (рис. 4, *21*). Все они принадлежат одному горшку. Неглубокие плоские отпечатки, покрывающие плотно всю поверхность сосуда, придают керамике весьма своеобразный, нарядный вид.

Встречено 12 фрагментов, орнаментированных каплеобразными крупными вдавлениями, имеющими плоское рубчатое дно (рис. 4, *3, 27*), принадлежащих двум сосудам. Один имеет прямые, чуть суживающиеся кверху стенки. Второй — закрытой формы, с невысокой прямой шейкой (рис. 4, *3*). Под венчиком идет ряд глубоких ямок.

Гребенчатым штампом украшено 14 фрагментов. Восемь из них принадлежат одному сосуду, орнаментированному горизонтальными рядами довольно крупного, неглубокого вертикального гребенчатого штампа (рис. 4, *17*). Пять фрагментов украшены различными вариантами гребенчатых отпечатков, в целом повторяющих вышеописанную композицию. Один фрагмент орнаментирован не по всей поверхности. Свободные от орнамента зоны имеют ромбические очертания (рис. 4, *29*).

В коллекции имеются три фрагмента от одного сосуда с отпечатками трезубого штампа (рис. 4, *1*). Это горшок с суживающимися кверху стенками и округлым венчиком. Под венчиком идет ряд редких глубоких ямок. Отпечатки трезубого штампа имеются и на внутренней поверхности сосуда.

Круглоямочный орнамент встречен всего на восьми фрагментах. Ямки двух типов: каплеобразные, остродонные, нанесенные под острым углом к поверхности сосуда (рис. 4, *18, 19*), и овальные, нанесенные под прямым углом к поверхности (рис. 4, *20*). Первые располагаются как в шахматном, так и в строчечном порядке, вторые — только в строчечном.

Ромбический орнамент отмечен на трех черепках; в двух случаях вдавления нанесены в шахматном порядке (рис. 4, *23*), в одном — в строчечном (рис. 4, *24*).

Кроме того, среди неолитической керамики есть несколько фрагментов, отличающихся по орнаментации от общей массы. Они типичны для более южных районов и частью находят себе аналогии в поздних днепро-донецких памятниках Левобережной Украины. Один фрагмент орнаментирован рядами двойных кружочков в сочетании с неорнаментированными зонами (рис. 4, *28*). Свободная поверхность носит следы заглаживания гребенчатым штампом. Второй — обломок венчика (рис. 4, *4*), принадлежащий сосуду закрытой формы, украшенный треугольными наколами, составляющими зоны, заполненные горизонтальными и наклонными рядами. Третий украшен геометрическим орнаментом, выполненным узкой гребенкой, в сочетании с треугольными фестонами, расположенными вершинами вниз, заполненными овальными коническими ямками (рис. 4, *25*). Интересен четвертый фрагмент (рис. 4, *26*), орнаментированный горизонтальными рядами наколов, выполненных палочкой с намотанным на нее шнуром.

Стоянка Белынец IV расположена напротив дер. Вщиж, на краю боровой террасы в уроч. Белынец. Превышение над поймой составляет 8—9 *м*. По территории памятника проходит проселочная дорога из пос. Ржанница в с. Вщиж, а его основная часть занята хвойными посадками. На стоянке заложен небольшой раскоп, в котором обнаружены фрагменты керамики эпохи неолита, бронзы и Киевской Руси. Насыщенность слоя мощностью 0,5—0,6 *м* слабая. Из немногочисленных фрагментов неолитической керамики заслуживают внимание обломки одного сосуда с выпуклыми боками (рис. 3, *6*), орнаментированного широкими горизонтальными поясами, состоящими из пяти рядов «лапчатых» отпечатков, расположенных в строчечном порядке, в сочетании с такими же по ширине лентами,

орнаментированными диагональными полосами, выполненными в отступающей днепро-донецкой технике.

Описание и анализ этой группы стоянок были бы неполными, если бы мы не рассматривали поселение Белынец I. Стоянка расположена в 3 *км* к юго-востоку от с. Вщиж, в уроч. Белынец, на краю боровой террасы. Превышение над уровнем поймы составляет 5—7 *м*. На ее площади располагается Белынецкий курганный могильник среднеднепровской культуры. Стоянка была обнаружена в 1948 г. В. В. Кропоткиным при раскопках могильника [4]. В 1949 г. раскопки курганов были продолжены. Тогда же на стоянке была заложена траншея 32×2 *м* [5]. В 1954 г. во время работ Лесостепной экспедиции под руководством М. Е. Фосс было раскопано еще пять курганов и заложено два раскопа общей площадью 420 $м^2$ [6]. В 1970—1971 гг. курганный могильник исследовался Среднеднепровской экспедицией под руководством И. И. Артеменко [7].

В результате раскопок было выяснено, что стоянка Белынец I является многослойным памятником. Курганы, расположенные на территории стоянки, были насыпаны из культурного слоя неолитического поселения. После сооружения курганов, в эпоху поздней бронзы, жизнь на стоянке возобновилась. Полученный материал позволяет датировать последний этап существования стоянки концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Основная масса неолитического комплекса памятника была получена при исследовании курганов. В раскопках неолитическая керамика практически отсутствовала [8]. Это объясняется тем, что культурный слой эпохи неолита был уничтожен при сооружении курганов и сохранился лишь под насыпями.

Неолитический материал [9] представлен керамикой, кремневыми орудиями и отщепами. Общее количество неолитической керамики со стоянки Белынец I составляет около 400 фрагментов. Основная масса украшена различными видами «лапчатого» штампа (37%). Отпечатки в большинстве случаев (76%) расположены в строчечном, реже (24%) в шахматном порядке. Все фрагменты принадлежат сосудам закрытых форм. Это остродонные горшки с выпуклыми и сведенными кверху стенками, в большинстве случаев без шейки, с невыделенным венчиком. Привлекает внимание один сосуд с утолщенным округлым венчиком и идущим ниже валиком. Венчик и валик покрыты отпечатками палочки, обмотанной веревочкой. Под венчиком и валиком идут ряды глубоких круглых ямок. Пространство между венчиком и валиком, а также равная по ширине горизонтальная полоса под валиком украшена наклонными лентами двойных «лапчатых» отпечатков. Ниже, отделенные третьим рядом круглых ямок, идут «лапчатые» отпечатки, покрывающие в строчечном порядке все тулово сосуда.

Встречены также фрагменты сосудов с шейкой, как с прямой, так и вогнутой. В последнем случае интересен сосуд с несколько утолщенным, округлым, слегка отогнутым наружу венчиком и небольшой вогнутой шейкой. Переход от плечиков к шейке резкий. Под венчиком, по шейке, идет ряд глубоких ямок в сочетании с «лапчатыми» отпечатками. Верх плечиков орнаментирован плотно нанесенными наклонными рядами отступающей палочки, напоминающей мелкозубую гребенку. Все тулово сосуда орнаментировано «лапчатыми» отпечатками, расположенными в строчечном порядке. В одном случае зафиксирован венчик от сосуда с прямыми стенками.

---

[4] *Кропоткин В. В.* Белынецкие курганы и стоянка.— КСИИМК, № 47, 1952, с. 52.

[5] Там же, с. 63.

[6] *Кропоткин В. В.* Новые исследования Белынецких курганов.— КСИИМК, № 75, 1959, с. 104.

[7] *Артеменко И. И.* Белынецкий могильник (раскопки 1970—1971 гг.) — В сб.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.

[8] Коллекция хранится в ГИМ, инв. 96869 (опись 1510).

[9] Коллекция хранится в ГИМ, инв. 82508 (опись 827).

Значительное число керамики орнаментировано ромбическими отпечатками (30%), расположенными в шахматном (69%) и строчечном порядке (29%). В трех случаях ромбический орнамент встречен в сочетании с гребенчатым штампом. Изредка (2%) ромбические отпечатки составляют геометрические композиции, представляющие собой сочетание орнаментированных и свободных от орнамента зон, а также горизонтальных и наклонных лент ромбов. Ромбические отпечатки различны по форме, часто довольно аморфны. Дно вдавлений, как правило, округлой формы. Обломки сосудов принадлежат горшкам с острым дном, выпуклыми боками и сведенными кверху стенками. Встречены сосуды как без шейки, так и с округлой шейкой. Верх венчиков обычно прямо срезан.

На третьем месте фрагменты, орнаментированные гребенчатым штампом (24%). Чаще всего они украшались горизонтальными лентами орнамента, состоящими из вертикальных оттисков гребенки (83%), реже покрывали плотно всю поверхность сосуда (10%), а в ряде случаев (7%) составляли геометрический орнамент (диагональные ленты, состоящие из отпечатков мелкозубого штампа, «горизонтальную» елочку и т. п.). На стенках сосудов имеются отпечатки как широкого, так и узкого гребенчатого штампа. Большинство фрагментов принадлежит закрытым сосудам без шейки, с невыделенным или вертикально отогнутым венчиком. Известен один сосуд с небольшой прямой шейкой.

Круглоямочный орнамент встречен на 4% фрагментов керамики. Остродонные ямки средних размеров расположены в строчечном порядке. Они принадлежат закрытым остродонным сосудам без шейки, с вертикально отогнутым венчиком.

Имеются также фрагменты, орнаментированные гусеничным штампом (3%), расположенным в строчечном порядке. Этим орнаментом украшен лишь один венчик, принадлежащий сосуду закрытой формы без шейки, с вертикально отогнутым, утолщенным, округлым сверху венчиком. Среди фрагментов с прочими элементами орнамента (их насчитывается 2%) встречены отпечатки гладкого овального штампа (6 фр.), глубокие треугольные наколы (1 фр.), а также накольчато-отступающий орнамент (2 фр.).

Если в материалах многослойной стоянки Белынец I выделение комплекса неолитической керамики не представляет особого труда, то вопрос о выделении достоверно неолитического комплекса кремневых орудий более сложен. Несколько облегчает нашу задачу то обстоятельство, что основная масса неолитического материала, как указывалось выше, получена из насыпей среднеднепровских курганов, насыпанных из культурного слоя неолитического времени, что исключает присутствие орудий эпохи поздней бронзы. Скорее всего, основная масса кремневых орудий, содержащихся в насыпях курганов, относится к неолиту. Из общего числа полученных орудий следует исключить те, что имеют аналогии в погребальных комплексах Белынецких курганов или в иных памятниках среднеднепровской культуры.

Так, из 14 наконечников стрел только один, треугольный, с выемкой в основании, можно отнести к эпохе бронзы. Наконечники стрел подобной формы типичны для среднеднепровской культуры [10] и пока не встречены на деснинских неолитических стоянках. Треугольные наконечники с выемкой в основании отмечены на поздненеолитических стоянках Верхнего Поднепровья, например Сосонка, что говорит в данном случае о сосуществовании на этих памятниках поздненеолитического населения с племенами среднеднепровской культуры [11]. Наличие среднеднепровского

---

[10] *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, с. 42, рис. 30, *47*.

[11] *Артеменко И. И.* Неолитическое поселение в урочище Сосонка.— КСИА АН СССР, № 101, 1964, с. 112, 115.

курганного могильника на площади стоянки Белынец I исключает возможность сосуществования здесь разноплеменного населения.

Прочие наконечники можно разделить на несколько типов: листовидные, ромбические, ромбически-черешковые и треугольно-черешковые. Листовидные наконечники представлены четырьмя экземплярами, довольно крупными, 5—6 *см* в длину, двусторонне обработанными по всей поверхности довольно грубой плоской ретушью. Три наконечника имеют приостренную черешковую часть, один — прямосрезанную. Эти экземпляры среди общей массы наконечников выглядят наиболее архаично. Подобные орудия встречены на стоянке Лунево II, расположенной выше по Десне [12]. Известно три экземпляра ромбических наконечников, длина их — 3,5—4 *см*. Все они двусторонне обработаны, ретушь более мелкая, в ряде случаев напоминает «струйчатую». Близкие наконечники стрел имеются в материалах стоянки Витховка [13]. Ромбически-черешковые наконечники представлены двумя экземплярами, обработанными с двух сторон плоской струйчатой ретушью. Черешки широкие, нерезко выраженные, внизу прямо срезанные. Длина наконечников составляет около 4 *см*. Подобные наконечники встречены на уже упоминавшейся стоянке Витховка [14]. Треугольно-черешковый тип наконечников представлен одним экземпляром. Это наконечник длиной 3,5 *см*, обработанный с двух сторон плоской струйчатой ретушью. Черенок составляет примерно половину длины наконечника, хорошо выражен, несколько суживается книзу, с округлым окончанием.

Кремневые ножи делятся на две основные группы — изготовленные на ножевидных пластинах, в том числе хорошо ограненных, с параллельными краями, и на отщепах различной формы. Ножи на хорошо ограненных ножевидных пластинах должны быть отнесены к эпохе бронзы. Они неоднократно встречены на поселениях и в могильниках среднеднепровской культуры [15], в том числе и в Белынецком могильнике [16]. Ножи, изготовленные на более аморфных ножевидных пластинах, также следует датировать бронзовым веком, так как подобные орудия встречены в инвентаре погребений Белынецких курганов [17]. Основную массу ножей на отщепах скорее всего можно датировать неолитическим временем. Подобные орудия широко распространены на неолитических памятниках Подесенья. Сами отщепы довольно крупные, разнообразной формы. Ретушь нанесена лишь по рабочему краю.

Основная масса скребков относится к эпохе неолита. Об этом свидетельствует большое число округлых орудий, скребков, выполненных на высоких удлиненных отщепах, скребков с расширяющейся рабочей частью. Последний, весьма своеобразный тип скребков был неоднократно встречен на деснинских стоянках: Лунево II, Голосок, а также Партизанское IV [18]. Одно подобное орудие обнаружено на стоянке у дер. Сокорево в Смоленской обл.[19] К неолитическому времени необходимо отнести два миниатюрных топорика с округлым лезвием, оформленным вертикальными сколами, и суживающимся округлым обушком. Миниатюрные топорики имеются на стоянках Лунево II, Святое IV, Витховка, Мыс Очкинский [20] и др. Проколки, сверла и прочие подобного рода орудия могут с одинако-

---

[12] *Смирнов А. С.* Неолитическая стоянка Лунево II.

[13] *Розенфельдт И. Г.* Стоянки близ с. Неготино Брянской области, рис. 2, *14*.

[14] Там же, рис. 2, *18*.

[15] *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья, с. 40, рис. 28.

[16] *Артеменко И. И.* Белынецкий могильник..., рис. 2, *1—3*; 3, *3*.

[17] *Кропоткин В. В.* Новые исследования Белынецких курганов, рис. 33, *1*, *2*.

[18] *Артеменко І. І., Смирнов О. С.* Партизаньске — богатошарова пам'ятка на Брянщині,— Археологія, № 23, 1977, рис. 6, *4*.

[19] *Третьяков В. П.* Неолитическое поселение у д. Сокорево в Смоленской области.— СА, 1976, № 2, рис. 2, *20*.

[20] *Розенфельдт И. Г.* Стоянка Мыс Очкинский.— КСИИМК, № 31, 1950, с. 137.

вой долей вероятности быть отнесены как к эпохе неолита, так и к эпохе бронзы.

Интересно отметить в кремневом инвентаре стоянки два орудия мезолитического облика — миниатюрную ножевидную пластину с косо срезанным ретушью краем и высокий асимметричный треугольник. А. А. Формозов в свое время отметил наличие в западных районах в памятниках III—II тысячелетия до н. э. геометрических орудий [21], причем для бассейна Десны этот вывод был сделан именно на основании находки этих двух орудий. В настоящее время эта мысль А. А. Формозова нашла еще одно подтверждение. При раскопках поселения Голосок, датируемого концом неолита — среднеднепровской культурой, обнаружен еще один микролит в виде высокого асимметричного треугольника.

Инвентарь неолитических стоянок, расположенных в урочищах Бесец-Белынец, во многом близок. Ярче всего эта близость проявляется в керамике. На большинстве стоянок основная масса фрагментов орнаментирована «лапчатым» штампом (Бесец I — 76%, Белынец I — 37%, Белынец — II — 41%), причем последний обычно располагается в строчечном порядке. Среди других видов орнамента распространены гребенчатые отпечатки, гладкий штамп, реже гусеничный. На многих стоянках полностью отсутствует или представлен крайне ограниченным числом фрагментов ромбический орнамент. Несколько выделяется в этом отношении стоянка Белынец I, где количество керамики с ромбическим орнаментом достигает 30%. Однако здесь нередко строчечное расположение ромбических вдавлений (29%), в ряде случаев ромбические отпечатки составляют геометрические композиции. Сами вдавления часто аморфные, обычно с округлым дном. Фрагментов с четким ромбическим штампом, имеющим хорошо выраженное пирамидальное дно и расположенным в строгом шахматном порядке, не встречено ни на одной из описанных стоянок.

К числу общих черт, указывающих на сходство керамических комплексов, можно отнести полное отсутствие (Бесец I, Бесец III) или весьма небольшой процент фрагментов (Белынец I — 4%, Белынец II — 1%), орнаментированных круглыми ямками. Это же можно сказать и о керамике с орнаментацией, типичной для днепро-донецкой культуры, хотя находки подобной керамики на деснинских неолитических стоянках не редкость и в ряде случаев весьма значительны. Так, на стоянке Витховка в материалах 1954 г. днепро-донецкая керамика составляет около 30%.

Большое сходство отмечается и в формах сосудов. На всех стоянках это остродонные закрытые горшки с шейкой, прямой или вогнутой, и без нее. Фрагменты венчиков от сосудов с вертикальными стенками единичны и случайны. Обязательным элементом орнамента на сосудах описанных выше памятников является ряд глубоких круглых ямок (как правило, с плоским дном) под венчиком.

Формы целиком восстановленных сосудов могут быть разделены на два типа. Первый — горшки несколько вытянутых пропорций, со слегка выделенным острым дном, округлыми стенками и слабовыраженной шейкой. Сосуды такой формы известны на памятниках лесостепной полосы. Они встречены в Верхнем Поднепровье, на стоянке Сосонка [22], на Верхнем Дону, при раскопках Долговской стоянки [23].

Второй тип сосудов — несколько более приземистые остродонные горшки с выпуклыми стенками, слегка сведенными кверху, и невыделенным

---

[21] *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, с. 99.

[22] *Тюрина И. М.* Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья.— МИА, № 172, 1973, табл. 47, рис. 10, *18*; *Артеменко И. И.* Неолитическое поселение в урочище Сосонка, рис. 34.

[23] *Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны Европейской части СССР— МИА, № 172, 1973, табл. 53, рис. 28; *его же.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону.— МИА, № 131, 1965, рис. 10, *5*.

венчиком. Аналогичный по форме сосуд, н с круглоямочным орнаментом найден на стоянке Лунево II. Подобные горшки чаще встречаются севернее, в лесной полосе. Орнамент на сосуде со стоянки Белынец II также находит аналогии на более северных территориях. Весьма близкие ему аналогии имеются в керамике памятников Балахнинской культуры [24].

Преобладание на всех описанных памятниках керамики, украшенной «лапчатым» штампом, распространение гребенчатого орнамента и других поздних приемов орнаментации при практически полном отсутствии ранних элементов не позволяют говорить о большой древности стоянок. Это подтверждается распространением строчечного, зонального, а в ряде случаев и простейшего геометрического приемов расположения орнамента на сосудах. Общий облик керамики, элементы орнамента, характер их расположения указывают на принадлежность памятников к периоду позднего неолита.

Известное подтверждение этому мы находим и в кремневом инвентаре, хотя здесь можно пользоваться лишь материалами стоянки Белынец I. В этом плане показательна серия кремневых наконечников. Здесь наряду с ранними листовидными и ромбическими формами широко распространены черешковые наконечники. В то же время в Верхнем Подесенье встречены памятники, например Лунево II, где обнаружены лишь бесчерешковые листовидные и ромбовидные наконечники стрел в сочетании с более ранними, нежели в данном случае, типами керамики.

В материалах стоянки Белынец II встречены немногочисленные фрагменты днепро-донецкой керамики, в том числе орнаментированные небольшими двойными кругами (рис. 4, *28*). Подобная керамика имеется в Никольском II могильнике в Надпорожье [25]. Д. Я. Телегин относит этот могильник к рубежу позднего неолита — энеолита и на основании находок раннетрипольского и раннеямного сосудов говорит о существовании памятников днепро-донецкого типа с гребенчато-накольчатой керамикой до середины III тысячелетия до н. э.[26]

В коллекции с той же стоянки Белынец II имеется 12 фрагментов сосудов, орнаментированных каплеобразными вдавлениями с плоским рубчатым дном (рис. 4, *3*). Аналогичная керамика встречена в третьем верхнем слое стратифицированной неолитической стоянки Долгое на Верхнем Дону, в соседстве с керамикой эпохи бронзы. Неолитическая керамика верхнего горизонта Долговской стоянки датируется концом III — началом II тысячелетия до н. э.[27] Однако в отношении этой даты для стоянки Белынец II необходимо уточнение. На стоянке находится курган № 8 Белынецкого могильника, насыпанный одним из первых в курганной группе, а наиболее ранняя группа погребений Белынецкого могильника датируется концом III — началом II тысячелетия до н. э.[28]

Таким образом, мы можем датировать стоянку Белынец II и сходные с ней позднеолитические стоянки в урочищах Бесец-Белынец серединой — второй половиной III тысячелетия до н. э. Это согласуется с датировкой стоянки Белынец I, предложенной В. В. Кропоткиным,— вторая половина III тысячелетия до н. э.[29] При подобной датировке стоянок

---

[24] *Халиков А. Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья.— МИА, № 172, 1973, табл. 22, рис. 5, *16*; *его же.* Неолитические памятники в Казанском Поволжье.— МИА, № 61, 1958, с. 15, рис. 4, *7*.

[25] *Третьяков В. П.* Неолит Верхнего Поднепровья и его отношение к днепро-донецкой культуре.— СА, 1975, № 2, рис. 2, *1*.

[26] *Телегин Д. Я.* Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье.— КСИА АН УССР, № 11, 1961, с. 26.

[27] *Левенок В. П.* Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону, рис. 18, *11*, с. 242, 245.

[28] *Артеменко И. И.* Белынецкий могильник..., с. 174, 175.

[29] *Кропоткин В. В.* Белынецкие курганы и стоянка, с. 64.

становится объяснимым практически полное отсутствие, за редким исключением, днепро-донецкой керамики на памятниках. В первой половине III тысячелетия до н. э. днепро-донецкая неолитическая культура в Среднем Поднепровье прекратила свое существование. Ее территорию в это время занимают племена среднестоговской и частично трипольской культур [30].

Необходимо оговориться, что датировка всех описанных выше стоянок серединой — второй половиной III тысячелетия до н. э. отнюдь не предполагает их полной синхронности. Столь значительная концентрация населения вряд ли была возможна; скорее всего мы имеем дело с разновременными стоянками, существовавшими в различные периоды позднего неолита.

A. S. Smirnov

THE NEOLITHIC SITES IN THE LOCALITY BESETZ-BELYNETZ

Summary

The article is devoted to the publication of materials of 5 neolithic sites from the locality called Besets-Belynets in Zhukovski district of Bryansk region. All sites are situated at the left bank of Desna river at the edge of the first terrace. These materials come partly from excavations of Bronze Age barrows, formed of removed neolithic cultural deposit; partly from small excavations of neolithic sites. The pottery from these sites can be dated to late neolithic, middle — second half of the IIId millenium B. C.

---

[30] *Телегин Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, с. 110; *его же.* О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии.— СА, 1971, № 2, с. 30.

И. Б. ВАСИЛЬЕВ, А. Д. ПРЯХИН

БЕСКУРГАННЫЙ АБАШЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК У НИКИФОРОВСКОГО ЛЕСНИЧЕСТВА В ОРЕНБУРЖЬЕ

Уральская абашевская культура, памятники которой первоначально были выявлены и осмыслены К. В. Сальниковым [1], в результате полевых исследований последнего времени (отметим особенно работы В. С. Горбунова) оказалась достаточно полно исследованной культурой с точки зрения и бытовых, и погребальных памятников [2]. Очертились пределы распространения памятников абашевской культурно-исторической общности в лесостепи — от восточных лесостепных районов Куйбышевского Заволжья на западе до р. Тобол на востоке, уточнилась хронология абашевских древностей на Южном Урале, более четко обозначились этнографические признаки материальной культуры этого населения.

Первостепенное значение имело исследование так называемых периферийных памятников уральской абашевской культуры, что позволило наметить пути к пониманию соотношения этой культуры как с другими абашевскими культурами (доно-волжской и средневолжской), так и с другими скотоводческими культурно-историческими образованиями Волжско-Уральского исторического региона (особенно с носителями срубной и алакульской культурно-исторических общностей). В этом плане трудно переоценить значение раскопок последних двух лет. (Синташтинских могильников и близрасположенного поселения на юге Челябинской обл.), проведенных под общим руководством В. Ф. Генинга [3]. Несопоставимо более скромные, но в то же время довольно существенные результаты получены за последние годы Средневолжской археологической экспедицией. Одним из наиболее примечательных итогов работы экспедиции явилось вскрытие бескурганного Никифоровского могильника на юго-западной границе этой культуры (раскопки 1975 и 1976 гг. под руководством авторов статьи).

Могильник расположен на правом берегу р. Самары вблизи от пос. Никифоровское лесничество Бузулукского р-на Оренбургской обл. Он расположен на небольшой дюне длиной около 100 *м*, шириной около 60 *м*, высотой около 1 *м*, являющейся южным ответвлением большого дюнного поля. Южная часть дюны разрушена выветриваниями, северная сохранилась хорошо.

---

[1] *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 18—146.

[2] *Горбунов В. С.* Могильники уральской абашевской культуры в Южной Башкирии.— В сб.: Проблемы археологии Урала и Поволжья. Куйбышев, 1976, с. 54—56; *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. -Воронеж, 1976, с. 88—115; *Васильев И. Б.* Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья.— В сб.: Из истории Среднего Поволжья и Приуралья, вып. V. Куйбышев, 1975, с. 3—13.

[3] *Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И.* Могильник эпохи бронзы на р. Синташта.— АО — 1974. М., 1975, с. 144—147; *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника).— В сб.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции), ч. I. Киев, 1975.

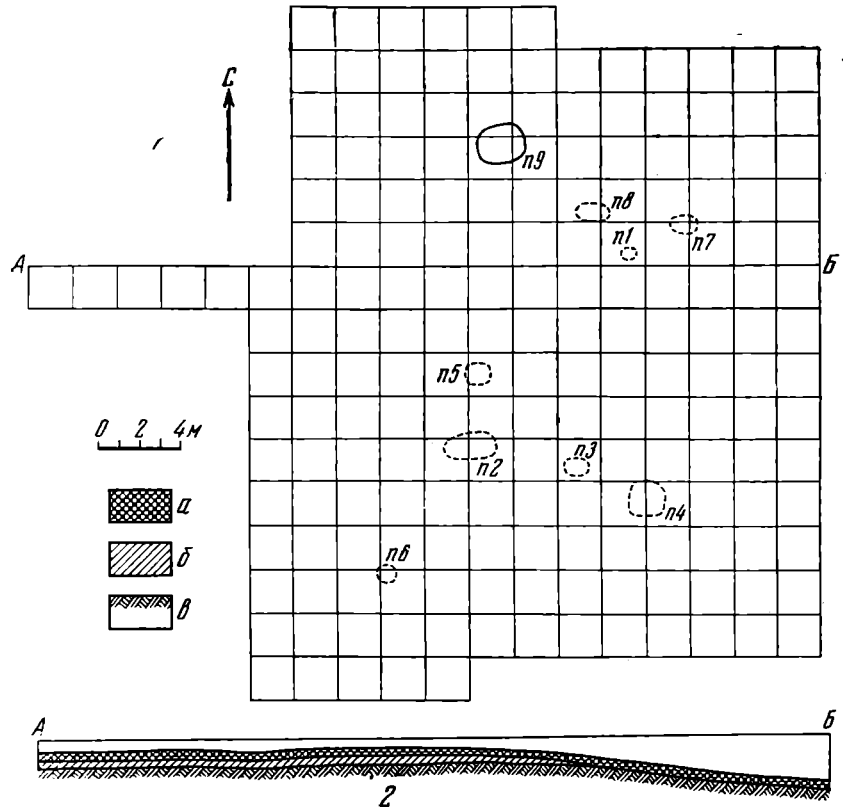


Рис. 1. План (*1*) и профиль (*2*) раскопа (*а* — темно-серый песок, *б* — светло-серый песок, *в* — желтый песок)

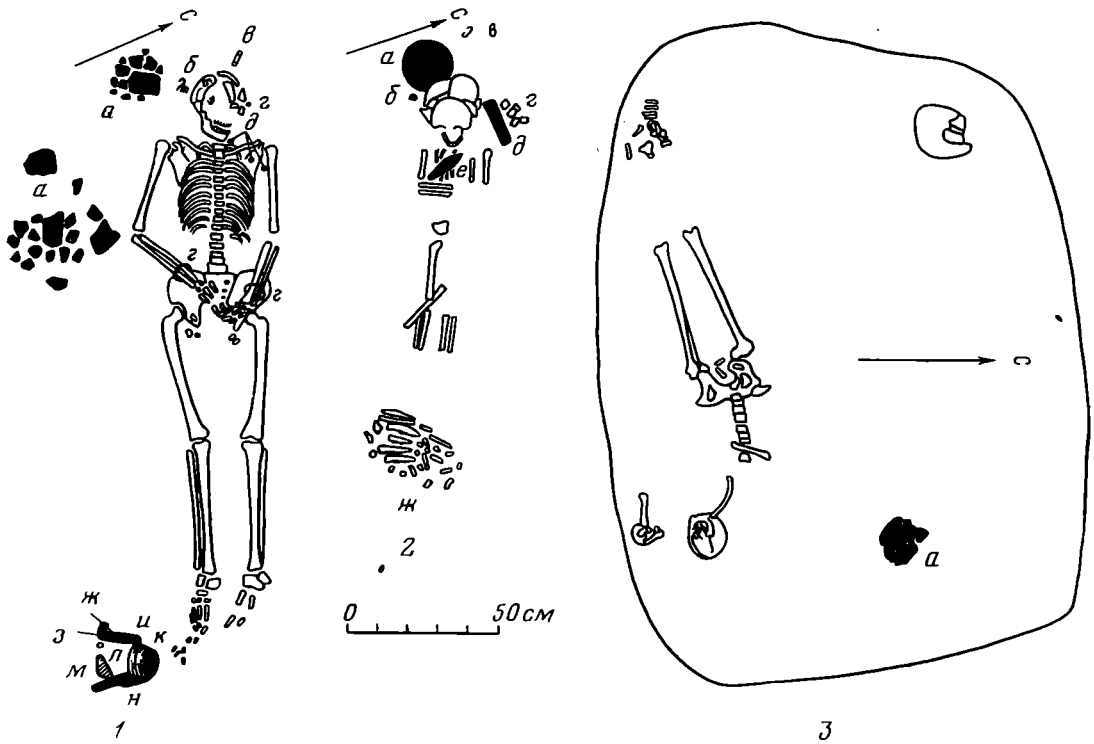


Рис. 2. Планы погребений: *1* — погр. 2 (*а* — сосуд № 1, *б* — проволочки, *в* — пронизка, *г*, *д* — подвески, *е* — браслеты, *ж* — пробойник, *з* — шило, *и* — ножны, *к* — сосуд № 2, *л* — обоймочка, *м* — галька, *н* — нож-кинжал); *2* — погр. 7 (*а* — сосуд, *б* — колечко, *в* — скобка, *г* — астрагалы, *д* — топор-тесло, *е* — нож, *ж* — кости животных); *3* — погр. 9 (*а* — сосуд)

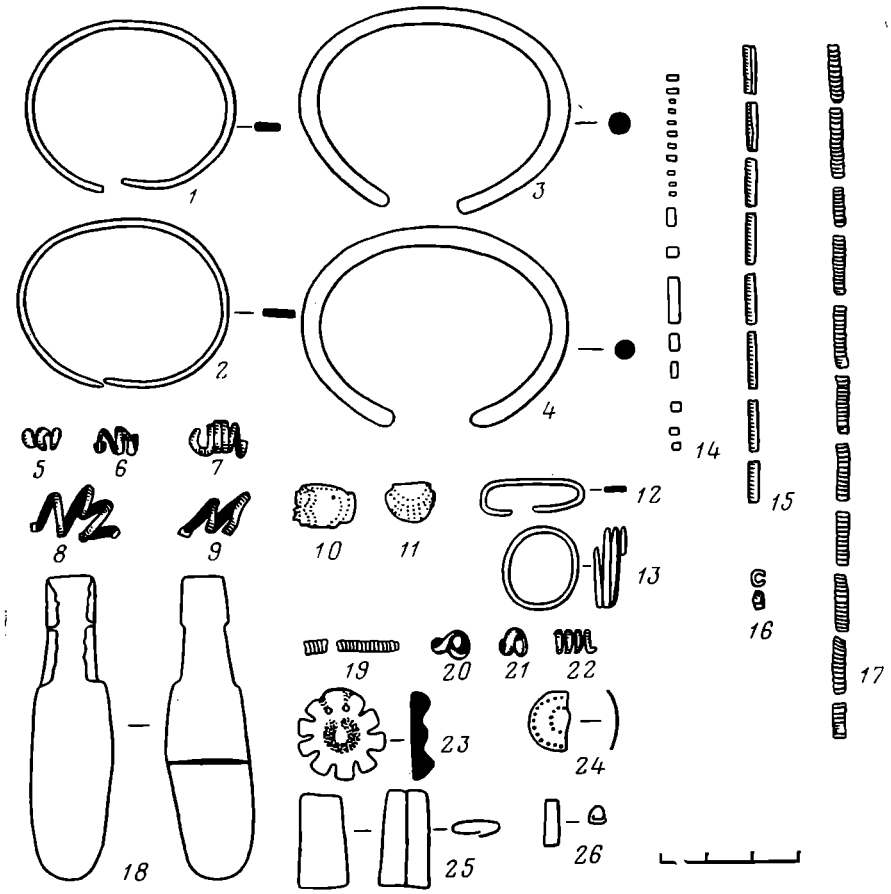


Рис. 3. Медные и серебряные (*14*) украшения из могильника: *1*, *2* — погр. 1; *5*, *9* — погр. 2; *3*, *4*, *14—17* — погр. 3; *10*, *11* — погр. 6; *12*, *13* — погр. 7; *18—26* — подъемный материал

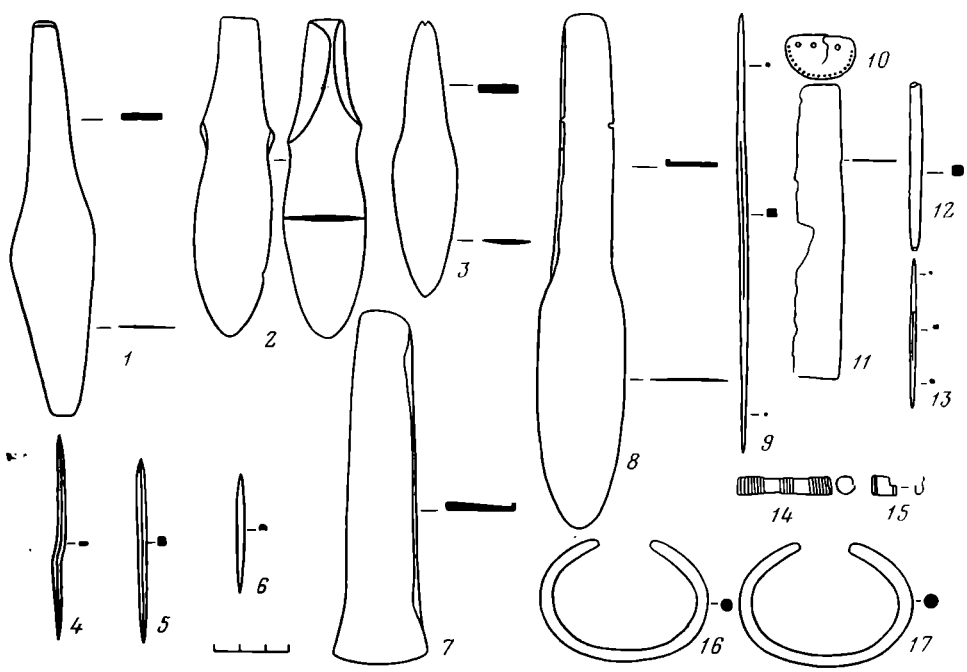


Рис. 4. Медные предметы из могильника: *1*, *3*, *5* — подъемный материал; *8—17* — погр. 2; *4* — погр. 4; *6* — погр. 6; *2*, *7* — погр. 7

На дюне заложен раскоп общей площадью 772 *м*^{2} (рис. 1). Стратиграфия в ненарушенной ее части следующая: 0—30 *см* — перепаханный гумусированный слой темно-серого песка; 30—60 *см* — слабогумусированный слой светло-серого песка; ниже 60 *см* — песок. В южной части площади дюны над слоем песка отмечен лишь тонкий (до 10 *см*) слой слабогумусированного светло-серого песка. На вскрытой площади обнаружено девять погребений, располагавшихся двумя группами. Кроме исследованных в могильнике, видимо, было еще несколько погребений на развеянной части дюны, где на поверхности встречались человеческие кости, керамика и другие находки абашевского времени. Сохранившаяся площадь бескурганного могильника исследована полностью, погребения располагались как бы двумя группами.

В одну группу входили погребения 1,7—9. Погребение 1 детское. Оно оказалось почти полностью разрушенным. На глубине 0,20—0,25 *м* от современной поверхности (1,2—1,25 *м* от нулевой отметки) обнаружено несколько косточек ребенка, скопление альчиков и астрагалов животного. В погребении найдены медные браслеты, шило, обломки сосуда, пронизки и орнаментированная пластинчатая бляшка. Браслеты (рис. 3, *1*, *2*) прямоугольные в сечении, имеют смыкающиеся слабо сужающиеся концы. Шило прямоугольное в сечении, с заостренными концами; пронизки сделаны из тонкой пластинки с рифлением на краях.

Погребение 7 детское (рис. 2, *2*). Захоронение совершено на глубине 0,2—0,25 *м* от современной поверхности дюны (1,2—1,25 *м* от нулевой отметки). Костяк, видимо, лежал на спине, головой на запад — северо-запад. Ноги погребенного вытянуты (?), правая рука согнута в локте. У головы найдены обломки плохо сохранившегося сосуда с примесью ракушки в тесте, бронзовая скобка, которая, видимо, использовалась для скрепления горшка (рис. 3, *12*), и многовитковое проволочное колечко (рис. 3, *13*). Кроме того, здесь найдены металлический нож, плоский топор-тесло и несколько астрагалов животного. Втульчатый нож с перехватом в абашевских древностях ранее не встречался (рис. 4, *2*). Что же касается плоского топора-тесла, то он, хотя типологически отличается от других плоских абашевских топоров с параллельными боковыми гранями и прямым с закругленными углами обухом (по Б. Г. Тихонову) [4] или удлиненных плоских топоров-тесел с расширенной пяткой (по Е. Н. Черных) [5], тем не менее нового, более позднего типологического ряда не открывает. Сделан он из обломка пластинчатого изделия (рис. 4, *7*) [6].

В 40 *см* к востоку от ног погребенного, на 0,25 *м* выше его костей, лежали нижние челюсти барана, альчики и другие кости, в древности, вероятно, положенные на краю могильной ямы.

Погребение 8 взрослого человека. Оно почти полностью разрушено. Погребение отмечено на глубине 0,3—0,4 *м* от поверхности дюны (1,3—1,4 *м* от нулевой отметки). Здесь найдены несколько лежавших в беспорядке костей человека и обломков колоколовидного сосуда, орнаментированного зигзагом, горизонтальными желобками, прерывающимися рядами боковых вдавлений и резной елочкой (рис. 5, *7*).

Погребение 9 коллективное, парное (рис. 2, *3*). Захоронение совершено в прямоугольной могильной яме размером 210×155 *см*, углубленной в материк на 45 *см*. Могильная яма длинной осью ориентирована по линии ВСВ—ЗЮЗ. Относительно хорошо сохранился костяк взрослого человека. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на восток — северо-восток, руки на тазе. Череп несколько смещен и перевернут. От другого скелета найден только череп, лежавший у северо-западного угла

[4] *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, № 90, 1960, с. 66.

[5] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 62.

[6] *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности, с. 133.

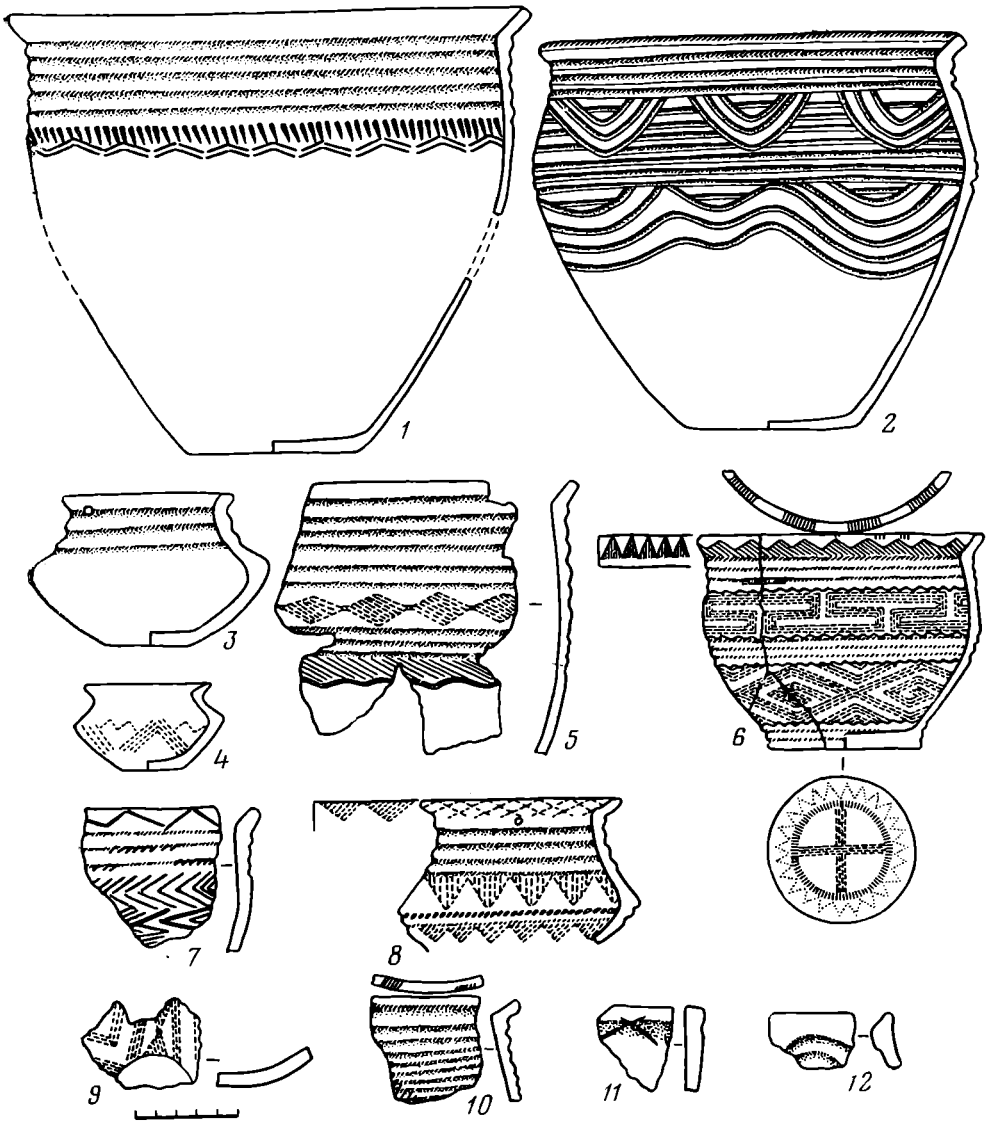


Рис. 5. Керамика из могильника: *1*, *3* — погр. 2; *2* — погр. 9; *4* — погр. 3; *6* — погр. 5; *7* — погр. 8; *11* — погр. 6; *5*, *8* — *10*, *12* — подъемный материал

могильной ямы. Погребенных сопровождал плоскодонный горшковидный сосуд, имевший ребро в верхней части, украшенный сочетанием горизонтальных линий, волны и полуфестонов (рис. 5, *2*).

Вторую группу составляли погребения 2—6. Из них погр. 6, возможно, принадлежало еще одной несохранившейся группе захоронений.

Погребение 2 взрослого человека (рис. 2, *1*). Погребенный лежал на глубине 0,2—0,3 *м* от поверхности (1,2—1,3 *м* от нулевой отметки), уже почти в слое песка. Очертания могильной ямы не прослеживались. Погребенный был положен на спину, головой на запад — северо-запад. Ноги вытянуты, руки чуть согнуты в локтях и положены на таз. Справа от черепа и у правого локтя двумя скоплениями находились обломки одного крупного колоколовидного сосуда, украшенного в верхней части целой серией горизонтальных прочерченных линий, одним рядом боковых вдавлений и двойным зигзагом (рис. 5, *1*). На костях рук обнаружено по одному браслету (рис. 4, *16*, *17*). Браслеты в сечении округлые, концы их притуплены. Вокруг головы и под черепом отмечены находки маленьких многовитковых желобчатых подвесок (рис. 5, *5*—*7*), маленьких

желобчатых подвесок в 1,5 оборота, пластинчатой пронизки с поперечным рифлением (рис. 4, *14*) и обломков проволоки для скрепления изделия (рис. 4, *7, 8*). В ногах погребенного найдены следующие вещи: маленький остроребериый сосудик (рис. 5, *3*), нож-кинжал (рис. 4, *8*), небольшой кусок гальки, пробойник (рис. 4, *11*) и длинное шило (рис. 4, *9*), лежавшее, очевидно, в футляре. От футляра сохранилась медная пластинка-обкладка (рис. 4, *11*), орнаментированная пластинчатая нашивная бляшка (рис. 4, *10*) и тлен кожи. Рядом лежала маленькая медная обоймочка (рис. 4, *15*). Из перечисленных изделий для абашевских древностей, пожалуй, наиболее редкой находкой является нож-кинжал, изготовленный из обломка пластинчатого орудия труда.

Погребение 3 детское. На глубине 0,3 *м* от поверхности (1,3 *м* от нулевой отметки) в песке найдены остатки скелета ребенка. В анатомическом порядке находились только кости ног. Если судить по ним, погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад (?). Примерно около головы стоял миниатюрный остроребериый сосудик (рис. 5, *4*). Также около головы и у груди на разном уровне и в беспорядке найдены многочисленные пластинчатые и проволочные пронизки, обоймочки, обломки желобчатых подвесок (рис. 3, *14—17*). Скопление металлических бусин и обоймочек обнаружено чуть ниже колен. Здесь же найдены два округлых в сечении браслета с несомкнутыми притупленными концами (рис. 3, *3, 4*).

Погребение 4 взрослого человека. На глубине 0,2—0,3 *м* от поверхности дюны (1,2—1,3 *м* от нулевой отметки) найдены лежавшие в беспорядке несколько костей человека, обломки сосуда с примесью ракушки в тесте и обоюдоострое шило (рис. 4, *4*).

Погребение 5 детское. На глубине 0,2—0,3 *м* от поверхности (1,2—1,3 *м* от нулевой отметки) обнаружено несколько лежащих в беспорядке костей младенца. Около головы стоял богато орнаментированный горшок (рис. 5, *6*). Венчик у сосуда резко отогнут наружу. С внутренней стороны венчика — ребро. Днище довольно массивное, с прямым переходом от основания к стенке и едва намечающимся поддоном. Сосуд лопнул еще в древности и скреплен металлической скобкой. Орнамент покрывает не только всю внешнюю поверхность, но и основание днища, верхний срез и внутреннюю часть венчика. Вся внешняя поверхность сосуда разделена глубокими желобками на четыре орнаментальные зоны, заполненные сложным узором, выполненным мелкозубчатым штампом в виде ромбов, заштрихованных треугольников, меандра, зигзага, прерывающихся рядов вдавлений. Орнамент на дне горшка состоит из многолучевой композиции, внутри которой помещены круговой ряд насечек и крестообразный знак. На внутренней стороне сосуда есть орнаментация из заштрихованных, нанесенных мелкозубчатым штампом треугольников.

К северу от костей ног, на том же уровне найдено скопление костей животных: две ноги какого-то маленького парнокопытного (козы?), челюсть барана и др.

Погребение 6 оказалось почти полностью разрушенным. Здесь примерно на том же уровне, что и в остальных погребениях, т. е. на глубине 0,2—0,3 *м* от поверхности (1,2—1,3 *м* от нулевой отметки) найдено скопление костей ног животных, в том числе и копыта, две орнаментированные плоские бляшки (рис. 3, *10, 11*), пластинчатая с рифлением пронизка, шило (рис. 4, *6*) и несколько фрагментов баночного сосуда с массивным верхом, украшенного горизонтальными прочерченными линиями (рис. 5, *11*). Костей человека нет.

Подведем некоторые итоги. Сразу же бросается в глаза, что в расположении сохранившихся могил удается выделить ряды, ориентированные по линии ЮВ—СЗ. Таких рядов, надо думать, было три, причем от одного ряда сохранилось лишь погребение 6 (см. рис. 1). Отметим, что распо-

ложение могил рядами характерно для населения всех абашевских культур — уральской, средневолжской и доно-волжской.

Сами могильные ямы чаще всего ориентированы по линии восток—запад. В их оформлении совершенно не применялся камень, что довольно характерно для могильников уральской абашевской культуры, особенно абашевских могильников бассейна р. Демы. Специфической особенностью прослеженного здесь погребального обряда было почти полное отсутствие следов культа огня, чем этот могильник более всего сближается с рядом могильников доно-волжской абашевской культуры и отличается от могильников средневолжского абашева, где они встречаются почти повсеместно [7].

Для Никифоровского могильника можно считать характерным вытянутое на спине положение погребенных, что отмечается и в ряде других могильников уральской абашевской культуры. Эта традиция отлична от наиболее распространенного в Среднем Поволжье положения погребенных на спине, с согнутыми в коленях ногами. Одиночные же захоронения с положением костяка вытянуто на спине для Среднего Поволжья являются исключением [8]. Там вытянутое на спине положение костяков чаще встречается в ранних для того района коллективных абашевских захоронениях [9]. В то же время эта традиция находит параллели в доноволжской абашевской культуре, где более чем в половине случаев у погребенных на спине ноги вытянуты [10].

От средневолжских абашевских захоронений отличается и ориентировка погребенных в Никифоровском могильнике: в средневолжских захоронениях преобладает юго-восточная ориентировка [11], а в Никифоровском могильнике — западная или северо-западная. Такого рода ориентировка сравнительно часто отмечается в погребениях доно-волжской и уральской абашевских культур.

Помимо вещей из погребений на развеиваемой части дюны были собраны орудия труда, украшения, керамика, кости человеческих скелетов и кости животных. Среди металлических орудий труда есть два ножа. Один из них (рис. 4, *1*) имеет горбатую спинку. Такого рода ножи распространены преимущественно в памятниках уральской абашевской культуры [12]. Другой нож (рис. 4, *3*) близок небольшой группе абашевских ножей, типологически занимающих промежуточное положение между двулезвийными черенковыми ножами с заостренной пяткой и ножами с притупленной пяткой. В подъемной коллекции есть одно квадратное в сечении обоюдоострое шило (рис. 4, *5*), две миниатюрные кремневые ножевидные пластинки и костяной предмет, по форме напоминающий пряслице. Много характерных для абашевских древностей металлических украшений: целая серия многовитковых проволочных (рис. 3, *19*, *22*) и пластинчатых пронизок (рис. 3, *25*, *26*), маленькие желобчатые подвески в 1,5 оборота (рис. 3, *20, 21*), одна многолепестковидная бляшка — розетка (рис. 3, *23*), обломок орнаментированной пластинчатой бляшки (рис. 3, *24*). Здесь же оказалась в общем не характерная для абашевцев металлическая накладка с загнутыми краями (рис. 3, *18*).

---

[7] *Мерперт Н. Я.* Абашевские курганы Северной Чувашии.— МИА, № 97, 1961, с. 147—149; *Халиков А. Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР.— МИА, № 97, 1961, с. 211; *Крайнов Д. А.* Кухмарский курганный могильник.— КСИА АН СССР, № 88, 1962, с. 57, 62; *Евтюхова О. Н.* К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры.— МИА, № 97, 1961, с. 32, 33.

[8] *Мерперт Н. Я.* Ук. соч., с. 151; *Халиков А. Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР, с. 211; *Евтюхова О. Н.* Ук. соч., с. 28.

[9] *Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М.* Пепкинский курган.— Труды Марийской археологической экспедиции, т. III. Йошкар-Ола, 1966.

[10] *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.

[11] *Евтюхова О. Н.* Ук. соч., с. 29.

[12] *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности, с. 143, рис. 27, *15—17*.

В подъемной коллекции собралась значительная керамическая серия (рис. 5, *5, 8, 9, 10, 12*). В восьми случаях удалось определить форму сосудов. Два из них — орнаментированные маленькие остроребериые сосудики (рис. 5, *8*), один колоколовидный горшок (рис. 5, *10*), четыре колоколовидные банки и одна банка с массивным верхом. Как в подъемной коллекции, так и в погребениях не оказалось нарядно орнаментированных колоколовидных чаш, относительно часто встречающихся в целом ряде памятников средневолжской и уральской абашевской культур (особенно на поздних из них) и почти полностью отсутствующих в памятниках доно-волжской абашевской культуры.

По общему облику материальной культуры Никифоровский могильник, бесспорно, должен быть отнесен к кругу могильников уральской абашевской культуры. Характерный для этой культуры облик имеет не только керамика, но и весь инвентарь. Особенно характерные именно для уральской абашевской культуры плоские топоры-тесла, маленькие многовитковые желобчатые подвески, металлические бусинки и некоторые другие изделия. Перед нами пока самый западный из известных к настоящему времени могильников этой культуры.

I. B. Vasilyev, A. D. Pryahin

THE GROUND CEMETERY OF THE ABASHEVO CULTURE NEAR NIKIFOROVSKOE FORESTRY IN ORENBURG REGION

Summary

The Abashevo culture in the Ural region for long time has been characterized only by settlement materials. Now a series of barrow cemeteries is known. The only ground cemetery of this culture was investigated in 1975—1976 near Nikiforovskoe forestry in Orenburg region. Nine burials were excavated. The skeletons were stretched on their back, heads to the west and north-west. Abundant grave furniture includes pottery and a number of copper artifacts, especially ornaments. The specific interest of the cemetery is its extreme western position for the Abashevo culture of the Ural region. Data, obtained from Nikiforovskoe cemetery are wery helpful to decide how the culture was formed. A number of common traits links the cemetery with the funeral sites of the Abashevo culture in Volga-Don region.

В. Г. КОТИГОРОШКО

КУРГАН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III в. н. э. У с. БРАТОВО

Памятники первой половины I тысячелетия н. э. на территории Закарпатской области УССР до настоящего времени составляли небольшую группу древностей. Главным образом они представлены случайными находками и погребениями, открытыми во время проведения земляных работ на рубеже XIX—XX вв.[1]

Так, в 1885 г. между г. Свалявой и с. Нелепино местными жителями найдены меч, умбон, четыре наконечника копий[2]. Из этих предметов меч и два наконечника ритуально согнуты, что дает возможность отнести находки к инвентарю погребений.

В 1891 г. при проведении земляных работ возле с. Арданово Иршавского р-на были разрушены погребения. Обнаруженный погребальный инвентарь вошел в коллекцию местного археолога Т. Легоцкого[3]: три меча, умбон, пять наконечников копий, рукоятка щита, три ножа, три шпоры, фибула, пряжка, кольцо.

Позднее, обрабатывая материалы, относящиеся к первой половине I тысячелетия н. э. на территории западноукраинских земель, М. Ю. Смишко классифицировал погребения, открытые у Свалявы и Арданово, как пшеворские[4] и отнес их ко второй половине II в. н. э.[5]

К предметам вооружения, характерным для первых веков нашей эры, принадлежат и случайные находки из околиц с. Становo Мукачевского р-на (меч, два наконечника копий и наконечник стрелы)[6], а также наконечник копья из с. Смологовица Иршавского р-на[7].

Богатое женское погребение, совершенное по обряду трупоположения, обнаружено в 1896 г. в песчаном карьере возле с. Косино Береговского р-на[8]. Сопровождающий инвентарь состоял из бус, бронзового зеркальца, пряслица, двух серебряных пряжек, стеклянного кубка, кувшина, большой серебряной двупластинчатой фибулы[9]. Одна из позднейших вещей погребения — фибула датируется А. К. Амброзом второй половиной V в. н. э.[10] При этом исследователь отмечает, что район распространения подобных массивных серебряных фибул совпадает с границами государства Аттилы (с центром на Тисе и среднем Дунае)[11].

---

[1] *Jankovich J. M.* Podkarpatská Rus v prehistorii. Mukačevo, 1931, S. 60, 61, fig. X—XI, XVI, *5—10.*

[2] Ibid., fig. X, *20—24.*

[3] *Lehoczky T.* Adatok hazánk archaeologiájához, t. II. Munkács, 1912, abr. XII—XIII.

[4] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани першої половины I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960, с. 6.

[5] *Смішко М. Ю.* Племена пшеворської культури.— В сб.: Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ, 1976, с. 31.

[6] *Jankovich J. M.* Op. cit., fig. X, *25—28.*

[7] Ibid., fig. X, *29.*

[8] *Lehoczky T.* Op. cit., 77—81 old.

[9] Ibid., ábr. XXXIII—XXXV.

[10] *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, вып. Д1-30. М., 1966, с 88.

[11] Там же.

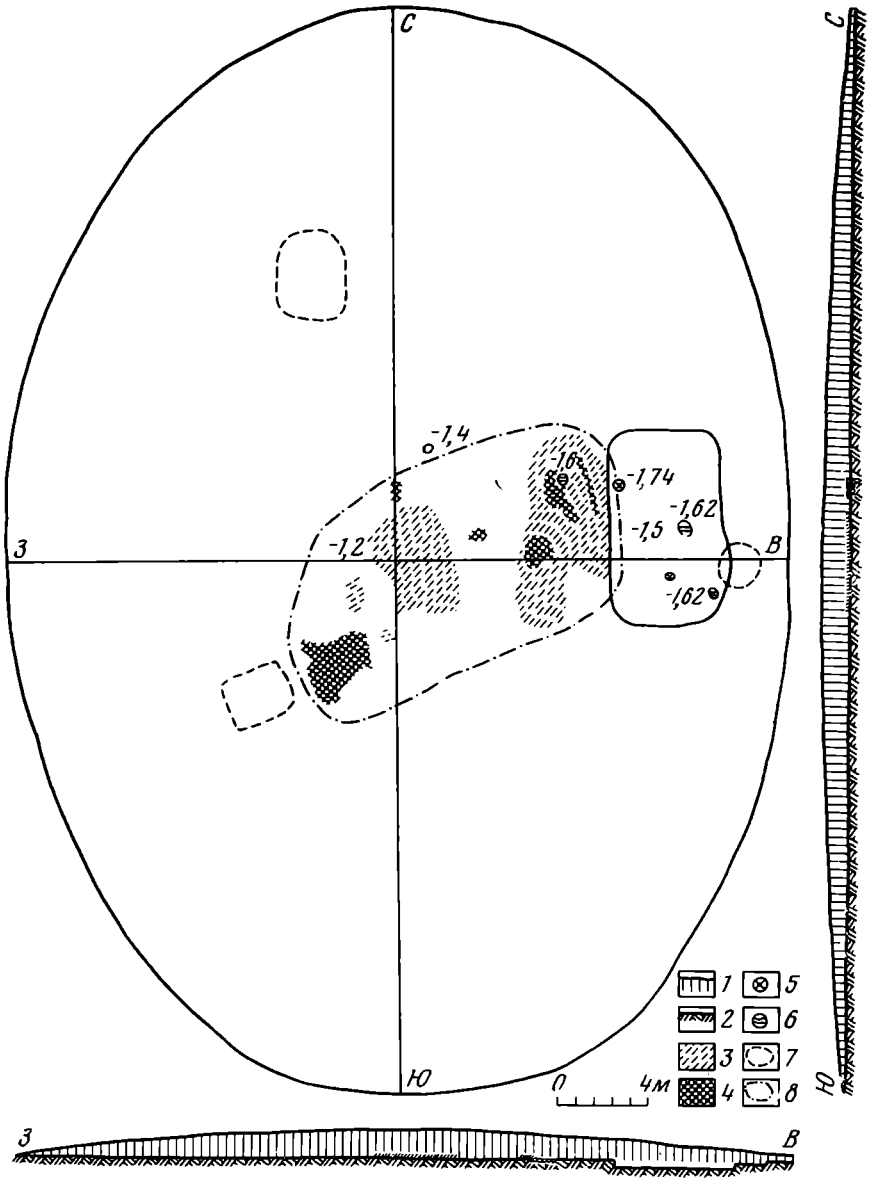


Рис. 1. План и профиля кургана у с. Братово. *1* — насыпь; *2* — материк; *3* — скопление угля; *4* — прожженные участки; *5* — урна; *6* — захоронение в ямке; *7* — шурфы кладоискателей; *8* — границы кострища

В послевоенные годы в Закарпатье были начаты стационарные раскопки на курганных могильниках возле с. Иза Хустского р-на [12], причисленных исследователем М. Ю. Смишко к группе памятников культуры карпатских курганов [13].

Полученные при исследовании материалы дали возможность провести культурно-хронологическую характеристику изских могильников, заложив тем самым основу для дальнейшего изучения памятников первой половины I тысячелетия на территории Закарпатья.

Таким образом, данные, которыми мы располагали по истории населения Закарпатья в римское время, были более чем скромными. Суще-

[12] *Смішко М. Ю.* Два курганні могильники в околицях с. Ізи, Закарпатської області.— АП, т. III, 1952, с. 315—336.

[13] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани, с. 77—80, 115, 116.

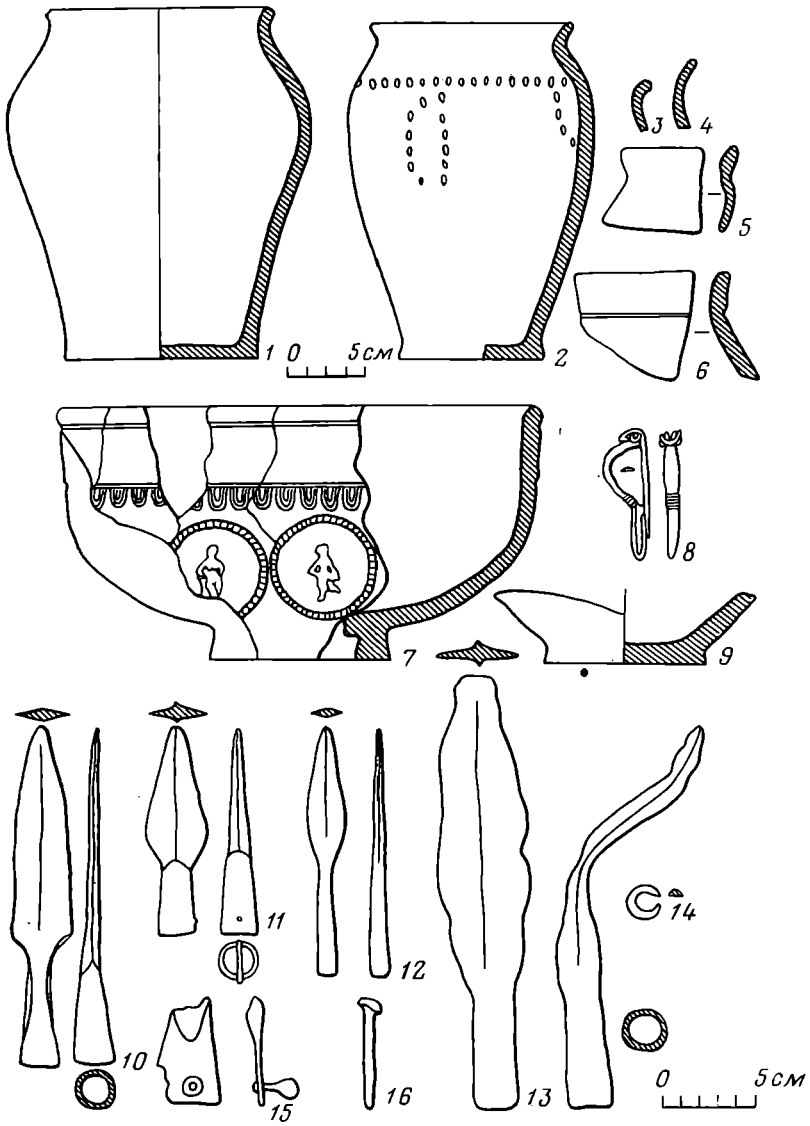


Рис. 2. Погребальный инвентарь Братовского кургана. *1—2* — урны; *3—6*, *9* — керамика; *7* — ваза; *8* — фибула; *10—13* — наконечники; *14* — железное кольцо; *15* — фрагмент рукоятки щита; *16* — гвоздь

ственно изменилась картина за последние 4 года, т. е. со времени начала интенсивной работы археологической экспедиции Ужгородского университета в зонах строительства мелиоративных систем. За это время к ранее известным древностям первой половины I тысячелетия н. э. добавилось еще 30 памятников, на большей части которых проводились стационарные раскопки. Кроме того, в 1976 г. было завершено исследование могильника III в. н. э. у с. Иза [14].

Среди открытых памятников особый интерес вызывает группа из четырех курганов (юго-западная околица с. Братово Виноградовского р-на), расположенная на левобережье р. Ботар (левый приток р. Тисы). Раскопки проводились на самом большом кургане, находившемся в 400 *м* к западу от основной группы, снивелированной при выравнивании полей.

С курганом у местных жителей связана легенда о захоронении турецкого воина с конем и богатством. Во время исследования памятника были прослежены три шурфа кладоискателей (рис. 1).

[14] *Котигорошко В. Г.* Исследование памятников I тысячелетия н. э. на территории Закарпатья.— АО — 1976. М., 1977.

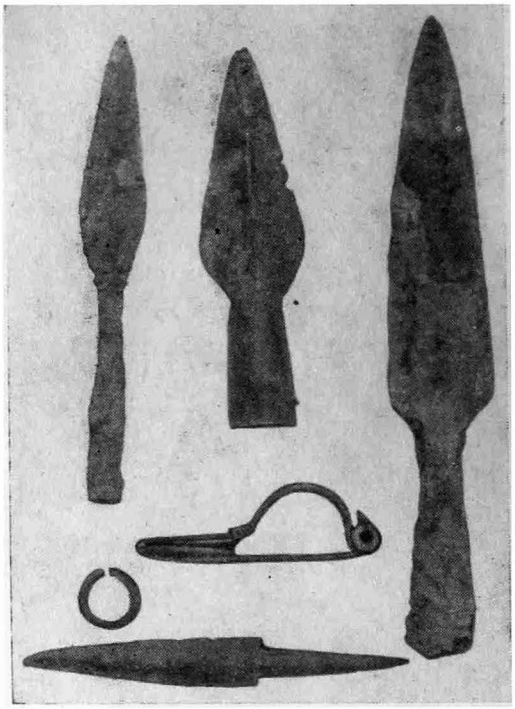


Рис. 3. Погребальный инвентарь Братовского кургана

Местные жители курган называют Голотдомб (холм мертвых). Он расположен в 1,5 *км* к юго-западу от села, с левой стороны дороги Дяково—Петрово. Рельеф местности слабоволнистый. Высота кургана до начала наших раскопок достигала 1 *м*. Его форма — овальная, размер 42×34 *м* (рис. 1). Насыпь возведена из грунта, взятого рядом с западным и юго-западным краем кургана. В насыпи встречались неолитическая керамика, обсидиановые и кремневые отщепы. Идентичный материал обнаружен и в выбросе дренажной траншеи, проложенной через впадину у южного края кургана.

После снятия насыпи на глубине 1,2 *м* от ее вершины в центральной части подкурганной площади проявилось огромное кострище, вытянутое с запада на восток. Мощность угольного слоя в отдельных местах достигала 10—13 *см*. Участки обожженного до красного цвета грунта четко выступали на площади 15,2×9,2 *м*. Здесь же встречались обломки керамической посуды, частично со вторичным обжигом, оплавленные кусочки бронзы, а также отдельные кальцинированные кости (рис. 2, *3*, *5*, *9*).

После проведения тщательной зачистки в восточной части подкурганной площади выявлена погребальная яма. В плане она прямоугольной формы, ориентирована по сторонам света. Размеры ямы 8,8×4,8 *м*. Стенки до 0,3 *м* отвесно врезаны в материк. Внутри ямы находились две урны и две ямки с остатками трупосожжения. Первая урна стояла в восточной части углубления, изготовлена ручным способом из глиняного теста с примесью шамота. Цвет светло-коричневый, обжиг неравномерный, средний. Плавно отогнутый венчик переходит в высоко приподнятые плечики, тулово овальное, днище профилировано. Высота урны 33, диаметр венчика 20, днища — 15 *см* (рис. 2, *2*).

Рядом с урной лежал наконечник стрелы (рис. 2, *12*; 3) длиной 12,7 *см*, нож с прямой спинкой длиной 14,3 *см* и железное кольцо диаметром 1,8 *см* (рис. 2, *14*; рис. 3).

Вторая урна находилась в 3,8 *м* к северо-западу от первой возле стенки погребальной ямы (рис. 1). Она стояла в круглой ямке (диаметр 0,5 *м*) глубиной 0,24 *м*. Как и первая, вторая урна представляет собой лепной горшок. Изготовлена из теста с примесью шамота и мелкой гальки. Цвет желтоватый. Обжиг неравномерный, средний. Венчик урны короткий, слегка отогнут. Тулово выпуклое, с наибольшим расширением в верхней трети сосуда. Высота урны 36, диаметр венчика 23, днища — 20 *см* (рис. 2, *1*).

Кроме урны в ямку были помещены предметы вооружения воина: 1) наконечник копья с кинжаловидным пером; длина наконечника 17,4, диаметр втулки 1,9 *см* (рис. 2, *10*; 3); 2) наконечник копья с широким листовидным пером и втулкой со шпонкой; длина наконечника 10,6, диаметр втулки 1,9 *см* (рис. 2, *11*; 3); 3) фрагмент рукоятки щита с трапециевидным концом и заклепкой (рис. 2, *15*; 4); 4) умбон с цилиндри-

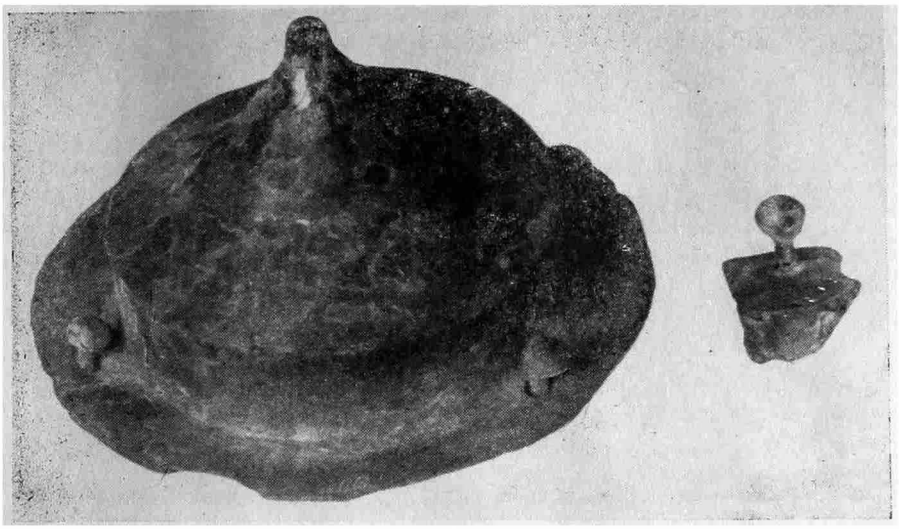


Рис. 4. Умбон и фрагмент рукоятки щита из Братово

ческой центральной частью, плавно сужающейся к короткой верхушке; пола тремя заклепками крепилась к щиту; диаметр умбона 14,5, высота 8 *см* (рис. 5, *12*; 4); 5) нож с чуть выделенной спинкой, длиной 11 *см* (рис. 3; 5, *2*); 6) железный стержень, прямоугольный в сечении, длиной 7,4 *см* (рис. 5, *19*).

Все описанные выше вещи благодаря окалине, образовавшейся при их пребывании в пламени костра, имеют хорошую сохранность без признаков коррозии.

Между двумя урнами, чуть к востоку, находилась овальная в плане ямка размером 0,7×0,5 и глубиной 0,12 *м*. Тщательно перебранные кальцинированные кости, помещенные в ней, сверху были прикрыты грудой сильно корродированных вещей, в числе которых: 1) деформированный умбон с цилиндрической центральной частью, конически сужающейся к высокой верхушке; высота умбона 12 *см* (рис. 5, *7*); 2) фрагмент рукоятки щита с трапециевидным концом и двумя параллельными ободками по ее краю (рис. 5, *10*); 3) изогнутый наконечник копья с листовидным пером; длина наконечника 23, диаметр втулки 2 *см* (рис. 2, *13*); 4) две пары пружинных ножниц с обломанными лезвиями (рис. 5, *8, 9, 13*); 5) ножевидной формы предмет с изогнутой рукояткой и обломанным концом (рис. 5, *3*); 6) фрагменты двух пар шпор с асимметричными дужками и крючками под шипами; дужки на концах имеют полукруглые шишечки, в сечении трехгранные (рис. 5, *6*, *14—17*); 7) ключ крючковидной формы с кольцом на конце ручки. Изготовлен из круглого в сечении железного прута; длина ключа 15,5 *см* (рис. 5, *5*); 8) часть железной арбалетовидной фибулы с головной кнопкой и сломаной ножкой (рис. 5, *21*); 9) фрагмент бронзовой поделки, круглой в сечении (рис. 5, *18*).

Следующее захоронение находилось в юго-восточном углу погребальной ямы. Тщательно перебранные кальцинированные кости были уложены в ямку овальной в плане формы, размером 0,5×0,3 глубиной 0,12 *м*. Возле ямки лежала железная одночленная фибула с привязным приемником и узкой ножкой. Корпус в сечении полукруглый. Длина фибулы 6,7 *см* (рис. 2, *8*). Рядом с ней обнаружен фрагмент бронзовой поделки крючковидной формы, в сечении прямоугольной (рис. 5, *20*).

При разборке заполнения ямы, состоящего из глины, перемешанной с углем, обнаружены железный гвоздь (рис. 2, *16*) и фрагменты сосуда типа «terra sigillata», из которых удалось реконструировать вазу. По ее краю идет венчик в виде валика, затем горизонтальный желобок,

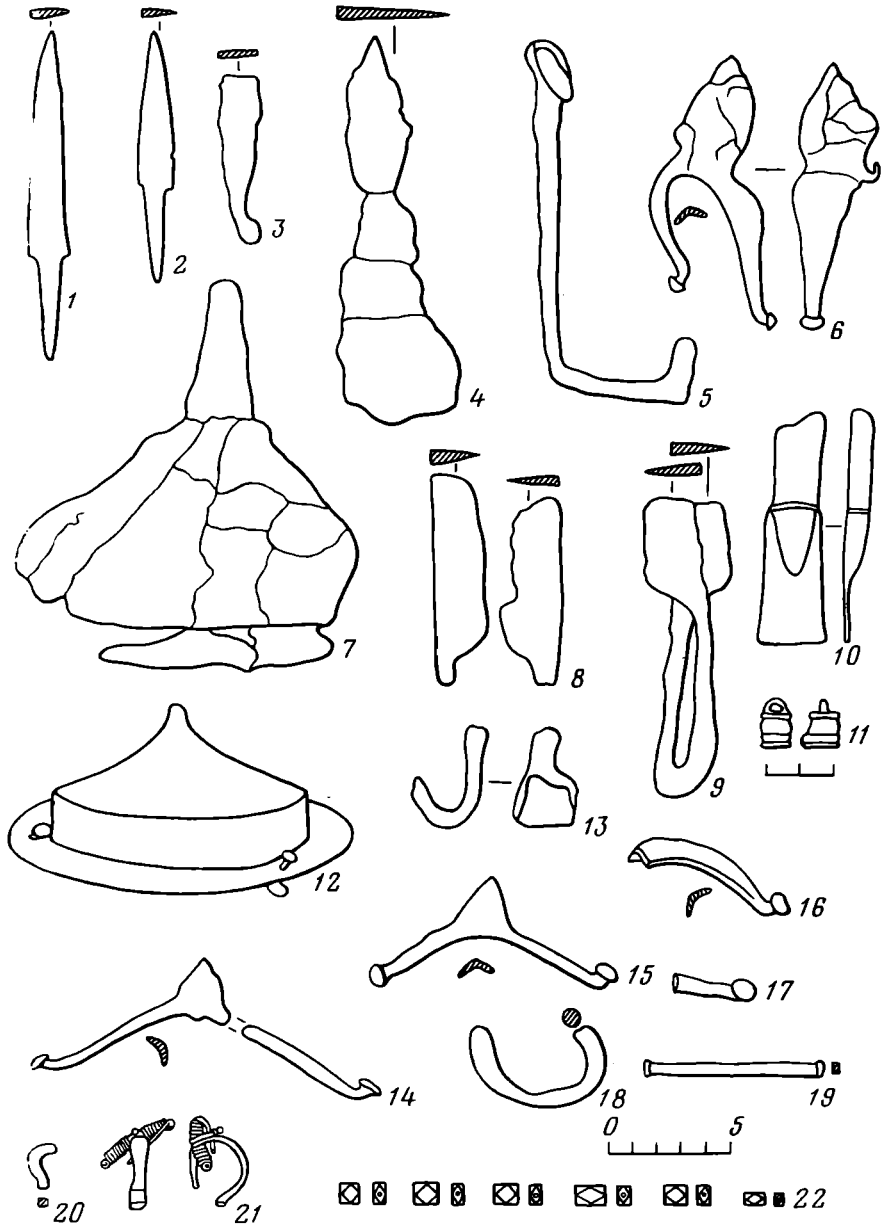


Рис. 5. Погребальный инвентарь Братовского кургана. *1, 2, 4* — ножи; *3* — ножевидный предмет; *5* — ключ; *6, 14—17* — шпоры; *7, 12* — умбоны; *8, 9, 13* — ножницы; *10* — фрагмент рукоятки щита; *11* — подвеска-«ведерко»; *18, 20* — бронзовые предметы; *19* — железный стержень; *21* — фибула; *22* — сердоликовые бусы

под которым гладкий фриз, отделенный от фриза из ов еще одним желобком. Ниже расположен фриз с медальонами типа Dragendorff 37. На одном из них изображена стоящая обнаженная женщина, правой рукой опирающаяся на неясный предмет (Венера?), на другом нечеткая фигура человека (рис. 2, 7). Высота вазы 13, диаметр венчика 24, днища 9, высота ножки 1,6 *см*. Изготовлена из хорошо отмученного теста без видимых примесей. Цвет красноватый. Часть фрагментов со следами вторичного обжига.

В 1,8 *м* к западу от погребальной ямы зафиксирована округлая ямка диаметром 0,45 и глубиной 0,4 *м*. Поверх тщательно перебранных кальцинированных костей, заполнявших ямку, лежал согнутый в три раза

массивный нож с широким лезвием и обломанным черенком. Длина сохранившегося клинка в развернутом состоянии 16,5 *см* (рис. 5, *4*).

Кроме ножа при разборке костей обнаружено шесть 12-гранных сердоликовых бус, приобретших под воздействием высокой температуры погребального костра серый цвет (рис. 5, *22*).

В этом же захоронении находилась и маленькая ведеркообразная подвеска с выделенным бочком и краями. Ее высота равнялась 1,4, а диаметр — 0,8 *см* (рис. 5, *11*).

Еще одна ямка округлой в плане формы, диаметром 0,5 *м* и глубиной 0,2 *м*, выявлена в 4,7 *м* к северо-западу от последнего захоронения (рис. 1). В ее заполнении находилось несколько мелких фрагментов лепной керамики и небольшое количество угля.

Подводя итоги рассмотренному материалу, с учетом антропологического анализа [15], мы можем сказать, что под курганной насыпью были погребены останки пяти трупов. Четыре захоронены в погребальной яме, из них два конных воина, о чем свидетельствует двойной набор сопровождающего инвентаря (два умбона, две рукоятки щитов, две пары ножниц, две пары шпор). Пятое захоронение, вне погребальной ямы, судя по сопровождающему инвентарю (бусы, подвеска), принадлежало женщине.

Для хронологического определения кургана первостепенное значение имеет вещественный материал, представленный более 30 наименованиями. Незначительную группу составляет керамика. Кроме двух урн и вазы типа «terra sigillata» на подкурганной площади обнаружено около 20 обломков от 5—6 сосудов (рис. 2, *3—6, 9*). Из них следует отметить фрагмент лепной миски с отогнутым на внешнюю сторону венчиком и четко выделенным плечиком (рис. 2, *5*), имеющий аналогии в материалах с поселения II—III вв. н. э. в Педере [16].

Урна 1 имеет ближайшие аналогии среди керамической коллекции черняховского поселения Бовшев II [17]. Орнаментация урны в виде пояска пальцевых вдавлений по тулову в римское время встречается на дакийской посуде [18]. Для Верхнего Потисья подобный декор, покрывающий стенки сосуда, характерен для горшков и мисок пшеворского типа [19].

Горшки с коротким, слегка отогнутым венчиком, выпуклым туловом и высоко приподнятыми покатыми плечиками, подобные урне 2 (рис. 2, *1*), хорошо известны по могильнику III в. н. э. у с. Иза Закарпатской области [20].

Наиболее интересной находкой является ваза (рис. 2, *7*). Это пока единственный сосуд типа «terra sigillata», выявленный на территории Закарпатья. По аналогии с вазой из Brigetia он датируется первой половиной III в. н. э.[21] Целые вазы этого типа найдены на поселении Штәрово [22] и могильнике Очков [23] в юго-западной Словакии. Т. Коль-

---

[15] Антропологический анализ проведен на кафедре нормальной анатомии Ужгородского университета доцентом М. И. Шевчуком.

[16] *Lamiova-Schmiedlova M.* Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Südosslowakei.— SLA, v. XVII-2, 1969, S. 424, Abb. 17, *2*.

[17] *Баран В. Д.* До питання про підгрунтя черняхівської культури.— В сб.: Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976, рис. 5, *1*.

[18] *Моринц С.* Новый облик дакийской культуры в римскую эпоху.— Dacia, v. V, 1961, рис. 6, *2*.

[19] *Lamiova-Schmiedlova M.* Op. cit., S. 464, Abb. 38, *1*; *Budinsky-Krička V.* Sidlisko z doby rimskej a stan národov v Prešove.— SA, v. XI—1, 1963, Tabl. VI, *10, 11*.

[20] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани..., с. 99, 100, табл. XVIII, *11*.

[21] *Fichler F.* Nachleze zu den Sigillaten aus Brigetio in Wien.— Dissertationes Pannonicae. Ser. 2, № 10. Budapest, 1938, S. 154.

[22] *Kolnik T.* Prehlad a stav badania a dobe rimskej a stahovani narodov.— SA, v. XIX-2, 1971, obr. 6.

[23] *Křižek F.* Nove nalezy terry sigillaty na Slovensku.— SA, v. XIV-1, 1966, s. 111, obr. 3.

ник относит подобные вазы к изделиям паннонского мастера Резаты [24]. Из Паннонии эти вазы проникали на территорию Верхнего Потисья и в другие части Карпатской котловины.

К предметам экипировки воина-всадника, извлеченным из Братовского кургана, как отмечалось выше, относятся наконечники копий, стрелы, умбоны, рукоятки щитов и шпоры.

Наконечники копий с листовидным пером и продольным рубцом (рис. 2, *11*, *13*) встречаются среди оружия пшеворских погребений Прикарпатья (Добростан, Перепельник) [25]. Датируются эти погребения первой половиной III в. н. э.[26] Появление подобных наконечников, изготовленных по позднекельтским образцам [27], в римское время связывают с кельтским ренессансом, начавшимся в конце II — начале III в. н. э.[28].

Втульчатые наконечники с лавровидным пером и ромбическим сечением (рис. 2, *12*) появляются в латенский период и существуют довольно продолжительное время, встречаясь и в лангобардских захоронениях VI в. н. э.[29]

Рукоятки щитов с трапециевидными окончаниями представлены двумя экземплярами (рис. 2, *15*; 5, *10*; 4). Появление подобных рукояток М. Ян относит к началу III в. н. э., отмечая их длительное существование [30]. Они встречаются в пшеворских погребениях позднеримского времени [31]. Для этих же погребений характерны и умбоны с цилиндрической основой, конически сужающейся к длинной или короткой верхушке [32] (рис. 5, *7*, *12*).

Аналогичные нашим умбоны западнобалтской культуры известны в ранней стадии позднеримского периода [33].

Шпоры с асимметричными дужками, заканчивающиеся полукруглыми шишечками и крючком под массивным шипом (рис. 5, *6*, *14—17*), являются типичными находками для пшеворских погребений Польши [34] и Западной Украины [35]. Наиболее ранние шпоры подобного типа К. Годловский относит к раннему миграционному периоду (фаза B_2) [36]. В свою очередь М. Ян отмечает появление шпор с крючками в начале III в. н. э., считая, что в более раннее время они не известны [37]. На соседней с нами территории Словакии и Прикарпатья аналогичные шпоры в основном бытуют в комплексах первой половины III в. н. э.[38]

Фибулы из Братово представлены двумя экземплярами. Первая — одночленная фибула с подвязным приемником и узкой ножкой имеет полные аналогии среди материалов могильников в Опатове [39] и Очкове [40]. Находка обломков «terra sigillata» вместе с одночленными фи-

---

[24] *Kolnik T.* Op. cit., S. 509.

[25] *Smisko M.* Kultury wcesnego okresu epoki cesarstwa rymskiego w Malopolsa Wschodniej. Lwow, 1932, s. 81, Tabl. II, *1*, *4—5*.

[26] *Смішко М. Ю.* Племена пшеворської культури, с. 31

[27] *Filip I.* Keltové ve stredni Europe. Praha, 1956, tabl. LXVI, *16*; XCIX, *5*; CII, *9*.

[28] *Щукин М. Б.* Черняховская культура и явление кельтского ренессанса.— КСИА АН СССР, № 133, 1973, с. 20, 21.

[29] *Bona I.* Die langobarden in Ungarn.— AAH, VII, *1—4*, 1956, S. 243, Abb. 16, *1—7*.

[30] *Jahn M.* Die Bewaffnung der Germanen. Würzburg, 1916, S. 192.

[31] *Smisko M.* Op. cit., S. 92, tabl. II, *12*.

[32] Ibid., S. 80, tabl. II, *10*, *14*.

[33] *Qodlowski K.* The chronology of the Late Romanand early Migrations periods in Central Europe. Krakow, 1970, p. 102, pl. X, *16*.

[34] Ibid., p. 6, 7, pl. 2, *a*, *i*.

[35] *Smisko M.* Op. cit., tabl. II, *13*.

[36] *Qodlowski K.* Op. cit., p. 7, pl. 2.

[37] *Jahn M.* Der Reitersporn, seine Entstehung und Früheste Entwicklung. Leipzig, 1921, S. 58, 61.

[38] *Kolnik T.* K typologii a chronologii niektorych spon.— SLA, v. XIII-1, 1965, S. 193, 194, obr. 6, *6*; *Смішко М. Ю.* Племена пшеворської культури, с. 31.

[39] *Qodlowski K.* Ук. соч., pl. II, *6*.

[40] *Kolnik T.* K typologii..., obr. 12, *3*.

булами в погребении 222 из Очкова позволила Т. Кольнику отнести время их появления в Словакии к концу II — началу III в. н. э.[41] Наибольшее количество фибул подобной конструкции обнаружено в грунтовом могильнике Костелец на Гане (79 экз.) [42]. В Закарпатье 9 экз. аналогичных фибул извлечено из могильника III в. н. э. у с. Иза [43].

Проникновение одночленных фибул с привязным приемником в северо-восточную часть Карпатской котловины А. К. Амброз связывает с появлением на этой территории пшеворских форм керамики и оружия [44].

Вторая фибула арбалетовидной формы с головной кнопкой. Ее корпус крепится к пружине не как обычно у фибул подобной конструкции — сверху вниз, а снизу вверх (рис. 5, *21*). Сохранившаяся часть фибулы напоминает арбалетные фибулы с привязным приемником, довольно часто встречающиеся в памятниках черняховской культуры [45].

К хозяйственно-бытовым вещам Братовского кургана относятся ключ крючковидной формы (рис. 5, *5*), ножницы (рис. 5, *8, 9, 15*) и гвоздь (рис. 2, *16*). Подобные ключи совместно с якоревидными хорошо известны по памятникам I—IV вв. н. э. на территории Восточной Европы [46]. Аналогичный ключ обнаружен в кургане Изского могильника [47]. Помещение ключей, предназначенных для запирания жилищ, в могилы являлось символом связи между покойником и их домом и обитавшей в нем семьей [48]. Пружинные ножницы, аналогичные нашим, встречаются в пшеворских погребениях Польши (Гебултов) [49], на черняховских селищах (Кринички [50], Воробьевка II [51]). Употребляемые для стрижки овец, эти ножницы появляются в глубокой древности и бытуют довольно продолжительное время, дойдя до нас без существенных изменений. В Закарпатье два экземпляра пружинных ножниц, ничем не отличающихся от наших, обнаружены в известном позднелатенском ремесленном поселке Галиш-Ловачка [52]. К I в. н. э. относятся ножницы из погребения в Абрагаме, ко второй половине II в. н. э.— в Земплине (Словакия) [53].

Интересной находкой является гвоздь, откованный в одной плоскости с корпусом (рис. 2, *16*). Аналогичный найден в Будештском могильнике [54]. Служили подобные гвозди для подковывания лошадей [55].

Украшения из Братовского кургана представлены шестью сердоликовыми 12-гранными бусами и подвеской (рис. 2, *11, 22*). Появление подобных бус в античных центрах Северного Причерноморья Е. М. Алек-

---

[41] Ibid., S. 202.

[42] *Zeman J.* Severni Morava v mladši době římské. Problémy osidleni ve světle rozboru pohřebiště z Kostelce na Hané. Praha, 1961, S. 180—188.

[43] *Смішко М. Ю.* Два курганні могильника..., табл. II, *12*, *13*; *Котигорошко В. Г.* Ук. соч.

[44] *Амброз А. К.* Ук. соч., с. 58.

[45] *Баран В.* Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961, с. 76.

[46] *Цигилик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ, 1975, с. 118; рис. 52, *5*; *Рикман Э. А.* Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, с. 27, 28, рис. 4, *7*, *14*; 7, *7*, *8*.

[47] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани, с. 53, 54.

[48] *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975, с. 290.

[49] *Qodlowski K.* Kultura przeworska.— Pr. Arch., № 2. Kraków, 1961, s. 186.

[50] *Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры в с. Кринички.— МИА, № 82, 1960, рис. 3, *8*.

[51] *Сымонович Э. А.* Поселение Воробьевка 2 в Курской области.— КСИА АН СССР, № 140, 1974, с. 80, рис. 4, *23*.

[52] *Lehoczky T.* Op. cit., Abr. XI, *17*; XVI, *4*.

[53] *Kolnik T.* Prehlad a stav..., obr. 16, 17, 29, *3*.

[54] *Рикман Э. А.* Памятник эпохи..., рис. 41, *5*.

[55] Там же, с. 27.

сеева относит ко II—III вв. н. э.[56] В дальнейшем они распространяются по всей Восточной Европе, особенно широко встречаясь в черняховских памятниках [57]. К 180—200 гг. н. э. относит появление сердоликовых бус в Венгрии М. Пардуц, связывая их с сарматской экспансией [58].

Ведеркообразная подвеска или подвеска-«ведерко» имеет выделенный бочок. Аналогичная подвеска найдена на поселении Леськи Черкасской области [59]. Подобные находки встречаются в могильниках чаще, чем на поселениях. Так, целые серии подвесок-«ведерок» обнаружены в Будештском и Касановском могильниках [60]. По одной найдены в погребениях Лохвицы и Золотой балки на Поднепровье [61].

Наибольшее распространение этот вид украшений получил на территории Польши, откуда в первых веках нашей эры проникает в Восточную Европу [62].

Подводя итоги проведенному анализу погребального инвентаря, отмечаем, что основная масса предметов относится к III в. н. э. Уточнить дату позволяет ваза «terra sigillata», дающая возможность отнести время сооружения Братовского кургана к первой половине III в. н. э.

Наличие довольно многочисленного и разнообразного инвентаря позволяет нам не только установить время курганного погребения, но и поставить вопрос о его культурной принадлежности. В последнем решающая роль отводится погребальному ритуалу, как одной из отличительных черт культуры.

Погребальный ритуал кургана характеризуется трупосожжением на месте захоронения под курганной насыпью. Насыпь сооружена из грунта, взятого у южного и юго-западного краев кургана. Это подтверждается наличием неолитических кремневых отщепов и мелких фрагментов керамики в насыпи, попавших туда вместе с грунтом из нарушенного неолитического слоя, зафиксированного рядом с курганом.

По способу захоронения погребения соответствуют урново-ямковому варианту. К деталям погребального ритуала относятся: расположение погребений в границах кострища, присыпка захоронений остатками кострища, наличие керамики с вторичным обжигом, помещение сопровождающего инвентаря возле погребений. Редкой особенностью погребального ритуала является помещение в могилу ключа.

Описанный погребальный ритуал и его детали имеют полную аналогию в культуре карпатских курганов [63]. Разница наблюдается в размерах насыпи и наличии предметов вооружения. Но если могильники упомянутой культуры в основном представляют кладбища рядовых соплеменников, то здесь налицо захоронения людей, выделяющихся по своему положению из общеплеменной среды. Это подтверждается не только величиной насыпи, но и сопровождающим инвентарем, помещенным в погребальную яму. Даже урны более чем в 2 раза превосходят аналогичные, хотя заполнение кальцинированных костей не превышало 1/4 их величины.

---

[56] *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, Г1-12. М., 1975, с. 51.

[57] *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н э.).— САИ, Д1-27. М., 1970, с. 34, 35.

[58] *Párducz M.* Beitrage zur Geschichte der sarmaten in Ungarn im II und III jahrhundert.— AAH, v. VII, № 1—4, 1956, S. 182.

[59] *Смиленко А. Т., Брайчевский М. Ю.* Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы.— В сб.: История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967, рис. 16, *3*.

[60] *Рикман Э. А.* Памятник эпохи..., рис. 6, *11*, *13*; 9, *15*, *16*; 39, *13*, *14*; *Кравченко Н. М.* Касановский могильник.— В сб.: История и археология юго-западных областей СССР..., табл. XVI, *2—7*, *13*.

[61] *Березовец Д. Т., Петров В. П.* Лохвицкий могильник.— МИА, № 82, 1960, рис. 6; *Вязьмітіна М. І.* Золотая Балка. Київ, 1962, рис. 87, *5*.

[62] *Рикман Э. А.* Этническая история..., с. 325.

[63] *Смішко М. Ю.* Карпатські кургани, с. 60—66, 77—79.

Таким образом, аналогии в погребальном ритуале, наличие урны, идентичной урне из Изского могильника, позволяет нам отнести Братовский курган к древностям культуры карпатских курганов. В то же время присутствие предметов вооружения, характерных для пшеворских могильников, не исключает возможности погребения воинов, являющихся по своему происхождению пшеворцами. В пользу этого свидетельствуют и погребения под курганными насыпями (в урнах и ямках) на территории Восточной Словакии в Земплинском могильнике, где предметам вооружения сопутствовали типично пшеворские ситуловидные сосуды [64].

Погребения под курганными насыпями, как известно, не характерны для пшеворской культуры [65]. Наличие курганных погребений с типично пшеворским инвентарем на территории Верхнего Потисья, очевидно, свидетельствует о восприятии ими местного погребального обряда. Это дает нам возможность говорить о вхождении части пшеворских племен, проникших где-то во II в. н. э. в Верхнее Потисье, в состав носителей культуры карпатских курганов.

V. G. Kotigoroshko

A BARROW OF THE FIRST HALF OF THE THIRD CENTURY A. D. NEAR VILLAGE BRATOVO

Summary

Archaelogical sites of the first half of the Ist millenium A. D. in Transkarpathian region of Ukraine hitherto were not numerous. They were represented by stray finds and burials, discovered in late XIXth — early XXth centuries during earthwork. The sites had not been excavated. The only exclusion are cemeteries of Karpathian barrows culture near village Iza, Hust district. Nowdays 30 monuments of the first half of the Ist millenium A. D. are discovered. Of specific interest among them is a group of barrows near village Bratovo. One of four barrows 42×34 metres large and 1 metre high, was excavated. In this barrow some cremations were discovered, grave furniture includes two urns, weapons, among them umbons, handles of shields, spearheads, spurrs and other finds, characteristic for Przeworsk culture. The barrow belongs to first half of the IIId century A. D. Burial ceremony is close to burial rites of Karpathian barrows, grave furniture indicates ties with Przeworsk burials.

---

[64] *Kolnik T.* Prehlád a stav badania..., S. 525, obr. 25, 28, 29.

[65] *Никитина Г. Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э.— В сб.: Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. М., 1974, с. 64—69.

И. Д. МАРЧЕНКО

О ПЛАНИРОВКЕ СЕВЕРНОГО РАЙОНА ПАНТИКАПЕЯ

(к проблеме изучения агоры)

Несмотря на то что раскопки городища Пантикапея проводятся уже многие годы, до сих пор остаются неясными основные черты плана древнего города. Фактически научно исследованной является полоса северного склона, площадью свыше 5000 м² [1], идущая от середины горы Митридат на север и заканчивающаяся на большой площадке — мы назвали ее северным плато,— где проходит современная Верхнемитридатская улица. Эта терраса в виде полукруглого выступа примыкает с северо-востока к горе, отделяя ее среднюю часть от нижележащих городских кварталов Керчи. Под этими кварталами залегают развалины древнего Пантикапея, занимавшего большую территорию по сторонам горы. Благодаря раскопкам довоенного периода были обнаружены участки городских стен [2], ограждавших город с юга и востока. Кроме того, при случайных земляных работах иногда открываются участки древних улиц, подпорных стен; но сведения, полученные таким образом, имеют только дополнительный характер для решения вопроса о плане Пантикапея.

К сожалению, раскопки, проведенные в XIX в., мало способствовали выяснению этого вопроса. Отсутствие планов, весьма туманные указывания на место открытия того или иного сооружения, низкий уровень ведения раскопок и фиксации привели к почти полной невозможности пользоваться этими данными. Начатые в послевоенный период систематические раскопки дали много нового по исторической топографии Пантикапея, поставили вопрос об особенностях крепостного строительства акрополя, определили террасный принцип городской планировки. Вместе с тем решающих данных относительно размещения на городище важнейших сооружений города получено не было. Этому препятствовала плохая сохранность городища и повреждения культурного слоя, вызванные военными событиями. Особенно ощутимо разрушение остатков античного города из-за близости современного города Керчи: руины Пантикапея рассматривались как каменоломни, снабжающие город строительным материалом. Потребовался длительный период, чтобы накопить запас наблюдений, связать данные, полученные на разных участках в разное

---

[1] Результаты работ на Ново-Эспланадном раскопе с 1953, 1956—1958 гг. опубликованы в трех статьях: *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1953 г.— КСИИМК, № 63, 1956, с. 109; *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг.— СА, 1960, № 2, с. 168; *Сокольский Н. И.* Раскопки Пантикапея.— КСИА АН СССР, № 83, 1961, с. 32. В 1964 г. вышла книга В. Д. Блаватского (*Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964), в большой мере охватившая результаты раскопок тех лет. За первые годы были раскопаны дома VI—V вв. до н. э. с № 1 по 6. В последующее время экспедиция ГМИИ им. Пушкина обнаружила постройки того же времени, обозначенные с № 7 по 21.

[2] *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 157; *Марти Ю. Ю.* 100 лет Керченского музея. Керчь, 1926, с. 89.

время [3], и выдвинуть ряд предположений, которые в одних случаях основываются на реальных фактах, в других — на гипотезах. Учитывая безнадежность получения более твердых данных, приходится в своих построениях опираться на сумму всего этого.

За последние годы заметно прибавилось новых сведений относительно размещения крепостных сооружений акрополя на северном склоне горы и на западном плато. Основные материалы получены при изучении Ново-Эспланадного раскопа, когда при завершении его в 1967 и в 1972 г. в его северной части были открыты сооружения VI и V вв. до н. э., позволившие по-новому определить характер и назначение этого участка Пантикапея.

Для понимания их места в общем плане района начнем с рассмотрения направления городской планировки Пантикапея VI—V вв. до н. э. согласно фактам, полученным при раскопках.

Естественные условия пологого северного склона дают основания заключить, что уже в раннее время, с середины VI в. до н. э., спуск с вершины горы осуществлялся здесь по двум магистралям, следы которых сохранились во многих местах. Эти две продольные улицы, спускаясь, сбегали с вершины, затем восточная из них проходила мимо ровной скалистой площадки, где в углублении, под скалой с домом эмпория, располагался так называемый дом Коя [4], шла ниже, мимо богатого дома, где обнаружены фрагменты краснофигурного кратера с росписью круга вазописца Мисона [5], затем огибала гончарную мастерскую № 17 и спускалась вниз, мимо дома № 20, на северное плато [6] (рис. 1).

Другая, западная продольная улица шла от первой примерно на 40 *м* мимо колодца V в., принимала в себя подходившую с запада улочку с водостоком из разбитой амфоры VI в., шла вдоль домов ремесленников № 5, 7, 6, 4, 10 и заканчивалась на обрыве, у дома № 14. Эти улицы местами сохраняли характер тропы, где были выходы гладкой скальной поверхности, или представляли собой обычную черепяно-каменную вымостку. Между обеими продольными улицами проходили поперечные, и на четырех террасах Ново-Эспланадного раскопа улавливаются следы трех небольших переулков.

Далее увидим, что на нижней, пятой террасе проходила еще одна поперечная улица, окружавшая гору с запада. Она тоже вливалась сюда, на площадку северного плато, где фактически находился узел перекрещивающихся улиц, огибающих гору и спускающихся с нее. Такова сеть улиц — основного элемента планировки древнего города, расположенного на северном склоне горы Митридат.

Важные наблюдения позволяют сделать прослеженные раскопками остатки уличных водостоков, которые повторяют основные направления улиц. Они образуют две линии: одну, идущую с запада на восток, и другую — с юга на север, причем последняя подсказывает нам изменения и частичные колебания в расположении восточной улицы, происшедшие в I в. до н. э. По сохранившимся большим каменным плитам водостока можно заключить, что в I в. до н. э. она проходила поверх двора сгоревшего пританея II в. до н. э.

В I в. н. э. по направлению этих двух улиц проходила система крупных каменных водостоков, включающая северное звено, пропущенное под крепостной стеной, по которому спускали воду с верхней, четвертой террасы на пятую. Остатки этого крупного водостока были открыты в

---

[3] *Блаватский В. Д.* Материалы по истории Пантикапея.— МИА, № 19, 1951, с. 50.

[4] *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952—1953 гг.— МИА, № 103, 1962, с. 8—14.

[5] *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945—1958 гг.— МИА, № 103, 1962, с. 167, рис. 2, *1—3*.

[6] *Сидорова Н.* Фрагменты ваз из Пантикапея.— Художник, 1976, № 9, с. 50.

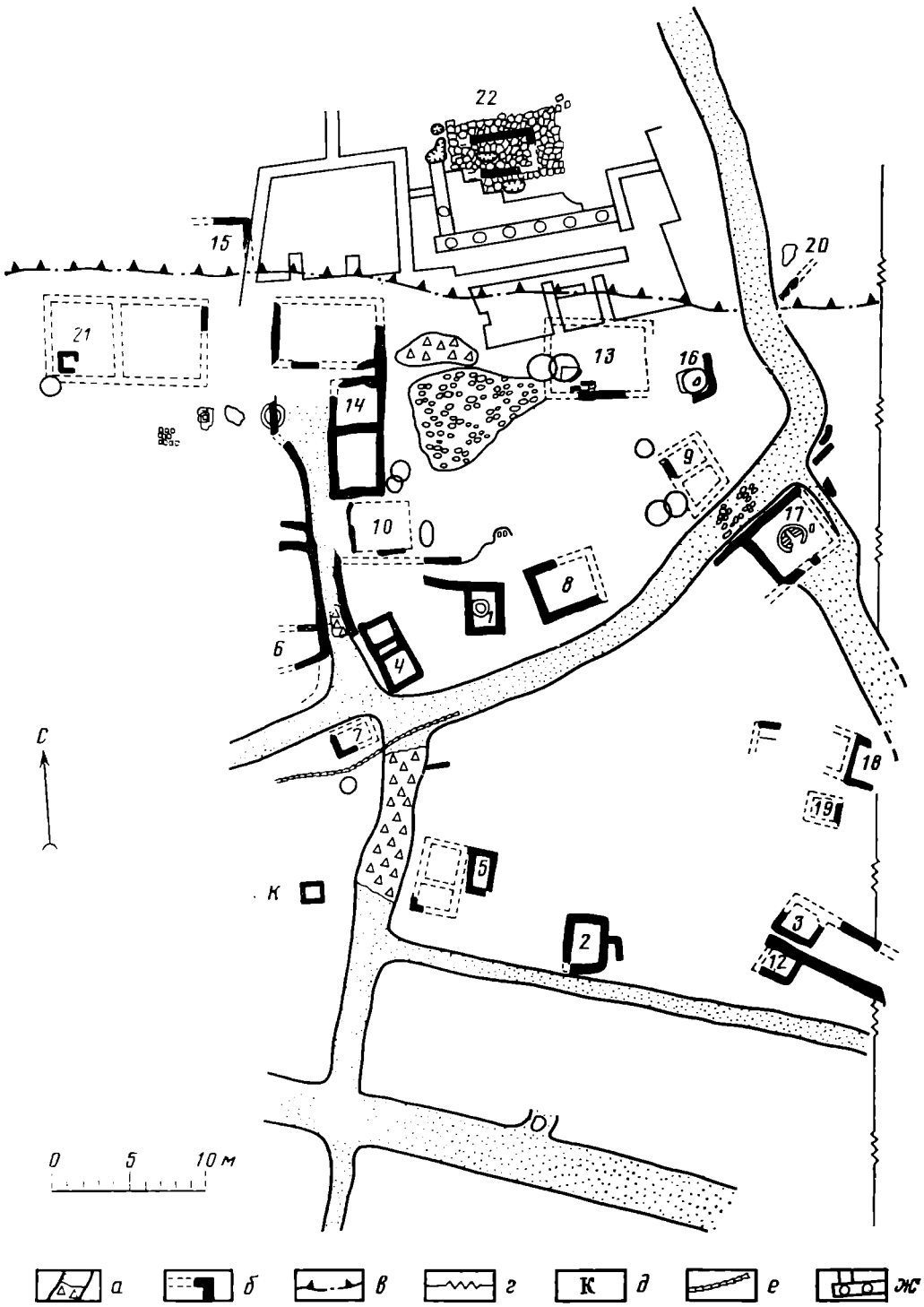


Рис. 1. План-схема архаического района Пантикапея, открытого на Ново-Эспланадном раскопе в 1953—1972 гг.

а — западная и восточная улицы с черепяным покрытием; *б* — дома VI—V вв. до н. э. (№ 1—21), открытые в 1953—1972 гг.; *в* — северная граница четвертой террасы; *г* — восточный борт раскопа; *д* — колодец V в. до н. э.; *е* — водостоки; *ж* — общественное здание II в. до н. э. (пританей)

Рис. 2. Расчистка вымостки VI в. до н. э. на пятой террасе под плитами двора общественного здания II в. до н. э. (пританея)

1958 г.[7] На восточной улице в III в. н. э. проходила линия водопровода из керамических труб, с нею соединялась западная линия, пропущенная по поперечной улице. Фрагменты этих водостоков показаны на планах, приведенных в указанных статьях В. Д. Блаватского и Н. И. Сокольского.

Остатки водостоков подтверждают устойчивость направления улиц и правильность нашей реконструкции планировки участка. Раз сложившаяся система действовала все время существования города, временами допуская небольшие отклонения.

За последние годы благодаря раскопкам северной части Ново-Эспланадного раскопа, его пятой и шестой террас, получены веские данные, позволяющие выдвинуть гипотезу, что эта территория могла служить центром общественной жизни ремесленного населения уже с VI в. до н. э. и продолжала быть центром района в последующие века. Нам представляется, что в этом месте города находилась ранняя агора. Важные результаты, укрепляющие нас в этом предположении, получены в 1972 г., когда при раскопках перистильного двора пританея II в. до н. э. была вскрыта до материка вся площадь, освобожденная от крупных плит вымостки двора[8] (рис. 2).

Из всех террас северного склона пятая и шестая лежат наиболее низко, пятую отделяют от четырех верхних довольно высокий перепад в 2—2,5 *м* высоты. Шестая терраса, вернее поверхность материка на ней, находится почти на одном горизонте с материком пятой. Следовательно, первоначально здесь была ровная площадь, распространявшаяся к северу. В настоящее время она занята современной дорогой, окаймляющей гору, Верхнемитридатской улицей и примыкающими к ней домами. На ее территории находится музейный домик и вновь построенный нами лапидарий.

[7] *Сокольский Н. И.* Раскопки Пантикапея.— КСИА АН СССР, № 83, 1961, с. 32, рис. 8, объекты 8, 16, 18, 22.

[8] *Марченко И. Д.* Раскопки Пантикапея.— АО — 1972. М., 1973, с. 307.

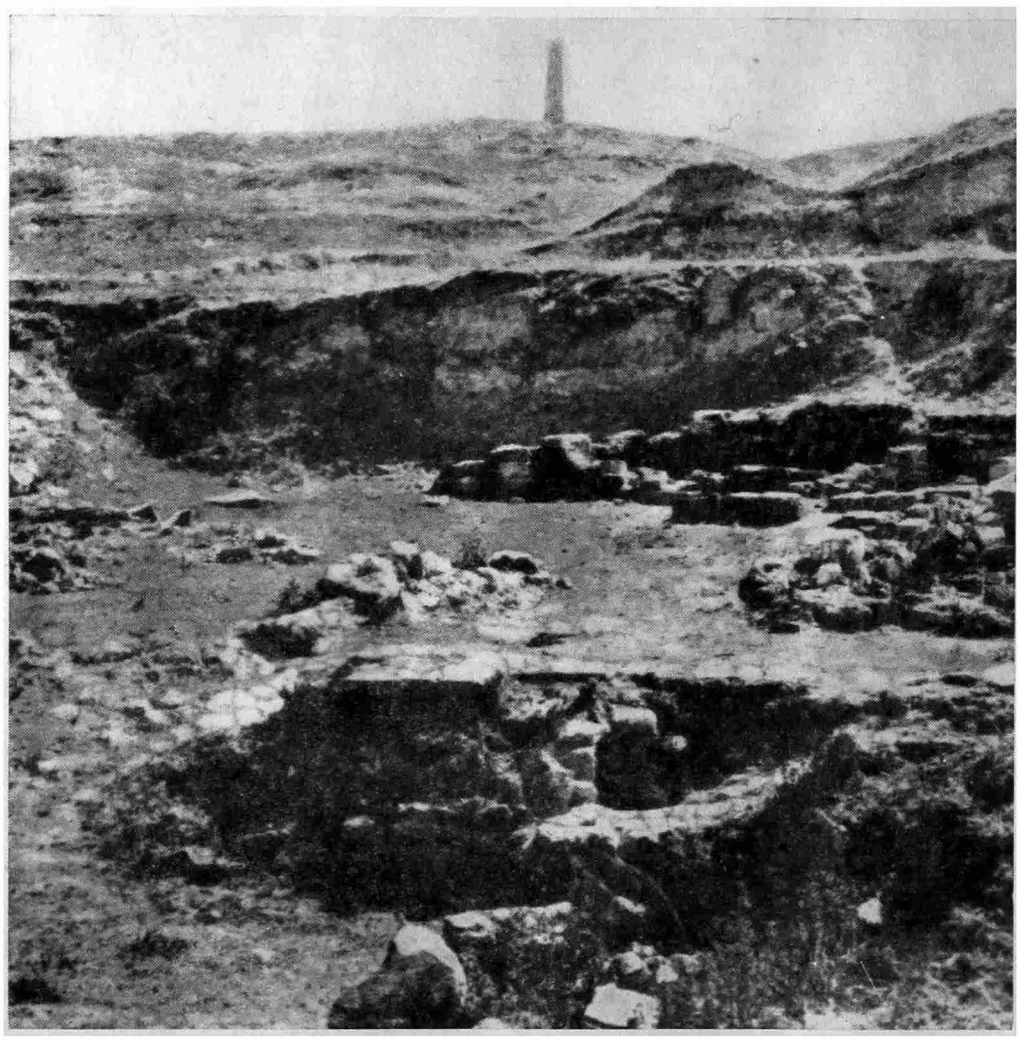


Рис. 3. Общественное здание, открытое К. Думбергом в 1896—1899 гг. Вид с северо-востока

Рис. 3а. Раскоп К. Думберга. Остатки общественного здания, открытого в 1896—1899 гг. (фото Ю. С. Панютина, 1953 г.)

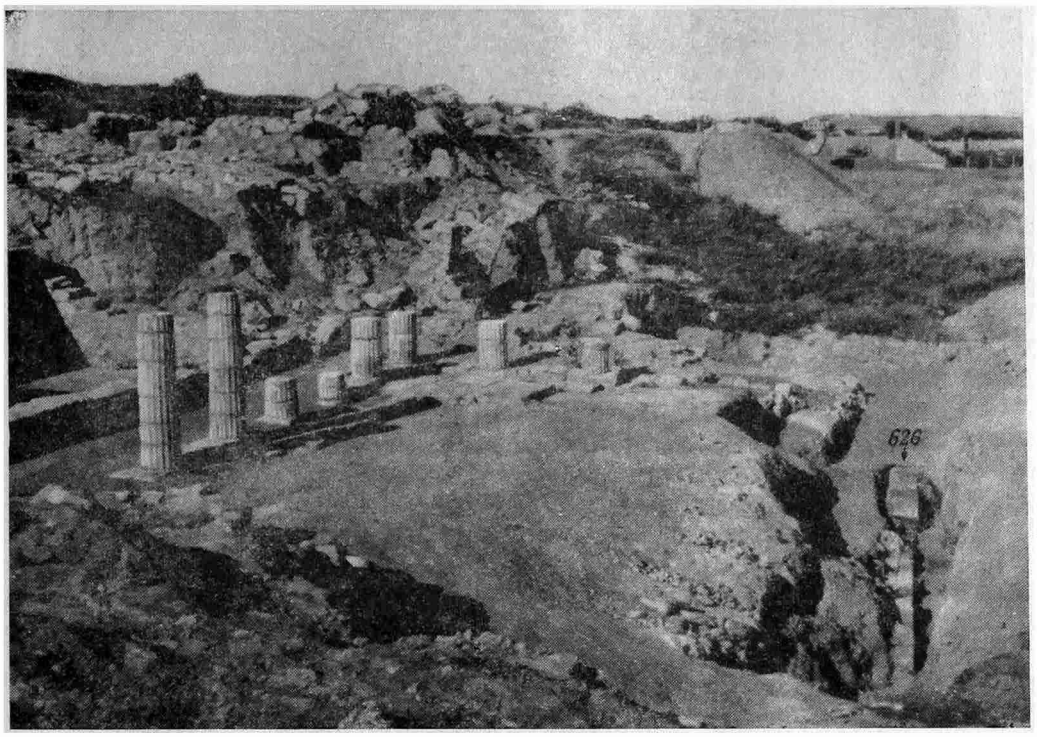


Рис. 4. Колоннада общественного комплекса, открытого на Ново-Эспланадном раскопе И. Д. Марченко, и стена № 626 — южная стена общественного здания Думберга, открытого в 1896—1899 гг. Вид с востока

Для выяснения размера площади, продолжавшей территорию пятой и шестой террасы и занятой античными сооружениями, исследованными раскопками К. Думберга в 1899, 1896 гг., необходимо было сохранить границы старого раскопа, зафиксировать расположение главнейшего объекта — здания из тесаного камня, с богатой росписью, описанного М. И. Ростовцевым (рис. 3). К. Е. Думберг открыл здесь вымощенную улицу, спускающуюся с запада вниз, большую ровную площадь и ряд построек, возведенных на материке.

Несмотря на сильные разрушения всего участка в результате военных действий, еще видны были остатки стены южного помещения, открытого Думбергом, и, ориентируясь на них, следовало определить и обозначить границы раскопа Думберга и Ново-Эспланадного. Но в процессе раскопок 1953—1958 гг. эти остатки стен были засыпаны балластной землей, сохранился лишь снимок фотографа Боспорской экспедиции Ю. С. Панютина, зафиксировавшего их (рис. 3, *а*).

В 1967 г. при исследовании экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина площади шестой террасы удалось обнаружить остатки засыпанной южной стены здания Думберга. В процессе раскопок она была обозначена на наших чертежах под № 626 и находится на расстоянии 11 *м* севернее стилобата южной галереи колоннады пританея II в. до н. э. (рис. 4 и 5). Благодаря открытию этой стены удалось увязать площади обоих раскопов. Площадь обоих раскопов, занятая предполагаемой нами агорой, оказалась протяженностью не менее 70 *м* на север и 60 *м* с запада на восток. Окончательное подтверждение определения территории, занятой античными сооружениями на северном склоне, дает недавно найденный в Керченском музее рабочий чертеж 1941 г., на котором нанесены видимые в то время античные постройки на этой территории и котлованы последних предвоенных раскопов Ю. Ю. Марти в 1940 и 1941 гг.[9]

[9] Выражаю благодарность зав. отделом фондов Керченского музея В. Н. Боровковой и научн. сотр. В. Н. Холодкову за предоставление этого чертежа (см. рис. 6).

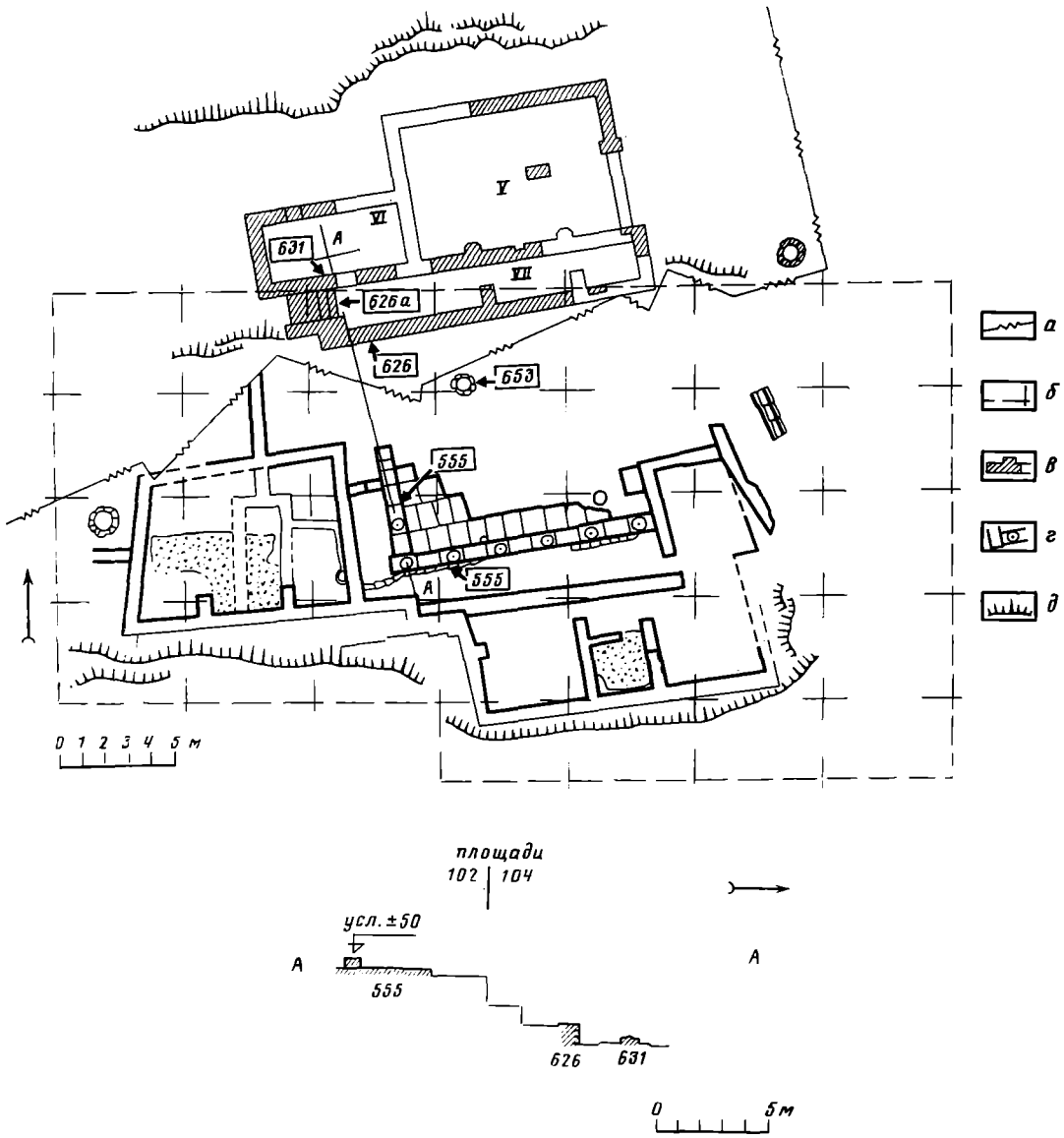


Рис. 5. Совмещенный план расположения общественного здания Думберга и комплекса пританея (выполнен В. П. Толстиковым)

а — южный борт раскопа Думберга; *б* — границы Ново-Эспланадного раскопа; *в* — стены здания, раскопанного Думбергом; *г* — стены общественного комплекса II в. до н. э. (пританея), открытого на Ново-Эспланадном раскопе; *д* — границы террас

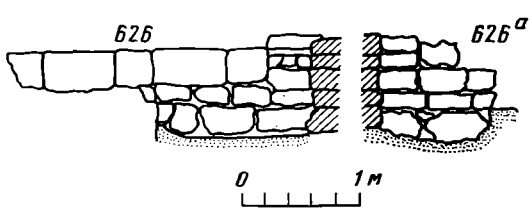


Рис. 5а. Фасировки кладок стен № 626 и 626а — южной и западной стен здания Думберга (фасировка выполнена в 1965 г.).

1 — северный фас; *2* — восточный

Перейдем к описанию участка вымощенной площади на пятой террасе. Как показало вскрытие больших плит, покрывающих двор пританея, в южной части пятой террасы на поверхности материка сохранился участок каменной вымостки из крупных нерегулярных плит, в основном подпрямоугольной и треугольной формы, плотно пригнанных одна к другой. Камни вымостки сложены по принципу полигональной кладки, когда к округлому выступу одной плиты подобрана выемка на другой, чем достигалось плотное покрытие. Размеры наибольших плит до 0, 75 *м*, отдельные достигали в длину 1 *м*. Толщина 0,12 *м*. Между плитами в узких швах была слежавшаяся киловая глина, под ними шел материк. Сохранившийся участок вымостки деформирован, уровень плит неровный, многие плиты покрыты трещинами, поверхность их повреждена, местами сглажена, по-видимому, от длительного хождения. Но величина плит, подобно какой еще не находили на Митридате ни в одной вымостке, тщательность укладки говорят об особом значении, которое придавалось этому сооружению. Трудно определить первоначальные размеры вымощенной площади — весь северный край пятой и шестой террасы были смыты вместе с грунтом, на западе — уничтожены ямами V в. и перекопами эллинистического времени. Южная часть шестой террасы была сильно подрезана при сооружении здания Думберга. Сохранившаяся компактная часть вымостки простирается в северном направлении около 5 *м*, а с запада на восток — на 9 *м*. Глубина ее залегания ниже на 0,8 *м* от поверхности стилобата южной колоннады пританея II в. до н. э. (рис. 2).

Вымощенная площадь была покрыта культурным слоем с находками от середины VI в. до н. э. Датирующим материалом являются ранние типы хиосских амфор с цилиндрическим горлом и окрашенным венцом, милетские — с широкими полосами по тулову; ионийские киликп с розеттами, фрагменты самосских и родосских сосудов. Несмотря на небольшие размеры этой площади, монументальность сооружения, а также расположение ее в центре жилого массива, как нам представляется, дают основания видеть в ней центр данного района. Не лишено основания предположение, что здесь, в гуще маленьких домов ремесленников и их мастерских, находилось место постоянных сходок, где обсуждались повседневные дела и события, решались вопросы, связанные с жизнью раннего города.

Исследования [10] показывают, что в архаическое время агора только начинает оформляться и еще не имеет специального архитектурного оформления. Возможно, что на пантикапейской агоре, как и на афинской, в виде единственного ограждения применялась окрашенная суриком веревка, как это описано в живой сценке у Аристофана:

«...Народ снует туда-сюда по площади,
Бежит он от веревки в сурик крашеной,
Пританы не приходят, а придут они —
Помчится всякий на скамейку первую,
Один через другого, сломя голову,
Толпой, потоком, роем...» [11].

Полученные раскопками факты настойчиво говорят о постоянной значимости участка на пятой и шестой террасах и в V в. до н. э.

В южной части вымощенной площади на культурном слое было построено небольшое прямоугольное в плане здание, от которого раскопки выявили две стены (местами оно врезается в вымостку VI в. до н. э., разрушая ее). Кладки образовывали восточное помещение размером

[10] *Бунин А. В.* История градостроительного искусства, т. 1. М., 1953, с. 50, 63; *Блаватский В. Д.* Античный город.— В сб.: Античный город. М., 1963, с. 9 сл.; *Долгоруков В. С.* Эллинистическая агора.— СА, 1969, № 2, с. 60.

[11] *Аристофан.* Ахарняне, ст. 21—26.

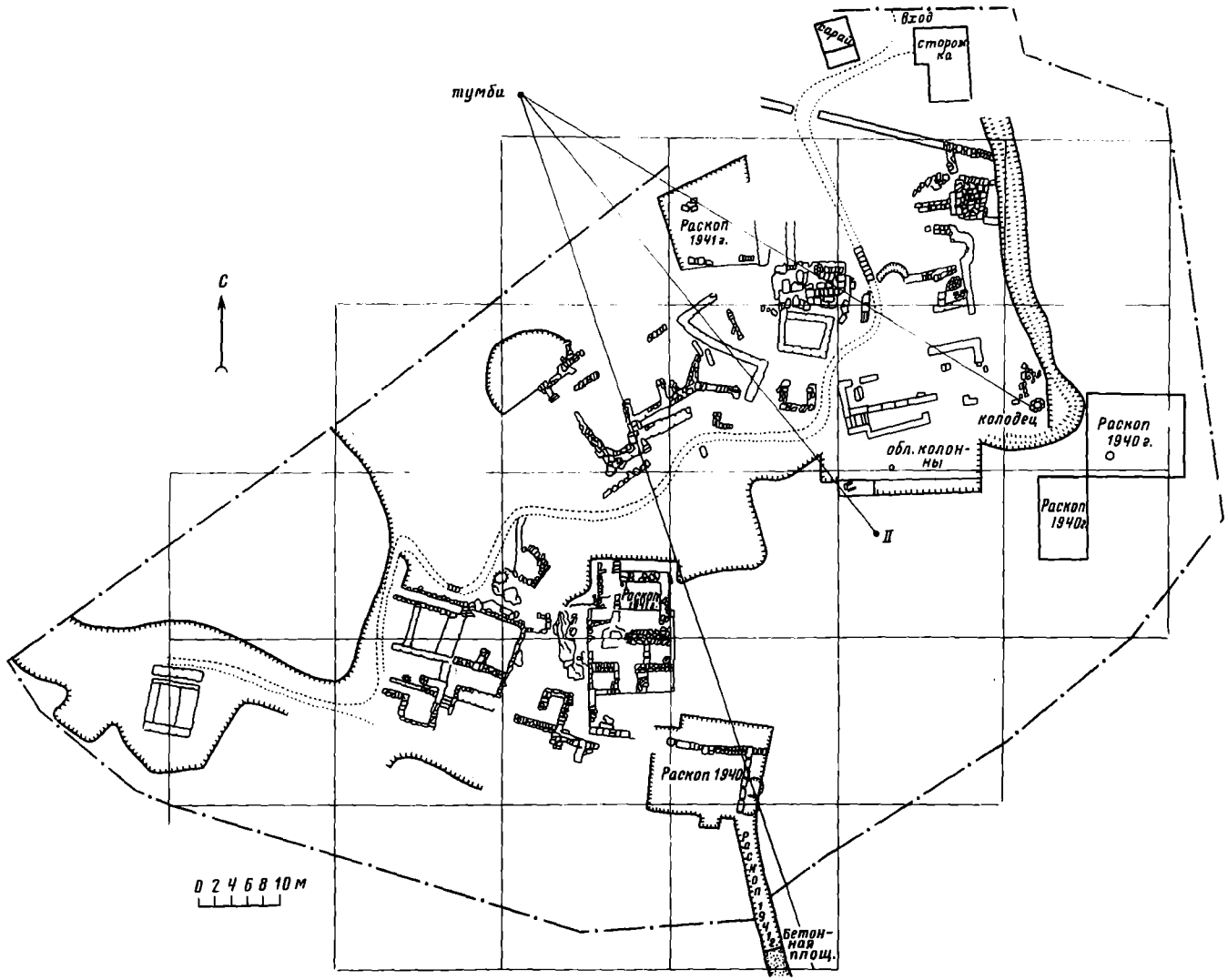


Рис. 6. Общий план раскопок Пантикапея за 1896—1899 и 1940—1941 гг. Хранится в архиве Керченского историко-археологического музея

10,5 $м^2$, здание, очевидно, продолжалось и к западу, но было разрушено при перестройках.

В западной части этого помещения открылся развал большого очага из обожженного камня и сырца, обломков керамики и костей животных. Размер пятна очага достигал площади 2,5 $м^2$. Находки в развале стен и в очаге отличаются своеобразным характером, некоторые из них впервые встречены в Пантикапее. Определенный интерес вызывают фрагменты круглого глиняного блюда с низким округлым бортиком на высоких (12 *см*) ножках. Скорее всего это был жертвенный столик диаметром свыше 40 *см*.

Обращает внимание обилие найденных в развалинах помещения и на соседних площадях фрагментов аттических чернолаковых киликов на низкой и высокой ножке; наиболее ранние принадлежат еще к VI в. до н. э. Несколько фрагментов украшено линейным орнаментом в виде линий и дуг, на одном имеются штампованные пальметты и листочки плюща [12]. Они датируются серединой V в. до н. э. При подсчете обломков киликов, найденных на этом участке, оказалось 85 фрагментов ручек, видимо принадлежавших разным сосудам, 146 обломков краев, тоже от разных сосудов, и 68 обломков различных ножек. Такое значительное количество однотипных сосудов, использованных в данном месте, не может быть признано обычным явлением и, по-видимому, должно быть связано с особым назначением здания.

Мы относим здание к типу общественных по сходству с подобным зданием в Ольвии, открытым на древнем участке агоры [13]. Последнее было выстроено в конце V в. и существовало до второй половины IV в. Сходство с нашим видно в планировке, размере помещений, ориентировке с востока на запад, в отсутствии двора, вокруг которого обычно располагались жилые комнаты. Эти особенности выделены исследователями как признаки общественного назначения ольвийского здания «Б». Традиция в расположении здания V в. Пантикапея на площади VI в. и своеобразный комплекс находок дают основание предположить, что на этом участке значительный промежуток времени размещались постройки общественного характера.

Все это позволяет признать за данным местом особый характер и выдвинуть гипотезу, что здесь находилась агора и в V в. до н. э.

Рассмотрим в последовательном порядке и другие сооружения, расположенные в этом месте. В конце IV—III в. до н. э. в ряду сменяющихся общественных учреждений, расположенных на этой площади, было сооружено большое здание с перистильным двором, обнесенным дорической колоннадой. Для этого была создана новая терраса и срезана часть верхней. В отчете К. Е. Думберга о нем говорится следующее: «На средней глубине 3 сажени обнаружены фундаменты нескольких жилых домов, мостовая древнего переулка и часть обширного здания, стена которого тщательно сложена из штучного камня. Найденные здесь барабаны колонн, карнизы чистой отделки, куски превосходно сохранившейся и богато расписанной разноцветной штукатурки доказывают, что здание это, относящееся, судя по находкам, к I в. до или после Р. Х., принадлежит к одному из самых богатых древнего Пантикапея» [14].

М. И. Ростовцев при анализе расписной штукатурки, происходившей из южных помещений этого здания, подчеркивал высокий художественный уровень исполнения росписи, стоящей вровень с росписями передовых эллинистических центров Делоса, Пергама и Приены [15].

---

[12] *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея.— МИА, № 69, 1959, с. 60, рис. 29.

[13] *Леви Е. И.* Ольвийская агора.— МИА, № 50, 1956, с. 87, рис. 57.

[14] ОАК за 1896 г. СПб., 1898, с. 67.

[15] *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1918, с. 114 сл.

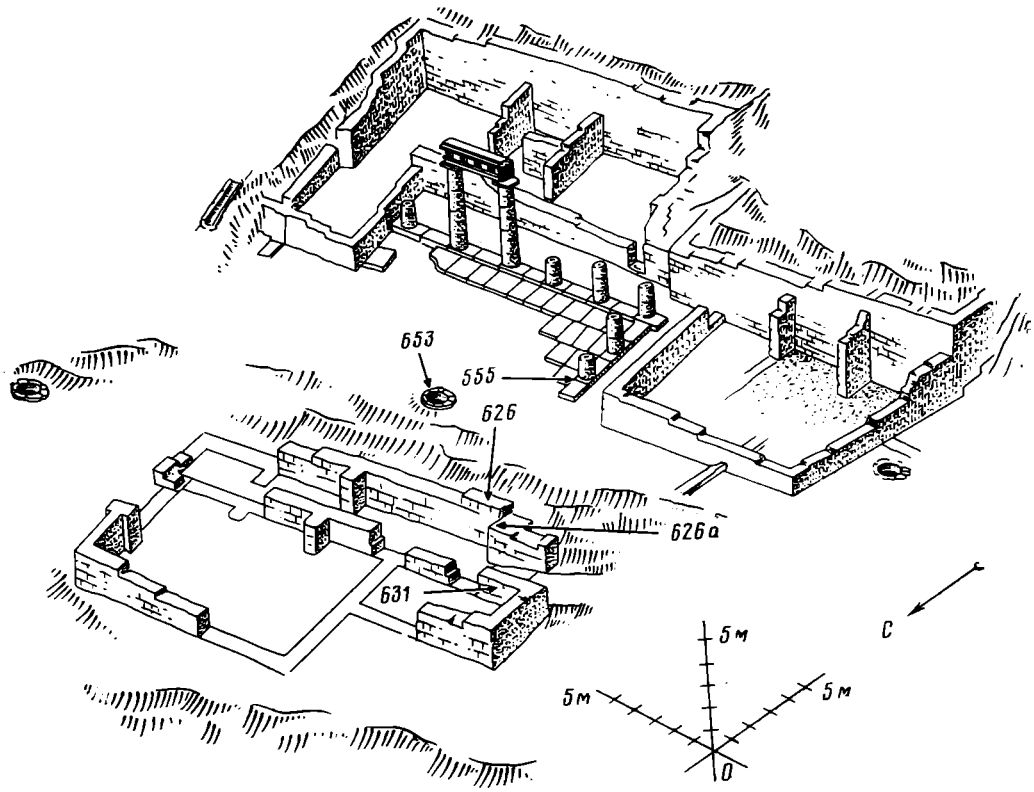


Рис. 7. Аксонометрический рисунок-реконструкция комплекса общественных зданий III—II вв. до н. э. по совмещенным планам раскопок К. Е. Думберга (1896—1899 гг.) и И. Д. Марченко (1964—1974 гг.) (рис. В. П. Толстикова)

Архитектурное оформление открытого нами здания признано специалистами достаточно высоким. По их предположениям, это здание имело двор, обнесенный с трех сторон дорической колоннадой [16]. Такое богатое оформление могло быть осуществлено властями города для важного с общественной точки зрения здания, которое скорее всего могло быть пританеем или гелиэей (рис. 9). В этот период городские институты еще пользовались большим весом в политической жизни города и Спартокиды называли себя архонтами. Здесь уместно вспомнить упоминание у Диодора о созыве Евмелом народного собрания и о его обещании восстановить прежний порядок правления. В этом упоминании можно видеть прямое свидетельство важной роли народного собрания в прошлом и живучесть этой политической формы народовластия в Пантикапее. Подобные реминисценции и вспышки полисного духа можно усмотреть в возникновении архонства Гигиэнонта в конце III в. до н. э. Видимо, именно с его эпохой следует связать сооружение на этом же месте еще одного большого здания, чьи плохо сохранившиеся кладки местами открываются под пританеем II в. до н. э. Здание имело большие размеры, длина отдельных кладок достигала более 15 *м*.

Вернемся к зданию, открытому К. Е. Думбергом. Сравнение позволяет увидеть сходство в планировке здания Думберга и планировке пританея II в. до н. э., открытого экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина. У обоих зданий в северо-восточной части расположен двор, в западной — большое отдельное помещение, вероятно андрон, с юга можно усмотреть поперечные стены, образующие три помещения. Это позволяет предпола-

[16] *Воронов А. А.* Античное общественное здание III—II века до н. э. в Керчи. Проблемы реконструкции.— Архитектура СССР, № 3, 1975, с. 53.

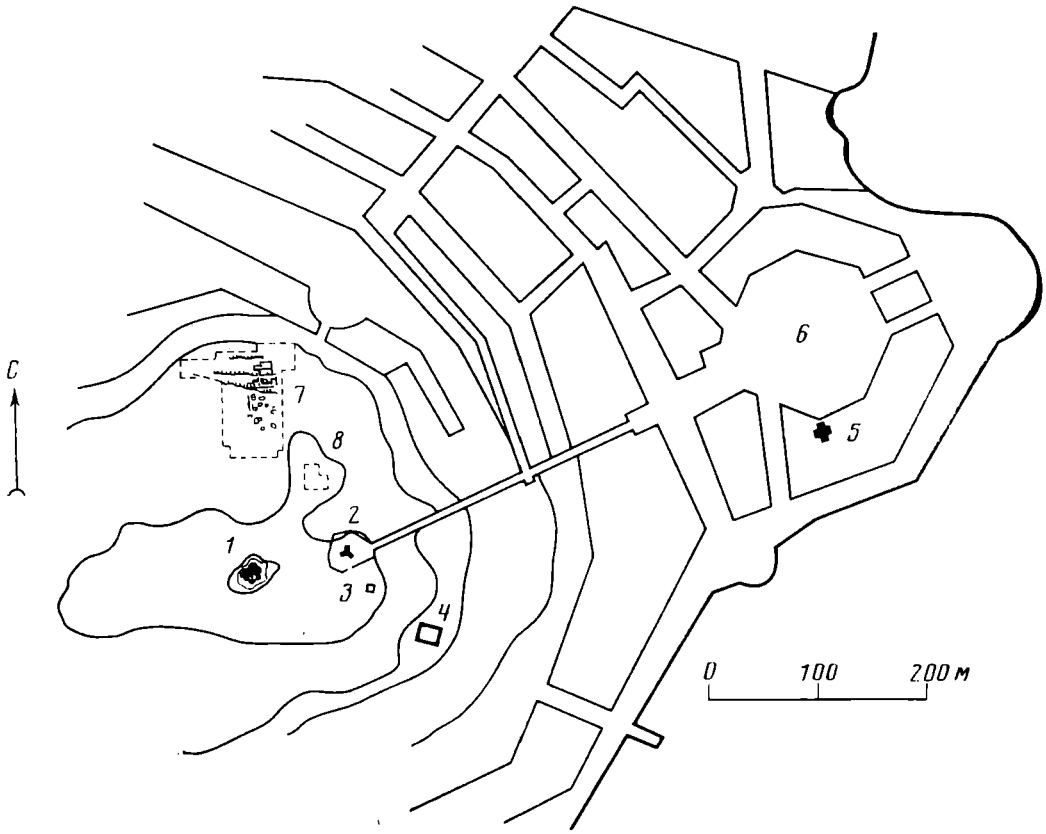


Рис. 8. Схема расположения античных сооружений VI—II вв. до н. э. на северном склоне горы Митридат (район Первого кресла), раскопанных за 1896—1974 гг. *1* — Первое кресло горы Митридат; *2* — обелиск Славы; *3* — фундамент часовни Стемпковского; *4* — старый музей; *5* — церковь Иоанна Предтечи; *6* — Предтеченская площадь; *7* — раскопы Думберга и Ново-Эспланадный; *8* — раскоп Верхний Митридатский

гать близость в их назначении. Кроме того, обращает внимание сходство в их размещении: оба здания обращены на север, расположены перед акрополем и принадлежат к наиболее солидным зданиям ордерной архитектуры города, занимая центральные места на площади (рис. 5, 7).

М. И. Ростовцев при осторожном анализе здания, открытого Думбергом, предполагал его общественный характер, наметил его дату (рубеж IV—III в. до н. э.) и считал, что окончательное определение может быть получено с продолжением раскопок. Тогда были бы объяснены остатки каменной баллюстрады и антов, найденных здесь. К сожалению, разрушения военного времени сделали невозможными эти доследования.

На раскопе Думберга открыты были остатки колодца, водопровода из свинцовых труб и терм. Датировка их остается неясной. Думберг относил их к I в. н. э., но кирпичные кладки заставляют относить их к более позднему времени.

Суммируя данные раскопок XIX в., открывших здесь вымощенную улицу, площадь, общественное здание и более поздние термы, мы приходим к выводу, что здесь продолжал существовать участок, являвшийся важным общественным центром Пантикапея. Входившая в него площадь находилась в границах города, на сравнительно большой и ровной террасе северного плато, над ней возвышался акрополь, а ниже лежал город с пристанью и приморским районом (рис. 8).

Для подкрепления высказанной гипотезы привлечем близкие материалы по агоре из Греции и Северного Причерноморья.

В греческих городах агора являлась центром и средоточием общественной и политической жизни, на ней или в непосредственном окру-

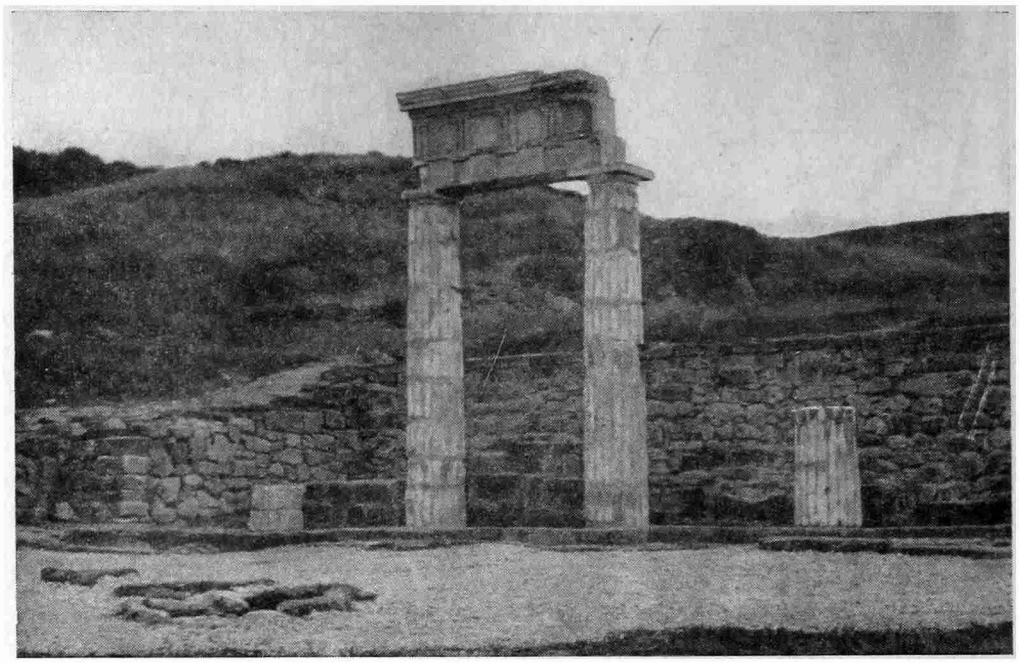


Рис. 9. Фрагмент колоннады общественного здания II в. до н. э. (пританея), восстановленный в 1976 г. ВПНРК Министерства культуры СССР (гл. архитектор проекта Б. Л. Альтшуллер) при участии Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина (нач. И. Д. Марченко)

жении ее могли находиться разные по своему назначению здания — одни, как булевтерий и пританей, связанные с политической жизнью города, другие — святилища и храмы — с культовой и религиозной.

На агоре располагались также гимнасии, различные торговые здания, рынок и лавки. В Ольвии непосредственно к агоре примыкает участок теменоса, на площади агоры находился монументальный алтарь, сооруженный в конце V в. до н. э. На основании этого факта некоторые исследователи считают [17], что площадь здесь уже была, поскольку на пустом месте не строили бы алтарь. Мы не знаем, из какого района древнего Пантикапея происходят скульптурные части двух архаических алтарей, но они указывают на то, что в Пантикапее VI—V вв. до н. э. уже могли иметься специальные участки для их размещения.

Если обратиться к истории агоры в греческих городах, мы увидим, что в процессе роста и развития города местоположение агоры менялось, другая площадь города выполняла ее роль. Так, древняя агора Афин первоначально находилась у входа на Акрополь, затем, в начале VI в., создается агора в нижнем городе на Керамике. Судя по размерам, приведенным К. М. Колобовой, размер этой агоры имел протяженность 37×36 $м^2$. Потом место народных собраний переносится с агоры на Пникс, и возникает третий общественный центр Афин [18]. Милет, отстроенный после разрушения его в 479 г. до н. э., имел три агоры, Пергам и Приена — по две.

Из северопонтийских городов лучше всего изучен вопрос об ольвийской агоре. Относительно агоры в Пантикапее нет твердого мнения. В. Д. Блаватский подчеркивал изменение границ города в VI в.до н. э. и приводил ряд археологических наблюдений о расширении его территории в северном направлении. Однако вопроса о расположении агоры он не затрагивает. В. Ф. Гайдукевич [19] высказывал мнение, что агора, по-

[17] *Леви Е. И.* Ук. соч., с. 51.
[18] *Колобова К. М.* Ук. соч., с. 48.
[19] *Гайдукевич В. Ф.* Ук. соч., с. 164.

видимому, находилась близ порта, в районе, где располагается церковь Иоанна Предтечи (рис. 7), поскольку в этой части города в стене средневековой крепости, существовавшей до конца 20-х годов XIX в., были обнаружены многочисленные официальные посвятительные надписи. «Предполагают,— пишет он далее,— что в античную эпоху камни были тут же использованы как строительный материал». Эта аргументация нам представляется малоубедительной. Так же шатко утверждение, что пристань и верфи находились именно здесь, а не у южной бухты. К сожалению, вся территория, примыкающая к пристани, из-за близости грунтовых вод не может быть окончательно исследована. Мы склоняемся к мысли, что если здесь и была агора, то она связывается с более поздним временем, чем ранняя агора на северном плато, а именно с эпохой позднего эллинизма, примерно с конца II в. до н. э., когда значение верхней агоры и всего центра полисной жизни упало в условиях новой политической обстановки. В это время лежит в развалинах сгоревший пританей, поверх его кладок небрежно и быстро построена новая подпорная стена акрополя и через перистильный двор пританея проложена улица. В это время и могла переместиться вниз рыночная площадь, т. е. приобрела большое значение и стала играть важную роль одна из городских площадей, издревле существовавшая внизу.

Но значение общественного центра долго оставалось за площадью на северном плато, о чем говорит уличная монументальная вымостка I в. н. э. из больших плит, открытая здесь В. Д. Блаватским в 1955 г. И наконец, здесь же, возможно, во II в. н. э., сооружаются термы [20].

Подведем итоги нашим предположениям и реконструкциям, основанным на археологическом изучении северо-восточного плато. Нам представляется порядок жизни на этом участке следующим. Первоначально, в середине VI в. до н. э., мы видим здесь вымощенную камнем площадь, где сходились и пересекались улицы, то спускающиеся с вершины, то опоясывающие кольцом гору. В непосредственной близости вокруг площади, выше ее и ниже, располагались кварталы ремесленников — металлистов, оружейников и гончаров. Примерно через полвека каменное покрытие площади покрывается культурным слоем, и в южной части площади на этом слое, а местами разрушая раннюю вымостку, возводят какое-то здание с очагом. Обилие фрагментов сосудов одного типа, а именно чернолаковых аттических киликов, открытых в развалинах здания V в. до н. э., позволяет выдвинуть предположение об особой форме жертвоприношений либо о проведении в этом месте коллективных трапез и возлияний. К этому времени укрепилась сложившаяся на северном склоне планировка с двумя продольными улицами, они покрыты черепяно-каменными покрытиями, здесь проложены первые уличные водостоки и сооружается колодец (западная часть раскопа).

В дальнейшем площадь на северном плато продолжает иметь характер агоры, в конце IV — начале III в. до н. э. проведены крупные планировочные работы, и на искусственной террасе здесь построено большое общественное здание в дорическом ордере, украшенное декоративной росписью, выполненной на высоком художественном уровне. Возможно, в этом же районе уже выстроен небольшой храм из местного известняка. Об этом можно судить по найденной в 1961 г. угловой плите дорического архитрава. Не исключено, что на выбор места повлияли естественные условия в виде имеющихся здесь больших гротов, внутри скального тела горы Митридат.

В период IV—III вв. до н. э. к югу от площади агоры по гребню верхней четвертой террасы, возводится стена акрополя, четко отделяющая территорию агоры. Северная граница этой линии стен опирается на

---

[20] *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг.— СА, 1960, № 2, с. 169, рис. 2.

выходы скал, расположенных большими группами на востоке и западе.

Во II в. до н. э. в нижней части агоры, на пятой террасе, строится новый пританей на остатках стен здания III в. до н. э., и при расширении территории для его постройки срезается часть высокого южного уступа верхней террасы, где недавно проходила крепостная стена акрополя IV—III в. до н. э. На юго-западе участка, раскопанного Думбергом в 1899 г., располагаются фасадом на северную площадь большие богатые постройки и здание, украшенное балюстрадой и оригинальными расписными капителями. После гибели пританея в конце II в. до н. э. (возможно, и в начале I в. до н. э.), вызванной либо пожаром от землетрясения, либо войной, на оставшихся кладках южной галереи пританея II в. до н. э. возводится в I в. до н. э. новая северная стена акрополя из архитектурных частей сгоревшего пританея. Происходит частичное изменение планировки участка, поверх плитовой вымостки двора пританея прокладывается с запада на восток большой уличный водосток, а с востока подходит улица, вымощенная крупными плитами.

Предположительно в этот период площадь начинает утрачивать свое значение как общественный центр и большая роль в этом плане, очевидно, переходит к другой площади города, лежащей внизу, у моря. Последним отголоском былого общественного значения площади агоры явилось сооружение здесь общественных терм.

Такова в нашем представлении схема развития и изменений планировки северного склона, где находилась ранняя агора Пантикапея. Конечно, эта схема нуждается в проверке, в дополнительных фактах и в новых наблюдениях.

Итак, благодаря сопоставлению различных материалов мы получили серьезные данные, характеризующие крупный район древнего города. К плану Думберга и Марти мы с полным основанием добавили наши планы северной части Ново-Эспланадного раскопа, заполнив юго-восточную территорию, отмеченную как «неисследованная» на плане Марти. В результате получилась убедительная картина остатков античного города на северном склоне горы Митридат.

I. D. Marchenko

ON THE PLANNING OF THE NORTHERN DISTRICT OF PANTICAPEUM

(to the problem of Agora investigations)

Summary

The excavations at the northern slope of the Mitridat hill in 1953—1972 (New-Esplanade section) brought to light the remains of houses and workshops dated to the VIth — Vth centuries B. C. These houses were grouped along two streets, leading from the hill down to the northern plato. A stone-paved square (VIth century B. C.) was discovered in this area, being obviously a place for public meetings. In the Vth century on the square-place a house, devoted to public purposes was built. One of the rooms had a hearth, a specific set of artifacts and a number of graffity were found near it. In the IVth — IIId centuries B. C. to the north of the archaic square a building of Doric order with rich wall paintings was erected. This building excavated in 1896 by K. E. Dumberg, was obviously, a pritaneum. Its plan has some common features with one of the latest pritaneum, erected at the same square in the IInd century B. C. The latter was discovered in 1963.

А. А. ЧАРИКОВ

О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ ПРИИРТЫШЬЯ

В последние годы можно отметить рост интереса со стороны исследователей к каменным изваяниям. Об этом свидетельствует немалое число публикаций и монографий, посвященных средневековым скульптурам Семиречья[1], Тувы[2], Сибири[3], южнорусских степей[4]. С 1974 г. начали вводиться в научный оборот довольно крупные серии статуй из Восточного Казахстана, Павлодарской и Омской областей[5]. Таким образом, появилась возможность изучить отдельные региональные комплексы этих памятников на широком фоне, выделить узколокальные черты, определить границы распространения выделенных типов, направление их перемещений.

В данной статье автор не претендует на решение всех перечисленных проблем. Она посвящена типологии причесок, головных уборов и сосудов, причем автор стремился выявить преобладающие формы, характерные для статуй прииртышского региона. Ранее исследование каменных баб Казахстана в таком аспекте не проводилось. Можно отметить лишь удачную попытку В. П. Мокрынина определить этническую принадлежность ряда женских скульптур Киргизии по особенностям покроя одежды[6]. В других работах, посвященных каменным изваяниям, о локальных особенностях, как правило, ничего не говорится или упоминается лишь вскользь.

Из общего числа выявленных памятников на долю Прииртышья приходятся 82 описанные и измеренные статуи (с рисунком или фотографией). Они подразделяются на три основных типа.

1. Изваяния с сосудом в поднятой у груди правой руке и саблей (или кинжалом) в опущенной левой. Возможны варианты: а) сосуд в поднятой левой руке, а сабля (кинжал) — в правой; б) в поднятой правой руке ловчая (?) птица, сабля (кинжал) — в опущенной левой; в) сосуд в поднятой правой руке, опущенная левая — без оружия (рис. 1, I).

---

[1] *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.— Л., 1966.

[2] *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 24—33, 80—82; *его же.* О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей.— СА, 1964, № 2, с. 27—39; *его же.* Рец.: *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы.— СА, 1964, № 1, с. 349.

[3] *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния южной Сибири и Монголии.— МИА, № 24, 1952, с. 72—120.

[4] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния.— САИ, вып. Е4-2. М., 1974.

[5] *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Каменные изваяния Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 3, с. 220—235; *Чариков А. А.* Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана.— СА, 1976, № 4, с. 153—165.

[6] *Мокрынин В. П.* О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности.— В сб.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975, с. 113—119.

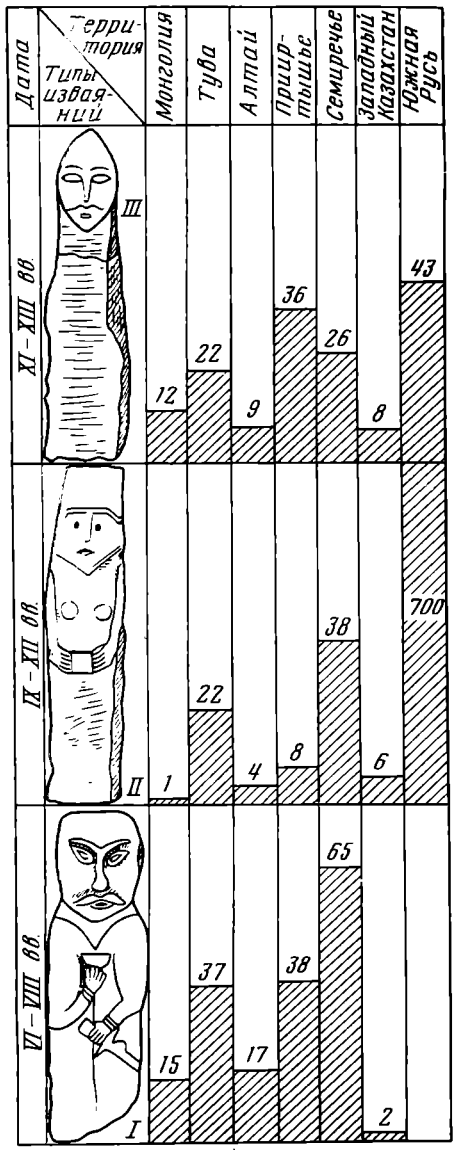


Рис. 1

Рис. 1. Эволюционно-региональная таблица каменных изваяний Прииртышья

Рис. 2. Таблица распространения прииртышских форм головных уборов, обозначенных на изваяниях I типа

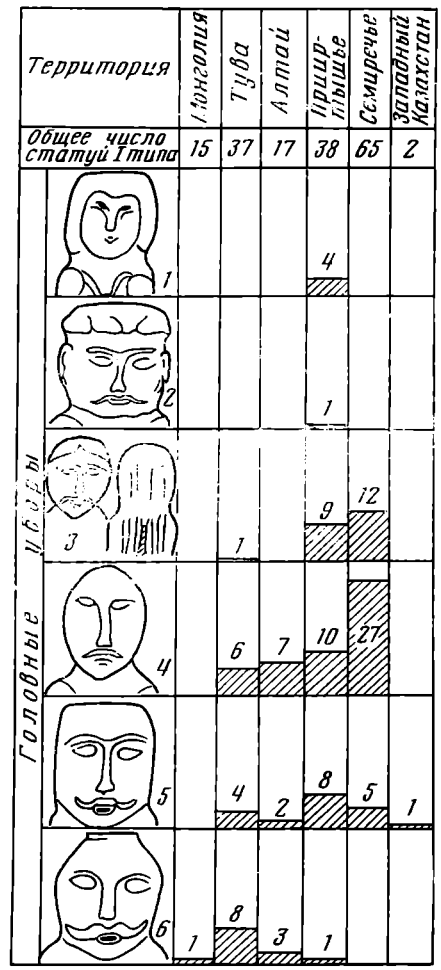


Рис. 2

Все фигуры исполнены в технике «круглого барельефа», с легкой подшлифовкой поверхности, из крупнозернистого гранита, иногда — кремнистого сланца. В большинстве случаев тщательной обработке подвергалась лишь лицевая сторона и частично боковые. Памятники, исполненные в технике круглой скульптуры, чрезвычайно редки. Особый подтип представляет объемная фигура сидящего мужчины (голова отбита и утрачена) с прижатой к груди правой рукой и опущенной на колено левой [7].

[7] *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Ук. соч., с. 221, рис. 1, *1—5*; с. 222, рис. 2, *6—8*; с. 227, рис. 5, *9*, *11*; *Чариков А. А.* Раннесредневековые скульптуры..., с. 154, рис. 1, *1—3*; рис. 2, *4—6*; *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.).— ИАК, вып. 62, 1916, с. 82, рис. 36; *Шер Я. А.* Ук. соч., табл. I, *1, 2, 4, 6*; табл. II, *8—12*; табл. III, *14*; табл. XIII, *53*, табл. XIV, *54, 55*; табл. XXIII, *108*; *Селиванов А. В.* Дневник археологических исследований в Кокчетавском уезде 1894 г.— Архив ЛОИА, ф. 1, 1894, д. 64, л. 26—28.

2. Изваяния с сосудом в обеих руках у пояса. Подтипы: а) мужские, б) женские. Техника обработки — барельеф с элементами гравирования. Лицевая поверхность слегка подшлифована. Материал — серый, различных оттенков гранит (рис. 1, II) [8].

3. Изваяния стеловидные с обобщенным силуэтом. Руки, оружие реалии и другие подробности, как правило, не обозначены. Вместе с тем при всей обобщенности художественного языка некоторые детали (черты лица, отдельные элементы одежды и бытовых предметов, признаки пола) исполнены весьма конкретно. Характерным для данного типа является подчеркивание той или иной индивидуальной особенности в силуэте изображаемого (чрезмерная полнота, сутулость и т. д.), определяемой, по-видимому, уже на стадии подборки монолита его конфигурацией. Подтипы: а) мужские, б) женские. Материал — гранит (рис. 1, III) [9].

Статуи первого типа в Прииртышье были созданы местными тюркоязычными племенами в VI—VIII вв. н. э. Второй тип датируется в рамках IX—XII вв., третий — XI—XIII вв.[10] Создатели их кимаки и кыпчаки.

К **первому типу** относятся 38 скульптур. Наиболее значительно они различаются между собой по форме причесок и головных уборов. Известно, что головной убор, являясь самым консервативным элементом одежды, очень долго сохраняет традиционные черты этнических, социальных, идеологических и половозрастных показателей [11]. Поэтому такая дифференциация имеет весьма важное значение. В данном комплексе по форме шапок и прически можно выделить шесть групп.

1. Зимние шапки подпрямоугольных очертаний с опущенными наушниками и сердцевидным или овальным лицевым вырезом (рис. 2, *1*). Подобная форма ни разу не воспроизведена на известных скульптурах рассматриваемого типа из соседних территорий и является, по-видимому, местной особенностью. Изображенные на двух семиреченских фигурах головные уборы с лицевым вырезом не могут быть включены в эту группу, так как они представляют самостоятельный тип «трехрогих» шляп [12]. В. П. Мокрынин считает данные изваяния женскими [13]. 2. Головной убор округлой формы с прочерченной спереди и по сторонам прерывистой ломаной линией, имитирующей, вероятно, меховую опушку (рис. 2, *2*). Аналогичных шапок среди памятников данной группы не встречено ни к востоку, ни к западу от Прииртышья. 3. Девять изваяний изображены с волосами, зачесанными назад и разделенными «прямым пробором». На шести из них волосы показаны и сзади, тонкими прядями, распущенными по спине (рис. 2, *3*). 4. Изваяния с островерхими и округлыми, нечетко обозначенными шапками (рис. 2, *4*). 5. Изваяния с нечетко обозначенными головными уборами прямоугольных очертаний (с плоским вер-

---

[8] *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Ук. сок., с. 227, рис. 5, *16*; *Шер Я. А.* Ук. соч., табл. XXV, *120*; *Коншин Н. Я.* О памятниках старины в Семипалатинской области.— Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, вып. I. Семипалатинск, 1903, с. 19; *Герасимов Б. Н.* Из мира легенд и недавнего прошлого (этнографический очерк).— Там же, вып. IV, 1909, с. 3; *Белослюдов А. П.* Отчет о работах археологической экспедиции в окрестностях г. Усть-Каменогорска в 1910 году.— Там же, вып. VI, 1912, с. 1; *Селиванов А. В.* Ук. соч., л. 24.

[9] *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Ук. соч., с. 227, рис. 5, *10, 12—15*; с. 228, рис. 6, *17—21*; *Чариков А. А.* Раннесредневековые скульптуры..., с. 158, рис. 6, *7—9*; рис. 7, *10—12*; *Адрианов А. В.* Ук. соч., с. 86, рис. 37; с. 87, рис. 38; *Шер Я. А.* Ук. соч., табл. XVIII, *78, 79, 81, 82*; табл. XIX, *84*; *Черников С. С.* Отчет ВКАЭ 1935 г.— Архив ЛОИА, Р-1, Арх. 741, 937, л. 62.

[10] Обоснование датировки см. в вышеуказанных статьях автора.

[11] *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии.— Среднеазиатский этнографический сборник, вып. 1. Тр. ИЭ АН СССР. XXI. М., 1954, с. 300; *Белицер В. Н.* Народная одежда мордвы. М., 1973, с. 147, 198.

[12] *Шер Я. А.* Ук. соч., табл. XVI, *67, 71*.

[13] *Мокрынин В. П.* Ук. соч., с. 114.

хом) (рис. 2, *5*). 6. Головной убор в виде невысокого уплощенного выступа на макушке (рис. 2, *6*).

Из прилагаемой таблицы (рис. 2) видно, что Прииртышье как бы объединяет Запад (Семиречье, Южный Казахстан) и Восток (Монголия, Тува, Хакасия, Алтай) в отношении распространения различных видов причесок и головных уборов, изображенных на каменных изваяниях первого типа, часто сохраняя на своей территории формы, характерные и для той, и для другой стороны. В подавляющем большинстве все выделенные типы головных уборов встречаются и в других близлежащих районах. Таблица показывает также направление их количественных изменений. Прииртышье почти всегда является центром распространения выделенных форм или крайней областью их бытования. В то же время необходимо отметить наличие неповторимых типов, являющихся, вероятно, местной особенностью. К ним надо отнести шапки-ушанки прямоугольных очертаний с сердцевидным лицевым вырезом, напоминающие казахский головной убор «тымак» или шапку узбекских кыпчаков «тумок» [14]. Не имеет себе аналогий в кыпчакской скульптуре и округлая шапка чингистайского изваяния [15].

Нельзя, конечно, исключить возможность нахождения в будущем подобных форм в соседних областях, но вряд ли они смогут принципиально изменить количественное соотношение тех или иных разновидностей головных уборов. К тому же следует учитывать, что для каждой территории присущи свои традиционные покрои. Например, на тувинских скульптурах чаще всего встречены головные уборы шестой группы, однако характерными для этой территории являются, видимо, шапки с отогнутыми назад и связанными между собой наушниками, очень похожие на современные ушанки [16]. За пределами Тувы они не встречены. Своеобразные узколокальные особенности в форме головных уборов можно, по всей вероятности, наметить и для других географических регионов.

Таблица распространения выделенных типов головного убора указывает также на область возникновения тех или иных форм, которой Прииртышье обязано их появлению. Так, шапочка в виде невысокого уплощенного выступа (рис. 2, *6*), прежде чем появиться на Иртыше, прошла длинный путь из Тувы и Монголии, через Хакасию и Алтай. Далее к западу подобная форма не получила распространения.

Судя по количеству, центром бытования изваяний с подпрямоугольными очертаниями головы (рис. 2, *5*) было Прииртышье. Эта форма занимает наибольший ареал — от Тувы до Западного Казахстана. Широкое территориальное распространение имели также и изваяния с округлой (яйцевидной) головой (рис. 2, *4*). Таблица дает наглядное представление о постепенном их количественном росте с востока (Тува) к западу (Семиречье). Всего насчитывается 50 изваяний с подобной трактовкой головного убора, но более всего их в Прииртышье и Семиречье (37 экз.). Интересно, что внутри данной группы статуй можно выделить дополнительно (по изобразительным признакам) характерные черты, свойственные каждой из этих областей. По манере изображения глаз среди них различаются «безбровые» лица и статуи с выпуклыми, слегка изогнутыми бровями, соединенными с носом (рис. 3). Чаще всего «безбровые» лица встречены на прииртышских скульптурах данной группы (рис. 3, *1—6*). В Семиречье же, наоборот, преобладают памятники второй подгруппы: из 27 изваяний только одно (рис. 3, *15*) безбровое. Безбровый вариант зафиксирован и на нескольких алтайских фигурах [17], но там

---

[14] *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда (XIX — начало XX века). Алма-Ата, 1964, с. 70, рис. 14, *11*; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974, с. 250, рис. 14.

[15] *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Ук. соч., с. 221, рис. 1, *1*.

[16] *Евтюхова Л. А.* Ук. соч., рис. 21, 24—26, 41; с. 103, рис. 57, *1—4*.

[17] *Евтюхова Л. А.* Ук. соч., рис. 1, *2*, *3*; рис. 71, *4*, *5*.

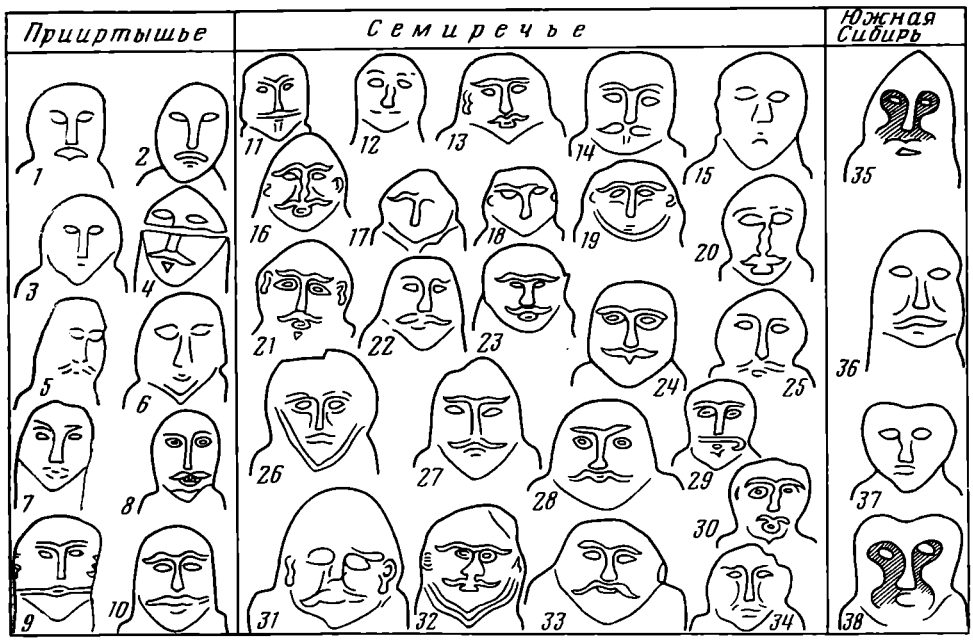


Рис. 3. Сравнительная таблица «круглоголовых» (группа 4) изваяний I типа: *1—6, 15, 35—38* — «безбровые» статуи; *7—14, 16—34* — статуи с обозначенными бровями

эта особенность сочетается с сердцевидной формой головы и со своеобразной (выемчатой) техникой обработки лица, когда вокруг выпуклых рельефов носа, глаз, усов, рта образуется плоская поверхность, внешние контуры которой составляют очертания щек, лба и подбородка (рис. 3, *35—38*). Таким образом, отсутствие бровей у круглоголовых фигур — черта, практически не встречающаяся за пределами прииртышского ареала — является еще одной отличительной особенностью местных памятников.

После головных уборов наиболее ярким локальным показателем для каменных изваяний надо считать сосуд. По своей форме все сосуды, изображенные на прииртышских статуях, подразделяются на шесть типов (рис. 4): 1) кубок на ножке, 2) круглодонная чаша, 3) круглодонный кувшин (кринка), 4) плоскодонный горшок, 5) круглодонный кувшин (кринка) с поддоном, 6) стакановидный кубок.

На 16 скульптурах изображены кубки на ножках (рис. 4, *1*). Подобные кубки зафиксированы на изваяниях Монголии, Тувы, Хакасии и Алтая. Более всего их учтено в Семиречье. В процентном отношении и Прииртышье и Семиречье имеют примерно равное число таких сосудов (по 50%). Очень мало их к востоку от Иртыша (7,2%), но в Монголии количество кубков вновь возрастает до 33%. На территории Западного Казахстана аналогичные сосуды не отмечены.

На 10 статуях воспроизведены круглодонные чаши. Столько же учтено в Семиречье, но в процентном отношении они более характерны для Прииртышья (26,3 и 14,8%). Очень мало чаш изображено на восточных скульптурах. Для востока более характерны сосуды третьего типа и пятого (рис. 4, *3, 5*).

Итак, для прииртышских изваяний наиболее типичны кубки и чаши. Если сравнить между собой сосуды первого типа Семиреченского (рис. 5, *16—49*) и Прииртышского (рис. 5, *1—15*) комплексов с целью выявления локальных признаков, то окажется, что для первого характерно подавляющее преобладание кубков на невысоких профилированных ножках, тогда как в Прииртышье их совсем нет. Для территории северо-восточного Казахстана очень показательны кубки на тонких высоких

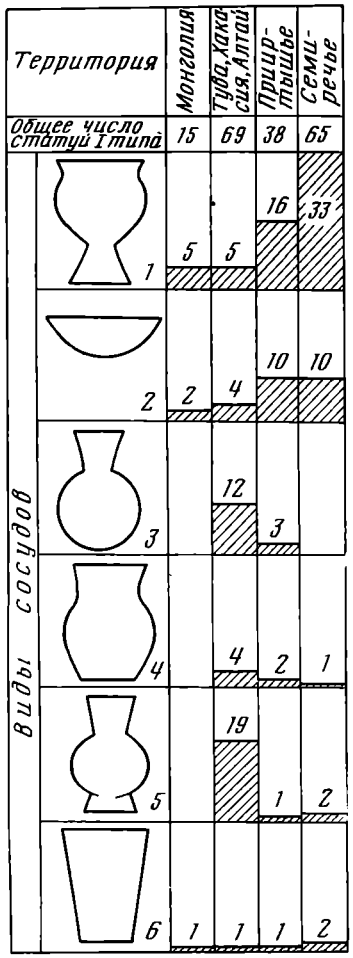


Рис. 4. Таблица распространения прииртышских форм сосудов, обозначенных на изваяниях I типа

ножках, плавно расширяющихся книзу, а также сосуды на широких низких поддонах (рис. 5, *1—3*). В Семиречье подобный вариант отсутствует.

Среди чаш можно выделить относительно глубокие с крутыми стенками круглодонные образцы (рис. 5, *55—59*) и более мелкие, с пологими боками, пиалы (рис. 5, *50+54*). Весьма примечательны три мелкие серповидные чаши с изогнутой линией венчика, изображенные на Прииртышских фигурах (рис. 5, *50—52*). Подобная трактовка ранее не встречалась на известных средневековых памятниках и является уникальной. Что касается круглодонных глубоких чаш, то их следует также отнести к разряду наиболее характерных для Прииртышья форм, поскольку в Семиречье они составляют ничтожный процент (рис. 5, *68*, *69*). Зато на скульптурах из Тянь-Шаня, Таласской долины и Южного Казахстана чаще изображены круглодонные мелкие пиалы с прямой линией венчика (рис. 5, *63—66*). Обращает на себя внимание своеобразная форма пиал с заостренным донцем, воспроизведенных на ряде тянь-шанских фигур (рис. 5, *60—62*).

Второй тип представлен восемью изваяниями с сосудом в обеих руках, опущенных чуть ниже пояса (рис. 1, *II*). По форме головного убора они подразделяются на четыре группы (рис. 6): 1) изваяния с высокой четырехугольной (в виде вытянутой трапеции) шапкой, к востоку от Прииртышья и в Семиречье эта форма не получила распространения; 2) островерхий головной убор; 3) статуя с яйцевидной головой, без четко обозначенной шапки; 4) круглоголовые скульптуры. В Западном Казахстане и к востоку от Прииртышья подобный вариант не зафиксирован.

Таблица распространения головных уборов показывает, что для изваяний Прииртышья характерны высокие подпрямоугольные, слегка сужающиеся вверх шапки (рис. 6, *1*), изображенные на женских фигурах. Они напоминают по форме «саукеле», который носили казахские девушки-невесты и молодые женщины в первый год замужества [18]. Такие головные уборы не зафиксированы на статуях из смежных областей, за исключением юга России. Мужские фигуры характеризуются округлой формой головы (рис. 6, *4*). Остальные формы представлены в Прииртышье минимально и поэтому не могут быть использованы для каких-либо обобщений. Достаточно лишь указать, что третья группа статуй с яйцевидной головой (рис. 6, *3*), на которой угадываются очертания невысокой островерхой шапочки, распространены наиболее широко — от Тувы до Поволжья и южнорусских степей, хотя абсолютное число их совсем невелико (15 экз.). Больше всего зафиксировано круглоголовых

[18] *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Ук. соч., с. 113, рис. 33.

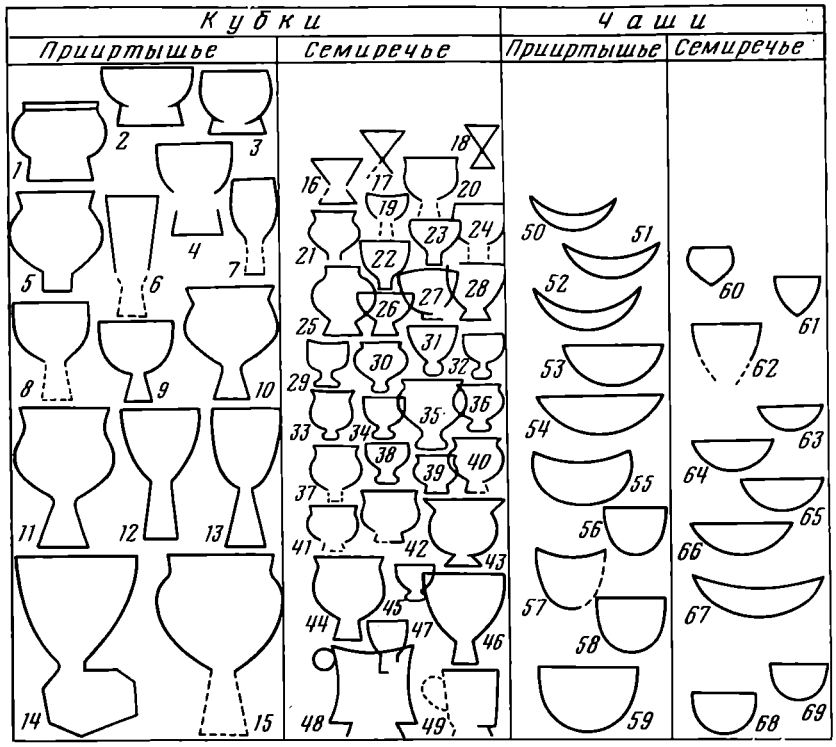


Рис. 5. Сравнительная таблица кубков и чаш, обозначенных на прииртышских и семиреченских статуях I типа

изваяний, но сосредоточены они, главным образом, в Семиречье. В заключение надо отметить полное отсутствие на территории Монголии прииртышских форм головных уборов, как и то, что там было учтено лишь одно изваяние второго типа. Возможно, это обстоятельство следует объяснить обратным (западным и юго-западным) направлением кимакско-кыпчакской экспансии IX—XI вв.

Воспроизведенные сосуды можно разделить на три группы: 1) квадратная банка, 2) кувшиновидные кринки с широкой горловиной, 3) кубок на ножке.

Первый тип довольно редок. За пределами Прииртышья он обозначен лишь на двух половецких статуях [19]. Кувшиновидные сосуды (кринки) изображены на трех семиреченских скульптурах [20], а также на одной тувинской, трех оренбургских и пяти половецких статуях. Кубки отмечены на четырех семиреченских и двух половецких фигурах. Таким образом, можно предположить, что квадратная банка вместе с высоким головным убором четырехугольных очертаний является местной особенностью для данных памятников.

Наличие подобных сосудов и шляп на половецких скульптурах свидетельствует, по-видимому, об определенных этногенетических и культурных связях между отдельными племенами Прииртышья и южнорусских степей. В то же время в близких формах обозначенных предметов нетрудно заметить и характерные для каждой из этих областей различия. К сожалению, нехватка фактического материала исключает пока возможность детально и достаточно обоснованно проследить все намечающиеся связи и отличительные признаки. Очень мало сохранилось каменных изваяний второго типа в Прииртышье. Плохо изучены эти памятни-

[19] *Плетнева С. А.* Ук. соч., табл. 23, *145*; табл. 51, *910*.
[20] *Шер Я. А.* Ук. соч., табл. XXVI, *124*; табл. XXIX, *143, 144*.

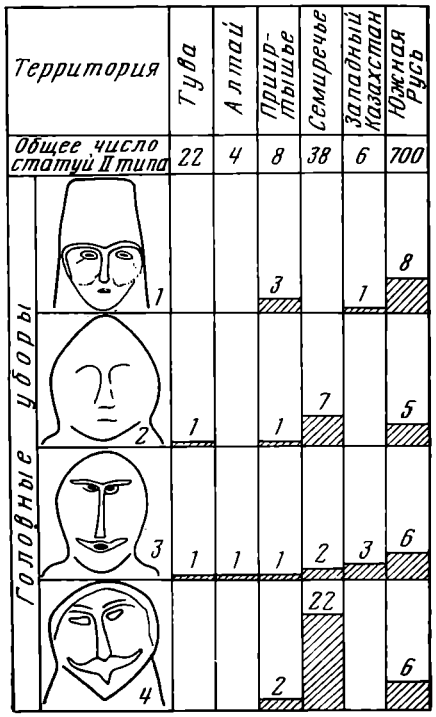


Рис. 6. Таблица распространения прииртышских форм причесок и головных уборов, обозначенных на изваниях II типа

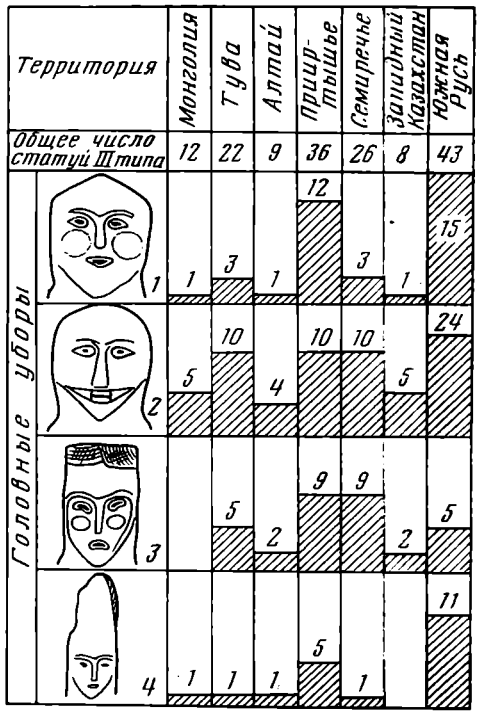


Рис. 7. Таблица распространения прииртышских форм причесок и головных уборов, обозначенных на изваяниях III типа

ки в Центральном и Западном Казахстане, на территории Волго-Уральского междуречья. Много еще неопубликованных статуй в Джамбулском, Чимкентском и других краеведческих музеях Казахстана и Киргизии, а большинство ранее опубликованных нуждается в дополнительном обследовании. Но уже и теперь довольно четко выделяются локальные особенности прииртышских и южнорусских памятников второго типа. Они касаются главным образом самой трактовки изображенных предметов. Так, например, если на прииртышских изваяниях контуры одежды, причесок и головного убора даны весьма обобщенно, то в южнорусских степях (на территории расселения наиболее мощных объединений половцев) все атрибуты и элементы одежды каменных статуй исполнены очень конкретно. Следует помнить, однако, что указанные особенности выделены в пределах лишь одной (первой) группы изваяний второго типа — с высокими подчетырехугольными шляпами, не встречающихся на других территориях, за исключением юга России и Прииртышья. В остальных группах также имеются различия. Они касаются не только манеры исполнения, но и формы обозначенных предметов.

Третий тип включает в себя 36 стеловидных фигур с обобщенным силуэтом. По очертаниям прически и головного убора среди них различаются четыре группы (рис. 7): 1) островерхие шапки, 2) изваяния с округлой головой, 3) статуи с прямоугольной головой, 4) высокие, сужающиеся вверх головные уборы.

Круглая голова (рис. 7, *2*) зафиксирована почти исключительно на мужских скульптурах, высокие шляпы (рис. 7, *4*) — на женских, а разнообразные варианты островерхих и подпрямоугольных шапок встречены как на мужских, так и на женских фигурах.

В таблице представлено количественное соотношение тех или иных форм головных уборов, изображенных на изваяниях третьего типа. Наибольшее распространение получили памятники с округлой трактовкой

головы, без явно выраженного головного убора (рис. 7, *2*). Они рассредоточены почти равномерно по всей территории — от Монголии до южнорусских степей включительно, хотя процентный показатель их по отношению к общему числу каждого отдельного района неодинаков. Гораздо меньше насчитывается статуй с островерхими невысокими шапками (рис. 7, *1*), но в Прииртышье и южнорусских степях они составляют абсолютное большинство среди памятников рассматриваемого типа. Далее следуют изваяния с подпрямоугольными очертаниями головы (рис. 7, *3*). В Монголии такая форма отсутствует. В других районах подобные скульптуры представлены более или менее равномерно. Меньше всего учтено статуй с высокими, слегка сужающимися вверх шляпами (рис. 7, *4*). Надо отметить вместе с тем, что эта форма зафиксирована почти на всей территории распространения средневековых скульптур исключительно на женских статуях. К востоку от Прииртышья такие головные уборы весьма редки.

Высокие конические шляпы чаще всего были отмечены на южнорусских памятниках и в Прииртышье, что дает основание рассматривать эти районы как наиболее вероятные исходные центры распространения подобных головных убранств. Кстати сказать, в синхронных курганах Прииртышья найдены остатки шляп аналогичной формы [21]. Наряду с тем между изваяниями каждой из указанных областей прослеживаются и отличительные черты, обусловленные, по-видимому, местными особенностями. Различия заключаются прежде всего в самой отделке скульптур. Западные фигуры более конкретны в деталях одежды и атрибутах. Восточные же, наоборот, характеризуются предельной обобщенностью силуэта и, в частности, головного убора при довольно подробной разработке лица. Видимо, восточные и западные кыпчаки по-разному решали вопросы сходства с изображаемым субъектом. В первом случае узнаваемость обеспечивалась в основном за счет точного копирования одежды и реалий, во втором — путем подчеркивания заметных, бросающихся в глаза физических особенностей лица и фигуры. При этом соответствие с фигурой конкретного человека определялось, видимо, уже на стадии подборки монолита. Схематичность восточных памятников в какой-то степени объясняется также известным «провинциализмом» прииртышских племен XI—XIII вв., не располагавших большими возможностями для создания высокохудожественных произведений (талантливые художники-камнерезы и в древности встречались редко) в отличие от своих именитых половецких сородичей, пользующихся услугами лучших скульпторов. Необходимо помнить и то, что подавляющее большинство изваяний третьего типа было создано в крайне тяжелое время для кыпчакско-половецкого населения (усиление межплеменных распрей в конце XII в., монгольское завоевание в первой четверти XIII в.) [22], отсюда и относительно небрежная отделка многих памятников не только на периферии, но и в центральных районах расселения половцев.

Еще одним отличительным признаком для прииртышского региона является наличие лицевого сердцевидного выреза на головном уборе изваяний третьего типа (рис. 8, *1—5,8*). Такой вариант был отмечен как характерный для прииртышских памятников первого типа (рис. 2, *1*), он зафиксирован также на местных статуях второго типа (рис. 6, *1*). Отмеченные на других территориях единичные образцы с сердцевидным лицевым вырезом, как правило, даны в сочетании с иными формами ша-

---

[21] *Арсланова Ф. Х.* Средневековый могильник из Прииртышья.— В кн.: Сборник Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР, вып. III. Алма-Ата, 1963, с. 285, табл. VI, *1—4, 8*; с. 287, рис. 2; *ее же.* Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области.— В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 56, табл. 1, *2*.

[22] *Плетнева С. А.* Ук. соч., с. 69, 70.

Рис. 8. Сравнительная таблица причесок и головных уборов, характерных для изваяний III типа Прииртышья и Семиречья: *1—5, 8* — прииртышские изваяния в головных уборах с сердцевидным лицевым вырезом; *7, 9* — прииртышские изваяния в головных уборах с округлым лицевым вырезом; *10—14* — «трехрогие» головные уборы семиреченских статуй; *15—20* — варианты округлых и сердцевидных лицевых вырезов семиреченских изваяний

пок или покрывал, образующих свои неповторимые разновидности (рис. 8, *16, 18*). Выше упоминалось, что в Семиречье (Тянь-Шань) учтено несколько изваяний с «трехрогими» головными уборами и округлым лицевым вырезом. «Рога» обозначены на лобной части покрывала (или шапки) в виде трех вытянутых треугольников (рис. 8, *10—14*). Для данной территории трехрогий головной убор является традиционным, поскольку такая его разновидность была зафиксирована еще на статуях первого типа Киргизии [23]. За пределами семиреченского ареала подобные формы пока не встречены, если не считать миниатюрной каменной женской фигурки (неизвестного происхождения), хранящейся в Тюменском музее [24], и изображения женщины на кудыдыргинском валуне [25].

Итак, приведенная выше систематизация прииртышских изваяний дала возможность выделить среди них три разновременных типа, определяемых позой скульптуры. Кроме того, на широком территориальном фоне для каждого типа удалось выявить преобладающие узколокальные признаки (главным образом по форме сосудов и головных уборов), дать краткую характеристику неповторимых местных особенностей. Картографирование средневековых каменных изваяний позволило очертить примерные границы распространения выделенных типов (рис. 9) [26]. При этом выяснилось, что если статуи первого типа сосредоточены на территории Монголии, Тувы, Хакасии, Южной Сибири и Казахстана (не далее, впрочем, Актюбинской области), то второй тип распространен гораздо шире — от Тувы до южнорусских степей. Наиболее широким был ареал стеловидных скульптур (третий тип) — от Монголии до восточных районов Венгрии [27]. Известно, что половцы селились в Венгрии еще задолго до нашествия монголов [28]. Уместно в этой связи отметить факт

---

[23] *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья, табл. XVI, *67, 71.*

[24] Там же, с. 61, рис. 18.

[25] *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л., 1965, табл. VI, *2.*

[26] Схематическая карта распространения каменных изваяний составлена на основании опубликованных в научной печати данных.

[27] *Fodor Istvan.* A serszobrok kerdeschez.— Folia archaeologica XXI, Budapest, 1970, с. 115—126.

[28] *Шаниязов К. Ш.* Ук. соч., с. 71.

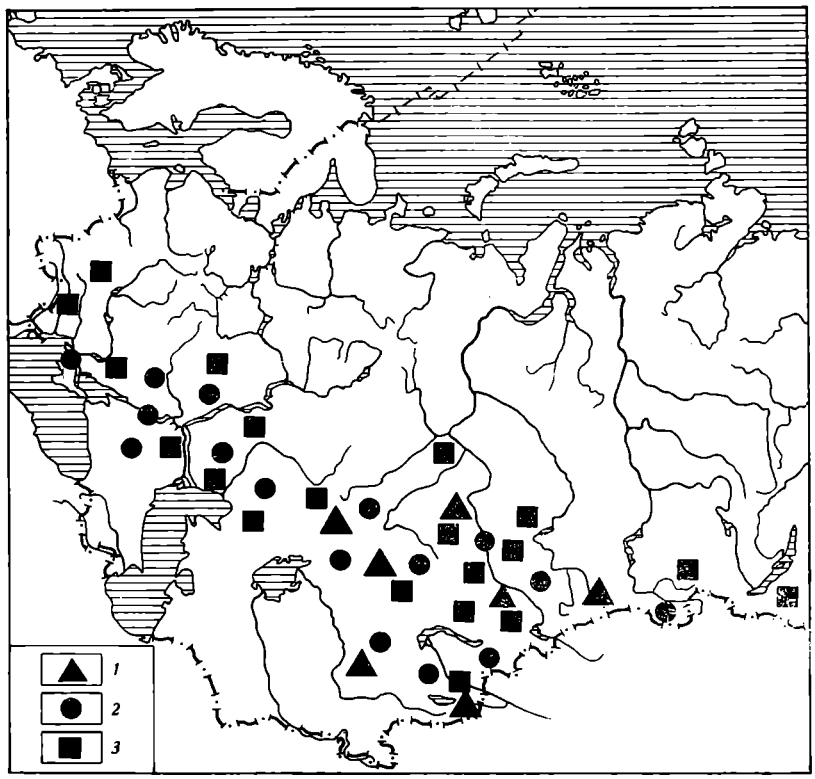


Рис. 9. Схема распространения средневековых каменных изваяний:
1 — изваяния I типа, *2* — изваяния II типа, *3* — изваяния III типа

нахождения стеловидных статуй в Тамбовской губернии [29], очень близких по стилю синхронным казахстанским образцам.

С приходом монголов творческая эволюция кыпчакско-половецкой скульптуры вообще прекратилась. Половецкая аристократия была частью истреблена, частью изгнана за пределы своих кочевий и довольно быстро ассимилировалась там, усвоив чужой язык, чужую культуру. Однако обычай еще долго сохранялся в степи среди уцелевших, разобщенных групп побежденного народа [30] и передавался затем из поколения в поколение, каждый раз все более видоизменяясь под воздействием новых идеологических факторов.

В пользу устойчивости обряда погребения, связанного со скульптурным изображением покойного, свидетельствуют пережитки его у некоторых современных народов, сохранившиеся вплоть до XIX в. Еще капитан Рычков отмечал у казахов во второй половине XVIII в. факты жертвоприношений перед «грубыми» (судя по всему — стеловидными) статуями [31]. Позднее А. Левшин наблюдал у них обычай изготовлять скульптурные изображения умерших сородичей. Эти фигуры, исполненные из войлока, иногда из дерева, «принимали участие» в пирах на своих собственных поминках [32].

По-видимому, уже с середины XIII в. половецкие ваятели все чаще стали заменять портретное изображение из камня безликой антропоморфной стелой, олицетворявшей на поминках покойного. Безликость ста-

[29] *Нарцов А. Н.* О каменных бабах.— Изв. Тамбов. УАК, вып. 50, 1904 (отдельный оттиск), с. 14, 16.
[30] *Шаниязов К. Ш.* Ук. соч., с. 73—75.
[31] *Рычков Н. П.* Дневные записки путешествия Н. Рычкова по киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772, с. 45, 81.
[32] *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. III. Этнографические известия. СПб., 1832, с. 110, 114.

туй, очевидно, была обусловлена влиянием ислама, несомненно ускорившего процесс постепенного развития скульптурного портрета в сторону все большего упрощения и схематизации [33]. В условиях чуждой культуры традиционные религиозные представления постепенно трансформировались и существовали длительное время в измененном виде. К XVII—XVIII вв. схематизация силуэта достигла крайней формы. Образцом предельного обобщения статуй и приспособляемости к требованиям господствующей религии могут служить антропоморфные надгробные памятники на мусульманских кладбищах Западного Казахстана, Средней Азии, Оренбуржья [34]. Принадлежность их к кругу скульптурных изображений человека подчеркнута выделением головы (в виде шара или горизонтальной полосы в верхней части стелы) и плеч. Весьма примечательно, что на одной стеле с кладбища в городе Туркестане воспроизведена чалма, как бы повязанная на голову [35]. Кстати, факт существования этих памятников, наиболее полно сохранивших характерные признаки средневековых статуй третьего типа, является еще одним подтверждением относительно позднего происхождения стеловидных скульптур.

В результате типологического анализа и хронологической классификации отчетливо вырисовывается направление развития каменных изваяний от натуралистического портрета к условно-реалистическому и далее — к предельно схематизированному образу. И на всех этапах эволюции сохранялись основные элементы традиционного обряда — установка изображения умершего сородича-предка, поклонение воздвигнутой статуе, жертвоприношения у «святилищ».

Не исключено, что какая-то часть стеловидных статуй была создана несколько ранее XII в. Возможны отдельные ошибки в определении положения рук или их наличия из-за плохой сохранности отдельных скульптур. Следует допустить и вероятность сосуществования разнотипных памятников в переходные периоды. Однако в своей основе хронологическая последовательность выделенных типов не изменится.

A. A. Charikov

LOCAL PECULIARITIES OF STONE SCULPTURES FROM IRTYSH BASIN

Summary

The author makes an attempt to define local features of stone sculptures of the Upper and Middle Irtysh basin in comparison with the synchronous monuments from Siberia, Khasahstan and steppes of Southern Russia. According to the position of hands the author divides the sculptures into three main types: 1 — sculptures with a bowl in one hand and a sabre (dagger) in the other one; 2 — sculptures with a bowl in both hands; 3 — handless sculptures. The first type belongs to VIth — VIIIth centuries, the second to IXth — XIIth centuries, the third to XIth — XIIIth centuries A. D. Specific features (mainly different forms of hairstyle, head-dress and bowls) were defined for each type of sculptures from Irtysh. The study of the geographical distribution of the monuments permits the author to establish the approximate boundaries of mentioned types and to trace their gradual expansion from east to west. The first type sculptures occupied the smallest territory, but the area of the third type monuments is the largest.

[33] *Плетнева С. А.* Ук. соч., с. 56.

[34] *Кастанье И. А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края.— Тр. ОЦАК, вып. XXII, 1910, табл. XVII, *3—8*.

[35] Там же, табл. XVII, *7*.

Л. Н. КОРЯКОВА

МОГИЛЬНИК САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. КРАСНОЯРКА

В 1971 г. в 4 *км* северо-восточнее с. Красноярка Омской обл. на распахиваемой возвышенности правого коренного берега Иртыша в 5 *км* западнее русла был открыт курганный могильник, состоящий из двух компактных групп. Первая группа образована тремя курганами, среди которых выделялся большими размерами кург. 1, диаметром 50—60 *м* при высоте 4,5 *м*. В центре — огромная, глубиной до 5 *м*, грабительская воронка. Поверхность изрыта многочисленными ямами, покрыта травой и мелким кустарником. В 500 *м* к северо-западу от первого находился кург. 2, а в 250 *м* к северо-востоку — кург. 3. Вторая группа, находящаяся в 1,5 *км* от первой, состояла из двух курганов — 4 и 5. Не исключена возможность существования здесь небольших курганов, в настоящее время уничтоженных пахотой. При рытье траншеи экскаватором в 400 *м* юго-западнее кург. 4 был разрушен кург. 6. В 1974—1975 гг. исследованы курганы 2,3,4,5 и вскрыто погребение кург. 6.

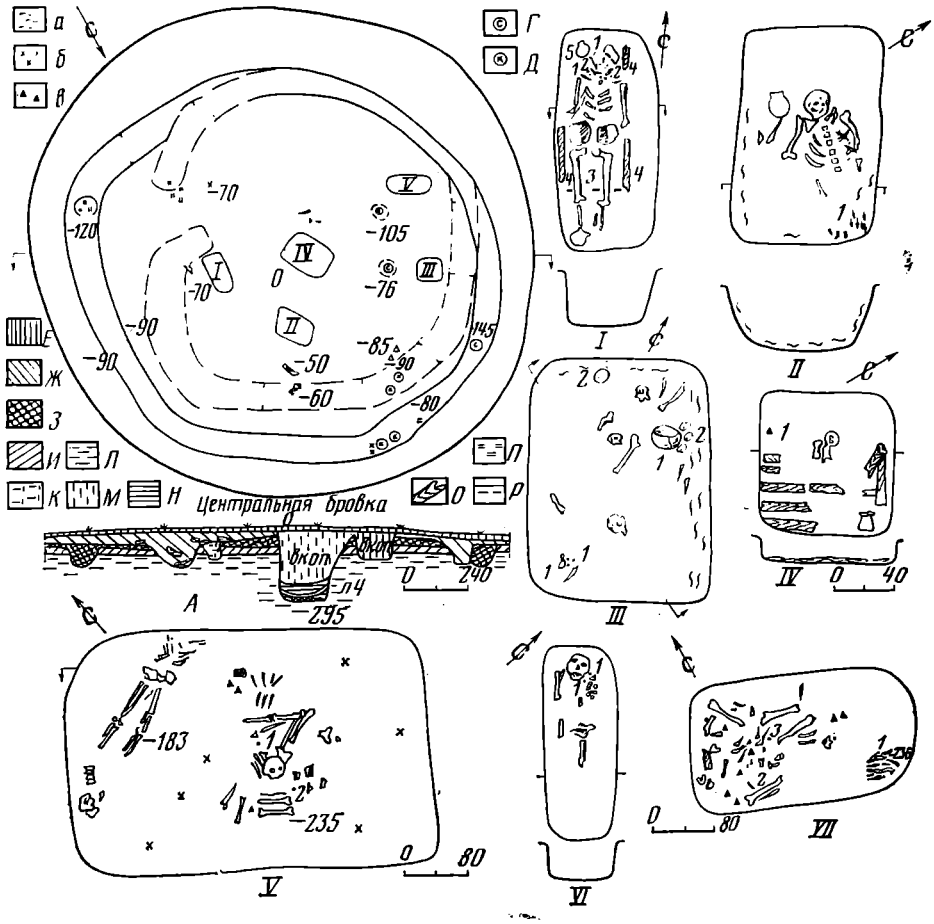
Курган 2 (рис. 1, *Б*) имел уплощенную полусферическую насыпь диаметром 25 *м*, высотой 1,20 *м*, состоящую из рыхлой вверху и плотной внизу темно-серой супеси. Погребенная почва не прослеживалась. В центре на глубине 0,60—0,65 *м*[1] зафиксирована площадка из материкового песка диаметром 6—8 *м*, толщиной около 0,60 *м*, прокаленная до красно-оранжевого цвета, по краям сходящая на нет, в юго-восточной части разрушенная грабительским вкопом. В насыпи кроме костей животных и мелких фрагментов керамики обнаружено несколько находок: в центре — два сосуда (рис. 1, *Б, 1, 2;* 2, *4, 5*), костяные стрелы (рис. 1 *Б, 4;* 3, *16, 17, 20, 21*), в западной части — неорнаментированная чашечка (рис, 1, *Б, 3*; 2, *2*), костяная пряжка (рис. 1, *Б, 5*; 3, *14*), в северной части — бляха с головой горного козла (рис. 1, *Б, 6*; 4).

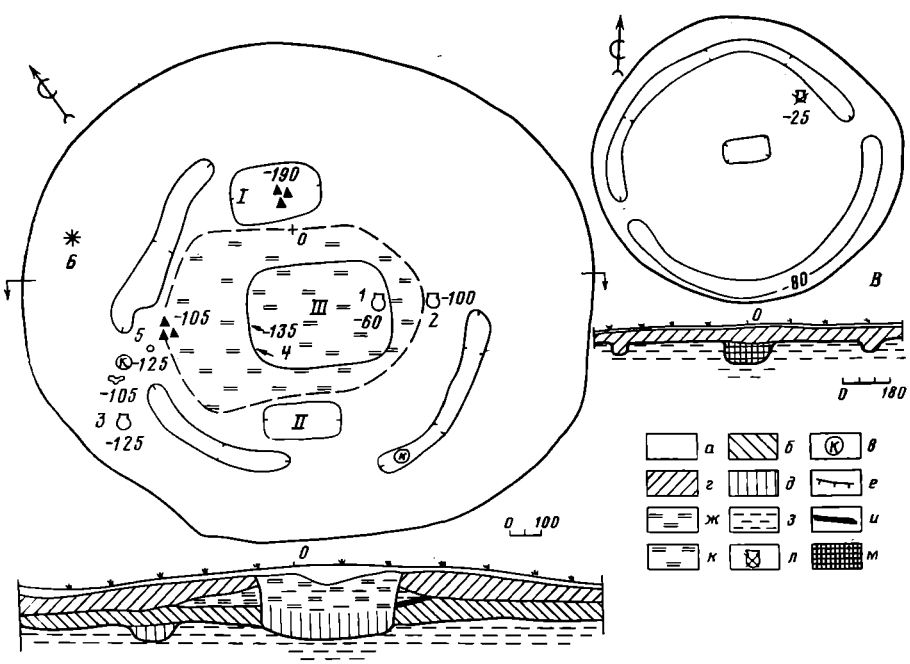
На уровне материка (глубина 1,75—1,80 *м*) зафиксирована прерывистая, в виде трех ровиков, канавка, не прослеживаемая в восточной части, глубиной 0,20—0,25 *м*. В пределах площадки, ограниченной канавкой, обнаружены три могильные ямы, одна из которых — центральная — испорчена грабительской воронкой.

Погребение I (рис. 1, VII) находилось в прямоугольной яме размерами 2,94×1,60 *м*, глубиной 2,38 *м*, ориентированной в направлении СЗ — ЮВ. Стенки отвесные, дно ровное. В яме на разной глубине обнаружены разрозненные кости скелета, развалы двух сосудов (рис. 2, *3*; 5, *6*), обломки костяных накладок на лук (рис. 3, *18, 19*), панцирная пластинка (рис. 3, *15*). В юго-восточном конце расчищены остатки колчана в виде тлена бурого цвета, с 13 костяными и двумя железными стрелами, лежащими веерообразно остриями на ЮВ (рис. 3, *3, 5—13*).

Погребение II (рис. 1, VI) находилось в прямоугольной яме размерами 2,5×0,92 *м*, глубиной 2,29 *м*, ориентированной по линии

[1] Все отметки глубин сделаны от условного 0, за которой принята видимая высокая точка кургана.


а
б
в
Г
Д
Е
Ж
З
И
Л
К
М
Н
О
Р
Центральная бровка
вкоп
-70
-120
-105
-76
-90
-85
-50
-60
-80
145
-295
-183
-235
0
240
40
80
I
II
III
IV
V
VI
VII


-190
-105
-135
-60
-100
-125
-25
-80
0
100
180
а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
л
м

Б

СЗ—ЮВ. В северо-восточном конце сосредоточены разрозненные кости скелета. Череп и кости плеча правой руки находились in situ. Очевидно, умерший лежал головой на СЗ. Справа от черепа обнаружена костяная пряжка (рис. 3, *22*).

Погребение III (рис. 1, V) находилось в прямоугольной яме размерами 4,80×3,25 *м*, глубиной 2,45 *м*, ориентированной по линии СЗ — ЮВ. В западном конце на глубине 1,83—1,85 *м* обнаружены in situ кости нижних конечностей, сильно обожженные и раздавленные, обломки черепа, кусочки дерева. В центральной части ямы на разной глубине встречались кости другого погребенного, среди которых найдены обломки двух сосудов (рис. 5, *1*, *8*), глиняное прясло (рис. 3, *29*), костяная проколка (рис. 3, *30*).

Курган 3 (рис. 1, *А*) имел круглую в плане насыпь, расплывшуюся от постоянной распашки до 28 *м* в диаметре, высотой 0,5 *м*. Под верхним пахотным слоем толщиной 0,20—0,25 *м* повсеместно фиксировался слой серого рыхлого супесчаного грунта мощностью 18—20 *см*. Находящийся под ним слой темно-серого твердого грунта с известковыми и глинистыми включениями подстилался погребенной почвой мощностью около 0,20 *м*, поверх которой местами лежал могильный выкид.

В насыпи на разной глубине встречались мелкие фрагменты керамики, кости животных, угольки; в северной полé кургана были найдены два черепа собаки. При зачистке на глубине 0,85—0,9 *м* зафиксированы два рва, один из которых, внешний, имел диаметр 15—17,5 *м*, глубину 0,78—1 *м* (считая от уровня погребенной почвы). В его северной части был обнаружен череп собаки, в южной — отмечено пятно прокаленного песка толщиной около 0,15 *м*, диаметром 0,9 *м*.

Внутренний ров диаметром 9—13 *м* имел менее ясные границы. Выкид из него местами лежал над внешним рвом и над слоем темно-серой супеси. В северо-восточной части на глубине 0,5—0,6 *м* найдены кусочки дерева и сосуд со сливом (рис. 5, *2*).

Под насыпью обнаружено пять погребений. Одно из них (IV), центральное, было, видимо, основным. Первоначальная насыпь и внешний ров относятся к этому погребению. Выкид из ямы лежал на уровне погребенной почвы. Остальные захоронения находились под полами, располагаясь по кругу.

Погребение I (рис. 1, I) находилось в прямоугольной яме размерами 1,54×0,72 *м*, глубиной 1,30 *м*. На дне лежал костяк женщины вытянуто на спине, головой на север, руки несколько раскинуты. Берцовые кости сдвинуты друг к другу. Под нижней челюстью — двойной ряд мелких стеклянных бус (35 шт., рис. 6, *9*). По обе стороны черепа — две плохо сохранившиеся бронзовые серьги из тонкой проволоки (рис. 6, *8*). Выше колен справа, между бедренными, а также рядом с тазовыми ко-

---

Рис. 1. Могильник у с. Красноярка. *А* — кург. № 3. *а* — древесный тлен; *б* — уголь; *в* — керамика; *г* — череп собаки; *д* — кости животных *е* — верхний пахотный слой; *ж* — серая супесь (поздняя насыпь); *з* — темно-серая супесь с известковым вкраплениями; *и* — погребенная почва; *к* — заполнение могильных ям; *л* — материк; *м* — заполнение грабительских вкопов; *н* — черный грунт; *о* — дерево; *п* — обожженный песок; *р* — граница рвов. I — кург. 3, погр. I: *1* — бусы; *2* — серьги бронзовые; *3* — глиняные пронизки; *4* — дерево; *5* — железный наконечник стрелы; II — кург. 3, погр. II: *1* — железные наконечники стрел; III— кург. 3, погр. IV; *1* — кости черепа; *2* — меловые камни; IV — кург. 3, погр. III; V — кург.2, погр. III: *1* — пряслице; *2* — костяная проколка; VI — кург. 2, погр. II: *1* — костяная пряжка; VII — кург. 2, погр. I: *1* — колчан со стрелами; *2* — накладки лука; *3* — панцирная пластинка. *Б* — кург. 2: *1—3* — сосуды, *4* — железные наконечники стрел, *5* — пряжка, *6* — бронзовая бляха; *В* — кург. 5, *а* — верхний почвенный слой; *б* — плотная темно-серая супесь; *в* — кости животных; *г* — рыхлая темно-серая супесь; *д* — серый пестроцвет; *е* — граница рвов; *ж* — прокаленный песок; *з* — материк; *и* — углистая прослойка; *к* — черно-оранжевая супесь; *л* — развал сосуда; *м* — черная супесь

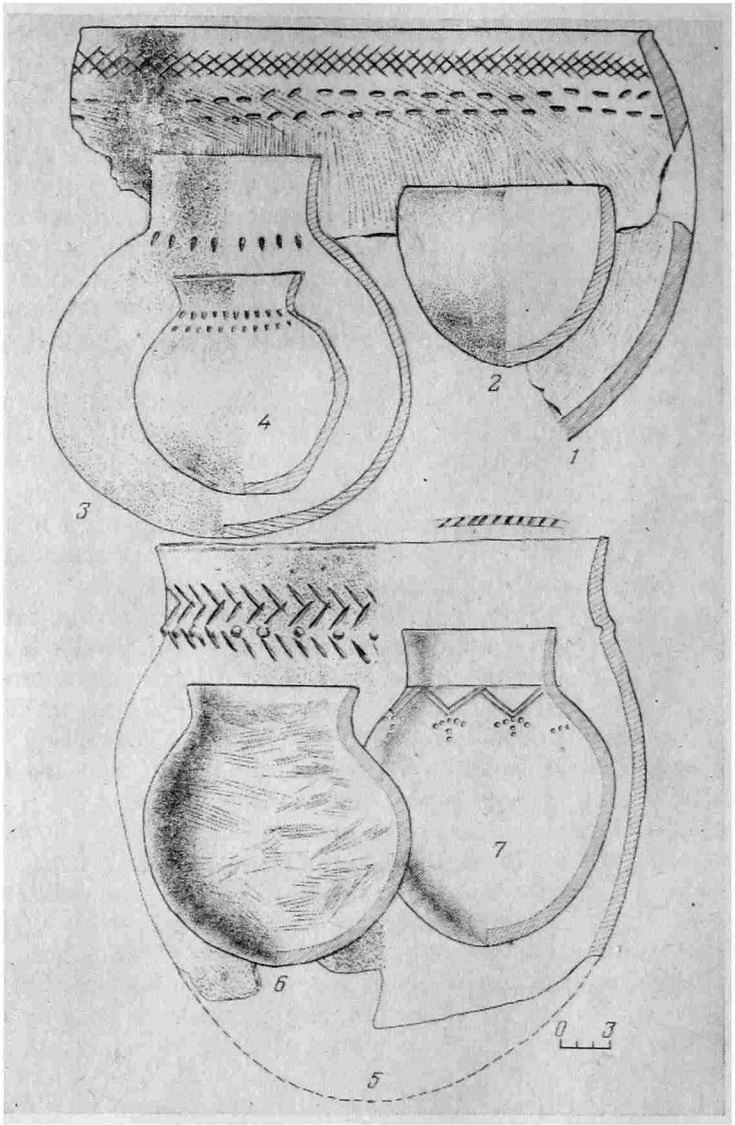


Рис. 2. Могильник у с. Красноярка. *1* – кург. 5, насыпь; *2, 4, 5* — кург. 2, насыпь; *3* — кург. 2, погр. I; *6* — кург. 6; *7* — кург. 3, погр. III

стями — глиняные пронизки-трубочки (рис. 6, *10*). Справа у черепа — сосуд (рис. 5, *3*), железный наконечник стрелы (рис. 3, *4*), в ногах с этой же стороны — второй сосуд (рис. 5, *5*).

Погребение II (рис. 1, II) находилось в прямоугольной яме размерами 1,48×1,00 *м*, глубиной 1 *м*, ориентированной в направлении ССЗ — ЮЮВ. На дне ближе к северо-восточной стенке лежал неполный костяк на спине головой на ССЗ. Кости выше пояса находились в анатомическом порядке, череп сохранился плохо, кости предплечья и таза отсутствовали. От нижних конечностей сохранились лишь мелкие кости фаланг. Судя по расположению в могиле, погребенный был уложен с подогнутыми ногами. Справа у плеча — раздавленный сосуд (рис. 5, *7*), в восточном углу, рядом с костями фаланг, найдены четыре спекшихся железных наконечника стрел (рис. 3, *1, 2*) остриями к юго-западной стенке.

Погребение III (рис. 1, IV) находилось в квадратной яме, размерами 0,9×0,9 *м*, глубиной 1,35 *м*, ориентированной в направлении СЗ — ЮВ. По дну и стенкам фиксировался древесный тлен. В восточном

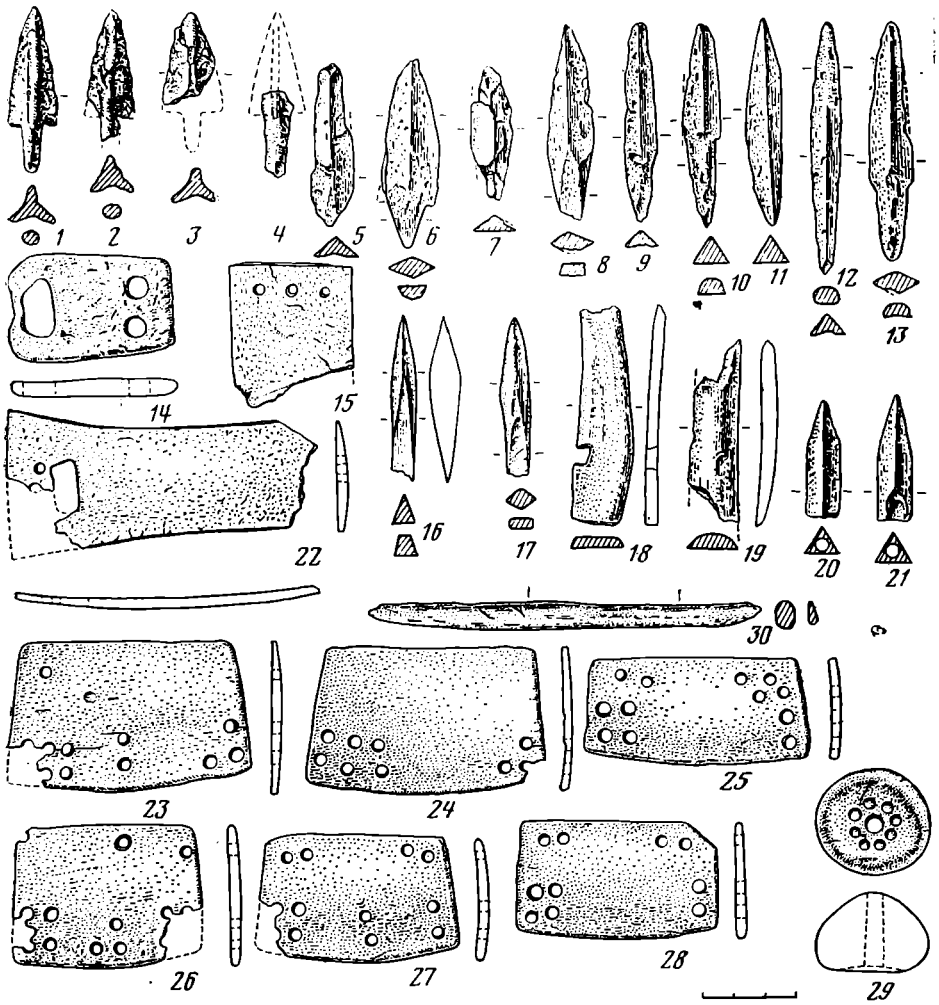


Рис. 3. Могильник у с. Красноярка. *1, 2* — кург. 3, погр. III; *3, 5 — 13, 18* кург. 2, погр. I; *14, 16, 17, 20, 21* — кург. 2, насыпь; *29—30* — кург. 2; погр. III; *22* — кург. 2, погр. II *23—28* — кург. 4, погр. II; *1—4* — железо; *5—28, 30* — кость; *29* — глина

углу на дне — сосуд (рис. 2, 7), в центре — птичьи кости. Следов костяка нет.

Погребение IV (рис. 1, III) центральное. Верхняя часть ямы испорчена грабительскими вкопами. У дна (глубина 2,95 *м*) яма имела прямоугольную форму 1,60×1,20 *м*, ориентирована продольной осью в направлении ССЗ — ЮЮВ, начиная с глубины 1,20 *м* встречались кости скелета, меловые камни. Найдено две нижние челюсти, что свидетельствует о парном захоронении. Вещей нет. По дну прослеживался слабый древесный тлен. Видимо, этому погребению принадлежали отдельные кости человека, встреченные в центральной части насыпи.

Погребение V находилось в овальной яме размерами 1,80—0,78 *м*, глубиной 1,32 *м*, ориентированной по линии СЗ — ЮВ, стенки слегка наклонные, дно ровное. У дна — в беспорядке кости человека, мелкие угольки.

Судя по составу насыпи, курган насыпался дважды. В первый раз — над наиболее глубоким погр. 4, выкид из ямы которого местами лежал на погребенной почве. Слой темно-серой супеси, видимо, представлял собой первоначальную насыпь. С ней связано сооружение внешнего рва. Состав и цвет его заполнения соответствовали слою ранней насыпи.

Остальные погребения — впускные, они фиксировались выше, прорезая слой темно-серой супеси, перекрываясь серой рыхлой супесью, являю-

Рис. 4. Могильник у с. Красноярка. Бляха из насыпи кург. 2

щейся вторичной насыпью. К ней, скорее всего, относился другой ров, заполнение которого не отличалось от слоя поздней насыпи.

Курган 4 (рис. 7, I) имел круглую полусферическую насыпь высотой 1,20 *м*, диаметром 18 *м*, состоящую из земли и, видимо, располагавшуюся на небольшом склоне, отчего ее северо-западная часть была ниже противоположной. Погребенная почва отмечена могильным выкидом из центрального погребения. В насыпи на разной глубине попадались отдельные кости животных и человека, фрагменты керамики. Под насыпью зафиксирован кольцевой ров диаметром 14,8 *м*. Здесь найдено несколько мелких обломков керамики, зубы лошади.

На глубине 1,08 *м* в центральной части кургана обнаружена глиняная утрамбованная площадка, толщиной от 0,25 до 0,32 *м*, по краям сходящая на нет, а посредине разрушенная грабительским вкопом. В глине много кусков дерева.

Под площадкой находилось центральное погр. II (рис. 7, III), совершенное в прямоугольной яме, размерами 2,50×1,70 *м*, глубиной 2,82 *м*, ориентированной в направлении СВ — ЮЗ. По всем сторонам ямы прослежены заплечики высотой 0,35—0,40 *м* от дна. На уровне древней поверхности могила имела размеры 3,40×2,88 *м* и была перекрыта большим накатом из двух слоев бревен, которые прослеживались в основном по краям могилы: вдоль и наклонно вниз. Значительная часть внешнего перекрытия сверху обуглена. На заплечиках обнаружены остатки внутреннего поперечного перекрытия. Погребение разграблено, содержало не менее трех скелетов, судя по количеству костей и нижних челюстей. У северо-западной стенки, на глубине 2,80 *м* найден целый череп, лежащий основанием вверх. Здесь же в куче лежали кости таза, конечностей, ребра. Северо-восточнее — кости лошади и обломки железных удил (рис. 6, *3*). У этой же стенки, ближе к северному углу на глубине 2,80 *м* — 39 панцирных пластин (рис. 3, *23—28*), костяной наконечник стрелы (рис. 6, *7*), бронзовая бусина (рис. 6, *4*). У юго-восточной стенки обнаружены в анатомическом порядке кости нижних конечностей (бедровые и кости стоп) двух скелетов. Судя по их положению, можно предположить, что погребенные лежали головой на ССЗ. Слева в ногах скелета, находящегося ближе к юго-западной стенке,— обломки грубого сосуда, справа — остатки яичной скорлупы. В 0,5 *м* к западу от первого лежали в направлении ССВ — ЮЮЗ кости конечности третьего погребенного. По дну и по стенкам могилы прослеживался древесный тлен.

Под южной полой кургана находилось погр. I (рис. 7, II), совершенное в прямоугольной яме, размерами 2,03×1,08 *м*, глубиной 2,48 *м*. На дне лежал скелет вытянуто на спине головой на СЗ, руки вдоль тела, череп повернут вправо. Слева от черепа — сосуд (рис. 6, *5*), в восточном углу, слева от ног — второй (рис. 6, *6*). Непосредственно над и под погребенным прослеживался тонкий тлен от бересты. Стенки хранили следы обкладки деревом. Погребение потревожено большими барсучьими норами, отчего конструкция перекрытия не могла быть установлена. В насыпи над могилой фиксировалась прослойка перемешанного грунта с включениями глины. Очевидно, курган был насыпан одновременно над обоими погребениями.

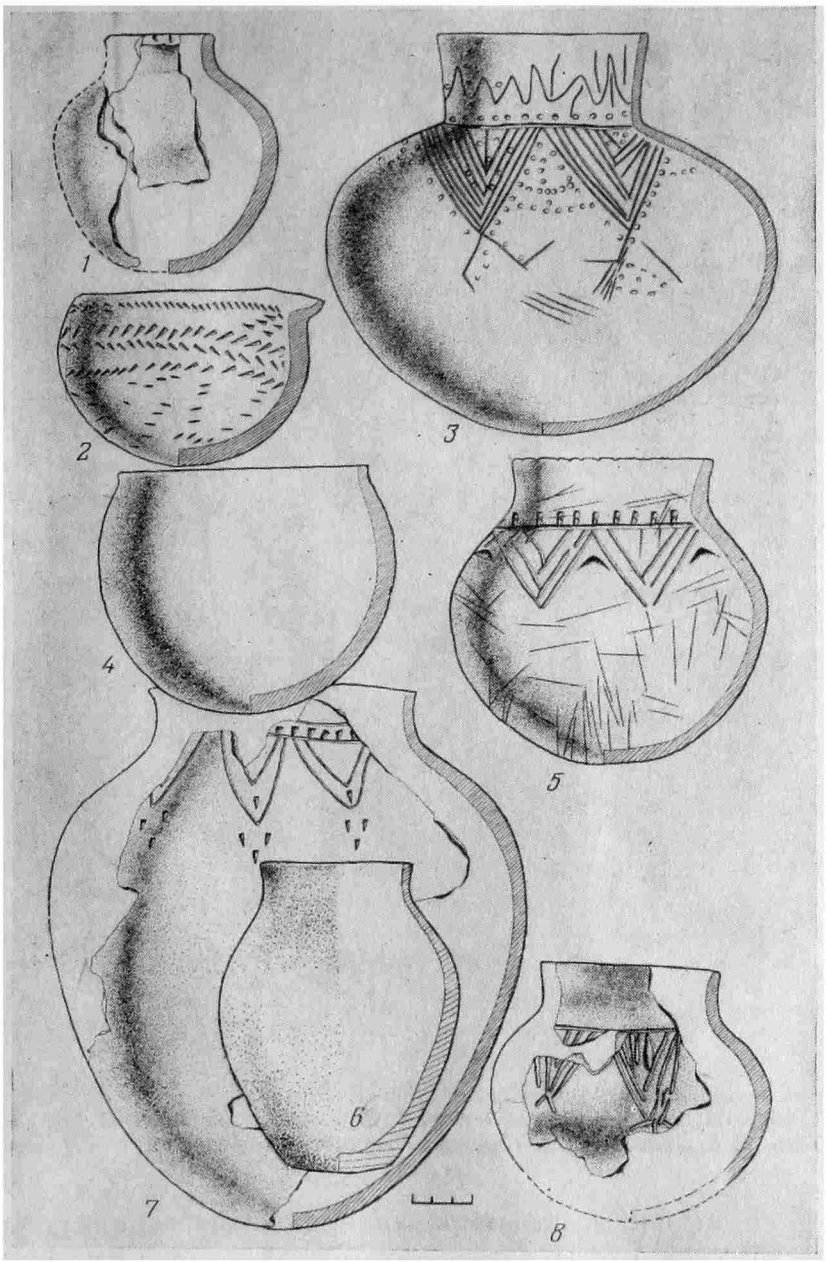


Рис. 5. Могильник у с. Красноярка. *1, 8* – кург. 2, погр. III; *2* — кург. 3, насыпь; *4* — кург. 6; *3—5* — кург. 3, погр. I; *6* — кург. 3, погр. I; *7* — кург. 3, погр. II

Курган 5 (рис. 1, *В*) имел уплощенную насыпь с распаханной поверхностью диаметром 12 *м*, высотой 0,15—0,18 *м*, состоящую из чернозема с мелкими вкраплениями материка. Погребенная почва не прослеживалась. В северо-восточной части обнаружен развал сосуда (рис. 2, *1*). На уровне 0,80 *м* зафиксирован ровик диаметром 9 *м*, с двумя противоположными входами.

В центре на глубине 0,7 *м* обнаружено погребение, совершенное в прямоугольной яме, размерами 1,78×0,9 *м*, глубиной 1,50 *м*, ориентированной в направлении ВСВ — ЗЮЗ. Содержало разрозненные кости двух скелетов: взрослого и ребенка 6—7 лет (судя по наличию молочных зубов в нижней челюсти). В центральной части ямы, ближе к северной стенке, найдены в разрушенном состоянии два железных наконечника стрел дли-

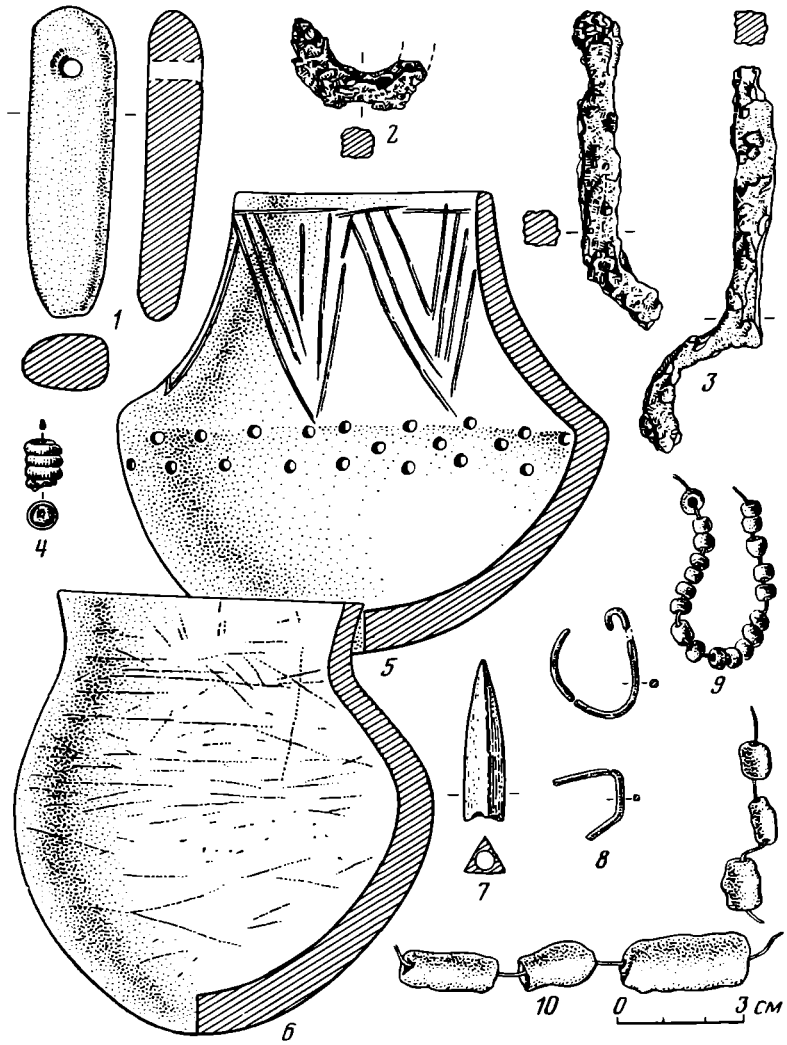


Рис. 6. Могильник у с. Красноярка. *1, 2* — кург. 6; *3, 4, 7*, – кург. 4, погр. II; *8—10* — кург. 3, погр. I; *5, 6* — кург. 4, погр. I; *1* — камень, *2, 3* железо, *4, 8* — бронза, *7* — кость, *9* — стекло, *5, 6, 10* — глина

ной 3,5—4 *см*, мелкие фрагменты сосуда без орнамента, в восточном конце — большой кусок мела.

Курган 6. В 300 *м* от кург. 4 при рытье траншеи экскаватором были подняты кости человека. В этом месте были сделаны вертикальная и горизонтальная зачистки, в результате чего выяснилось, что разрушен небольшой курган высотой 0,2—0,3 *м*. Насыпь состояла из серой супеси, в которой слабо выделялось более темным заполнением погребение в овально-прямоугольной яме размерами 1,80×1,20 *м*, глубиной 1,56 *м* (от высокой точки среза) (рис. 7, IV). Погребенный лежал на спине головой на СЗ. Кости предплечья отсутствовали, бедренные лежали поперек скелета, таз несколько смещен, берцовые кости потревожены экскаватором. Создается впечатление, что ноги были подогнуты. На ребрах справа обнаружены обломки железной круглой пряжки (рис. 6, *2*). Слева лежала кость лошади и точильный брусок с отверстием (рис. 6, *1*), в изголовье — два сосуда (рис. 2, *6*; 5, *4*).

Резюмируя описание курганов, попытаемся на основании анализа погребального инвентаря определить время могильника, выяснить некоторые детали погребального обряда, место курганов в системе подобных им некрополей.

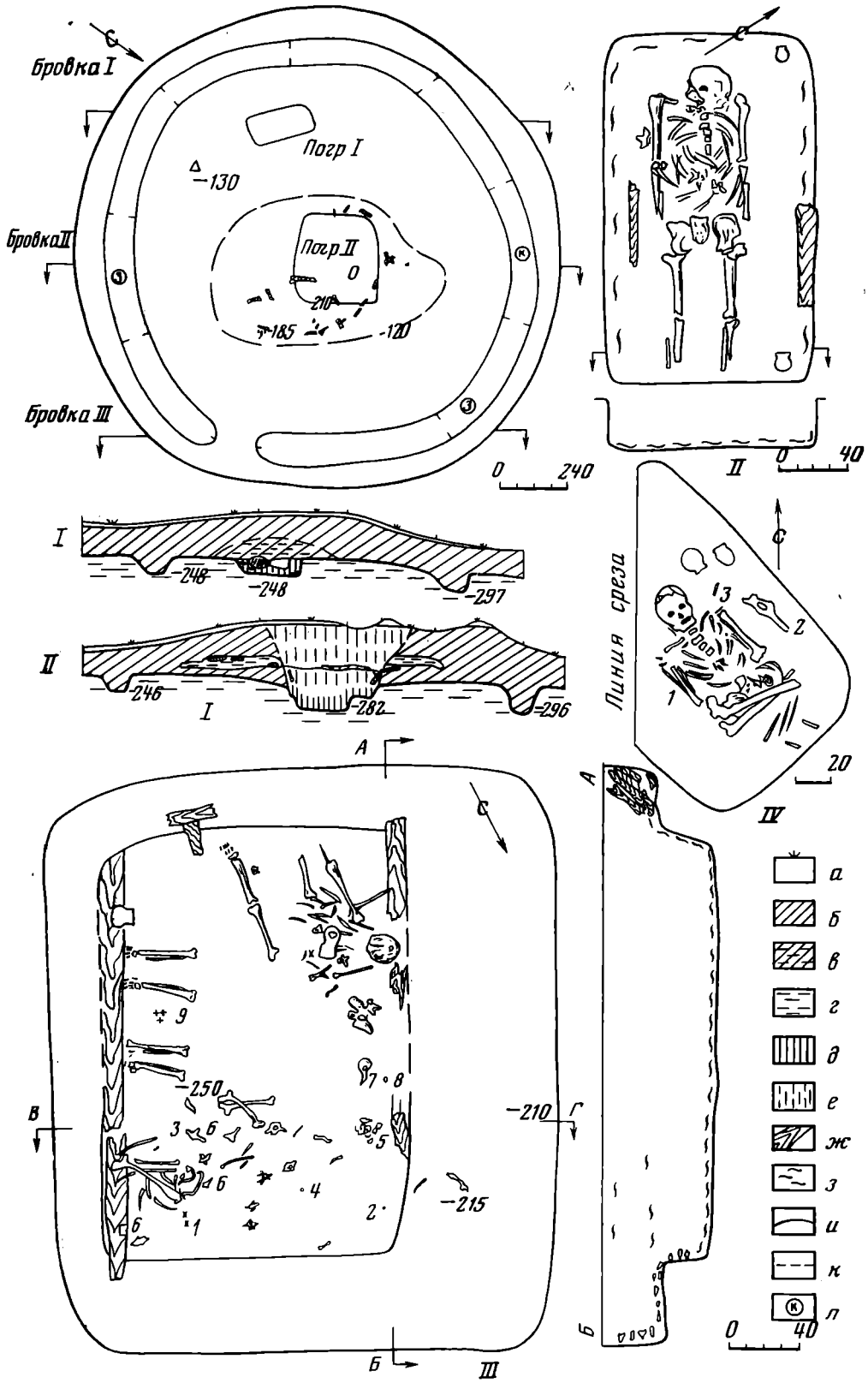


Рис. 7. Могильник у с. Красноярка. I — кург. 4: *а* — дерн; *б* — серая супесь; *в* — пестроцвет; *г* — материк; *д* — заполнение могильных ям; *ж* — дерево; *з* — древесный тлен; *и* — границы насыпи; *к* — граница площадки; *л* — кости животных; II — кург. 4, погр. I; III — кург. 4, погр. II; *1* — угли; *2* — бронзовая бусина; *3* — обломки нижних челюстей; *4* — костяной наконечник стрелы; *5* — панцирные пластинки *6* — обломки черепа; *7* — кость животного; *8* — обломок железных удил *9* — яичная скорлупа; IV — погребение кург. 6

Курганы объединяются сходством конструкции, вещевого материала и керамики и принадлежат к саргатской культуре IV в. до н. э.— III в. н. э., памятники которой — поселения и могильники — сосредоточены в лесостепной зоне Западной Сибири в бассейнах средних течений Иртыша, Ишима и Тобола [2].

Коллекция керамики из курганов у с. Красноярка состоит из 17 лепных сосудов, общими признаками которых являются круглодонность, одинаковый состав теста (рис. 2; 5; 6, *5*, *6*). Сосуды сделаны из рыхлой глины с примесями шамота и песка, обжиг средний или слабый. Стенки грубо обработанные и хрупкие, несмотря на то, что толщина некоторых достигает 1 *см*. Затерты либо травой, либо щепкой. Различия в форме сосудов определяются их общими пропорциями, степенью округлости и вытянутости тулова, высотой и положением шейки. Некоторой уплощенностью дна выделяются сосуды из насыпи и погр. III кург. 2 (рис. 5, *6*; 2, *4*). Орнаментация ямочно-резная, узоры наносились по шейке и плечику, и только чашка со сливом из насыпи кург. 3 украшена полностью резными насечками (рис. 5, *2*). Излюбленный орнаментальный мотив — резные фестоны с различными комбинациями ямок. Другой распространенный узор — резная елочка и каплевидные насечки, нанесенные по основанию шейки. Шесть сосудов без орнамента.

Коллекция вещей из курганов не отличается богатством и выразительностью. Оружие представлено в них наконечниками стрел и накладками лука. Железные черешковые трехлопастные наконечники длиной 4—5 *см*, найденные в четырех погребениях (рис. 3, *1—4*), принадлежат к распространенным, начиная с III—II вв. до н. э., типам прохоровских стрел [3]. Мелкие железные наконечники с черешком и треугольной головкой хорошо известны из раскопок памятников раннесарматского времени в Средней Азии и Казахстане [4]. Подобные наконечники встречаются в саргатских погребениях очень часто, уступая по численности только костяным стрелам и ножам.

Костяные наконечники относятся к группам втульчатых и черешковых. Втульчатые стрелы — трехгранные с ровным или выемчатым основанием и сводчатой головкой (рис. 3, *20, 21*; 6, *7*) — нередко содержатся в погребениях раннего железного века лесостепного Зауралья, в том числе и в саргатских могильниках. Наконечники подобных форм и конструкции известны еще в эпоху бронзы, в частности в срубных и андроновских памятниках [5]. Они считаются прототипами бронзовых трехгранных наконечников [6]. Если проследить за распространением костяных втульчатых наконечников в раннем железном веке, то можно уловить определенную закономерность. Их находят в скифских памятниках IV—III вв. до н. э. в Нижнем Приднестровье [7], на Северном Кавказе — в памятниках V—IV вв. до н. э.[8], ранних савроматских могильниках [9] — Минусинской котловине — в памятниках VII—V вв. до н. э. [10], на Алтае и в Казах-

---

[2] *Могильников В. А.* К вопросу о саргатской культуре.— В сб.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

[3] *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, Д1-10, М., 1963, с. 32.

[4] *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские наконечники стрел.— СА, 1965, № 2.

[5] *Кривцова-Гракова О. А.* Садчиковское поселение.— МИА, № 21, 1951, с. 162, рис. 14, *14—16*.

[6] *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, № 21, 1951, рис. 15, *1*; *его же.* Кипельское селище.— СА, XXVI, 1957, рис. 7, *2*.

[7] *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975, с. 174, рис. 54, 3*к* — *н*.

[8] *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950; *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья.— СА, 1974, № 2, рис. 7, *10*.

[9] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, рис. 2, *26*.

[10] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 146, табл. XXVI, *13*.

стане — в памятниках VI—III вв. до н. э.[11]. Таким образом, время распространения костяных втульчатых стрел совпадает с периодом широкого применения в вооружении степных племен бронзовых втульчатых наконечников. И только у пьяноборских племен они встречаются до II в. н. э.[12]. Интересно, что у населения лесной зоны Евразии, имевшего высокоразвитую костяную индустрию, такие наконечники не получили распространения, во всяком случае, в скифо-сарматское время.

В саргатских погребениях пирамидальные костяные стрелы чаще всего встречаются вместе с бронзовыми втульчатыми. Высокий уровень связи по (X^2)[13] между этими типами указывает на одновременность их существования. Видимо, с исчезновением бронзовых наконечников у саргатских племен угасло производство втульчатых наконечников из кости (не позже начала II в. до н. э.). Это подтверждается также отсутствием связей с типами вещей, датирующихся более поздним временем.

Костяные черешковые стрелы из рассмотренных курганов (рис. 3, *5—13, 16, 17*) относятся к типу черешковых с трехгранным или четырехгранным пером удлиненной формы. Скорее всего, тип и вид таких наконечников определялись формой и качеством используемой кости, а это в свою очередь обусловливалось прямым назначением того или иного экземпляра. Особого расцвета изготовление черешковых наконечников достигло у населения лесной зоны, широко пользовались ими и лесостепные племена Европы, Сибири, Алтая. В памятниках степных культур они встречаются значительно реже.

В погр. I кург. 2 найдены обломки костяных накладок (рис. 3, *18, 19*), характерных для лука «гуннского типа», получившего это название после раскопок в Забайкалье[14]. Б. А. Литвинский считает древнейшей родиной сложносоставного лука сибиро-монгольские степи[15]. По мнению А. М. Хазанова, оформление его в разных вариантах шло на гораздо большей территории, чем степное Забайкалье[16]. Но, в целом, Сибирь, где лук с роговыми накладками известен был еще в неолите[17], единодушно считается областью изобретения сложносоставного лука, сменившего лук скифского типа и на рубеже эр получившего чрезвычайно широкое распространение. Судя по большому количеству находок костяных накладок в погребениях саргатской культуры[18], сложносоставной лук занимал довольно прочное место в вооружении племен лесостепного Зауралья. В. А. Могильников высказал предположение о том, что саргатским племенам лук с накладками стал знаком с III в. до н. э.[19]. В пользу этого утверждения свидетельствует ряд совместных находок накладок лука, бронзовых втульчатых наконечников и костяных панцирных пластин, время бытования которых не идет далее II в. до н. э. Но интервал их сосуществования был, видимо, невелик, что подтверждается их низкой статистической корреляцией, и ограничивался, скорее всего, первой половиной II в. до н. э.

С другой стороны, накладки лука обнаруживают тесную связь с предметами, распространенными в более позднее время. Интересно, что на-

---

[11] *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, табл. XXXV, рис. 2; *Кадырбаев М. К.* Памятники тасмолинской культуры.— В сб.: Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, рис. 66, *19*.

[12] *Генинг В. Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху.— ВАУ, № 10, 1970, с. 82.

[13] $X^2=K_{ab}n^2$, где K — коэффициент корреляции между типами вещей, n — общее число погребений.

[14] *Давыдова А. В.* Иволгинское городище.— СА, XXV, 1956, рис. 21, *10—14*; *Руденко Е. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.— Л., 1962, с. 25.

[15] *Литвинский Б. А.* Сложносоставной лук Средней Азии.— СА, 1966, № 4, с. 84.

[16] *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 31.

[17] *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, № 18, 1950, с. 204, 219—229.

[18] Относительная частота встречаемости для всех погребений 0,1.

[19] *Могильников В. А.* Работы в Омском Прииртышье.— ИИС, вып. 15, 1974, с. 81.

кладки из ранних погребений отличаются меньшими размерами по сравнению с образцами из поздних могил.

Панцирные пластины представляют в курганах остатки костяного защитного доспеха (рис. 3, *23—28*), основной район существования которого — лесостепное Зауралье. В саргатских могильниках панцирные пластины обнаружены в 10 погребениях, но в отличие от погр. II кург. 4 у с. Красноярка, где число их достигало 39, все содержат не более двух-трех пластинок.

Защитные доспехи известны еще в глазковскую эпоху: древнейшие образцы костяных лат найдены в Усть-Илге на Лене [20]. Есть данные о существовании костяных панцирей в эпоху бронзы у племен лесостепного Прииртышья (поселение Инберень V, раскопки В. И. Стефанова [21], коллекция хранится в кабинете археологии Уральского гос. университета). Широко применялись они племенами усть-полуйской культуры [22], но в отличие от зауральских имели большие размеры и иную форму. Пластинки из саргатских погребений несколько напоминают металлические детали панцирей скифов, у которых комплекс защитного вооружения оформился к VI в. до н. э. [23]. Об использовании скифами кости для изготовления панцирей говорят находки пластинок в погребениях IV—III вв. до н. э. в Приднепровье [24]. Предполагается употребление сарматами костяных доспехов, подобных скифским [25]. Возможно, ими же пользовались и гунны до появления в последних веках до нашей эры металлических доспехов. Таким образом, идея пластинчатого панциря, проникшая от более развитых в военном отношении степных племен, воплотилась у саргатцев в традиции, связанной с обработкой кости. В погребениях, датируемых позже II в. до н. э., костяные пластины отсутствуют. И хотя комплексы II в. до н. э.— II в. н. э. не содержат остатков защитного вооружения, трудно представить его отсутствие на фоне заметного развития оружия в целом, характерного для этого периода. Видимо, общий прогресс техники военного дела коснулся и племен саргатской культуры, находившихся в постоянных контактах с кочевниками Евразии. Все это должно было вызвать распространение металлических доспехов, которые, будучи дорогими даже у сармат, не попадали в могилы, тем более что и раньше, в пору расцвета костяного панциря, он зачастую играл в погребальных обрядах чисто символическую роль.

Железные удила из погр. II кург. 4 (рис. 6, *3*) очень фрагментированы. Судя по остаткам, они были кольчатые, стандартной формы. Подобные удила существовали с VI в. до н. э. у коневодов степей. По свидетельству М. Г. Мошковой, обычаи сопровождения умершего уздечным набором характерен для савромат и ранних прохоровцев [26]. Племена саргатской культуры следовали этому обычаю в течение всего периода их жизни в западносибирской лесостепи (удила найдены в 15 погребениях).

Орудия труда представлены точильным бруском (кург. 6, рис. 6, *1*), пряслицем и костяной проколкой (кург. 2, погр. III, рис. 3, *29, 30*). Они принадлежат к хорошо известным стандартным образцам.

---

[20] *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, № 43, 1955, рис. 118—120.

[21] *Стефанов В. И.* Отчет о раскопках поселения Инберень V и городища Инберень VII в Большереченском районе Омской области в 1975 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6022.

[22] *Мошинская В. И.* Археологические памятники севера Западной Сибири.— САИ. Д3-8. М., 1965, табл. 13, с. 53.

[23] *Черненко Е. В.* Скифский доспех. М., 1968.

[24] Там же, с. 23, рис. 8, *18, 19*; *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, Д1-4. М., 1964, с. 72.

[25] *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 58.

[26] *Мошкова М. Г.* Ук. соч., с. 36.

Костяные пряжки, найденные в кург. 2, относятся к группе пластинчатых: прямоугольной и трапециевидной формы с отверстиями для крепления и затягивания ремня (рис. 3, *14, 22.*) Пряжки близких форм известны в алтайских памятниках VI—III вв. до н. э.[27] Железная пряжка из кург. 6, найденная в обломках, типична для прохоровского времени многих областей (рис. 6, *2*).

В насыпи кург. 2 была найдена бронзовая литая пряжка с головой горного козла (рис. 4). Выделяясь из всей коллекции могильника своим явно «чужеземным» обликом, она освещает плохо заметные на обычном материале восточные связи саргатских племен. К сожалению, рамка и шпенек у нее обломаны. Точно такая же пряжка опубликована С. В. Киселевым[28], правда, без указания места находки и даты. Две совершенно аналогичные бляхи найдены в Косогольском кладе тагарской культуры, датируемом III—I вв. до н. э.[29] Как считает М. А. Дэвлет, такие пряжки появились на Среднем Енисее от гуннов, а моделями для них послужили бляхи, происходящие из района Ордоса[30]. Если это верно, то чрезвычайно интересным является вопрос о характере отношений древних саргатцев со своими восточными соседями, с одной стороны, и с сарматскими племенами — с другой. Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, может помочь в какой-то мере в решении ряда проблем, касающихся как организации самого саргатского общества, так и его места и роли в исторических событиях того времени.

Из украшений в рассмотренных курганах встречены мелкие стеклянные бусы с внутренней позолотой (рис. 6, *9*), бронзовые проволочные серьги (рис. 6, *8*) и бусина (рис. 6, *4*). Позолоченные стеклянные бусы, появляясь в Евразии как предмет импорта из Малой Азии или Египта, где их производство было освоено еще в V—IV вв. до н. э., получают массовое распространение в III—II вв. до н. э.[31] Очень много подобных бус отмечается в сарматских погребениях этого времени в Приуралье[32]. Немудреные сережки из тонкой проволоки в виде колечка представляют собой тот тип украшений, которые носили в разное время женщины многих племен.

Рассмотрев погребальный инвентарь курганов у с. Красноярка и сопоставив время бытования найденных в них вещей, мы видим, что могильник мог быть сооружен в период IV—II вв. до н. э. Но учитывая конкретное сочетание типов вещей в погребениях и вероятное время их распространения на территории саргатской культуры, следует сузить дату до III—II вв. до н. э.

Перейдем к анализу погребального обряда. В курганах 2, 4 обнаружены утрамбованные площадки, одна из которых (кург. 2) хранила следы интенсивного горения, отчего приобрела красно-оранжевый цвет. Судя по тому, что пласты глины не задевали впускных погребений, можно предположить их связь с центральными могилами. В Прииртышском и Приишимском районах саргатской культуры треть курганов имеют подобные площадки. Хорошо известно, что глиняные площадки характерны для южноуральских сарматских курганов[33]. К сожалению, отсутствие сведений относительно степени этой характерности затрудняют выяснение вопроса об истоках описанного обычая: у саргатских племен и сармат они появляются почти одновременно. По-видимому, глиняные площадки ис-

---

[27] *Киселев С. В.* Ук. соч., табл. XXVIII, *6*.
[28] Там же, табл. XXI, *11*.
[29] *Нащекин Н. В.* Косогольский клад.— АО — 1966. М., 1967, с. 164.
[30] *Дэвлет М. А.* Происхождение минусинских ажурных пряжек— В сб.: Скифосибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 225, рис. 6, *1*.
[31] *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского.— МИА, № 96, 1961, с. 164.
[32] *Мошкова М. Г.* Ук. соч., с. 45.
[33] *Мошкова М. Г.* Ук. соч., с. 19.

пользовались для отправления каких-то культов, связанных с огнем, и играли роль дополнительного перекрытия над могилой. Они находят себе аналогии в сакских, савроматских памятниках Приуралья, которые нередко содержали каменные наброски над могилами [34], а в более раннее время — в андроновских могильниках Южного Урала [35]. С этой точки зрения в происхождении глиняных площадок намечается возможная связь с распространенным в савроматское время явлением, имеющим глубокие корни в андроновское время. В условиях лесостепи камень, естественно, мог быть заменен песком или глиной.

Под насыпями Красноярских курганов обнаружено от одного (кург. 5) до пяти погребений (кург. 3), в расположении которых прослеживается закономерность, нашедшая подтверждение в других могильниках саргатской культуры. Круговая планировка кладбищ-курганов, сопровождающая распространение многомогильности, становится преобладающей с III в. до н. э., тогда как в IV — начале III в. до н. э. 80% курганов были одномогильными.

Отличительным признаком саргатских курганов является наличие у половины из них ограждений в виде круглых или овальных, замкнутых или с входами и перемычками рвов. В хронологическом плане этот признак фиксируется как в ранний период, когда происходит оформление саргатской похоронной обрядности, так и в поздний, когда наблюдается ее расцвет, усложненный влиянием южного компонента. Рассмотренный могильник состоит из огражденных курганов, причем кург. 3 выделяется тем, что имеет два рва, один — связанный с центральным погребением, другой — вырытый вокруг вводных захоронений. Предполагая зависимость наличия ограждения от законченности погребального комплекса, можно на примере этого кургана отметить момент изменений, которые, видимо, происходили на рубеже III и II вв. до н. э. Зарождающаяся тогда многомогильность сочетается с известным ранее обычаем ограждения одномогильных курганов. Законченный прежде погребальный комплекс с захоронением в центре дополнили другими, вновь окружив его рвом.

В четырех курганах из пяти, судя по количеству костей и черепов, центральные погребения содержали от двух до трех умерших. К сожалению, их полное разрушение лишает нас возможности проследить особенности обряда. Можно только отметить, что одним из погребенных в кург. 5 был ребенок 6—7 лет, а в погр. III кург. 2, судя по находке пряслица, среди прочих погребенных была женщина. Парные и коллективные захоронения составляют 12% от всех саргатских погребений, выделяясь значительной глубиной и сложными погребальными конструкциями.

Одним из распространенных в археологической литературе является мнение о социальной сущности этого явления [36], наблюдаемого у разных народов.

Ведущий тип могил в курганах у с. Красноярка — прямоугольные с отвесными стенками ямы различной глубины и размеров. Вводные захоронения, как правило, неглубокие.

В мог. II кург. 4 зафиксированы круговые заплечики, на которых располагалось поперечное перекрытие. Продольное перекрытие, обугленное сверху, находилось на древней поверхности. В ряде других погребений также прослежены остатки деревянных конструкций. Кроме того, над и под костяком в погр. 2 кург. 4 обнаружен тлен от бересты. Традиция, связанная с использованием дерева в погребениях, занимает в обрядах

[34] *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата. 1965; Сб.: Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975; *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 78.

[35] *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 281.

[36] *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 206; *Могильников В. А.* Ук. соч., с. 72.

саргатских племен устойчивое место (различные виды перекрытий и внутримогильных конструкций, в том числе и срубы — Саргатка, Татарка).

В кург. 3 погр. III являлось кенотафом. Остальные же могилы содержали останки умерших в вытянутом на спине положении, свойственном саргатской культуре. Только у погребенных в кург. 6 и в погр. II кург. 3 отмечена согнутость ног. Каков смысл этих немногочисленных принципиальных отклонений в положении костяков, пока судить трудно. Видимо, он кроется в причинах разного характера, обусловленных либо социальным положением умершего, либо его этнической принадлежностью, возрастом или обстоятельствами смерти.

В могильнике преобладает северо-западная ориентировка (9 могил из 12). В целом для памятников саргатской культуры процент погребений с такой ориентировкой, включая северную, является наибольшим (60%), но с конца III в. до н. э. ощущается неуклонное увеличение доли погребений с широтной ориентировкой (до 20%, в период I в. до н. э.— II в. н. э.). Однако это увеличение происходит в основном за счет сокращения доли северной ориентировки, не касаясь почти северо-западной, остающейся традиционной, особенно на Иртыше.

Для саргатской погребальной обрядности характерен определенный синкретизм. Значительное место занимали в ней различные обычаи, связанные с использованием огня. Следы его фиксируются в рассмотренном могильнике в виде интенсивных кострищ над могилой (кург. 2), в виде обугленных перекрытий (кург. 4), небольших костров (кург. 3) или единичных углей в насыпях. Курган 5 не имел вообще остатков огня. Особый расцвет обрядов с огнем наблюдается в конце III—II в. до н. э., когда доля комплексов с его остатками в насыпях достигает 60%. Указанный период, кроме того, дает первые погребения с меловой подсыпкой, встреченные только на Иртыше (кург. 3, 5). Хорошо известен этот обычай по сарматским памятникам Приуралья и Поволжья [37]. Саргатские могильники отличаются от них малым количеством погребений с меловой подсыпкой. Совершенно очевиден «неместный» характер этого обряда, принесенного, видимо, не раньше III в. до н. э. выходцами из сарматской среды.

Интересная деталь отмечена в кург. 3, где во рву и рядом с погр. V были найдены черепа собак. Захоронение собаки обнаружено только в кург. 10 Окуневского II могильника [38].

В целом же погребения животных несвойственны саргатским памятникам. Видимо, в описанных случаях нашли отражения какие-то моменты мировоззрения отдельных коллективов, у которых образ собаки занимал особое место.

В других погребениях найдены кости лошади — следы заупокойной пищи, а в насыпях (наряду с лошадиными кости других животных и птиц) следы тризн. Наличие остатков мясной пищи в погребении характерно для 20% из них, что намного меньше, чем у кочевников южных степей. Жидкую пищу ставили в сосудах, количество которых и местоположение определялись соответствующими требованиями обрядов.

Таким образом, рассмотренный могильник, датирующийся рубежом III—II вв. до н. э. и входящий в число памятников Иртышского района саргатской культуры, отличается сочетанием в погребальном обряде черт, характерных для более раннего периода и тех традиций, которые достигли значительного подъема в позднее время. Это явилось следствием изменений, вызванных включением в саргатскую погребальную обрядность новых элементов, несущих на себе яркий отпечаток сарматских традиций.

[37] *Смирнов К. Ф.* Сарматы-огнепоклонники. В сб.: Археология Северной и Центральной Азии. М., 1975.

[38] *Могильников В. А.* Отчет за 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4739.

L. N. Koryakova

THE CEMETERY OF THE SARGATKA CULTURE NEAR VILLAGE KRASNOYARKA

Summary

In this article material from the cemetery excavated near village Krasnoyarka, Omsk district, is published and analysed. The cemetery is situated at the right bank of river Irtish, consists of six barrows, from ten to fifty metres in diameter, ringed by ditches, containing from one to five tombs. Remains of individual and collective burials were discovered in graves of different construction. Skeletons were stretched on their back, heads to the north-west. Furniture is rather poor: small number of weapons, tools, ornaments and round-based vessels. Ceramics and construction of barrows indicate, that the cemetery belongs to Sargatka culture of Western Siberia, dated IVth century B. C.— IIId century A. D. The cemetery near village Krasnoyarka is dated to the IIId — IInd centuries B. C.

В. В. БОГОМОЛЬНИКОВ, Т. В. РАВДИНА

О НАХОДКАХ МОНЕТ ИЗ ВОТНИ (ВЕРХНИЙ ДНЕПР)

Вещи из двух курганов, раскопанных в имении Вотня на Днепре, уже сто лет привлекают внимание археологов и нумизматов. Однако в нумизматическую и археологическую литературу, касающуюся находок в Вотне, проникли ошибки и неточности, перекочевывающие из одной работы в другую: год, место и автор раскопок до сего дня называются по-разному, вещевой инвентарь почти неизвестен, атрибуция дирхема разная [1].

Эти ошибки снижают качество такого важного археологического источника, как курганный комплекс с древнерусскими монетами.

Ввиду готовящихся «Корпуса древнейших русских монет» и новой сводки находок восточных монет тем более необходимо исправить ошибки в сведениях об одной находке древнейших русских и восточной монет.

И наконец, нам кажется, необходимо показать и **происхождение** подобного рода ошибок.

Известная нам литература о находках из Вотни насчитывает больше двух десятков названий. Ввиду того что именно они и будут постоянно фигурировать в нашей статье, помещать их все в сноски невозможно. Поэтому литература дается в Приложении, а в тексте статьи в скобках указывается их порядковый номер. Список литературы составлен в хронологическом порядке.

Первые три публикации (1—3) являются самыми ранними по времени, так сказать, первоисточниками. Именно они, дополняя и уточняя друг друга, позволяют воспроизвести историю раскопок и находок монет и тем самым исправить ошибки более поздних работ.

Впервые о находках сребреников в курганах ученый мир узнал 20 декабря 1877 г. на заседании Московского Археологического Общества (МАО), где «чл. кор. Н. М. Турбин передал Обществу предметы, открытые им в двух курганах Могилевской губернии Быховского уезда». Пункт находки не указан. Далее в протоколе № 139 этого заседания (1) подробно перечисляются все эти «предметы», ныне хранящиеся в Государственном историческом музее (ГИМ) под паспортом «Могилевская губ., Старо-Быховский уезд, имение Вотня, в 6 верстах от ст. Обидовичи, близ Днепра, раскопки Н. М. Турбина» (6, с. 141). На планшете 123/3[6] из III Отдела ГИМ запись несколько другая: «...ст. Обидовичи им. Водня. раск. Н. М. Турбина кур. № 1 и 2. Указат. 93, стр. 141». А в картотеке на этот планшет после губернии и уезда стоит только «с. Обидовичи». «Вотня» же вписана потом карандашом.

[1] Работая каждый над своей плановой темой (В. В. Богомольников — «Радимичи», Т. В. Равдина — «Погребения с монетами на территории древней Руси») и составляя каждый свой Каталог раскопанных памятников, авторы независимо друг от друга стали выяснять запутанные сообщения об одном погребении на Днепре с радимическим инвентарем и с монетами.

Председатель МАО А. С. Уваров, первый определивший поступившие к нему в 1877 г. от Н. М. Турбина монеты как сребреники Владимира Святого (1, с. 34), очистивший их и специально доложивший о них на следующем заседании 17 января 1878 г. (1, с. 37), решил сам произвести раскопки в том могильнике, откуда происходили монеты. Это удалось ему осуществить летом 1880 г., и об этой акции он доложил в МАО 15 мая 1881 г. без всяких подробностей. Местонахождение этих курганов А. С. Уваров сообщил такое же, как и за три года до него доложил Н. М. Турбин: «в Быховском уезде Могилевской губернии, близ тех курганов, в которых найдены были действ. членом Н. М. Турбиным серебряные монеты Владимира Святого» (3). Пункт находки опять не указан.

Об этих целенаправленных раскопках А. С. Уварова 1880 г. есть подробная газетная статья действительного члена МАО и директора Виленского музея Я. Ф. Головацкого [2]. Уже из заглавия статьи Головацкого (2) ясно, что А. С. Уваров копал в Вотне, а из содержания мы узнаем, что и монеты за несколько лет до раскопок А. С. Уварова также были найдены в Вотне. Кроме того, из статьи становится ясно, что Обидовичи и Вотня находятся на **разных берегах** Днепра («граф Уваров направил свой путь вдоль Днепра чрез Могилев по шоссейной дороге на станцию Обидовичи, оттуда переправился на правый берег Днепра в Новый Быхов и заехал в усадьбу Вотню») [3]. Далее Головацкий рассказал, что в Вотне в 1880 г. А. С. Уваров раскопал около 13 курганов, но монет не нашел.

В этой же статье Головацкий рассказал историю **предыдущих** раскопок и находок в Вотне тех вещей и монет, которые нам сейчас известны по коллекции в ГИМе. В 1873 г. «квартирующий в Новом Быхове штабс-капитан стрелкового батальона Нечаев» произвел в Вотне любительские раскопки. Некоторые вещи из двух курганов он роздал своим приятелям. Впоследствии, однако, «Нечаев сообщил сведения о своих находках полковнику [4] Н. М. Турбину», который и «препроводил при особой записке открытые Нечаевым вещи графу Уварову». А что было дальше — хорошо известно из официальной публикации (1) : 20 декабря 1877 г. «чл. кор. Н. М. Турбин передал Обществу предметы, открытые им в двух курганах Могилевской губернии Быховского уезда». Н. М. Турбин, таким образом, в 1877 г. собрал, сохранил и ввел в научный оборот очень ценный материал, выкопанный случайно в Вотне в 1873 г. Нечаевым.

Автором раскопок или находок монет одни публикации совершенно логично, согласно официальным данным, считают Н. М. Турбина (1, 3, 4 (в подписи под таблицей № 10 в конце книги), 6, 7, 8, 9, 13, 18, 23); другие называют А. С. Уварова (4, в тексте, и 5, потому что при издании сребреников И. И. Толстой имел дело с А. С. Уваровым; 20, сведения взяты у Толстого); третьи публикации авторами раскопок называют и А. С. Уварова и Н. М. Турбина (4, 11, 22).

Год раскопок с находками монет в Вотне указан Головацким (спустя семь лет после факта раскопок) 1873. Совершенно логично назван Сотниковой 1877 г. согласно первой публикации (1). И неверно, без фактических обоснований, назван 1872 г. в САИ Д1-12 (18) и у Равдиной (23). Причина ошибки — объединение разновременных (1873 и

---

[2] Действительным членом Московского Археологического Общества Я. Головацкий избран в 1867 г. (Древности II, вып. 3, 1870, протоколы, с. 347, протокол № 39 от 12/V—1867 г.). О том, что Я. Ф. Головацкий был директором Виленского музея, явствует из ИОЛЕАЭ, т. XXXI, Антропологическая выставка, т. 2, вып. 3. М., 1878, с. 263.

[3] О том, что Вотня находится на противоположном берегу от Обидовичей, дознался впоследствии только А. А. Ильин (1924), но и он, следуя за Указателем памятников... (6), оставил в паспорте находки слово «Обидовичи».

[4] А. Марков в «Топографии...» 1910 г. (9) пишет о «раскопках в Вотне генерала Турбина». Но генералом Н. М. Турбин стал в 1902 г.

1877 гг.) сведений в разных публикациях (Древности, IV, вып. 2, 1874, протоколы, с. 51 и Древности, VIII (1), о разных раскопках в разных местах (Обидовичах и Вотне) в одно сведение о раскопках в Обидовичах якобы с находками монет. На самом деле Вотня и Обидовичи не только находятся на разных берегах Днепра, но и имели каждый свою курганную группу, в которых были свои раскопки. О раскопках в Вотне в 1873 и 1880 гг. мы уже рассказали. Совершенно независимо от первых и любительских раскопок Нечаева в Вотне, и скорее всего до этих раскопок, в Обидовичах на другом берегу Днепра в 1873 г. раскопал шесть курганов член МАО Н. М. Турбин. В трех курганах были только костяки, а в трех были при костяках и вещи, которые Н. М. Турбин перечислил подробно и покурганно. Монет в этих курганах из Обидовичей не было, а вещи из трех курганов совсем не те, которые вырыл в Вотне Нечаев и которые сейчас хранятся в ГИМе. Раскопки Н. М. Турбина в 1873 г. в Обидовичах и вещи из трех курганов описаны в протоколе МАО от 1/XII. 1873 г. в Древностях IV, а этот протокол составителем САИ Д1-12 (18) и Равдиной (23) ошибочно датирован 1872 г. Смешиванию двух пунктов, Вотни и Обидовичей, способствовало и то, что в Музее нет вещей из раскопок Н. М. Турбина в Обидовичах в 1873 г., а вещи из Вотни, попавшие в 1877 г. в МАО от Турбина же, имеют в музейном паспорте название «Обидовичи», что ввело в заблуждение многих авторов, не читавших Головацкого (2).

Место находок сребреников. Четыре публикации называют Быховский уезд Могилевской губернии без указания конкретного населенного пункта (1, 3, 4, 5). Это можно объяснить тем, что Н. М. Турбину и А. С. Уварову, знакомым с местом находок монет, не пришло в голову назвать не обозначенный на карте фольварк Вотня, а расположенные на другом берегу Днепра Обидовичи тем более не подходили для паспорта находки; И. И. Толстой же в своих публикациях имел сведения о сребрениках от А. С. Уварова.

Остальные публикации называют местом находки монет или **Вотню** (2, 9, 12, 15, 16, 17, 22), или **Обидовичи** (8, 13, 18, 20) или **Вотню-Обидовичи** (6, 7, 11, 14, 23), или Вотню и Обидовичи (т. е. две находки в двух пунктах — Потин (21). Возможно, что причиной ошибочного подключения Обидовичей в паспорт находок монет из Вотни являются вышеназванные записи в Историческом музее, где Обидовичи подразумеваются как близкий ориентир на пути к более конкретному пункту Вотня; а так как на картах Вотни нет, то некоторые авторы, глядя на паспорта Исторического музея, ставили пунктом находки географические Обидовичи на левом берегу Днепра, подразумевая Вотню рядом и уж, во всяком случае, на том же берегу (указание: «Вотня в 6 верстах от Обидовичей» предполагает это расстояние **посуху,** ведь о разнобережных пунктах говорят «напротив»). Поэтому Вотню иногда даже и не ставили в паспорт находки. А. А. Спицын, например, из текста Указателя (6) («имение Вотня в 6 верстах от ст. Обидовичи, близ Днепра») выбросил «Вотню», переставил «близ» и получил другое местоположение: «близ ст. Обидовичи, на Днепре». И дальше весь текст А. А. Спицына неверен вследствие невнимательного чтения Указателя (6), Древностей VIII (1) и статьи Я. Головацкого (2): «2 кургана раскопаны были Н. М. Турбиным близ ст. Обидовичи, на Днепре, причем были, между прочим, найдены 4 сребреника с именем Владимира. **Одни курганы** высокие, островерхие, содержат сожжение, **другие** — более плоской формы и меньшей высоты — заключают в себе обыкновенное погребение, причем костяки пересыпаны (?) пеплом и кусками угля. Между вещами найден, между прочим, витой железный шейный обруч».

Но если раскопано только **два** кургана, то как можно писать, что «**одни** курганы содержат..., **другие** заключают...»? А дело в том, что этот текст с характеристикой формы и **содержания** курганов списан из Ука-

зателя (6), с. 141, 142, где относится к 13 раскопанным в 1880 г. в Вотне курганам и вполне в том контексте правомерен. Этот неправильный текст Спицына был переписан в САИ Д1-12 (18), с. 64, № 140: «Обидовичи. В 1872 г. Н. М. Турбин раскопал два кургана. В более высоких курганах — трупосожжения; в более низких — обыкновенные погребения. Костяки пересыпаны (?) пеплом и углем. Инвентарь: витая гривна, четыре сребреника князя Владимира».

Далее у А. А. Спицына написано: «В 1873 г. в имении Вотне были раскопаны 13 курганов гр. А. С. Уваровым, причем найдены были насыпи и с трупосожжением, и с погребением, головою на В. Находки: кольца, серьги, бусы». Но у Головацкого же сказано, что А. С. Уваров копал в Вотне в 1880 г.! А в 1873 г. в Вотне были найдены сребреники без Уварова [5].

В работе М. П. Сотниковой (22) автором «Обозрения некоторых губерний и областей России в археологическом отношении» в Записках Русского Археологического Общества (т. VIII, вып. 1—2, 1896 г.) назван В. Никитин. Но эта фамилия стоит в самом конце не «Обозрения...», а в следующих под ним «Материалах по доисторической археологии России», автором последней главы которых по Семипалатинской области действительно является В. Никитин. «Обозрение...» же целиком написано А. А. Спицыным, но им не подписано. А. А. Спицын, будучи членом петербургских Археологической комиссии и Русского Археологического Общества, не подписывал своей фамилией написанных им разделов в годовых Отчетах Археологической комиссии с 1889 по 1915 г. (за исключением 1908—1910 гг.), а также «Обозрений некоторых губерний и областей России в археологическом отношении», печатавшихся в Записках Русского Археологического Общества (т. VIII, IX и XI) в 1896—1899 гг.[6]

Возвращаясь к выяснению точного обозначения места находок монет в курганах, отметим, что ошибкой в паспорте Исторического музея является «Старо-Быховский уезд»: такого уезда никогда не существовало, всегда был Быховский уезд. А по «Списку населенных мест Могилевской губернии» не было даже небольшого, хотя бы из одного двора состоящего (как «фольварк Вотня при Днепре») населенного пункта с названием «Старый Быхов» [7]. «Старо-Быховский уезд» назван в девяти публикациях — тех, которые источником сведений имели Указатель памятников (6) непосредственно или через Орешникова или Ильина.

Какова судьба найденных в 1873 г. и описанных в 1877 и 1893 гг. вещей и монет из Вотни?

И. И. Толстой в обеих своих публикациях (4,5), а вслед за ним А. А. Ильин (11) называют среди вещей «стеклянный браслет». Это недоразумение: такой вещи нет ни в перечислении Н. М. Турбина 1877 г. (1), ни в статье Я. Головацкого 1880 г. (2), ни в описи Указателя памятников (6), ни среди натуральных вещей на планшете.

Я. Головацкий говорил о шести найденных в Вотне монетах, но характеристики и описания монет у него нет. По публикациям же и описям известны четыре сребреника и одна восточная монета.

Вот история пяти монет из Вотни.

При докладе в МАО в 1877 г. Н. М. Турбин передал Обществу три серебряные подвески-монеты Владимира I типа (ныне в ГИМе), обещав при этом «доставить Обществу остальные две монеты, которые у него остались и которые найдены были вместе с тремя упомянутыми моне-

---

[5] Судя по протоколам № 86 и 88 «Древностей» IV, вып. 2, 1874, и по «Сборнику материалов для биографии» А. С. Уварова, 1910 г., граф Уваров летом 1873 г. совершал «археологическое путешествие по славянским землям» западных славян, в частности по Галиции, Моравии, Венгрии, и в России раскопок не производил.

[6] Список ученых трудов А. А. Спицына.— СА, X, 1948, в частности, с. 14, № 87.

[7] Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910.

тами» (1, 34). Заинтересовавшийся и занимавшийся монетами Турбина А. С. Уваров ни о каких других, кроме как о монетах Владимира, в МАО не сообщал. Из первой обстоятельной публикации этих монет И. И. Толстым в 1882 г. нам известно, что из Вотни происходят четыре сребреника и один дирхем, эти же сведения повторяются до самых последних лет. Следовательно, оставшиеся у Турбина две монеты были сребреником и дирхемом. Сребреник — такой же, как три первых, но в Исторический музей он так и не поступил и местонахождение его неизвестно (22). Местонахождение дирхема из Вотни также неизвестно, потому что в ГИМ с самого начала поступила его гальванокопия (6, с. 142: «четвертый сребреник и восточная монета находятся у Н. М. Турбина»). Упоминавший восточную монету в своих двух работах хранитель, а затем заведующий кабинетом нумизматики Исторического музея А. В. Орешников не говорил об ее копии, он же сообщил сведения о дирхеме из Вотни А. Маркову для его «Топографии...» (9), тоже не оговаривая наличие в музее только копии.

Необходимо изложить историю атрибуции восточной монеты из Вотни, поскольку дирхем до последнего времени публикуется с разными датами, несмотря на то что еще в работе В. Л. Янина 1956 г. (16) по этому вопросу была внесена полная ясность. Приводим текст Янина с нашими добавлениями.

В. К. Трутовский, первый осматривавший дирхем (в работе Равдиной первое определение дирхема приписано А. С. Уварову), прочел на нем не существовавшее в истории имя Арман Рашид[8]. С этим именем монета упоминается в первой работе И. И. Толстого (1882 г.)[9], в Указателе памятников Исторического музея 1893 г. и в первой работе А. В. Орешникова (1896 г.).

У Маркова (1910), Любомирова (1923), Ильина (1924), Рыбакова (1932) (из Нового Быхова, ссылка на Маркова, указывающего Вотню), Рябцевича (1966) и Потина (1971, из Вотни) дирхем называется монетой Гаруна ар-Рашида 786—809 гг. Это определение очень давно было исправлено В. С. Муралевичем, о чем можно судить из рукописной пометки А. В. Орешникова на рабочем экземпляре его книги, хранящемся в Нумизматическом отделе ГИМ. Дирхем оказался принадлежащим Нуху ибн-Мансуру 976—997 гг. С этим правильным определением монета упомянута во второй работе Орешникова (1936), а также на планшете 123/3^{б} в ГИМе с вещами из Вотни, у Рыбакова (1932, из Обидовичей), у Янина (1956), Мец (1960), Потина (1971, из Обидовичей), у Сотниковой (1971), Равдиной (1975).

В. Н. Рябцевич в своей работе (19) пишет: «Несмотря на присутствие в кладах большого количества арабских монет VIII—IX вв., дирхемы из курганов датированы лишь годами X в.». «Имеется только одно исключение — аббасидский дирхем Гарун ар-Рашида (786—809 гг.), однако время его зарытия определяется рубежом X—XI вв., так как он входил в состав ожерелья с киевскими сребрениками Владимира I (972—1015)».

Как видно из изложенного, дирхем из Вотни, который имеет в виду Рябцевич, также датируется X в. и никакого исключения из курганных дирхемов Белоруссии не составляет. Кроме того, найденные с ним среб-

---

[8] Сомнительно, чтобы именно В. К. Трутовский осматривал дирхем из Вотни в период 1878—1881 гг., т. е. со времени появления монет в МАО и до включения И. И. Толстым в текст его будущей книги первой атрибуции дирхема. Ведь В. К. Трутовский родился в 1862 г. и в 1878—1881 гг. был в возрасте 16—19 лет. Институт восточных языков он окончил в 1885 г. и с этого же года стал работать секретарем МАО (Московское Археологическое Общество за 50 лет (1864—1914), т. 2, 1915, с. 367).

[9] Интересно, что в своей второй работе о древнерусских монетах И. И. Толстой (5) уже не называл монету дирхемом Гаруна ар-Рашида, а «куфической монетой» с пояснением, что «куфические монеты обращались в России, как известно, только до XI в., к каковому времени приток их прекратился».

реники Владимира I типа (а не Владимира I) с изображением Христа не могут быть датированы ранее 988 г.

Итак, в Вотне на правом берегу Днепра южнее Нового Быхова, в Быховском р-не Могилевской обл. в 1873 г. выкопаны и в 1877 и 1882 гг. опубликованы четыре серебряные монеты Владимира I типа 988—1000 гг., дирхем Нуха ибн-Мансура 976—997 гг. и следующие вещи: два семилучевых височных кольца, три небольшие литые лунницы, две такого же размера прорезные лунницы, перстень узкий плоско-выпуклый, проволочное кольцо диам. 4 *см*, обломки железной гривны из крученого дрота, две кольцевые проволочные пряжечки диам. 18 и 19 *мм*, пять бронзовых подвесок в виде вертикальной полусферы диам. 8 *мм*, бусы — сердоликовая призматическая, хрустальная бипирамидальная и 31 стеклянная (24 синие блестящие, 6 зонных непрозрачных темных и одна сургучного цвета призматическая длиной 12 *мм*).

Все эти вещи были распределены между «курганом № 1 и курганом № 2». Но поскольку в протоколе № 139 от 20/XII.1877 г. (1) разбивка была одна, а в Указателе памятников (6, с. 142, 143) те же вещи распределены совсем по-другому, и поскольку с момента откапывания в 1873 г. и до фиксации в Историческом музее в 1893 г. эти вещи прошли через множество рук, мы сочли необходимым перечислить все вещи, найденные в 1873 г. в Вотне.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Древности (орган Московского Археологического Общества), т. VIII, 1880, протоколы, с. 33, 34 и 37: № 139 от 20/XII—1877, п. 6 и № 140 от 17/I—1878 г., п. 8.

2. *Головацкий Я.* Археологические раскопки курганов, произведенные графом А. С. Уваровым в имении Вотне, Могилевской губернии. Газ. «Виленский вестник», № 228, 1880, с. 1, 2.

3. Древности, т. IX, 1883, протоколы, с. 86: № 186 от 15/V—1881 г., п. 9.

4. *Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882, с. 12—14, № 7—10 и табл. 10 в конце книги, № 4—7.

5. *Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты X—XI века.— ЗРАО, VI, 1893, с. 43, № 2.

6. Указатель памятников Российского Исторического музея. Второе дополн. изд. М., 1893, с. 141—143. Ссылка: Толстой (4).

7. *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 года. Описание памятников Российского Исторического музея, вып. I. М., 1896, с. 3, 4, № 1—3. Ссылки: Толстой (4, 5), Указатель (6).

8. *Спицын А. А.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. I и II. Могилевская и Черниговская губернии.— ЗРАО, VIII, вып. 1—2. 1896, с. 121. Ссылки: Указатель (6), Древности VIII (1), Головацкий (2).

9. *Марков А.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910, с. 25, № 38. Ссылка: сообщение хранителя Исторического музея А. В. Орешникова.

10. *Любомиров П. Г.* Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. (Преимущественно по данным о кладах восточных монет).— Уч. зап. СГУ, т. I, вып. 3. Словесно-историч. отд. педагог. факультета. Саратов, 1923, с. 22, 23. Ссылка: Марков (9).

11. *Ильин А. А.* Топография кладов древних русских монет X—XI в. и монет удельного периода. Л., 1924, с. 5 и 13, 14, № 15. Ссылки: Древности VIII (1), Указатель (6), Толстой (4), Орешников (7), Марков (9), Спицын (8).

12. *Бауер Н. П.* Древнерусский чекан X и начала XI в. (Доклад, читанный в заседании секции Нумизматики и Глиптики 2 июня 1926 г., посвященном 10-летию со дня смерти И. И. Толстого).— ИГАИМК, V, 1927, с. 313. Ссылка: Ильин (11).

13. *Рыбакоу Б. О.* Радзімічы. Працы III. Менск, 1932, с. 113. Ссылки: Древности VIII, Марков.

14. *Орешников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси.— Тр. ГИМ, вып. 6, 1936, с. 52 и 68, 69, № 10—12.

15. *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, VI, 1940, с. 231. Ссылка: Ильин (11).

16. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 167, 168, прим. 8. Ссылки: Ильин (11), Толстой (4), Орешников (7, 14), Марков (9).

17. *Мец Н. Д.* Сребреники из с. Митьковки.— СА, 1960, № 1, с. 214 (в таблице). Ссылка: Ильин (11).

18. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра.— САИ, вып. Д1-12. М., 1962, с. 21, № 7 и с. 64, № 140. Ссылки: Древности IV, Древности VIII (1), Древности IX (3), Указатель (6), Спицын (8), планшет 123/3[6] в ГИМе.

19. *Рябцевич В. Н.* Куфические дирхемы на территории Белоруссии. Тезисы доклада в сб.: Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966). Минск, 1966, с. 256.

20. *Медынцева А. А.* Сребреники из Новгорода Малого.— СА, 1969, № 4, с. 260. Ссылки: Толстой (4), Ильин (11).

21. *Потин В. М.* Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии.— Тр. ГЭ, XII, 1971, с. 90, № 94 и 98. Ссылки: Ильин (11), Указатель (6), Древности VIII (1), Рыбакоў (13).

22. *Сотникова М. П.* Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв. К корпусу древнейших русских монет.— Тр. ГЭ, XII, 1971, с. 140, № 2. Ссылки: Толстой (4), Древности VIII (1), Спицын (8), Орешников (7, 14), Ильин (11).

23. *Равдина Т. В.* Археологические замечания к нумизматическим работам.— СА, 1975, № 1, с. 329, № 36. Ссылки: Янин (16), планшет 123/3[6] в ГИМе, Указатель (6), Рыбакоў (13).

V. V. Bogomolnikov, T. V. Ravdina

ON THE COIN FINDS IN VOTNIA (UPPER DNIEPER)

Summary

The article is a detailed analysis of the circumstances of the finds of early Russian silver coins («srebrenniki») in 1873 and 1877 during the excavations of barrows on the Dnieper. The authors also discuss the literary life of the fact, stating how exaggerated to-day's data are. The authors go back over the facts of history and thus reestablish the genuine complex of items found in Votnia.

Н. С. ШЕЛЯПИНА, Т. Д. ПАНОВА, Т. Д. АВДУСИНА

ПРЕДМЕТЫ ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ И ОРУЖИЕ ИЗ РАСКОПОК В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

«... иде Гюрги воевать новгорочкой волости ... и прислав Гюргии рече приди ко мне брате в Москоръ...» [1]. С этим упоминанием под 1147 г. Ипатьевской летописи о военном союзе суздальского князя Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича Северского принято связывать начало летоисчисления Москвы. В связи с рассказом о военном эпизоде в 1177 г. московская крепость вновь появляется на страницах летописей: «Глеб же тоа осени иде к Москве и пожже Москву всю, город и села...» [2]. В середине XII в. Москва становится важным стратегическим пунктом на юго-западной окраине Суздальского княжества. Ее крепость защищала подступы во Владимирскую землю со стороны Чернигово-Рязанского пограничья и Смоленского княжества. Москва являлась форпостом феодального освоения северо-востока Руси, и первые века ее истории проходили в обстановке непрерывных междоусобных раздоров и военных походов. У подножья кремлевского холма в центре Москвы сходились важнейшие сухопутные пути, один из которых шел с северо-запада, из Новгорода, через Волок Ламский к Рязани и в приокские города. Другой путь вел из Киева и Смоленска в Ростов Великий, Владимир и другие города северо-восточной Руси. Московская крепость неоднократно на протяжении своей истории становилась театром военных действий. Эти события оставили заметный след в культурном слое Кремля. Особый интерес представляют вооружение и предметы воинского снаряжения, обнаруженные в хорошо датированных археологических комплексах, в пожарных прослойках, в пограничной зоне крепости, где проходили оборонительные рубежи. Коллекция оружия и доспехов из раскопок в Московском Кремле имеет важное значение еще и потому, что в культурном слое городов, продолжавших свое существование в XIII—XV вв., эти категории находок встречаются довольно редко [3]. Большую ценность представляют клады оружия. В древней Москве, так же как в Новгороде, Пскове, Орешке, отмечены находки целых коллекций воинских изделий. Так, в Ипатьевском переулке в 1895 г. был обнаружен клад, состоявший из пяти шлемов-шишаков, пяти кольчуг, 11 боевых граненых копий и охотничей рогатины (дата комплекса — до 1547 г.). В 1969 г. в Ипатьевском переулке найден железный боевой топор, кавалерийский топорок, засапожные ножи, шлемы-шишаки, стремена и ручная пищаль [4] (1555 г.). При строительстве московского метрополитена близ здания МГУ в двух колодцах найдены четыре железных топора [5].

[1] ПСРЛ, т. 11. СПб., 1908, стлб. 339, л. 125.
[2] ПСРЛ, т. 25, с. 88.
[3] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси. Л., 1976, с. 3.
[4] *Векслер А., Мельникова А.* Московские клады. М., 1973, с. 95—97.
[5] *Арциховский А. В.* Находки в колодцах на Моховой.— В сб.: По трассе первой очереди московского метрополитена. М., 1936, с. 133—138.

Во время этих же работ в шахте № 30 (правый берег Неглинной вдоль Кремля) было найдено пять топоров различной формы. Три из них — боевые. Подобные разновидности, относящиеся к XVII в., известны по раскопкам Тушинского лагеря. Один топор рабочий, один боевой, имеющий аналогии среди материала XI—XIV вв.[6] При строительстве метрополитена в Ильинском проезде у проездной Ильинской башни в заполнении крепостного рва Китай-города была собрана коллекция оружия и предметов вооружения: шлем, фрагменты доспехов, боевые топоры, протазан, рогатина, копье и ядра [7].

Кремлевское археологическое собрание оружия, состоящее из 36 предметов, происходит из раскопок 1963 — 1976 гг. Это рубящее оружие — стальной меч; предметы массового вооружения русских дружинников — копье, топоры; оружие дальнего боя — боевые наконечники стрел; защитные доспехи — шлемы, кольчуги, бахтерец, и предметы снаряжения всадников — шпоры, стремена. Кремлевский комплекс представляет все основные виды оружия и предметы ратного снаряжения русской военной дружины. Некоторые предметы можно связывать с вооружением татарского войска. Часть коллекции выборочно публиковалась ранее, но характер изданий не позволял дать ей исчерпывающую атрибуцию, снабдить иллюстративным материалом и конкретизировать топографию находок. Работы прошедшего десятилетия не являлись специально запланированными археологическими исследованиями и проводились форсированным темпом, не исключая зимних периодов, в связи с чем из слоя отбирался лишь определенный процент находок. Но поскольку разрозненное и разновременное собрание оружия из раскопок в Кремле включает уникальные памятники, достаточно определенно характеризующие культурный слой Московского поселения, возникла необходимость его специального полного и систематизированного издания [8].

Оружие и предметы вооружения в Московском Кремле находили неоднократно [9]. 1844 г. датируется запись о помещении в Оружейную палату древностей, найденных при рытье рвов у Большого Кремлевского дворца: «... найдены к южной стороне собора Спас на Бору на 3-х аршинном углублении один древнерусский шлем ерихонской формы и с другого такого же верхняя часть оного, равно замок, вероятно, от самострела... На шлеме видны местами частицы золота; но все сии вещи до такой степени проржавели и покрылись окисью, что пришли в совершенную ветхость ...» [10]. В книге поступлений Оружейной палаты имеется запись об этих находках, в соответствии с которой один из шлемов датирован XIV в., другой — XVII в. Проверить атрибуцию этих вещей, к сожалению невозможно, поскольку они в хранилище не обнаружены, но степень их сохранности свидетельствует скорее в пользу их древности. Судя по описанию, предметы найдены на глубине 2,2 *м* в юго-западной части поселения, в заполнении проходившего здесь древнего рва. Сведения о следах этого оборонительного рубежа московской крепости имеются в ин-

---

[6] *Рыбаков Б. А.* Металлические вещи, найденные на метрострое.— В сб.: По трассе первой очереди..., с. 153.

[7] *Векслер А. Г.* Новые находки при строительстве московского метро.— АО — 1970. М., 1971, с. 94.

[8] Работа по консервации металла и реставрации археологических экспонатов проведена реставраторами Государственных музеев Московского Кремля А. Б. Наумовым и В. М. Германюком. Находки хранятся на постоянной археологической выставке и в фондах Музеев.

[9] Во время земляных и строительных работ конца XIX — начала XX вв. на территории Кремля и у его стен неоднократно отмечались находки каменных ядер, боевых топоров, картечи и обломков чеснока. *Султанов Н.* Памятник императору Александру II в Кремле Московском. СПб., 1898, с. 586—587.

[10] *Успенский А.* Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. М., 1900, с. 216, № 1564 (1675^{82}).

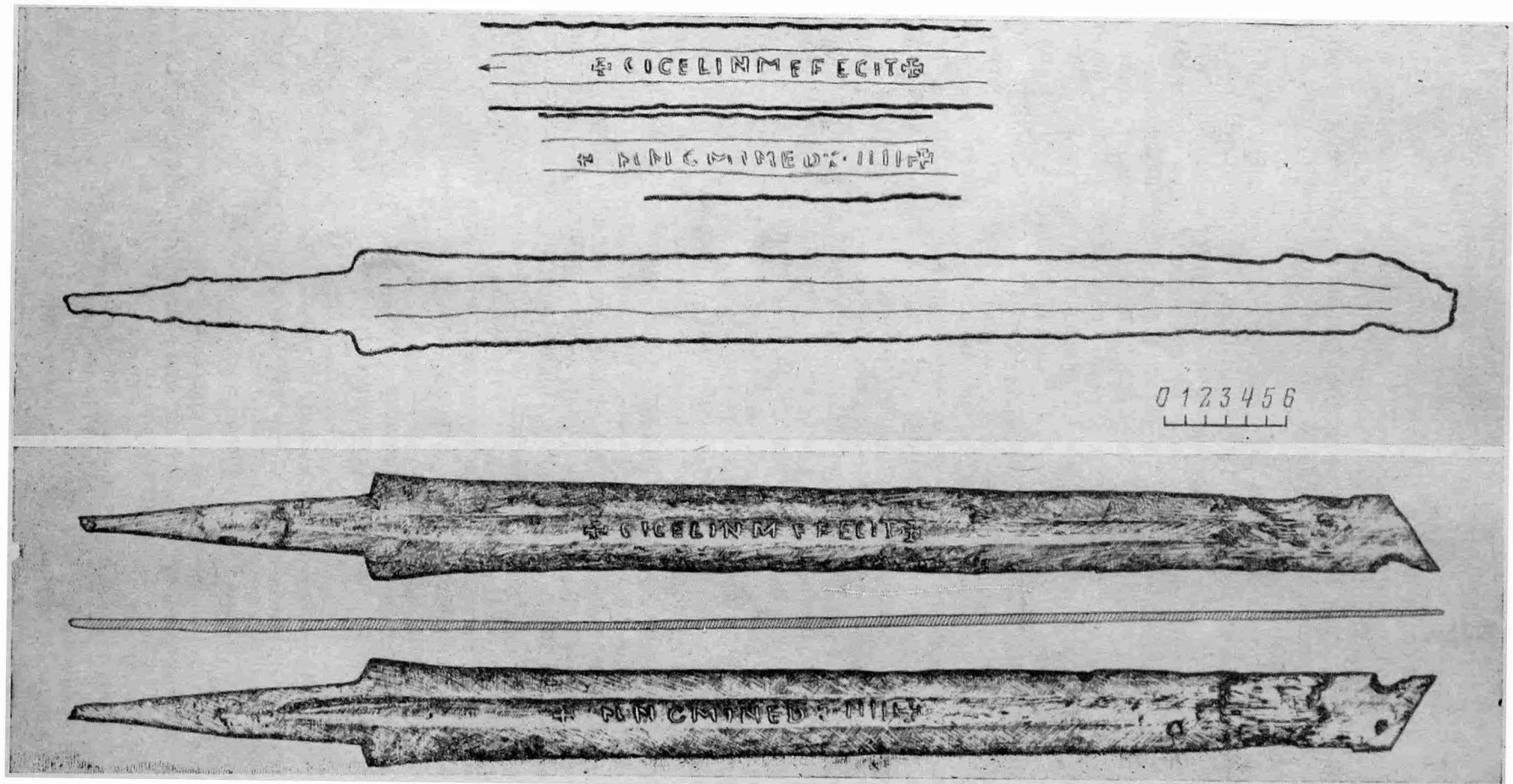


Рис. 1. Московский Кремль. Клинок стального меча, раскопки 1975 г.

формации у М. Гастева [11]. Местоположение рва отмечено им в экспликации к плану Кремля под литерой «*l*». Скудность сведений о первых московских укреплениях объясняет противоречивые мнения исследователей о дате, конструкции и назначении этого памятника. Местонахождение предметов воинского снаряжения и оружия в заполнении рва служит доказательством его принадлежности к линии фортификационных сооружений и позволяет уточнить топографию юго-западной части оборонительного рубежа московской крепости.

При археологических наблюдениях 1975 г. в южной оконечности Ивановской площади на глубине 7 *м* от уровня современной мостовой в вязком влажном гумированном слое найден клинок стального меча (рис. 1). Стержень рукояти клиновидной формы. Длина сохранившейся части меча 68,5, ширина лезвия 4, длина стержня рукояти 24,5, ширина у пяты 5,1 *см*. Металл покрыт рыхлыми окислами синего цвета. Долы, идущие вдоль клинка, занимают по ширине треть лезвия. По классификации мечей второй половины XI—XIII в., предложенной А. Н. Кирпичниковым, найденный в Кремле экземпляр принадлежит к типу II и представляет собой разновидность клинка с трехчастным бронзовым либо железным полым навершием и трубчатым перекрестием. Меч имеет двухстороннее подписное клеймо, что уточняет его дату — середина XII в. (между 1130—1170 гг.). Надписи на лезвии, выполненные латинскими буквами, расположены вдоль дола и занимают треть верха полосы. На одной стороне меча читается: «[CI] CELIN MEFECIT» («Цицелин (?) меня сделал»). Поскольку две первые буквы имени мастера реконструируются неполностью, возможно несколько его разночтений [12]. На другой стороне клинка надпись представляет собой традиционный девиз: «[I]NNOMINEDO(M)INI» («во имя божье»). Обе надписи обрамлены тамгообразными гербовыми знаками — костыльными крестами.

Металл клинка и технология его изготовления исследованы зав. лабораторией естественно-научных методов ИА АН СССР Б. А. Колчиным. Металлографический анализ показал, что меч цельностальной, сталь пакетная, сварочная. Пакет шестислойный, все слои стальные. Техника сварки и качество стали очень высокие (микротвердость достигает значения 724 ед. По результатам металлографического анализа, проведенного Б. А. Нотаровым, в отделе оружия ГИМа, достигает 514 ед.).

Надписи на мече выполнены инкрустацией железной проволокой в сталистую основу клинка. Подобная технология, восходящая к традициям каролингских оружейников, известна во Франкских мастерских с X до середины XIII в.

Московский меч — 11-й, известный в Европе из этой серии находок. В Англии, Германии, Финляндии, Латвии зафиксировано девять мечей с аналогичной маркой. На территории СССР это четвертый, включая названные выше два латвийских экземпляра из могильника Пасселын (раскопки 1897 г.). Третий меч найдет в с. Стайки Киевской обл. Самая восточная в Европе находка меча из высококачественной стали в культурном слое древней Москвы — доказательство правомочности выводов о том, что удельная Русь по оснащению общеевропейскими типами клинков не уступала главным европейским странам [13].

Решая сложный вопрос о характере раннего московского поселения, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: по мере удаления от городских районов количество находок мечей резко умень-

---

[11] *Гастев М.* Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. Ч. 1. М., 1841, план Москвы. Объяснения к планам, с. 4, план № 55.

[12] *Шеляпина Н. С.* Меч из раскопок в Московском Кремле.— В сб.: Древняя Русь и славяне. М., 1978. См. также: *Дрбоглав Д. А.* Эпиграфическое значение меча из Московского Кремля.— СА, 1978, № 2.

[13] *Кирпичников А. Н.* Надписи и знаки на клинках восточно-европейских мечей IX—XIII вв.— ССб, XI, 1966, с. 292.

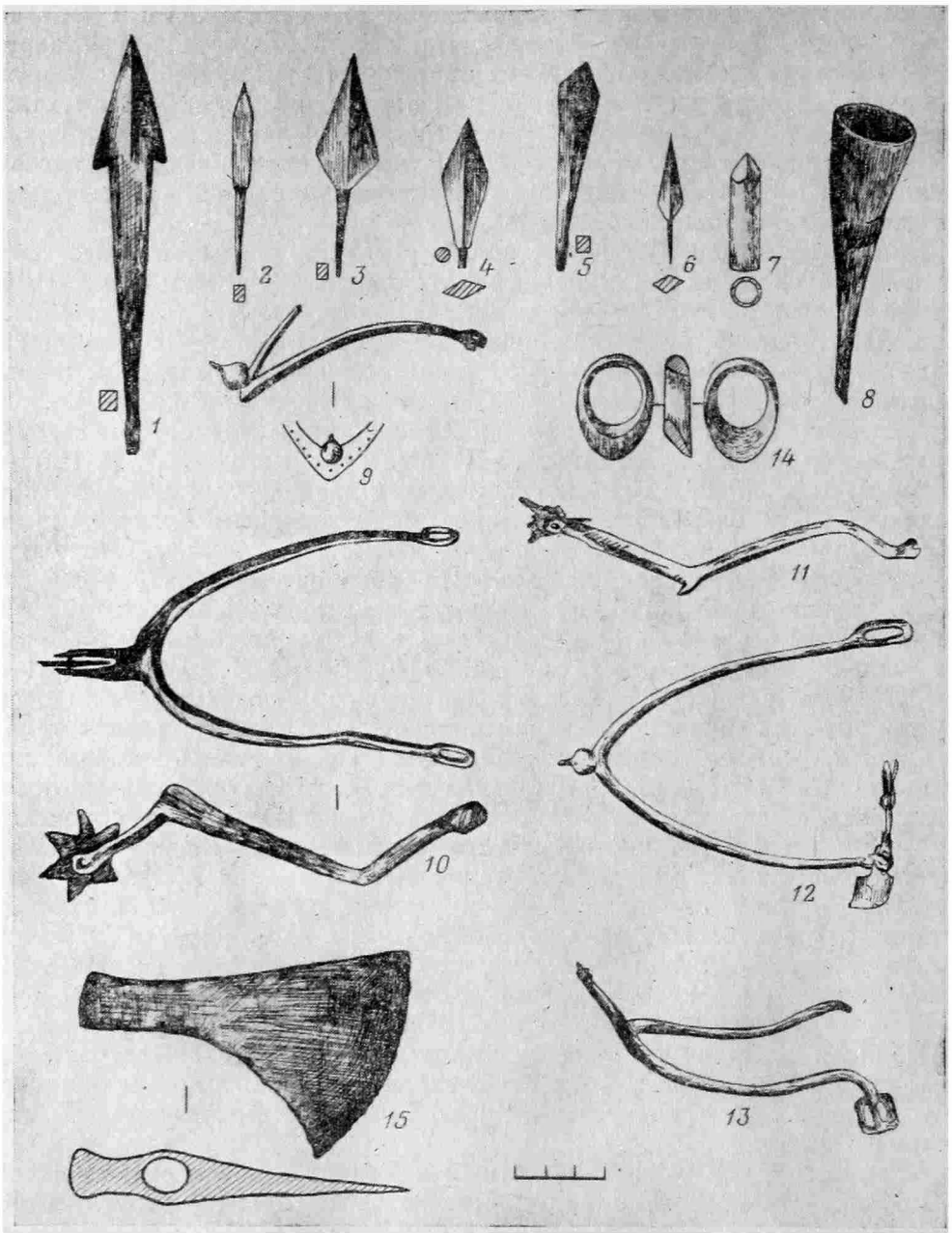


Рис. 2. Оружие и предметы воинского снаряжения из раскопок в Московском Кремле. *1* — наконечник дротика *2—7* – наконечники стрел; 8 — вток копья; *9—13* — шпоры; *14* — костяное кольцо; 15 – топор

шается. В курганных древностях XI—XIII вв. мечи встречаются в виде редкого исключения[14]. Среди 5877 захоронений, раскопанных в Ленинградской обл. Л. К. Ивановским, клинки были лишь в 13 курганах. В Гнёздове на 800 курганов приходится всего 19 мечей. Из рассматриваемой серии предметов вооружения, следовательно, лишь незначительное количество найдено в погребениях, остальные обнаружены, как и московский меч, вблизи городских центров, в разгромленных Батыем южнорусских городах, на главных речных и сухопутных магистралях, больших переправах, на дорогах войны. Меч из Кремля, видимо, был

[14] *Анучин Д. И.* О некоторых формах древнейших русских мечей.– Тр. VI АС, т. 1. Одесса, 1886, с. 242.

потерян на переправе через ров на подступах к московской крепости в наиболее угрожаемой части ее восточного оборонительного рубежа. Клинок мог затонуть во рву в том его участке, где ров пересекает трасса древней дороги, шедшей во Владимир. В XII в. между Москвой и Владимиром уже существовала сухопутная дорога. В 1176 г. во время княжеской усобицы Михалко Юрьевич шел с полком из Москвы к Владимиру, а Ярополк тем же путем двигался к Москве и две рати «божьим промыслом минустася в лесех» [15]. Эта дорога вела внутрь города в направлении современных Спасских ворот. Впоследствии здесь проходила одна из древнейших магистралей Москвы — Варварка или Варьская улица, впервые упомянутая владимирским летописцем под 1434 г.

Связывать кремлевский меч с известным по летописи военным эпизодом XII в. можно лишь гипотетически. Не исключено, что он мог попасть в культурный слой Москвы и в 1177 г., когда ее сжег Глеб Рязанский [16]. Клинок мог принадлежать легковооруженному всаднику русской военной дружины.

Основное оружие дальнего боя — стрелы представлены в археологическом собрании музеев Кремля 10 экземплярами. Наиболее интересны древнейшие, датированные XI—XIII вв. Все они обнаружены во втором и третьем горизонтах культурного слоя в центральной части поселения (современная Соборная площадь). В 1965 г. в восточном проезде церкви Двенадцати апостолов на глубине 5,4 *м* найден массивный железный наконечник дротика с обломанным черешком (рис. 2, *1*). Длина сохранившейся части 124, длина пера 40 *мм*, поперечное сечение головки треугольное. Обращает на себя внимание ее асимметрия. По классификации А. Ф. Медведева дротик датируется XI в. [17] Наконечник найден в предматериковом слое под деревянным настилом мостовой конца XI в., обнаруженной в восточном проезде церкви Двенадцати апостолов. Экземпляр находит аналогии среди материалов курганных древностей (№ 9, кург. 5 у дер. Чемихино, XI в.). Оба экземпляра отличаются характерной асимметрией пера.

В 1965 г. на том же участке работ во втором горизонте культурного слоя на глубине около 5 *м* был найден железный наконечник бронебойной стрелы (рис. 2, *2*). Ее длина 5,2, длина головки 3, ширина 0,5 *см*. По заключению А. Ф. Медведева, такие шиловидные квадратного сечения без упора стрелы относятся к типу 93. Они бытовали в Восточной Европе с X по XIV в. включительно. В Новгороде найдены в слоях второй половины XI—XIII в., на Вятских городищах — IX—XII вв. Наиболее вероятная дата этой находки — первая половина — середина XIII в. [18] Примерно на тех же отметках (около 4,60 *м*) в штольнях, расположенных в северной части Соборной площади, зафиксирован пожарный слой, отмечающий уровень дневной поверхности первой половины XIII в. Есть основания связывать ее с пожаром Москвы 1237 г. либо января 1238 г. Не случайно здесь же в центральной части поселения, в том же горизонте культурного слоя, во время работ последних лет найдено еще три боевых наконечника стрел общерусского типа (рис. 2, *3, 4, 6*). Один из них ромбовидный, с расширением в середине длины пера и пропорциями пера 1 : 3. Особенно характерны наконечники такого типа для XII — первой трети XIII в. [19] Длина наконечника 4,7, ширина 1,7 *см*. Другая стрела найдена в зоне древнейшего московского некрополя в северной части современной Соборной площади. Она находилась в заполнении мо-

---

[15] Царственный летописец. Лаптевский том. л. 324 об. Л., ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей. Г.IV.233.

[16] ПСРЛ, т. I, с. 162; т. VII, с. 93.

[17] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е1-36. М., с. 147, табл. 18.

[18] Там же, с. 84, табл. 21, *19*.

[19] Там же, с. 66, табл. 20, *26*.

гильной ямы. Длина наконечника 10,5, длина пера 5,7 *см*[20]. Другая стрела происходит из раскопок 1966 г. в Успенском соборе[21]. Длина ее сохранившейся части 6,4 *см*. По классификации А. Ф. Медведева она относится к типу 43 ромбовидных стрел с расширением в середине длины пера. Такие стрелы бытовали с IX до середины XIII вв. Характерно, что подобные разновидности боевых наконечников стрел известны главным образом по раскопкам древнерусских городищ, погибших во время монголо-татарского нашествия. Встречаются они и в погребениях дружинников[22]. Таким образом, наибольшее число находок рассматриваемой группы концентрируется в центральной части городища, где археологически прослежен слой пожара и разрушения деревянной городской застройки монголами в первой трети XIII в. Отдельные находки наконечников стрел XII и XIII вв. отмечены и на других участках территории Кремля. Так, у Никольских ворот в траншее № 1, шедшей параллельно восточной стене Арсенала, в раскопках 1960 г. зафиксирован наконечник черешковой ромбовидной стрелы. Вблизи проездных Боровицких ворот во втором горизонте культурного слоя в 1965 г. при археологических наблюдениях (шурф 3) найдена еще одна стрела. Наконечник имеет хорошую сохранность. Его длина 6,3, ширина 1,6, длина пера 3,5 *см*. Такие ромбовидные стрелы с упором и расширением в нижней трети длины пера относятся по классификации А. Ф. Медведева к типу 40. Они были распространены с X по XIV в. включительно[23]. В районе Троицких проездных ворот Кремля в раскопках 1959 г. (раскоп II, квадрат 19, глубина 3,10 *м*) также был обнаружен железный четырехгранный наконечник стрелы с тупым концом. Стрела датируется второй половиной XIII — началом XIV в.[24] Граненые стрелы, довольно часто встречаемые во всех горизонтах слоя новгородских раскопок, имели, как известно, бронебойное назначение.

Интересной находкой является костяная стрела, обнаруженная при земляных работах возле Крестовой палаты на глубине 4 *м* (рис. 2, *7*). Этот втульчатый наконечник стрелы относится к первому типу костяных стрел — пулевидному коническому[25]. Просуществовал он до XIV в. включительно. Применялся при охоте на пушного зверя и в бою. Стрела имеет длину 4,5 *см*, толщину 1 *см*, диаметр втулки 7 *мм*. Находка датируется XIII—XIV вв. Единственной имеющейся в коллекции находкой, которую можно связывать с вооружением татарского войска, является срезень в виде узкой вытянутой лопаточки, найденный в раскопках 1964 г. у западного входа в Успенский собор (рис. 2, *5*). Наконечник имеет пропорции 1 : 6, дугообразное выпуклое острие. Такие стрелы относятся к типу 67 и датируются XIII—XIV вв.[26] До монгольского нашествия на Руси и вообще в Восточное Европе они не были известны. В большом количестве такие разновидности стрел найдены на всех русских поселениях южной полосы, разрушенных монголами. Подобные экземпляры встречаются среди материалов из раскопок Райковецкого городища, разгромленного Батыем в 1241 г.[27]

---

[20] *Шеляпина Н. С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963 — 1965 гг.— В сб.: Древности Московского Кремля. М., 1971, с. 143, рис. 10, *2*.

[21] *Беленькая Д. А.* Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 году.— В сб.: Древности Московского Кремля, с. 159, рис. 1, *4*.

[22] *Арциховский А. В.* Оружие.— В сб.: История культуры древней Руси. М.— Л., 1951, с. 424, рис. 249.

[23] *Медведев А. Ф.* Ук. соч., с. 64 и табл. 26, *10*.

[24] *Воронин Н. Н., Рабинович М. Г.* Археологические работы в Московском Кремле.— СА, 1963, № 1, с. 264, рис. 10.

[25] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие..., с. 87.

[26] Там же, с. 75 и табл. 30, *65*.

[27] *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XIII, рис. 1—5.

В 1968 г. у северо-восточного угла звонницы (шурф № 5) в слое пожара было найдено костяное защитное кольцо с оттянутым щитком для предохранения указательного пальца правой руки от повреждения тетивой при стрельбе из лука (рис. 2, *14*). Длина кольца 4,5 *см*. Принято считать, что на Руси такие кольца совершенно неизвестны, так как ни разу не найдены при раскопках древнерусских курганов и городов, но широко распространены у татар, волжских болгар и у некоторых народов Северного Кавказа в XIII—XIV вв.[28] Этот предмет воинского снаряжения мог быть принесен в Москву монголами. Пожарный слой, в котором обнаружено костяное кольцо, можно связать с разорением города татарами во время нашествия Тохтамыша в 1382 г. «Прииде царь татарский Тектомышь в силе велице на землю русскую... взя град Москву и пожже ...»[29], «И идяху стрелы их на град, аки дождь силен и умножен зело...»[30].

Оружие ближнего боя в археологическом собрании музеев Кремля представлено боевым топором[31] и втоком копья (рис. 2, *15, 8*). Наиболее ранние образцы топоров, найденные в Москве при строительстве метрополитена, датируются по новгородским аналогиям XI—XIV вв.[32] Они принадлежат к рабочим экземплярам. Топоры этого типа в основном такие же, как и проушные топоры домонгольского времени, и отличаются от последних лишь размерами. Боевой топор-чекан с небольшим молотком на обухе, найденный в 1969 г. во время раскопок в церкви Ризположения, имеет широкое, оттянутое вниз лезвие и круглый в сечении проух. Длина топора 15,5, ширина лезвия 9,6 *см*. А. Н. Кирпичников относит топоры такого типа к первой половине XVI в.[33] Кремлевский топор-чекан принадлежит к той же разновидности, что и топоры XIV—XV вв., опубликованные А. Ф. Медведевым[34]. Любопытно, что эти последние найдены в Новгороде, как и в Кремле, при обследовании фундаментов церквей (в Новгороде — церкви Параскевы Пятницы, в Кремле — церкви Ризположения). Дата новгородских топоров определена приблизительно. По классификации А. Ф. Медведева, по новгородским аналогиям кремлевская находка датируется XIV в. Подобного рода топоры имеют клиновидное лезвие шириной 7—9 *см*, и еще в первой половине XVI в., о чем свидетельствуют образцы, найденные в Москве в Ипатьевском переулке и в Орешке, входили в состав снаряжения знатного горожанина[35]. Боевые топоры в XIV—XV вв. были принадлежностью экипировки тяжеловооруженных воинов. Они часто упоминаются в летописях и как оружие конных воинов княжеской дружины и народного ополчения. Как и рогатина, топор в позднесредневековых источниках отмечен в качестве необходимой походной принадлежности и средства боя пешего войска. Во время боевых схваток он служил для ударно-дробящего действия.

В районе Крестовой палаты был найден железный вток — специальный втульчатый наконечник для нижнего конца древка копья. Длина его 14,5 *см*. Археологические рамки бытования этих предметов очень широки.

---

[28] *Медведев А. Ф.* Ук. соч., с. 26.

[29] ПСРЛ, т. 25, с. 209.

[30] ПСРЛ, т. 11, с. 74.

[31] В Московском Кремле наряду с боевыми топорами найдены два рабочих экземпляра. Обычные рабочие топоры могли использоваться народным ополчением в качестве оружия. В Новгороде на Неревском раскопе найдено 75 топоров, из них только три несомненно боевых.— *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, с. 131.

[32] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, с. 26.

[33] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси, табл. II, *4*.

[34] *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого, рис. 3—5.

[35] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси, табл. II, *4, 5*; IV.

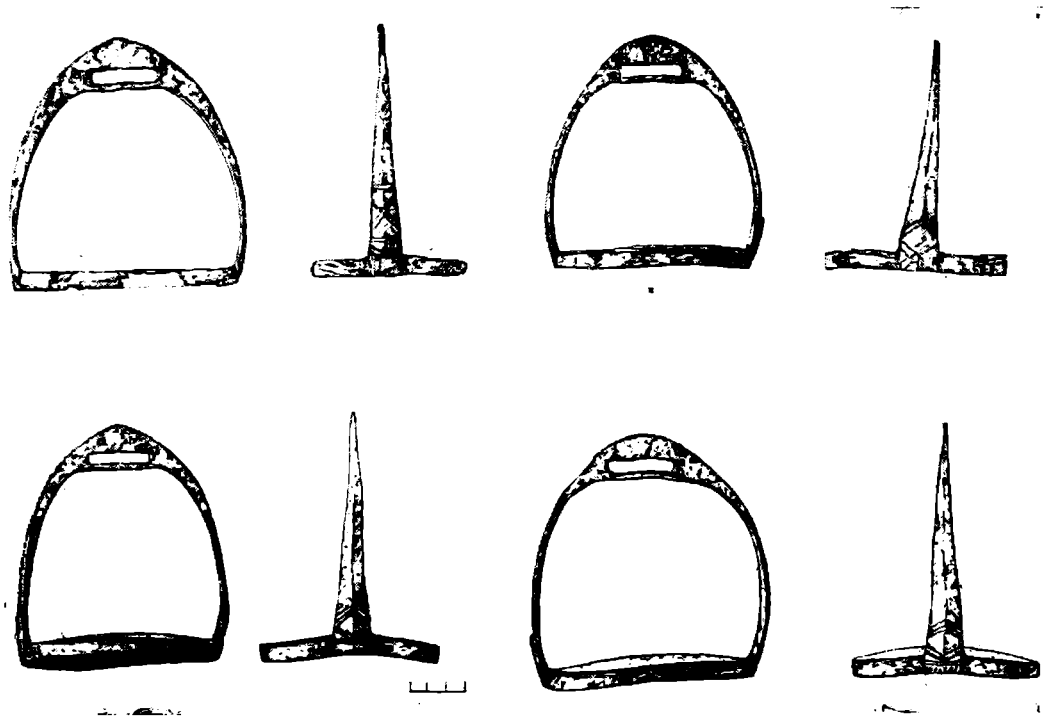


Рис. 3. Стремена из колодца в Угловой Арсенальной башне

Во время археологических наблюдений в подземном помещении Угловой Арсенальной башни в 1975 г. были найдены два комплекта боевого снаряжения всадника, видимо, составлявшие часть какого-то склада оружия. Два шлема, четыре стремени и обрывки двух кольчуг находились в заполнении колодца на глубине 465—5 *м* от его верха. Два стремени были вложены одно в другое. На окалине, покрывшей металл, хорошо видны отпечатки кольчужных колец доспеха: по всей вероятности, стремена и шлемы были завернуты в кольчужный доспех. При многократных перестройках сруба колодца клад предметов воинского снаряжения был рассеян и найден поэтому на различных горизонтах. Сохранность вещей плохая. Шлемы деформированы, покрыты рыхлыми окислами, часть тульи шлемов утрачена. Обрывки сильно коррозированных кольчуг найдены в скипевших кусках. Диаметр уплощенных кольчужных колец 11—13 и 15—16 *мм*. Толщина проволоки 1,5 *мм*. Техника соединения колец, склепанных «на гвоздь», характерна для кольчатой брони, которая стала производится в Европе после 1400 г. и преобладала в Московской Руси[36]. Найденные экземпляры принадлежат к типу кольчатых панцирей.

В колодце под Угловой Арсенальной башней находились также четыре массивных стремени арочной формы с прямой пластинчатой подножкой (рис. 3). Два из них сохранились хорошо. В дужке стремени прямоугольное отверстие для путлища длиной 4,1 *см*. Как известно, утяжеление доспеха всадника привело к увеличению массивности стремян и расширению прорези для путлища до 4 *см*. Боковой профиль стремян имеет вид перевернутой буквы Т. Такой тип стремян имел общерусское войсковое распространение и находит многочисленные аналогии в материалах XVI в.[37] На боковых дужках стремян имеется геометрический орнамент и сохранились следы лужения.

[36] *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие..— САИ, вып. Е1-36, т. 3, М., 1971, с. 14.

[37] См. материалы клада, найденного в Москве в Ипатьевском переулке.— *Векслер А., Мельникова А.* Ук. соч., с. 96, 97.

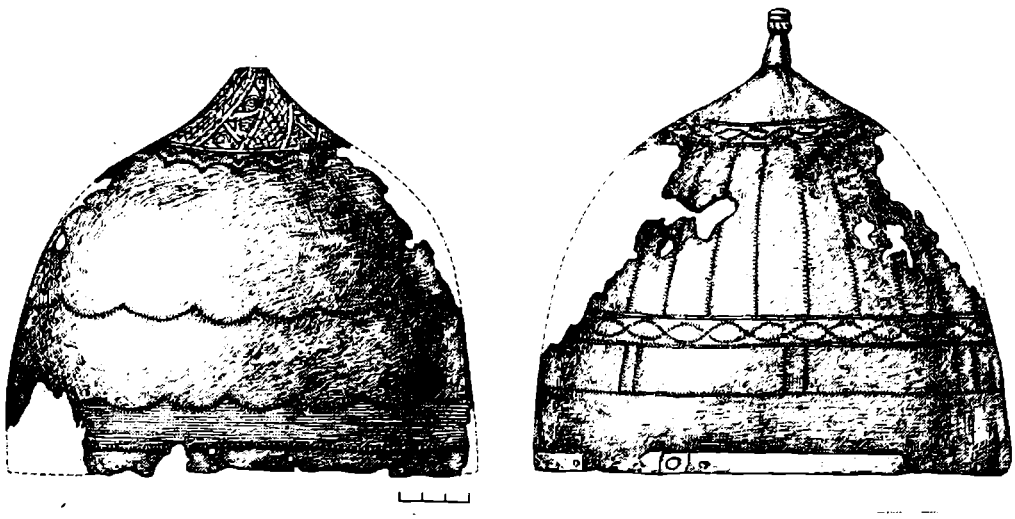


Рис.. 4. Шлемы из колодца в Угловой Арсенальной башне

Шлемы, кованные из одного куска, принадлежат к разновидности, называвшейся в XIV в. шишаками (рис. 4). По определению А. Н. Кирпичникова, оба экземпляра относятся к XV — началу XVI вв. На одном из боевых наголовий имеются детали, характерные для XVI в.: украшенный нарезкой съемный шпиль и сохранившийся фрагментарно ободок по венцу из красной меди (обтяжка крепилась при помощи заклепок). Украшения обоих шлемов уникальны: на подвершье одного из них орнамент образует вихревую розетку, выполненную инкрустацией серебром, на другом — чеканный геометрический узор. Характер орнаментики свидетельствует о местной московской работе. Как отмечает А. Н. Кирпичников, московские шишаки являются древнейшими известными в Европе произведениями своего рода и, судя по всему, употреблялись русскими всадниками в конце XV в. в качестве обычного средства защиты[38]. Боевые наголовья, найденные в Кремле, безусловно, являлись принадлежностью не рядового комплекта ратного снаряжения. Прямых аналогий они не имеют. Лишь в коллекции оружия Музея истории и реконструкции г. Москвы есть шлем в виде шапки-ерихонки восточной работы, украшенный чеканным орнаментом, напоминающим насечку на тулье кремлевского шлема.

Основным ядром древнерусского войска и его главной ударной силой являлась конница. Поэтому большой интерес представляют найденные в культурном слое города предметы снаряжения всадника. В первую очередь это относится к шпорам, которых в кремлевском собрании семь. Их суммарная дата — XII—XIV вв. Две металлические шпоры найдены при археологических наблюдениях 1965 г. в шурфе под западной проездной аркой церкви Двенадцати апостолов. Одна из них обнаружена в предматериковом слое. Ширина скобы 7,5 *см*. Шпора имеет петлю прямоугольной формы с двумя сквозными прорезями для пропуска ремешка или длинный шип с двумя валикообразными ограничителями на конце (рис. 2, *13*). Датируется находка 1150—1250 гг. Именно в это время форма шипа достигает наибольшего разнообразия. Вторая шпора со следами лужения. Она имеет одну круглую петлю и вторую однопрорезную горизонтальную, что позволяло применять один ремешок для ее крепления. По существующей классификации, они относятся к типу IV-а[39],

[38] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси, с. 31.

[39] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ, вып. Е1-36, рис. 37.— Типологическая схема. Шпоры X—XIII вв., с. 61.

появляются во второй половине XII — первой половине XIII вв. и имеют шип сложной формы, в данном случае с утолщением. Ширина скобы 8,4 *см*. Находка датируется первой половиной XIII в., не исключена также и середина этого столетия.

При земляных работах на Ивановской площади в 1975 г. на глубине около 4 *м* была найдена железная шпора со звездочкой, с однопрорезными вертикальными петлями (рис. 2, *10*). По типологической схеме находка относится к типу V и датируется XIII в., что не противоречит стратиграфической дате. Шпора имеет подвижное зубчатое колесико с пятью лучами. Дужка украшена фигурной ковкой. Обломок железной шпоры с прямоугольной петлей, имеющей две сквозные прорези для ремня, был найден на глубине 5,5 *м* при наблюдениях на Спасской улице Кремля в 1976 г. Стратиграфически находка датируется концом XII — началом XIII в. Еще один обломок железной шпоры плохой сохранности был обнаружен под подошвой фундамента Патриарших палат на глубине 2,6 *м*. Датировка ее затруднена.

Часть шпоры с зубчатым колесиком и орнаментом насечкой (тип V) найдена в раскопе I в юго-западной части двора Теремов при земляных работах 1959 г. на глубине около 3,5 *м* (рис. 2, *11*). Некоторые шпоры типа V по условиям их нахождения можно датировать серединой — второй половиной XIII в., а также относить к XIV в.[40] Найденный экземпляр имеет длинный и изогнутый держатель колесика и коленчатый перепад скобы примерно на середине ее длины, что позволяет датировать его XII—XIV вв. Колесиковые шпоры, как известно, сохраняются в воинском быту Руси вплоть до конца XV в.

В раскопе II в центре двора Теремов в том же году найдена шпора с шипом, которая по существующей классификации относится к типу III и датируется 1150—1250 гг. (рис. 2, *9*). Ее скоба имеет поперечное треугольное сечение и дисковидные петли с двумя сквозными прорезями (тип 3). Шип типа Е снабжен ограничителем. Скоба украшена точечной инкрустацией, что очень характерно для орнаментации такой разновидности шпор. Из всех древнерусских шпор они одни из самых тяжелых и массивных. Такие шпоры обычно подвязывали ремешками шириной 1,1—1,4 *см*. В отличие от форм предшествующего типа они предназначались только для тяжеловооруженных всадников.

Характерна топография находок двух железных чесноков с четырьмя остриями, представлявшими собой малозаметное препятствие для конницы (длина шипа 3,5 *см*). Эти предметы важны для реконструкции трасс древних дорог. Один чеснок был обнаружен близ проездных Тайницких ворот Кремля на пути, шедшем в Кремль с юга. Второй находился недалеко от главной кремлевской магистрали, проходившей от Спасской башни в центр Кремля.

В 1975 г. на Ивановской площади на глубине около 4 *м* от уровня современного мощения при земляных работах был найден железный кольчато-пластинчатый доспех — бахтерец (рис. 5), представлявший собой сильно коррозированные и спекшиеся куски металла, покрытые синей платиной. По стратиграфии и керамическому материалу культурный слой датируется XV—XVI вв. Легко реконструируются правая часть груди и правый рукав доспеха. Значительно хуже сохранилась кольчужная сетка спины. Бахтерец имел квадратный вырез ворота и короткие прямые рукава длиной 15 *см*. Грудь и спина доспеха усилены расположенными в несколько рядов вертикально выпукло-вогнутыми пластинами прямоугольной формы из сталистого железа, заходящих одна на другую снизу вверх. Ряды пластин скреплены между собой при помощи двойных уплощенных колец. Восстанавливается часть центрального ряда пластин и

[40] Там же, с. 68.

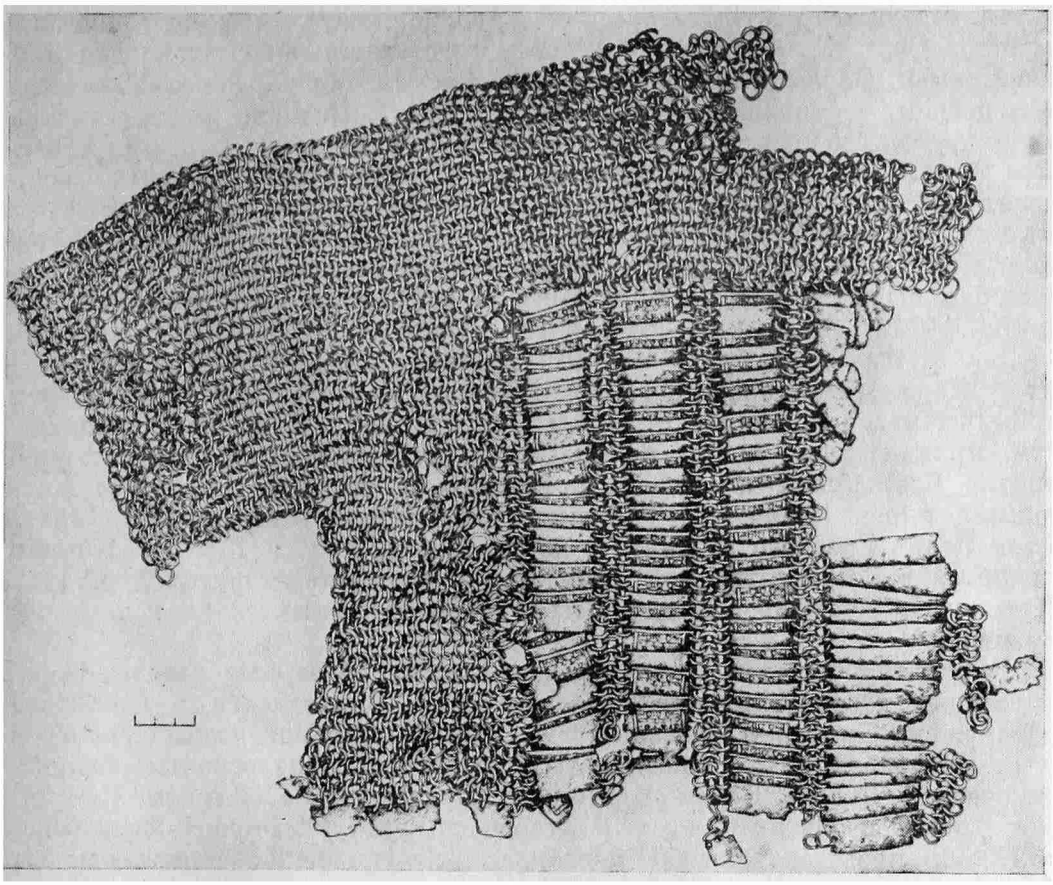


Рис. 5. Бахтерец из раскопок в Московском Кремле

три ряда правой стороны груди. Подол заканчивался сохранившимся фрагментарно кольчужным подзором шириной 16 *см*.

Круглопроволочные кольца кольчужной сетки, скрепленные «на гвоздь», имеют различный диаметр, толщина проволоки также неодинакова: в плечевой части диаметр колец 12 *мм*, толщина проволоки 2 *мм*. Кольца скреплены двумя заклепками. На рукаве диаметр колец 11, толщина 1,5 *мм* (скрепление одной заклепкой). Кольца в центральной части бахтерца имеют диаметр 12 *мм*, толщину 2 *мм*, скреплены одной заклепкой. Наиболее массивным является плетение плечевой части кольчуги.

Сохранившиеся 145 пластин груди доспеха распределяются по размерам следующим образом: ширина пластины первого ряда 17, второго — 17, размер пластин третьего ряда 39×17 *мм*, ширина пластин четвертого ряда 19 *мм*, размер пластин пятого и шестого ряда 40×18 *мм*, седьмого 40×17 *мм*. В центральном — восьмом ряду пластины разномерны: ширина их 18 *мм*, длина от 50 до 73 *мм*. Сохранившаяся пластина девятого ряда имеет ширину 17 *мм*.

Ширина сохранившихся девяноста четырех пластин, спины — 16—18 *мм*. Длина пластин первого ряда 40 *мм*, второго — 33—48, третьего — 40, четвертого — 40, пятого — 40, шестого — 39—40, седьмого — 40 *мм*.

Пластины украшены серебряной насечкой, нанесенной по сталистому железу на выступающие ее части. Фон нанесен зубильцем в мелкую клетку. Рисунок в виде завитков, имитирующих арабские надписи, выложен гладкой серебряной проволокой, в подборке чередуются пластины с узором и гладкие, украшенные сплошь золочением (золочение горячее либо золотая наводка).

Найденную в культурном слое Московского Кремля разновидность оборонительного доспеха по праву нужно считать редким и дорогостоя-

щим изделием местных русских оружейников[41]. «Брони дощатые» мастера Оружейной палаты в XVII в. изготовляли специально для царской семьи. Образцы их продукции, художественно украшенные золотом и серебром, оценивались баснословно высоко[42]. Подобно мечам, шлемам и кольчугам доспехи обычно передавались по наследству. В Государственной Оружейной палате хранятся четыре бахтерца, изготовленные известными русскими бронниками в мастерской Оружейного приказа. Все они отличаются превосходной работой, украшены чеканкой и золотой наводкой. Последняя кремлевская находка из этой серии обнаружена на территории бывшего Чудова монастыря, в той части его территории, где после 1504 г. находился двор князя Юрия Ивановича Дмитровского, в 1560 г. был двор брата Ивана Грозного — князя Юрия, в 1584 г.— двор Шереметьева, брата царя В. Шуйского. Бахтерец мог быть укрыт в тайнике, находившемся в глубоком подклете дома, и, по всей вероятности, принадлежал одному из представителей московской титулованной знати. Ближайшей аналогией кремлевскому доспеху может служить юшман князя Владимира Андреевича Старицкого, двоюродного брата царя Ивана Грозного (родился в конце 1535 г., убит в 1568 г.). Юшман хранится в Государственном Эрмитаже и датируется серединой XVIв.[43] Кремлевский бахтерец может быть отнесен приблизительно к тому же времени.

В культурном слое древнерусских городов отдельные детали оборонительных доспехов находили неоднократно. В частности, в Новгороде обнаружено более 500 железных и стальных пластинок разных размеров и от разновременных пластинчатых доспехов[44]. Аналогичные находки отмечены в Пскове, Торопце, Тушкове, Переяславле-Рязанском, Смоленске, Друцке и других городах. Бахтерец из культурного слоя Московского Кремля представляет собой первоклассный музейный экспонат и может быть полностью реконструирован.

Раскопки на территории Кремля неоднократно обнаруживали большие скопления разрозненных костей человеческих скелетов. Так, у южной бровки холма между Петровской и Второй Безымянной башнями отмечено захоронение «множества костей»[45]. В 1966 г. в северо-западном углу под фундаментом стены Успенского собора, хорошо читались контуры большой могильной ямы, заполненной человеческими костями[46]. Там же в шурфе 9 встречено погребение 7 черепов. Для определения даты захоронения важно, что слой первого каменного строительства погребальная яма не перерезает. К сожалению, антропологической экспертизы состава групповых захоронений своевременно произведено не было и принадлежность костного материала исследователями не установлена. Осуществленное археологами Музеев Кремля повторное вскрытие человеческих останков, перезахороненных под Успенским собором, показало, что подавляющее большинство разрозненных костей скелетов принадлежит взрослым мужчинам. Главным образом это длинные кости конечностей со сбитыми эпифизами, кости черепа, лицевого скелета, верхние и нижние челюсти. Характерно, что зубные коронки почти совершенно не стерты — доказательство того, что они принадлежали молодым людям. Состояние длинных костей скелетов и костей черепов, неоднократно

[41] Даже в середине XVI в. юшманы и бахтерцы, видимо, были большой редкостью. Так, среди 200 человек — участников серпуховского смотра было лишь два воина в юшманах и 16 в бахтерцах.

[42] *Гордеев Н. В.* Русский оборонительный доспех.— В сб.: Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, с. 100—102.

[43] *Ленц Э.* Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1. Собрание оружия, СПб., 1908, № 1604.

[44] *Медведев А. Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси.— СА, 1959, № 2, с. 128.

[45] *Султанов Н.* Ук. соч., с. 586.

[46] *Беленькая Д. А.* Ук. соч., с. 158.

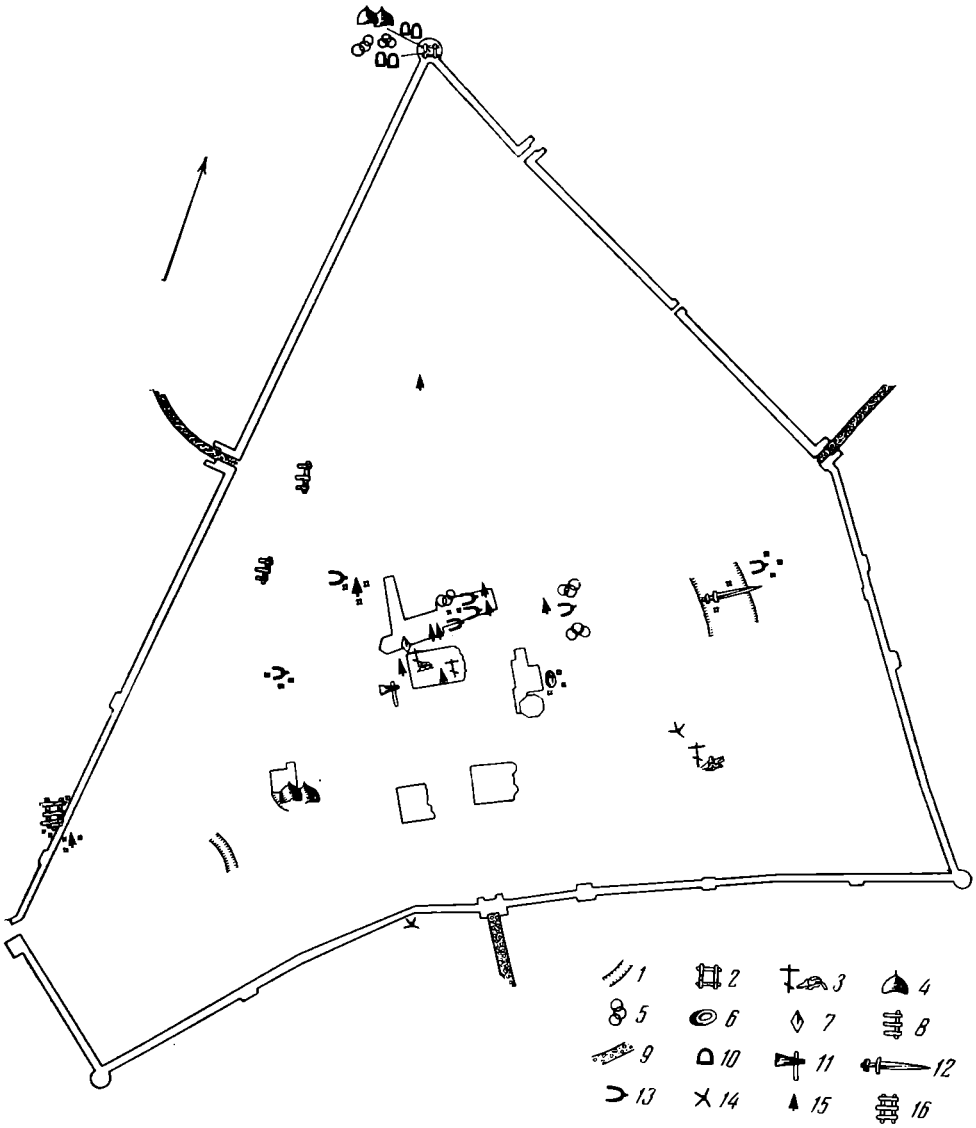


Рис. 6. Московский Кремль. Схема размещения оружия и предметов воинского снаряжения. *1* — ров; *2* — колодец; *3* — групповые захоронения; *4* — шлем; *5* — кольчуга; *6* — костяное кольцо; *7* — копье; 8 — основание вала; *9* — дороги; *10* — стремя; *11* — топор; *12* — меч; *13* — шпора; *14* — чеснок; *15* — стрела; *16* — городни

подвергавшихся перезахоронениям, не позволяет выявить следы механических деформаций, нанесенных во время военных поединков. Возможно, конечно, что групповые захоронения под Успенским собором представляли собой результат нарушения могил грунтового кладбища во время строительных работ, но не исключено также, что здесь были захоронены останки погибших во время вражеских нашествий и осад Москвы. Подобная картина наблюдалась в Изяславле (городище у села Городище Хмельницкой области, раскопки М. К. Каргера 1957—1964 гг.) [47], где ямы представляли собой захоронения жертв тотального погрома во время монголо-татарского нашествия в 1240 г.

Находки предметов воинского снаряжения и оружия в хорошо стратифицированных горизонтах культурного слоя Московского Кремля можно связывать с исторически известными военными эпизодами. Так, архео-

[47] Эти сведения любезно сообщены А. Н. Кирпичниковым.

логические свидетельства неопровержимо подтверждают версию письменных источников, о разгроме Москвы монголо-татарами и пожаре в декабре 1237 г. либо январе 1238 г. Часть коллекции обнаружена в слоях угля и золы, на подступах к крепости у ее проездных ворот, на полях войны. Это меч, затонувший во рву в восточной части оборонительного рубежа крепости; это боевые наконечники стрел, обрывки кольчуг, оставленные на поле сражения, в центральной части городища. Именно здесь, где размещалось исторически сложившееся ядро московского поселения, локализуется значительная часть коллекции «воинских вещей». Находки меча и боевых наголовий в заполнении рвов крепости позволяют уточнить топографию ее фортификационных сооружений (рис. 6).

Редкое дорогостоящее оружие экипировки боярско-княжеских дружин в культурном слое московского поселения достаточно определенно характеризует его социальную топографию. Отдельные орнаментальные детали, украшающие предметы воинского снаряжения, отражают особенности местного московского оружейного ремесла и заслуживают специального пристального внимания.

N. S. Shelyapina, T. D. Panova, T. D. Avdusina

THE OBJECTS OF MILITARY EQUIPMENT AND WEAPONS FROM EXCAVATIONS IN THE MOSCOW KREMLIN

Summary

In the middle of the XIIth century Moscow becomes a fortress of strategic importance at the south-west of Suzdal principality. First centuries of its history were marked with continious political discords and wars. The weapons and specimens of military equipment, discovered in well dated archaelogical context, are of specific interest. The Kremlin archaelogical collection of weapon, numbering 36 objects, comes from excavations of 1963—1976. One of the most interesting finds is a steel sword (fig. 1), discovered at the southern part of Ivanovskaya square of the Kremlin at a depth of 7 metres. The sword carries on both sides stamps with inscriptions, which enables exact dating — the middle of XIIth century (1130—1170). The collection includes 10 arrowheads (XI—XIV centuries). Two complete sets of horseman equipment — two helmets, four stirrups and fragments of two chain armours — were found in the underground part of the Corner Arsenal tower in 1975. Their date — the early XVIth century. The same date has «bahteretz» — an armour of iron rings and plates, found at the Ivanovskaya square. In the Kremlin collection there also seven spurs. All objects, described in the article, are quite characteristic for the cultural deposits of XIth — XVIth centuries in the centre of Moscow.

Заметки

Д. Я. ТЕЛЕГИН

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ЛИНЕЙНО-ЛЕНТОЧНОЙ КЕРАМИКИ НА УКРАИНЕ

До недавнего времени на территории УССР было известно всего 17 местонахождений культуры линейно-ленточной керамики [1]. За последние десять лет это количество возросло более чем вдвое. Сейчас здесь уже зарегистрировано 16 поселений, три погребения и около 20 отдельных местонахождений с линейно-ленточной керамикой или орудиями труда, относящихся к этой культуре (рис. 1).

Наиболее многочисленные и интересные новые материалы получены из поселения Гнидава в предместье Луцка, где еще в 30-х годах проводил раскопки Фицке [2]. В 1967—1970 гг. в этом районе работала экспедиция под руководством М. П. Кучеры. На поселении был обнаружен культурный слой с линейно-ленточной керамикой.

Поселение линейно-ленточной керамики попало в зону строительства, причем значительный материал утрачен. Исследователям удалось проследить остатки нескольких больших ям, возможно жилищ полуземляночного типа, и собрать в них разнообразный материал. В фонды Института археологии АН УССР поступило более 300 фрагментов керамики, 120 изделий из кремня и шесть костяных изделий [3].

Керамика поселения делится на три группы: а — тонкостенная «столовая» из отмученной глины с линейно-нотным орнаментом — 106 фрагментов (рис. 2, *1—3*, *10*; 3, *6—8*); б — толстостенная «кухонная» с примесью песка и мелких растительных остатков в тесте, орнамент налепной или ногтево-пальцевой — 95 фрагментов (рис. 3, *1—3*, *11—13*); в — «промежуточная» группа, состоящая из черепков относительно тонкостенных сосудов (как в группе «а»), но с характерным для группы «б» орнаментом — 70 фрагментов (рис. 3, *4*, *5*, *9*).

Среди кремневых изделий Гнидавы имеется один конический нуклеус, много пластин, 10 скребков, главным образом концевых на пластинах, несколько ножей и один обломок серпа с заполировкой (рис. 4, *1—7*). На поселении найдено также каменное тесло в виде башмачной колодки, долото сходной формы (рис. 4, *8*, *10*) и много костяных изделий, в том числе лопаточки различных очертаний (рис. 4, *9*, *14*, *16*), шилья (рис. 4, *11*, *13*, *15*) и одно веретеновидное острие (рис. 4, *12*).

Совершенно аналогичный материал был собран в 1959 г. при раскопках А. И. Тереножкина у о. Ольшаница Ямпольского р-на Хмельницкой обл. Находки, которые хранятся в фондах Института археологии АН УССР,

---

[1] *Пассек Т. С., Черныш Е. К.* Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР.— САИ, Б 1-11. М., 1963.

[2] *Fitzke J.* Stanowiska kultury ceramiki wstegowej na Wolyni.— Sprawozdania Polskiej Academji Umiejęzetnosci, t. XLIII, № 1, 1938.

[3] Часть находок поступила в Луцкий исторический музей. Пользуюсь случаем выразить благодарность М. П. Кучере за предоставленную возможность публикации материалов его раскопок.

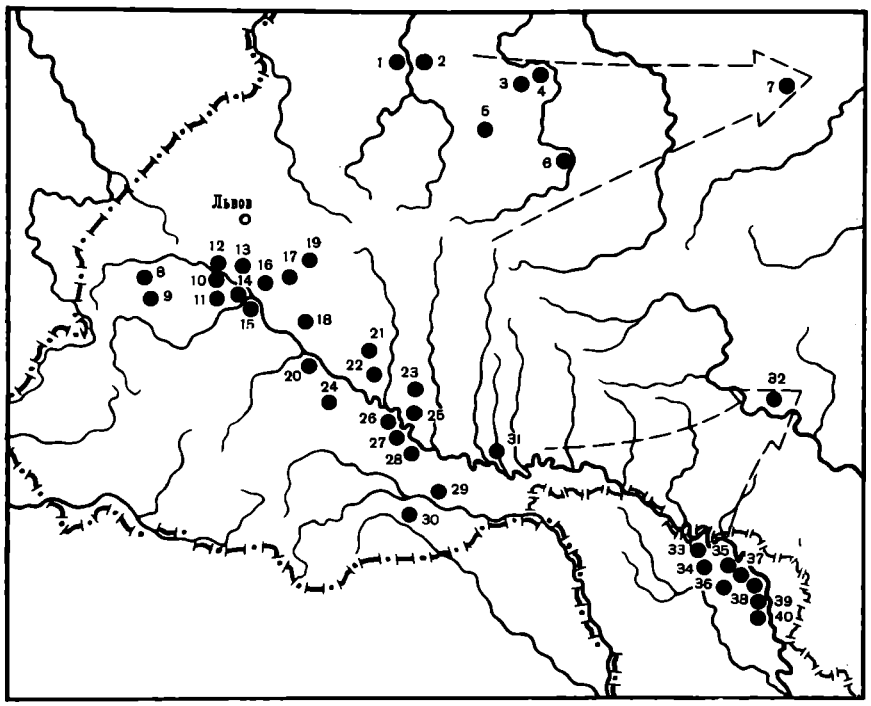


Рис. 1. Район распространения памятников линейно-ленточной керамики на территории УССР (*1–31*) и Молдавии (*33—40*), в том числе обнаруженных за последние годы (*3—5, 7, 13, 14, 25—31*) на Украине:

1 — Баев, *2* — Луцк — Гнидава, *3* — Городок, *4* — Зозив, *5* — Жорнов, *6* — Ольшаница, *7* — Фасовая, *8* — Котоване, *9* — Колодница, *10* — Букивна, *11* — Голосков, *12* — Бовшев, *13* — Пидберезцы, *14* — Корчевка, *15* — Незвиско, *16* — Бучач, *17* — Поповцы, *18* — Торское, *19* — Сухостав, *20* — Звенячин, *21* — Бильче Злоте, *22* — Синьков, *23* — Товстенский район, *24* — Марковцы, *25* — Залищики, *26* — Стрильче, *27* — Лука, *28* — Василев, *29* — Новоселки, *30* — Снячев, *31* — Жванец, *32*— Базков остров, *33* — Слободзея-Воронково, *34* — Путинешти, *35* — Маркулешти, *36* — Флорешти, *37* — Гура-Каменка, *38* — Цира, *39* — Рогожаны, *40* — Н. Русешти

также до сих пор не опубликованы. Нами просмотрено 30 фрагментов керамики, в том числе небольшие обломки тонкостенной «столовой» посуды, остальные принадлежат кухонным горшкам с рельефным орнаментом в виде шишечек и налепов (рис. 3, *10, 14—17*).

На Волыни за последние годы обнаружен еще ряд новых местонахождений с линейно-ленточной керамикой. Следы двух поселений открыты И. К. Свешниковым у с. Жорнов Дубновского района [4] и Зозив Ровенского района и области. Отдельные фрагменты керамики этого типа найдены также у с. Городок Ровенской обл.[5].

Ряд новых местонахождений культуры линейно-ленточной керамики открыт в Поднестровье и на Подолии. В 1971 г. Б. А. Василенко при раскопках поселения трипольского времени у с. Марковцы около Ивано-Франковска собрано более 200 фрагментов линейно-ленточной керамики [6]. В коллекции преобладают черепки «столовой» посуды с обычным линейно-ленточным нотным узором (рис. 2, *4—9*). Материалы этой же культуры собраны Т. Г. Мовшей при раскопках трипольского поселения у с. Жванец Хмельницкой обл.[7] Отдельные находки линейно-ленточной ке-

[4] *Свешников И. К.* Отчет о работе Ровенской археологической экспедиции в 1963 г. Архив ИА АН УССР, ФЭ, № 1963/39, с. 27.

[5] *Свешников И. К.* Отчет о разведках в Станиславской и Ровенской областях за 1960 г. Архив ИА АН УССР, ФЭ, № 1960/34.

[6] *Василенко Б. А.* Отчет о раскопках в с. Марковцы Ивано-Франковской области в 1971 г. Архив ИА АН УССР, ФЭ, № 1971/38.

[7] *Мовша Т. Г.* Отчет о раскопках на поселении Жванец в 1970 г. Архив ИА АН УССР.

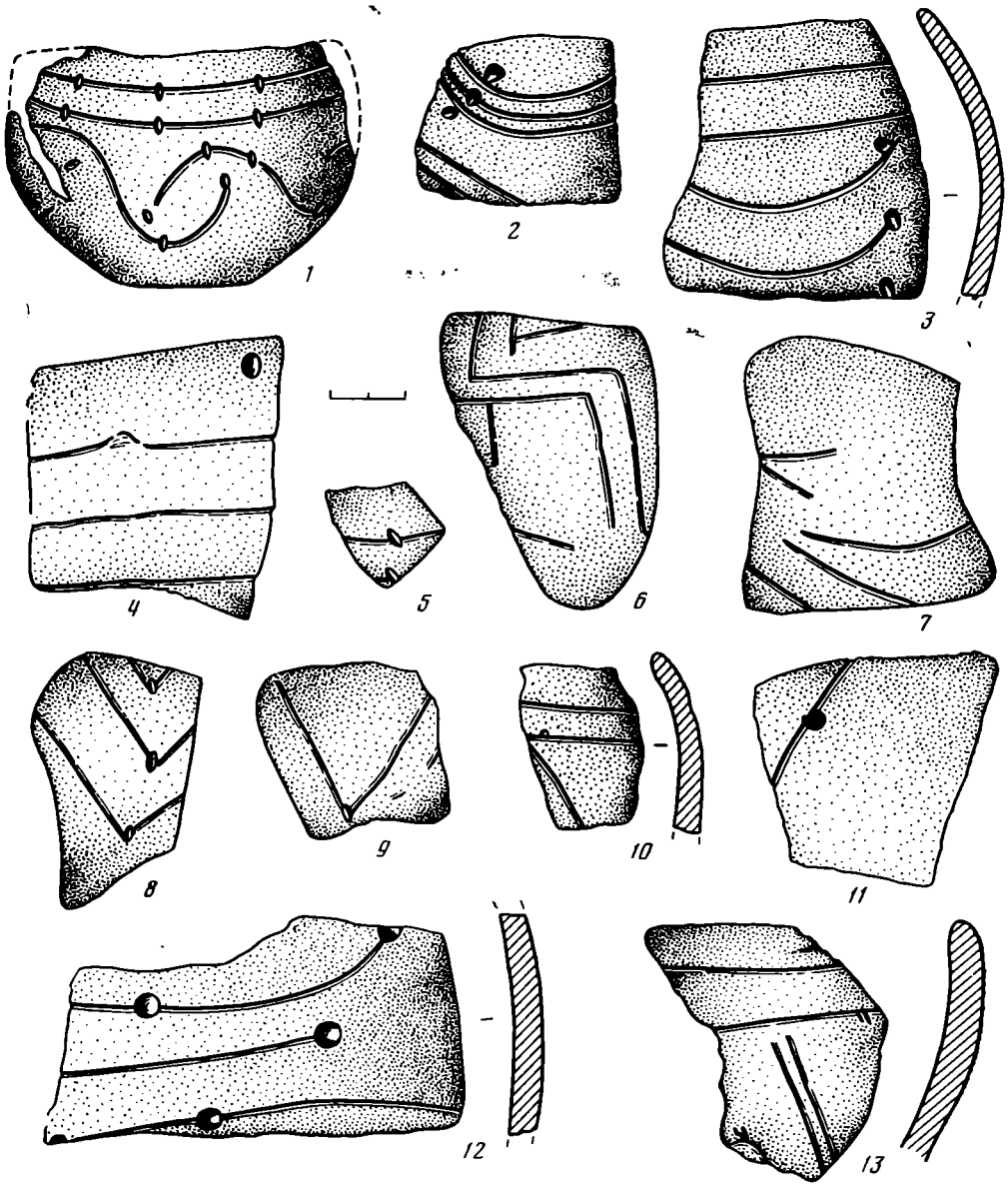


Рис. 2. Керамика с линейно-ленточным орнаментом. *1—3, 10*— Луцк — Гнидава; *4—9*— Марковцы; *11*— Поповцы, *12*— Залещики, *13*— Фасовая

рамики известны из окрестностей сел Лука и Стрильче Городенковского р-на Ивано-Франковской обл.[8], а также из многослойного поселения Залещики Тернопольской обл.[9], с. Поповцы того же района (рис. 2, *12*, *13*) и др.

Три новых пункта с интересующей нас керамикой обнаружены за последние годы Б. А. Тимощуком на территории Черновицкой области. Они находятся у с. Снячев Сторожинецкого района, Василев и Новоселки Кицманского района. В Василеве и Новоселках собраны лишь отдельные фрагменты линейно-ленточной керамики, а в Снячеве отмечены скопления золы и линзы углублений, возможно жилищ, перерезанных современной водопроводной траншеей. Керамика поселений находит ближайшую аналогию в материалах соседних поселений Верхнего Поднестровья.

О двух новых местонахождениях культуры линейно-ленточной керамики на Львовщине — у сел Корчивка Жадачевского р-на и Подберезцы

[8] *Свешников И. К.* Ук. отчет за 1960 г., с. 4; *Свешников И. К., Мацкевой Л. Г.* Исследование среднеднестровской экспедиции.— АО — 1973. М., 1974, с. 341.

[9] Раскопки Ю. Н. Малеева, 1970 г.

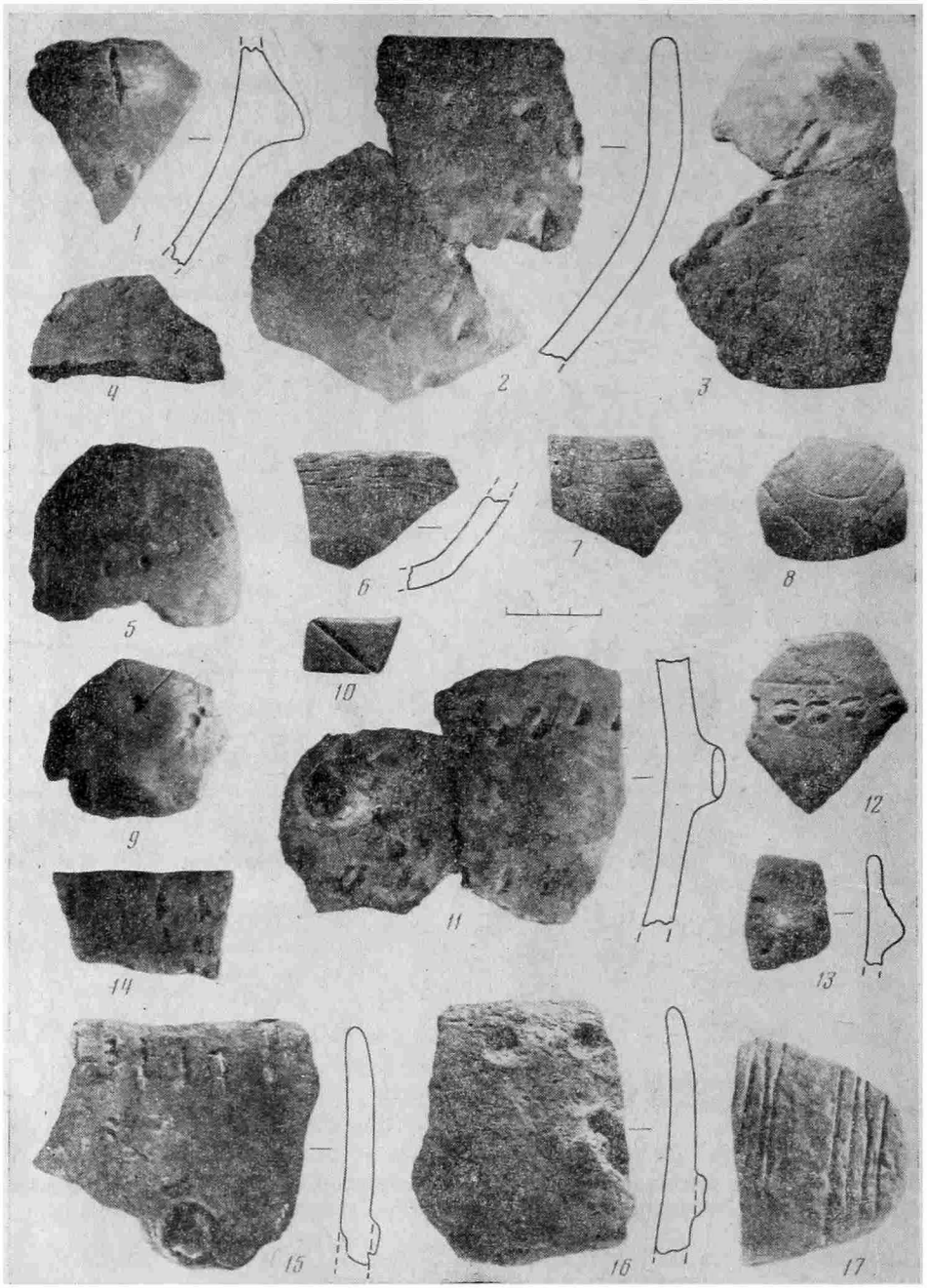


Рис. 3. Фрагменты «кухонной» и «столовой» посуды из поселений культуры ямочно-гребенчатой керамики Украины.

1—9, 11—13 — Луцк — Гнидава; *10, 14—17* — Ольшанца

Пустомитовского р-на — сообщает И. К. Свешников на страницах вышедшего недавно Справочника по археологии области [10].

Особый интерес представляют первые находки нескольких фрагментов типичной линейно-ленточной керамики на территории Житомирской области, которые были обнаружены в 1972 г. краеведом В. К. Пясецким у с. Фасовая Володар-Волинского р-на [11]. Здесь на пахотном поле над до-

[10] *Свешніков І. К.* Довідник з археології України, Львівська область. Київ, 1976, с. 52, 66.

[11] *Пясецкий В. К.* Отчет о разведках археологических памятников на Горыне, Ю. Буге, Ирше в 1971—1972 гг. Архив ИА АН УССР. ФЭ, № 1972/65.

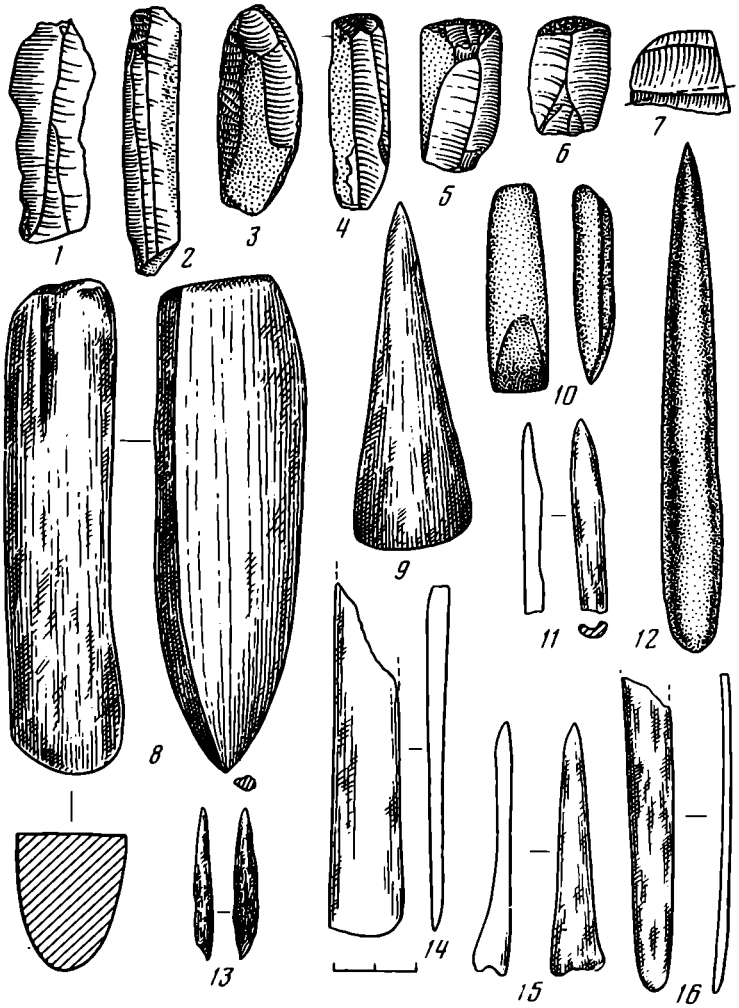


Рис. 4. Луцк — Гнидава. Изделия из кремня (*1—7*), камня (*8*, *10*) и кости (*9*, *11—16*)

линой р. Тростянец (приток Ирши) найдены фрагменты керамики, в том числе обломок относительно толстостенной миски серого цвета с врезанными линиями и «нотами» (рис. 2, *13*).

Новые находки материалов, относящихся к культуре линейно-ленточной керамики на территории Украинской ССР, значительно пополняют наши знания о восточной границе ее ареала.

Если раньше наиболее восточным пунктом культуры линейно-ленточной керамики на Украине было поселение Ольшаница на среднем течении Горыни, то теперь керамика этого типа стала известной в бассейне Ирши — Тетерева (Фасовая), причем ареал этой культуры расширяется более чем на 100 *км* к востоку. Границы культур линейно-ленточной и гребенчато-накольчатой керамики, таким образом, смыкаются.

Материалы, собранные на вновь открытых памятниках, а также в ходе работ на уже известных (Луцк — Гнидава), заметно пополняют наши сведения об этой культуре. Они проливают, в частности, некоторый новый свет на вопросы территориального и хронологического членения памятников культуры линейно-ленточной керамики СССР.

В свое время И. К. Свешников выделял два локальных варианта исследуемой культуры [12]. Это положение было признано, однако, ошибочным как самим Свешниковым, так и другими специалистами. Т. С. Пас-

[12] *Свешников И. К.* Культура линейно-ленточной керамики на территории верхнего Поднестровья и западной Волыни.— СА, XX, 1954.

сек и Е. К. Черныш рассматривают памятники культуры линейно-ленточной керамики Украины и Молдавии в культурном плане как одно целое.

Новые памятники из Ивано-Франковской и особенно Черновицкой областей указывают на довольно глубокое проникновение носителей культуры линейно-ленточной керамики в Прикарпатье. Не исключена возможность, что в результате новых открытий группы памятников Украины и Молдавии, которые до настоящего времени выступали территориально обособленно, сольются в одну.

В уже упоминавшейся работе Т. С. Пассек и Е. К. Черныш авторы сделали попытку разделить памятники культуры линейно-ленточной керамики Украины и Молдавии на две хронологические группы: более раннюю (Флорешти, Цира, Баев) и позднюю (Незвиско, Торское, Луцк). Обе эти группы они синхронизируют со средними этапами этой культуры Центральной Европы по периодизации Соудского — Неуступного [13].

Предложенное Т. С. Пассек и Е. К. Черныш деление указанных памятников на две хронологические группы не бесспорно. Возможно, именно поэтому в дальнейшем Ю. Н. Захарук отказался от этого членения [14].

При решении вопроса периодизации памятников культуры линейно-ленточной керамики на Украине много нового дает ознакомление с результатами последних исследований наших коллег в Польше, Румынии и особенно Словакии. В недавно вышедшей работе Ю. Павук делит все памятники культуры линейно-ленточной керамики Европы на два региона: западный и восточный, Прикарпатский. Граница между ними проходит по Одеру и где-то между Чехией и Моравией. Памятники Словакии, Польши, Украины, Молдавии и Румынии составляют один Прикарпатский территориальный вариант [15]. В Словакии они делятся хронологически прежде всего на две группы: «старшую» (раннюю) и «младшую» (позднюю). Ранние памятники известны только на территории Словакии и на более северо-западных территориях Европы. Вторые, поздние, свойственны для всего восточного района, в том числе и для территории Советского Союза. Эти поздние памятники культуры в Словакии делятся на три фазы. Для первичной начальной фазы культуры линейно-ленточной керамики Словакии характерен орнамент в виде метоп, впервые появляется узор, включающий S-видные фигуры, выполненные отдельными линиями. Керамика второй фазы отличается большим разнообразием орнамента, доминируют линейно-ленточные композиции с «нотными» оттисками. Это «классическая» линейно-ленточная керамика. На посуде третьей фазы намечается распад композиционных схем второй фазы, ямки-ноты стоят часто группами, появляются «ноты», перечеркивающие одновременно всю ленту линий [16].

Опираясь на эти данные, можно предположить, что памятники культуры линейно-ленточной керамики Украины относятся к среднему этапу младшей (поздней) группы памятников этого типа Прикарпатского региона их распространения. В комплексах с территории СССР имеются лишь отдельные находки, позволяющие относить их к раннему (Баев) и позднему (Незвиско) этапам этой группы памятников. Причем, материалы этих этапов часто залегают совместно в одних комплексах с материалами среднего этапа. По данным датировки методом C^{14} и наши памятники культуры линейно-ленточной керамики относятся к концу V тысячелетия до н. э.[17]

---

[13] *Пассек Т. С., Черныш Е. К.* Ук. соч., с. 10, 11.

[14] *Захарук Ю. М.* Пам'ятки культури лінійно-стрічкової кераміки.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ, 1971, с. 96.

[15] *Pavuk J.* Chronologie der Zelezowce-Gruppe.— SA, XVII, № 2, 1969.

[16] Slovensko v mladšj dobe kamennej. Bratislava, 1970.

[17] *Quitta H.* Radiocarbondaten und die Chronologie des Mittel- und sudosteuropaischen Neolithikums.— AuF, Bd 12, H. 3, Berlin, 1967.

Л. Л. ГАЙДУЧЕНКО

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ТЕЛЕКТЕС В ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ

До раскопок Л. А. Чалой[1] из Павлодарского Прииртышья были известны лишь случайные находки эпохи неолита. Из них наиболее интересными является неолитическое погребение, найденное на правом берегу Иртыша у с. Железинки. Заслуживают внимания некоторые неопубликованные находки и комплексы эпохи неолита из разных мест Павлодарской области. Весной 1976 г. автором данной заметки была открыта новая неолитическая стоянка.

Стоянка Телектес находится в Лебяжинском р-не Павлодарской обл. Она располагается в 400 *м* к северу (вниз по Иртышу) от с. Телектес. Стоянка перекрыта эоловыми песками, впоследствии закрепленными растительностью. В результате развевания песков часть стоянки обнажилась[2]. Инвентарь собирался автором совместно с краеведом В. П. Полозовым на дне пяти котловин выдувания. Глубина их колеблется от 0,3 до 1,8 *м*, общая площадь до 200 $м^2$. Находки более или менее равномерно распределены во всех котловинах. В среднем одна находка приходится на 1,5 $м^2$ поверхности дна котловин выдувания. В одной из котловин, расположенной ближе других к кромке берегового обрыва, обнаружено скопление каменных отщепов и обломков, вытянутое с юга на север. Размеры его 0,6×1,4 *м*. Кроме отщепов и обломков камня в этом скоплении найдена выпрямилка, изготовленная из гальки. Характер залегания материала указывает на незначительную переотложенность его в вертикальном направлении, а местами даже на отсутствие таковой.

Культурный слой стоянки тонок, сохранился лишь в редких случаях там, где пески не затронуты или мало повреждены развеванием. По цвету культурный слой неотличим от вмешающих его эоловых песков. Он характеризуется незначительным содержанием инвентаря и раздробленных костей животных. Никаких следов золы и пепла в культурном слое не обнаружено.

Для выяснения стратиграфии нами был заложен шурф и произведена зачистка стенки котловины выдувания, расположенной ближе к берегу. Установлено следующее расположение слоев сверху вниз.

1. Тонкозернистые с небольшим содержанием пылеватых частиц эоловые пески, сверху местами поросшие растительностью. Слоистость линейная, слабо выраженная или отсутствует. В некоторых местах слоистость подчеркнута тонкими (1,0—1,5 см) прослойками крупно и среднезернистого песка.

Мощность . . . . . .0—0,2 *м*

2. Погребенная почва. Сверху местами затронута ветровой эрозией, книзу карбонатная. Является дневной поверхностью стоянки.

Мощность . . . . . 0,8—1,0 *м*

3. Светло-бурые, глинистые, среднезернистые, линейно-слоистые пески. Иногда слоистость подчеркнута тонкими прослойками крупнозернистых песков. В верхней части наблюдаются пятна карбонатов.

Вскрытая мощность . . . . . .0,3 *м*

В береговом обрыве, расположенном в 1,8 *м* западнее шурфа, мощность светло-бурых песков колеблется от 1,8 до 2,3 *м*. Они налегают на средне- и крупнозернистые пески, местами ожелезненные и содержащие верхнеплейстоценовую фауну. Мощность их достигает 3,0 *м*. Эти пески с размывом налегают на поверхность красных и зеленоватых гипсоносных глин, уходящих под урез вод Иртыша.

[1] *Чалая Л. А.* Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2.— В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 163—181.

[2] Из-за обвалов берега значительная часть стоянки разрушена.

Культурный слой залегает в нижней части эоловых песков. Его мощность от 2 до 5 *см*. Между культурным слоем и поверхностью погребенной почвы в некоторых местах наблюдается тонкая (0,1—0,2 *м*) прослойка эоловых песков. Изредка в культурном слое помимо каменного инвентаря встречаются раздробленные кости млекопитающих. Насыщенность культурного слоя находками очень мала.

Всего с обнаженной поверхности стоянки и из шурфа собрано 128 предметов (117 и 11 соответственно). Состав каменного инвентаря стоянки Телектес приводится в табл. 1.

На стоянке найден лишь один обломок нуклеуса. Судя по остатку, он должен относиться к коническому типу. На обломке имеются негативы снятия четырех пластин. Ширина их 0,4—0,6 *см*. Материалом для изготовления нуклеуса послужил сливной песчаник голубовато-белого цвета.

Таблица 1

Состав каменного инвентаря стоянки Телектес

Изделие	Количество	%
Обломки нуклеусов	1	
Ножевидные пластинки без ретуши	9	7,3
Ножевидные пластинки с ретушью	1	
Отщепы без ретуши	27	21,0
Отщепы с ретушью	3	
Скребки на отщепах	34	27,5
Скребки на ножевидных пластинах	1	
Наконечники копий и их обломки	2	
Наконечники стрел	2	
Выпрямилка	1	
Точильный камень	1	
Обломки, осколки, чешуйки	44	
Всего:	126	100

Как видно из табл. 1, на стоянке найдено очень мало ножевидных пластин и изделий из них (10 экз.). Ножевидные пластинки неправильной формы с неровными краями, очень похожи на вытянутые отщепы, шириной от 6 до 18 *мм*. Материалом для их изготовления послужили сливной песчаник и кремень. В одном случае мелкой отжимной ретушью оформлены выемка на боковой стороне, глубиной 2 *мм*, и противоположный ударному край пластинки (рис. 1, *1*). Во втором случае ретушь нанесена по одному лезвию со стороны спинки, а по другому — с брюшка. Не исключена возможность использования этого изделия в качестве вкладыша (рис. 1, *2*).

К изделиям из вытянутых отщепов следует отнести и два наконечника стрел (рис. 1, *3*, *4*). Первый имеет листовидную форму, острие слегка обломано. Длина оставшейся части 30 *мм*, но с учетом обломанного острия она должна приближаться к 35 *мм*. Ширина наконечника 15, толщина 3 *мм*. Он изготовлен из сливного мелкозернистого песчаника. Ретушь струйчатая, лезвия слегка зазубрены. Основание наконечника оформлено крутой ретушью. Другой наконечник стрелы имеет сердцевидную форму. Большая часть острия его обломана. Длина оставшейся 16 *мм*. Первоначальная длина наконечника была около 30, толщина 3,7 *мм*. Выемчатое основание, как и лезвие, оформлено струйчатой ретушью.

Найдены два обломка наконечников дротиков или копий. Один из них — обломок заготовки наконечника длиной 73, шириной 42 и толщиной 16 *мм* (рис. 1, *5*). Обломок другого наконечника очень незначителен. Оба изготовлены из сливного песчаника, содержащего наряду с зернами песка массу глинистых частиц.

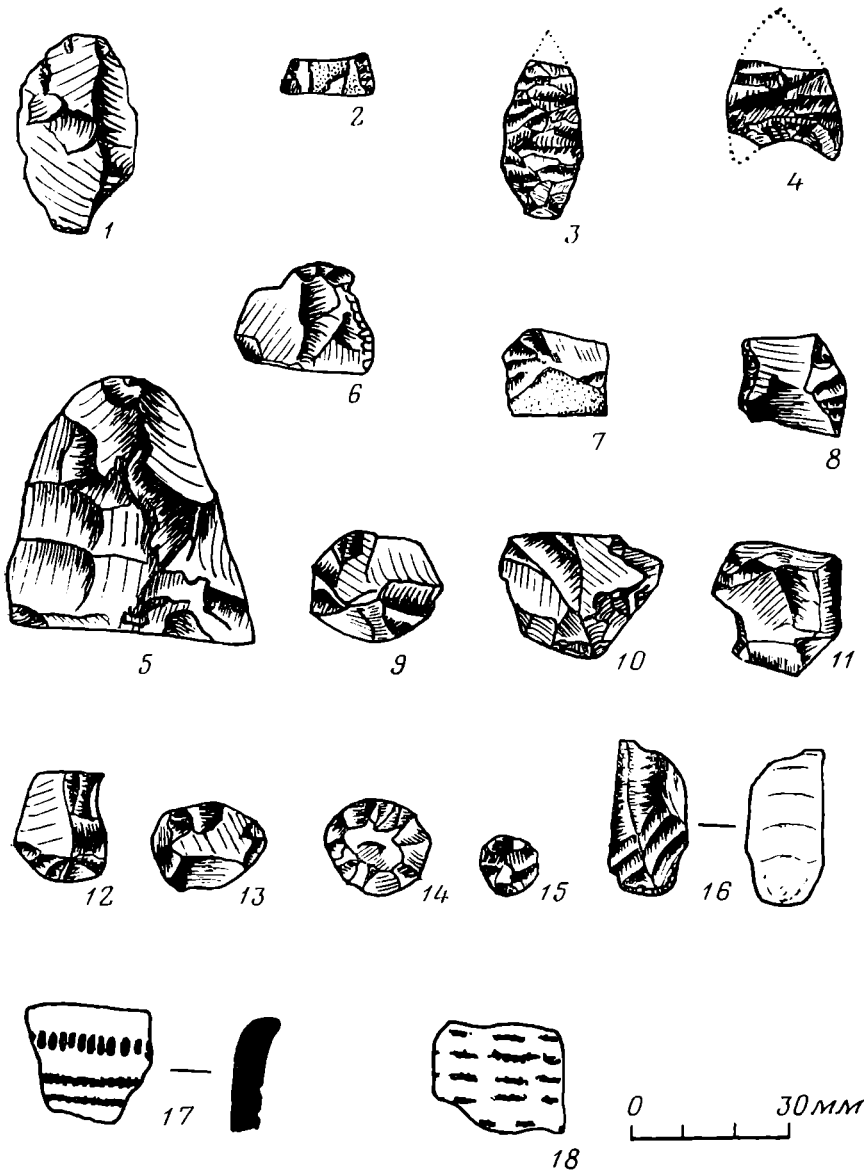


Рис. 1. Инвентарь со стоянки Телектес. *1–16* – камень, *17*, *18* – керамика

Основным сколом-заготовкой на стоянке Телектес служили отщепы, что хорошо видно из табл. 1. Количество отщепов в коллекции составляет 48,8%. На отщепах выполнены 34 скребка. Не исключена возможность использования отщепов с небольшой дополнительной подработкой и даже без нее. Размеры отщепов, собранных со стоянки, различны: от 74×40 до 10×15 *мм*, но преобладают отщепы размерами 24—26×10—15 *мм* с толщиной от 3 до 12 *мм*. Четыре отщепа имеют корку выветривания.

Ретушированные отщепы имеют подчетырехугольную форму. Размеры их укладываются в пределы средних размеров отщепов на этой стоянке. Два отщепа имеют тонкую отжимную ретушь по одному лезвию, а на третьем она нанесена по двум лезвиям (рис. 1, *6—8*).

Скребки представлены 35 экз. Из них 34 изготовлены на отщепах и один на ножевидной пластинке. Наиболее многочисленны скребки (13 экз.), изготовленные таким образом, что два рабочих края параллельны оси удара, а один перпендикулярен ей. Иногда боковые края располагаются под некоторым, обычно очень небольшим, углом к оси удара. У этого типа скребков всегда имеются три лезвия (рис. 1, *9—11*). Второй

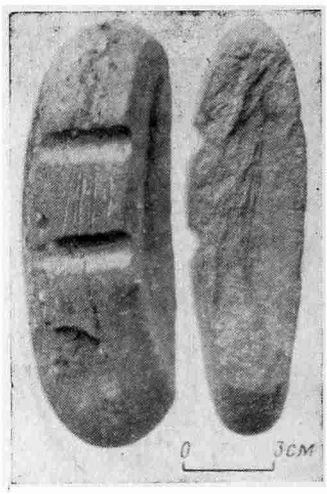


Рис. 2. Выпрямилка из гальки со стоянки Телектес

тип скребков — с рабочим краем, перпендикулярным оси удара. По количеству он занимает второе место — 9 экз. (рис. 1, *12*, *13*). Следующей по количеству является группа скребков, имеющих одно, параллельное оси удара, рабочее лезвие. Сюда относится и самый крупный из всех скребков. Его размеры 36×40 *мм* при толщине 8 *мм*. Характер ретуши у всех групп скребков одинаков — они обработаны крутой частой отбойной ретушью. Более пологой ретушью отличаются четыре скребка округлой формы (рис. 1, *14*, *15*). В эту группу входят самые мелкие скребки диаметром 7 *мм*. Наконец, последний тип скребков — единственный экземпляр, выполненный на ножевидной пластине. Мелкой ретушью оформлен ударный край ее (рис. 1, *16*). Самой многочисленной группой являются обломки, осколки и каменные чешуйки, образовавшиеся в результате изготовления орудий. Собрано 25 обломков и осколков камня и 19 чешуек. Последние из-за малых размеров собраны далеко не полностью.

На стоянке найден небольшой кусок песчаника со следами использования в качестве точила. Очень интересно изделие из гальки (рис. 2). На гальке овальной формы вырезаны два полукруглых в сечении и перпендикулярных большой оси желобка. Ширина их 10, глубина 4 *мм*. Расстояние между желобками с одной стороны 20, а с другой 22 *мм*. Длина гальки 140, ширина 44, толщина 37 *мм*. Судя по неокатанному излому на боковой стороне, некогда она была шире. Желобки несут следы заполированности. Между ними под небольшим углом к основной оси овала нанесены шесть параллельных между собой царапин. Их глубина около 1 *мм*, ширина от 0,5 до 2,0 *мм*. Концами царапины упираются в края желобков. На обеих сторонах гальки — желобчатой и противоположной ей — имеются небольшие потертости с нечеткими краями. Подобные предметы — выпрямилки, но с одним желобком — найдены на стоянках Караганда-15 и Мысовое [3].

Петрологический состав материала, использованного для изготовления орудий, приведен в табл. 2. Преобладают породы светлых тонов. Изделий из темноцветных пород найдено всего 16.

Из табл. 2 видно, что наиболее широко использовался мелкозернистый и крупнозернистый с примесью глинистых частиц сливной песчаник. Удельный вес изделий из них составляет 87,2%. На втором месте находится кремень — 6,3%. Яшма, порфирит и песчаник использованы мало. Изготовление орудий из сливных песчаников — характерное явление в культурах каменного века северо-востока и севера Казахстана. Объяснение этому следует искать в том, что на этой территории широко распространены выходы палеогеновых сливных песчаников. По своим техническим характеристикам они вполне пригодны для изготовления орудий.

Керамические изделия представлены двумя фрагментами сосудов (рис. 1, *17*, *18*). Размеры обломков незначительны, что не позволило установить форму сосудов. Первый — обломок венчика, тесто плотное, с примесью грубого песка. Обжиг равномерный, несильный. Венчик слегка отогнут наружу. У горловины нанесен орнамент в виде вертикальных черточек, расположенных близко друг к другу. Еще ниже методом отступающей палочки нанесены параллельные горизонтальные полоски, обра-

[3] *Клапчук М. Н.* Стоянка Караганда-15.— СА, 1970, № 4, с. 153—160; *Матюшин Г. Н.* Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалакты на Южном Урале.— КСИА АН СССР, № 136, 1973, с. 67—76.

зующие ряд поясков вокруг тулова сосуда. Второй — обломок тулова горшка, тесто и обжиг такие же, как и у первого сосуда. Орнамент в виде параллельных черточек, образующих ряды вокруг тулова.

Извлеченные из культурного слоя при зачистке борта котловины выдувания и закладке шурфа 11 каменных отщепов ни материалом, ни размерами не отличаются от подобных находок из поверхностных сборов. Это позволяет утверждать, что весь материал однороден и относится к одной культуре.

К сожалению, кости животных, собранные здесь, в силу их фрагментарности неопределимы. Нами лишь установлено, что они могли принадлежать таким крупным животным, как быки и лошади. Остатков костей, которые можно отнести к более мелким животным, на стоянке Телектес не найдено.

Стоянка Телектес существовала в начале периода интенсивного формирования эоловых отложений вдоль правого берега Иртыша. На это указывает то, что она основана частично на поверхности впоследствии погре-

Таблица 2

Петрологическая характеристика материала стоянки Телектес

Порода	Количество	%
Мелкозернистый сливной песчаник	25	19,8
То же, крупнозернистый с примесями глинистых частиц	85	67,4
Кремень разный	8	6,3
Яшма черная	4	
Песчаник	2	
Порфирит	1	
Всего:	126	100

бенной почвы, а частично на небольшом слое эоловых песков, начинавших перекрывать слой почвы. Спустя некоторое время после ухода обитателей стоянка была полностью перекрыта эоловыми песками. Небольшой по мощности культурный горизонт, мало насыщенный инвентарем,— свидетельство того, что стоянка Телектес была обитаема на протяжении небольшого промежутка времени. Некоторые орудия стоянки Телектес имеют аналогии среди инвентаря стоянок Пеньки I, третьего слоя стоянки Караганда-15, Иман-Бурлук-2, Мысовое, которые датируются поздним неолитом[4]. При всей бедности собранного материала со стоянки Телектес мы можем заключить, что ее обитатели владели технологией изготовления керамики и довольно совершенной техникой обработки камня. На основании изложенного выше стоянку Телектес можно датировать поздним неолитом, т. е. концом III — началом II тысячелетия до н. э.

[4] *Чалая Л. А.* Ук. соч.; *ее же.* Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук.— В сб.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 188—203; *Клапчук М. Н.* Ук. соч.; *Матюшин Г. Н.* Ук. соч.

В. И. МАРКОВИН, А. И. ГЛЕБОВ

КЛАД БРОНЗОЛИТЕЙЩИКА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТАНИЦЫ АХМЕТОВСКОЙ

В окрестностях станицы Ахметовской (Лабинский р-н Краснодарского края) 16 апреля 1973 г. А. И. Глебовым был обнаружен интересный комплекс бронзовых изделий, который, без сомнения, является кладом, оставленным литейщиком в эпоху бронзы.

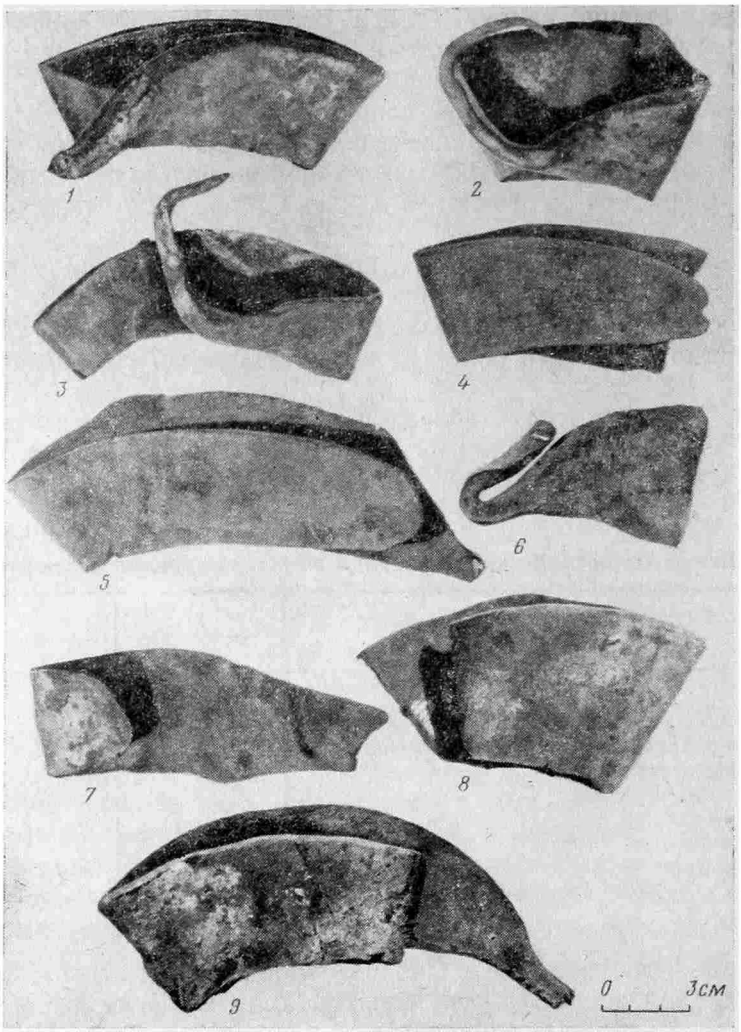


Рис. 1. Бронзовые серпы (фото)

Клад найден на известном Ахметовском поселении, расположенном к востоку от ст. Ахметовской и справа от второй Мечетской речки, впадающей в р. Эцока, приток Большой Лабы. Поселение, открытое П. У. Аутлевым и П. А. Дитлером, занимает круглую площадку диаметром 100—120 *м*, окруженную со всех сторон глубокими оврагами. Культурный слой интенсивно разрушается пахотой. Среди подъемного материала преобладают кремневые находки (нуклеусы, вкладыши, наконечники стрел с прямым основанием), изделия из камня, включая клиновидные топоры-тесла, ладьевидные зернотерки и керамика, украшенная налепами. Поселение, к сожалению, детально не обследовалось. Оно датируется А. А. Формозовым эпохой ранней бронзы [1].

Клад был найден А. И. Глебовым в западной части поселения, в 30 *м* к востоку от кромки глубокого оврага, ограничивающего край вспаханного культурного слоя. Непосредственно на пахоте подняты серпы (целые и в обломках), проушной топор и долото. Вещи лежали кучно, узкой полосой (0,5—0,6 *м* шириной), занимая две-три борозды, и лишь отдельные предметы оказались разбросанными в длину до 5 *м*. Восемь серпов оказались согнутыми вдвое и втрое (рис. 1) и вложены друг в друга — заметно стремление соединить их наиболее компактно. Ясно, что найденные в кладе предметы предназначались для переплавки, так как все они,

[1] *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 94.

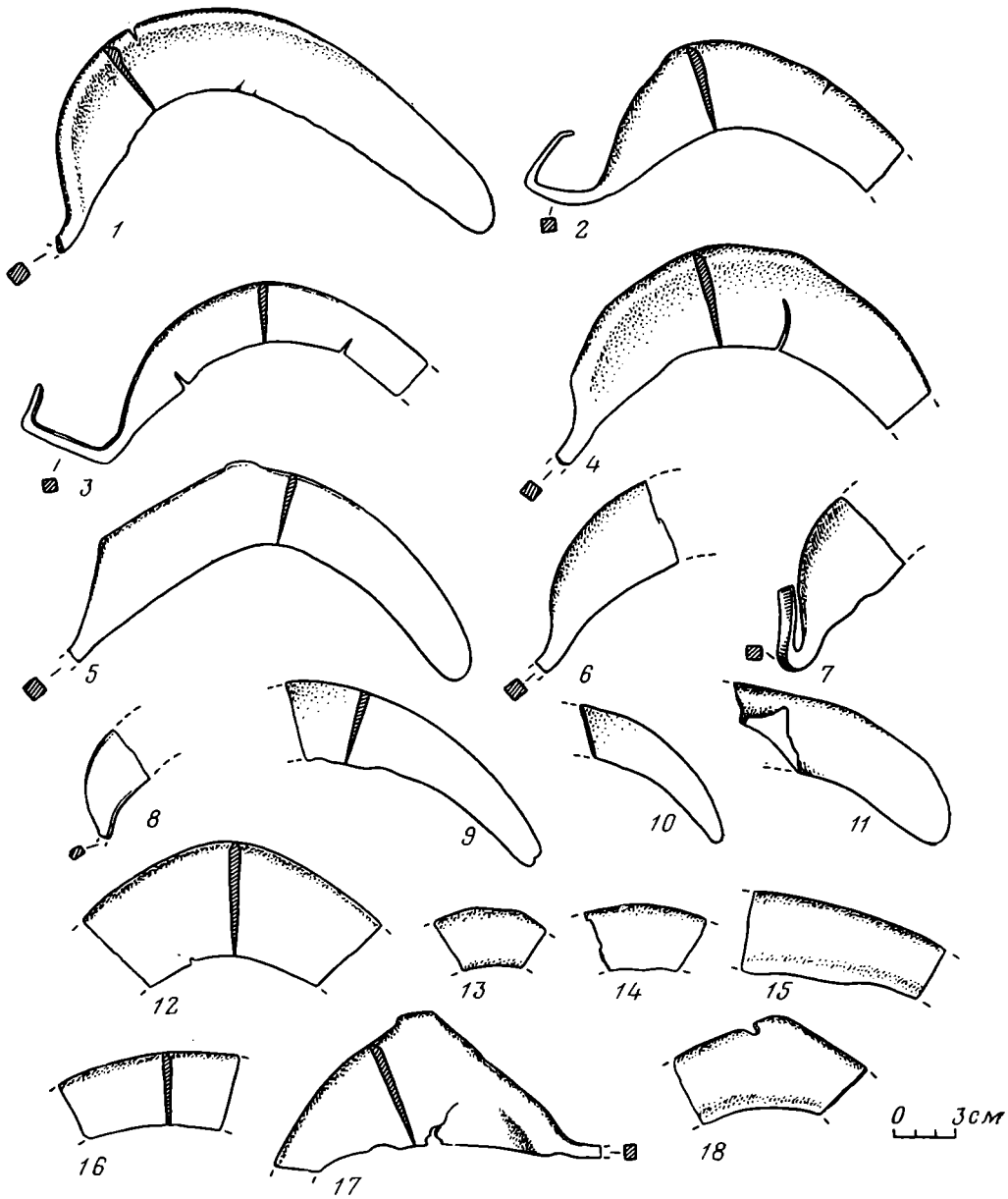


Рис. 2. Бронзовые серпы (рисунок)

включая топор и долото, настолько попорчены, что уже не годились бы для работы.

Серпы Ахметовского клада представлены двумя вариантами. Орудия первого варианта можно назвать дуговидно-коленчатыми серпами. Они снабжены литым крючком для крепления рукояти. Изгиб режущей части плавно выгнут, наибольшая высота его расположена близ стержня рукояти, «нос» слегка закруглен. Данный вариант орудий близок серпам «группы II» — по довольно общей классификации А. А. Иессена [2], «типу С-24» — по классификации Е. Н. Черных [3]. Такие серпы уже встречались в Краснодарском крае (клад, найденный в 1897 г., а также находки, сделанные в ст. Андрюковской и Новониколаевской [4]), в Пятигорске. Близкие

[2] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки.— МИА, № 23, 1951, с. 110.

[3] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 96.

[4] *Иессен А. А.* Ук. соч., с. 110, 111, рис. 48.

Результаты спектрального анализа орудий из Ахметовского клада

Предмет	Номер анализа	Cu	Sn	Pb	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
Серп (рис. 1, *1*; 2, *1*)	20375	Основа	0,004	0,1	0,008	0,06	0,03	2,2	0,25	0,04	0,0015	0,02	0,001
То же (рис. 1, *2*; 2, *2*)	20389	»	0,8	0,05	0,004	0,2	0,05	4,5	0,09	0,09	0,002	0,01	0,001–0,003
» (рис. 1, *3*; 2, *3*)	20391	»	0,006	0,08	0,015	0,1	0,1	4,5	0,06	0,15		0,015	0,001
» (рис. 1, *9*; 2, *4*)	20374	»	0,06	0,1	0,01	0,1	0,15	2,5	0,2	0,09	0,001	0,015	0,001
» (рис. 1, *5*; 2, *5*)	20376	»	0,06	0,04	0,005	0,15	0,002	2,0	0,3	0,1	0,007	0,02	?
» (рис. 2, *6*)	20390	»	0,01	0,08	0,01	0,15	0,02	4,5	0,05	0,07	0,003	0,01	0,001–0,003
» (рис. 1, *6*; 2, *7*)	20384	»	0,01	0,01		0,05	0,01	4,3	0,07	0,025	?	0,01	–
» (рис. 2, *8*)	20385	»	0,009	0,015	0,05	0,07	0,01	4,5	0,2	0,1	0,001	0,01	0,001–0,003
» (рис. 1, *4*; 2, *9*)	20380	»	0,05	0,02		0,02	0,01	4,5	0,5	0,15	0,002	0,025	0,001
» (рис. 2, *10*)	20382	»	0,2	0,03	0,005	0,06	0,025	4,5	0,25	0,07		0,015	0,001
» (рис. 1, *7*; 2, *11*)	20381	»	0,008	0,06	0,006	0,1	0,004	2,0	0,25	0,15	0,02	0,025	0,001
» (рис. 1, *8*; 2, *12*)	20377	»	0,02	0,06	0,01	0,06	0,025	2,2	0,6	0,05		0,04	0,001
» (рис. 2, *13*)	20379	»	0,15	0,05	0,006	0,08	0,03	3	0,15	0,15		0,02	0,002
» (рис. 2, *14*)	20388	»	0,02	0,1	0,007	0,2	0,05	4,5	0,09	0,1	0,001	0,015	0,001–0,003
» (рис. 2, *15*)	20378	»	0,06	0,3	0,015	0,1	0,15	5,5	0,5	0,15		0,015	0,002
» (рис. 2, *16*)	20387	»	2,0	0,25	0,007	0,2	0,15	2,2	0,15	0,1	0,007	0,015	0,001–0,003
» (рис. 2, *17*)	20383	»	0,02	0,06	0,004	0,2	0,1	2,2	0,25	0,09	0,001	0,025	0,001–0,003
» (рис. 2, *18*)	20386	»	0,01	0,01	0,004	0,08	0,01	3,0	0,2	0,03		0,015	?
Топор (рис. 3, *1*; 4, *1*)	20373	»	0,01	0,05	0,01	0,2	0,015	3,5	0,25	0,1	0,001	0,025	0,001
Долото (рис. 3, *2*; 4, *2*)	20392	»	0,01	0,04	0,015	0,05	0,025	4,5	0,4	0,07		0,025	0,002

по типу орудия обнаружены также Н. В. Анфимовым во время раскопок курганов у ст. Удобной (1954 г.) [5].

В отличие от серпов известного Костромского клада у описываемых орудий стержень рукояти отходит непосредственно от лезвия (у костромских серпов здесь имеется уступ [6]), хотя по форме находки из ст. Ахметовской довольно близки им.

В публикуемом кладе найдено семь серпов данного варианта. Все они переломлены (рис. 1). Обломки, принадлежавшие еще девяти серпам (рис. 2, *6—16*), вполне возможно, могли принадлежать орудиям такой же конфигурации. Графическая реконструкция силуэта сильно деформированных серпов (рис. 2, *1—5*) позволила не только изучить их конфигурацию, но и установить их размеры. Серпы могли достигать в длину (вместе со стержнем) от 24 до 30 *см*, в высоту до 12 *см* при ширине лезвия в самой утолщенной части до 3—5,6 *см*. Описываемые серпы литые (в месте перегиба спинки к рукояти у них заметны литки, у четырех серпов их обрубили и зачистили), они сохраняют следы проковки и заточки.

Ко второму варианту можно отнести один серп, сохранившийся почти полностью, и один обломок (рис. 2, *17, 18*). Они характеризуются массивностью, резким перегибом спинки к рукояти и корпусом почти треугольной формы (серп «горбуша»). В целом виде серпы могли иметь в длину около 23—25 *см* (с крючком), наибольшая ширина лезвия 7,8 *см*. Из бассейна р. Кубани подобные находки нам неизвестны. Эти орудия более всего напоминают серпы, которые принято связывать с племенами срубной культуры [7] (по Е. Н. Черных они близки серпам типа С-14) [8]. В отличие от них хорошо сохранившийся серп из Ахметовского клада (рис. 2, *17*) более угловат. Возможно, такая форма обусловлена его недоработанностью.

Серпы первого варианта могли быть довольно эффективными в работе, так как они обладают достаточно крутым и высоким изгибом лезвийной части. Это отличает их от серпа второго варианта, который, по-видимому, имел слабовогнутую рабочую часть, что делало его менее удобным [9].

Анализ металла описанных серпов (см. таблицу), сделанный в специальной лаборатории ИА АН СССР, позволяет отметить, что все они отлиты из мышьяковистой бронзы (с содержанием мышьяка от 2 до 5,5%), что придавало металлу прочность и довольно хорошую ковкость [10].

Бронзовый вислообушный топор Ахметовского клада (рис. 3, *1*; 4, *1*) массивен, с очень сильно выделенной обушной (втульчатой) частью и с круглой проушиной. Длина орудия 19,2 *см*, диаметр проушины (втулки) 3,2 *см*, ширина сохранившейся части лезвия 5 *см*. Топор отлит в двусторонней форме, заливка металла производилась со стороны спинки. Обушная часть украшена тремя выпуклыми валиками, что весьма характерно для металлических топоров, изготовленных на Кавказе [11]. Следует отметить, что топор из Ахметовского клада имеет длинную и узкую шейку клина и относительно небольшое лезвие, что позволяет сопоставлять его

---

[5] Находки хранятся в Краснодарском краевом краеведческом музее.

[6] ИАК, вып. 65, 1918. Случайные находки и приобретения за 1916 и 1917 гг., с. 173, рис. 11; *Иессен А. А.* Ук. соч., с. 118, рис. 54.

[7] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, № 46, 1955, с. 137, 147, 148, рис. 32, *1, 8—10*; *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, с. 113, 114, рис. 41, *4*.

[8] *Черных Е. Н.* Ук. соч., с. 93, 94, 221, табл. XVII.

[9] *Арциховский А. В.* К методике изучения серпов.— ТСА РАНИОН, вып. IV, 1928, с. 29—32; *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.— Тр. ГИМ, вып. 32, 1956, с. 60; *Хачатрян Т.* Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа Армении.— Тр. Гос. Исторического музея Армении, т. V. Ереван, 1959, с. 213—215.

[10] *Е. Н. Черных.* Металл — человек — время. М., 1972, с. 158, 159.

[11] *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.).— МИА, № 93, 1960, с. 36, 39, 45, 49, рис. 7, 9, 13, 15; *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 104, рис. 29.

с орудиями третьей группы (по С. Н. Кореневскому), которые характерны для всего Северного Причерноморья и Поволжья эпохи средней бронзы [12]. Близкие по типу топоры известны среди случайных находок, обнаруженных в Прикубанье [13]. Анализ металла ахметовского топора показал, что он изготовлен из мышьяковистой бронзы (содержание мышьяка до 3,5%).

Обломок втульчатого долота (рис. 3, *2*; 4, *2*) отлит в двухсторонней форме. Предмет сохранился в длину на 12,7 *см*, диаметр втулки у входа 2,3 *см*, глубина ее 7 *см*. Для крепления с рукоятью в долоте сделано небольшое боковое отверстие (оно после литья осталось неотделанным). Аналогии этому предмету приходится снова искать среди подобных предметов типа Т-22 (по Е. Н. Черных), происходящих из Причерноморья и Поволжья времени бытования срубной культуры [14]. Анализ металла описанного долота позволил установить, что оно отлито из бронзы, содержавшей 4,5% мышьяка.

Завершая описание Ахметовского клада, необходимо упомянуть, что в районе основных находок были подняты сильно коррозированные металлические обломки и диск с двумя отверстиями (диаметр его 13,6 *см*). Металл этих предметов содержит очень мало мышьяка (до 0,15%), но имеет большую примесь олова (почти до 30%). Можно думать, что эти вещи случайно оказались возле разбросанного клада, тем более что в марте 1973 г. здесь же были обнаружены двукольчатые удила VIII—VII вв. до н. э. [15] (находка местного жителя И. Штырхунова). Данные более поздние предметы могли быть выпаханы из верхних слоев Ахметовского поселения. К кладу они, очевидно, не имеют отношения.

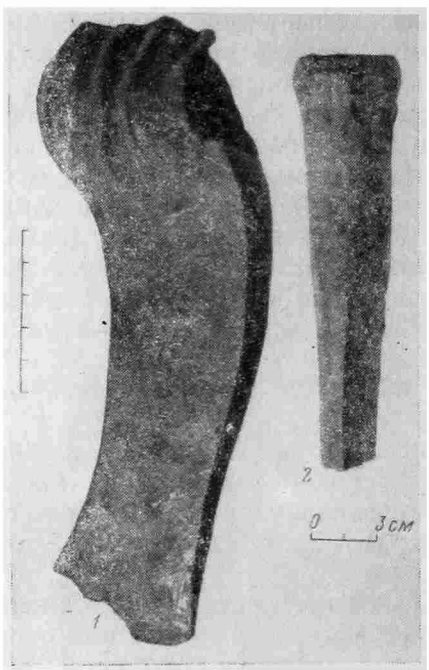


Рис. 3. Бронзовые топор (*1*) и долото (*2*) (фото)

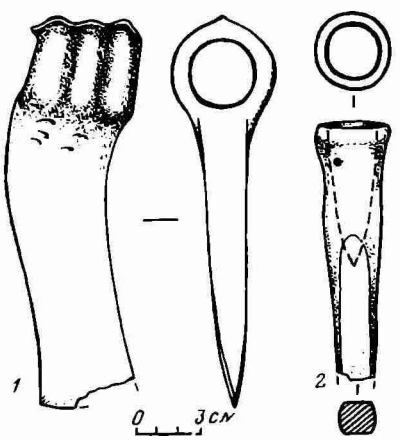


Рис. 4. Бронзовые топор и долото (рисунок)

Ахметовский клад по составу предметов и по металлу, из которого они отлиты, можно датировать второй половиной II тысячелетия до н. э., как это делается для близких находок Причерноморья [16] и юга Восточной Ев-

[12] *Кореневский С. Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы.— СА, 1976, № 4, с. 17, 25—27, рис. 9.

[13] *Иессен А. А.* Ук. соч., с. 96, рис. 25.

[14] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 109, 233, табл. XXXI.

[15] Тип их см.: *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, XVIII, 1953, с. 104.

[16] *Zoltán S.* Depozitul de obiecte de bronz de la Miercurea-Ciuc.— SCIV, № 3, t. 21, 1970, p. 473—479.

ропы [17]. Собственно, таким же временем датировал аналогичные находки Прикубанья А. А. Иессен [18]. Как видно, Ахметовский клад характеризует Прикубанский очаг металлообработки на позднем этапе эпохи бронзы, когда металлургические центры Кавказа теряют свои специфические черты [19]. Можно надеяться, что Ахметовский клад привлечет внимание археологов не только к поселению, на котором он был обнаружен, но и к целому ряду поселений эпохи бронзы, расположенных неподалеку — возле ст. Отважной, у хут. Куйбышевского (Дятлов ручей), пос. Шедок, ст. Чернореченской (балки Большая Кленовая и Водяная) [20].

[17] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 5.
[18] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии..., с. 120.
[19] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка..., с. 197.
[20] Разведки краеведа А. И. Глебова.

А. В. АНПИЛОГОВ

КАМЕННОЕ НАВЕРШИЕ СО СТОЯНКИ ЛОВОЗЕРО V НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В 1974 г. полевой отряд Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР под руководством автора этой статьи раскапывал поселение Ловозеро V.

Почти полностью раскопанный памятник площадью около 400 *м*^{2}, находится на правом берегу р. Воронья, в 300 *м* от ее истока из оз. Ловозера, и занимает участок берега высотой от 1,5 до 2 *м* над уровнем реки. На стоянке выделены два смешанных разновременных комплекса — развитого неолита и раннего железа.

Материал эпохи неолита в основном обнаружен в прибрежной части стоянки и постепенно рассеивался по мере удаления от реки.

Керамика с примесью асбеста, неорнаментированная или украшенная тонкими прочерченными линиями у шейки сосудов, относящаяся к позднему комплексу, равномерно распространена на площади поселения. Каменный инвентарь в целом не расчленяется, но к позднему комплексу относится сланцевый наконечник копья, очень похожий на орудие с поселения эпохи раннего железа Изсады в Ленинградской обл.[1], а также, видимо, кремневые и сланцевые наконечники стрел сейминского типа и с выемкой в основании.

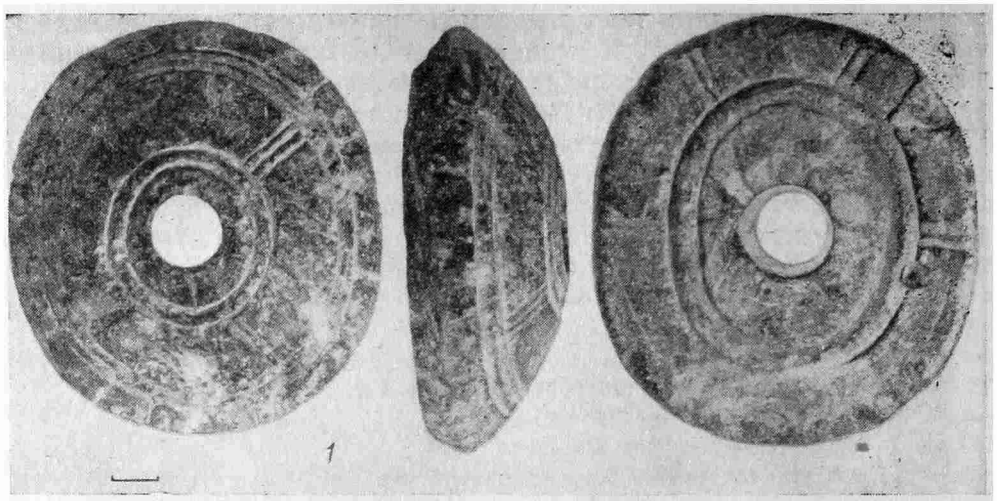
Публикуемое навершие было найдено в наиболее удаленной от берега части раскопа, где неолитический материал уже не встречался.

Предмет, сделанный из талько-хлористого сланца, имеет в плане округлую, а в разрезе полусферическую форму и коническое отверстие в центре диаметром 1,3—2 *см* (рис. 1). На выпуклой стороне навершия вокруг отверстия процарапаны две концентрические окружности диаметром 7—7,5 *см*.

Еще две концентрические окружности расположены вдоль края навершия. Между ними находится третья, прерывистая. Меньшие окружности соединены друг с другом группами нарезок по три в каждой, делящими пространство между окружностями на четыре равные части. Средняя из больших окружностей не замкнута и нанесена только участками, между ними наблюдаются три группы в 5,6 и 7 коротких насечек, соединяющих крайние окружности.

Кроме того, на внешней окружности наблюдается 11 насечек вытянуто-треугольной формы, пять из них расположены попарно, одна — еди-

[1] *Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР.— МИА, № 87, 1961, рис. 196, *1*.



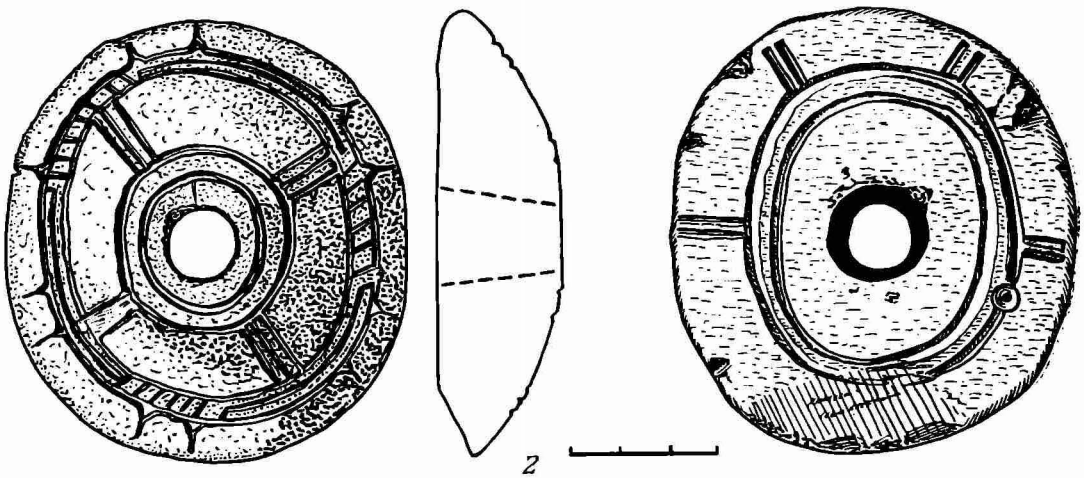


Рис. 1. Каменное навершие со стоянки Ловозеро V. *1* — фото, *2* — прорись

ничная. На обратной стороне навершия нанесены две концентрические окружности, соединенные четырьмя парами нарезок с внешним краем. Видимо, была и пятая пара нарезок на сбитом участке края предмета.

Подобные изделия на памятниках соседних территорий нам не известны. По нашему мнению, описанный предмет можно предварительно определить как навершие от булавы или (учитывая его уникальность для севера) вещь, возможно, культового характера. Навершие, по всей вероятности, относится к комплексу с асбестовой керамикой эпохи раннего железа.

А. А. КУРАТОВ, А. Я. МАРТЫНОВ

ПЕЩЕРНЫЕ РИСУНКИ НА р. ПИНЕГЕ

Археологические исследования на р. Пинеге в 1972—1973 гг. были организованы Архангельским областным краеведческим музеем с целью изучения пинежских петроглифов, обнаруженных в 1941 г. В. И. Смирновым [1]. Предварительное описание наскальных рисунков было сделано одним из авторов в 1973 г.[2]

[1] *Китицына Л. С., Третьяков П. Н.* Памяти Василия Ивановича Смирнова (к 25-летию со дня смерти).— СА, 1968, № 4, с. 240—243.

[2] *Куратов А. А.* Петроглифы на Пинеге.— АО — 1972. М., 1973, с. 18—20.

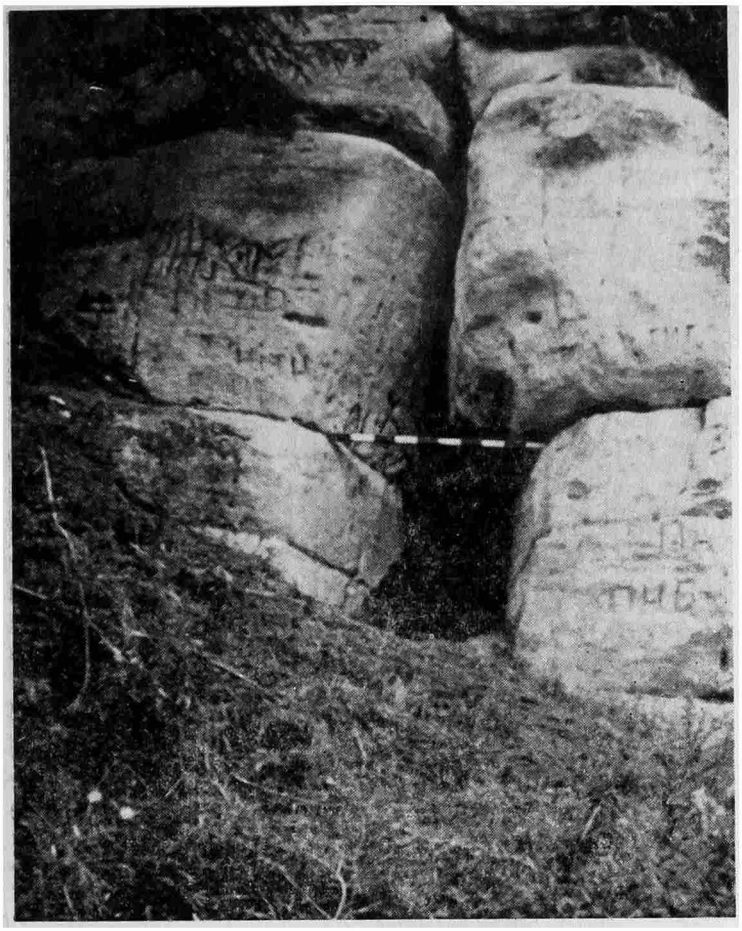


Рис. 1. Грот с древними рисунками. Дер. Курга

Грот с древними рисунками расположен на правом берегу р. Курга при ее впадении в Пинегу, в 10 *м* от моста. На противоположном берегу Курги находится одноименная деревня. Пещера представляет собой треугольную щель в известняковом монолите коренного берега (рис. 1). В устьевой части грот образует шалашеобразный вход, ориентированный строго на юг. Высота грота в разных точках колеблется от 2,1 до 2,3 *м*, ширина на уровне пола 1,05—1,15 *м*, длина 2,0—2,2 *м*.

Петроглифы расположены на покатых стенах грота. На восточной стенке выбиты три человеческих фигуры (рис. 2, нижний ярус), на западной — сложная композиция, включающая четыре человеческие фигуры и другие изображения (рис. 2, верхний ярус).

Прекрасно сохранилась первая группа рисунков. Петроглифы расположены на высоте 0,6 *м* от дневной поверхности грота. Фигуры людей изображены в ритуальной позе: руки и ноги широко расставлены в стороны; четко показан фаллос; голова эллипсоидная. Все три фигурки выбиты острым металлическим (?) орудием. Обращает на себя внимание тщательная проработка некоторых деталей рисунка: заостренных книзу стоп ног, подогнутых коленей, изломов рук в локтях, мелко моделированных пальцев рук; округленная форма головы и контурный овал туловища несколько смягчают угловатость всей фигуры. Размеры человеческой фигуры, занимающей в группе положение крайнее справа: длина 0,42, ширина 0,11 *м*. Вторая человеческая фигурка, занимающая в группе среднее положение, едва видна, однако общий характер рисунка хорошо прослеживается; хо-

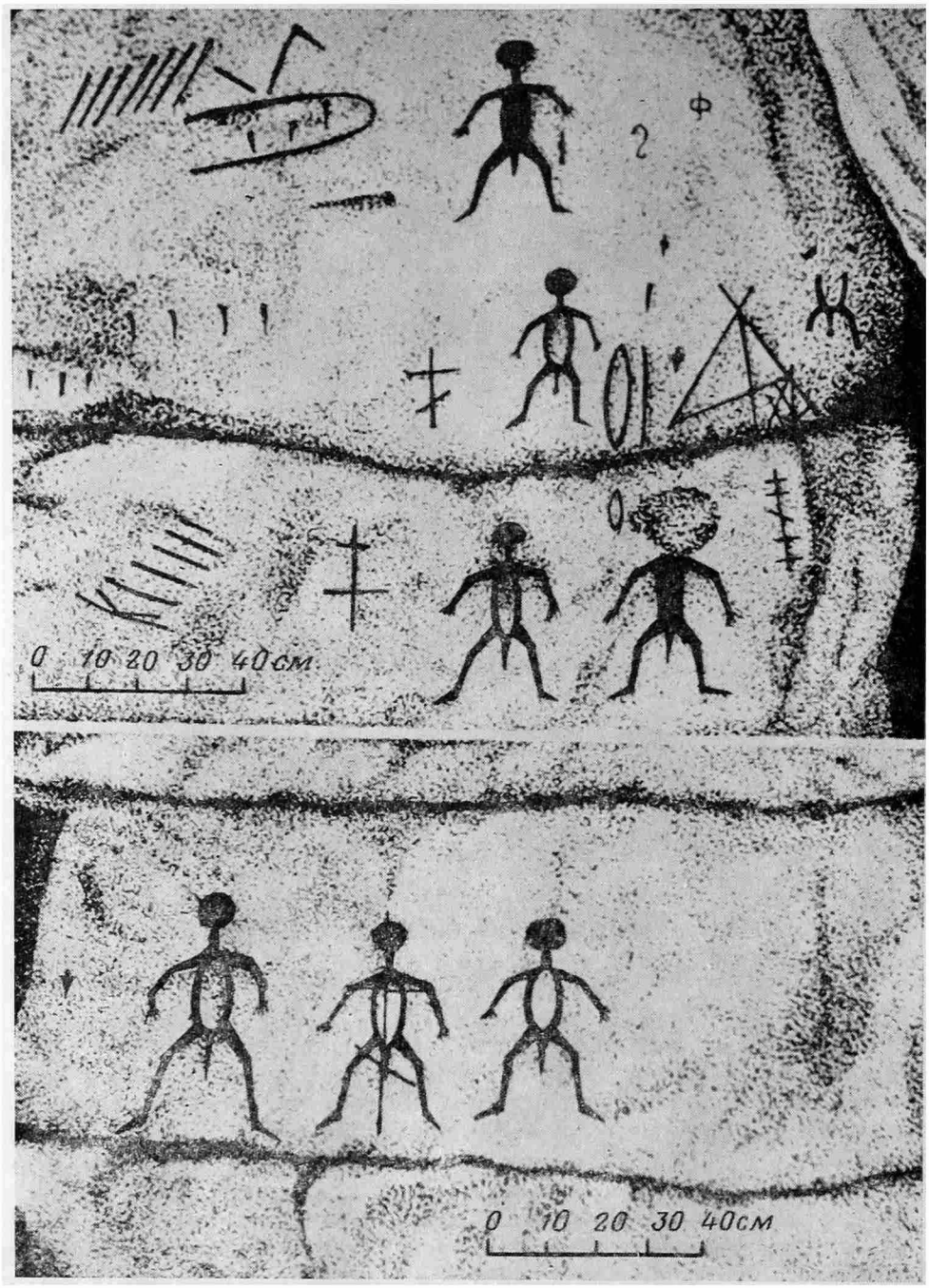


Рис. 2. Древние рисунки Кургинского грота. Верхний ярус — западная стенка грота, нижний ярус — восточная стенка

рошо виден выбитый на фигурке крест с прямым и косым перекрестиями. Третья фигурка является почти точным воспроизведением первых двух, завершая собой ритмический ряд изображений. Вторая группа рисунков привлекла в свое время особое внимание В. И. Смирнова [3]. Это более

[3] Несколько лет тому назад вдова покойного В. И. Смирнова, Л. С. Китицына, передала в научный архив АОКМ авторский оттиск статьи Смирнова «Пещеры Севера» (журн. «Звезда Севера», Архангельск, 1935, № 6) с рукописными дополнения-

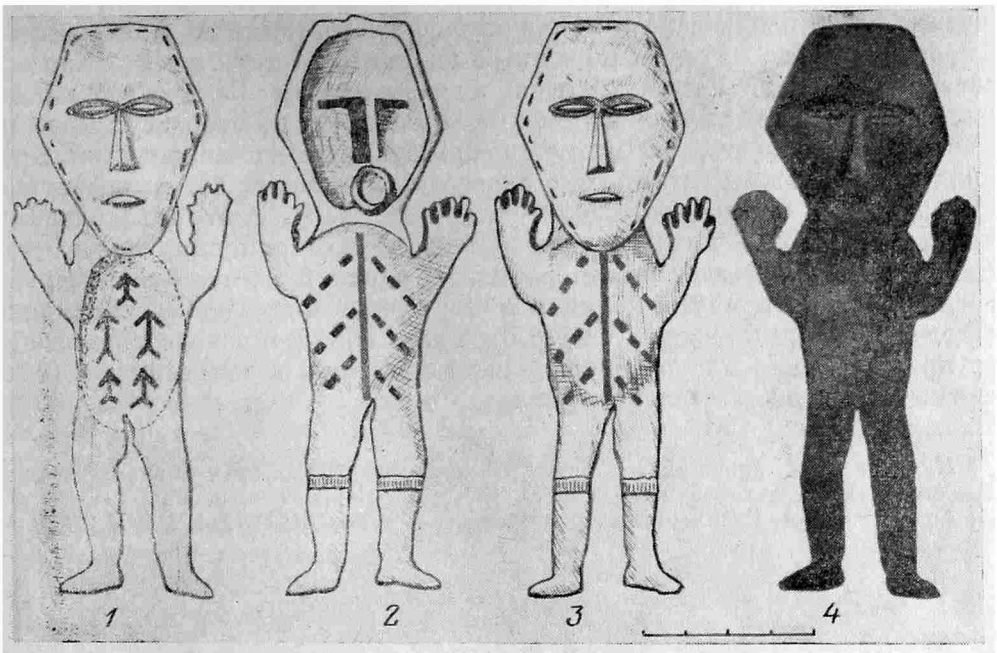


Рис 3. Бронзовый идол из дер. Кузомень. *1* — аверс, *2* — реверс, *3* — реконструкция К. П. Ревы, *4* — фотография идола

сложная композиция, в центре которой изображен человек в уже описанной ритуальной позе. Размеры фигуры: длина 0,27, ширина 0,19 *м*. Рядом с ней контурной техникой высечен заостренный сверху и снизу овал (длина 0,18, ширина 0,07 *м*), изображающий, по мнению В. И. Смирнова, женский половой орган. Справа от овала вырезана скривленная черта. Далее помещен рисунок наконечника копья, обращенного острием книзу. Еще правее, наконец, следует интереснейшее изображение жилища в виде чума. Технически все рисунки выполнены одинаково: линии глубоко врезаны в скалу. Размеры жилища: высота 0,32, ширина 0,32 *м*. На том же уровне, около рисунка жилища, на стене проглядывают полустертые следы еще одной человеческой фигурки.

Ниже и выше описанной группы рисунков выбиты три фигуры людей в ритуальных позах (одна сверху и две, парой,— снизу) в сопровождении второстепенных изображений в виде косо прочерченных линий и насечек, возможно не связанных с описанной композицией. Тут же, на плоскости цехштейна, выбито три христианских креста.

Сюжеты рисунков Кургинского грота имеют много аналогий. Среди них выделяются фигурки людей на карельских петроглифах, по своим формальным признакам очень близких кургинским «танцующим человечкам» [4]. На огромной территории Евразии можно найти множество таких формальных аналогий, но вряд ли они могут дать основу для твердой датировки кургинского ансамбля рисунков.

Больший интерес представляет собой так называемый «чудской» бронзовый идол из Кузомени (или Кузонеми) на р. Пинеге, описанный и датированный К. П. Ревой рубежом нашей эры (рис. 3) [5]. Типологическое

ми, сделанными автором после его поездки на Пинегу летом 1941 г. Он зарисовал две человеческие фигуры с фаллосами, островерхий чум, наконечник копья, женский половой орган и крест.

[4] *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера, ч. 1. М.— Л., 1936, табл. 49, 63, 70, 71, 76; *его же.* Наскальные изображения Белого моря, ч. II. М.— Л., 1939, табл. 17, № 143; *Савватеев Ю. А.* Залаврута. Археологические памятники низовьев реки Выг. Ч. I. Петроглифы. Л., 1970, рис. 22, 23, 30, 31, 107, 108.

[5] *Рева К. П.* Бронзовый идол Северного краевого музея. Архангельск, 1927.

описание этого идола дано в кандидатской диссертации А. А. Куратова [6], датировавшего его по многочисленным аналогиям I тысячелетием до н. э. Бронзовый идол из Кузомени очень близок идолам Галичского клада [7], хотя по некоторым признакам моложе последних по возрасту. Идол помогает в какой-то степени интерпретировать кургинские рисунки. Представляется возможным говорить о близости кургинских петроглифов, с одной стороны, и бронзового идола — с другой. К. П. Рева объяснял присутствие в брюшной полости идола пяти фигур «пляшущих человечков» многодушием божества, олицетворенного в идоле. Фаллические фигуры из Кургинского грота почти полностью повторяют позу идола. Возможно, композиция из фаллических фигур отражает обряд, в основе которого лежит представление или о ведущей роли мужчины в зачатии, или о бессмертии рода и обожествлении фаллоса.

[6] *Куратов А. А.* Древняя история Архангельского Беломорья в эпоху неолита и раннего металла. Автореф. канд. дис. Л., 1971.

[7] *Городцов В. А.* Галичский клад и стоянка.— ТСА РАНИОН, т. III. М., 1928.

В. И. ГРОСУ

САРМАТСКИЙ КУРГАН У с. КОРПАЧ

В 1975 г. Черняховско-сарматская археологическая экспедиция Института истории АН МССР и Института этнографии АН СССР продолжила исследования [1] в зоне будущего водохранилища Костештской ГЭС на р. Прут. Среди других памятников изучен курган, располагавшийся северо-восточнее с. Корпач Единецкого р-на Молдавской ССР, примерно в 260 *м* слева от дороги Корпач — Старые Куконешты (рис. 1, *1*). В 1966 г. в северо-восточном секторе кургана Э. А. Рикманом обнаружена известняковая плита с сарматским знаком [2].

Диаметр кургана 40 *м*, высота до 1 *м*. Примерно на глубине 80 *см* от вершины [3] залегал плотный слой глины, перекрывавший погребенную почву. Площадь этого слоя —12×13 *м*. Толщина в центре до 10 *см*, по краям до 3 *см*. Местами этот слой прокален — возможно, это следы кострищ (рис. 2).

Курган содержал лишь одно центральное погребение, окруженное своеобразной ритуальной канавой треугольной в плане формы. Канава прослежена на уровне древней погребенной почвы. Длина основания треугольника, ограниченного канавой, составляет 21,6 *м*, высота — 25 *м*. В центре основания имеется разрыв — «вход» шириной 1,6 *м*. Глубина канавы от уровня погребенной почвы около 1 *м*, ширина на этом уровне около 0,9 *м*. Прямые аналогии культовой канаве из кургана у с. Корпач пока не известны.

В заполнении канавы на глубине 1,35 и 1,25 *м* от нулевой отметки найдены два черепа лошади (рис. 2, *1*, *2*). Еще два черепа лошади найдены у северо-восточного отрезка канавы в 80 *см* к северу от нее на глубине 1 *м* (рис. 2, *3*). Сарматы Карпато-Днестровского региона помещали в могилы ноги (Баштановка, Нерушай, Трушешты) и головы (Трушешты)

[1] Начальник экспедиции — Э. А. Рикман, заместитель начальника — В. И. Гросу. В работе участвовали сотрудники ИЭ АН СССР М. Р. Семашкевич и Э. И. Лапина, а также студенты КГУ им. В. И. Ленина и Политехнического института г. Кишинева.

[2] *Нудельман А. А., Рикман Э. А.* Новые находки памятников первых веков нашей эры в Молдавии.— В сб.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с. 177, рис. 3.

[3] За нулевую отметку принята высшая точка кургана.

коней[4]. Вероятно, головы животных приносились в жертву божествам, связанным с заупокойным культом[5]. В кургане у с. Корпач, где обнаружены четыре лошадиных головы, видимо, похоронен богатый сармат.

В центре кургана обнаружена могильная яма. На глубине 3,2 *м* она имеет первоначальный вид: неправильно прямоугольную форму со скругленными углами. По дну длина ямы — 2,8, ширина — 1,4, глубина — 3,95 *м*. В северной части ямы прослежена небольшая ниша. На западной, северной и восточной стенках древней ямы отмечены следы работы киркой (рис. 3), кроме того, наблюдается ступенчатость стенок, возникшая при работе грабителей.

В профиле видны контуры, доходящие почти до верха кургана грабительской ямы, которая прорезала слой материкового грунта над погребением (см. рис. 2). Слоистая структура заполнения ямы свидетельствует о том, что яма не была засыпана после ограбления, а заполнялась постепенно во время дождей.

Погребальная яма длинной осью ориентирована по направлению север — юг. Ось ее совпадает с осью кургана по линии север — юг и с осью треугольника, образуемого канавой.

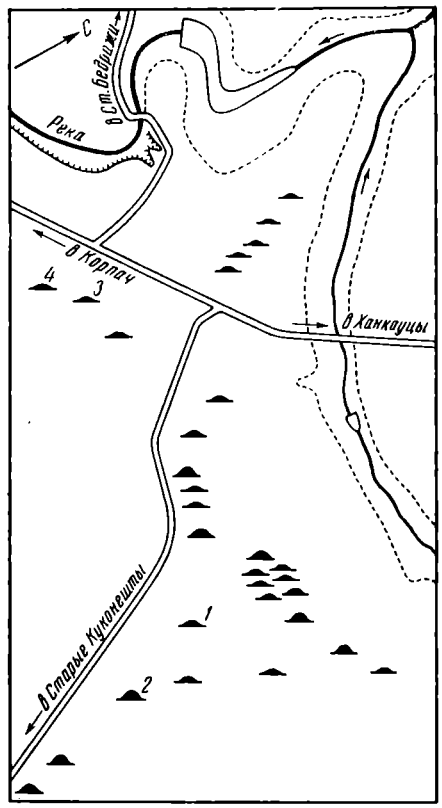


Рис. 1. Курганная группа у с. Корпач Единецкого р-на МССР

В юго-западной части ямы на глубине 1,5 *м* обнаружены три обломка человеческой черепной коробки, а также фаланги пальцев. В заполнении ямы на различной глубине найдены фрагменты стенки светлоглиняной амфоры, железного кинжала плохой сохранности, венчика лепного сосуда, кусочки древесного угля, а также кости животных — остатки жертвенной пищи (рис. 3, *1*, *2*).

Каменная плита с сарматским знаком[6] представляет собой грубо обтесанную глыбу неправильно овальной формы размером 1,55×0,75× ×0,25 *м*. Лицевая сторона обтесана довольно гладко, и на ней глубоко и четко высечен жезловидный знак (рис. 3, *3*)[7]. Очевидно, плита была врыта вертикально над погребальной ямой, что послужило точным ориентиром для грабителей. Среди сарматских знаков Северного Причерноморья, собранных Э. И. Соломоник[8] и В. С. Драчуком[9], знаку на плите из Корпач мы не находим полных аналогий. Только верхняя часть знака встречается на многих сарматских памятниках.

На расстоянии 4,2 *м* к северу от основания треугольника на поверхности погребенной почвы на глубине 80 *см* обнаружена вымостка из не-

---

[4] *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975, с. 50.

[5] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1969, с. 100.

[6] Хранится в музее археологии и этнографии АН МССР.

[7] *Нудельман А. А., Рикман Э. А.* Ук. соч., с. 177, рис. 3.

[8] *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. Общая таблица знаков, № 37, 38, 205—207.

[9] *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. табл. V, № 268, 269, 291—293, 327, 328, 366.

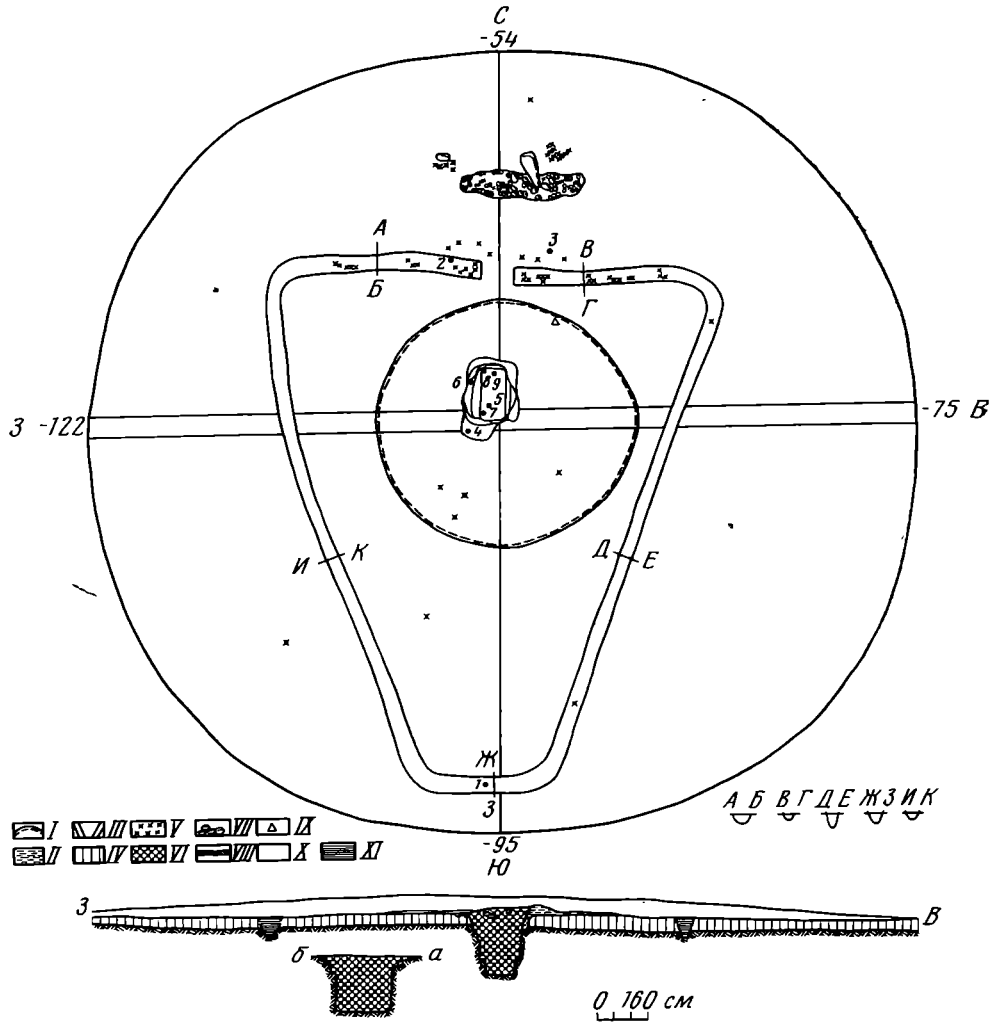


Рис. 2. I— слой глины под погребением; II— материковый выкид из погребальной ямы; III — культовая канава в плане; IV — погребенная почва; V — обломки амфор; VI— заполнение ямы; VII— камни; VIII— материк; IX— местонахождение каменной плиты с сарматским знаком; X— насыпь кургана; XI— профиль культовой канавы. *1, 2, 3,* — черепа лошадей; *4, 5, 7* — обломки человеческого черепа и фаланги пальцев; *6* — обломок железного кинжала; 8 — фрагмент венчика лепного сосуда; *9* — кусочки древесного угля

обработанных плоских известняковых камней. Длина ее 5,8 *м*, ширина 1,2 *м*. Эта вымостка длинной осью ориентирована по направлению запад — восток параллельно основанию треугольника канавы. На вымостке в ее средней части лежал плитчатый известняковый камень, один конец которого заострен. Вероятно, камень в древности стоял вертикально. Размеры: 1,5×0,6×0,35 *м* (рис. 2). На камнях вымостки и между ними найдены обломки стенок и ручек светлоглиняных амфор. На погребенной почве между канавой и вымосткой, а также на вымостке наблюдались следы кострищ. Возможно, вымостка и камень перед «входом» представляли собой жертвенник-алтарь, на котором совершалась тризна.

Аналогичная каменная вымостка в виде прямоугольника размером 2×0,7 *м*, ориентированная длинной осью по направлению запад — восток, связанная с сарматским погребением I—II вв. н. э., найдена в кург. 8 у с. Баштановки Татарбунарского р-на Одесской обл. УССР [10].

[10] *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра.— МАСП, вып. 6, ч. I, 1970, с. 86, 115.

В юго-восточном секторе кург. 1 (курганный могильник 1) у с. Огородное Болградского р-на Одесской обл. УССР на глубине 1,4 *м* обнаружен очаг неправильно овальной формы в плане размером 50×40 *см*. Очажная яма заполнена золой, угольками и пережженными косточками. В яме обнаружен обломок лопатки крупного животного и камень размером 40×25 *см*. Учитывая стратиграфическое положение очага, авторы предположительно связывают его с сарматским погр. 8 из этого кургана [11]. Культ огня был одним из главных ритуалов у сарматов на всех этапах их развития [12]. Хорошо известна роль огня или его заменителей (зола, мел и пр.) в их погребальном обряде, начиная с савроматской эпохи [13]. Особенно ярко этот культ выражен в разведении костров около сарматских могил или при создании насыпей курганов. Однако с продвижением

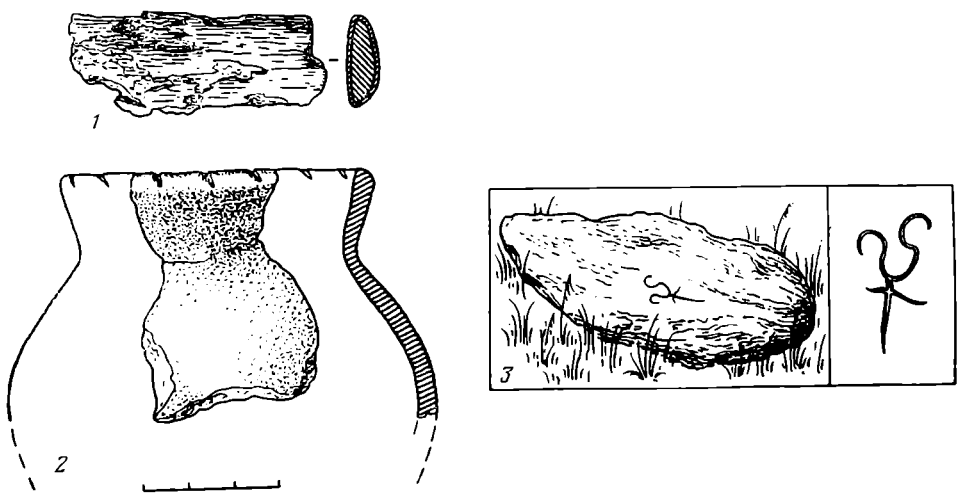


Рис. 3. *1* — фрагмент железного кинжала; *2* — фрагмент венчика лепного сосуда; *3* — каменная плита с сарматским знаком

сарматов на запад этот обряд претерпевает изменения под влиянием ритуала окружающего населения. На территории Украины [14], Молдавии [15], Румынии [16] древесный уголь или зола в погребальном обряде сарматов встречается реже, чем в восточных районах их обитания.

Канава была заполнена черным грунтом, в котором обнаружено большое количество обломков светлоглиняных узкогорлых амфор. Чаще всего они встречались в северо-восточном и северо-западном отрезках канавы, где грунт заполнения перемешан с золой. Всего обнаружено около 250 обломков амфор. Здесь мы наблюдаем следы тризны с разжиганием огня у могилы еще до возведения кургана. Исходя из количества горловин и днищ, можно определить, что было использовано свыше 10 светлоглиняных узкогорлых амфор. Одна амфора высотой 58 *см* реставрирована (рис. 4). Цвет поверхности желто-розовый. Глина желтого цвета содержит в изобилии черные минеральные включения.

[11] *Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М.* Курганы у с. Огородное.— МАСП, вып. 6, ч. I, 1970, с. 136.

[12] *Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Сарматское святилище огня.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 214—215.

[13] *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 94—100.

[14] *Винокур И. С., Вакуленко Л. В.* Киселевский могильник I—II вв. н. э.— КСИА АН СССР, № 112, 1967 (жертвенные ямы 3, 4 и 5).

[15] *Мелюкова А. И.* Отчет о работе скифского отряда Молдавской экспедиции ИА и Молдавского филиала АН СССР в 1960 г., Р-1, № 2409, кург. 1; *Рикман Э. А.* Ук. соч., с. 50.

[16] *Рикман Э. А.* Ук. соч., с. 49, 50.

Подобные амфоры датируются по-разному: то I—II вв.[17], то рубежом II—III вв.[18] Наиболее обоснованная дата — II в. н. э., ибо в Мирмекии[19] и Первомайске[20] аналогичные амфоры найдены в хорошо датированных комплексах II в. н. э. Около семи таких амфор найдены в кург. 10 около Танаиса[21].

И. С. Каменецкий подобные амфоры относит к варианту C_1 и датирует II в. н. э. на основании их сходства с амфорой из помещения «А» в Мирмекии[22]. Узкогорлые светлоглиняные амфоры южнопонтийского происхождения поступали в города Северного Причерноморья на протяжении первых веков нашей эры как тара для жидких продуктов (вино,

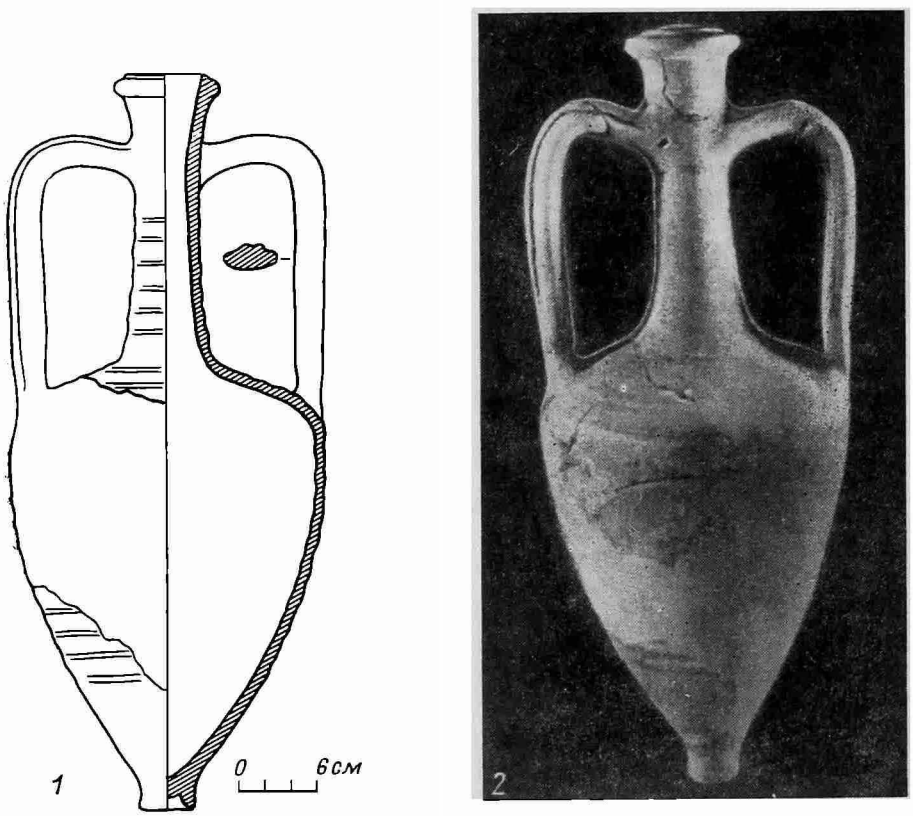


Рис. 4. Реставрированная светлоглиняная узкогорлая амфора
1 — рисунок, *2* — фото

оливковое масло). В подтверждение сказанного отмечу, что внутри на стенках и днищах почти всех амфор, найденных в кургане у с. Корпач, обнаружен слой винных дрожжей толщиною в 1—2 *мм*.

Таким образом, погребение, канава, каменная вымостка и насыпь кургана созданы по единой системе и сооружены одновременно. Вероятно, сначала была вырыта погребальная яма и совершены похороны.

[17] *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе II в. до н. э — V в. н. э.— САИ, Д1-27. М., 1970, с. 14.

[18] *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, № 83, 1960, табл. XXVIII, *94*, с. 136.

[19] *Гайдукевич В. Ф.* Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекии.— КСИА АН СССР, № 95, 1963, с. 28, 29, рис. 8, *5*; 9, *4*.

[20] *Рикман Э. А., Хынку И. Г.* Погребение II в. н. э. у с. Первомайск (Молдавия).— В сб.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 35, 37.

[21] *Казакова Л. М., Каменецкий И. С.* Курганы Танаиса.— КСИА АН СССР, № 124, 1970, с. 82; Там же, сноска 12.

[22] *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.— МИА, № 25, 1925, с. 170, рис. 64.

затем была вырыта ритуальная канава. После этого был сооружен жертвенник-алтарь. По совершении тризны амфоры были разбиты и брошены в канаву, в основном рядом с жертвенником. Очевидно, после тризны были уложены в канаву и конские головы. И только позже землю из канавы насыпали над погребением и был возведен курган, под насыпью которого оказались все описанные сооружения.

Наличие на кургане каменной плиты с сарматским знаком, обнаруженные в нем находки и даже время сооружения кургана (II в. н. э.) — все это говорит о сарматской принадлежности погребения и кургана в целом. Такие курганы изредка встречаются на территории Днестровско-Прутского междуречья. Сарматский курган II в. н. э., содержавший одно центральное погребение, раскопан у с. Олонешты (Суворовский р-н МССР) [23]. Сарматам же принадлежали шесть курганов (2—7) у с. Огородное Болградского р-на Одесской обл. УССР [24].

[23] *Мелюкова А. И.* Ук. отчет, с. 51—53. (кург. 1).

[24] *Субботин Л. В., Загинайло А. Г., Шмаглий Н. М.* Курган у с. Огородное.— МАСП, вып. 6, ч. I, 1970, с. 147—150, 154.

В. И. САРИАНИДИ

КОСМЕТИЧЕСКИЕ ФЛАКОНЫ ИЗ БАКТРИИ

Раскопки памятников эпохи бронзы Бактрии и смежных территорий (южные области Средней Азии, Иранский Хорасан, долина Инда) [1] привели к обнаружению группы медно-бронзовых, литых, миниатюрных сосудиков, как считают, особого, не бытового назначения. При археологических раскопках в южной Бактрии такие изделия найдены не были, но хищнические раскопки могильников эпохи бронзы, и в особенности в Дашлинском и Фарукабадском оазисах (область Балх), выявили большое их количество (рис. 1). Среди этих находок практически имеются все формы таких сосудов, которые известны в материале научных раскопок, что дает право рассматривать их как относящихся к эпохе бронзы (ориентировочно середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.). В числе находок, связанных с хищническими раскопками, имеются совершенно новые, подчас уникальные формы миниатюрных металлических флаконов. Попытаемся наметить предварительную типологию этих бактрийских изделий и дать сравнительный анализ с уже известными флаконами со смежных территорий.

Сразу же отметим, что при всем типологическом различии и вариациях форм почти всех их объединяет одна, но существенная деталь — наличие высокого цилиндрического горла с узким отверстием и плоским венчиком.

К первому типу могут быть отнесены флаконы с округлым туловом и выделенным поддоном (рис. 2, *1*; 3, *1*).

Особый подтип составляют флаконы, украшенные головами животных. Один из них (высота 8 *см*, диаметр венчика 3 *см*) имеет округлое тулово, украшенное тремя рельефно выступающими головками быков с небольшими ушами и загнутыми внутрь рогами (рис. 3, *10, 11*; 4, *3, 4*). В горло этого сосуда вставлена длинная булавка с навершием в виде

[1] *Аскаров А.* Сапалли тепа. Ташкент, 1973, табл. 25; *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966, табл. XXVI; *Schmidt E.* Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, pl. LVII; *Mackay E.* Chanhu-Daro Excavations. N. Y., 1967, pl. LXXVI, № 32; *Marshall I.* Mohenjo-Daro and Indus Civilization. London, 1931, pl. CXL.

Рис. 1. Металлические флаконы в одной из антикварных лавок г. Балха

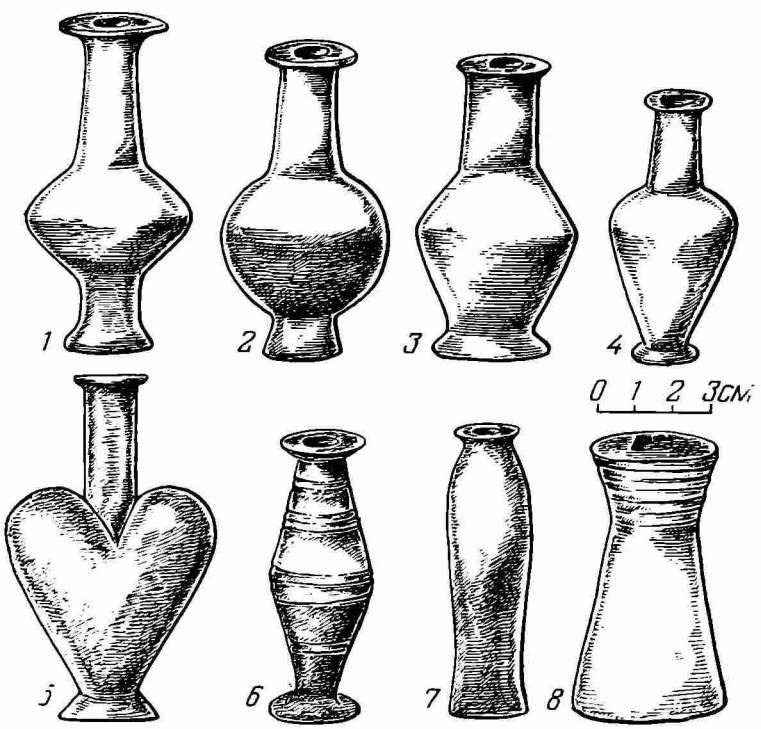


Рис. 2. Основные формы флаконов

Рис. 3. Флаконы, происходящие из ненаучных раскопок могильников Бактрии

головки горного козла с тяжелыми, сильно изогнутыми рогами. От времени стержень булавки окислился и оказался плотно соединенным с горлом флакона, но без следов спайки.

Второй сосуд также имеет округлое тулово, высокое горло и плоское дно (высота 6 *см*, диаметр горла 2,7 *см*). В верхней части тулова сохранилось три горельефно выступающие головы, посаженные на высокие изогнутые шеи горных козлов или баранов, с туго закрученными спиралью рогами (рис. 4, *1, 2*). Оба флакона благодаря наличию зооморфных горельефных налепов резко выделяются среди остальных изделий подобного рода, но находят сравнительно близкие параллели в Иранском Хорасане. Имеется в виду литой флакон с высоким узким горлом и округлым туловом, происходящий из Бужнурда. На плечиках сосуда имеются горельефные изображения трех сидящих баранов с закрученными спиралью ро-

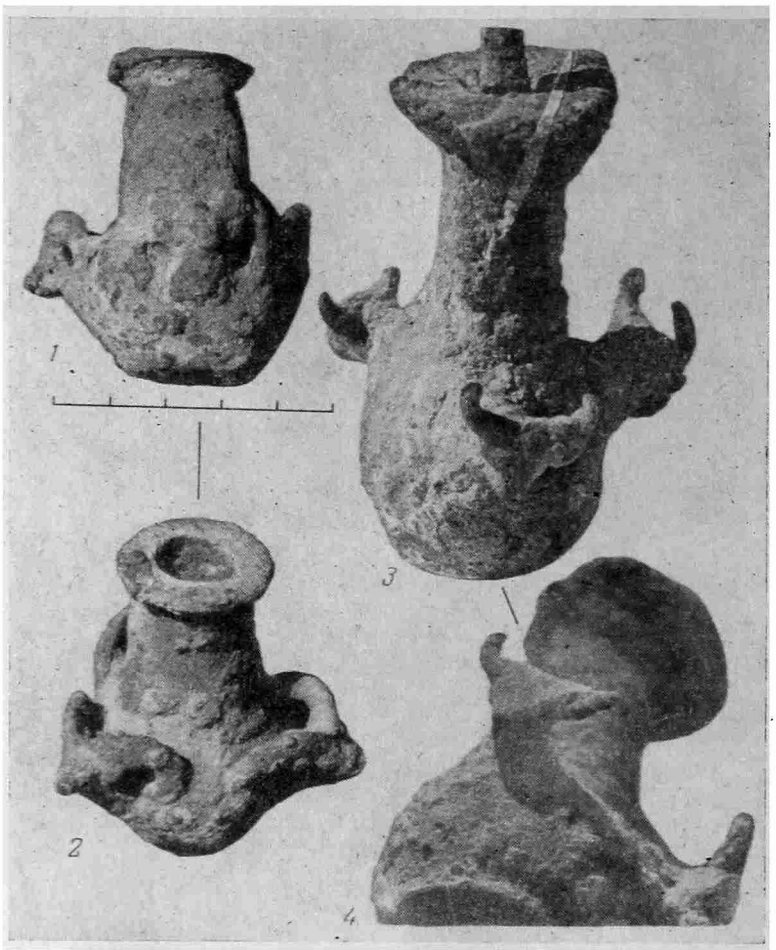


Рис. 4. Флаконы, украшенные зооморфными головками

гами [2]. Налицо не только топологическая, но и иконографическая близость, показывающая связи между этими типами флаконов Бактрии и Хорасана эпохи бронзы. Не исключено существование общего для них источника происхождения (как, например, сетатитовый сосуд из Ура, украшенный рельефными фигурами сидящих быков), относящегося к более раннему времени [3]. Но и в таком случае бактрийско-хорасанская близость рассматриваемых флаконов сравнительно с месопотамским сосудом представляется предпочтительной и, возможно, отражает второй этап распространения этого вида изделий.

Второй тип представлен флаконами с биконическим туловом и высоким поддоном (рис. 2, *2, 3, 6*; 3, *4—6*) Как варианты выделяются сосуды с уплощенным сильно вытянутым по горизонтали туловом на выделенном поддоне (рис. 2, *2*; 3, *4*) или со слабовыраженным перегибом тулова (рис. 2, *3*; 3, *6*); у единичных экземпляров отмечены почти биконические, но сильно вытянутые по вертикали формы с орнаментом в виде концентрических кругов (рис. 2, *6*; 3, *5*).

Следующий, третий тип составляют флаконы с широкими плечиками и резко суженной нижней частью (рис. 2, *4*; 3, *3*), аналогичные изделия хорошо представлены в погребальном инвентаре могил эпохи бронзы Северной Бактрии (Сапалли тепе). Среди коллекций антикварных лавок этот тип флаконов представлен в наибольшем количестве, что возможно, отражает реальное соотношение былых форм флаконов.

[2] *Herzfeld E.* Iran in the Near East. London — New York, 1941, p. 118, pl. XXV.
[3] *Woolley L.* Ur Excavation, v. IV. London, Philadelphia, 1936, pl. 35.

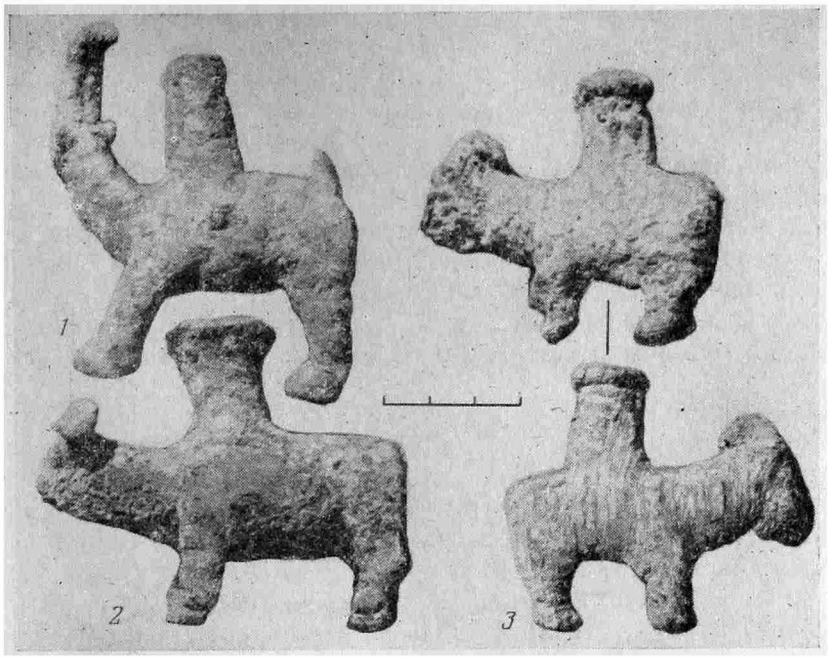


Рис. 5. Териоморфные сосуды

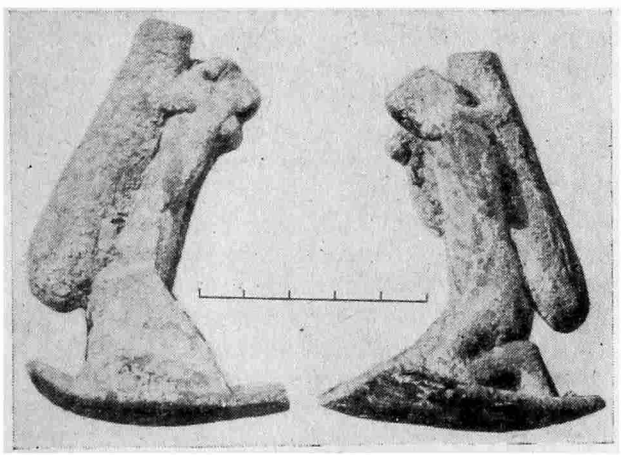


Рис. 6. Коленопреклоненная фигура с поклажей

Особый, четвертый тип составляют сосуды с туловом, отлитым в виде «сердечка» (рис. 2, *5*), более пока нигде не отмеченный.

К пятому типу относятся флаконы с цилиндрическим туловом (рис. 2, *7, 8*; 3, *7—9*). Как варианты намечаются сосудики со слегка расширяющимся книзу туловом (рис. 3, *9*), иногда украшенным по верхней части рельефным кольцевым орнаментом (рис. 2, *7*; 3, *7*), а также высокие стройные флаконы с перехватом в нижней части (рис. 2, *8*).

Следующую самостоятельную группу составляют териоморфные флаконы (тип шестой). Отлитые в виде животных, полые внутри, они имеют на спине высокие узкие горлышки точно такой же формы, как и у всех описанных выше флаконов. Одна такая фигура изображает горного козла с вытянутой и слегка повернутой в сторону шеей, небольшими ушами и длинными саблеобразными рогами, загнутыми назад. Длинное полое тело с высоким горлом на спине и загнутым вверх коротким хвостиком опирается на чуть изогнутые ноги с четко выделенными копытами (рис. 5, *1*).

Следующий териоморфный флакон отлит в виде фигуры быка: небольшая голова на длинной, слегка изогнутой шее украшена рельефными, миндалевидной формы глазами с разрезами-щелочками и большими круто загнутыми рогами. Мощное (полое внутри) тело животного имеет на спине горловину с сильно расширяющимся венчиком, длинный хвост опущен вниз. Короткие ноги переданы достаточно реалистично с выделенными суставами передних и бабками задних ног (рис. 5, *2*).

Третий флакон отлит в виде миниатюрной фигурки козла (менее вероятно, барана), стоящего в спокойной позе. Небольшая головка с заброшенными на спину изогнутыми рожками как будто бы сохранила бородку, но с уверенностью судить об этом трудно. Пустотелая фигурка сохранила на спине высокое горло и заканчивается короткими ножками (рис. 5, *3*).

Териоморфные сосуды, преимущественно керамические, достаточно широко были распространены на Переднем Востоке и в особенности Древнем Иране. На этом фоне выделяется металлический флакон из Бужнурда, отлитый в виде пустотелой фигурки двуглавого животного с козлиными головками и высоким цилиндрическим горлышком на спине [4].

Наконец, возможно, к особому типу флаконов относится уникальное изделие, отлитое в виде сложной, коленопреклоненной фигуры, хотя полной уверенности в ее подлинном назначении нет. Основанием фигуры является прямоугольная, слегка изогнутая пластина, на которой покоится само изображение. Это обнаженная, скорее всего антропоморфная, коленопреклоненная фигура со схематическим «птичьим» лицом, лишь отдаленно напоминающим человеческое. Фигура стоит на коленях на постаменте-основании, руки сильно согнуты в локтях, подняты вверх на уровень плеч, придерживая за концы какую-то поклажу на спине. Сама ноша представляет собой длинный пустотелый цилиндр с закругленным дном и слегка сужающимся верхом. Антропоморфная фигура сплошная (не пустотелая), обнаженная, причем спереди как будто бы намечены слабо выступающие ребра грудной клетки (рис. 6).

Изделия подобного рода весьма немногочисленны, причем сравнительно близкую аналогию можно отметить среди предметов так называемых луристанских бронз и в первую очередь деталь конской сбруи в виде двух человеческих фигур на постаменте, неоднократно изданных разными исследователями [5]. На этом изделии стоящий человек в одеянии хватает за волосы и пронзает кинжалом второго, изображенного обнаженным и коленопреклоненным. Последняя фигура до определенной степени перекликается с бактрийской, хотя сходство далеко не полное. Считается, что обнаженные, коленопреклоненные фигуры в ассирийском искусстве изображали или мертвых, или жертву, которая будет убита тут же [6], что, возможно, до определенной степени раскрывает и семантику рассматриваемого бактрийского изделия, условно отнесенного к флаконам.

Антропоморфную фигуру отличает общий реализм исполнения, соблюдение пропорций, хорошее знание пластики тела, что резко контрастирует с преднамеренным схематизмом в трактовке лица. Это обстоятельство нельзя объяснить недостатком мастерства, так как в Бактрии известны более реалистичные изображения человеческого лица, как, например, погрудная фигура на одном топоре с четко моделированным лицом. Оче-

---

[4] *Herzfeld E.* Op. cit., fig. 233. Ср. также териоморфную статуэтку из Куль-тепе (Малая Азия).— Там же, fig. 234.

[5] Survey of Persian Art, v. 2. London — New York, 1938; p. 255, 256, pl. 26; *Schaeffer C.* Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. Oxford, 1948, p. 485, fig. 264.

[6] Ср. *Contenau G.* La Deésse Nue Babylonienne. Paris, 1914, p. 26.

видно, семантическое значение рассматриваемого изделия исключало реалистическую передачу лица, что в конечном счете было связано с древними представлениями и верованиями.

Переходя к вопросу об использовании миниатюрных флаконов, следует признать правомерным высказанное предположение о их косметическом назначении. В этом плане показателен документальный факт, засвидетельствованный множеством примеров, когда в горлышко таких флаконов оказались вставленными длинные булавки нередко с фигурными навершиями и утолщением на нижнем конце. Такие флаконы с вставленными булавками внутри, помимо Северного Афганистана, известны в Южном Туркменистане и Северо-Восточном Иране, а в Южном Таджикистане подобные булавки встречены в могилах вместе с кусочками сурьмы и охры. Все это и дало право определить такие булавки как косметические [7]. Думается, что миниатюрные флаконы вместе с булавками являлись косметическими принадлежностями (сурмление глаз и т. д.) [8], причем утолщенный конец булавок в виде каплевидного прилива в наилучшей степени отвечал этим целям. Здесь же отметим и показательный факт обнаружения в могиле энеолитического поселения Геоксюр I (рубеж IV—III тысячелетий до н. э.) и погребении на Дашлы-3 (вторая половина II тысячелетия до н. э.) одинаковых по формам керамических флаконов первого типа с вставленными в их горла длинными булавками-лопаточками. Таким образом, мы имеем дело с поразительно устойчивой традицией погребального обряда, прослеживаемой на протяжении почти полутора тысяч лет в одном общем историко-культурном регионе. Этот факт в сопоставлении с тем, что в Иранском Хорасане, Северном Афганистане и долине Инда флаконы подобной формы появляются не ранее II тысячелетия до н. э. выделяют Южный Туркменистан как один из возможных центров из общего происхождения. Вначале это были по преимуществу керамические флаконы, которые с начала II тысячелетия до н. э. в массе отличаются из металла и достаточно широко распространяются в этой части обширнейшего региона Юго-Западной Азии. Наряду с обычными (хотя и различных вариаций) ничем не украшенными флаконами в это время появляются редкие образцы, украшенные протомами животных, а также фигурные (иначе териоморфные) флаконы.

---

[7] *Khan F. A.* The Indus Valley and Early Iran. Karachi, 1964, p. 35, 36; *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.— МИА, № 145, 1968, с. 84.

[8] *Mackay E.* Op. cit., p. 177.

Н. М. БУЛАТОВ

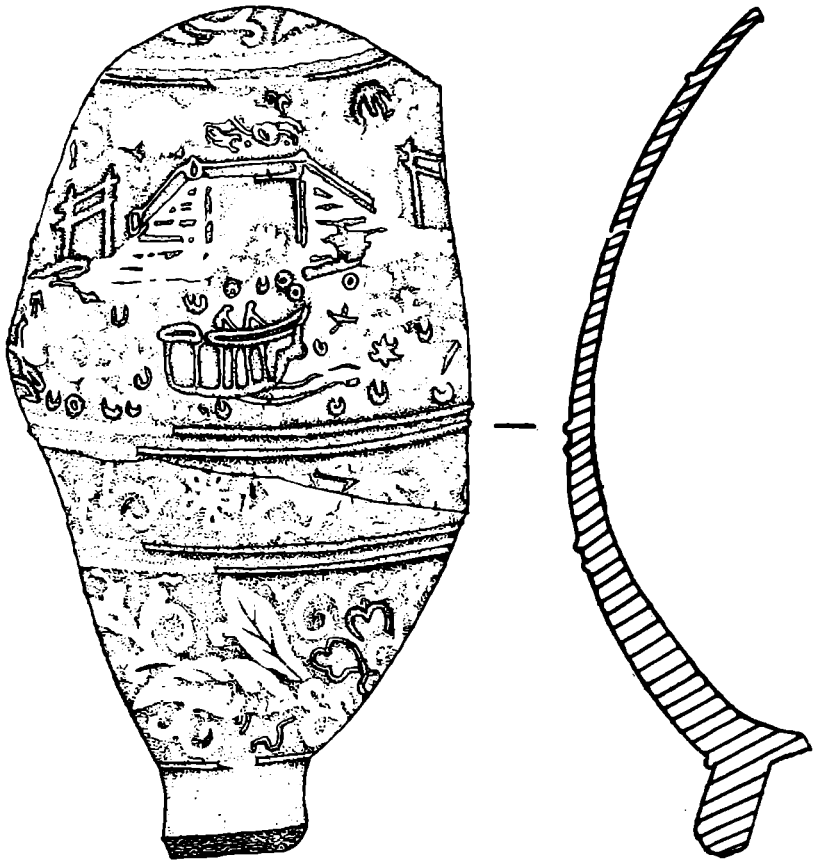
ИРАНСКАЯ ВАЗА С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Во время раскопок на Селитренном городище в одной из хозяйственных ям при раскопках гончарного квартала в комплексе обычного золотоордынского материала были найдены рядом крупные фрагменты изделий передневосточного средневекового ремесла: остатки стеклянного блюда, расписанного эмалями [1], и крупный фрагмент поливной вазы, украшенный цветными глазурями и золочением (рисунок).

Высота обнаруженного в раскопе фрагмента вместе с кольцевым поддоном достигает 16 *см*, наибольшая ширина 9 *см*. В профиле ваза имела округлую, плавно сужающуюся кверху и книзу, форму. Толщина стенок фрагмента варьируется от 11 *мм* (в месте соединения с поддоном) до 3 *мм* в верхней части.

---

[1] *Булатов Н. М., Вихляев В. И. и др.* Раскопки золотоордынских городов на Нижней Волге.— АО — 1971. М., 1972, с. 234.



Внутренняя поверхность вазы лишена глазурованного покрытия и имеет четкие следы заглаживания после формовки, наружная сторона покрыта голубоватой, заглушенной окисью олова, глазурью, по которой произведена рельефная орнаментация вазы светлой высококремнеземистой массой (порошком), окрашенной затем глазурными красками в зеленый и красный цвета.

Черепок в изломе имеет светлый голубоватый цвет, близкий по цвету и структуре к известным голубоватым китайским селадонам. Черепок кольцевого поддона имеет ярко-розовый цвет. Однако недостаточная плотность черепка и значительная пористость не дают основания отнести этот фрагмент к китайским средневековым изделиям. С другой стороны, нет оснований относить его и к средневековым иранским кашинным изделиям. Для него характерны слишком малая пористость, излишняя по сравнению с кашином плотность и отсутствие капиллярности структуры. Последнее обусловило тот факт, что глазурь легла на черепок ровным, плотным слоем и отлично спеклась с ним, очевидно, в результате не менее чем трехкратного обжига изделия.

При орнаментации наружной поверхности вазы был применен поясной принцип. На фрагменте видны четыре разносюжетных пояса росписи, выполненных в одной технике. Пояса отделены друг от друга двойными рельефными белыми полосами из высококремнеземистой массы, а зона между каждой парой валиков была покрыта золочением.

В верхнем, очень фрагментарно сохранившемся орнаментальном поясе был нанесен рельефный растительный узор в виде листьев и спиралей.

Второй, основной орнаментальный пояс занят изображением типичного для средневекового Китая пейзажа в жанре «шань — шуй» (т. е. «горы — воды»), распространенного в живописи в эпохи и Тан, и Юань,

и Мин[2]. В этом поясе изображены бесперильный двухсвайный мостик через реку, пологие сходы которого на обоих берегах упираются в деревянное ограждение, лодка с фигурами двух гребцов, пересекающих реку справа налево. Лодка с необычайно высокой нижней частью оставляет за собой две расходящиеся за кормой волны на воде, поверхность которой расцвечена изображениями плавающих лотосов и других растений, окрашенных в зеленый и красный цвета. Плоское пространство во многих случаях между рельефной частью рисунка было покрыто золочением. Для любой детали этого сюжета (мостик, лодка с гребцами, река с плавающими лотосами и т. д.) можно найти аналогии в средневековой китайской живописи, однако следует отметить ряд особенностей этого рисунка, не характерных для средневекового искусства этой страны.

Во-первых, перенасыщенность незначительного пространства орнаментального пояса изображаемыми объектами. Во-вторых, нехарактерная для китайской живописи и керамического ремесла пестрота, многоцветность рисунка (голубой фон, зеленый, красный, белый цвета рельефных деталей, золотистый цвет плоских пространств рисунка); отметим при этом, что сама техника золочения керамических изделий появляется в Китае в гораздо более позднее время (XVI—XVII вв.). В данном же случае у нас нет оснований выводить верхнюю границу бытования этого изделия за пределы второй половины XIV в., так как и сопутствующий материал, и сам объект исследования (керамическая мастерская) убедительно датируются этим временем. Все это позволяет прийти к выводу, что типичный по сюжету китайский пейзажный рисунок был нанесен на поверхность вазы не в Китае.

Третий орнаментальный пояс в той же технике был украшен арабским письмом. На сохранившейся части фрагмента видны остатки двух слов, разделенных пятилепестковой розеткой, лепестки и центральный кружок которой были покрыты золочением. Буквы письма были белыми, а рельеф рисунка розетки окрашен в красный цвет.

Четвертый, нижний пояс был покрыт растительным орнаментом в виде листьев, спиралей и многолепесткового цветка, внутренняя поверхность лепестков которого была покрыта золочением. Листья и спирали окрашены в белый цвет, а рельефный обод лепестков цветка в красный.

Технология изготовления вазы и росписи состояла, очевидно, из следующих этапов. Отформованный на круге или в специальной форме сосуд после первого предварительного обжига был покрыт щелочной оловянной глазурью и на сырую глазурь был нанесен рельефный рисунок из высококремнеземистой массы. Все рельефные детали рисунка во всех поясах были выполнены именно в этой технике, так как в тех местах, где высококремнеземистая масса отвалилась с поверхности сосуда, сохранились углубленные следы, повторяющие очертания рельефного орнамента. Эти углубленные канавки имели ровные, плавно закругляющиеся поверхности. В канавках, где нет никаких следов сколов, видны менее углубленные «перемычки», что свидетельствует о том, что полоски из высококремнеземистой массы накладывались на сырую глазурь небольшими дольками, постепенно образуя нужный рисунок. После наложения абриса рисунка кремнеземистой массой белого цвета отдельные детали его с помощью глазурных красок (возможно, с помощью окисей железа и меди[3]) были окрашены в зеленый и красный цвета. Затем изделие было подвергнуто вторичному обжигу. После этого проводилось золочение отдельных деталей орнамента. При изучении фрагмента с помощью

---

[2] *Глухарева О., Денике Б.* Краткая история искусства Китая. М., 1948; *Виноградова Н. А.* Искусство средневекового Китая. М., 1962; *Завадская Е. В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. М., 1975.

[3] *Михлевич Г. П., Сайко Э. В.* Сведения персидского источника XII в. о некоторых приемах по изготовлению люстровой керамики. Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1970, № 2, с. 75.

микроскопа под слоем золочения во многих местах прослеживаются следы темной грунтовки поверхности сосуда органическими веществами. После нанесения тонкого слоя металлического порошка изделие подвергалось третьему восстановительному обжигу.

Таким образом, все основные принципы украшения поливного сосуда были выполнены в известной средневековой иранской технике «минаи» [4].

Необычайная плотность, белизна и чистота кашинного (с помощью микроскопа удалось установить, что материалом для создания вазы служил кашин) черепка, его звонкость, достигнутая в результате тщательной обработки и неоднократного обжига в различных температурных режимах, говорят о том, что описываемый фрагмент вазы является высококачественной имитацией под фарфоровые или селадоновые китайские изделия. Наличие на тулове сосуда рисунка пейзажного жанра, распространенного в средние века и хорошо известного на Переднем Востоке по другим изделиям китайского ремесленного производства (ткани, торевтика и др.) и живописи, должно было, очевидно, убедить владельца вазы в подлинности ее дальневосточного происхождения. Некоторым диссонансом этому служит наличие на фрагменте орнаментального пояса с арабской надписью.

Широкое распространение подражания китайским изделиям в керамическом ремесле Ирана и других народов Ближнего Востока неоднократно отмечалось исследователями. Подделки под китайский фарфор из местного сырья найдены в средневековом городе Ани [5], средневековые подражания фарфору с использованием в росписи китайских орнаментальных сюжетов известны в Баку, Старой Гандже, Двине и Дманиси [6]. Однако наиболее тесные торговые отношения в XIII—XVI вв. с Китаем сложились в хулагуидском Иране, что, естественно, привело к тому, что именно здесь было развернуто производство поливной посуды с орнаментацией в китайском стиле. В тенденции создавать керамические изделия, подражающие китайским образцам, иранские мастера часто и успешно использовали богатые традиции местного керамического ремесла, лучшие технологические достижения и технические приемы своих керамических центров [7]. Именно в использовании в орнаментации публикуемого изделия сложнейших приемов техники «минаи», золочения, росписи цветными глазурями, а при формовке сосуда великолепно выделенной кашинной массы позволяет нам предположительно [8] говорить об этом фрагменте как о предмете импорта его в Столицу Золотой Орды из одного из высокоразвитых керамических центров средневекового Ирана.

---

[4] *Кверфельдт Э. К.* Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, с. 55—77.

[5] *Кверфельдт Э. К.* Китайская керамика XII—XIII вв. на Кавказе. В сб.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, с. 191.

[6] *Шелковников Б. А.* Китайская керамика в средневековых городах Закавказья — СА, XXI, 1954, с. 377.

[7] *Кубе А. Н.* История фаянса. Берлин, 1923, с. 28, 29; *Кверфельдт Э. К.* Керамика Ближнего Востока, с. 75, 106, 110.

[8] На сегодняшний день, когда еще не до конца изучены возможности керамического ремесла городов Золотой Орды, когда не до конца исследована одна из мощнейших керамических мастерских средневековья на городище Селитренном, мы не можем с полной уверенностью отрицать возможность местного, золотоордынского происхождения этого образца, так как с явлением подражания керамическим изделиям Китая в городах Нижнего Поволжья, только на более низком технологическом уровне (псевдоселадоны, керамика типа «кобальт», керамика со сквозным ажурным узором и т. д.), мы встречаемся постоянно. Тем более, что с фактами производства в Золотой Орде высокохудожественных ремесленных изделий с использованием ближневосточных ремесленных традиций, а также с использованием в орнаментике китайских прототипов мы встречаемся неоднократно. См., например, *Крамаровский М. К.* К атрибуции золотоордынского ковша.— В сб.: Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975, с. 70—79.

Г. Б. ФЕДОРОВ, М. Г. РОШАЛЬ

ПОГРЕБЕНИЕ IV в. н. э. У с. СЫЧАВКА

Погребение раскопано случайно в 40 *км* к северо-востоку от Одессы и 3,5 *км* к юго-востоку от с. Сычавка Коминтерновского р-на Одесской обл., на берегу моря, в 10 *м* к западу от впадения в море безымянной речки. Погребение обнажилось в результате эрозии берега, постоянно подмываемого волнами. Дно могильной ямы находится на глубине 300 *см*, ее черное заполнение заметно на желто-сером суглинке фона. Задерновавный почвенный слой над погребением (толщина 30—35 *см*) не нарушен, т. е. он образовался уже после того, как яма была выкопана. Общая высота берега 400 *см*. Видимо, море здесь наступает, разрушая и затопляя все новые участки берега.

Могильная яма, некоторые кости скелета, а также инвентарь оказались частично разрушенными и утраченными. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована с юга на север. Она сохранилась на длину 150 *см*. Ширина могильной ямы по линии запад — восток 80 *см*, дно плоское.

Погребенный лежал на спине в вытянутом положении, головой на север. Череп хорошо сохранился. Краниологическое исследование, произведенное антропологом М. С. Великановой, показало, что череп принадлежит мужчине в возрасте около 30 лет. Череп грацильный, антропологический тип близок к средиземноморскому. В северной части могильной ямы возле черепа и на одном уровне с ним находилось семь предметов (трехчастный костяной гребень, сильно фрагментированный стеклянный римский кубок, четыре фрагментированных бронзовых бляшки, бронзовая круглая пряжка). В центральной части могильной ямы, возле костей таза, к западу от скелета, стояло шесть гончарных сосудов, из них пять типично черняховских (две миски с пролощенным орнаментом, два кувшина, один горшок) и один привозной сосуд — римское краснолаковое блюдо.

В 1974 г. Прутско-Днестровская экспедиция произвела обследование местности в районе погребения. В 3 *м* к западу и 2 *м* к востоку от него в обнажении коренного берега на фоне серого материкового суглинка прослеживаются потемнения грунта на глубину около 3 *м*. Ширина потемнений 1 *м*. Вероятно, это были могилы. В слое осыпи берега обнаружены фрагменты гончарной серой черняховской керамики и человеческих костей — очевидно, остатки разрушенных других погребений могильника черняховской культуры. Указанное погребение (возможно из могильника) по самому местоположению на берегу моря представляет значительный интерес и заслуживает подробного описания и изучения.

Погребальный инвентарь состоит, как уже указывалось, из двух групп предметов, одна из которых находилась в северной части могильной ямы возле черепа, а другая — в центральной части могильной ямы.

Из северной части происходят следующие предметы: 1. Гребень костяной трехчастный с железными заклепками и циркульным орнаментом на рукоятке (рис. 1, *1—3*). Спинка или рукоятка представляет собой прямоугольник с сильно выдающейся полукруглой средней частью. Длина гребня 11, максимальная высота 8,5, высота рукоятки около 5, длина зубьев 3,5 *см*, Сохранилось 30 зубьев. Не сохранилось еще примерно 14 зубьев. Гребень имел два широких (по одному с каждого края) зубца (по 0,3 *см*) и 43 обычных зубца, ширина каждого из которых возле рукоятки была примерно 1—1,5 *мм*. Накладки сохранились лишь частично. С одной стороны только верхняя полукруглая часть рукоятки с тремя железными заклепками и врезным циркульным орнаментом — тремя концентрическими кружками (диаметр наибольшего в

каждом из них — 1 *см*) и тремя двойными концентрическими кружками (диаметр внешних — 0,5 *см*). Такие кружки обычно считаются солярными знаками. Одна из заклепок находится на вершине рукоятки и две по краям. С другой стороны сохранилась не только полукруглая, но и большая часть прямоугольной части рукоятки, с таким же циркульным орнаментом на полукруглой части рукоятки, с вышеупомянутыми заклепками, а также с четырьмя заклепками на прямоугольной части рукоятки. Двойные концентрические кружки на обоих полукруглых частях рукоятки помещены между тройными кружками, но в разных местах. Толщина гребня — основы и накладок — в верхней части рукоятки 1,3 *см*, к остриям зубьев он постепенно утоньшается. Можно полагать, что прямоугольные части рукоятки были скреплены между собой и с основой примерно восемью заклепками диаметром 0,15 — 0,2 *см*. На сохранившейся части гребня их пять. Прибавим к этому три заклепки на полукруглой части рукоятки — всего примерно 13 заклепок. По классификации Г. Ф. Никитиной этот гребень относится к типу III и представляет собой вариант, переходный от варианта I к варианту I-А. Датируется этот гребень IV в. н. э., как и все гребни типа III [1].

2. Мелкие фрагменты тонкостенного (0,3 *см*) римского кубка из полупрозрачного светло-зеленого стекла. Стенки гладкие, лишь под венчиком имеются две горизонтальные прошлифованные полосы. По имеющимся фрагментам невозможно точно определить размеры, форму и другие особенности кубка, а также датировать его.

3—6. Четыре бронзовых пластинчатых набивных бляшки трапециевидной формы. Одна из них целая, две сломаны пополам и от одной сохранилась лишь нижняя половина (рис. 1, *4—7*). На одной из бляшек сохранился бронзовый заостренный на конце штифтик, служивший для скрепления с основой, возможно кожаной. Длина штифтика 1 *см*. Бляшки имеют высоту 1,5—2 *см*, ширина нижнего основания трапеции 1,5, верхнего — 0,5, толщина 0,05 *см*.

7. Бронзовая пряжка круглопроволочная, кольцеобразная, с обломком язычка. Диаметр пряжки 1,6, сечение 0,15 *см*.

Инвентарь из центральной части могильной ямы:

8. Горшок кухонный гончарный равномерного обжига (рис. 1, *9*). Тесто грубое, с примесью крупного песка, дресвы, дробленой гальки. Поверхность шероховатая, темно-серого, почти черного цвета, с бороздками от обработки на круге, особенно заметными в нижней части тулова. Горшок на плитчатом поддоне, диаметр которого 9,5, толщина около 1 *см*. Общая высота горшка 28 *см*. Диаметр по внешнему краю венчика 14,7 *см*. Наибольший диаметр тулова (несколько выше его середины) — около 19 *см*. Венчик четко профилированный, довольно сильно отогнутый, с вертикальным срезом и наружной закраиной, воротникообразный. Высота наружного края венчика 1,3 *см*. Ниже венчика на плечиках — три пояска из горизонтальных бороздок, расположенных на расстоянии 0,5 *см* друг от друга. Толщина стенок 0,7—0,9 *см*. Емкость 4 *л*. Остальные пять сосудов служили, видимо, столовой посудой.

9. Кувшин гончарный двуручный (рис. 1, *8*). Обжиг равномерный, хорошего качества. Тесто отмученное с примесью мелкого песка и мелкодробленого известняка и гальки. Поверхность заглаженная и залощенная, светло-серого цвета. Общая высота кувшина 27,5 *см*. Высота горла 9,5 *см*. Кувшин на кольцевом поддоне, диаметр которого 10,5, высота 1—1,1, толщина кольца 0,5—0,7 *см*. Горло к венчику слегка расширяется. Венчик закругленный и утолщенный. Диаметр по венчику около 8 *см*. При переходе от горла к плечикам — выпуклый горизонтальный валик. Максимальный диаметр округлобокого тулова (находится посредине его высоты) — 18,5 *см*. Ручки плоские, широкие. Ширина

[1] *Никитина Г. Ф.* Гребни черняховской культуры.— СА, 1969, № 1, с. 148, 149, 159.

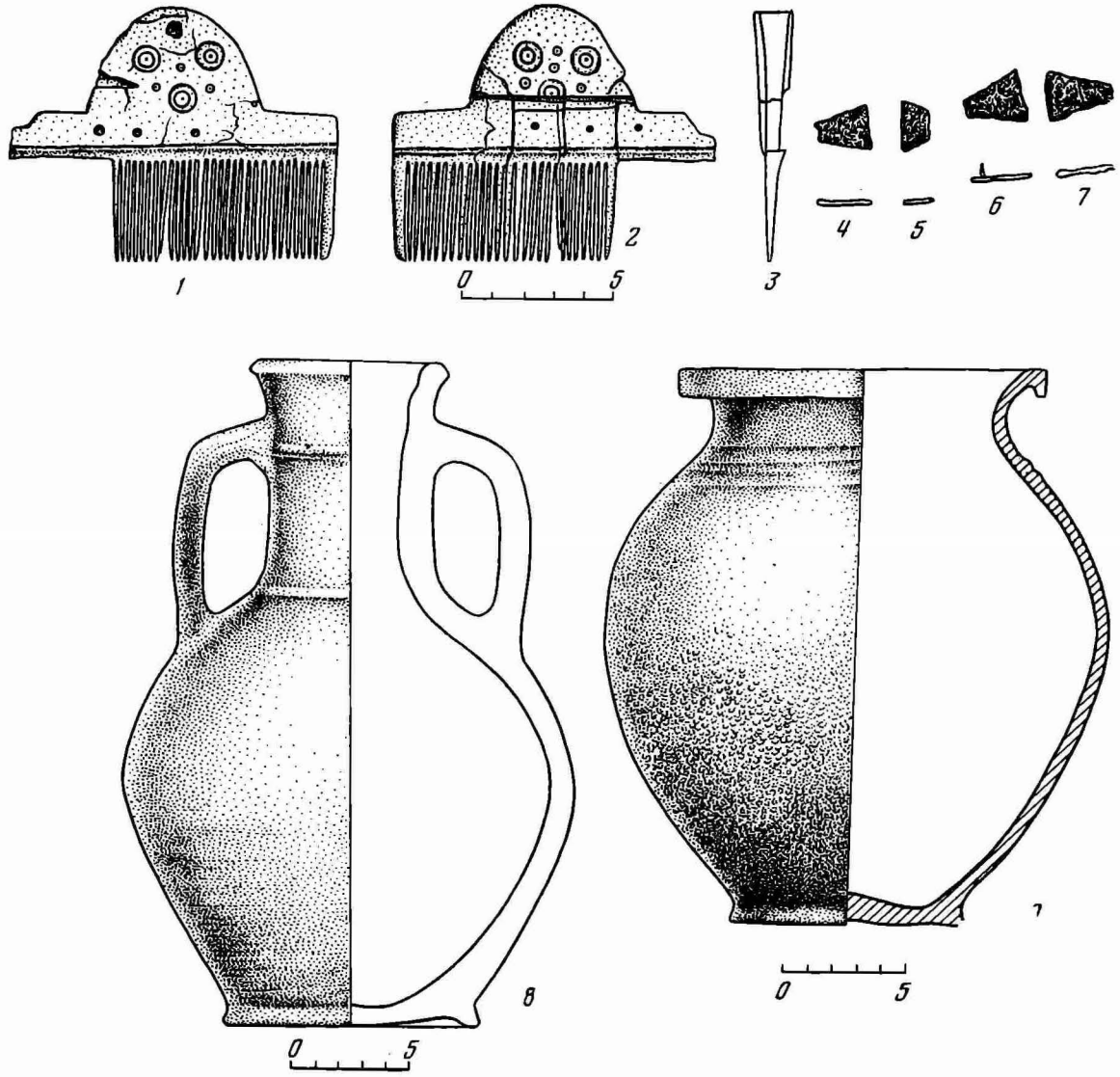


Рис. 1. *1—3* — костяной гребень; *4—7* — бронзовые бляшки; *8* — двуручный кувшин; *9* — горшок; *10* — семена винограда из одноручного кувшина

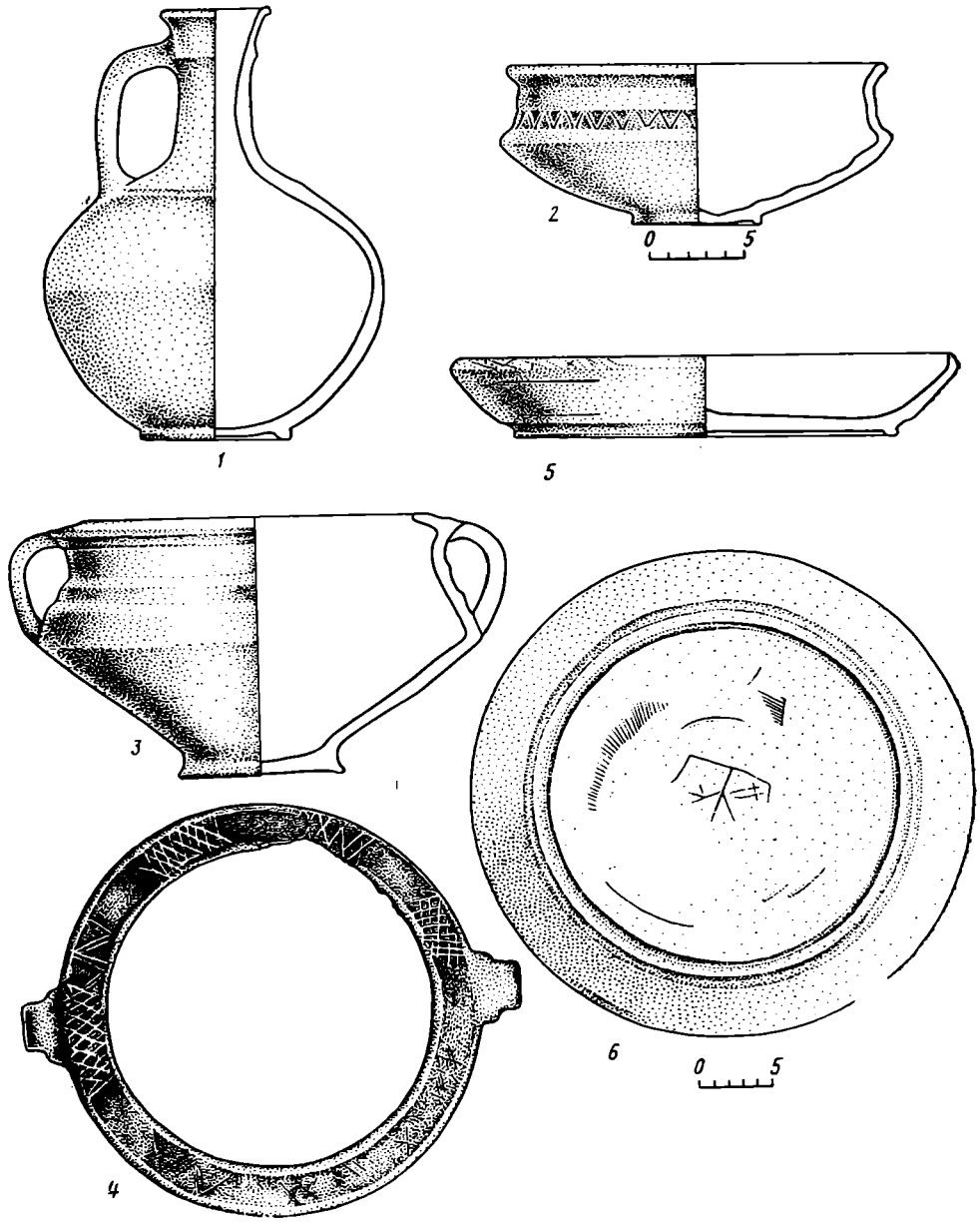


Рис. 2. *1* — одноручный кувшин; *2* — миска; *3* — двуручная миска; *4* — миска двуручная, вид сверху; *5* — блюдо римское краснолаковое; *6* — дно римского блюда с процарапанным знаком

их от 3 *см* (у основания) до 2,6 *см* — посредине, толщина 1 *см*. Верхний конец ручек прикреплен к горлу на 3 *см* ниже венчика (толщина венчика 1 *см*). Нижние концы ручек прикреплены к плечикам кувшина. Общая высота каждой ручки 9,5 *см*. Толщина стенок 0,5—0,7 *см*. Емкость кувшина 2,8 *л*.

10. Кувшин гончарный одноручный (рис. 2, *1*). Тулово шарообразное. Обжиг равномерный. Тесто хорошо отмученное, с примесью мелкодробленых известняка и гальки. Поверхность светло-серого цвета, заглажена и покрыта вертикальным лощением. Общая высота кувшина 22,5 *см*. Кувшин на кольцевом поддоне, диаметр которого 7,8 *см*, ширина кольца 0,5, высота поддона 0,6—1 *см*. Максимальный диаметр тулова (посредине его высоты) — около 17 *см*. Толщина стенок 0,3—0,5 *см*. Высота горла 8 *см*. Горло расширяется к венчику. Венчик слегка утолщен и закруглен. Диаметр венчика 5,8, диаметр горла 2,5 *см*. В ме-

сте прикрепления верхнего конца ручки по горлу проходит горизонтальный выпуклый валик шириной 0,5 *см*. Ручка плоская, широкая. Общая высота ее 8, ширина у основания 2,5, посредине — 2,3, толщина 0,7 *см*. На плечиках в месте прикрепления нижнего конца ручки также имелся слегка выпуклый горизонтальный валик. Емкость кувшина 2 *л*. Этот стройный, изящный кувшин по форме очень близок к позднеримским, однако по составу теста и по обработке поверхности он обычный черняховский. На дне кувшина найдены 109 зернышек винограда (рис. 1, *10*). Исследовавшая их З. В. Янушевич (старший научный сотрудник Института растениеведения Академии наук Молдавской ССР) пришла к следующим выводам: «Семена не обугленные, но и не истлевшие. Их окраска (темная) свидетельствует о том, что, по-видимому, они находились в виноградном сусле, т. е. в вине и, может быть, поэтому сохранились — консервировались.

По морфологии семена принадлежат местному сорту, близкому к дикорастущему лесному винограду, который в прошлом в изобилии произрастал в поймах Днепра, Днестра, Прута, Буга и в Крыму.

По-видимому, в могильнике был сосуд с вином (раздавленными ягодами), на дне которого остались семена... Эта находка принципиально интересна, так как многие считают, что виноград на нашем юге был лишь культурный, завезенный греками. Но, по-видимому, это не так. Первоначально и даже параллельно использовался и дикий лесной виноград. Он послужил основой местных знаменитых винных сортов, таких как Фетяска черная, Рислинги и т. д.».

Как видно из заключения З. В. Янушевич, находка эта представляет большой интерес.

11. Миска гончарная серолощеная на кольцевом поддоне (рис. 2, *2*), с резким изгибом тулова. Тесто тонкое, хорошо отмучено, с примесью мелкодробленых гальки и известняка, обжиг сквозной и равномерный. Поверхность светло-серая, хорошо заглаженная и лощеная, пористая от выпадения зерен известняка. Высота миски 9 *см*. Диаметр кольцевого поддона 7, высота его 0,8—1 *см*. Ширина кольца 0,4 *см*. Венчик слегка отогнут и закруглен. Толщина стенок 0,4—0,6 *см*. Диаметр по венчику 20 *см*. Наибольший диаметр тулова — посредине его высоты, по ребру изгиба — 22 *см*. На верхней части тулова имеется горизонтальный углубленный поясок шириной 1—1,1 *см*. По нему проходит зигзагообразная пролощенная линия. Углы изгиба нерегулярные. На нижней части тулова кроме пор от выпадения зерен известняка и гальки хорошо видна бороздка, проходящая по 0,4 части окружности, получившаяся во время формовки сосуда на круге от соприкосновения с твердым предметом, возможно, кусочком гальки. Полосы от формовки на круге отчетливо видны и на туловах кувшинов. Данная миска и по форме, и по фактуре типично черняховская. Емкость 1,5 *л*.

12. Миска гончарная биконическая двуручная, с широким горизонтальным плоским, слегка скошенным наружу венчиком, на кольцевом поддоне (рис. 2, *3* и *4*). Тесто хорошо отмучено, грубое, с примесью дробленой гальки и дресвы. Обжиг равномерный. Поверхность темно-серого цвета, хорошо заглажена. Общая высота миски 17 *см*. Толщина стенок 0,6—0,8 *см*. На внешней и внутренней стороне хорошо видны включения мелких обломков дробленой гальки и дресвы, поры и бороздки, круговые вмятины, полученные при формовке сосуда на круге. На расстоянии 7 *см* от наружного края венчика на тулове резкий изгиб и его наибольшее расширение (диаметр 30 *см*), ниже тулово сужается к поддону. Поддон плитчато-кольцевой (кольцо слабо выражено), его диаметр 10,5, толщина от 0,9 до 1,5 *см* (поддон неровный). Диаметр миски по внутреннему краю венчика 25, по внешнему — 28,5 *см*. Ширина венчика 3—3,5 *см*. Две расположенные друг против друга ручки верхними расширенными концами прикреплены к венчику, нижними концами — к ту-

лову прямо над ребром. В верхней части ручки имеют Т-образную форму. Ширина их у венчика 5,5, ниже — 3,5, толщина 0,5, высота 7 *см*. Емкость 6 *л*. Венчик орнаментирован группами процарапанных пересекающихся под различными углами или параллельных друг другу линий. Всего девять групп орнамента различной величины, причем при сходстве отдельных элементов ни одна из групп орнамента в точности не повторяет другую (рис. 2, *4*). Группы процарапанных линий на венчике имели, видимо, не только орнаментальное, и даже не столько орнаментальное, сколько какое-то смысловое значение. Скорее всего они были единицами какого-то отсчета. Линии процарапаны на венчике миски уже после обжига сосуда. Отметим, что орнамент на изучаемой миске существенным образом отличается от орнаментов на других черняховских мисках этого типа, например, от орнамента на миске из Лепесовки или из Черняхова.

13. Блюдо гончарное краснолаковое римское, привозное (рис. 2, *5, 6*) датируется IV в. н. э. Тесто тонкое, хорошо отмучено, с примесью мелкого песка и мелкодробленого известняка. Обжиг равномерный. Поверхность хорошо заглажена и покрыта красным лаком. В изломе тесто красно-желтого цвета. Блюдо на кольцевом поддоне, диаметр которого 26,5, толщина кольца 0,5 *см*. Высота блюда 5 *см*. Стенки расширяются от дна к венчику. Венчик четко профилированный, слегка загнут внутрь и имеет грань по наружному обводу. Диаметр по венчику — 33 *см*. В центре блюда на внутренней стороне дна имеется небольшой выступ. Толщина стенок 0,6 *см*. Высота поддона 5 *см*. На внешней поверхности дна видны бороздки и ряд косых насечек, получившихся, видимо, при формовке блюда на круге. В центре наружной стороны дна уже после обжига, на готовом сосуде, процарапан сложный знак (рис. 2, *6*) размером 6×4,5 *см*, близкий Т-образной фигуре. Не исключено, что это знак собственности владельца блюда.

Два предмета — костяной гребень и краснолаковое блюдо — имеют довольно узкую датировку — IV в. н. э. Остальные предметы из погребального инвентаря этой дате не противоречат. В связи с этим можно датировать погребение IV в. н. э. Обряд погребения, ориентировка, характер погребального инвентаря не оставляют сомнений в принадлежности данного погребения к черняховской культуре, к позднему ее этапу. Вместе с тем в погребении имеются особенности, отличающие его от обычных погребений этой же культуры, расположенных севернее в лесостепной зоне. Особенности эти таковы: большая, чем обычно, глубина могильной ямы — 3 *м*; средиземноморский антропологический тип погребенного, не часто встречающийся среди погребений лесостепной зоны; более высокое качество посуды и более тщательная техника ее изготовления, чем у большинства сосудов лесостепной зоны; наличие во всех без исключения местных сосудах примеси к тесту мелкодробленой морской гальки, лишь изредка встречающейся у сосудов лесостепной зоны; относительно большее, чем в погребениях лесостепной зоны, количество римских привозных вещей.

Интересной особенностью является наличие в инвентаре мужского погребения костяного гребня, поскольку гребни гораздо чаще встречаются в инвентаре женских погребений. Местоположение погребения, вероятное наличие здесь целого черняховского могильника, находящегося у самого моря, делают весьма целесообразными раскопки этого памятника.

А. Е. ЛЕОНТЬЕВ

УЗМЕНСКИЕ ЖЕРНОВА X ВЕКА

В 1975 г. при рекогносцировочных раскопках селища Узмень[1] Бежецкого р-на Калининской обл. были найдены два жернова от одного постава, интересного своей необычной конструкцией. Обстоятельства находки следующие. Жернова обнаружены в самой нижней предматериковой части культурного слоя в заполнении сгоревшей наземной постройки (рис. 1). Указанное на чертеже стратиграфическое положение находки расшифровывается следующим образом. Идущий под пахотной землей горизонт серой супеси датируется XII—XIII вв.[2] Лежащая ниже темно-серая супесь — наслоения X—XI вв. Нижняя часть этого горизонта характеризуется наличием исключительно лепной керамики. Датирующие находки — две голубые стеклянные бусины в форме кубика с неровными сточенными углами, которые в хорошо изученных староладожских материалах датируются IX—X вв.[3] В вышележащих напластованиях найдена двойная буса-лимонка X — первой половины XI в.[4] Отмеченная на чертеже локальная прослойка пожара — углистая земля толщиной до 8 *см* с многочисленными включениями мелких кусков печины, головешек, обожженных камней — относится к нижней части горизонта, соответствующего уровню голубых бус. Эта прослойка несомненно является остатками сгоревшей постройки, что подтверждается зафиксированными в профиле столбовыми ямами, выходящими на уровень пожарища. Находок слой пожара не содержал, исключая отдельные обломки обожженных костей животных. Несмотря на интенсивность этого слоя, земля под ним не прокалена. Очевидно, углистый слой оставлен пожаром, в котором сгорели деревянные конструкции наземной постройки с земляным полом. К сожалению, хорошо читающаяся в профиле постройка плохо прослеживается в плане. Ее остатки представляют собой углистое пятно расплывчатых очертаний. Часть ее осталась за пределами раскопа. Из особенностей интерьера можно указать на присутствие очага или печи-каменки: об этом говорят многочисленные обожженные камни.

Ниже под прослойкой идет серая супесь толщиной до 25 *см*, которая и составляет заполнение постройки. В этом слое найдены отдельные фрагменты нескольких лепных сосудов, частью ошлакованные, обломки обожженных костей животных. В нижней части заполнения найдены оба жернова. Они лежали вплотную друг к другу, на одном уровне (рис. 1, *1*), отчасти углубленные в прослойку золистого песка, под которой шла слабо гумусированная серая материковая супесь.

Находка жерновов в самой нижней части заполнения, где не прослежены следы непосредственного воздействия пожара, свидетельствует о том, что к моменту гибели постройки жерновами уже не пользовались[5].

---

[1] Селище соответствует древнему поселению Змени, упомянутой в приписке XIII в. к Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. Судя по тексту, Змень относилась к числу наиболее крупных поселений Бежецкого верха. См. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 148.

[2] *Леонтьев А. Е.* Отчет о работах Новостроечного отряда Верхневолжской экспедиции в 1975 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5987, с. 12, 13.

[3] *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, № 10, 1968, с. 90, рис. 4, *45*.

[4] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, № 55, 1956, с. 174.

[5] Можно даже полагать, что жерновами вообще не пользовались во время существования постройки. Она стоит в месте понижения поверхности. Если допустить искусственное выравнивание пола за счет подсыпки (до уровня пожарища, на который указывают столбовые ямы), то в этом случае жернова оказываются под слоем наносной земли.

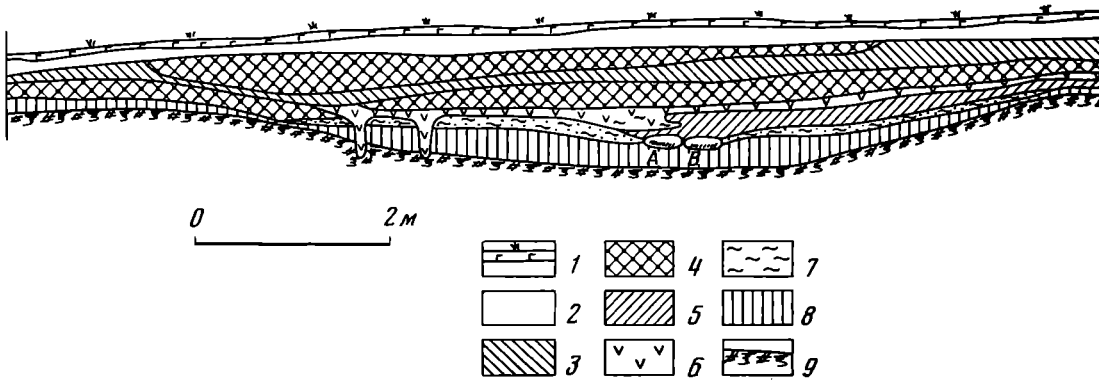


Рис. 1. Разрез культурного слоя селища. А — нижний жернов, В — верхний жернов *1* — дерн, *2* — пахотный слой, *3* — серая супесь, *4* — темно-серая супесь, *5* — заполнение постройки, *6* — уголь, *7* — зола, *8* — предматерик, *9* — материк

Стратиграфическое положение жерновов определяет их относительную датировку. Они относятся к самому раннему периоду жизни поселения. Общий характер напластований и приведенные в начале статьи датирующие находки позволяют считать наиболее вероятной нижней датой поселения X в.

Найденный постав интересен необычной конструкцией нижнего жернова. У него нет осевого отверстия. Вместо этого на обеих сторонах выточены два конических выступа (рис. 2, *2, 3*). Очевидно, обе стороны нижнего жернова могли использоваться как рабочие. Верхний жернов имеет несколько вогнутую рабочую поверхность, осевое отверстие высверлено на конус с двух сторон и сужается в средней части (рис. 3, *2*). На внешней стороне жернова — крупная выбоина со сглаженной поверхностью (рис. 2, *1*). Возможно, при вращении жернова это место служило упором для руки. В рабочем положении постава конический выступ нижнего жернова служил в качестве оси для отверстия верхнего жернова (рис. 2, *3*).

Оба жернова сделаны из мелкозернистого известняка. Мастер, очевидно, пытался придать им округлую форму, но не вполне удачно: очертания нижнего жернова напоминают квадрат, верхнего — многоугольник (рис. 3, *1, 3*). Поперечник верхнего жернова 37—42 *см*, толщина 12 *см*. Диаметр осевого отверстия 8 *см*. Поперечник нижнего — 40—42 *см*, толщина 16 *см*. Высота осевого выступа 2 *см*, его диаметр по основанию 6 *см*.

В опубликованных древнерусских материалах жернова подобной конструкции не упоминаются. Такой же постав и обломок еще одного нижнего жернова найдены на Сарском городище [6]. Учитывая датировку поселения— VIII — начало XI в. [7], следует отнести к тому же времени и сарские жернова, что в целом соответствует возрасту узменской находки. Один постав аналогичной конструкции найден в Финляндии, эта находка не датирована [8].

Характерный нижний жернов с выступом был обнаружен в постройке начала XIII в. на Белом озере. Дендрохронологическая дата сохранившейся части сруба — 1221 г. [9] Положение жернова на плане постройки указывает на его использование в период существования дома.

Вопрос о происхождении поставов подобной конструкции остается пока открытым: материалов для его решения недостаточно. Можно лишь

[6] Ростовский музей, № А-940, 941.

[7] *Леонтьев А. Е.* О времени возникновения Сарского городища.— Вестн. МГУ, сар. история, 1974, № 5, с. 68—74.

[8] *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, S. 150, Taf. 147, № 1266.

[9] *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 99, 100, рис. 33, 34.

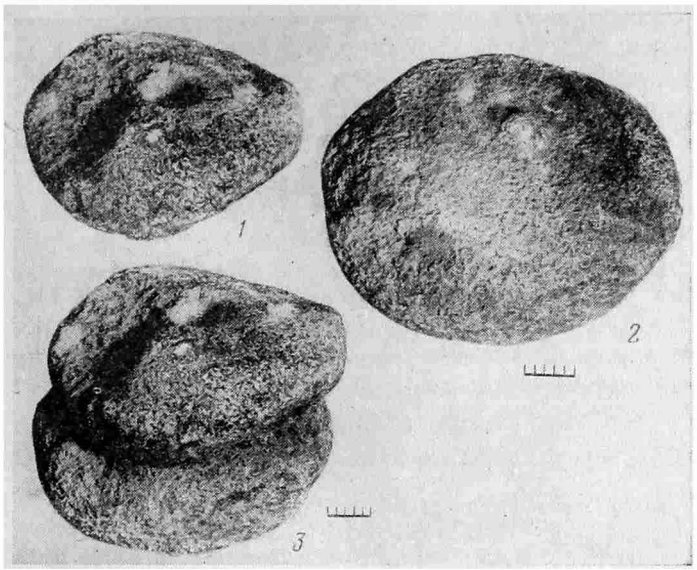


Рис. 2. Узменские жернова. *1* — верхний, *2* — нижний, *3* — постав в рабочем положении

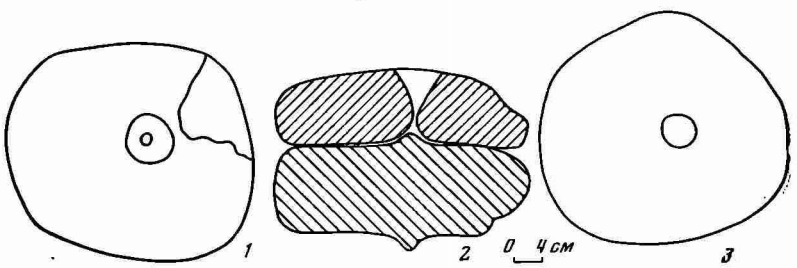


Рис. 3. Узменские жернова. *1* — верхний (вид сверху), *2* — разрез постава, *3* — нижний (вид сверху)

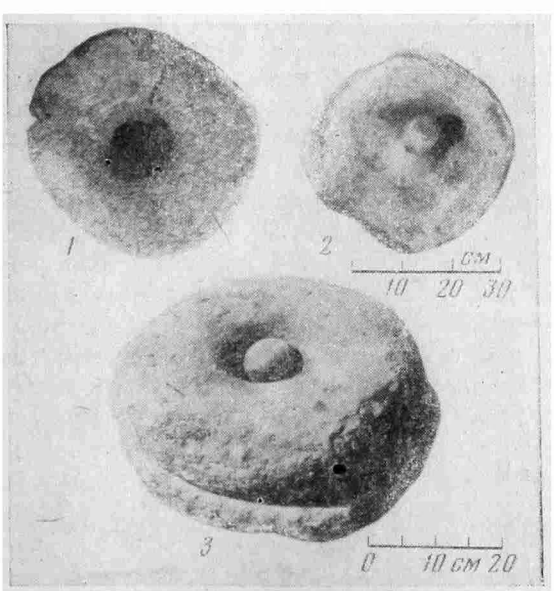


Рис. 4. Жернова из Старой Рязани. *1* — верхний, *2* — нижний, *3* — общий вид

указать на то, что все находки сделаны на территории, первоначально занятой финно-угорскими племенами.

Р. С. Минасян подобные жернова относит к поставам II группы, отмечая, помимо указанных, находки в Эстонии и в Хедебю. Автор считает эту конструкцию характерной для народов Северной Европы [10].

Во многом сходную конструкцию имеет жерновой постав из Старой Рязани, обнаруженный в слое конца XII — начала XIII в. Его ось выточена из камня нижнего жернова. Но это не конический выступ, а настоящая цилиндрическая ось, на которую надевался верхний жернов (рис. 4) [11].

Несмотря на общий конструктивный принцип, вряд ли можно говорить о генетической связи между поставами типа узменского, с одной стороны, и старорязанским — с другой, учитывая особенности исторического развития территорий, на которых они найдены.

---

[10] *Минасян Р. С.* Классификация ручного жернового постава.— СА, 1978, № 3, с. 108.

[11] *Даркевич В. П.* Отчет о раскопках в Старой Рязани в 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, 4109, с. 25, 26. Пользуюсь случаем поблагодарить Л. А. Голубеву и В. П. Даркевича, любезно предоставивших материалы из своих раскопок для публикации.

А. А. ПЕТРУЦКИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РОМАНОВО-БОРИСОГЛЕБСКОГО ГОРОДИЩА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Город Борисов-Глебов впервые упоминается в летописи под 1180 г. [1]. Из письменных источников известно, что он находился на пути из Коломны в Рязань. Этот город принято отождествлять с Романово-Борисоглебским городищем, расположенным примерно в 5 *км* вверх по Оке от с. Вакино (Вахино) на правом берегу [2]. Вместе с тем существуют и другие мнения о его местоположении. Так, Н. И. Надеждин и К. А. Неволин в замечаниях на работу М. П. Погодина «Города и пределы первых русских княжеств» относят летописное известие о Борисове-Глебове или к Романово-Борисоглебскому городищу или к Переяславлю Рязанскому, где, как они полагают, на берегу Трубежа вблизи Борисоглебского собора существовал город [3].

Впервые Борисоглебское городище было описано Н. В. Любомудровым. В 1895 г. его обследовал В. А. Городцов, в 1928 г.— П. П. Ефименко, в 1949 г. — В. И. Зубков. На городище был обнаружен культурный слой XI—XIII вв., в связи с чем памятник признан однослойным.

В 1956 г. на Борисоглебском городище экспедицией ИИМК под руководством А. Л. Монгайта были произведены разведывательные раскопки, обнаружившие слой более раннего времени. Напластования мощностью 0,4—0,5 *м* датируются керамикой городецкой культуры с рогожной и гладкой неорнаментированной поверхностью [4]. Таким образом, городище является двухслойным.

---

[1] «Князь же Всеволод иде к Рязаню (от Коломны.— *А. П.*), взя город Борисов Глебов». ПСРЛ, т. 1, с. 164.

[2] *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции по русской истории, т. IV. М., 1850, с. 248.

[3] Журнал Министерства внутренних дел 1848, т. XXIII (Цит. по работе А. Л. Монгайта, *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961, с. 197).

[4] *Монгайт А. Л.* Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г.— Архив ИАФ, 1 № 1354; *его же.* Рязанская Земля. М., 1961, гл. 53, рис. 21а (план городища).

В 1976 г. студентами исторического факультета Рязанского государственного педагогического института в юго-западной части Борисоглебского городища и его окрестностях во время археологических разведок на городище обнаружен ряд новых находок, происходящих из верхнего слоя. Наибольший интерес представляет полностью сохранившийся железный стиль с фигурной лопаточкой, основание которого украшает резной валик (рис. 1, *1*). Прямых аналогий такой разновидности писал нам неизвестно. Характерной находкой является бронзовый широкосрединный пластинчатый перстень с резным растительным узором (рис. 1, *2*). Подобное украшение найдено в Зарайских курганах XII—XIII вв.[5] Разновидности таких же перстеней известны из раскопок в Старой Рязани и Тешилове[6]. Хорошим датирующим материалом являются хру-

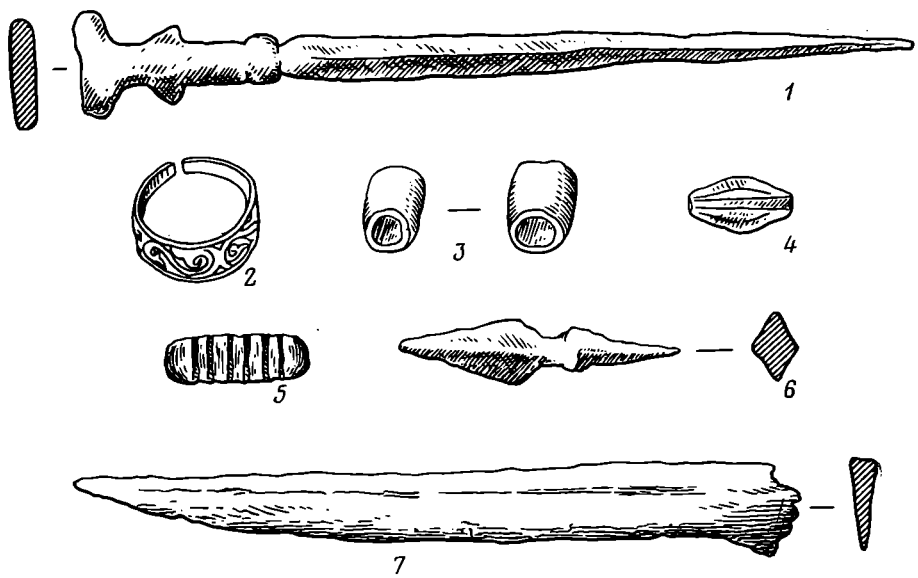


Рис. 1. Находки из Романово-Борисоглебского городища Рязанской области: *1* — железный стиль; *2* — бронзовый пластинчатый перстень; *3* — золотостеклянные бусы; *4* — хрустальная бипирамидальная бусина; *5* — серебряная колодочка; *6* — наконечник стрелы; 7 — железный нож

стальные бипирамидальные и золотостеклянные бусы бочковидной формы (рис. 1, *3, 4*). Время расцвета их бытования по новгородской хронологии — XI в.[7]

Среди украшений должны еще быть отмечены обломки стеклянных браслетов и серебряная колодочка (рис. 1, *5*). По мнению Б. А. Рыбакова, к цепочке из таких колодочек подвешивались колты[8]. Подобные находки известны и в других городах Руси[9], в кладах Старой Рязани[10].

Предметы вооружения представлены единичной находкой бронебойного пирамидального наконечника стрелы с массивной короткой головкой квадратного сечения (рис. 1, *6*). Подобные стрелы были широко распространены на Руси с X по XIV в.[11]

[5] *Монгайт А. Л.* Рязанская земля, с. 239—244.

[6] *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930, с. 81.

[7] *Щапова Ю. Л.* Стекляпные бусы древнего Новгорода. Труды новгородской археологической экспедиции.— МИА № 55, т. 1, 1956, с. 171, 172.

[8] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 317.

[9] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, табл. XXXIII, XLV, XLIX, L.

[10] *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Старорязанские клады 1967 г.— СА, 1972, № 2, рис. 3.

[11] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е1-36, М.— Л., 1966, с. 83, табл. 30, 86.

Предметы хозяйственного обихода представлены хорошо сохранившимся железным ножом с лезвием клиновидного сечения, с довольно широкой, прямой спинкой (рис. 1, 7). Лезвие удлиненное, характерное для столовых ножей [12].

Керамика исключительно гончарная, преимущественно орнаментированная, характерная для жилых слоев древнерусских городов XII—XIII вв. Обращают на себя внимание днища с различными клеймами.

Вновь найденный материал подтверждает гипотезу, высказанную А. Л. Монгайтом о том, что этот памятник существовал уже в XI в. [13] Этот малоизученный город Рязанской земли должен привлечь внимание исследователей.

---

[12] *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого — Труды новгородской археологической экспедиции.— МИА, № 65, т. 2, 1959, с. 51.

[13] *Монгайт А. Л.* Рязанская земля, с. 199.

В. Г. ПУЦКО

РОСТОВСКИЕ КАМЕННЫЕ ЛЬВЫ

Сведения о пластическом убранстве интерьера русского храма остаются далеко не полными. В то время как исследования Г. К. Вагнера решили многие спорные вопросы истолкования фасадной скульптуры [1], о пластическом оформлении интерьера нет ни одной специальной работы, если не считать статей о мраморах Софии Киевской и алтарной преграде собора Киево-Печерской лавры [2]. В ряде исследований уделено внимание киевским каменным рельефам [3], а также изваяниям львов в пятах арок церкви Покрова на Нерли, Успенского и Дмитриевского соборов во Владимире [4]. Фрагменты скульптурного убранства интерьера обнаружены при раскопках Благовещенского собора в Чернигове (1186 г.) [5].

В Ростове Великом в 1911 г. при выборке бута в ризнице церкви Константина и Елены были найдены каменные изваяния львов

---

[1] *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польской. М., 1964; *его же.* Мастера древнерусской скульптуры. М., 1966; *его же.* Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово. М., 1969; *его же.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор. М., 1975.

[2] *Нельговський Ю. О.* Матеріали до вивчення первісного вигляду оздоблення Інтер'єра Софії Київської.— В кн.: Питання Історії архітектури та будівельної техніки України. Київ, 1959, с. 5—29; *его же.* Мраморы Софии Киевской.— В кн.: София Киевская. Киев, 1973, с. 56—61; *Холостенко М. В.* Успенський собор Печерського монастиря.— В кн.: Стародавній Київ. Київ, 1975, с. 129—136. О мозаичных полах см.: *Каргер М. К.* К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода.— В кн.: Труды Всероссийской Академии художеств, т. I. Л.— М., 1947, с. 15—50; *Малевская М. В.* К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно.— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 146—151; *Штендер Г. М.* К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской.— В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 98—103 (о стенной мозаике на с. 103, 104).

[3] *Макаренко М.* Скульптура і різбярство Київської Русі передмонгольських часів.— В кн.: Київські збірники історії і археології, побуту й мистецтв, вип. I. Київ, 1931, с. 19—61; *Даркевич В. П.* О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 410—419; *Асеев Ю. С.* Мистецтво стародавнього Києва. Київ, 1969, с. 194—205; *Пуцко В.* Киевские рельефы святых всадников.— Старинар, кн. XXVII/1976. Београд, 1977, с. 111—124.

[4] *Воронин Н. Н.* Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1965, с. 134, 45, 83, рис. 25; *Воронин Н. Н., Каргер М. К.* Архитектура.— В кн.: История культуры Древней Руси, т. II. М.— Л., 1951, с. 311, рис. 117; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси..., с. 156, 102, 103, 376.

[5] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, № 11, 1949, с. 86, 87, рис. 48.

Рис. 1. Фигура лежащего льва. Известняк. 1207—1213 гг. (Гос. Ростово-Ярославский музей-заповедник)

Рис. 2. Фигура лежащего льва

(рис. 1, 2). Названная церковь, известная также как Преображенская, построена в 1799 г.[6] Археологическими разведками Н. Н. Воронина в составе щебня были обнаружены обломки туфа и белого камня, указывающие на вероятность существования здесь исчезнувшего сооружения времен князя Константина (1207—1219 гг.)[7]. Место, которое занимал древний храм, в настоящее время застроено, и раскопки фундаментов невозможны. То обстоятельство, что новая церковь, главный алтарь которой был посвящен Преображению, в народе по-прежнему именовалась Царе-Константиновской, указывает на то, что местное население хранило память о разрушенном храме домонгольского периода, о котором не дает сведений ни один письменный источник. Поскольку это был патрональный храм князя Константина Всеволодовича, постройку следует отнести к первым двум десятилетиям XIII в.

По предположению Н. Н. Воронина, каменные изваяния львов из ростовской церкви Константина и Елены рассчитаны на свободную симметричную постановку в каких-то нишах[8]. Возможность использования фигур в качестве постаментов под гробницей или каким-либо кре-

---

[6] *Титов А. А.* Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 1911, с. 57; *его же.* Святыни и древности Ростова Великого. М., 1911, с. 23. В XVII в. местность, где находилась церковь, была известна под названием слободки Ямской старой (Дозорные и переписные книги древнего города Ростова. Изд. А. Титова. М., 1880, с. 7).

[7] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II. М., 1962, с. 60.

[8] Там же, с. 60, 61, рис. на с. 61. Упоминания о скульптурах см. также: Русское декоративное искусство, т. 1. М., 1962, с. 192 (текст И. М. Бибиковой, которая ошибочно считает фигуры происходящими из Успенского собора в Ростове); *Лазарев В. Н.* Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). М., 1970, с. 56.

лом им отрицалась на том основании, что их верхняя сторона не имеет никаких следов подобного применения [9].

Скульптуры невелики по размерам. Левая фигура имеет высоту 18 и ширину 22 *см* при длине 64 *см*, правая соответственно 19×25×67 *см* [10]. Фигуры сохранились не полностью: утрачены блоки, на которых были высечены лапы. Обработка верхней части скульптур свидетельствует о том, что они должны были находиться на незначительной высоте; в ином случае обрабатывать столь тщательно верхнюю часть не было необходимым. Поскольку головы львов повернуты, их фигуры изогнуты. Передняя часть корпуса, покрытая гривой, обработана с обеих сторон, тогда как тыльная сторона остальной части фигур оставлена необработанной, достигая в левой скульптуре 45, а в правой 50 *см* в длину. В трактовке бедер с заостренными углами и хвостов, заканчивающихся «стрелками» (полупальметтами), нельзя не видеть тенденции к геометризации. Таким образом, передняя часть фигур могла быть обозрима с трех сторон и сверху, тогда как необработанный участок тыльной стороны прилегал к какой-то стенке.

Резьба фигур, небрежная и незаконченная, по уровню исполнения значительно уступает не только рельефам Владимира, Боголюбова, церкви Покрова на Нерли, соборов Суздаля и Юрьева-Польского, но и тем случайно уцелевшим фрагментам, которые связаны с постройкой времен Константина Успенского собора в Ростове (1213 г.) [11]. Большим артистизмом отличаются также бронзовые маски львов с дверей ростовского собора 1162 г. [12] Вместе с тем рассматриваемые скульптуры львов представляют большой интерес, так как являются одним из немногих примеров использования круглой каменной скульптуры в убранстве интерьера русского храма домонгольского периода [13]. Привлечение летописных сведений, а также предметов романской церковной утвари, связанных с именем Андрея Боголюбского, дяди Константина Всеволодовича [14], не исключает возможности влияния западных образцов [15]. Непривычность мастера, исполнившего ростовские фигуры львов, к круглой скульптуре очевидна. При объемной трактовке изваяний он почти не детализирует мускулатуру тела, завитки гривы передаются плоскостно, почти графически. Слабо выражен и рельеф морд с грубовато прораб-

---

[9] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II, с. 60.

[10] Гос. Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник, инв. № 11659/1—2.

[11] *Воронин Н. Н.* Археологические исследования архитектурных памятников Ростова.— В кн.: Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области, вып. 1. Древний Ростов. Ярославль, 1958, с. 15, рис. 8; *его же.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II, с. 57, 58, рис. 32.

[12] *Иванов В. Н.* Ростов Великий, Углич. М., 1964, с. 14, рис. 11.

[13] Из числа известных образцов русской круглой каменной скульптуры домонгольского времени следует указать следующие: 1) голова собаки из ансамбля в Боголюбове, фигуры львов из церкви Покрова на Нерли (*Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II, с. 295, 296, рис. 96; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси..., с. 156, рис. 104); 2) плоская звериная морда из Успенского собора 1214 г. в Ярославле (*Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II, с. 63, рис. 38); 3) голова льва от скульптуры собора архангела Михаила 1227 г. в Нижнем Новгороде (там же, с. 54, рис. 29); 4) голова мужчины из Старой Рязани, XII в. (*Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, № 49, 1955, с. 95, рис. 65).

[14] ПСРЛ, т. 1, вып. 2, стб. 351; *Даркевич В. П.* Романская церковная утварь из Северо-Восточной Руси.— В кн.: Культура Древней Руси, с. 61—70; *его же.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (XI—XIV вв.).— САИ, вып. Е 1—57, 1966, с. 23—27.

[15] В западнорусских княжествах эти влияния были более сильными. Ср. упоминания о скульптурных работах «хытреца Авдия», выполнившего порталы с изображениями Спаса и Св. Иоанна в галицком городе Холме. Ипатьевская летопись под 1259 г. отмечает каменный столп, на котором «орел камень изваян» (ПСРЛ, т. II, стб. 845). Ср.: *Wentzel H.* Zur Diskussion um die Staufischen Adler, 1967.— Kunstchronik, Jg. 20. Nürnberg, 1967, S. 121—124; *Nau E.* Staufer — Adler.— Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen in Baden — Württemberg, Bd 5, 1968, S. 21—56.

танными деталями, широко открытыми глазами, раскрытым ртом с высунутым языком [16]. Отмеченные несоответствия объемности скульптур и характера моделировки деталей в работе ростовского мастера в какой-то мере объяснимы. С подобным явлением встречаемся и в византийской пластике эпохи крестовых походов, когда при высоком рельефе наблюдается сухая плоскостная трактовка деталей [17].

Вопрос о датировке рассматриваемых скульптур может быть решен в зависимости от определения времени возведения храма, из которого они происходят. Церковь Константина и Елены в Ростове не могла быть сооружена ранее 1207 г., когда Всеволод III послал в Новгород, где до того времени сидел Константин, другого своего сына — Святослава, а Константину дал Ростов с другими городами [18], а также позже 1219 г.— времени смерти Константина. Если еще учесть, что с 1213 г. летописи начинают сообщать сведения о всех постройках, осуществлявшихся в этот период княжения Константина [19], то время возведения ростовского храма окажется возможным определить более точно.

Ростовские фигуры львов с повернутыми головами и выходящими из-под задних лап захлестнутыми на спину хвостами находят типологические аналогии в рельефных спаренных изображениях львов в пятах арок Успенского [20] и Дмитриевского [21] соборов во Владимире и церкви Покрова на Нерли [22]. В рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском только львы-охранители изображены в старой традиции с повернутыми в фас к зрителю головами, в остальных же случаях львы представлены с головами в профиль [23]. Следовательно, типологические черты ростовских изваяний заставляют относить их к началу XIII в. Не противоречит этой датировке и стиль произведений, представляющий примитивное подражание названным памятникам владимирской скульптуры, в частности львиным маскам Успенского собора во Владимире [24] и львиными масками из Боголюбова, со стилизованной гривой [25].

Труднее установить первоначальное назначение фигур. Использование их в оформлении наружных стен или в пятах арок исключено, так как они не связаны с боковой стороны с каменным блоком и явно рассчитаны на обозрение сверху. Если нельзя не признать резонным замечание Н. Н. Воронина, что изваяния львов не могли быть использованы в качестве постаментов под гробницей или каким-либо креслом, то трудно и принять его предположение о свободной симметричной постановке скульптур в нишах. Подобные примеры неизвестны, но зато можем указать типологически сходные фигуры львов в русской деревянной резьбе XVII в., когда они размещаются по сторонам ктиторского места [26].

---

[16] Ср. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II, с. 61.

[17] *Юргенсон П. Б.* О франкском влиянии в византийской пластике XIII в.— ТСА РАНИОН, вып. VI, 1928, с. 535—540.

[18] ПСРЛ, т. I, стб. 183; т. VII, стб. 115; *Экземплярский А. В.* Ростовские владетельные князья. Ярославль, 1888, с. 7.

[19] ПСРЛ, т. I, стб. 437, 459.

[20] *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси..., с. 102, 103, рис. 75.

[21] *Бобринский А. А.* Резной камень в России. М., 1916, табл. 18, *5, 6*; *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, рис. 194; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси..., с. 376, рис. 222, 223, 227—229.

[22] *Бобринский А. А.* Ук. соч., табл. 3, *3*, 9, *8*; *Вагнер Г. К., Желоховцева Е. Ф.* Скульптура храма Покрова на Нерли.— «Искусство», 1965, № 10, с. 65; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси..., с. 150, 152, 182—184, рис. 96—99.

[23] *Вагнер Г. К.* Мастера древнерусской скульптуры, с. 20, рис. 12.

[24] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, рис. 96; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси..., с. 98, 100, рис. 63—66.

[25] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, с. 214, рис. 96; *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси..., с. 66, 68, рис. 34, 35.

[26] *Бобринский А. А.* Народные русские деревянные изделия и предметы домашнего обихода. Альбом. М., 1911—1914, вып. XII, табл. 190, *6, 7*; Выставка русской деревянной скульптуры и декоративной резьбы. Каталог (текст Н. Н. Померанцева). М., 1964, с. 20, 39.

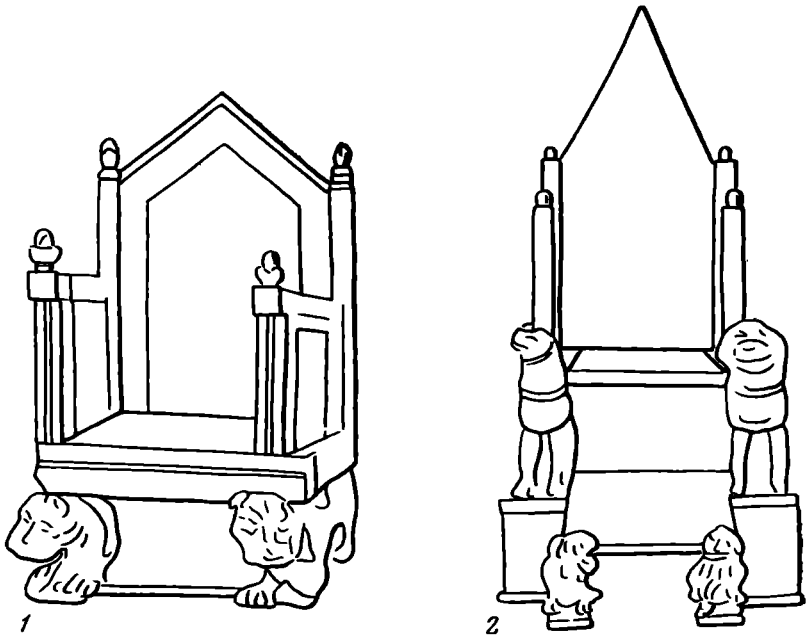


Рис. 3. Епископские троны с изображениями львов в основании.
1 — Монте Гаргано, *2* — Кальви

Устройство ктиторского места в патрональной княжеской церкви домонгольского времени нам остается неизвестным [27], как и то, имел ли храм Константина и Елены в Ростове хоры, на которых во время богослужений должен был находиться князь с семейством. Наличие во владимиро-суздальской каменной пластике некоторых романских черт дает нам право, за отсутствием русских аналогий, обратиться к произведениям западноевропейского искусства [28].

Сходное функциональное назначение каменных изваяний львов находим в ряде епископских престолов, послуживших темой обстоятельного исследования А. Н. Грабара (рис. 3) [29]. Из числа опубликованных им тронов отметим прежде всего находящиеся в Каноссе, Монте Гаргано архиепископский трон в Бари и епископский в Монтевержино, с различно размещенными в них фигурами львов. Наиболее существенную аналогию представляет трон 1034—1053 гг. в Монте Гаргано [30]. Русские каменные епископские престолы домонгольского времени не сохранились. Остатки митрополичьего престола в Софии Киевской (спинка и боковые стенки) и епископского в Софии Новгородской [31] решительно ничего не дают для определения местонахождения рассматриваемых

Обычай украшать троны изваяниями львов, как известно, восходит к древней традиции, засвидетельствованной библейским описанием трона Соломона. Подробнее см.: *Ragusa I.* Terror demonum ad terror inimicorum: The two lions of the throne of Solomon and the open decor of paradise.— Zeitschrift für Kunstgeschichte, Berlin, 1977. Bd. XL, S. 93—114.

[27] Возможно, что такое место («стол») находилось в Успенском соборе в Галиче (*Пастернак Я.* Старый Галич. Краків — Львів, 1944, с. 13).

[28] Произведения западного искусства XII—XIII вв. проникали и в Ростов. См.: *Воронин Н. Н.* Археологические заметки.— КСИИМК, № 62, 1956, с. 28, 29, рис. 15; *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе, с. 25, табл. 25, *11.*

[29] *Grabar A.* Trônes épiscopeux du XI-ème et XII-ème siècle en Italie Méridional.— In: Wallraf-Richartz-Jahrbuch, Bd XVI. Kōln, 1954, p. 7—52; *idem.* Trônes d'évêque en Espagne du Moyen Age. Sodendruck aus «Kunstgeschichtliche Studien für Hans Kauffmann», p. 1—10.— Ibid.

[30] *Grabar A.* Trônes épiscopeux, p. 8—10, fig. 2, 3.

[31] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. II. М.— Л., 1961, с. 205, рис. 75, табл. XXXIII; *Штендер Г. М.* Ук. соч., с. 90—95.

скульптур в ростовском храме. Как указывал Е. Е. Голубинский, синтроны или сопрестолия, включавшие епископский трон и седалища для священников, были принадлежностью не только кафедральных, но и приходских храмов [32]. Это положение, подтвержденное работами А. Н. Грабара и И. Максимович [33], на русском материале получает подкрепление на примере таких памятников, как церковь Бориса и Глеба «на Коложе» в Гродно [34] и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. Учитывая это, решаемся предположить, что публикуемые изваяния львов были предназначены украшать епископский престол в алтарной апсиде ростовской церкви Константина и Елены. Обратив внимание на их особенности, можно заключить, что они вполне могли быть помещены по сторонам такого трона [35] (рис. 4). Вполне возможно, что такое же назначение имела и скульптура лежащего льва, найденная в прошлом столетии возле церкви Покрова на Нерли [36].

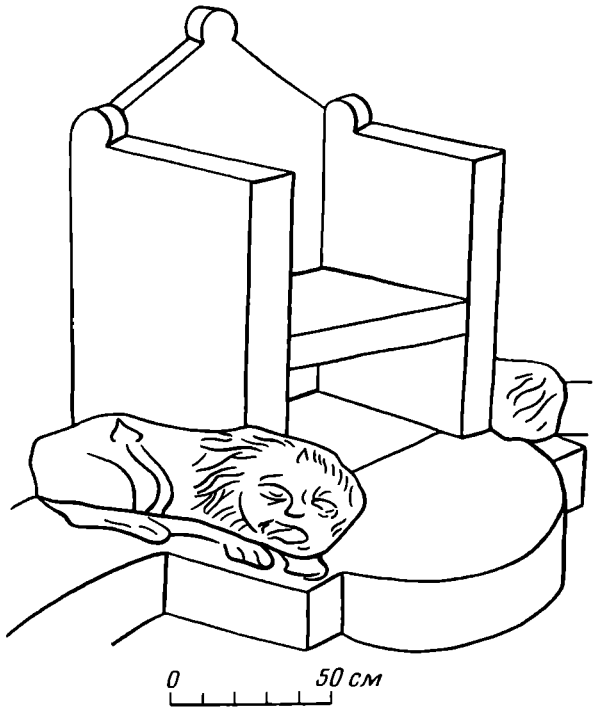


Рис. 4. Епископский трон с изваяниями львов (реконструкция)

Устанавливаемое назначение ростовских каменных изваяний львов оказывается еще более реальным, если принять во внимание некоторые данные исторических источников. Каменный Успенский собор, законченный постройкой и освященный в 1162 г. [37], в 1204 г. обрушился и пролежал в развалинах около десяти лет [38]. Лишь только в 1213 г. «князь Константин заложи церковь святую Богородицю на первемь месте падшая церкве» [39]. Но строительные работы затянулись, и собор был освящен только в августе 1231 г. [40] Уместно здесь вспомнить, что церковь Бориса и Глеба на княжеском дворе заложена Константином Всеволодовичем в 1214 г. [41], а закончена постройкой и освящена в 1218 г. [42] В литературе, по не дошедшим до нас письменным источникам, еще известны следующие ростовские храмы: 1) сгоревшая в пожар 1211 г.

---

[32] *Голубинский Е.* История русской церкви, т. I, ч. II. М., 1904, с. 179.

[33] *Grabar A.* Remarques critiques brêves à propos de publication recentes. A Syntrones dans le martyria byzantins.— In: Cahiers archéologiques, XII. Paris, 1962, p. 392; *Максимовић Ј.* Камена декорација Мораче.— Зборник за ликовне уметности, 2. Нови Сад, 1966, с. 42—46, схемы 1—3, рис. 12, 14; *ее же.* Српска средньовековна скулптура. Нови Сад, 1971, с. 80, рис. 123.

[34] *Jodkowski J.* Swiątynia warowna na Ko'ozy w Grodni. Grodno, 1936, s. 41, mal. na s. 46.

[35] Для схемы-реконструкции использован рисунок епископского престола XIII в. в Мораче.

[36] *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, с. 295, 296, рис. 148.

[37] ПСРЛ, т. XV, стб. 223—225; т. IX, стб. 230, 231; т. XX, стб. 122; т. XXI, стб. 115.

[38] ПСРЛ, т. VII, стб. 112.

[39] ПСРЛ, т. I, стб. 437.

[40] ПСРЛ, т. I, стб. 459.

[41] ПСРЛ, т. I, стб. 438; Летопись о ростовских архиереях. СПб., 1890, с. 5 и прим. на с. 8.

[42] ПСРЛ, т. I, стб. 442.

церковь Иоанна Предтечи на епископском дворе [43], 2) церковь Всемилостивого Спаса, возведенная в 1216 г. [44], 3) церковь св. Николая на Подозерье, сгоревшая в 1212 г. [45], 4) церковь архангела Михаила, освященная епископом Иоанном в 1207 г. [46] Кроме того, известно о существовании в Ростове Иоанновского монастыря, из которого в 1231 г. мощи Леонтия были перенесены в только что отстроенный Успенский собор [47]. Остается неизвестным, какой именно из этих храмов являлся кафедральным в период между катастрофой Успенского собора в 1204 г. и его освящением в 1231 г. Не исключено, что им могла быть церковь Константина и Елены, построенная в 1207—1213 гг., когда были выполнены и украшавшие епископский трон каменные скульптуры львов.

Тип епископского трона с изваяниями львов, представленный рассмотренными старыми ростовскими находками, ведет свое происхождение от царских тронов Византии и Западной Европы. У балканских славян такого типа троны удержались вплоть до XIX в. [48]

---

[43] *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, с. 200.
[44] Ярославские губернские ведомости, 1851, № 35, 39.
[45] *Титов А. А.* Ростов Великий..., с. 54.
[46] Там же, с. 57.
[47] *Толстой М.* Святыни и древности Ростова Великого. М., 1866, с. 48.
[48] *Васильев А.* О некоторых образцах старинной болгарской резьбы.— В кн.: Болгарская средневековая культура. София, 1964, с. 109.

Критика и библиография

C. B. M. McBurney. Early Man in the Soviet Union. The implications of some recent discoveries. Albert Reckitt Archaeological Lecture. 1975. The British Academy, London, 1976. 55 стр., 16 фототабл., 8 графич. табл. в тексте. Библ. 56 назв.

Рецензируемая работа представляет собой расширенную запись лекции, прочитанной Ч. Мак-Берни в мае 1975 г. в Британской Академии, в особом цикле, основанном Альбертом Рекитом, объединяющем разнообразные — как хронологически, так и территориально — историко-археологические темы. Вопросы, связанные с самыми ранними ступенями развития человеческого общества, поднимаются в этом цикле впервые.

Данная работа явилась результатом поездки автора в СССР (в Москву, Ленинград и Киев), в течение которой он имел возможность ознакомиться с рядом коллекций палеолитических памятников нашей страны и беседовать с советскими исследователями палеолита. Это первое непосредственное знакомство автора с палеолитом СССР.

В структурном отношении работа представляет собой единое, не членящееся на отдельные главы повествование. Она снабжена тремя географическими картами, сводными графическими таблицами, иллюстрирующими каменный инвентарь палеолитических памятников СССР, и многочисленными фотографиями археологических находок, главным образом предметов искусства.

Автор не ставил себе целью дать полное и исчерпывающее представление о палеолите на территории СССР, что было бы, естественно, невозможно сделать в рамках одной статьи. Он концентрирует свое внимание на «небольшой подборке тем, из которых центральной будет заселение севера Евразийского материка» (с. 6). Почти все вопросы, поднимаемые в данной работе, так или иначе связаны с этой центральной темой, особенно интересующей автора.

Мак-Берни рассматривает заселение интересующей его территории на фоне кратко очерченных им природных условий того времени. Говоря о наиболее значительных экологических препятствиях, ограничивавших расселение древнего человека в северном направлении, он основывается на выводе Р. Клейна [1] и ряда других исследователей, которые «заострили внимание на экологических следствиях распространения хвойных лесов в течение более мягких условий интергляциалов в интерстадиалов» (с. 10). Хвойные леса, как считают исследователи, придерживающиеся данной точки зрения, являлись значительной преградой для продвижения человека и животных и, таким образом, сокращали территорию, пригодную для заселения, которая, напротив, расширялась в периоды гляциалов, когда климат становился более континентальным, что вело к значительному уменьшению снегового покрова и одновременно к сокращению площади, занятой лесами.

Из других факторов, регулирующих освоение новых территорий древними людьми, автор акцентирует внимание на необходимости достижения определенного технологического уровня, который необходим для преодоления разного рода экологических барьеров, что представляется вполне справедливым (с. 10, 11).

[1] *Klein R. G.* The Pleistocene prehistory of Siberia.— Quaternary Research, v. 1, № 2, p. 133.

Мак-Берни стремится показать палеолит СССР на широком фоне развития культуры древнего человека. Этот фон очерчен им начиная с самых древних следов жизни человека в Африке. При этом он обращает особое внимание на хронологию последовательных этапов развития человеческой культуры и физического типа человека, в частности на переход к верхнему палеолиту и появление человека современного физического типа. Автор делает вывод, что «возникновение человека современного физического типа и характеризующих его черт культурного поведения далеко не является одновременным событием ... а показывает теперь очень разнообразные следы прогрессивного распространения из ограниченного количества центров. Из них наиболее ранний ... расположен где-то в Юго-Западной Азии в районе Палестины и другой.... на Балканском полуострове» (с. 13, 16).

Обзор собственно территории СССР, сделанный Мак-Берни, представляется также даже для краткой статьи поверхностным и неполным. Встречаются фактические ошибки. Автор публикует три географические карты: палеолитические стоянки Европейской части СССР, Азиатской части и сводную, показывающую положение двух первых. Вызывает удивление то, что на них указаны стоянки, с одной стороны, малозначимые и в некоторых случаях даже недостоверные — Коровий Ручей, Усть-Кулом, в то время как такие важные для понимания верхнего палеолита данной территории памятники, как Молодова, Мезин, Межирич и на карте отсутствуют, хотя и упоминаются в тексте. Некоторые стоянки, например Бердыж, неправильно помещены на карте. В тексте работы Молодова V помещена на Верхнем Днепре (с. 19). Названия некоторых памятников (Киик-Коба, Амвросиевка и др.) даны неправильно. Такого же рода погрешности есть и на карте Азиатской части СССР (см. карты II и III).

Все многообразие верхнепалеолитических памятников Европейской части СССР автор сводит к двум культурным вариантам — граветтийскому (понимая термин «граветт» в наиболее расширенном его смысле, с. 23) и сунгирскому. Очевидна неодинаковость таксономического ранга этих «вариантов» — если понятие «сунгирский вариант» по уровню приближается к археологической культуре, то граветтийский вариант, объединяющий все остальные памятники Европейской части СССР, в которых не встречаются двустороннеобработанные треугольные наконечники, приблизительно соответствует европейской приледниковой зоне С. Н. Замятнина.

Автор ставит вопрос о пространственно-временных границах верхнего палеолита на Европейской части СССР — как в целом, так и по выделенным им вариантам. С целью показать наиболее ранний верхнепалеолитический памятник на рассматриваемой территории, он обращается к Молодовским стоянкам. Таковым является, по его мнению, горизонт Ха—Хб Молодова V, который он вслед за В. Хмелевским [2] относит к началу верхнего палеолита [3] (с. 19). Как известно, на уровне горизонтов Ха—Хб в Молодова V нет хорошо выраженных культурных слоев, оттуда происходят единичные находки, которые не дают оснований для достаточно точной археологической датировки.

Следующим из наиболее древних на территории Европейской части СССР верхнепалеолитических памятников Мак-Берни называет, как это ни странно, Елисеевичи (с. 19). При этом он основывается на радиоуглеродной дате 33 000±400 лет (ГИН-80), которая была получена по образцу древесины со дна очага из нижней части культурного слоя стоянки. В. В. Чердынцев [4] выражает сомнение в том, что найденная древесина связана с культурным слоем стоянки. Дата эта явно противоречит как геологической датировке памятника — поздний этап второй половины валдайской эпохи [5], так и всему облику его культуры. Кроме того, имеется другая радиоуглеродная дата, которая более соответствует геологическим и археологическим данным —

---

[2] Эту мысль В. Хмелевский высказал автору рецензируемой книги в личной беседе.

[3] А. П. Черныш (*Черныш А. П.* Палеолит и мезолит Приднестровья. М., 1973, с. 11) также относит эти горизонты к началу верхнего палеолита, но не к мустье.

[4] *Чердынцев В. В.* Абсолютная геохронология палеолита.— МИА, № 173, 1971. с. 310.

[5] *Величко А. А.* Геологический возраст верхнего палеолита центральной части русской равнины. М., 1961.

17 340±170 (ЛУ-360) [6]. Автор, очевидно, не знает об этой дате, однако то, что он опирается на датировку, идущую вразрез со всем остальным комплексом данных, представляется неправомерным.

Таким образом, проблемы, связанные с самыми древними верхнепалеолитическими памятниками, несмотря на намерения автора, остались неосвещенными.

Более или менее подробно Мак-Берни рассматривает материалы Европейской части СССР, относимые им к сунгирскому варианту верхнего палеолита. К этому варианту он относит: в Костенках — нижний слой Костенок I, также, очевидно, и ряд других костенковских памятников с двустороннеобработанными треугольными наконечниками (не называя эти памятники), верхний слой Тельманской стоянки (как наиболее позднее проявление этого варианта) (с. 25); на более северной территории — Сунгирь и Бызовскую стоянку (с. 30). Мак-Берни описывает кремневый инвентарь нижнего слоя Костенок I, подробно рассказывает о замечательных находках в Сунгире, приводит сделанные О. Н. Бадером фотографии сунгирских погребений, изделий из кости и бивня.

Поскольку автора интересует заселение северных районов, он останавливается на тех особенностях культуры палеолитических людей, которые делали возможным существование в условиях сурового континентального климата, а именно на палеолитических жилищах из костей мамонта. В этой связи упоминаются жилища в Мезине, Межириче, Добраничевке (с. 21—23). Автор рассказывает о реконструкции палеолитических жилищ, проводимой И. Г. Пидопличко. Имеется ряд фотографий, иллюстрирующих раскопки и восстановление этих жилищ, а также отдельные, наиболее эффектные вещи (орнаментированная лопатка мамонта из Мезина, череп мамонта — «барабан» — из Межирича).

Далее (с. 27, 28) Мак-Берни обращается к самым северным находкам палеолита в Европейской части СССР. Он называет вслед за О. Н. Бадером 28 верхнепалеолитических и мустьерских местонахождений, расположенных в бассейне рек Печоры и Вычегды, в том числе такие, как Коровий ручей, Усть-Кулом, Крутая Гора, открытие которых произвело в свое время сенсацию в науке о палеолите. Однако некоторые обстоятельства, связанные с открытием этих местонахождений геологом Е. М. Тимофеевым, вызвали сомнения у советских специалистов, исследующих эту территорию. Проверка сведений о них показала, что многие из этих местонахождений [7] оказались недостоверными. Незнание этого факта нельзя поставить в вину Мак-Берни, так как заметка, содержащая результаты проверки, была опубликована почти одновременно с рецензируемой работой.

Автор вкратце касается некоторых вопросов, связанных с мустьерскими и более ранними памятниками на территории СССР, в частности вопроса о мустьерских жилищах (с. 32), а также причины большей ограниченности распространения нижнепалеолитических памятников по сравнению с верхнепалеолитическими, которую он видит не только в наличии экологических барьеров, таких, как ледник, водные или горные преграды, но и в непосредственном влиянии климата, что в верхнем палеолите было смягчено наличием утепленных жилищ и одежды.

Около половины книги посвящено проблемам палеолита Азиатской части СССР. Автор кратко характеризует енисейскую и ангарскую группы стоянок, подчеркивает обособленное положение в сибирском палеолите Мальты и Бурети. Как общие черты, характерные для всего массива сибирских верхнепалеолитических памятников, он называет «развитую и характерную технику изготовления микролитических пластин, сделанных с большой точностью только первичной обработкой, которые вставлялись в костяные острия, снабженные v-образными прорезями», микролитические скребки, а также макролитический инвентарь: двустороннеобработанные орудия разной формы, некоторые категории галечных орудий архаического облика (с. 37, 40).

Говоря о палеолите Северо-Востока Сибири, автор высоко оценивает результаты работ Ю. А. Мочанова и сотрудников Приленской археологической экспедиции. Он дает краткий обзор ряда недавно открытых памятников этой территории, среди ко-

---

[6] *Арсланов Х. А., Куренкова Е. И.* Радиоуглеродные датировки некоторых позднепалеолитических стоянок бассейна Десны.— БКИЧП, № 44, 1975.

[7] *Гуслицер Б. И.* О недостоверности некоторых местонахождений палеолита и ископаемой фауны на территории Коми АССР.— БКИЧП, № 45, 1976.

торых называет как наиболее ранний Эжанцы, приводит радиоуглеродные даты и стратиграфические колонки алданских памятников Ихине II и Усть-Миль II. Упоминаются также стоянки Берелех и Ушковские стоянки на Камчатке, а также некоторые другие памятники, приводятся радиоуглеродные датировки.

После краткого обзора данных с территории СССР автор выдвигает предположение о времени и путях заселения северных районов Евразии. Автор склонен считать концепцию об одновременном возникновении верхнего палеолита на широких территориях неверной; более вероятным ему кажется расселение из одного центра, а именно из южного сектора Юго-Западной Азии (с. 51). Он исходит из следующего: «Огромное запаздывание во времени между появлением на земле изготавливающего орудия... человека и его колонизацией рассматриваемой территории». Человек должен был достигнуть определенного культурно-технологического потенциала, при котором он мог бы преодолеть различные экологические барьеры. Потенциал этот, по мнению автора, был достигнут только с появлением человека современного физического типа, обладающего верхнепалеолитической культурой.

Автор считает, что на интересующей его территории нет достоверных следов домустьерской эпохи. Хотя такие следы могут быть прослежены в Западной и Южной Европе и относятся к финальной стадии рисса, первые ощутимые следы в каком-либо значительном количестве в Восточной Европе и на юге Центральной Азии едва ли могут быть прослежены до ранних стадий валдайского оледенения. Однако с этого времени они распространяются стремительно, достигая в Восточной Европе Арктического океана. Но сильно облесенные зоны Северной и Восточной Сибири в течение каргинского интерстадиала не были заселены, люди сюда проникли только с полным развитием верхнепалеолитической техники.

Разбор этой гипотезы в рамках данной рецензии не представляется возможным, так как это заняло бы слишком много места. Отметим только, что автор берет на себя большую ответственность, выводя все верхнепалеолитические культуры из одного центра на том лишь основании, что в Юго-Западной Азии зафиксирован самый ранний верхний палеолит.

Замысел автора — привести краткий обзор палеолитических памятников территории СССР с точки зрения заселения северных районов этой территории, давая собственную оценку и интерпретацию описываемым фактам,— можно было бы считать удачным; но он, к сожалению, выполнен не всегда на должном уровне. Автор, очевидно, недостаточно знаком с фактическим материалом — в работе есть ряд фактических ошибок и неточностей, они ясны советскому исследователю, но могут ввести в заблуждение читателя, имеющего слабое представление о палеолите СССР.

Книга Мак-Берни — это первая работа о палеолите СССР, появившаяся в Англии со времени Г. Чайльда; несомненна ее роль в усилении интереса к советскому палеолиту среди английских исследователей. Положительным является тот факт, что автор не просто перечисляет и описывает палеолитические находки на данной территории, а рассматривает их проблемно, под углом зрения определенной концепции; новые для него факты он вводит в круг своих представлений не как отрывочные и бессвязные сведения, а в виде построенной им довольно целостной картины заселения интересующей его территории, принимая в расчет экологические условия того времени, а также в связи с изменением физического типа человека. Тем более досадно, что допущенные автором при изложении фактического материала погрешности в значительной мере снижают научность его выводов.

Т. Н. Дмитриева

Early Man News, I. Newsletter of the Commission for the Paleoecology of Early Man of INQUA, Tübingen, 1976.

Вышел в свет первый номер «Early Man News» — нового информационного бюллетеня комиссии по палеоэкологии древнего человека (CPEM), учрежденной IX конгрессом INQUA (International Association on Quaternary Research). Сборник вышел в Тюбингене под общей редакцией известного исследователя палеолита Х. Мюллер-Бека (ФРГ).

Публикация включает последние сведения как из области археологии, так и из ряда естественных наук, исследующих природную среду обитания первобытного человека.

Сведения для бюллетеня представляются 18 рабочими группами из 10 стран. Часть этих групп пока только создается и примет участие в последующих выпусках бюллетеня [1]. В издании рецензируемого номера приняли участие семь рабочих групп: Восточно-Европейская, Южно-Азиатская, Северо-Азиатская, Восточно-Азиатская, Американская, Арктическая, Австралийская.

Более всего сведений представлено рабочими группами СССР, Канады, США, Австралии. Краткие сообщения о работах в Восточной Азии за последние 10 лет даны в реферативной сводке Ж. Айгнера, а исследования в Южной Африке реферированы Мюллер-Беком по ряду публикаций 1974—1975 гг. и содержат краткие сведения о месте, объекте исследования и авторе работ.

Структура сборника еще не вполне выработана, но уже теперь можно отметить постоянное стремление к четкой, последовательной, упорядоченной подаче материала, насыщенного максимумом наиболее существенной для исследователей информации.

Основная часть сборника составлена из отдельных заметок о полевых работах на археологических памятниках в 1974—1975 гг. Заметки сгруппированы по территориальному принципу рабочих групп, а внутри них — в хронологическом порядке. За верхний хронологический рубеж принято начало производящего хозяйства. В заголовках статей непременно указываются название памятника, его возраст и местоположение. Таким образом, даже при беглом просмотре сборника ясен объем работ, проводимых в последние годы на отдельных территориях. Принцип обязательного датирования памятника выдержан везде, но с разной степенью приближения — от широких предварительных датировок большинства стоянок нашей страны до множества абсолютных дат в информациях из Австралии, Америки, Канады.

Описанию проведенных работ предшествует краткая справка с указанием страны, географического района, имени исследователя, а также названия учреждения, финансирующего работы, их сроки и адрес автора заметки. Эти сведения дают возможность получить более подробную информацию о памятнике, вступить в контакт с его исследователем.

Основные сведения представляют собой краткие отчетные доклады о полевых работах на археологических памятниках в 1974—1975 гг. Несмотря на краткость заметок, в части из них существует тенденция к углубленному рассмотрению ряда вопросов. Так, описывая каменную индустрию Кетрос, Н. К. Анисюткин приводит ряд значений индексов Ф. Борда, которые для большинства современных исследователей являются определяющими показателями при изучении мустьерских комплексов. Оправданным кажется некоторое смещение акцентов ряда публикаций в зависимости от характера памятника. Так, информация о работах в Бетово — новой мустьерской стоянке Русской равнины — насыщена описанием каменной индустрии, а исследователи известной стоянки Авдеево наиболее подробно остановились на характеристике культурного слоя. Краткость описания целой группы новых мезолитических и неолитических стоянок Калининградской области, как и перечисление, не всегда даже описание, ряда стоянок Аляски и Северной Канады, объясняется малой исследованностью этих территорий. В то же время краткое описание работ на новой многослойной стоянке Королево представляется не вполне оправданным. Хорошо стратифицированные нижнепалеолитические культурные горизонты (вплоть до ашельских) ставят Королево в ряд опорных памятников открытого типа нашей страны. Четкой стратиграфической колонкой интересна и раскапываемая И. Лозе стоянка Завидзиена-Кргс. Последовательное наложение культурных горизонтов среднего, раннего неолита и мезолита — редкое явление для неолита Прибалтики, достойное более полного освещения на страницах сборника. То же можно сказать и о результатах раскопок пещеры Сакажия в Грузии, где в мустьерском горизонте были обнаружены костные остатки человека. Заметка в четыре строки явно не соответствует важности сообщения. В то же время ряд публикаций памятников Украи-

[1] Во втором номере бюллетеня собираются принять участие рабочие группы Южной Европы, Восточной Африки.

ны насыщен авторской интерпретацией в ущерб изложению фактического материала. Несомненно удачная форма большинства статей бюллетеня является залогом дальнейшего совершенствования этого перспективного издания.

Благодаря сборнику публикация работ советских исследователей задолго до появления монографических изданий вводит в мировую науку ряд важнейших памятников каменного века нашей страны. Кроме упомянутых выше, хочется указать на публикацию ряда раннепалеолитических стоянок Русской равнины, меняющих в некоторой степени представление о заселенности ее в нижнем палеолите,— Хотылево I, Бетово, Коршево I. Интенсивно изучается в последние годы палеолит Украины, Молдавии, республик Закавказья. Кроме упомянутого Королевского местонахождения, чрезвычайно важной является публикация стоянок Заскальная V, VI. Материалы Кетрос интересны и своей стратиграфической определенностью, и богатством фаунистического комплекса, и отличным от Молодовы вариантом мустьерской индустрии. Литологическая мощность четвертичных отложений грота Буздужаны и их насыщенность культурными остатками мустьерского времени делает памятник одним из опорных в Молдавии. Исследования геологически чрезвычайно ранней нижней пачки слоев Азыхской пещеры позволяют предполагать существование здесь древнейшей в Союзе каменной индустрии. Очень важной для понимания хронологической последовательности нижнепалеолитических памятников Средней Азии является информация об исследованиях на стоянке Каратау I в Таджикистане. Стратиграфическая определенность многометровой толщи отложений, среди которых выявляется рисский комплекс, позволит в недалеком будущем увязать между собой геологически не стратифицированные памятники этого района. Целенаправленная, четкая по структуре публикация материалов нашей страны является несомненной заслугой работы ее редакторов, и в первую очередь И. К. Ивановой и Н. Д. Праслова.

Материалы других стран представлены разнообразнее: в виде рефератов, обобщающих статей или отдельных территориально сгруппированных сообщений. Всюду, однако, сохраняются основные принципы изложения. Большая сводная работа посвящена исследованиям последних лет в Австралии, не включенным в первое издание монографии Малвени[2]. Р. Джонс дает в ней не только краткую информацию о памятниках, но и определяет основные задачи исследования, имеющие прямую связь с палеоэкологическими разработками.

Итог работ австралийских исследователей за последние 15 лет в общих чертах сводится к следующему: достигнута определенность как в выяснении возраста древнейших памятников континента (40 тыс. лет до н. э.), так и в оценке стоянок каменного века с точки зрения их культурно-исторических особенностей и палеоэкологии; в ключевых районах сделан упор на исследование палеогеографии мест обитания древнего человека. В плане этих основных направлений работ и дается описание раскопок ряда стоянок на озере Мунго (Новый Южный Уэлс). Климатические сдвиги, происшедшие в этом районе, хорошо сочетаются как с этапом изменения уровня воды в озере, так и с остатками поселений человека, древнейшие из которых обнаружены на базальных гравийниках, датируемых 40 тыс. лет до н. э. Множество разнообразных анализов, сделанных на ряде дюнных стоянок озера, дали возможность для реконструкции среды, климата и экономической базы обитателей берегов озера, охотившихся на сумчатых, ловивших рыбу и собиравших пресноводных моллюсков.

Изучая связь человека со средой, исследователи каменного века Австралии ставят задачу выяснения роли человека как активного элемента процесса изменения среды, в частности в таком плане решается вопрос о исчезновении гигантских сумчатых на континенте. Кроме того, уникальной особенностью археологии Австралии и ее ближайших островов является возможность проследить последовательность развития культуры аборигенов со времени верхнего палеолита до современности. Именно в этом ключе ведутся исследования в пещере Кейв-Бэй-Кейв (Тасмания), нижние горизонты которой датируются 20 тыс. лет до н. э., т. е. финальным этапом заселения острова. Недавние открытия торфяниковой стоянки Wyrie Swomp на берегу древнего болота дают представление, по мнению ее исследователей, о мере адапта-

[2] *Mulvaney D. J.* The prehistory of Australia. London, 1969.

ции человека к постгляциальному уровню моря в южной части Австралийского континента (10 тыс. лет назад). На стоянке хорошо сохранилось множество орудий из дерева — бумеранги, гарпуны, палки-копалки — вещи, хорошо известные по этнографическим данным.

В целом очерк охватывает все важнейшие работы последних лет, проводившиеся в Австралии. Карта континента с отмеченными на ней стоянками облегчает чтение статьи. Представляется, что в бюллетене, рассчитанном на международную аудиторию, подобные карты очень желательны.

Массовые раскопки в Японии, особенно на о. Хоккайдо, культур эпохи Дзёмон привели к пересмотру ранее сложившихся представлений о начале культивации зерновых и ягодных культур только во время позднего Дзёмон. Обширное поселение периода раннего Дзёмон Minamikaybe на Хоккайдо состояло из 33 домов, тысяч керамических сосудов и каменных орудий. Анализы подтвердили существование здесь культивированных злаков и ягодных культур (гречиха, виноград, черная смородина и пр.). Таким образом, на Хоккайдо дату начала процесса культивации, а возможно, и доместикации следует удревнить на 2 тыс. лет.

Раздел, курируемый рабочей группой американской Арктики, построен четко, сжато, с приведением всех основных сведений по исследуемым стоянкам Аляски и Северной Канады. Кроме заметок о работах на ряде давно исследуемых памятников (Драй Крик, Анангула), здесь приводятся сведения о разработке комплексных программ изучения отдельных территорий Канады. Программа по изучению Северного Юкона продолжает изучение Берингии с целью получения представления о ее палеосреде в верхнем плейстоцене, ставит вопрос о роли человека в экосистеме Севера на Юконе. В исследованиях принимают участие кроме этнографов и археологов специалисты многих естественных наук. Осуществление программы началось с изучения и отбора образцов из 30 обнажений по Северному Юкону. В 1974 г. интенсивно раскапывалась известная стоянка Драй Крик на Аляске. Из пяти ее культурных горизонтов основным является второй (10 690±250); он содержит большое количество нуклеусов, микропластин, удлиненных бифасов, скребков и косоугольных острий. Исследователи стоянки отмечают культурную обособленность этого горизонта, несмотря на некоторое сходство его со стоянкой Акмак.

В изучении другого известного поселения — Анангула принимали участие кроме американских ученых и советские исследователи во главе с акад. А. П. Окладниковым, поэтому краткое сообщение В. Лафлина может быть дополнено сведениями из книги А. П. Окладникова и Р. С. Василевского, вышедшей в нашей стране [3].

За продуманной, логически стройной и направленной к решению определенных задач структурой рецензируемого сборника нельзя не видеть блестящей работы его основного редактора — секретаря Комиссии доктора Мюллер-Бека и ряда редакторов рабочих групп. Представленная в нем информация актуальна, содержательна, систематична, включает самые последние работы по всестороннему исследованию человека и его среды, т. е. соответствует основным целям, поставленным Комиссией перед бюллетенем.

В. И. Беляева

[3] *Окладников А. П., Василевский Р. С.* По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976.

Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный, 1977.

История и культура чеченцев и ингушей — важнейшая составная часть истории и культуры горских народов Северного Кавказа. Без нее невозможно воссоздание героического прошлого этих народов, правильное понимание их национальных особенностей и общего развития политических и экономических отношений, складывавшихся в эпоху средневековья.

Несмотря на то что в последние годы интерес к древностям Чечено-Ингушетии значительно возрос, многие из аспектов средневековой истории вайнахов, и в част-

ности ингушей, до настоящего времени почти не получили должного освещения. Правда, в 1971 г. в Москве вышла книга проф. Е. И. Крупнова «Средневековая Ингушетия» [1], в какой-то мере заполнившая образовавшуюся лакуну. Однако, высоко оценивая работу покойного Е. И. Крупнова в целом, нельзя не отметить того обстоятельства, что она была написана на довоенных материалах и лишь частично включила материалы, накопленные кавказоведами в последующие годы. Расширение круга историко-археологических источников, а также этнографических и фольклорных данных позволяет сейчас дать значительно более полную картину средневековой истории народа, о прошлом которого бытовали и сейчас еще порой бытуют самые противоречивые мнения. Эта задача и стояла перед М. Б. Мужухоевым, автором рецензируемой книги.

Монография М. Б. Мужухоева состоит из предисловия, четырех глав, заключения, пяти таблиц и 35 иллюстраций. Историографический обзор содержит анализ работ дореволюционных и современных авторов. М. Б. Мужухоев, отмечая достоинства и недостатки трудов своих предшественников, подчеркивает значение археологических материалов, послуживших фактологической основой его книги. Круг вопросов, подлежащих изучению и очерчиваемых автором, весьма обширен. М. Б. Мужухоева интересует уровень социально-экономического развития средневековой Ингушетии; происхождение и развитие «башенной культуры», социальная принадлежность обитателей башен; эволюция религиозных верований ингушей; время сооружения и продолжительность функционирования склепов и причины, обусловившие их появление.

Глава II — «Башенные поселения горной Ингушетии» — дает представление о типологии и топографии башен исследуемого региона, о крупнейших на Северном Кавказе башенных поселениях Вовнушки, Оздик и др. М. Б. Мужухоев вслед за В. И. Марковиным [2] раскрывает характерные особенности полубоевых башен, являющихся, по их мнению, переходной формой от жилых башен к боевым. Достаточно отметить, что ранее полубоевые башни почти не выделялись кавказоведами в отдельный тип оборонительных сооружений.

М. Б. Мужухоев правильно определяет этническую — ингушскую — принадлежность боевых башен с пирамидальным перекрытием и точно очерчивает ареал их распространения. Следует согласиться с автором и в том, что именно Ингушетия была очагом зарождения этого типа памятников (с. 45—48).

Интересна, хотя и не бесспорна, попытка новой датировки классических пирамидальных башен первой половиной XIV в. (с. 40). Она, безусловно, привлечет к себе внимание специалистов, но, на наш взгляд, здесь необходимо отметить следующее.

Принято считать, и это действительно так, что склепы и башни с пирамидальным перекрытием генетически связаны между собой. Обычно исследователи выводят склепы из башен, подчеркивая именно такую генетическую зависимость памятников [3]. С другой стороны, кавказоведы, в том числе и М. Б. Мужухоев, утверждают, что форма пирамидального покрытия восходит еще к подземным склепам VI в. н. э. [4] Иными словами, ступенчатое перекрытие как бы восходит к башням, а затем вновь

---

[1] *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971.

[2] По мнению В. И. Марковина, для полубоевых башен характерны «асимметричность в расположении проемов, слабое сужение стен кверху, отсутствие центрального опорного столба, низкое расположение дверей». В отличие от названного автора В. Н. Басилов и В. П. Кобычев считают, что полубоевые башни есть сооружения «исходного типа, из которых возникли поздние постройки: с одной стороны, жилые башни, лишенные машикулей, а с другой — боевые башни». См.: *Марковин В. И.* Некоторые особенности осетинской башенной архитектуры.— КЭС, VI, М., 1976, с. 224; *его же.* Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры.— АН, № 23, 1975, с. 120, 121; *Басилов В. Н., Кобычев В. П.* Галгай — страна башен.— СЭ, 1971, № 1, с. 124.

[3] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963, с. 63.

[4] Там же, с. 63, 64; *Уварова П. С.* Кавказ. Путевые заметки, ч. 1. М., 1887, с. 81, 83. С этой точкой зрения откровенно не согласны Л. Г. Нечаева и В. П. Кобычев. См.: *Нечаева Л. Г.* Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин.— В сб.: Этническая история народов Азии. М., 1972, с. 277; *Кобычев В. П.* Старинные культовые

к склепам. Однако вполне вероятна и иная последовательность: подземные склепы — наземные склепы — боевые башни. Правда, в этом случае заметно снижается ценность инвентаря склепов для датировки башен, так как последние при таком допущении появляются не единовременно со склепами, а несколько позже.

Помимо всего сказанного, абсолютное большинство боевых башен приспособлено для огнестрельного оружия и неудобно для лучников [5]. Огнестрельное же оружие на Кавказе появляется не ранее XV—XVI вв.

Е. И. Крупнов еще в 1951 г. писал: «В этом плане особенно показательны примеры из области военной техники. Известно, например, что у народов Европы, в том числе и у русских, огнестрельное оружие появилось в XIV в. И уже с XV в. все горцы Северного Кавказа начинают строить многоэтажные каменные боевые башни, с учетом использования при обороне уже не лука со стрелами, как раньше, а ружья» [6].

Более подробно вопрос о появлении огнестрельного оружия на Кавказе рассмотрен П. П. Закарая, которая считает, что только в конце 30-х годов XVII в. ружья наряду с луком и стрелами используются и горцами Северного Кавказа [7].

В связи с изучением оборонительных сооружений горной Ингушетии хотелось бы более конкретно определить социальную принадлежность обитателей башен. В ряде случаев М. Б. Мужухоев называет башни фамильными, патронимическими или предназначенными «для постоянного местопребывания группы близкородственных семей» (с. 19).

Глава III — «Погребальные памятники горной Ингушетии» — посвящена типологии, погребальному обряду и инвентарю склепов, получивших большое распространение в Ингушетии. Пожалуй, впервые за всю историю изучения склеповой культуры Северного Кавказа М. Б. Мужухоеву удалось определить стратиграфию погребений в склепах селений Оздик, Вовнушки, Таргим, Эгикал и др. [8]

Он дает обстоятельный анализ погребального инвентаря, привлекая весьма широкие аналогии. Последние наглядно показывают, что материальная культура горцев Северного Кавказа не была изолирована от ведущих центров мировой культуры. В поисках аналогий автор обращает преимущественное внимание на восточнославянские, а не на восточные, в частности переднеазиатские, древности, что едва ли правомерно.

М. Б. Мужухоеву удалось использовать почти все доступные ему материалы, интерпретировать их, показать как общие, так и специфические признаки материальной культуры ингушей в сравнении с культурой соседних северокавказских народов.

Очень кратко М. Б. Мужухоев говорит в своей работе об одежде и тканях, из которых она изготовлялась. Он делает верный вывод о том, «что в XIV—XVIII вв. главным образом была принята холщевая одежда. Наряду с ней (в более позднее время) появляются и шелковые ткани» (с. 73). Распространенность холста объясняется в основном его дешевизной, относительной простотой изготовления. По аналогии с материалами осетинских склепов можно предположить, что шелковые ткани поступали и в Ингушетию преимущественно с Востока — из Ирана, Азербайджана и даже Средней Азии. Вполне вероятно, что шелка попадали на Северный Кавказ

сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилища края.— В сб.: Полевые исследования института этнографии. 1975. М., 1976, с. 79—81.

[5] Основанием для данного вывода служит форма бойниц, представляющих собой узкие отверстия, сделанные, как правило, в специальных нишах. Сама конструкция бойниц не позволяет предполагать, как это делает Х. Д. Ошаев (правда, отмечая исключительность подобных случаев — КЭС, II, Тбилиси, 1968, с. 120), их применения для стрельбы из лука: размеры ниш настолько малы, что в их проем не втиснется плечо лучника.

[6] *Крупнов Е. И.* Предисловие к т. 23 МИА.— МИА, № 23, 1951, с. 11; *его же.* Средневековая Ингушетия, с. 75, 76.

[7] *Закарая П.* Ук. соч., с. 24—31. Как нам кажется, проникновение огнестрельного оружия в Грузию и на Северный Кавказ все же происходило почти единовременно, но масштабы этого проникновения, безусловно, были различными.

[8] Аналогичные сооружения Северной Осетии основательно разграблены, и о выявлении стратиграфии погребений в них, как правило, не может быть и речи. При исследовании инвентаря осетинских усыпальниц нам приходится говорить не о комплексах погребений, а о комплексах склепов.

через тбилисский рынок, так как в XVII—XVIII вв. Тбилиси поддерживал оживленные торговые связи со многими крупными центрами Востока — Шемахой, Баку, Ганджей, Тавризом и т. д.[9], а северокавказские горцы всегда поддерживали связи с Тбилиси.

Датировка целого ряда изделий, бытовавших на протяжении всего средневековья (горские ножи, оселки, пряжки и пр.), вызывает определенные затруднения, но М. Б. Мужухоев, опираясь на стратиграфические данные, в целом успешно решает и эту задачу. Правда, иногда он допускает неточности, например с определением датировки штампованных наперстков. Согласно утверждению М. Б. Мужухоева, они получают широкое распространение на Северном Кавказе начиная с XIV в. (с. 85). Следует, однако, согласиться с выводом В. Б. Виноградова о том, что наперстки, изобретенные голландцем Н. Беншотэном в 1648 г., в 60-х годах XVII в. попадают в Россию и лишь не ранее «последних десятилетий XVII — начала XVIII вв. проникают в быт горцев Северного Кавказа, становясь неотъемлемой принадлежностью швейного гарнитура местных рукодельниц, засвидетельствованного в склепах и прочих погребениях горских племен. Любые попытки более ранней датировки комплексов с наперстками мануфактурно-фабричного дела современного вида и подражаний им в археологии Северного Кавказа (а они простираются вглубь до IX в.) являются тем самым беспочвенными»[10].

Весьма древние традиции имеет в горах Ингушетии и Осетии обработка дерева. А. А. Миллер, ссылаясь на находки точеных кубков в склепах Осетии (XIV—XVIII вв.), высказал мнение, что токарные работы по дереву были широко распространены на Кавказе[11]. Хотя устройство токарного станка в деталях не известно, в существовании его уже в XIII—XIV вв. сомневаться не приходится[12]. О том же говорят и предметы, выточенные на станке и найденные в памятниках домонгольского времени[13]. Для горной Ингушетии существование примитивного токарного станка подтверждается находками деревянной посуды, описанной М. Б. Мужухоевым (с. 81, 82).

Ни один из исследователей, занимавшихся изучением склеповой культуры Северного Кавказа, не обошел стороной вопроса о причинах возникновения склепов. До настоящего времени в литературе бытует несколько точек зрения на этот счет, но любая из них, взятая в отдельности, не решает существа проблемы. М. Б. Мужухоев бесспорно прав, считая, что в возникновении и развитии склепового погребального обряда (и самих склепов) важную роль сыграла не одна определенная причина, а совокупность различных факторов, в данном случае религиозных (культ мертвых) и экономических (острая нехватка земель) и др.

Важным представляется нам вывод автора о существовании различных типов склепов в определенные исторические периоды (с. 101)[14], значительно дополняющий и конкретизирующий эволюционно-типологическую схему развития северокавказских склепов, разработанную Л. П. Семеновым и Г. А. Кокиевым. Материал, анализируемый автором, в целом убеждает нас в том, что некоторые разновидности исследованных им памятников (башен, склепов) Ингушетии являются несколько более древними, нежели осетинские, и возможно, что они получили распространение в Северной Осетии не без влияния ингушских памятников.

Глава IV — «Культовые памятники горной Ингушетии» — интересна не только тем, что в ней приводится обзор почти всех культовых сооружений средневековой

---

[9] *Гамрекели В. Н.* Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968, с. 31.

[10] *Виноградов В. Б.* О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа.— Изв. СК НЦВШ, 1977, № 1, с. 66.

[11] *Миллер А. А.* Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана.— МЭР, т. IV, вып. 1, 1927, с. 74.

[12] По предположению В. А. Кузнецова, станок был достаточно примитивным, вертикальным, с лучковым приводом и резцом типа «ложкаря», найденного в 1962 г. на Верхнем Джулате (*Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 140).

[13] Там же, с. 140, 141.

[14] Подобная же картина вскрывается и на материалах Северной Осетии (*Тменов В. Х.* Ук. соч., с. 55).

Ингушетии (в том числе и вновь выявленных), но и небольшими разделами, посвященными языческим верованиям ингушей. М. Б. Мужухоев рассматривает святилища и храмы, их генетическую и хронологическую взаимосвязь. Нельзя не отметить, что культовые памятники Ингушетии до недавнего времени были слабо изучены. Сведения о них были разрозненны, зачастую недостоверны и противоречивы. Автор по возможности устраняет эти недоразумения. К сожалению, ему не удалось избежать некоторых слишком гипотетических построений. Вводимый автором в научный оборот материал представляет значительный интерес для кавказоведов. Он наглядно показывает напряженную борьбу христианства с язычеством, победу в которой неизменно одерживало язычество, пока и его не сломил ислам.

Определенную настороженность вызывает у нас авторская датировка упомянутых памятников, хотя в целом ее можно признать приемлемой. Мы не останавливаемся здесь на вопросах хронологии христианских храмов Тхаба-Ерды, Алби-Ерды и Таргим. В последние годы они скрупулезно исследовались грузинским археологом Г. Г. Гамбашидзе [15], выявившим вслед за Г. Н. Чубинашвили в храме Тхаба-Ерды три строительных периода, датируемых с IX по XIII—XIV вв. [16] М. Б. Мужухоев датирует Тхаба-Ерды слишком категорично — XII в. (с. 119), с чем трудно согласиться, несмотря на приведенную автором аргументацию.

Языческие святилища горной Ингушетии очень трудно датировать, и автор неоднократно оговаривает это. Эти памятники нуждаются в более полном, комплексном исследовании.

М. Б. Мужухоев прав, называя древнейшими святилищами вайнахов, как и других народов Северного Кавказа, вершины гор, пещеры, рощи и т. п. (с. 123). Судя по первым главам монографии М. Б. Мужухоева, время строительства капитальных оборонительных, погребальных и культовых сооружений падает в основном на XIV—XVII вв. Примерно тем же периодом датирует автор большинство святилищ.

В настоящей рецензии подверглись анализу лишь некоторые из аспектов средневековой истории и археологии Ингушетии, освещенных М. Б. Мужухоевым в своей монографии. Это и не удивительно. Изучение материальной культуры горцев Северного Кавказа в последние годы вступило по существу в новую фазу. Расширился круг исследователей, постоянно вводятся в научный оборот все новые материалы. И если книга М. Б. Мужухоева не свободна от неточностей и заблуждений, это объясняется и новизной темы, и широтой ее охвата, и состоянием источников.

Рецензируемая монография М. Б. Мужухоева в целом является серьезным вкладом в советское кавказоведение. Пусть не со всеми выводами автора мы можем согласиться, но нет никаких сомнений, что он поднимает важные проблемы материальной и духовной культуры одного из древнейших народов Кавказа.

В. Х. Тменов

---

[15] *Гамбашидзе Г. Г.* Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века.— Тезисы докладов IV «Крупновских чтений» по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974; *его же.* К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа.— II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977; *его же.* Из раскопок Тхаба-Ерды.— Декоративное искусство СССР, 1970, № 7, с. 50.

[16] Так же датировал храм и Е. И. Крупнов (*Крупнов Е. И.* Ук. соч., с. 106, 107).

Хроника

VI УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

VI Уральское археологическое совещание состоялось в Нижнем Тагиле 28 марта — 2 апреля 1977 г. после продолжительного перерыва (предыдущее проходило в Сыктывкаре в 1967 г.). За эти десять лет коллектив урало-западносибирских археологов пополнился большим отрядом молодых специалистов, возникло несколько новых археологических центров, увеличился территориальный и хронологический охват исследований, расширился круг разрабатываемых проблем.

В совещании участвовало более 100 ученых из 25 городов. Всего было заслушано 89 докладов.

Ряд докладов представлял собой отчеты о многолетних работах экспедиций — Нижнекамской (О. Н. Бадер), Камской (В. А. Оборин), Камско-Вятской (Р. Д. Голдина), Уральской (В. Е. Стоянов), Северо-Казахстанской (Г. Б. Зданович), Нижне-Тагильской (А. И. Россадович, Ю. Б. Сериков), Заполярной (Л. П. Хлобыстин), Западно-Сибирской (М. Ф. Косарев) и др. Эти доклады продемонстрировали значительные успехи уральской и западносибирской археологии. Исследованы сотни новых памятников разных эпох, уточнены ареалы и хронологические рамки известных культур, открыт ряд новых, охвачены полевыми исследованиями ранее неизвестные или почти неизвестные в археологическом отношении районы (Сургутское Приобье, Таймыр, Петропавловское Поишимье, Кулундинско-Алейские степи и др.).

Как слабое место урало-западносибирской археологии следует отметить продолжающуюся замкнутость местных археологических коллективов, мешающую координации исследований и разработке общих проблем древней истории Урала и Сибири. Историческая интерпретация материала заметно отстает от темпов накопления фактических данных. Мало продвигается вперед комплексное изучение вопросов происхождения современных народов Урала и Сибири. Слабо изучены переходные археологические эпохи, совпавшие с периодами самых важных социально-экономических сдвигов древности, в частности переходное время от неолита к эпохе бронзы и от бронзового века к железному. Мало внимания уделяется разработке экологических аспектов древней истории Урала и Сибири.

Ряд докладов был посвящен проблеме происхождения урало-сибирских культур для отдельных исторических эпох — палеолита (В. Т. Петрин — «Исследование палеолитических памятников в гротах восточного склона Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала»), мезолита (О. Н. Бадер — «Вопросы генезиса урало-сибирского мезолита»), неолита (В. Ф. Старков — «Происхождение неолита лесного Зауралья и Западной Сибири»), периода ранней бронзы (Л. Я. Крижевская — «Эпоха ранней бронзы в Южном Зауралье»), бронзового века (М. Ф. Косарев — «Сложение культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири»), железного века (В. А. Могильников — «Основные линии развития Зауралья и Западной Сибири в эпоху железа»), средневековья (Л. П. Лашук — «Проблемы этногонии древнего населения Крайнего Севера Западной Сибири», В. А. Оборин — «Некоторые проблемы и задачи изучения археологических памятников периода русской колонизации Урала XV—XVIII вв.»).

Характеризуя условия сложения древних урало-сибирских культур и культурных общностей, докладчики избежали влияния старых традиционных схем и исходили из того, что характер историко-культурных процессов на урало-западносибирской территории был чрезвычайно сложным и неоднозначным. Примечательно, что никто из выступавших не поддержал старый тезис о западносибирской культурной общности неолита и бронзового века, лежавший в основе многих прежних выводов и построений.

К этой группе докладов примыкают сообщения В. Т. Ковалевой («Некоторые особенности позднего неолита лесного Зауралья») и Р. С. Габяшева («Поселения с накольчатой керамикой Нижнего Прикамья»). Эти материалы лишний раз показали, что на Урале и в смежных районах Восточной Европы и Западной Сибири с нео-

лита существовали параллельно несколько разных орнаментальных (культурных) традиций, из которых наиболее четко прослеживаются гребенчатая, гребенчато-ямочная и отступающе-накольчатая.

Вопросам генезиса культур переходной эпохи от бронзового века к железному посвящены доклады В. А. Борзунова «Основные проблемы изучения гамаюно-каменногорской культуры», М. Б. Абрамовой и В. И. Стефанова «Среднее Прииртышье в канун железного века», Ю. П. Чемякина «Памятники эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье». Эти сообщения построены на большом новом материале. Докладчики отметили сложность генетических процессов этого периода, тесную взаимосвязь северных и южных компонентов в культурах южнотаежной зоны и северной лесостепи Западной Сибири. Этногенетические процессы, происходившие в железном веке на территории Вычегодского края, анализировались в докладах Э. А. Савельевой «Основные итоги и проблемы изучения железного века Европейского Северо-Востока» и «Первый Веслянский могильник». При этом большое внимание было обращено на выявление черт преемственности между культурами ванвиздинской и вымской. По мнению Э. А. Савельевой, ванвиздинская культура явилась основой для сложения вымской культуры, культуры предков коми-зырян. На наш взгляд, Э. А. Савельева преуменьшает удельный вес угорских элементов в ванвиздинской культуре, выражающихся в большом сходстве ее керамики и ряда деталей погребального обряда с аналогичными категориями угорских культур Западной Сибири, и прежде всего юдинской культуры Зауралья, культуры предков манси.

Итоги изучения кушнаренковских памятников Приуралья подведены в докладе Е. П. Казакова «Керамика кушнаренковского типа из памятников на территории Татарии». Прослежена эволюция форм кушнаренковской керамики от высоких сосудов в ранних комплексах VI—VII вв., открытых на территории Башкирии (Манякский могильник), до самых поздних приземистых форм, представленных в погребениях IX—X вв. Танкеевского могильника. Е. П. Казаков присоединяется к мнению о происхождении комплексов кушнаренковского типа из Сибири, где имеются наиболее близкие аналоги кушнаренковской керамике.

Некоторые доклады были посвящены частным археологическим проблемам. К их числу относится, например, доклад Н. Н. Гуриной «О взаимоотношении прибалтийско-финских ранних культур с культурами Урала в эпоху неолита и бронзы». Докладчик скептически относится к объяснению отдельных элементов сходства в культуре древнего прибалтийского и уральского населения продвижением на запад каких-то уральских групп. Н. Н. Гурина, на наш взгляд совершенно справедливо, не видит в этих сходных элементах (имеется в виду известная близость костяных наконечников стрел, сходство формы сосудов, отдельных черт орнамента) ничего такого, чего нельзя было бы объяснить явлением конвергентного характера. Она считает, что неолитические культуры Прибалтики сложились на местной мезолитической основе и были родственны днепро-донецкой, буго-днестровской и другим южным культурам этого круга.

В докладе В. П. Третьякова «О волосовско-турбинской общности» приведены материалы по статистической обработке волосовских и турбинских орнаментов и каменных изделий. Исходя из их весьма значительного сходства, докладчик достаточно убедительно полагает, что было бы правильнее рассматривать волосовские и турбинские памятники в рамках одной культуры или культурной общности, делящейся на ряд вариантов (чусовской, осинский, средневолжский, окский, верхневолжский). Такой подход — стремление найти в «похожих» культурах комплекс сходных признаков, позволяющих объединять их в общность более широкого порядка (культурную, этническую, историко-культурную и др.),— весьма перспективен.

Несколько докладов было посвящено черкаскульской культуре Урала. Среди них следует выделить сообщение М. Ф. Обыденнова «О датировке черкаскульских памятников в Приуралье». Докладчик изложил материалы поселений и могильников эпохи поздней бронзы, исследованных им в Башкирии. Заслугой М. Ф. Обыденнова и его коллег (здесь мы имеем в виду прежде всего работы Е. П. Казакова в Татарии) является то, что они по существу впервые ввели в научный оборот достоверные материалы, характеризующие погребальный обряд и производственный инвентарь населения Южного Приуралья на поздних этапах бронзового века. Думается, однако, что Е. П. Казаков и М. Ф. Обыденнов недостаточно критично подошли к пониманию черкаскульской культуры К. В. Сальниковым. Нам представляется, что черкаскульская культура входит вместе с сузгунской и еловской культурами Западной Сибири в единый андроноидный культурный массив. К собственно черкаскульской культуре должны быть отнесены памятники с богато орнаментированной андроноидной керамикой, известной по поселениям Черкаскуль II, Новая III и др. Что же касается памятников, рассматриваемых М. Ф. Обыденновым (поселение Старо-Яппарово I, Красногорский I могильник и др.), то они, как и родственные им межовско-березовские и замараевские памятники Зауралья, характеризуют иной круг культур и иную эпоху.

Острую дискуссию вызвал доклад Н. Л. Членовой «О природе черкаскульской культуры». Черкаскульская культура, по мнению Н. Л. Членовой, выросла на карасукоидной и местной, уральской, основах и относится к культурам карасукского

круга. Выступавшие в прениях высказали ряд замечаний; суть их сводится к упрекам в неправомерной методике привлечения карасукских параллелей не по комплексу признаков, а по отдельным элементам сходства, которые отчасти могли возникнуть конвергентно, отчасти объясняются наличием андроновского или андроноидного компонента в черкаскульской, ирменской и карасукской культурах. Возражая против этих замечаний, Н. Л. Членова ссылалась, в частности, на высказывание антрополога А. В. Шевченко о чрезвычайной близости черкаскульского (межовско-березовского) и «классического» карасукского краниологического материала. Однако сам А. В. Шевченко в своем докладе («Еще раз об антропологическом облике черкаскульцев») был не столь категоричен.

Интересную проблему затронул В. А. Посредников в докладе «Некоторые итоги изучения ареала гребенчато-ямочной керамики Зауралья». В последние годы на территории Западной Сибири выявлены сотни памятников разных эпох (от неолита до позднего средневековья), для которых характерна керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией. В свое время М. Ф. Косарев обратил внимание на близость гребенчато-ямочной керамики эпохи неолита и бронзы Западной Сибири восточноевропейской гребенчато-ямочной посуде и высказал мнение об абсолютном несходстве гребенчато-ямочного и отступающе-накольчатого (самусьского) декоративных комплексов Западной Сибири. Это обстоятельство заставило предполагать восточноевропейское происхождение носителей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. В своем докладе В. А. Посредников сообщил некоторые новые данные в пользу этой точки зрения. Думается, однако, что приведенные им данные по-прежнему недостаточны для определенных категорических выводов. Не исключено, что гребенчато-ямочные культуры Восточной Европы и Западной Сибири выделились на основе единого субстрата, где-то в «промежуточном» районе, и их распространение на обеих территориях шло в целом одновременно. Возможен и другой вариант: распространение гребенчато-ямочного орнаментального комплекса шло не с запада на восток, а с востока на запад. Ведь неолит большей части Западно-Сибирской равнины совершенно неизвестен, и мы пока не в состоянии судить, как далеко в древность уходят здесь ранние этапы гребенчато-ямочной орнаментальной традиции.

В ряде докладов были рассмотрены вопросы периодизации древних культур (Т. М. Гусенцова — «Относительная хронология и культурная принадлежность мезолитических памятников Камско-Вятского междуречья»; В. И. Молодин — «Стратиграфия памятников эпохи бронзы лесостепной Барабы»; Т. М. Потемкина — «О типологии и хронологии керамических комплексов эпохи бронзы в Среднем Притоболье»). Н. В. Федорова в докладе «Итоги четырехлетнего изучения средневековых поселений Барсовой горы» с некоторыми хронологическими уточнениями в основном подтвердила схему развития культур Нижнего Приобья, изложенную В. Н. Чернецовым [1], и датировала этапы — первый, соответствующий в культурном отношении ярсалинскому, I—V вв. н. э., второй, соответствующий карымскому, V—VIII вв. и третий, соответствующий оронтурскому, VIII—X вв. Абсолютная датировка материала с поселений Нижнего Приобья представляет большие трудности ввиду малого количества металлических датирующих вещей на памятниках и длительного переживания архаических черт в глиняной посуде. Эти обстоятельства крайне затрудняют определение абсолютного возраста керамических комплексов и порождают разногласия. В прениях по докладу Н. В. Федоровой Л. А. Чиндина отметила, что первый этап предложенной периодизации относится к раннему железному веку. В. А. Оборин полагает, что в подобных докладах, опираясь на археологический материал, следует придерживаться общеисторической периодизации.

Дискуссионным вопросам хронологии культуры лесных племен Среднего и Верхнего Приобья был посвящен доклад Т. Н. Троицкой «О датировке фоминского и переходного этапов верхнеобской культуры». Т. Н. Троицкая датировала фоминский этап II в. до н. э.— II в. н. э., т. е. подтвердила дату этого этапа, предложенную В. Н. Чернецовым [2]. Переходный этап датируется III в. н. э., и вслед за ним следует одинцовский этап. Очень близкий фоминскому в культурном и хронологическом отношениях материал доложила Л. А. Чиндина в докладе «Саровское городище и его место среди памятников Приобья», указав, что керамика саровского типа на рубеже нашей эры очень широко распространилась до Нижней Оби и Таза. Причины широкого распространения этой керамики в указанный период пока не получили должной интерпретации. Вряд ли их можно объяснить только демографическим фактором — ростом населения и связанным с этим расселением носителей саровской керамики. Продвижение их на юг было, вероятно, в значительной мере обусловлено общим увлажнением климата в раннем железном веке и связанным с этим увеличением облесенности районов лесостепи и степи. К тому же первые века нашей эры совпадают с началом великого переселения народов, передвижениями племен, приведшими к запустению некоторых районов лесостепи, что благоприятствовало продвижению сюда с севера лесных племен. Распространение лесного ландшафта в лесостепи ухудшало условия для занятия скотоводством. Поскольку

---

[1] *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э.— МИА, № 58, 1957.

[2] *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье.— МИА, № 35, 1953, с. 229.

ку скотоводство являлось основой хозяйства лесостепного населения, изменение ландшафта вызывало отступление последнего к югу. Примечательно, что наиболее северные памятники лесостепных культур в Тобольском Прииртышье, Новосибирском и Томском Приобье относятся к IV—III, III—II вв. до н. э. (курганы Потчевашские, Тюковской, Савинский, Новый Шарап, Ордынские, поселение Шеломок II и др.) и в более поздний период здесь неизвестны. Распространение керамики саровского типа в Нижнее Приобье происходило в родственной этнической среде, но возможно также, что присутствие ее в таежном Среднем и Нижнем Приобье обусловлено распространением здесь элементов более древнего, предшествующего хронологически единого субстрата.

В докладе «Хронология могильников саргатской культуры» Л. Н. Корякова с помощью методов математической статистики подтвердила правильность датировки основных хронологических этапов этой культуры, выделенных В. А. Могильниковым, а также проследила динамику развития культуры и вычленила комплексы III—II вв. до н. э. и II—III вв. н. э. Последние соответствуют третьему этапу развития саргатской культуры по периодизации В. А. Могильникова.

В сообщении М. А. Дэвлет «О датировке антропоморфных изображений Писаного Камня на р. Вишере» обращено внимание на черты сходства личин Писаного Камня с личинами Мугур-Саргола в Саянской трубе Енисея и с писаницами, обнаруженными А. В. Дроздовым при впадении Ангары в Енисей. В основном она датирует рассматриваемые вишерские антропоморфные изображения бронзовым веком. Вопросы датировки иткульской культуры Зауралья рассматривались в докладе Г. В. Бельтиковой «Иткульские поселения VII—III вв. до н. э.», где был дан также анализ керамики и определен ареал этой культуры. Хронологии предметов звериного стиля, в частности изображений медведя, был посвящен доклад К. И. Корепанова «К вопросу о зверином стиле Прикамья в эпоху железа».

Ряд сообщений был связан с использованием в археологии методов и результатов естественных наук. Весьма интересным был коллективный доклад палеогеографов Н. А. Хотинского, В. К. Немцева, Л. Д. Никифорова, Т. Г. Сурова «Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене». Авторы пришли к заключению, что в пределах Зауралья и Западно-Сибирской равнины за последние 4,5 тыс. лет не было сколько-нибудь существенных климатических изменений, которые могли бы повлечь за собой заметное изменение ландшафтного облика этой территории. Это высказывание вызывает ряд возражений. Исследованиями К. В. Сальникова, М. Ф. Косарева, В. Ф. Генинга, Г. Б. Здановича, Т. М. Потемкиной и др. с достаточной определенностью установлено, что топографическая приуроченность древних поселений на юге Западно-Сибирской равнины зависела: в переходное время от неолита к бронзовому веку от сравнительно высокого уровня воды в реках и озерах, в бронзовом веке — от низкого, а в эпоху раннего железа — вновь от высокого.

В докладе Е. Г. Андреевой «Домашние и дикие животные разных археологических эпох по костным остаткам из раскопок памятников Верхнего и Среднего Прикамья» рассмотрено соотношение охоты и скотоводства у населения Прикамья эпохи железа и дан анализ характера животноводства. Начиная с ананьинской эпохи (данные более ранних периодов очень ограниченны), скотоводство у населения Верхнего и Среднего Прикамья было более важной отраслью хозяйства, чем охота. Среди костей диких животных преобладают кости пушного зверя, что говорит о большой роли пушной охоты. В скотоводстве прослеживается тенденция постепенного уменьшения количества лошадей и возрастание числа крупного рогатого скота в стаде. Биометрическая обработка промеров некоторых костей лошади и крупного рогатого скота показала небольшое увеличение размеров животных, что объясняется улучшением кормления и содержания и примитивным отбором.

Ряд докладов был посвящен изучению древней и средневековой металлургии и металлообработки. В докладе «Очаги металлообработки в Волго-Камье в раннем железном веке» С. В. Кузьминых выделил два очага металлообработки, названные им анальинским и акозинским. Первый связан с металлообработкой собственно ананьинского населения Среднего Поволжья, Прикамья, Вятки и Белой. Второй характеризует металлообработку населения культуры текстильной керамики Среднего Поволжья и Нижней Оки. Привлекая к результатам анализа металлообработки данные горизонтальной стратиграфии ананьинских и акозинско-меларских кельтов Ахмыловского могильника, докладчик высказал сомнение в принадлежности памятников Средней Волги одной культуре.

С. А. Днепров в сообщении «Приемы металлургов черной металлургии Холмогорского могильника» показал знакомство мастеров, изготовивших вещи холмогорского комплекса, с разнообразными технологическими приемами — ковкой, пакетной сваркой, цементацией. В состав холмогорского комплекса, обнаруженного в Обь-Пуровском междуречье нефтяниками, о чем доложила Н. В. Федорова, входили вещи разного времени от раннего железного века до средневековья: кинжалы с кольцевым и волютообразным навершием, обломки котла скифского типа с фрагментами черепа человека под ними; ножи, наконечники стрел, остатки пояса, бронзовые личины, антропоморфные, птицевидные и змееобразные фигуры, бусы и др. Состав находок указывает на то, что здесь было жертвенное место, существовавшее дли-

тельный период. Присутствие фрагментов черепа человека также, очевидно, связано с ритуалом, так как человеческие жертвоприношения в прошлом производились обскими уграми. Указанные технологические приемы представлены на вещах уже раннего железного века.

Изложение результатов изучения металлургического производства первых русских поселенцев на Урале заняло большое место в докладе А. И. Россадович «Освоение русскими Урала по данным археологии». Археологические исследования были произведены на местах расположения заводов XVII в.— Ницынского, Томашевских, завода Долматовского монастыря в Каменск-Уральске. Обнаружены крицы, сопла, шлаки, ножи, керамика. На Кокуй-городке, месте первой зимовки дружины Ермака по пути в Сибирь, открыт развал железоплавильной кирпичной домницы, устроенной в деревянном срубе, и около нее шлаки, крицы, известняк. Возможно, эта домница относится к более позднему времени, чем зимовка Ермака. Остатки ремесленного производства времен Ермака выявлены на Ермаковом городище и Кокуй-городке.

Часть докладов носила методический характер. Здесь внимание археологов привлекло сообщение И. В. Калининой «Неолитическая керамика Прикамья». Она сообщила о результатах своих исследований по структурно-системному подходу к типолого-хронологической и культурной классификации неолитических сосудов. Доклад прозвучал весьма актуально, так как методика формально-статистической обработки массового керамического материала, предложенная кабинетом археологии Уральского университета во главе с В. Ф. Генингом, не вполне оправдала надежды археологов. Разработанная ими методика оказалась более или менее приложимой к посуде с простой и относительно стандартной декоративной схемой, но оказалась практически неприемлемой для керамики с более сложной орнаментацией — типа логиновской, самусьской и др. Не всегда удачный выбор основных показателей, их нарочитое, часто произвольное усреднение, расчленение орнаментальных комплексов на отдельные декоративные элементы, игнорирование общей и региональной историко-культурной ситуации не способствовали объективности выводов. Практически не было случая, чтобы приведенная в действие громоздкая статистическая бухгалтерия не подтвердила предварительных выводов, сделанных до начала статистической обработки материала.

Структурно-системный подход к статистической обработке керамики, разрабатываемый И. В. Калининой, как будто максимально снижает элементы субъективности в классификации керамики. И. В. Калинина стремится оперировать не усредненными показателями, а комплексами признаков, декоративными схемами, орнаментальными композициями, рассматриваемыми вместе с другими комплексами признаков, в их историческом развитии, на определенном историко-культурном фоне. Комплексность, историчность и многоплановость подхода выгодно отличает направление исследования, начатого И. В. Калининой, от направления, избранного школой В. Ф. Генинга.

К числу докладов методического характера можно с некоторыми оговорками отнести доклад В. И. Матющенко «О понятии «энеолит» применительно к таежной части Сибири». В. И. Матющенко считает, что термин «энеолит» для западносибирской тайги неприемлем, так как нет «сколько-нибудь основательных доказательств знакомства таежного населения Приобья III тысячелетия до н. э. с производящими формами экономики». Данные о знакомстве таежного западносибирского населения рубежа III и II тысячелетий до н. э. с бронзовыми изделиями В. И. Матющенко вообще не рассматривает, так как, по его мнению, «для обсуждаемой проблемы это не имеет существенного значения». Указанные выше соображения позволили ему прийти к выводу, что время, отведенное В. Н. Чернецовым и О. Н. Бадером для энеолитической эпохи в Зауралье и Западной Сибири (последние века III — начало II тысячелетия до н. э.), следует считать неолитом, за которым следует самусьско-сейминская эпоха с высокоразвитым бронзолитейным производством. Можно согласиться с тем, что термин «энеолит» в его классическом понимании неприемлем для таежной зоны Западной Сибири, но получилось так, что, отрицая термин, В. И. Матющенко счел возможным игнорировать существование переходной эпохи между неолитом и бронзовым веком — эпохи достаточно длительной, чрезвычайно сложной и необычайно важной для понимания общей экологической, историко-культурной и социально-экономической обстановки, обусловившей сложение культур эпохи бронзы. Для западносибирской тайги эта переходная эпоха отмечена, в частности, усилением влияния южных культур и проникновением на север элементов производящей экономики, возрастанием роли рыболовства и переходом к более оседлому быту, появлением медных, а затем бронзовых изделий, транформацией остродонной и круглодонной керамики в плоскодонные баночные сосуды, активным внедрением в местную орнаментацию солярной символики и т. д. Нам представляется, что этот период, характеризуемый активным накоплением новых качеств, было бы правильнее назвать не «энеолитом» (как предложили В. Н. Чернецов и О. Н. Бадер) и тем более не неолитом (как предлагает В. И. Матющенко), а эпохой раннего металла или переходным временем от неолита к бронзовому веку; такая формулировка, несмотря на ее громоздкость, наиболее верно отражает существо эпохи, разделяющей неолит и бронзовый век таежной полосы Западной Сибири.

В докладе Л. М. Плетневой «К вопросу о методике исследования и обработке материала многослойных памятников» изложение было построено в основном на примере анализа керамики Кижирова городища, соотношении различной керамики на площади городища. Предложенный метод нуждается в дальнейшей разработке и обосновании.

В подавляющем большинстве остальных докладов были изложены результаты раскопок отдельных памятников и групп памятников или затронуты какие-нибудь частные вопросы. К числу последних относится сообщение Р. Б. Исмагилова «К вопросу о выделении мечей марычевского типа», где рассмотрены вопросы происхождения, распространения и датировки мечей с птичьими головками на навершии рукояти. Основной ареал распространения таких мечей докладчик видит в самаро-уральском варианте савроматской культуры и считает, что к началу V в. эти мечи выходят из употребления. Параллели этим мечам автор усматривает в сакских мечах казахстанско-алтайской серии и мечах из Минусинской котловины. Р. Б. Исмагилов считает, что исходные образцы этих мечей происходят из одного источника за пределами Европы и Сибири.

Из докладов, посвященных характеристике отдельных памятников или комплекса памятников, следует упомянуть сообщения В. А. Кананина («Исследования средневекового городища Шудья-Кар в верховьях р. Камы»), А. С. Шемякиной («Культурные традиции в Прииртышских памятниках I тысячелетия н. э.»), И. А. Сыркиной («Городище Базабырь») и др.

Особняком стояло сообщение Е. М. Берс, доложившей о подготовленной ею работе «Археологическая карта междуречья Исети и Миасса», в которой собраны сведения о 368 археологических памятниках (по состоянию исследованности на 1968 г.), рассеянные в различных источниках. В прениях по сообщению Е. М. Берс была отмечена необходимость публикации собранного Е. М. Берс материала.

Большая часть докладов и сообщений, прочитанных на совещании, активно обсуждалась, а по основным рассматриваемым проблемам была проведена плодотворная дискуссия.

Следует особо отметить прекрасную организацию совещания, что способствовало его успешному проведению. VII Уральское археологическое совещание решено созвать в г. Ижевске в 1980 г.

М. Ф. Косарев, В. Л. Могильников

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник
АН — Архитектурное наследство
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АрОКМ — Архангельский областной краеведческий музей
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
БД — Бактрийские древности. Л., 1976
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВКАЭ — Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМГ — Государственный музей Грузии. Тбилиси
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ВДИ — Вестник древней истории
ВОН — Вестник общественных наук
ДАН — Доклады Академии наук СССР
ДПК — Древние памятники Кавказа. Тбилиси
ЗРГО — Записки Русского географического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии
ИЗ — Исторические записки
Изв. Тамбов. УАК — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии
ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КЭС — Кавказский этнографический сборник
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛО СНРПМ — Ленинградская областная специальная научно-реставрационная мастерская объединения «Реставрация»
МАД — Материалы по истории Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАХ — Научно-исследовательский музей Академии художеств СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по археологии туркмен и Туркмении
МКА — Материальная культура Азербайджана. Баку
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
МЭР — Материалы по этнографии России. Ленинград
НСАИ — Научная сессия по археологическим исследованиям
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПИМК — Памятники истории материальной культуры
Працы III — Труды секции археологии Института археологии Белорусской Академии наук
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СИХМ — Серпуховской историко-художественный музей
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
Сл. РЯ XI—XVII вв.— Словарь русского языка XI—XVII вв.
СЭ — Советская этнография
ТГИМА — Труды Государственного исторического музея Армении. Ереван
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
Тр. ОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа

ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТХАЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Ашхабад
УЗИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы. Махачкала
УИМ — Указатель Исторического музея (в Москве), год издания 1893
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AuF — Ausgrabungen und Funde
AS — Anatolian Studies. London
JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
Pr. Arch.— Prace archeologiczne
SlA — Slovenska archeologia
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. **Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.**

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Сноски помещаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная. Сноски также печатаются через два интервала.

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

I. Книги

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 150.
2. Там же, с. 160.
3. Lacy A. D. Greek pottery in the bronze age. London, 1967; Montelius O. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig, 1906. idem. Die tipologische Methode. Stockholm, 1903.
4. Lacy A. D. Op. cit., p. 12.

II. Журналы и продолжающиеся издания (Труды, Ученые записки, Известия, Сообщения и т. п.)

1. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2, с. 193.
2. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, № 252. Серия истории искусств, вып. 29, 1958; Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
3. Kutscher G. Nordperuanische Keramik,— MA, Bd. 1 1954. Abb. 80; Boul M. I'Art prehistorique dans les Pyrenees. Nouvell decouvert.— L'Anthropologue, 1923, t. 33, № 4, p. 441.

III. Сборники

1. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 3; Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы.— Там же, с. 152.
2. Perkins A. The Relative Chronology of Mesopotamia.— In: Relative Chronologies in Old world Archaeology. Chicago, 1965, p. 145.

IV. Рецензии

Черных Е. Н. Рец.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.— СА, 1976, № 3; Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.— In: East and West. Roma, 1973, vol. 23, № 1—2, p. 204, 205.

V. Авторефераты диссертаций

Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1968; Аскаров А. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962.

VI. Архивные материалы

а) диссертации

Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). Канд. дис. М., 1966. Архив ИА АН СССР, р — 2, № 1959, с. 40.

б) отчеты

Петренко В. Н. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4876.

в) отчеты за разные годы одного автора

Крушкол Ю. С. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р — 1, № 4264, погр. 2, 4; 1970 г. р — 1, № 4310, погр. 23; 1972 г. р — 1, № 4859.

г) повторная ссылка на отчет

Крушкол Ю. С. Ук. отчет за 1970 г., с. 20.

VII. Повторное упоминание работ одного автора

1. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964; его же. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, № 64, 1958, с. 290.
2. Смирнов К. Ф. Меотский могильник..., с. 20.
3. Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 10.

VIII. Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

АО — 1969, М., 1970
АИУ — 1970, Киев, 1972
АИМ — 1968, Кишинев, 1970
ОАК за 1900 г. СПб., 1901, с. 42.

IX. Оформление сборников типа МИА, КСИА, КСИИМК

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.– МИА, № 83, 1960, с. 75 сл.; *Никитин А. В.* Раскопки в Великом Устюге.— КСИА АН СССР, № 96, 1963; *Белов Г. Д.* Раскопки Херсонеса в 1955 г.– КСИА АН УССР, № 7, 1959; *Киселев С. В.* Лугавская стоянка.— КСИИМК, XXV, 1949.

Сноски печатаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается **постатейная** (сквозная). Сноски печатаются через два интервала (как и текст статьи).

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следует давать на языке оригинала.

6. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страницу машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в 2 экз.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

9. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

10. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.01.79. Подписано к печати 29.03.79 Т-01258 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Уч.-изд. л. 28,3 Бум. л. 9,5 Тираж 3500 экз. Зак. 1434

Издательство «Наука», 103717, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10